ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 19, № 5, 2026

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
5.2.1. Экономическая теория
5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
5.2.4. Финансы
5.2.5. Мировая экономика
5.4.1. Теория, методология и история социологии
5.4.2. Экономическая социология
5.4.3. Демография
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
5.4.5. Политическая социология
5.4.6. Социология культуры
5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)
Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)
Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)
Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)
Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)
Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)
Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)
Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)
Кшиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)
Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)
Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)
Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)
Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)
Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)
Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)
Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)
Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)
Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)
Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)
Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)
Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)
Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)
Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)
Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)
Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)
Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: **http://esc.volnc.ru**

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2026

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES



ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 19, no. 5, 2026

The journal was founded in 2008

Publication frequency: six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:
5.2.1. Economic theory
5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
5.2.3. Regional and sectoral economy
5.2.4. Finance
5.2.5. World economy
5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
5.4.2. Economic sociology
5.4.3. Demography
5.4.4. Social structure, social institutions and processes
5.4.5. Political sociology
5.4.6. Sociology of culture
5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:
Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor.Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzin Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Türkiye)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: **http://esc.volnc.ru**

© VolRC RAS, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Российский избиратель поддержал курс национально ориентированного развития, реализуемого Президентом, при сигналах о накапливающихся проблемах в регионах 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В. Эрозия и деградация институтов: общая теория и исторические прецеденты 47

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Лаженцев В.Н. Проблемы формирования экономических ресурсов регионального управления в современных условиях российского федерализма 70

Кувалин Д.Б., Воробей Е.К., Семикашев В.В., Будник А.С., Гайворонская М.С. Горнолыжный туризм как фактор социально-экономического развития регионов Российской Федерации: возможности и проблемы 83

Кириллова С.А., Гайнанов Д.А. Оценка места и роли российско-казахстанского приграничья в стратегических приоритетах России и Казахстана 104

Калашников К.Н. Проблемы потребления продуктов питания населением региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности 121

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Лукин Е.В., Сидоров М.А. Трансформация цепочек создания стоимости в черной металлургии Вологодской области: межотраслевой подход 141

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Душенин А.И., Ибрагимов Н.М., Ершов Ю.С., Суслов В.И. Структурный анализ региональной экономики на основе гибридной методологии регионализации таблиц «затраты – выпуск» (на примере Новосибирской области) 163

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Коровин Г.Б. Искусственный интеллект в организациях Российской Федерации: тенденции и региональные модели внедрения 182

Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Хаценко Е.С. Специфика связи ИКТ-инвестиций с производительностью труда в Арктической зоне РФ в сравнении с общероссийскими тенденциями 199

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Сушко П.Е., Коленникова Н.Д. Пространственная мобильность и субъективный статус россиян: динамика и особенности взаимосвязи 214

Ворошилов Н.В. Инфраструктурный фактор в развитии сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа: от анализа специфики к формированию стандартов качества жизни населения 231

Васильева Е.В. Политика активного долголетия в регионах России: региональные программы и измерение динамики их развития 252

Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В. Региональные и социально-демографические различия в восприятии социально-бытовых проблем, их связь с объективными региональными характеристиками 270

Шубат О.М., Кобец И.В., Харитонов К.А. Риски нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости в российских регионах 289

МИРОВОЙ ОПЫТ

Чжоу Ю., Воробьева О.Д. Межпровинциальные миграционные потоки в Китае в 1996–2020 гг.: эволюция и прогноз 305

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 322

Правила приёма статей 334

Информация о подписке 335

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Russian Voters Backed the President's Course of Nationally Oriented Development Despite Signals of Accumulating Problems in the Regions 9

PUBLIC ADMINISTRATION

Balatsky E.V. Institutional Erosion and Degradation: A General Theory and Historical Precedents 47

REGIONAL ECONOMICS

Lazhentsev V.N. Formation of Economic Resources for Regional Governance in the Modern Conditions of Russian Federalism 70

Kuvalin D.B., Vorobey E.K., Semikashev V.V., Boudnik A.S., Gayvoronskaya M.S. Ski Tourism as a Factor in the Socio-Economic Development of Russia's Regions: Opportunities and Challenges 83

Kirillova S.A., Gainanov D.A. Assessing the Place and Role of the Russian-Kazakhstan Borderlands in the Strategic Priorities of Russia and Kazakhstan 104

Kalashnikov K.N. Problems of Food Consumption by the Region's Population in the Context of Ensuring Food Security 121

BRANCH-WISE ECONOMICS

Lukin E.V., Sidorov M.A. Transformation of Value Chains in Ferrous Metallurgy of the Vologda Region: An Input-Output Approach 141

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Dushenin A.I., Ibragimov N.M., Ershov Yu.S., Suslov V.I. Structural Analysis of the Regional Economy Based on a Hybrid Methodology for Regionalizing Input-Output Tables (a Case Study of the Novosibirsk Region) 163

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Korovin G.B. Artificial Intelligence in Organizations of the Russian Federation: Trends and Regional Adoption Models 182

Baranov S.V., Skufina T.P., Khatsenko E.S. The Specifics of the Relationship between ICT Investment and Labor Productivity in the Arctic Zone of the Russian Federation Compared with Nationwide Trends 199

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Sushko P.E., Kolennikova N.D. Spatial Mobility and Subjective Social Status in Russia: Dynamics and Interconnections 214

Voroshilov N.V. Infrastructure Factor in the Development of Rural Territories of the Northwestern Federal District: From Analyzing Specifics to Designing Standards of the Population's Quality of Life 231

Vasilyeva E.V. Active Aging Policy in Russian Regions: Regional Programs and Measuring Their Development Dynamics 252

Gavrilets Yu.N., Kudrov A.V., Tarakanova I.V. Regional and Socio-Demographic Differences in the Perception of Social and Everyday Problems and Their Relationship with Objective Regional Characteristics 270

Shubat O.M., Kobets I.V., Kharitonov K.A. Risks of Non-Dissemination of Corporate Practices to Support Fertility in Russian Regions..... 289

GLOBAL EXPERIENCE

Zhou Yu., Vorobieva O.D. Inter-Provincial Migration Flows in China, 1996–2020: Evolution and Forecast 305

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society..... 322

Manuscript Submission Guidelines 334

Subscription Information..... 335

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.1
УДК 354, ББК 66.03
© Ильин В.А., Морев М.В.

Российский избиратель поддержал курс национально ориентированного развития, реализуемого Президентом, при сигналах о накапливающихся проблемах в регионах



Владимир Александрович
ИЛЬИН
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017



Михаил Владимирович
МОРЕВ
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. С 18 по 20 сентября 2026 года в России прошли выборы в Государственную Думу IX созыва – первая парламентская избирательная кампания, которая проводилась в условиях специальной военной операции. Результаты голосования показали, что большинство российских избирателей продолжают поддерживать курс национально ориентированного развития, реализуемого Президентом РФ В.В. Путиным уже более 25 лет: по сравнению с предыдущими выборами явка избирателей увеличилась на 10 млн человек (с 57 до 67 млн), а количество голосов, отданных в поддержку партии власти «Единая Россия» – на 11 млн (с 28 до 39 млн). В целом итоги выборов объективно отражают ситуацию в стране: не только консолидацию общества в условиях нарастающих внешних угроз национальной безопасности, но и качественную работу органов власти, Государственной Думы по обеспечению функционирования системы

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2026). Российский избиратель поддержал курс национально ориентированного развития, реализуемого Президентом, при сигналах о накапливающихся проблемах в регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 9–46. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2026). Russian voters backed the President's course of nationally oriented development despite signals of accumulating problems in the regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 9–46. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.1

государственного управления в форс-мажорных условиях, продиктованных продолжающейся специальной военной операцией. Вместе с тем углубленный территориальный анализ прошедшего голосования позволяет говорить, что в российском обществе продолжает нарастать запрос к власти относительно более решительных действий по приведению жизни в стране в соответствие с декларируемыми принципами социальной справедливости, приоритета духовного над материальным, создания «общества, в котором хочется жить и работать». Реальные факты из жизни свидетельствуют о том, что в России сохраняется широкий комплекс проблем, связанных с существованием «капитализма для своих» в государстве и с проистекающей из него капиталистической системой ценностей в обществе. Наличие таких проблем, как рост коррупции и взяточничества в среде правящих элит (политических, экономических и т. д.), широкое транслирование прозападных ценностей общества потребления в массовой культуре, несовершенство ряда ключевых структурных моментов в системе государственного управления и т. д., вызывает тревогу и диссонанс в общественном мнении большинства россиян, выражаясь в непонимании перспектив завтрашнего дня и, отчасти, политики государства, создающего условия для накопления, а не разрешения этих противоречий. Запрос общества на их разрешение адресован прежде всего главе государства и всей политической системе, и его также продемонстрировали выборы в Государственную Думу РФ, подтверждая многочисленные оценки экспертов и результаты социологических опросов населения. В ходе анализа итогов голосования авторы статьи обращаются к официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ; приводят мнения политологов, экономистов, представителей органов власти и экспертов из других сфер деятельности; используют результаты мониторинга общественного мнения, реальные факты из жизни, создавая таким образом «фотографию» сегодняшнего дня, объективно отраженную через итоги крупнейшего внутриполитического события года в России. Научная новизна исследования заключается в систематизации и интерпретации масштабных данных о результатах последних пяти парламентских избирательных кампаний, прошедших за период с 2007 по 2026 год, что позволило сделать важные выводы о специфике и перспективах взаимоотношений государства и общества – двух ключевых и неразрывно связанных друг с другом субъектов политического процесса. Авторы рассматривают выборы прежде всего в историческом контексте, анализируя их в масштабах всего исторического пути, которым идет Россия в ходе реализации общего курса национально ориентированного развития под руководством Президента РФ.

Ключевые слова: выборы в Государственную Думу, общественное мнение, система государственного управления, общество, элиты.

Новая экономическая модель ***по определению должна иметь глобальное измерение****: и в смысле использования «внешних» трудовых и производственных ресурсов, и в социальном отношении –* ***сформировать общество, в котором хочется жить и работать****.*

Д.Р. Белоусов[1]

В сентябре 2026 года в России состоялись выборы в Государственную Думу РФ. Это была первая парламентская избирательная кампания с момента начала проведения специальной военной операции и первый крупномасштабный общефедеральный «срез» общественного мнения относительно оценки деятельности власти, реализуемого ею курса национального развития страны, с момента выборов Президента РФ 17 марта 2024 года.

[1] Белоусов Д.Р. Некоторые узлы экономической и политической повестки: следующие двадцать лет: доклад на научно-практической конференции «Россия и новая многополярность: от идеи к реальности». 6 октября 2026 г. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/202609CKMI.pdf

Дмитрий Рэмович Белоусов – заместитель генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Главный итог прошедшего голосования – поддержка большинством российских избирателей курса национального развития, реализуемого Президентом РФ, что выразилось и в увеличении явки избирателей на 10 млн чел. (с 57 до 67 млн по сравнению с парламентскими выборами 2021 года), и в росте поддержки партии «Единая Россия» на 11 млн чел. (с 28 до 39 млн).

> «Предвыборная кампания проходила достойно, была содержательной, конструктивной и показала **высокий уровень зрелости отечественной политической культуры…**
>
> Высокая явка обеспечила бесспорную, безусловную легитимность выборов… «Единая Россия» упрочила своё лидерство, а это значит, что **ответственность за ход, за динамику законодательного процесса, за общий результат станет ещё выше**»[2].

Отметим, что внутриполитические события подобного масштаба необходимо рассматривать не только с точки зрения положения России на международной арене, в контексте беспрецедентных угроз национальной безопасности, с которыми страна сталкивается на протяжении уже более четырех лет с момента начала специальной военной операции (СВО), а в более широком, историческом контексте.

СВО представляет собой для России конкретный исторический этап, который следует анализировать **в более длинной «цепочке» событий, именуемой курсом национального развития под руководством Президента РФ В.В. Путина.** «Звеньями» этой «цепочки» являются:

- ✓ окончание войны в Чечне в 2000 году[3], которая продолжалась с 1994 года; уничтожение «террористического гнезда на Северном Кавказе, которое Запад практически открыто поддерживал»[4];
- ✓ преодоление «семибанкирщины» (отстранение от власти наиболее влиятельных олигархов) и период ликвидации негативных последствий «лихих 90-х» в основных сферах жизни: экономике, политике и т. д.;
- ✓ «мюнхенская речь» Президента РФ 10 февраля 2007 года, где В.В. Путин публично заявил о *«губительности»* однополярной модели мира и о намерении России *«проводить независимую внешнюю политику»* (на Западе «мюнхенскую речь» В.В. Путина оценили как *«самое мощное наступление на США за все семь лет президентства»*[5]);
- ✓ последующая эскалация международных отношений с блоком НАТО, включая государственный переворот на Украине 22 февраля 2014 года, который привел к власти марионеточный для Запада режим (проект «Анти-Россия»); был создан плацдарм, по сути, для шестой волны расширения НАТО на восток[6];
- ✓ «Крымская весна» – вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации 21 марта 2014 года[7], что привело к росту патриотических настроений и способствовало консолидации общества вокруг президента и государства;

---

[2] Выступление В. Путина на встрече с руководителями партий 28 сентября 2026 г. // Официальный сайт Президента РФ. 28.09.2026. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/80874

[3] 20 апреля 2000 г. было объявлено об окончании боевых действий и переходе в режим контртеррористической операции. Контртеррористический режим официально был отменен 16 апреля 2009 г.

[4] Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695

[5] Как мировые СМИ отреагировали на мюнхенскую речь Путина 10 лет назад // РБК. 10.02.2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/02/2017/589c685e9a794740bb9e8e7c?ysclid=m8qxmueb6g832368835

[6] Первая волна (1999 год). 12 марта в НАТО вступили Венгрия, Польша и Чехия. Это стало первым случаем, когда в альянс вошли бывшие страны Варшавского договора; с этого момента принято отсчитывать расширение блока на восток.

Вторая волна (2004 год). 29 марта к альянсу присоединились семь стран: Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. После этого НАТО вплотную приблизилась к границам России.

Третья волна (2009 год). В альянс вошли Албания и Хорватия.

Четвёртая волна (2017 год). Членство получила Черногория.

Пятая волна (2020 год). В НАТО вступила Северная Македония.

[7] 16 марта 2014 г. в ходе референдума за вхождение в состав РФ высказались 95,6% (262 041 избирателей) в Севастополе и 96,77% (1 233 002 избирателей) в Крыму. Явка составила 89,5 и 83,1% соответственно.

21 марта 2014 г. был утвержден 6-й Федеральный конституционный закон «О принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь».

✓ и, наконец, специальная военная операция, начавшаяся 24 февраля 2022 года, как вынужденный ответ России на игнорирование Западом официальных требований по обеспечению правовых гарантий национальной безопасности[8] и одновременно для «защиты людей [жителей Донбасса], которые на протяжении восьми лет подвергались издевательствам, геноциду со стороны киевского режима»[9].

Вот те исторические вехи, этапы, которые проходила и проходит наша страна на пути к преодолению, по сути, последствий распада СССР – попадания в глубокую, тотальную зависимость от Запада с точки зрения всех основных сфер жизни: политики, экономики, культуры и даже ценностного мировоззрения граждан[10].

С самого начала СВО, представляющей собой активную фазу, возможно, кульминацию борьбы России за сохранение своего национального суверенитета, представители западного политического истеблишмента открыто и недвусмысленно заявляли о своих планах на «стратегическое поражение России», начали проводить беспрецедентную санкционную политику в отношении нашей страны, стали говорить о перспективах прямого вооруженного столкновения между Россией и блоком НАТО... **Эта стратегия Запада никуда не делась, она реализуется и сейчас, и она изначально была рассчитана на долгосрочный эффект; на 2030-й или, возможно, 2036-й годы, когда в России будут проходить президентские выборы.**

Следующая федеральная избирательная кампания – это уже как раз выборы Президента 2030 года, и чем ближе мы к этому периоду, тем актуальнее вопрос о сохранении внутренней социальной стабильности в России; о достижении внутреннего доверительного консенсуса между обществом и государством. Именно об этом (а не только о составе Государственной Думы на ближайшие 6 лет) были парламентские выборы 2026 года.

Обращаясь к россиянам накануне трехдневного голосования, В.В. Путин отметил, что «*столь масштабная кампания проводится в условиях специальной военной операции*» и эти выборы должны подтвердить «*зрелость и стойкость российского общества*».

> «**Столь масштабная кампания проводится в условиях специальной военной операции.** Жители Донбасса и Новороссии впервые после воссоединения с Россией будут выбирать депутатов Государственной Думы...
>
> Голосование будет проходить в течение трёх дней: 18, 19 и 20 сентября. Прошу вас обязательно реализовать своё конституционное право, принять обдуманное, ответственное решение, **чтобы результаты выборов подтвердили зрелость и стойкость российского общества**»[11].

Действительно, анализируя результаты голосования уже по факту, можно с полной уверенностью говорить о том, что прошедшая избирательная кампания показала «стойкость и зрелость» российского общества: «стойкость» – в своей поддержке реализуемого главой государства, парламентом, партией «Единая Россия» курса национального развития; «зрелость» – в своей способности формулировать претензии, неудовлетворенность властью, не выходя за рамки конструктивного консенсуса; не прибегая к таким формам выражения недовольства, которые могли бы создать угрозу

[8] О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; РИА-новости. URL: https://ria.ru/20211217/bezopasnost-1764226189.html

[9] Обращение В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843?ysclid=mveuef91aj209198524

[10] В 2025 году нами была опубликована монография *«На трудном пути к исцелению от «травмы»...: о реализации В.В. Путиным курса национального развития Российской Федерации»*, в которой представлен более подробный, углубленный анализ ключевых событий, происходящих со страной на протяжении всего постсоветского периода, а также решений, принимаемых главой государства в ходе реализации курса национального развития (Ильин В.А., Морев М.В. (2025). На трудном пути к исцелению от «травмы»...: о реализации В.В. Путиным курса национального развития Российской Федерации / Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 383 с.).

[11] Обращение Президента РФ к россиянам в преддверии выборов // Официальный сайт Президента РФ. 16.09.2026. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/80773

внутренней социальной стабильности в стране (что в условиях продолжающейся СВО и нарастания внешних угроз национальной безопасности превращается в один из главных факторов, от которого зависит будущее России).

Отметим, что за последние почти 20 лет (с 2007 года) партия власти набрала наибольшее количество голосов избирателей (39 млн), и, что не менее важно, число россиян, принявших участие в голосовании (67 млн чел.), превысило показатели 2016 и 2021 гг. (*рис. 1, 2*).

К. Костин (политолог, президент Фонда развития гражданского общества): «20 сентября состоялись два критически важных экзамена: по сути, **краш-трест для политической системы** на устойчивость и способность эффективно работать под максимальной нагрузкой **и экзамен для гражданского общества**, простите за тавтологию, на гражданственность. **Ни у кого нет сомнений, что оба экзамена сданы на отлично...**

Люди, несмотря на реально накопившиеся проблемы и претензии к власти, заменили сиюминутные эмоции раздражения и недовольства на более системный отклик единения перед лицом угрозы. **Гражданское общество показало свою истинную зрелость и патриотичность, которые так важны в период кризисов и трудных времен...**»[12]

По итогам парламентских выборов 2026 года эксперты называют разные причины успеха «Единой России» и в целом курса национального развития, реализуемого Президентом РФ. Ключевой из них является консолидация общества в условиях внешних угроз (с этим согласны практически все политологи: «*Граждане пришли поддержать своего президента и, как показывают результаты, его партию. У нас сохраняется консолидация вокруг лидера страны, вокруг флага, вокруг президента, и этот факт чрезвычайно важно зафиксировать*»[13]).

Рис. 1. Динамика явки на выборы в Государственную Думу за период с 2007 по 2026 год*

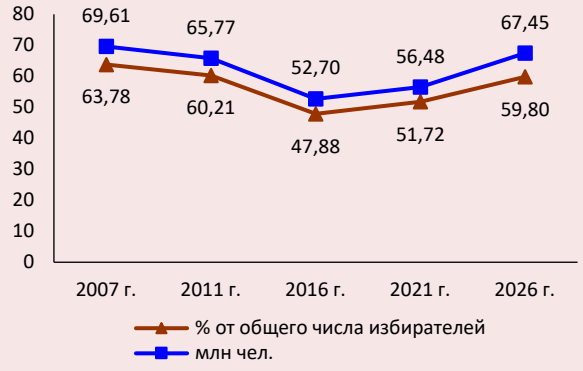
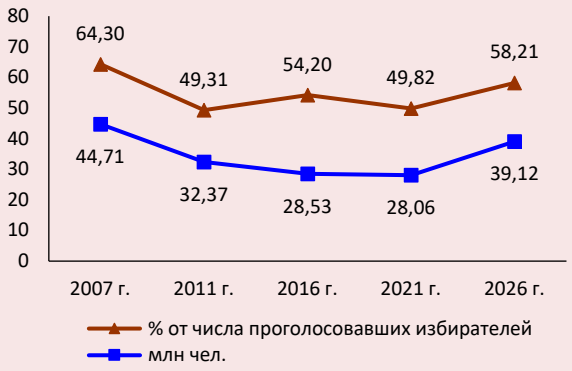


Рис. 2. Динамика поддержки «Единой России» на выборах в Государственную Думу за период с 2007 по 2026 год*



* 2007 г. – выборы в Государственную Думу V созыва 2 декабря 2007 г.
2011 г. – выборы в Государственную Думу VI созыва 4 декабря 2011 г.
2016 г. – выборы в Государственную Думу VII созыва 18 сентября 2016 г.
2021 г. – выборы в Государственную Думу VIII созыва 17–19 сентября 2021 г.
2026 г. – выборы в Государственную Думу IX созыва 18–20 сентября 2026 г.
Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

[12] Костин К. Тест на прочность // Известия. 20.09.2026. URL: https://iz.ru/2170469/konstantin-kostin/test-na-prochnost?ysclid=muuzldqv7w599791211

[13] «Рекордная консолидация общества вокруг флага»: политолог – об успехе «Единой России» на выборах Госдумы и глав регионов (мнение научного руководителя центра политической конъюнктуры А. Чеснакова). URL: https://mir24.tv/news/16686094/rekordnaya-konsolidaciya-obshestva-vokrug-flaga:-politolog-ob-uspehe-edinoj-rossii-na-vyborah-gosdumy-i-glav-regionov?ysclid=muv0eu3wpf774727755

К другим факторам можно отнести следующие:

✓ формат проведения голосования («*сохранение трехдневных выборов и более широкое применение дистанционного электронного голосования*»[14]);

✓ предвыборное обращение главы государства (после которого «*люди отнеслись к выборам с особой чуткостью, что и привело к столь высокому итоговому результату*»[15]);

✓ качественно подобранная «пятерка» партии («*собранная из самых узнаваемых и популярных фигур..., пожалуй, самая великолепная пятерка, которую партия выдвигала за последнее время*»[16]).

На наш взгляд, следует выделить еще одну значимую причину, на которую указывают некоторые эксперты: способность власти оперативно и качественно находить ответы на встающие перед ней вызовы.

Напомним, что, инициировав поправки к Конституции РФ (которые были поддержаны большинством россиян в ходе голосования 1 июля 2020 года), В.В. Путин существенно расширил полномочия депутатов парламента, которые получили право утверждать кандидатуру Председателя Правительства, его заместителей, а также всех федеральных министров. И этим правом Государственная Дума воспользовалась в полной мере.

Как отметил Председатель Государственной Думы РФ В. Володин, «*после принятия инициированных Президентом поправок в Конституцию начался* ***новый этап развития парламентской демократии.*** *За полномочиями по формированию Правительства пришла ответственность депутатов за конечный результат работы. Если ранее депутаты зачастую ее перекладывали на исполнительную власть, то сейчас ситуация принципиально иная*»[17].

В. Володин: «**Мы исходили из того, что во главе угла должен быть не количественный, а качественный показатель решения конкретных задач и проблем... За пять лет мы приняли 2980 законов.** Это итог... Хочу подчеркнуть **три ключевых приоритета нашей работы:**

✓ реализация посланий Президента и достижение целей национального развития;

✓ обеспечение специальной военной операции, помощь солдатам и офицерам, членам их семей;

✓ повестка, которую формируют наши граждане на встречах.

В отношении реализации первого приоритета отмечу: послания Президента Федеральному Собранию предыдущих лет мы выполнили **полностью, на 100%.**

В целях законодательного обеспечения специальной военной операции принято **183 закона.** Это позволило сформировать **систему,** которую корректируем исходя из вызовов времени.

Защита моральных ценностей, запрет пропаганды нетрадиционных отношений и отказа от деторождения, смены пола, ответственность за демонстрацию в прямом эфире видео, содержащих насилие и унижения... За прошедшее время принято **250 антисанкционных законов.** Благодаря этому удалось укрепить экономику, сохранить рабочие места, поддержать бизнес... **Это говорит о новом качестве работы, когда, несмотря на разность политических взглядов, интересов, объединяемся вокруг вопросов, которые волнуют людей»**[18].

[14] Запрос на победу объединил россиян на выборах (мнение политолога Е. Минченко) // Взгляд. 28.10.2026. URL: https://vz.ru/politics/2026/9/21/1453717.html?ysclid=mvro9g26qj377296035

[15] Запрос на победу объединил россиян на выборах (мнение директора лаборатории новых технологий Экспертного института социальных исследований А. Асафова и политолога А. Рудакова). // Взгляд. 28.10.2026. URL: https://vz.ru/politics/2026/9/21/1453717.html?ysclid=mvro9g26qj377296035

[16] «В нее вошли глава МИД Сергей Лавров как самый популярный министр, мэр Москвы Сергей Собянин – самый популярный губернатор в стране, Александр Поддубный – главный герой России, Мария Львова-Белова как выразитель женского начала в политике и герой России Дмитрий Головин» (источник: В чем формула победы «Единой России»: «Есть несколько факторов» (оценка политолога П. Данилина). URL: https://fedpress.ru/expert-opinion/3452975

[17] Выступление В. Володина на заседании Государственной Думы 27 июля 2026 г. // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/63974/

[18] Там же.

Таким образом, было бы неправильно сводить успех правящей партии на выборах 2026 года только лишь к удобным для избирателей форматам голосования и к объединению общества вокруг государства и Президента в условиях нарастающих внешних угроз. **Рост поддержки «Единой России» в целом по стране во многом отражает действительно более качественную работу предыдущего созыва Государственной Думы.** И это наглядно отражается в интенсивности конкретных, подписанных Президентом РФ указах и законах (по сути, формирующих «новые правила» жизни в стране; *вкладка 1*), а также в оценках большинства экспертов.

Оценки экспертов о работе Государственной Думы VIII созыва

1. Директор Международного института политической экспертизы Е. Минченко: «***Восьмой созыв был одним из наиболее успешных за историю Государственной Думы.*** И несмотря на наличие политической конкуренции, я бы всё-таки отметил тот факт, что фракции очень плотно работали друг с другом»[19].

2. Директор Центра политического анализа, доцент Финансового университета при Правительстве РФ П. Данилин: «Надо сказать, что да, **эта Госдума действовала в чрезвычайных условиях войны, которую ведёт против нас глобальный Запад. И депутаты показали себя очень хорошо, показали ответственными людьми.** Главный и уникальный тренд заключался в том, что Госдума приняла огромное количество законов и других правовых актов **фактически единогласно. То есть все фракции действовали в унисон.** 95% законов были приняты всеми фракциями»[20].

3. Политолог, заместитель директора Института истории и политики МПГУ В. Шаповалов: «Думаю, что уходящему составу Думы можно поставить твердую оценку „отлично". Нужно отметить, что **для всех партий восьмого созыва** (а их стало больше на одну в сравнении с седьмым созывом) характерна **принадлежность к патриотическому консенсусу, сложившемуся в российском обществе,** и это тоже достаточно важный момент, на который нужно обратить внимание… этот созыв Госдумы показал такой **образец стандартной, нужной, правильной и рабочей деятельности.** Его работа была направлена не столько на какие-то громкие пиар-эффекты или какие-то громкие бессодержательные заявления, сколько, наоборот, **на поддержку работы государства в тяжелых, непростых условиях специальной военной операции**»[21].

[19] Эксперты: Созыв был одним из наиболее успешных за историю Госдумы // Москвоский комсомолец. 27.07.2026. URL: https://www.mk.ru/politics/2026/07/27/eksperty-sozyv-byl-odnim-iz-naibolee-uspeshnykh-za-istoriyu-gosdumy.html?ysclid=mvf0l39m3j597324210

[20] Там же.

[21] Восьмому созыву Госдумы поставили оценку // Газета.ру. 27.07.2026. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2026/07/27/28981357.shtml?ysclid=mvf104ha22126270872

Вкладка 1

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 14 февраля по 24 октября 2026 г.[22]

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ

28 сентября – Указ Президента РФ № 700 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации». Штатная численность Вооруженных Сил РФ увеличена на 15,5 тыс. военнослужащих. Общая численность последних составит 1 550 500 человек.

24 августа – Указ Президента РФ № 604 «О мерах по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры Российской Федерации». Объекты критической инфраструктуры, владельцы которых не обеспечили их безопасность, могут передаваться во временное управление по решению Правительства на основании поручения Президента. Это объекты ТЭК, промышленные объекты, объекты связи, коммунальной, транспортной и логистической инфраструктуры (включая транспортно-логистические комплексы), объекты энергетики (в том числе атомной), жизнеобеспечения, критически важные и потенциально опасные объекты. Временным управляющим является Росимущество.

4 августа – ФЗ № 334 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». На участников контртеррористической операции в Белгородской, Курской и Брянской областях распространены отдельные нормы о прохождении военной службы, о льготах и соцгарантиях участникам СВО. Действуют сокращенные сроки признания безвестно отсутствующими или объявления их умершими. Участие в контртеррористической операции считается индивидуальным достижением при поступлении в вузы. Участники и их дети будут получать приоритетные права при приеме на обучение по программам бакалавриата и специалитета. Также стали доступными кредитные каникулы.

26 июля – ФЗ № 275 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Упрощена процедура получения соцуслуг для ветеранов боевых действий с инвалидностью.

26 июля – ФЗ № 274 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Расширены соцгарантии Героев России и полных кавалеров ордена Славы и членов их семей.

26 июля – ФЗ № 264 «О внесении изменений в статью 132 Федерального закона „Об актах гражданского состояния" и признании утратившим силу пункта 1 части 13 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об актах гражданского состояния"». Минобороны и Росгвардия наделены правом получать в электронной форме сведения из Единого госреестра записей актов гражданского состояния.

26 июля – ФЗ № 249 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Устанавливается административная ответственность за нарушение особого режима обеспечения функционирования военных объектов, расположенных в закрытых военных городках Вооружённых Сил Российской Федерации.

26 июня – ФЗ № 192 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об обороне"». В закрытых военных городках Вооружённых Сил РФ устанавливается особый режим обеспечения функционирования, включающий в себя установление пропускного и внутриобъектового режимов (в том числе контролируемых зон в пределах закрытого военного городка), ограничения на въезд и проживание физических лиц, имущественных прав на недвижимое имущество, ограничения по передвижению транспортных средств, проносу (провозу) вещей и др.

[22] Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 года (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Продолжение вкладки 1

15 мая – Указ № 327 «О единых базовых мерах поддержки лиц, принимающих (принимавших) участие в специальной военной операции, и других категорий лиц в субъектах Российской Федерации». Установлены единые базовые меры поддержки в регионах участникам СВО; лицам, отражавшим вооруженное вторжение и вооруженную провокацию; лицам, принимавшим участие в боевых действиях на Донбассе с 2014 года; членам их семей. Среди них: льготы при посещении региональных и муниципальных организаций культуры, физкультуры и спорта, а также выставок и мероприятий; субсидии в размере не менее 100 тыс. руб., но в пределах фактических расходов на газификацию; приоритетное трудоустройство; приоритетная государственная социальная помощь и социальное обслуживание; дополнительные гарантии бесплатной юридической помощи; внеочередная медпомощь и санаторно-курортное лечение; бесплатная психологическая помощь; для детей и иждивенцев – первоочередное зачисление в ближайшие детсады, школы; компенсация родительской платы за детсад или освобождение от нее; бесплатное питание в школах и колледжах; льготные путевки в детские лагеря и др.

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

15 октября – Указ № 752 «О внесении изменений в Основы государственной языковой политики Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474». Правительство РФ должно будет подготавливать ежегодный доклад о реализации государственной языковой политики. В его составлении должны участвовать федеральные, региональные и местные органы власти. Уточнены полномочия Совета при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России.

4 августа – ФЗ № 311 «О внесении изменений в Федеральный закон „О молодежной политике в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Детские и молодежные НКО могут получить информационную, финансовую, имущественную и консультационную помощь от федеральных, региональных и муниципальных органов. Планируется создать Общероссийский электронный реестр НКО, деятельность которых направлена на реализацию молодежной политики, молодежных и детских общественных объединений.

26 июня – ФЗ № 215 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Предусматривается требование о представлении уполномоченному органу сведений о финансово-хозяйственной деятельности иностранного агента в электронной форме в порядке, установленном Минюстом России по согласованию с Банком России. Вводится запрет на распространение социальной рекламы на информационном ресурсе иностранного агента.

25 апреля ФЗ № 106 «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации"». К основным направлениям деятельности федерального органа исполнительной власти в области кинематографии отнесены ежегодное утверждение объёмов государственной финансовой поддержки производства национальных фильмов различных категорий (видов) и утверждение приоритетных тем государственной финансовой поддержки производства национальных фильмов.

9 апреля – ФЗ № 100 «О внесении изменений в статьи 243 и 354 Уголовного кодекса Российской Федерации». ФЗ направлен на защиту исторической памяти. Установлена уголовная ответственность за общественно опасные действия, совершённые в отношении захоронений жертв геноцида советского народа и объектов, увековечивающих их память, а также за отрицание факта геноцида советского народа и оскорбление памяти жертв геноцида советского народа.

Окончание вкладки 1

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

4 августа – ФЗ № 332 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Кредитные и микрофинансовые организации обязаны информировать заёмщика о факте заключения и условиях договора потребительского кредита (займа) с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг».

4 августа – ФЗ № 316 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений" и статьи 3 и 4 Федерального закона „О государственной корпорации развития ВЭБ.РФ"». Вводится система принципов, методов и инструментов управления инвестициями в субъектах Российской Федерации, направленная на обеспечение единого подхода к развитию инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений.

4 августа – ФЗ № 280 «О внесении изменений в статьи 5 и 20 Федерального закона „Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации"». Для мониторинга цен федеральные органы власти будут получать от Федеральной налоговой службы сведения о лицах, занимающихся продажей продовольственных товаров, о ценах на такие товары, объемах их реализации, сделках между указанными лицами, их финансовых показателях. Перечень указанных органов и товаров определит Правительство.

26 июля ФЗ № 255 «О внесении изменений в Федеральный закон „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и статью 256 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию"». МВД передаются некоторые полномочия Минтруда: по утверждению перечня профессий (специальностей, должностей) иностранцев – квалифицированных специалистов, имеющих право на получение вида на жительство в России без получения разрешения на временное проживание; трудоустраивающихся по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты на выдачу разрешений на работу не распространяются; по установлению случаев ведения трудовой деятельности иностранцами, временно пребывающими (проживающими) в России, вне пределов региона, на территории которого им выдано разрешение на работу (разрешено временное проживание).

26 июля – ФЗ № 243 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Устанавливается регулирование отношений в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта.

10 июня – ФЗ № 169 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Усилена ответственность за нарушение порядка медосвидетельствования иностранцев и лиц без гражданства

10 июня – ФЗ № 167 «О внесении изменений в статьи 196 и 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Уточняется, что срок исковой давности по искам об истребовании имущества, выбывшего из владения Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в результате его приватизации... не может превышать 10 лет со дня нарушения права. Данное правило также распространяется на требования, сроки предъявления которых возникли до дня вступления в силу федерального закона, если судебные решения по этим требованиям не вступили в законную силу.

10 июня – ФЗ № 163 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Устанавливается административная ответственность за нарушение правил миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания при предоставлении услуг средств размещения, классифицированных в соответствии с законодательством РФ о туристской деятельности.

Вместе с тем прошедшие выборы для партии власти не были такими уж безоблачными (как, впрочем, и предыдущие избирательные кампании, что вполне объективно отражает реальные проблемы в стране).

1. **В 53 субъектах РФ** доля избирателей, принявших участие в голосовании, оказалась ниже, чем в среднем по России (59,8%; *табл. 1*). Это меньше, чем в 2021 году (57), однако попрежнему можно говорить о том, что **высокий показатель явки в целом по России достигнут не за счет большинства субъектов РФ, а за счет очень высоких показателей в небольшой группе регионов.** В частности, это территории Северо-Кавказского федерального округа: Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания и Карачаево-Черкесская Республика, в которых явка составила от 85 до 95% (*вкладка 2*).

Отметим также, что **42 из 53 регионов** демонстрируют уровень явки ниже среднероссийского не впервые, а **практически на каждых выборах в Государственную Думу** (*табл. 2*).

Таблица 1. Количество регионов, в которых явка на выборы в Государственную Думу РФ была ниже, чем в среднем по стране

Показатель	2007 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2026 г.	Изменение (+/-), 2026 г. к…	
						2021 г.	2007 г.
Явка в среднем по РФ, % от общего числа избирателей	63,78	60,21	47,88	51,72	59,80	+8,08	-3,98
Количество субъектов РФ с явкой меньше, чем в среднем по стране, ед.	46	53	54	57	53	-4	+7

Источник: рассчитано по данным ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

Таблица 2. Субъекты РФ с уровнем явки ниже, чем в среднем по стране (59,80% от общего числа избирателей), на выборах в Государственную Думу 2026 года

Сколько раз регион демонстрировал явку ниже, чем в среднем по стране, за 5 выборных кампаний, прошедших в 2007, 2011, 2016, 2021 и 2026 гг.	Количество субъектов РФ	Субъекты РФ*
1	1	Чукотский автономный округ (59,64)
2	5	Орловская область (54,83), Липецкая область (53,92), Республика Калмыкия (51,76), Республика Марий Эл (49,46), Республика Крым (48,52)
3	5	Еврейская автономная область (57,02), Тульская область (52,88), Республика Коми (51,27), Республика Саха (Якутия) (51,11), Республика Алтай (45,98)
4	10	Курганская область (59,06), Амурская область (56,25), Челябинская область (55,92), Самарская область (54,96), г. Москва (54,11), Псковская область (52,75), Кировская область (50,23), Вологодская область (48,46), Омская область (45,84), Забайкальский край (42,12)
5	32	Курская область (57,80), Астраханская область (57,48), Оренбургская область (57,29), Рязанская область (56,57), Ивановская область (56,18), Магаданская область (55,67), г. Санкт-Петербург (54,31), Московская область (52,74), Ненецкий автономный округ (52,11), Удмуртская Республика (51,58), Калининградская область (51,41), Красноярский край (50,32), Калужская область (49,92), Республика Бурятия (49,87), Мурманская область (49,57), Камчатский край (49,18), Сахалинская область (48,76), Свердловская область (47,54), Владимирская область (46,93), Костромская область (46,86), Пермский край (46,83), Тверская область (46,69), Алтайский край (44,50), Новгородская область (44,20), Томская область (44,18), Республика Карелия (43,72), Архангельская область (43,42), Республика Хакасия (43,10), Хабаровский край (42,72), Ярославская область (42,36), Новосибирская область (41,95), Иркутская область (38,75)

* В скобках указан уровень явки по данным на 2026 г., % от общего числа избирателей.
Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

2. Но, что еще более важно, аналогичная особенность характерна и для поддержки партии «Единая Россия» (*табл. 3*): в 2026 году **в 50 субъектах РФ** ее уровень был ниже, чем в среднем по стране (58,21%). То есть **высокий показатель на федеральном уровне был достигнут прежде всего не за счет большинства регионов, а за счет немногочисленной группы субъектов РФ,** а именно – Чеченской Республики, Республики Дагестан, Республики Ингушетии и Республики Тыва, где доля избирателей, проголосовавших за партию власти, составила от 88 до 93% (*вкладка 3*). При этом большинство **субъектов РФ (43 из 50)** демонстрирует более низкий показатель поддержки «Единой России», чем в среднем по стране, практически на всех выборах в Государственную Думу, начиная с 2007 года (*табл. 4*).

Таблица 3. Количество регионов, в которых поддержка «Единой России» на выборах в Государственную Думу РФ была ниже, чем в среднем по стране

Показатель	2007 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2026 г.	Изменение (+/-), 2026 г. к…	
						2021 г.	2007 г.
Поддержка «Единой России» в среднем по РФ, % от проголосовавших избирателей	64,30	49,31	54,20	49,82	58,21	**+8,39**	**-6,09**
Количество субъектов РФ с поддержкой «Единой России» меньше, чем в среднем по стране, ед.	55	54	57	56	50	**-5**	**-6**
Источник: рассчитано по данным ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/							

Таблица 4. Субъекты РФ с уровнем поддержки «Единой России» ниже, чем в среднем по стране (58,21% от числа проголосовавших избирателей), на выборах в Государственную Думу 2026 года

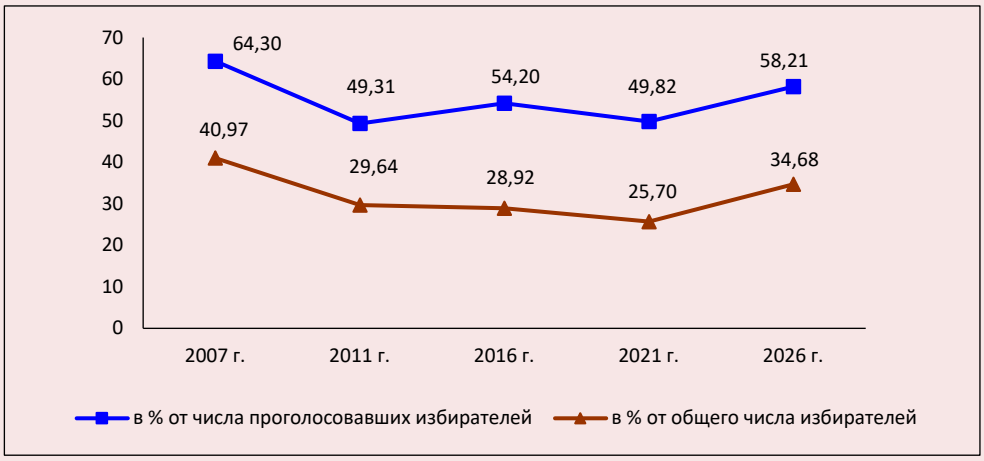
Сколько раз регион демонстрировал поддержку «Единой России» ниже, чем в среднем по стране, за 5 выборных кампаний, прошедших в 2007, 2011, 2016, 2021 и 2026 гг.	Количество субъектов РФ	Субъекты РФ*
1	2	Ростовская область (57,85), Пензенская область (52,77)
2	1	Республика Калмыкия (55,36)
3	4	Еврейская автономная область (54,36), Тульская область (52,96), Республика Алтай (43,94), Республика Марий Эл (43,57)
4	10	Курганская область (57,22), Ханты-Мансийский автономный округ (54,79), Астраханская область (53,65), Нижегородская область (53,22), Республика Бурятия (50,99), Ульяновская область (50,45), Челябинская область (49,00), Липецкая область (48,26), Республика Коми (43,52), Забайкальский край (40,12)
5	33	Ивановская область (57,48), Московская область (56,15), Самарская область (55,70), Псковская область (54,48), г. Санкт-Петербург (54,38), Калининградская область (52,32), г. Москва (50,66), Владимирская область (50,39), Чувашская Республика (50,16), Пермский край (48,94), Хабаровский край (48,16), Костромская область (47,87), Удмуртская Республика (47,14), Тверская область (46,67), Калужская область (44,77), Омская область (43,22), Республика Саха (Якутия) (43,02), Новосибирская область (42,81), Орловская область (42,71), Ненецкий автономный округ (42,07), Алтайский край (42,00), Свердловская область (40,84), Красноярский край (40,55), Республика Хакасия (40,24), Новгородская область (40,10), Мурманская область (40,07), Томская область (38,69), Ярославская область (36,44), Иркутская область (35,70), Архангельская область (35,36), Кировская область (35,09), Республика Карелия (31,44), Вологодская область (31,10)
* В скобках указан уровень поддержки «Единой России» по данным на 2026 г., % от числа проголосовавших избирателей. Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/		

Если по сравнению с 2021 годом поддержка партии власти уменьшилась только в 12 регионах (всего на 568 тыс. голосов избирателей), **то по сравнению с 2007 годом – в 57 субъектах РФ[23] (в целом на 11 млн голосов, то есть на столько же, насколько увеличилась ее поддержка в среднем по стране в 2026 году по сравнению с выборами 2021 года).**

Комментируя результаты голосования в Республике Карелии, Вологодской, Кировской, Томской и Новгородской областях, сенатор С.Н. Перминов отметил: «*Мы имеем дело с **умным, требовательным и исторически независимым** избирателем. Русский Север и Сибирь никогда не любили простых ответов. Там живут люди, которых нужно **убеждать делом** на фоне серьезной локальной повестки*»[24]. Однако, судя по динамике официальных данных ЦИК РФ, такой избиратель – умный, требовательный, независимый, которого надо убеждать не только словом, но и делом – живет практически в каждом втором регионе страны.

Отметим также, что 58% поддержки, которую «Единая Россия» получила в среднем по стране, – это все-таки мнение лишь части избирателей – тех, кто принял участие в голосовании. Если считать число голосов, отданных за партию власти, от общего количества россиян избирательного возраста, то уровень ее поддержки значительно ниже – 35% (*рис. 3*).

Рис. 3. Динамика доли голосов, отданных за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу РФ, % от общего числа и от числа проголосовавших избирателей



Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

[23] Без учета ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областей, Республики Крым, г. Севастополя и Забайкальского края, которые не принимали участия в выборах 2007 года.

[24] Где «Единая Россия» получила меньше всего голосов на выборах в заксобрания (мнение политолога Р. Туровского). URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/09/22/1230678-gde-edinaya-rossiya-poluchila-menshe-golosov?ysclid=muwly621i055176746

Действующая в России смешанная избирательная система, которая начала формироваться еще с Конституции 1993 года и сегодня официально закреплена в Федеральном законе № 20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22 февраля 2014 года, несовершенна и, как отмечают некоторые эксперты, *«не всегда позволяет адекватно выразить предпочтения избирателей»*, поскольку *«практически неизбежно»* создает условия для конституционного большинства и сохранения политической монополии партии власти[25].

3. **В 30 субъектах РФ[26]** «Единая Россия» набрала менее половины (от 30 до 49%) голосов избирателей. Из них в 7 регионах – менее 40% (*табл. 5*): в Томской (38,69%), Ярославской (36,44%), Иркутской (35,70%), Архангельской (35,36%), Кировской (35,09%) областях, а также в Республике Карелии (31,44%) и в Вологодской области (31,10%; *вкладка 3*).

Для сравнения, в 2007 году в каждом из этих 7 регионов уровень поддержки партии власти был выше 50% (*табл. 5*).

В Вологодской области (продемонстрировавшей на выборах 2026 года самый низкий уровень поддержки «Единой России») доля голосов, отданных за партию власти, снизилась **в 21 из 28 муниципальных образований**, причем особенно ярко своё недовольство выразили

Таблица 5. Регионы, продемонстрировавшие наименьшую поддержку «Единой России» на выборах в Государственную Думу 2026 года*

Субъект РФ	% от числа проголосовавших избирателей			Чел.		
	2007 г.	2026 г.	Изменение +/-	2007 г.	2026 г.	Изменение +/-
Томская область	58,41	38,69	-19,72	267289	127563	-139726
Ярославская область	53,17	36,44	-16,73	352568	151695	-200873
Иркутская область	58,66	35,70	-22,96	620673	251282	-369391
Архангельская область	56,72	35,36	-21,36	312249	128202	-184047
Кировская область	55,38	35,09	-20,29	451719	172281	-279438
Республика Карелия	57,28	31,44	-25,84	177322	68821	-108501
Вологодская область	60,47	31,10	-29,37	386002	134488	-251514
ИТОГО по 7 регионам	**Среднее:**		**-22,32**	**Сумма:**		**-1533490**

* Ранжировано по убыванию данных в 2026 г.
Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

[25] Голосов Г. (политолог, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге): «*При смешанной несвязанной системе часть депутатов избираются по мажоритарным правилам, а другая часть, совершенно независимо от этого, по пропорциональным. К сожалению, опыт применения таких систем в разных странах мира свидетельствует о том, что* ***они не всегда позволяют адекватно выразить предпочтения избирателей…*** *Это значит, что подавляющее большинство мест в Думе... останется за сторонниками властей, в то время как представительство оппозиции снизится примерно вдвое по сравнению с уровнем электоральной поддержки. Разумеется, такой результат будет* ***вопиющим издевательством над здравым смыслом, но смешанная несвязанная система делает его практически неизбежным.*** *Смешанная несвязанная система в России – это прием, направленный* ***на сохранение политической монополии в условиях, когда власти теряют поддержку избирателей***» (источник: Голосов Г. Смешать, но не взбалтывать // Газета.ру. 28.06.2013. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/06/28_x_5397801.shtml?ysclid=mvkopfb9pz57399061&updated

[26] Челябинская обл., Пермский край, Липецкая обл., Хабаровский край, Костромская обл., Удмуртская Республика, Тверская обл., Калужская обл., Республика Алтай, Республика Марий Эл, Республика Коми, Омская обл., Республика Саха (Якутия), Новосибирская обл., Орловская обл., Ненецкий авт. округ, Алтайский край, Свердловская обл., Красноярский край, Республика Хакасия, Забайкальский край, Новгородская обл., Мурманская обл., Томская обл., Ярославская обл., Иркутская обл., Архангельская обл., Кировская обл., Республика Карелия, Вологодская обл.

жители г. Череповца, где располагается системообразующее для российской промышленности предприятие – Череповецкий металлургический комбинат (доля голосов, отданных за «Единую Россию», снизилась на 13 п. п., с 33 до 20%; *табл. 6*).

Таким образом, достигнутые «Единой Россией» показатели в целом по стране, конечно, имеют значение в «гонке» политических сил, и они по-прежнему остаются недосягаемыми для оппозиционных политических партий в Государственной Думе. **Но в историческом контексте, с точки зрения чрезвычайно трудного и судьбоносного этапа, на котором находится Россия в настоящее время, сложно говорить о единстве государства и общества, когда в каждом третьем регионе страны партия власти не получает поддержку большинства избирателей…**

Таблица 6. Итоги выборов в Государственную Думу РФ 2021–2026 гг. по муниципальным образованиям Вологодской области

Муниципалитет	Явка, % от общего числа избирателей			Доля голосов за «Единую Россию», % от числа проголосовавших избирателей		
	2021 г.	2026 г.	+/-	2021 г.	2026 г.	+/-
Вологодская область	**45,53**	**48,46**	**+2,93**	**34,40**	**31,10**	**-3,30**
Усть-Кубинский округ	60,5	64,54	+4,04	49,5	48,66	-0,84
Чагодощенский округ	49,8	49,44	-0,36	33,9	43,77	+9,87
Вашкинский округ	47,2	55,48	+8,28	38,2	43,58	+5,38
Тарногский округ	56,6	61,37	+4,77	32,2	42,26	+10,06
Сямженский округ	54,7	55,84	+1,14	43,6	41,25	-2,35
Нюксенский округ	60,9	61,91	+1,01	34,4	39,53	+5,13
Кадуйский округ	51,3	52,80	+1,50	36,2	37,85	+1,65
Харовский округ	48,8	49,46	+0,66	39,9	37,72	-2,18
Междуреченский округ	60,3	61,35	+1,05	43,8	37,10	-6,70
Бабаевский округ	47,9	51,17	+3,27	41,2	37,00	-4,20
Никольский округ	49,2	49,92	+0,72	38,8	36,98	-1,82
г. Вологда	43,0	42,10	-0,90	30,9	36,46	+5,56
Тотемский округ	51,4	54,22	+2,82	39,3	35,13	-4,17
Кирилловский округ	50,8	53,50	+2,70	36,9	35,12	-1,78
Верховажский округ	51,4	53,35	+1,95	31,5	34,37	+2,87
Грязовецкий округ	49,4	54,07	+4,67	38,7	33,91	-4,79
Устюженский округ	51,1	51,01	-0,09	42,7	33,75	-8,95
Сокольский округ	43,0	48,45	+5,45	35,3	33,29	-2,01
Кичменгско-Городецкий округ	51,5	61,07	+9,57	39,8	32,78	-7,02
Вожегодский округ	51,4	49,28	-2,12	41,9	32,73	-9,17
Белозерский округ	47,4	49,06	+1,66	35,8	32,52	-3,28
Бабушкинский округ	45,4	47,93	+2,53	35,2	32,31	-2,89
Шекснинский округ	52,7	48,09	-4,61	37,6	30,24	-7,36
Вытегорский округ	45,8	40,47	-5,33	37,1	29,74	-7,36
Вологодский округ	46,9	46,19	-0,71	32,3	29,25	-3,05
Великоустюгский округ	47,4	46,98	-0,42	31,0	28,54	-2,46
Череповецкий округ	44,8	45,60	+0,80	33,3	24,59	-8,71
г. Череповец	42,1	41,69	-0,41	33,4	19,97	-13,43
ИТОГО (количество положительных / отрицательных изменений			**19 / 9**			**7 / 21**
Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/						

Вкладка 2

Явка избирателей на выборы в Государственную Думу РФ за период с 2007 по 2026 год

Территория	Явка, %								Явка, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Россия	**63,78**	**60,21**	**47,88**	**51,72**	**59,80**	**+8,08**	**-0,41**	**-3,98**	**69609446**	**65766594**	**52700992**	**56484685**	**67 448 094**	**+10963409**	**+1681500**	**-2161352**
Северо-Кавказский ФО	***84,95***	***86,46***	***82,22***	***84,50***	***87,84***	***+3,34***	***+1,38***	***+2,89***	***4195352***	***4544971***	***4343313***	***4816364***	***5379862***	***+563498***	***+834891***	***+1 184 510***
Чеченская Республика	99,50	99,51	94,92	94,42	95,11	+0,69	-4,40	-4,39	578039	611096	660249	731968	835278	+103310	+224182	+257239
Республика Дагестан	91,76	91,08	88,10	84,52	91,69	+7,17	+0,61	-0,07	1304531	1497162	1457044	1436544	1592277	+155733	+95115	+287746
Республика Ингушетия	98,35	86,44	81,42	83,68	91,07	+7,39	+4,63	-7,28	161559	166451	178457	196372	236342	+39970	+69891	+74783
Респ. Северная Осетия – Алания	60,33	85,79	85,64	86,61	85,52	-1,09	-0,27	+25,19	286111	438723	453029	451010	439519	-11491	+796	+153408
Карачаево-Черкесская Респ.	92,44	93,20	93,32	89,36	85,11	-4,25	-8,09	-7,33	282349	297743	285917	269109	255318	-13791	-42425	-27031
Кабардино-Балкарская Респ.	96,70	98,38	90,11	85,78	84,84	-0,94	-13,54	-11,86	501081	522977	483776	463053	469173	+6120	-53804	-31908
Ставропольский край	55,60	50,85	42,05	67,12	81,52	+14,40	+30,67	+25,92	1081682	1010819	824841	1268308	1551955	+283647	+541136	+470273
Южный ФО	***63,22***	***61,51***	***48,27***	***55,00***	***68,34***	***+13,34***	***+6,83***	***+5,12***	***6621657***	***6510122***	***5896748***	***7219463***	***11642771***	***+4423308***	***+5132649***	***+5021114***
Донецкая Народная Респ.	–	–	–	–	82,06	–	–	–	–	–	–	–	1587734	–	–	–
Республика Адыгея	60,98	65,87	53,91	68,21	79,38	+11,17	+13,51	+18,40	201116	224030	183133	233246	268978	+35732	+44948	+67862
Луганская Народная Респ.	–	–	–	–	79,33	–	–	–	–	–	–	–	1154937	–	–	–
Запорожская область	–	–	–	–	78,86	–	–	–	–	–	–	–	453601	–	–	–
Херсонская область	–	–	–	–	74,61	–	–	–	–	–	–	–	296875	–	–	–
Краснодарский край	64,78	72,60	51,23	65,37	69,47	+4,10	-3,13	+4,69	2454898	2722578	2045918	2824045	3119082	+295037	+396504	+664184
Волгоградская область	56,77	52,02	42,16	64,97	68,08	+3,11	+16,06	+11,31	1121277	1034601	811515	1174357	1191244	+16887	+156643	+69967
Ростовская область	67,58	59,35	48,24	48,80	67,03	+18,23	+7,68	-0,55	2233577	1964245	1573413	1659674	2090323	+430649	+126078	-143254
г. Севастополь*	–	–	47,01	49,26	63,44	+14,18	–	–	–	–	147430	166555	229964	+63409	–	–
Астраханская область	62,38	56,02	36,96	43,60	57,48	+13,88	+1,46	-4,90	472434	428334	279403	316371	403135	+86764	-25199	-69299
Республика Калмыкия	66,81	63,20	57,51	50,01	51,76	+1,75	-11,44	-15,05	138355	136334	121706	98485	102471	+3986	-33863	-35884
Республика Крым*	–	–	49,15	49,75	48,52	-1,23	–	–	–	–	734230	746730	744427	-2303	–	–
Приволжский ФО	***69,13***	***64,30***	***54,44***	***53,69***	***61,27***	***+7,58***	***-3,03***	***-7,86***	***16043964***	***15100550***	***13083343***	***12614143***	***13855644***	***+1241501***	***-1244906***	***-2188320***
Республика Башкортостан	89,74	79,25	69,78	72,79	78,84	+6,05	-0,41	-10,90	2611952	2391617	2121993	2189823	2306881	+117058	-84736	-305071
Республика Татарстан	85,42	79,46	78,79	78,92	76,70	-2,22	-2,76	-8,72	2407100	2284622	2277696	2321427	2250967	-70460	-33655	-156133

Продолжение вкладки 2

Территория	Явка, %								Явка, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Республика Мордовия	94,53	94,21	83,02	65,11	74,71	+9,60	-19,50	-19,82	622082	618135	522021	384760	413360	+28600	-204775	-208722
Ульяновская область	63,94	60,38	52,36	45,88	68,84	+22,96	+8,46	+4,90	688269	636370	529668	445071	631649	+186578	-4721	-56620
Саратовская область	61,91	67,29	64,50	55,71	66,14	+10,43	-1,15	+4,23	1239070	1336031	1254887	1039249	1201697	+162448	-134334	-37373
Нижегородская область	57,28	58,87	44,49	48,48	61,01	+12,53	+2,14	+3,73	1591380	1601889	1196988	1246468	1509089	+262621	-92800	-82291
Чувашская Республика	70,66	61,66	59,37	57,03	60,79	+3,76	-0,87	-9,87	687697	604983	557210	520128	551166	+31038	-53817	-136531
Пензенская область	69,78	64,91	40,33	57,52	60,42	+2,90	-4,49	-9,36	791771	730197	665571	596244	592452	-3792	-137745	-199319
Оренбургская область	56,54	51,20	41,67	45,88	57,29	+11,41	+6,09	+0,75	934560	843507	662743	702017	837086	+135069	-6421	-97474
Самарская область	52,08	52,97	52,87	46,77	54,96	+8,19	+1,99	+2,88	1315438	1350982	1288876	1132025	1295111	+163086	-55871	-20327
Удмуртская Республика	61,32	56,55	44,48	47,45	51,58	+4,13	-4,97	-9,74	749198	692042	530996	552546	596939	+44393	-95103	-152259
Кировская область	71,15	54,05	41,89	45,04	50,23	+5,19	-3,82	-20,92	816448	609173	453094	463392	491674	+28282	-117499	-324774
Республика Марий Эл	78,55	71,32	53,38	46,11	49,46	+3,35	-21,86	-29,09	425535	380322	289326	245286	256663	+11377	-123659	-168872
Пермский край	54,85	48,10	35,17	39,00	46,83	+7,83	-1,27	-8,02	1163464	1020680	732274	775707	920910	+145203	-99770	-242554
Уральский ФО	***70,92***	***63,42***	***53,76***	***53,14***	***61,17***	***+8,03***	***-2,25***	***-9,75***	***6329229***	***5545692***	***4505820***	***4632619***	***5171720***	***+539101***	***-373972***	***-1157509***
Ямало-Ненецкий авт. округ	84,93	82,17	74,41	67,41	74,75	+7,34	-7,42	-10,18	306883	292267	264642	254054	275304	+21250	-16963	-31579
Ханты-Мансийский авт. округ	67,14	54,88	39,30	46,62	62,39	+15,77	+7,51	-4,75	705533	594017	448925	541008	727624	+186616	+133607	+22091
Тюменская область	80,51	76,16	81,14	61,54	67,35	+5,81	-8,81	-13,16	821002	795862	876921	699502	803626	+104124	+7764	-17376
Курганская область	65,08	56,46	41,82	48,28	59,06	+10,78	+2,60	-6,02	506996	429139	301307	321934	368311	+46377	-60828	-138685
Челябинская область	67,26	59,67	44,39	46,54	55,92	+9,38	-3,75	-11,34	1848091	1640958	1196203	1204213	1436010	+231797	-204948	-412081
Свердловская область	60,60	51,15	41,50	48,47	47,54	-0,93	-3,61	-13,06	2140724	1793449	1417822	1611908	1560845	-51063	-232604	-579879
Центральный ФО	***60,98***	***58,78***	***45,29***	***48,62***	***56,46***	***+7,84***	***-2,32***	***-4,52***	***17546326***	***17049621***	***12270883***	***10326650***	***16292480***	***+5965830***	***-757141***	***-1253846***
Брянская область	56,81	59,92	55,15	68,65	79,52	+10,87	+19,60	+22,71	597089	624774	560169	661820	742620	+80800	+117846	+145531
Воронежская область	66,88	64,28	53,76	53,86	75,30	+21,44	+11,02	+8,42	1287001	1228870	1016352	995967	1350660	+354693	+121790	+63659
Белгородская область	74,20	75,45	62,17	59,07	68,68	+9,61	-6,77	-5,52	896096	910198	750044	724427	825028	+100601	-85170	-71068
Смоленская область	54,88	49,63	40,40	41,87	61,10	+19,23	+11,47	+6,22	460704	406200	322783	320956	436661	+115705	+30461	-24043
Тамбовская область	61,56	68,27	49,32	58,88	59,81	+0,93	-8,46	-1,75	544984	601671	422795	481413	458513	-22900	-143158	-86471
Курская область	63,27	54,74	47,02	47,01	57,80	+10,79	+3,06	-5,47	618864	519503	443485	424788	519747	+94959	+244	-99117
Рязанская область	57,27	52,70	43,32	48,03	56,57	+8,54	+3,87	-0,70	558171	509615	405489	429624	484583	+54959	-25032	-73588
Ивановская область	55,07	53,19	38,51	38,26	56,18	+17,92	+2,99	+1,11	491801	450770	322828	303833	420535	+116702	-30235	-71266

Продолжение вкладки 2

Территория	Явка, %								Явка, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Орловская область	71,04	64,75	53,56	49,99	54,83	+4,84	-9,92	-16,21	471346	427967	344223	305173	317962	+12789	-110005	-153384
г. Москва	55,36	61,71	35,35	50,26	54,11	+3,85	-7,60	-1,25	3970859	4433781	2634377	3905133	4407980	+502847	-25801	+437121
Липецкая область	65,14	56,91	52,59	52,72	53,92	+1,20	-2,99	-11,22	613780	544301	498319	481901	469336	-12565	-74965	-144444
Тульская область	56,93	72,78	45,59	53,17	52,88	-0,29	-19,90	-4,05	744767	917720	549672	614499	586126	-28373	-331594	-158641
Московская область	61,56	50,96	38,23	45,85	52,74	+6,89	+1,78	-8,82	3401962	2877963	2159861	2731397	3275847	+544450	+397884	-126115
Калужская область	56,03	57,58	43,13	44,18	49,92	+5,74	-7,66	-6,11	461644	459230	343104	354231	392632	+38401	-66598	-69012
Владимирская область	60,07	48,58	38,37	37,89	46,93	+9,04	-1,65	-13,14	734359	613772	443102	418136	496721	+78585	-117051	-237638
Костромская область	61,63	57,28	39,38	39,54	46,86	+7,32	-10,42	-14,77	357005	323087	213746	203246	230650	+27404	-92437	-126355
Тверская область	57,49	53,48	41,62	42,46	46,69	+4,23	-6,79	-10,80	672081	609816	451221	438405	460125	+21720	-149691	-211956
Ярославская область	62,38	55,88	37,80	43,40	42,36	-1,04	-13,52	-20,02	663813	590383	389313	436834	416754	-20080	-173629	-247059
Дальневосточный ФО	***63,68***	***55,83***	***42,92***	***47,82***	***53,82***	***+6,00***	***-2,01***	***-9,86***	***2986327***	***2530907***	***1870528***	***2039513***	***2411993***	***+372480***	***-118914***	***-574334***
Приморский край	56,95	48,70	37,43	42,60	64,02	+21,42	+15,32	+7,07	868973	747237	560313	619779	899499	+279720	+152262	+30526
Чукотский автономный округ	80,07	79,14	64,49	61,29	59,64	-1,65	-19,50	-20,43	31537	27085	19170	18819	20284	+1465	-6801	-11253
Еврейская автономная область	64,55	52,12	39,62	63,13	57,02	-6,11	+4,90	-7,53	85884	70663	52978	79135	64394	-14741	-6269	-21490
Амурская область	67,87	54,04	42,47	41,65	56,25	+14,60	+2,21	-11,62	453470	354264	272148	255281	339968	+84687	-14296	-113502
Магаданская область	60,37	52,57	40,57	43,90	55,67	+11,77	+3,10	-4,70	76545	63182	44287	45442	54976	+9534	-8206	-21569
Республика Саха (Якутия)	70,40	60,05	48,11	51,23	51,11	-0,12	-8,94	-19,29	431540	375683	304145	337759	334312	-3447	-41371	-97228
Камчатский край	57,04	53,58	39,55	42,37	49,18	+6,81	-4,40	-7,86	155252	137814	96153	99080	112045	+12965	-25769	-43207
Сахалинская область	54,42	49,09	37,09	39,94	48,76	+8,82	-0,33	-5,66	221337	194334	146918	154291	184470	+30179	-9864	-36867
Хабаровский край	61,48	53,17	36,93	44,31	42,72	-1,59	-10,45	-18,76	661789	560645	374416	429927	402045	-27882	-158600	-259744
Северо-Западный ФО	***58,28***	***55,29***	***40,49***	***42,43***	***50,34***	***+7,91***	***-4,95***	***-7,94***	***6230708***	***5961777***	***4131139***	***4449760***	***5620775***	***+1171015***	***-341002***	***-609933***
Ленинградская область	53,63	51,51	44,14	44,27	62,48	+18,21	+10,97	+8,85	709051	680545	588139	620711	896102	+275391	+215557	+187051
г. Санкт-Петербург	51,56	55,23	32,70	37,61	54,31	+16,70	-0,92	+2,75	1933665	2013369	1254216	1481774	2223222	+741448	+209853	+289557
Псковская область	65,47	52,95	42,14	44,81	52,75	+7,94	-0,20	-12,72	390199	307617	232802	232154	261130	+28976	-46487	-129069
Ненецкий автономный округ	52,49	56,12	44,81	42,61	52,11	+9,50	-4,01	-0,38	17051	19921	17022	15385	20736	+5351	+815	+3685
Калининградская область	57,18	54,63	44,10	46,15	51,41	+5,26	-3,22	-5,77	429450	421650	357371	400080	433711	+33631	+12061	+4261
Республика Коми	65,18	72,61	40,78	39,47	51,27	+11,80	-21,34	-13,91	493397	539637	281401	254301	313573	+59272	-226064	-179824

Окончание вкладки 2

Территория	Явка, %								Явка, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Мурманская область	58,14	51,87	39,73	43,84	49,57	+5,73	-2,30	-8,57	411455	349647	248532	257491	250830	-6661	-98817	-160625
Вологодская область	64,46	56,33	40,86	45,53	48,46	+2,93	-7,87	-16,00	638696	553680	391200	421575	432973	+11398	-120707	-205723
Новгородская область	63,69	56,58	39,90	41,13	44,20	+3,07	-12,38	-19,49	347002	299075	203028	198618	205805	+7187	-93270	-141197
Республика Карелия	54,94	50,31	39,65	39,72	43,72	+4,00	-6,59	-11,22	309821	282197	213341	202655	219334	+16679	-62863	-90487
Архангельская область	54,31	50,00	36,59	41,58	43,42	+1,84	-6,58	-10,89	550921	494439	344087	365016	363359	-1657	-131080	-187562
Сибирский ФО	***66,45***	***58,19***	***46,70***	***47,08***	***49,91***	***+2,83***	***-8,28***	***-16,54***	***9351476***	***8212790***	***6599218***	***6481100***	***6785899***	***+304799***	***-1426891***	***-2565577***
Республика Тыва	80,99	86,13	90,13	83,28	82,47	-0,81	-3,66	+1,48	132787	140395	141482	164526	171208	+6682	+30813	+38421
Кемеровская область	78,10	69,43	86,80	73,51	69,87	-3,64	+0,44	-8,23	1639996	1452409	1764703	1425122	1287778	-137344	-164631	-352218
Красноярский край	59,57	49,71	36,67	41,61	50,32	+8,71	+0,61	-9,25	1266583	1085538	797582	864604	1026396	+161792	-59142	-240187
Республика Бурятия	58,71	56,93	40,52	44,97	49,87	+4,90	-7,06	-8,84	408679	381524	291942	314437	338991	+24554	-42533	-69688
Республика Алтай	68,33	63,58	45,10	46,19	45,98	-0,21	-17,60	-22,35	98730	96267	71842	74284	75624	+1340	-20643	-23106
Омская область	64,31	55,70	38,74	41,38	45,84	+4,46	-9,86	-18,47	1012011	871533	602434	616614	653734	+37120	-217799	-358277
Алтайский край	60,94	52,53	40,77	40,95	44,50	+3,55	-8,03	-16,44	1220120	1034779	776798	739875	768405	+28530	-266374	-451715
Томская область	59,22	50,46	33,86	41,47	44,18	+2,71	-6,28	-15,04	457901	395032	265962	318300	330276	+11976	-64756	-127625
Республика Хакасия	54,91	56,24	39,43	37,55	43,10	+5,55	-13,14	-11,81	217368	211500	156252	148206	166981	+18775	-44519	-50387
Забайкальский край*	–	53,62	38,89	39,35	42,12	+2,77	-11,50	–	–	441029	323732	310602	309276	-1326	-131753	–
Новосибирская область	58,04	56,83	34,88	37,74	41,95	+4,21	-14,88	-16,09	1231061	1207367	747304	815863	952986	+137123	-254381	-278075
Иркутская область	59,08	47,10	34,66	36,99	38,75	+1,76	-8,35	-20,33	1061993	895417	659185	688667	704244	+15577	-191173	-357749
ИТОГО (количество положительных / отрицательных изменений без учета федеральных округов и среднего по стране)**						**70 / 15**	**27 / 56**	**18 / 64**	**ИТОГО (количество положительных / отрицательных изменений без учета федеральных округов и среднего по стране)****					**68 / 17**	**22 / 61**	**18 / 64**

* 2007 г. – выборы в Государственную Думу V созыва 2 декабря 2007 г.; 2011 г. – выборы в Государственную Думу VI созыва 4 декабря 2011 г.; 2016 г. – выборы в Государственную Думу VII созыва 18 сентября 2016 г.; 2021 г. – выборы в Государственную Думу VIII созыва 17–19 сентября 2021 г.; 2026 г. – выборы в Государственную Думу IX созыва 18–20 сентября 2026 г.

** Без учета новых субъектов РФ (Донецкая Народная Республика, Запорожская область, Луганская Народная Республика, Херсонская область), которые голосовали на выборах в Государственную Думу РФ впервые. Все федеральные округа, а также регионы внутри федеральных округов ранжированы по убыванию данных в 2026 г., %.

Вкладка 3

Результаты голосования за партию «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу РФ за период с 2007 по 2026 год

Территория	Единая Россия, %								Единая Россия, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Россия	**64,30**	**49,31**	**54,20**	**49,82**	**58,21**	**+8,39**	**+8,9**	**-6,09**	**44714241**	**32371737**	**28527828**	**28064200**	**39118497**	**+11054297**	**+6746760**	**-5595744**
Северо-Кавказский ФО	***87,16***	***81,52***	***76,88***	***79,12***	***78,89***	***-0,23***	***-2,63***	***-8,27***	***3516990***	***3617187***	***3419444***	***3720876***	***4306987***	***+586111***	***+689800***	***+789997***
Чеченская Республика	99,36	99,48	96,29	96,13	92,99	-3,14	-6,49	-6,37	574101	607909	635729	703613	776760	+73147	+168851	+202659
Республика Дагестан	89,19	91,46	88,86	81,16	92,21	+11,05	+0,75	+3,02	1163300	1368980	1294629	1164969	1468226	+303257	+99246	+304926
Республика Ингушетия	98,72	90,96	72,41	85,18	90,44	+5,26	-0,52	-8,28	159496	151257	129222	167239	213743	+46504	+62486	+54247
Карачаево-Черкесская Респ.	92,90	89,84	81,67	80,06	74,08	-5,98	-15,76	-18,82	262308	267475	233498	215309	189075	-26234	-78400	-73233
Кабардино-Балкарская Респ.	96,12	81,91	77,71	79,20	70,28	-8,92	-11,63	-25,84	481583	428171	375942	366099	329396	-36703	-98775	-152187
Ставропольский край	62,21	49,11	54,10	61,01	67,13	+6,12	+18,02	+4,92	672070	495691	446630	783237	1043579	+260342	+547888	+371509
Респ. Северная Осетия – Алания	71,60	67,90	67,09	71,12	65,12	-6,00	-2,78	-6,48	204132	297704	303794	320410	286208	-34202	-11496	+82076
Южный ФО	***65,45***	***54,81***	***58,27***	***55,48***	***65,65***	***+10,17***	***+10,84***	***+1,2***	***4290232***	***3363306***	***3472091***	***4171879***	***7615785***	***+3443906***	***+4252479***	***+3325553***
Донецкая Народная Респ.	–	–	–	–	80,49	–	–	–	–	–	–	–	1277502	–	–	–
Запорожская область	–	–	–	–	79,11	–	–	–	–	–	–	–	362569	–	–	–
Луганская Народная Респ.	–	–	–	–	79,00	–	–	–	–	–	–	–	888718	–	–	–
Херсонская область	–	–	–	–	74,81	–	–	–	–	–	–	–	220958	–	–	–
Республика Адыгея	70,97	61,00	59,45	66,45	65,82	-0,63	+4,82	-5,15	142627	136612	108778	154491	176990	+22499	+40378	+34363
Волгоградская область	57,55	35,30	50,54	58,32	62,65	+4,33	+27,35	+5,10	647137	366888	410656	685705	746311	+60606	+379423	+99174
Республика Крым*	–	–	72,63	63,28	60,64	-2,64	–	–	–	–	534362	472122	450862	-21260	–	–
Краснодарский край	61,99	56,18	58,74	60,28	59,90	-0,38	+3,72	-2,09	1522005	1527253	1211518	1720921	1878772	+157851	+351519	+356767
г. Севастополь*	–	–	53,78	56,45	58,49	+2,04	–	–	–	–	79219	93272	134270	+40998	–	–
Ростовская область	71,76	50,08	58,21	51,47	57,85	+6,38	+7,77	-13,91	1604372	985470	924004	854751	1205980	+351229	+220510	-398392
Республика Калмыкия	72,43	66,10	70,61	39,52	55,36	+15,84	-10,74	-17,07	100170	90089	85923	38875	56728	+17853	-33361	-43442
Астраханская область	58,00	60,17	42,22	48,10	53,65	+5,55	-6,52	-4,35	273921	256994	117631	151742	216125	+64383	-40869	-57796
Дальневосточный ФО	***63,96***	***45,61***	***44,58***	***39,57***	***56,98***	***+17,41***	***+11,37***	***-6,98***	***1830758***	***1020880***	***767917***	***701537***	***1357332***	***+655795***	***+336452***	***-473426***
Чукотский автономный округ	78,13	70,32	58,80	49,71	62,72	+13,01	-7,60	-15,41	24206	19037	11266	8667	12704	+4037	-6333	-11502

Продолжение вкладки 3

Территория	Единая Россия, %								Единая Россия, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Магаданская область	55,31	41,04	44,69	50,08	62,21	+12,13	+21,17	+6,90	42284	25895	19780	22746	33508	+10762	+7613	-8776
Приморский край	54,89	32,99	39,01	37,42	61,95	+24,53	+28,96	+7,06	476318	246059	217859	231475	557083	+325608	+311024	+80765
Сахалинская область	62,96	41,91	45,44	35,73	61,01	+25,28	+19,10	-1,95	139295	81419	66712	55002	112477	+57475	+31058	-26818
Амурская область	69,75	43,54	37,91	34,32	60,09	+25,77	+16,55	-9,66	316190	154129	103010	87390	203635	+116245	+49506	-112555
Камчатский край	63,67	45,25	46,70	34,76	59,29	+24,53	+14,04	-4,38	98695	62240	44849	34362	65968	+31606	+3728	-32727
Еврейская авт. область	66,22	48,11	45,03	56,39	54,36	-2,03	+6,25	-11,86	56871	33933	23819	44623	34995	-9628	+1062	-21876
Хабаровский край	60,68	38,14	37,19	24,49	48,16	+23,67	+10,02	-12,52	401043	213616	139494	105112	193233	+88121	-20383	-207810
Республика Саха	63,99	49,16	46,42	33,22	43,02	+9,80	-6,14	-20,97	275856	184552	141128	112160	143729	+31569	-40823	-132127
Уральский ФО	***67,75***	***50,37***	***48,80***	***44,39***	***55,95***	***+11,56***	***+5,58***	***-11,80***	***4094431***	***2548502***	***2057985***	***1849186***	***2642053***	***+792867***	***+93551***	***-1452378***
Ямало-Ненецкий авт. округ	79,35	71,68	67,14	68,92	73,12	+4,20	+1,44	-6,23	243337	209327	177428	174561	201075	+26514	-8252	-42262
Тюменская область	73,57	62,21	58,36	51,39	60,74	+9,35	-1,47	-12,83	603230	494437	511529	358631	486224	+127593	-8213	-117006
Курганская область	64,43	44,41	41,51	36,07	57,22	+21,15	+12,81	-7,21	326566	190519	125058	116049	210562	+94513	+20043	-116004
Ханты-Мансийский авт. округ	65,96	41,01	47,08	41,09	54,79	+13,70	+13,78	-11,17	464999	243431	213426	227974	399746	+171772	+156315	-65253
Челябинская область	61,14	50,07	38,15	34,19	49,00	+14,81	-1,07	-12,14	1128588	824490	456485	412959	703278	+290319	-121212	-425310
Свердловская область	62,07	32,83	40,56	34,69	40,84	+6,15	+8,01	-21,23	1327711	586298	574059	559012	641168	+82156	+54870	-686543
Приволжский ФО	***67,15***	***52,52***	***55,93***	***47,60***	***54,69***	***+7,09***	***+2,17***	***-12,46***	***11120950***	***8472634***	***7903534***	***6931079***	***8066995***	***+1135916***	***-405639***	***-3053955***
Республика Татарстан	81,00	76,82	84,85	78,99	71,85	-7,14	-4,97	-9,15	1950839	1777189	1941068	1833035	1620281	-212754	-156908	-330558
Республика Мордовия	93,41	91,62	84,36	66,00	69,22	+3,22	-22,40	-24,19	580894	565597	440108	253527	285992	+32465	-279605	-294902
Саратовская область	64,25	64,89	68,08	59,74	64,13	+4,39	-0,76	-0,12	800272	863047	854702	621244	769647	+148403	-93400	-30625
Оренбургская область	60,26	34,96	40,73	38,19	62,67	+24,48	+27,71	+2,41	563489	294249	270594	267999	525661	+257662	+231412	-37828
Республика Башкортостан	83,11	74,00	56,45	66,50	60,78	-5,72	-13,22	-22,33	2170241	1684953	1195246	1456777	1397682	-59095	-287271	-772559
Самарская область	55,76	39,37	50,25	43,54	55,70	+12,16	+16,33	-0,06	736848	531254	653139	500401	739094	+238693	+207840	+2246
Нижегородская область	58,30	41,80	57,66	49,40	53,22	+3,82	+11,42	-5,08	964302	713289	694713	620815	804602	+183787	+91313	-159700
Пензенская область	70,31	56,30	64,30	56,06	52,77	-3,29	-3,53	-17,54	556210	410858	427283	335092	312122	-22970	-98736	-244088
Ульяновская область	66,24	43,56	47,64	38,63	50,45	+11,82	+6,89	-15,79	455666	277048	256438	173473	319805	+146332	+42757	-135861
Чувашская Республика	62,27	43,42	50,88	37,16	50,16	+13,00	+6,74	-12,11	428160	262526	283568	193254	276199	+82945	+13673	-151961
Пермский край	61,74	36,28	42,68	33,56	48,94	+15,38	+12,66	-12,80	721729	369944	311774	259942	450214	+190272	+80270	-271515
Удмуртская Республика	60,57	45,09	50,49	35,63	47,14	+11,51	+2,05	-13,43	453248	311721	268070	196827	281698	+84871	-30023	-171550

Продолжение вкладки 3

Территория	Единая Россия, %								Единая Россия, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Республика Марий Эл	67,54	52,24	46,70	33,43	43,57	+10,14	-8,67	-23,97	287333	198570	134998	81969	111717	+29748	-86853	-175616
Кировская область	55,38	34,90	37,91	29,56	35,09	+5,53	+0,19	-20,29	451719	212389	171833	136724	172281	+35557	-40108	-279438
Центральный ФО	***59,07***	***42,96***	***49,33***	***43,70***	***54,63***	***+10,93***	***+11,67***	***-4,44***	***10237771***	***7422895***	***5882747***	***6228124***	***8973431***	***+2745307***	***+1550536***	***-1264340***
Воронежская область	56,17	48,07	58,44	55,20	71,79	+16,59	+23,72	+15,62	739269	614484	600109	556442	973801	+417359	+359317	+234532
Брянская область	61,77	50,12	63,91	64,31	66,63	+2,32	+16,51	+4,86	368750	312620	357780	425333	494663	+69330	+182043	+125913
Смоленская область	53,92	36,23	47,82	39,55	65,25	+25,70	+29,02	+11,33	248128	147111	155001	128154	284733	+156579	+137622	+36605
Тамбовская область	59,79	66,66	63,41	56,89	65,21	+8,32	-1,45	+5,42	325732	399705	268116	273771	298469	+24698	-101236	-27263
Рязанская область	57,10	39,79	54,51	47,79	61,01	+13,22	+21,22	+3,91	318581	202638	220944	204878	295406	+90528	+92768	-23175
Курская область	62,74	45,72	51,68	43,44	59,90	+16,46	+14,18	-2,84	387829	237415	229092	184365	310499	+126134	+73084	-77330
Белгородская область	65,39	51,16	54,66	51,60	59,14	+7,54	+7,98	-6,25	585723	465571	410373	373965	486896	+112931	+21325	-98827
Ивановская область	60,76	40,12	42,26	35,93	57,48	+21,55	+17,36	-3,28	298590	180730	136756	110041	241577	+131536	+60847	-57013
Московская область	60,23	32,67	45,82	45,52	56,15	+10,63	+23,48	-4,08	2047427	942375	989418	1241456	1833927	+592471	+891552	-213500
Тульская область	61,70	61,32	53,00	52,85	52,96	+0,11	-8,36	-8,74	459366	562073	291219	323957	309935	-14022	-252138	-149431
г. Москва	53,96	46,21	37,72	36,89	50,66	+13,77	+4,45	-3,30	2138803	2053156	991676	1421415	2178633	+757218	+125477	+39830
Владимирская область	56,75	37,55	45,17	37,54	50,39	+12,85	+12,84	-6,36	416375	230059	200175	157245	251032	+93787	+20973	-165343
Липецкая область	62,30	40,09	56,01	48,68	48,26	-0,42	+8,17	-14,04	382341	218095	279969	234387	226431	-7956	+8336	-155910
Костромская область	56,36	30,74	36,56	30,26	47,87	+17,61	+17,13	-8,49	200963	99283	78106	61474	110333	+48859	+11050	-90630
Тверская область	59,71	38,44	44,83	35,28	46,67	+11,39	+8,23	-13,04	401115	234104	202855	155021	214278	+59257	-19826	-186837
Калужская область	61,65	40,42	45,72	36,30	44,77	+8,47	+4,35	-16,88	284219	185508	156802	128588	175455	+46867	-10053	-108764
Орловская область	59,85	38,99	47,93	38,83	42,71	+3,88	+3,72	-17,14	281992	166642	164864	118370	135668	+17298	-30974	-146324
Ярославская область	53,17	29,04	38,46	29,73	36,44	+6,71	+7,40	-16,73	352568	171326	149492	129262	151695	+22433	-19631	-200873
Сибирский ФО	***66,32***	***46,12***	***46,69***	***42,80***	***47,98***	***+5,18***	***+1,86***	***-18,34***	***5892147***	***3561156***	***3298976***	***2861971***	***3246827***	***+384856***	***-314329***	***-2645320***
Республика Тыва	89,21	85,29	82,61	85,34	88,26	+2,92	+2,97	-0,95	118255	119705	116372	140090	151042	+10952	+31337	+32787
Кемеровская область	76,82	64,24	77,31	70,49	69,26	-1,23	+5,02	-7,56	1258100	931474	1363181	1003578	890778	-112800	-40696	-367322
Республика Бурятия	65,59	49,02	43,34	42,63	50,99	+8,36	+1,97	-14,60	267776	186953	126461	133946	172798	+38852	-14155	-94978
Республика Алтай	69,46	53,33	48,81	38,50	43,94	+5,44	-9,39	-25,52	68573	51342	35065	28600	33172	+4572	-18170	-35401
Омская область	58,97	38,04	36,07	32,82	43,22	+10,40	+5,18	-15,75	608208	344713	218577	202597	282860	+80263	-61853	-325348
Новосибирская область	58,86	33,84	38,29	35,24	42,81	+7,57	+8,97	-16,05	726328	408209	285700	287381	408413	+121032	+204	-317915
Алтайский край	54,68	37,17	35,20	33,64	42,00	+8,36	+4,83	-12,68	666941	384429	273105	248971	322377	+73406	-62052	-344564
Красноярский край	60,55	36,70	40,34	34,70	40,55	+5,85	+3,85	-20,00	768099	397941	322136	298893	415375	+116482	+17434	-352724
Республика Хакасия	59,53	40,13	38,06	33,36	40,24	+6,88	+0,11	-19,29	129321	84843	59357	49412	67158	+17746	-17685	-62163

Окончание вкладки 3

Территория	Единая Россия, %								Единая Россия, чел.							
	Год*					Изменение (+/-), 2026 к…			Год*					Изменение (+/-), 2026 к…		
	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007	2007	2011	2016	2021	2026	2021	2011	2007
Забайкальский край*	–	43,28	39,87	38,67	40,12	+1,45	-3,16	–	–	190756	128964	119968	124009	+4041	-66747	–
Томская область	58,41	37,51	40,71	32,70	38,69	+5,99	+1,18	-19,72	267289	148082	108028	103981	127563	+23582	-20519	-139726
Иркутская область	58,66	34,93	39,72	35,52	35,70	+0,18	+0,77	-22,96	620673	312709	262030	244554	251282	+6728	-61427	-369391
Северо-Западный ФО	***57,02***	***36,47***	***41,67***	***34,94***	***43,92***	***+8,98***	***+7,45***	***-13,10***	***3493534***	***2168509***	***1725134***	***1599551***	***2746732***	***+1147181***	***+578223***	***-746802***
Ленинградская область	59,23	33,03	50,00	43,05	58,23	+15,18	+25,20	-1,00	419701	224332	293758	266243	521551	+255308	+297219	+101850
Псковская область	56,73	36,65	45,15	40,07	54,48	+14,41	+17,83	-2,25	221253	112581	104976	92789	141739	+48950	+29158	-79514
г. Санкт-Петербург	50,29	35,44	39,72	35,01	54,38	+19,37	+18,94	+4,09	971272	703209	495230	514447	1197756	+683309	+494547	+226484
Калининградская область	57,38	37,07	43,39	41,10	52,32	+11,22	+15,25	-5,06	246120	156131	154668	164203	226509	+62306	+70378	-19611
Республика Коми	62,06	58,81	37,85	29,44	43,52	+14,08	-15,29	-18,54	305906	316916	106426	74839	136271	+61432	-180645	-169635
Ненецкий автономный округ	48,78	36,04	41,11	29,06	42,07	+13,01	+6,03	-6,71	8315	7176	6993	4469	8704	+4235	+1528	+389
Новгородская область	63,13	34,58	40,05	32,51	40,10	+7,59	+5,52	-23,03	218812	103232	81216	64509	82420	+17911	-20812	-136392
Мурманская область	55,11	32,02	41,98	35,81	40,07	+4,26	+8,05	-15,04	226582	111676	104181	91966	100271	+8305	-11405	-126311
Архангельская область	56,72	31,90	44,44	32,17	35,36	+3,19	+3,46	-21,36	312249	157599	152836	117497	128202	+10705	-29397	-184047
Республика Карелия	57,28	32,26	37,30	31,69	31,44	-0,25	-0,82	-25,84	177322	90942	79446	64087	68821	+4734	-22121	-108501
Вологодская область	60,47	33,40	37,40	34,40	31,10	-3,30	-2,30	-29,37	386002	184715	145404	144502	134488	-10014	-50227	-251514
ИТОГО (количество положительных / отрицательных изменений без учета федеральных округов и среднего по стране)**						**70 / 15**	**59 / 24**	**13 / 69**	**ИТОГО (количество положительных / отрицательных изменений без учета федеральных округов и среднего по стране)****					**73 / 12**	**43 / 40**	**19 / 63**

* 2007 г. – выборы в Государственную Думу V созыва 2 декабря 2007 г.; 2011 г. – выборы в Государственную Думу VI созыва 4 декабря 2011 г.; 2016 г. – выборы в Государственную Думу VII созыва 18 сентября 2016 г.; 2021 г. – выборы в Государственную Думу VIII созыва 17–19 сентября 2021 г.; 2026 г. – выборы в Государственную Думу IX созыва 18–20 сентября 2026 г.

** Без учета новых субъектов РФ (Донецкая Народная Республика, Запорожская область, Луганская Народная Республика, Херсонская область), которые голосовали на выборах в Государственную Думу РФ впервые.Все федеральные округа, а также регионы внутри федеральных округов ранжированы по убыванию данных в 2026 г., %.

Приведенные на *вкладках 2, 3* данные свидетельствуют о том, что общество уже длительное время подает тревожные сигналы, которые во многом остаются незамеченными на фоне более очевидных и позитивных итогов выборов в целом по стране: в частности, по итогам последней парламентской избирательной кампании – на фоне ощутимого роста явки (с 52 до 60%) и доли голосов, отданных за партию власти (с 50 до 58%).

Причем отметим, что прошедшие выборы в Государственную Думу – это не единственная избирательная кампания, которая продемонстрировала подобные тревожные сигналы со стороны общества.

Также 18–20 сентября 2026 года в 8 регионах России проходили выборы высших должностных лиц субъектов РФ. Согласно официальным данным ЦИК, явка на них увеличилась практически на всех территориях (кроме Республики Тыва; *табл. 7*). Однако по сравнению с результатами предыдущего голосования в этих регионах доля голосов, отданных за кандидатов от «Единой России», увеличилась **лишь в трех из восьми субъектов:** в Тверской области (с 52 до 70% от общего числа проголосовавших избирателей), Республике Тыва (с 87 до 91%) и Чеченской Республике (с 99,7 до 99,9%).

В остальных пяти субъектах РФ поддержка кандидатов от партии власти (то есть региональных представителей, «проводников» курса национального развития «на местах») снизилась.

Таким образом, фактические официальные результаты выборов в территориальном разрезе подтверждают реально сложившуюся ситуацию в стране. Как отмечает обозреватель аналитического центра ТАСС и газеты «Завтра» Э. Биров, «*чем дальше, тем больше подмечаются признаки* ***именно стадии инерционной,*** *когда большинству нужен только комфорт, а пассионарии считаются опасными маргиналами. И даже война с Западом не вывела нас из этого состояния...*»[27]

Таблица 7. Выборы высших должностных лиц субъектов РФ*

Территория	Явка						Поддержка кандидатов от «Единой России»					
	%			Чел.			%			Чел.		
	2021 г.	2026 г.	+/-	2021 г.	2026 г.	+/-	2021 г.	2026 г.	+/-	2021 г.	2026 г.	+/-
Белгородская обл.	58,57	63,39	+4,82	718843	750836	+31993	78,79	65,97	-12,82	566353	493926	-72427
Брянская обл.	58,18	79,28	+21,1	543918	731880	+187962	78,78	67,52	-11,26	428273	493890	+65617
Пензенская обл.	57,52	60,9	+3,38	597103	592452	-4651	72,38	70,80	-1,58	428868	419128	-9740
Тверская обл.	41,75	46,26	+4,51	430681	455602	+24921	52,33	69,48	+17,15	225020	316257	+91237
Ульяновская обл.**	45,88	68,76	+22,88	440148	628876	+188728	83,16	77,05	-6,11	366035	484361	+118326
Респ. Мордовия	64,8	74,71	+9,91	381512	414042	+32530	78,26	77,99	-0,27	298571	322654	+24083
Респ. Тыва	82,76	81,5	-1,26	164084	175221	+11137	86,81	90,95	+4,14	142159	159283	+17124
Чеченская Респ.	94,61	95,19	+0,58	714109	831946	+117837	99,70	99,85	+0,15	711973	830690	+118717
ИТОГО по регионам* **	**63,01**	**71,25**	**+8,24**	**3990398**	**4580855**	**+590457**	**78,78**	**77,45**	**-1,33**	**3167252**	**3520189**	**+352937**

* В таблице представлены результаты выборов высших должностных лиц субъектов РФ 18–20 сентября 2026 г. в сравнении с предыдущими аналогичными выборами. Во всех субъектах РФ они состоялись в Единый день голосования 17–19 сентября 2021 г. Исключение – Брянская область, где выборы губернатора проходили в период с 12 по 14 сентября 2025 г.
** В Ульяновской области в 2021 и 2026 гг. в выборах губернатора региона кандидат от партии «Единая Россия» не участвовал. Данные в таблице приведены по кандидату, набравшему наибольшее число голосов избирателей (член партии КПРФ А.Ю. Русских).
*** Среднее – по относительным показателям (%); сумма – по абсолютным (чел.).
Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

[27] Биров Э. Гений Гумилёва и шанс Русской цивилизации на «золотую осень» // Завтра. 06.10.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/genij_gumilyova_i_shans_russkoj_tcivilizatcii_na_zolotuyu_osen_?ysclid=mv275h9hkg23250328

«Нетрудно заметить, что Россия сейчас пребывает **в ломке и дезориентации из-за конфликта Истории и Инерции.**

История – проявляла себя Крымской весной 2014 года, её голос-набат зазвучал 24 февраля 2022 года. Но дальше шла массированная контратака Инерции, которая делала всё возможное, чтобы страна **была нечувствительной к голосу истории,** не распознавала его и вообще не понимала, что происходит.

Инерция – это, конечно же, «**завоевания» демократии и перестроечный вектор, который до сих пор составляет существо современной отечественной идеологии…** Сила инерции живёт моментом и с повернутой назад головой: в сакрализованный 91-ый, в «святые девяностые»…

После 24 февраля 2022 года, воспалившего пассионарный огонь революционности и преображений? очень быстро вклинилась сила инерции, которая **размыла мотивацию**, а вместе с этим **парализовала волю и решимость,** ведь для неё главное, чтобы не было никаких принципиальных изменений, всё мнимость и туман… Инерция уже в годы СВО принялась усиленно **облучать общество избыточными дозами перестроечной пропаганды, дабы дезориентировать и сделать нечувствительным к воле и голосу Истории.**

Что же такое Воля Истории применительно к современной России? Очень просто. Это сила регенерации, **восстановления отечественной цивилизации, преодоления того самого деструктивного культа 91-го и его инерции…** Это революционно-корсервативная творческая энергия жизни цивилизации, чувство её самосохранения с восприятием **не момента, а большой исторической перспективы»**[28].

Признаки постепенного доминирования «Инерции» над «Историей» можно увидеть не только в результатах голосования, но и в реальной повседневной жизни страны. Например – в сохранении устойчивого роста случаев коррупции и взяточничества (причем на фоне в целом позитивных изменений, отмечаемых в динамике общей криминальной ситуации). Так, по данным МВД РФ, с января – августа 2018 года по соответствующий период 2026 года общее количество преступлений в России снизилось (на 24%), **однако число преступлений коррупционной направленности за этот же период увеличилось на 47% (с 22,6 до 33,4 тыс.), в том числе связанных со взяточничеством – на 123% (с 9,3 до 20,7 тыс.; *табл. 8*).**

Конечно, это, с одной стороны, говорит о повышении эффективности работы силовых ведомств по борьбе с коррупцией. **Однако, с другой стороны, свидетельствует о том, насколько глубоко этот порок либеральной системы, в которой мы жили несколько десятилетий, укоренился в российском обществе; прежде всего в кругах политических и экономических элит, то есть, собственно, там, где и существуют так называемые «большие деньги».**

Таблица 8. Динамика преступлений коррупционной направленности в России

Показатель	Январь – август 2018 г.		Январь – август 2022 г.		Январь – август 2026 г.		Изменение (+/-), январь – август 2026 г. к январю – августу 2018 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Общее число преступлений	1329865	100,0	1335607	100,4	1016363	76,1	-313502	76,4
из них: преступлений коррупционной направленности*	22690	100,0	26626	117,3	33443	125,6	+10753	147,4
из них: связанные со взяточничеством	9280	100,0	14545	156,7	20704	142,3	+11424	223,1

* Фигурирует в статистике МВД с 2012 г.

Источник: ежемесячные отчеты МВД РФ «Состояние преступности в России» // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/

[28] Рудалев А. Россия и сила инерции // Завтра. 22.10.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/rossiya_i_sila_inertcii

Выдержка из интервью депутата Государственной Думы VIII – IX созывов Ю.В. Афонина (24 декабря 2025 г.)[29]:

1. «Если мы обратимся к статистике, то увидим рост числа преступлений коррупционной направленности... Растет и количество преступлений, связанных **с большими деньгами...**

В стране не стало больше взяточников. Просто государство стало намного системнее и эффективнее бороться с коррупцией. И в этой борьбе уже не остается неприкасаемых. В разработку постоянно берутся крупные коррупционеры и преступные сообщества».

2.«О том, насколько крупные коррупционеры разоблачаются, говорят прежде всего **объемы изымаемого у них имущества, нажитого преступным путем...** Персонажи, которые **годами и даже десятилетиями выстраивали коррупционные схемы, превращали целые города в зоны своего «кормления»,** сейчас оказываются под следствием и на скамье подсудимых.

Сегодня, после того как мы несколько десятилетий шли по пути либерального капитализма, коррупция имеет серьезный масштаб».

С 2024 года мы ведем мониторинг конкретных эпизодов, связанных с коррупцией и взяточничеством со стороны представителей правящих элит (в политике, экономике) разного уровня: федерального, регионального, муниципального. И с каждым годом эта печальная статистика также продолжает увеличиваться. Причем, что вызывает особую тревогу, речь идет не только о многомиллионных взятках и случаях превышения должностных полномочий, **но и о фактах госизмены, а также нарушениях закона при выполнении государственного оборонного заказа (*вкладка 4*).**

При этом необходимо иметь в виду, что факты коррупции – это, по большому счету, всего лишь частное проявление более крупного и масштабного явления – определенной системы ценностей, а точнее, **либеральной системы, в которой частная выгода и личный успех затмевают собой любые другие мотивы поведения.** Как совершенно справедливо отмечают эксперты, «всё зависит от нравственного состояния социума», факты коррупции (как и «демонстративно расточительные тусовки» или «низкопробные ток-шоу на ТВ») свидетельствуют ***«о полной утрате частью элиты элементарной культуры взаимного уважения».***

По данным Центра общественных связей (ЦОС) ФСБ России, в 2025 году было возбуждено более 700 уголовных дел о хищениях средств предприятий ОПК, по которым осуждены свыше 200 фигурантов. При этом предотвращён ущерб от хищений средств ОПК на сумму более 30 млрд рублей[30].

«Все годы проведения СВО мы наблюдаем, как на фоне большой общенародной беды продолжаются гламурные вечеринки и непотребные, демонстративно расточительные тусовки, информация о которых широко расходится по интернету. За миллионы долларов владельцы футбольных клубов покупают иностранных игроков. Нескончаемым потоком транслируются по ТВ низкопробные ток-шоу и развлекательные передачи, рассчитанные на обывателей и потребителей и временами вызывающие оторопь у нормального зрителя.

Всё это свидетельствует о полной утрате частью элиты элементарной культуры взаимного уважения, что порождает чувство обиды и несправедливости у людей, живущих в постоянной тревоге за судьбы близких и часто лишённых даже базовых бытовых удобств...

„Государства гибнут тогда, когда разлагается правящий слой", – писал святитель Николай Сербский в своей книге „Война и Библия" в 1932 году. А победа в противостоянии зависит не только от оружия, **но и от нравственного состояния социума. Обществу потребления, на которое сегодня работает значительная часть нашей культурной „элиты", никогда не выиграть войну»[31].**

[29] «Надо как в сталинском СССР». В Госдуме рассказали, как будут бороться с коррупцией // Газета.ру. 24.12.2025. URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/12/24/22236889.shtml?ysclid=mvhp2ogvy2582613199

[30] ФСБ: более 700 дел о хищениях средств предприятий ОПК возбуждено в 2025 году // RT на русском. 17.03.2026. URL: https://russiatoday.ru/russia/news/1608193-dela-hischeniya-oboronno-promyshlennyi-kompleks

[31] Батчиков С. Идти до конца // Завтра. 20.08.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/idti_do_kontca?ysclid=muf3ntoy92693284742

Вкладка 4

Некоторые факты задержания и арестов представителей правящих элит (19 февраля – 24 октября 2026 г.)[32]

30 сентября – Губернатор Курской области А. Хинштейн сообщил о задержании представителя Минобороны, ответственного за приёмку оборонительных сооружений на территории Курского региона, а также соседних прифронтовых областей. По предварительным данным он подписывал акты приёмки не глядя, то есть фактически не принимая никаких работ.

7 сентября – по подозрению в причастности к хищению моторного топлива, принадлежащего ведомству, задержан бывший замначальника главка МВД России по Московской области – начальник тыла генерал-майор внутренней службы С. Мальков. По делу также проходят экс-начальник ФКУ ЦХиСО ГУ МВД России по Московской области полковник внутренней службы А. Суяров, бывший глава отдела ФКУ ЦХиСО ГУ МВД России по Московской области подполковник внутренней службы А. Левина, а также председатель совета директоров ПАО «Евротранс» И. Мартынов и три топ-менеджера компании.

28 августа – в Ярославской области по делу о превышении полномочий задержан первый замгендиректор ТГК-2 М. Дураев. Компания занимается производством электрической и тепловой энергии и реализацией тепла (пара и горячей воды) потребителям.

23 августа – задержана экс-управляющая краснодарским отделением Сбербанка Т. Сергиенко.

15 июля – задержан и арестован бывший генеральный директор компании «Облкоммунэнерго» Д. Буданов, являющийся фигурантом дела о мошенничестве на 20 млн рублей, выделенных из бюджета Нижнего Тагила Свердловской области на создание мусоросортировочного комплекса, и находившийся в федеральном розыске.

3 июля – арестованы бывший глава Росавиации А. Нерадько (ему вменяется мошенничество в особо крупном размере, по данным СМИ, уголовное дело связано с госконтрактами) и бывший замглавы Росавиации К. Махов (он проходит по той же статье). Нерадько занимал должность главы Федерального агентства воздушного транспорта с 2009 по 2023 год. В 2020–2021 годах совмещал руководство Росавиацией с должностью первого замглавы Минтранса РФ. Ранее также руководил Государственной службой гражданской авиации (2000–2004), Ространснадзором (2004–2005) и Росаэронавигацией (2005–2009). Махов занимал должность заместителя руководителя Федерального агентства воздушного транспорта с 2008 по 2017 год.

27 июня – задержан начальник управления сельскохозяйственного, пищевого и строительно-дорожного машиностроения Минпромторга В. Цупрун. Ему предъявлены обвинения в получении особо крупной взятки за «общее покровительство» коммерческой структуры.

26 мая – задержан бывший первый заместитель губернатора Вологодской области И. Иноземцев. По словам губернатора региона Г. Филимонова, следственные действия проходили в рамках «похоронного дела».

28 апреля – по подозрению в должностных и коррупционных преступлениях задержан мэр Уфы Р. Мавлиев. В 2025 году он потребовал от представителя строительной организации передать ему взятку; речь шла о приобретении за счёт средств застройщика указанного земельного участка стоимостью свыше 13 млн рублей с последующим оформлением прав в интересах главы города.

22 апреля – по делу о взятке арестован заместитель гендиректора парка «Патриот» В. Мелимук. По версии следствия, в апреле 2026 года он принял от руководителя ООО «Гермес» 18 млн руб. за покровительство, помощь в оформлении контрактов и создание условий для их беспрепятственного исполнения.

По уголовным делам также вынесены приговоры бывшему замначальника Главуправления инновационного развития Минобороны В. Шестерову и экс-гендиректору «Патриота» В. Ахмедову, которого признали виновным в крупном мошенничестве и служебном подлоге.

[32] Источник: RT на русском. Последние новости о задержаниях. URL: https://russian.rt.com/tag/zaderzhanie?ysclid=mdzkzlnnsn147444962

Продолжение вкладки 4

21 апреля – по статье 282.2 УК РФ (организация экстремистской деятельности) задержаны Генеральный директор холдинга «Эксмо АСТ» Е. Капьёв и его заместитель А. Шипетина. Издательство подозревают в распространении ЛГБТ-литературы.

18 апреля – по обвинению в получении взяток в особо крупном размере задержаны два заместителя руководителя главного управления Федеральной службы судебных приставов (ФССП) по Москве.

17 апреля – задержана бывший редактор федерального СМИ по обвинению по статье 205.2 УК России в призывах к терроризму из-за публикаций в социальных сетях.

16 апреля – по подозрению в получении взяток на сумму более 50 млн руб. задержан руководитель Западно-Сибирской железной дороги – филиала ОАО «РЖД».

13 апреля – в Челябинской области задержан экс-заместитель генерального директора по производству Магнитогорского металлургического комбината (ММК) П. Кравченко. Его подозревают в получении коммерческого подкупа при заключении контрактов. Также был задержан один из учредителей коммерческой организации.

10 апреля – за передачу украинским спецслужбам сведений о местах дислокации подразделений ВС России на территории округа задержан сотрудник городской администрации Мариуполя. Возбуждено дело о госизмене.

7 апреля – по делу о мошенничестве арестован вице-губернатор Кубани А. Коробка. Кадастровая стоимость активов, фигурирующих в иске к вице-губернатору Кубани, превышает 10 млрд руб. При обыске в усадьбе вице-губернатора Коробки обнаружены $4 млн наличными, порядка €7 млн и 31 млн руб. Позже (10 апреля) сообщалось, что А. Коробка и бывший депутат заксобрания региона С. Фурса рейдерским путём захватили крупное предприятие – Васюринский агропромышленный комплекс.

6 апреля – по делу о взятке в особо крупном размере задержан министр тарифной политики Красноярского края. В августе 2022 года к подозреваемому, занимавшему тогда пост министра промышленности, энергетики и ЖКХ региона, обратился фактический владелец энергетической компании с просьбой за незаконное денежное вознаграждение в размере 10 млн руб. обеспечить компании статус территориальной сетевой организации. В ноябре 2022 года фигурант получил часть взятки в размере 5 млн рублей, после чего компания получила статус сетевой организации и была включена в систему единых котловых тарифов на 2023 год.

4 апреля – по делу о получении взятки (40 млн руб.) задержаны Глава администрации Токсовского городского поселения Ленинградской области, его заместитель и помощник.

3 апреля – в Калмыкии по подозрению в получении взяток в крупном размере, совершённых с вымогательством, задержан глава Яшалтинского района.

1 апреля – в Челябинске по делу о коррупции задержан заместитель министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Ярославской области В. Коробейников. Его подозревают в должностном преступлении, совершённом в период работы заместителем главы челябинского Карабаша.

28 марта – задержаны заместитель главы Челябинска А. Астахов, а также начальник управления жилищно-коммунального хозяйства администрации города В. Храмцов. Их обвиняют в злоупотреблении полномочиями с нанесением ущерба бюджету в 150 млн руб. путем махинаций при заключении контрактов между подконтрольными компаниями и водоканалом.

27 марта – по подозрению в посредничестве во взяточничестве задержан заместитель главы администрации Сочи Е. Горобец. Он курировал в мэрии вопросы земельно-имущественных отношений. Также задержаны директор правового департамента Р. Рябцев и руководитель департамента муниципального земельного контроля А. Ачмизов. Они подозреваются в незаконных действиях коррупционного характера. Общая сумма взятки составляет почти 12 млн рублей.

26 марта – по подозрению в превышении должностных полномочий задержан министр энергетики Ставропольского края И. Ковалёв. Он непрерывно занимал министерский пост с 2021 года.

Окончание вкладки 4

20 марта – в Ростовской области выявлено мошенничество при исполнении государственного оборонного заказа. Руководство предприятия оборонно-промышленного комплекса с марта по ноябрь 2025 года предоставляло заказчику недостоверные сведения в отчётных документах. В результате противоправных действий были похищены денежные средства на общую сумму свыше 68 млн руб.

17 марта – задержаны руководители двух коммерческих организаций, подозреваемых в хищении более 460 млн рублей у предприятий ОПК России. Возбуждены уголовные дела о мошенничестве.

17 марта – задержан бывший заместитель председателя правительства Бурятии Е. Луковников (задержание связано со строительством третьего моста в Улан-Удэ; с проведением субподрядных работ фирмами, в которых участвовали аффилированные с Луковниковым люди).

13 марта – в Московской области по делу о взятке задержан первый замглавы Звёздного городка, а также четверо предпринимателей и двое посредников. С 2023 по 2025 год чиновники получили от бизнесменов шесть взяток на общую сумму 9,9 млн рублей. За это представители местных властей обязаны были осуществлять общее покровительство по муниципальным контрактам.

13 марта – в Санкт-Петербурге по подозрению в мошенничестве задержан муниципальный депутат М. Смирнов.

5 марта – задержан бывший первый заместитель министра обороны России Р. Цаликов.

4 марта – задержан начальник управления вагонного хозяйства структурного подразделения Центральной дирекции инфраструктуры филиала РЖД. Его обвиняют в получении взятки в размере 12 млн рублей.

4 марта – по подозрению в получении взяток задержаны глава муниципального округа Серебряные Пруды и три его заместителя. Группа под руководством главы округа организовала схему получения взяток от предпринимателей на сумму 850 тыс. рублей и 5 млн рублей за покровительство по контрактам на уборку снега, ремонт дорог и благоустройство.

3 марта – следственное управление СК России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре возбудило уголовное дело в отношении экс-заместителя прокурора города Пыть-Яха, подозреваемой в коррупции. Ей инкриминируют получение взятки за незаконные действия и получение взятки в крупном размере.

27 февраля – в Калининградской области по подозрению в мошенничестве задержана министр молодёжной политики региона А. Мусевич. Она обвиняется в завышении стоимости услуг на поставку мебели для молодежного центра на сумму 9,5 млн руб.

27 февраля – по обвинению в превышении должностных полномочий после крупной коммунальной аварии задержан глава администрации Бодайбинского городского поселения Иркутской области А. Ботвин.

27 февраля – в Санкт-Петербурге по подозрению в получении взяток на сумму более 29 млн руб. задержан зампредседателя правления «Газпром нефти» А. Джалябов.

Для «простых людей» – избирателей это заметно и в мирное время, а в условиях ведения фактически полноценной войны, «большой общенародной беды» это становится **мощным фактором, порождающим в обществе «*чувство обиды и несправедливости*»**, что, разумеется, не играет в пользу укрепления общероссийской консолидации и внутренней социальной стабильности в стране.

О том, как именно обостренное чувство социальной несправедливости в условиях продолжающейся «инерции» в стране и в правящих элитах вновь «возвращается» после, казалось бы, ощутимых позитивных изменений на фоне национально ориентированной патриотической повестки первых лет СВО, наглядно свидетельствуют социологические опросы населения.

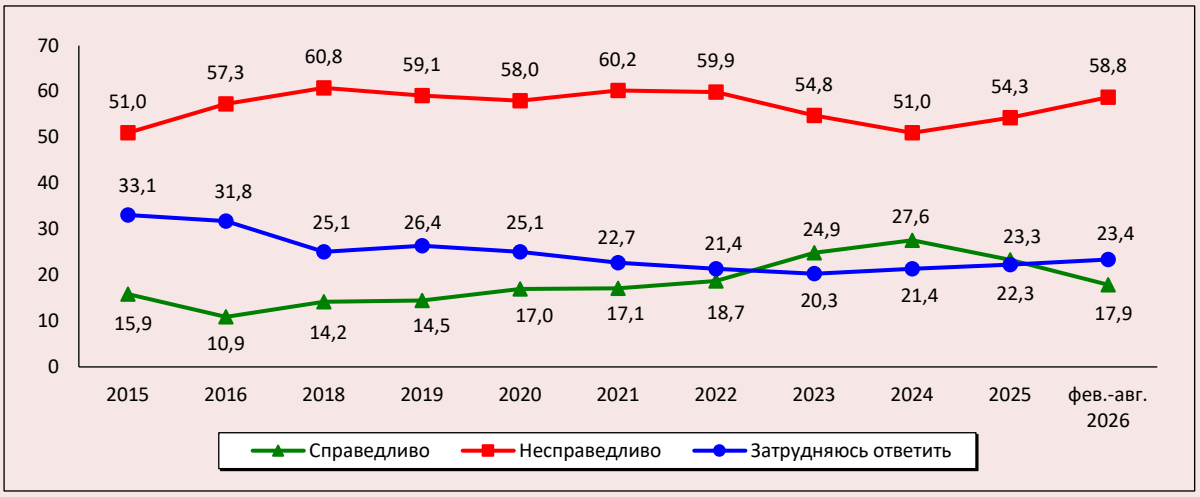
В 2022–2024 гг. доля граждан, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо, стала снижаться: в 2021–2022 гг. это мнение разделяли 60% опрошенных, в 2023 году – 55%, в 2024 году – 51% (*рис. 4*)... Однако по мере того, как общество стало «привыкать» к жизни в условиях СВО, и для многих людей всё более актуальными становились вопросы, связанные не с геополитикой, а с повседневным уровнем и качеством жизни, ощущение социальной несправедливости вновь стало расти: в 2025 году – 54%, в феврале – августе 2026 года – снова 59% (как и было до начала СВО).

Соответственно, доля людей, считающих современное российское общество справедливым, за последние три года также снизилась до состояния, предшествующего началу СВО: с 28% в 2024 году до 17–18% в среднем за февраль – август 2026 года.

Отсутствие изменений, «инерционное» состояние значительной части правящих элит, продолжающих жить в парадигме либерально-капиталистической системы (а вместе с ними и во многом самого государства), проявляется не только в массовой культуре и не только в том, что нарушает закон, но и в том, что его НЕ нарушает.

В частности, в самой системе государственного управления. В условиях, когда общество всё больше обеспокоено проблемой социальной несправедливости (которая, к тому же, полностью противоречит социально ориентированной повестке СВО, декларируемой главой государства), Правительство М.В. Мишустина и лично он «теряют» «**одного из ближайших управленцев**»[33] – заместителя Председателя

Рис. 4. Как Вы считаете, современное российское общество устроено в целом справедливо или несправедливо?, % от числа опрошенных



[33] Самая неожиданная замена в кабмине: «Карточная партия» началась с ослабления Мишустина и усиления Силуанова? URL: https://dzen.ru/a/atbrBP5wA2igql0A?ysclid=mvgk8n0op4913239073

Правительства РФ – руководителя аппарата Правительства РФ Д.Ю. Григоренко, который курировал финансы и цифровое развитие.

Напомним, что за все годы, которые М.В. Мишустин возглавляет кабинет министров, деятельность его лично и в целом Правительства РФ заслуживала в основном только положительные отзывы со стороны экспертов[34]. Однако теперь ключевые административные посты в Правительстве занимают действующий министр финансов А. Силуанов, а также его первый заместитель – И. Окладникова[35].

М.Г. Делягин: «**На протяжении всей своей работы правительство Мишустина неуклонно повышало эффективность использования бюджетных средств**... уже долгие годы бюджетные расходы государства являются фактором, в значительной степени (хотя, разумеется, и не полностью) **компенсирующим разрушительное воздействие как чрезмерно жесткой финансовой политики, так и периодических рукотворных девальваций, призванных породить и поддерживать обосновывающие ее массовые опасения.** Естественно, это вызывает сильнейшее противодействие либеральных „охладителей" российской экономики»[36].

Этот (как отмечают эксперты) «аппаратный размен»[37], действительно, во многом продиктован вынужденной необходимостью «считать каждый рубль» в крайне сложных экономических и геополитических условиях, в которых Россия находится сейчас и будет находиться

А. Пинчук (доктор политических наук, первый министр госбезопасности ДНР, политический обозреватель): «Тут не просто Силуанов назначен, а произошла **триумфальная связка Силуанова и его протеже, которая возглавила аппарат правительства, сместив доверенное лицо Мишустина,** господина Григоренко, который ранее отвечал за цифровизацию и считался таким технократом **из мишустинской команды... Фактически произошло определённое ослабление Мишустина в виде исключения из этой связки Григоренко и при этом очень масштабное усиление Силуанова...**

Силуанов, **фактически бухгалтер** назначен на курирование экономики. **Не экономист на курирование экономики назначен, а бухгалтер.** Это значит, что **сохраняется политика затягивания поясов,** жёсткого учёта расходов финансов и осознания того, и фактически переход в режим экономии»[38].

---

[34] Более подробно экспертные оценки работы Правительства РФ под руководством М.В. Мишустина мы неоднократно приводили ранее. См, например: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 9–42.

[35] Свои предложения по кадровым перестановкам в Правительстве М.В. Мишустин озвучил на встрече с Президентом РФ 19 октября 2026 г.:

1) министр финансов А. Силуанов предложен на должность заместителя председателя правительства – министра финансов;

2) его первый заместитель И. Окладникова – на должность вице-премьера – руководителя аппарата правительства,

3) министр транспорта А. Никитин – на должность заместителя Председателя Правительства РФ;

4) губернатор Приморья О. Кожемяко – на должность вице-премьера – полпреда президента в Дальневосточном федеральном округе;

5) руководитель Росавиации Д. Ядров – на должность министра транспорта (источник: Российская газета. 19.10.2026. URL: https://rg.ru/2026/10/19/kliuchi-ot-kabineta.html?ysclid=mvhun4ahlc316901995).

[36] Делягин М.Г. Правительство Мишустина создает предпосылки для снижения ключевой ставки // Канал «Дзен». 05.10.2026. URL: https://dzen.ru/a/asMh3u82HhBgS0Zi?ysclid=mvf6kyqylg203299344

[37] Самая неожиданная замена в кабмине: «Карточная партия» началась с ослабления Мишустина и усиления Силуанова? URL: https://dzen.ru/a/atbrBP5wA2igql0A?ysclid=mvgk8n0op4913239073

[38] Масштабное усиление Силуанова: Новая должность – ещё не всё // Лента новостей ДНР. 19.10.2026. URL: https://dnrnews.ru/society/2026/10/19/1523030.html?ysclid=mvkm6nolvg421423030

в ближайшем будущем. Однако это очевидное укрепление либерального блока: «Глава Минфина становится вице-премьером, а его первый зам. возглавляет аппарат правительства...; финансы получают не просто министра, а вице-премьера с профильным портфелем... Аппарат – это не секретариат. ***Это подготовка решений кабмина, согласование действий министерств и контроль исполнения поручений.*** Это уже не просто контроль за расходами – ***это контроль за тем, как решения готовятся***»[39].

Добавим к этому «инерцию» Центрального банка России (к которому у многих экспертов продолжают накапливаться вопросы по поводу и проводимой политики, и даже самого его статуса, фактически неподконтрольного государству, а значит и государственным целям национального развития) **и получим соответствующую экономическую политику, которая переносит действительно реальное, вынужденное, продиктованное внешними условиями бремя прежде всего на «*середину и низ общества*». «*Чиновникам и состоятельным людям, связанным с государством*, – как отмечают эксперты, – *станет немного теснее, но системно их положение не изменится. Бедные беднеют, богатые богатеют – эта тенденция сохранится…*»**

«Антон Силуанов уже занимал более высокую должность первого вице-премьера во втором правительстве Дмитрия Медведева, которое существовало в РФ с мая 2018 года по январь 2020-го. Тогда Минфин добился увеличения ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 18 до 20% при профиците федерального бюджета в 2,7% ВВП в 2018 году и в 1,8% ВВП в следующем году. Эти деньги были конвертированы в иностранную валюту и выведены в Евросоюз и США»[40].

М. Делягин: «**Главный фактор, определяющий экономическую конъюнктуру в России, то есть состояние дел на рынке, то есть то, зарабатывают люди или разоряются, – это Банк России.** Но Банк России, являясь мегарегулятором, **не отвечает практически ни за что…** Никакой реально работающий инструмент ответственности Банка России за какие бы то ни было его действия не прописан нигде»[41].

С. Глазьев: «До сих не предпринималось никаких действий по пресечению источников финансирования войны против нас. Даже вывоз капитала в недружественные юрисдикции продолжается, несмотря на финансовые санкции с их стороны. **За годы СВО он превысил 600 млрд долл., не считая арестованные валютные резервы порядка 300 млрд. Банк России мог бы легко пресечь этот источник финансирования войны против нас за наш счёт, но фактически этому попустительствует…** »[42] «Характерное для монетаристов **архаичное** представление денег как золотых монет влечёт **примитивизацию денежной политики** и сведение её к манипулированию ключевой ставкой.

Борясь с инфляцией путем её повышения, ЦБ **водит экономику по порочному кругу**: рост ключевой ставки влечёт сокращение кредитования инвестиций, следствием чего становится нарастание технологического отставания и падение конкурентоспособности экономики, которое через некоторое время компенсируется девальвацией рубля и новым витком инфляции… Это стагфляционная ловушка, в которую нашу экономику ***загнало руководство Банка России***»[43].

[39] Самая неожиданная замена в кабмине: «Карточная партия» началась с ослабления Мишустина и усиления Силуанова? URL: https://dzen.ru/a/atbrBP5wA2igql0A?ysclid=mvgk8n0op4913239073

[40] Сергеев М. Перестановки в правительстве России носят стратегический характер // Независимая газета. 19.10.2026. URL: https://www.ng.ru/economics/2026-10-19/1_9606_russia.html?ysclid=mvi22o75nk863122372

[41] М. Делягин: ЦБ определяет экономику, но ни за что не отвечает // Интернет-газета «Ридус». 24.09.2026. URL: https://dzen.ru/a/arV7F4hyeVtzvaRj?ysclid=mvkm9x5wdb873859202

[42] Глазьев С.Ю. Война как бизнес // Завтра. 14.08.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/chto_proishodit_vojna

[43] Глазьев С.Ю. Центробанк водит экономику по порочному кругу // Завтра. 27.07.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/tcb_vodit_ekonomiku_po_porochnomu_krugu

«Главная идея Минфина для пополнения казны – расширение прогрессивной шкалы НДФЛ до 22% на «пассивные» доходы: проценты по вкладам, дивиденды, операции с ценными бумагами, доходы от продажи и аренды имущества. **Это напрямую затронет минимум 4 млн человек – тех, кто годами пытался честно заработать и спасти накопления от обесценивания.**

Рядовой гражданин оказался зажат с четырёх сторон: он налогоплательщик, потребитель, вкладчик и вынужденный заёмщик… На этом мрачном фоне вызывающе выглядят отчёты банковского сектора: чистая прибыль по итогам года может достигнуть рекордных 4,4 трлн рублей (для сравнения, в 2023 г. чистая прибыль банковского сектора составляла 3,2 трлн руб., в 2024 г. – 3,8 трлн, в 2025 г. – 3,5 трлн руб.[44]).

Вопрос напрашивается сам: почему в условиях, когда реальная промышленность теряет доходы, финансовые посредники фиксируют сверхприбыли…?»[45]

«Нам будет тяжелее, условия станут жёстче, **однако сама экономическая конструкция от этого не изменится. При этом последствия в основном затронут середину и низ общества.** Речь не только о чиновниках, а о состоятельных людях, в том числе связанных с государством. Им станет немного теснее, **но системно их положение не изменится. Бедные беднеют, богатые богатеют – эта тенденция сохранится…»**[46]

Некоторые эксперты, анализируя современную экономическую политику либеральной части правящих элит, идут еще дальше и проводят исторические параллели с распадом СССР, связывая это трагическое событие в жизни России прежде всего с «длительным отсутствием экономического развития, а также недофинансированием гражданского сектора».

«У некоторых наших сограждан сохраняются представления, будто бы Советский Союз развалился из-за снижения нефтяных цен, а также из-за экономического давления внешних врагов. Но эта версия, к сожалению, не объясняет того факта, что от низких нефтяных цен не развалилась ни одна другая страна – нефтяной экспортер. Да и жесткое экономическое давление США на отдельные страны также почему-то не приводило к их распаду.

Так что Советский Союз пришел к финалу вовсе не из-за низких нефтяных цен и не из-за недофинансирования своей обороны или безопасности. **Более важными причинами возникновения массовых «требований реформ» было, среди прочего, длительное отсутствие экономического развития, а также недофинансирование гражданского сектора.**

Обеспечение стабильности с помощью увеличения налогов и постоянного роста монопольных тарифов пока можно считать относительно успешным. Российский бюджет финансирует все запросы со стороны обороны и госбезопасности. **Но куда может привести эта траектория повышения налогов на фоне стагнации и падения инвестиций в долгосрочной перспективе?**

Пока постоянная административная и налоговая бюджетная текучка позволяет чиновникам не сильно задумываться о том, что лежит на конце той траектории, по которой они движутся сегодня. **Но проблемы развития не исчезают по причине их игнорирования»**[47].

---

[44] Банковский сектор. Аналитический обзор // Банк России. Март 2026 г. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59730/analytical_review_bs-2025-4.pdf?ysclid=mvhy450drd335033514

[45] Банкиры устроили пир во время войны, а нам предлагают доплатить // Агентство деловой информации. 06.10.2026. URL: https://adi19.ru/news/144483-bankiry-ustroili-pir-vo-vrema-vojny-a-nam-predlagaut-doplatit?ysclid=mvjat1ysl1475945667

[46] Средний класс и бедные пострадают. Россию ждут перемены (оценка политолога С. Маркелова) // Дзен. 02.10.2026. URL: https://dzen.ru/news/story/cdb04d17-33c1-58c0-b3ca-9d779e256665?lang=ru&page=1&persistent_id=3442169800&story=738aa0cf-4cb7-53a2-bfb2-f4419e9e49f0&t=75127248551044710404

[47] Проблемы развития не исчезают по причине их игнорирования // Независимая газета. 20.10.2026. URL: https://www.ng.ru/editorial/2026-10-20/2_9607_red.html

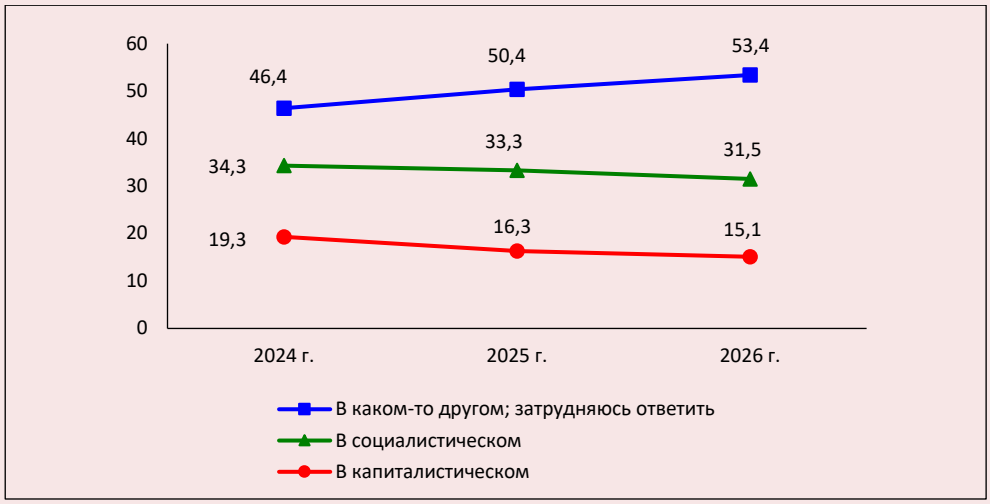
С учетом всего вышеизложенного (фактов, данных статистики, экспертных мнений, результатов социологических опросов населения) становится вполне очевидным, **почему в российском обществе по-прежнему остается актуальным вопрос «Какое государство мы строим?»:** почему (как пишет член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко) многие россияне до сих пор не понимают, «какое общество они созидают» и почему большинство из них не могут определиться с тем, «в каком обществе они хотели бы жить?» (*рис. 5*).

Ж.Т. Тощенко: «Что касается современной России, то согласование целей государства и народа во многом находится в состоянии неопределённости. **До сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они созидают**»[48].

Именно об этом сигнализируют результаты выборов в Государственную Думу РФ и в целом прошедшего Единого дня голосования 20 сентября 2026 года. Как отметили некоторые эксперты, мы столкнулись с «***гибридом консолидации вокруг СВО и протеста против „Единой России" и её либерального курса»***[49].

Рост явки избирателей и доли голосов, отданных за партию власти (а точнее за Президента и реализуемый им курс национального развития) **в 70 регионах страны**, действительно, говорит о многом. Он говорит о том, что общество консолидируется вокруг главы государства, рассчитывает на него, причем не только в решении ключевых внешних вызовов национальной безопасности, но и в организации внутренней жизни таким образом, чтобы она соответствовала публично озвучиваемым принципам социальной справедливости, традици-

Рис. 5. В каком обществе Вы хотели бы жить?, % от числа опрошенных



По данным проведенных социологических исследований, за период с 2024 по 2026 год распределение ответов респондентов на вопрос о том, в каком государстве они хотели бы жить, фактически никак не изменилось: **большинство людей не могут определить для себя – в социалистическом или капиталистическом. Причем их доля увеличивается с каждым годом: в 2024 г. – 46%, в 2025 г. – 50%, в 2026 г. – 53%.**

[48] Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 89.

[49] Выборы ГД-2026. Первое послесловие. Консолидация без баланса, система без обратной связи, КПРФ без права на самоуспокоение // Центр исследований политической культуры России (ЦИПКР): С.П. Обухов, доктор политических наук. В подготовке участвовали: А.М. Михальчук, И.М. Куприянова, А.М. Богачев, кандидат психологических наук // Сайт КПРФ. 22.09.2026. URL: https://kprf.ru/activity/elections/247703.html?ysclid=muf4m326p4359734339

онных ценностей, «приоритета духовного над материальным». **Сегодня, в условиях продолжающейся СВО, это самое главное.**

Однако ряд других итогов прошедшей избирательной кампании – **50 субъектов РФ**[50], в которых поддержка «Единой России» оказалась меньше, чем в среднем по стране; **7 регионов**[51], в которых «Единая Россия» не набрала и 40% голосов избирателей; **5 из 8 регионов**[52], в которых уменьшилась поддержка кандидатов от «Единой России» на должность руководителей субъектов РФ – всё это сигналы о том, что избиратель **видит** несовершенство существующей системы государственного управления и её последствий для «простых граждан». **Видит и осознает** ее противоречие с тем образом будущего России как суверенного социально ориентированного государства, движение к которому началось еще в 2000 году, а с 2022 года за него приходится бороться «с оружием в руках».

Безусловно, важным и обнадеживающим нововведением для российской системы государственного управления стала инициатива Президента по созданию программы «Время героев»[53], которая в настоящее время приводит к вполне конкретным, практическим результатам.

Всего в Государственную Думу IX созыва «были избраны впервые **46 участников и ветеранов специальной военной операции.** А если говорить о выборах всех уровней, то очень впечатляющая цифра: **655 участников СВО**»[54].

Подчеркивая важную роль ветеранов СВО в новом составе парламента, В. Путин отметил: «*Уверен, сохраняя традиции фронтового братства, они будут укреплять и усилят депутатский корпус*»[55].

Однако большинство экспертов пока что сходится в мнении о том, что даже само наличие значительной группы ветеранов СВО, выпускников программы «Время героев» в Государственной Думе вовсе не гарантирует каких-либо ощутимых изменений в процессе принятия управленческих решений. Эффективность этого инструмента по-прежнему остается лишь потенциальной, потому что она измеряется **не количеством ветеранов СВО в парламенте, а характером законодательных инициатив и принимаемых решений.**

---

[50] Ростовская обл., Ивановская обл., Курганская обл., Московская обл., Самарская обл., Республика Калмыкия, Ханты-Мансийский авт. округ, Псковская обл., г. Санкт-Петербург, Еврейская авт. область, Астраханская обл., Нижегородская обл., Тульская обл., Пензенская обл., Калининградская обл., Республика Бурятия, г. Москва, Ульяновская обл., Владимирская обл., Чувашская Республика, Челябинская обл., Пермский край, Липецкая обл., Хабаровский край, Костромская обл., Удмуртская Республика, Тверская обл., Калужская обл., Республика Алтай, Республика Марий Эл, Республика Коми, Омская обл., Республика Саха (Якутия), Новосибирская обл., Орловская обл., Ненецкий авт. округ, Алтайский край, Свердловская обл., Красноярский край, Республика Хакасия, Забайкальский край, Новгородская обл., Мурманская обл., Томская обл., Ярославская обл., Иркутская обл., Архангельская обл., Кировская обл., Республика Карелия, Вологодская обл.

[51] Томская область, Ярославская область, Иркутская область, Архангельская область, Кировская область, Республика Карелия, Вологодская область.

[52] Белгородская область, Брянская область, Пензенская область, Ульяновская область, Республика Мордовия.

[53] Впервые идея о запуске кадровой программы «Время героев» прозвучала в Послании Президента РФ Федеральному собранию 29 февраля 2024 г.

[54] Встреча Президента РФ с Председателем Центризбиркома Э. Памфиловой 28 сентября 2026 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/80867

[55] Выступление В. Путина на первом заседании Государственной Думы IX созыва 30.09.2026 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/80896?ysclid=mvez9vnu5e228349148

«Если и дальше не будет никакой конкретики по поводу того, в чем же должна заключаться роль «депутатов от СВО», то можно будет считать, что их использовали только для усиления предвыборного пиара ЕР. А дальше они просто станут работать, как и все обычные парламентарии...

Эксперты пока **осторожно** высказываются о том, каковой может стать думская позиция группы фронтовиков:

Генеральный директор Центра политической информации А. Мухин: «**Избрание ветеранов СВО преподносится как исполнение воли и конкретного поручения президента**»...

Глава Политической экспертной группы К. Калачев: «Депутат Госдумы сейчас – это в первую очередь дисциплинированный и лояльный человек, готовый следовать фракционной и комитетской дисциплине. Да, власть будет расширять присутствие ветеранов СВО в законодательных и представительных органах. **Но «Боевого братства» в Госдуме не будет**»[56].

Таким образом, возвращаясь к началу анализа и проецируя проведенный анализ сегодняшнего дня на общий исторический контекст развития России в XXI веке, можно отметить, что прошедшая избирательная кампания в Государственную Думу в очередной раз продемонстрировала **наличие общего вектора движения у государства и общества в сторону укрепления национального суверенитета и внутреннего единства.**

Однако пока что Россия находится лишь в начале пути, который должен привести её к «***обществу, в котором хочется жить и работать***». Это долгий и извилистый путь, на котором ещё предстоит устранить слишком много застарелых проблем, чтобы вывести страну на качественно иной, более высокий уровень исторического развития. Это главная задача для Президента и всей системы государственного управления после окончания СВО.

«Новая экономическая модель **по определению должна иметь глобальное измерение:** и в смысле использования „внешних" трудовых и производственных ресурсов, и в социальном отношении – **сформировать общество, в котором хочется жить и работать**»[57].

Чтобы пройти этот путь, движение должно быть однозначным, непротиворечивым, понятным и поддерживаемым большинством населения. Оно может быть медленным и осторожным (как показал принцип «здорового консерватизма»[58], которым всегда руководствовался Президент РФ в своей деятельности), и то только тогда, когда к этому располагают внешние политические и экономические условия (чего нельзя сказать, например, о военном времени).

«Государство, которое мы хотим строить – **лидерское, со сменяемым, подтвержденным выбором народа лидером и сильной демократией,** земством на местах. Экономически мы строим **народный капитализм,** где собственность неприкосновенна, **но показательное потребление постыдно**, где цель бизнеса – **служить благосостоянию всех, увеличению мощи государства, новой российской идеологии с ее упором на развитие Человека в его служении Родине»**[59].

[56] Гармоненко Д. Обновленная элита показала в Госдуме свои погоны и ордена // Независимая газета. 30.09.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-09-30/1_9593_elite.html

[57] Белоусов Д.Р. Некоторые узлы экономической и политической повестки: следующие двадцать лет: доклад на научно-практической конференции «Россия и новая многополярность: от идеи к реальности». 6 октября 2026 г. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/202609CKMI.pdf

[58] Выступление В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/66975?ysclid=mvi1rp7tnb612374946

[59] Караганов С. Российская идея-мечта XXI века / Полис. Политические исследования. 01.07.2025 // Официальный сайт С. Караганова. URL: https://karaganov.ru/rossijskaja-ideja-mechta-xxi-veka/?ysclid=mvi1j5z5eo7971760

Но самое главное, конкретные решения, принимаемые главой государства, и особенно это касается представителей системы государственного управления на всех уровнях власти, не должны вводить избирателя в диссонанс между Настоящим и Будущим; между тем, что он видит в реальной повседневной жизни, и тем, к чему он стремится, руководствуясь даже не своими личными интересами, а ориентирами, заданными публичной риторикой самого Президента.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Russian Voters Backed the President's Course of Nationally Oriented Development Despite Signals of Accumulating Problems in the Regions

Abstract. On September 18–20, 2026, Russia held elections to the State Duma of the 9th convocation – the first parliamentary election campaign held during the special military operation. The voting results showed that the majority of Russian voters continue to support the course of nationally oriented development pursued by President Vladimir Putin for more than 25 years: compared with previous elections, voter turnout rose by 10 million (from 57 to 67 million), and the number of votes cast for the ruling party United Russia rose by 11 million (from 28 to 39 million). Overall, the election results objectively reflect the situation in the country: both the consolidation of society amid growing external threats to national security and the effective work of the authorities and the State Duma in maintaining the public administration system under the emergency conditions created by the ongoing special military operation. At the same time, an in-depth territorial analysis of the voting suggests that Russian society is increasingly demanding that the authorities take more decisive action to bring life in the country into line with the declared principles of social justice and the priority of the spiritual over the material, and to create "a society in which one wants to live and work". Evidence from real life indicates that Russia still has a wide range of problems associated with the existence of "crony capitalism" in the country and with the capitalist value system in society that stems from it. The presence of such problems as growing corruption and bribery among the ruling elites (political, economic, and others), the widespread promotion of pro-Western consumerist values in mass culture, and flaws in a number of key structural elements of the public administration system cause alarm and dissonance among most Russians. This manifests itself in uncertainty about the future and, in part, about state policy, which creates conditions for these contradictions to accumulate rather than be resolved. Society's demand for resolving them is addressed primarily to the head of state and the entire political system, and the State Duma elections also demonstrated it, confirming numerous expert assessments and public opinion poll results. In analyzing the voting results, the authors draw on official data from the Central Election Commission of the Russian Federation; the views of political scientists, economists, government officials, and experts from other fields; and public opinion polling data and real-life facts, thereby creating a "snapshot" of the present day that objectively reflects the results of the largest domestic political event of the year in Russia. The scientific novelty of the study lies in systematizing and interpreting large-scale data on the results of the last five parliamentary election campaigns held between 2007 and 2026, which made it possible to draw

important conclusions about the specifics and prospects of relations between the state and society – two key and inextricably linked subjects of the political process. The authors examine the elections primarily in historical context, analyzing them in light of Russia's entire historical trajectory in pursuing the general course of nationally oriented development under the leadership of the President of the Russian Federation.

Key words: State Duma elections, public opinion, public administration system, society, elites.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.2
УДК 330, ББК 65.01
© Балацкий Е.В.

Эрозия и деградация институтов: общая теория и исторические прецеденты



Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. Мировая история содержит множество событий, которые нуждаются в более глубоком осмыслении. Это положение особенно актуально для исторических событий, связанных с кардинальным преобразованием системы государственного управления в разных странах. Для лучшего понимания подобных процессов предлагается уравнение динамики качества институтов, которое основано на разнесении таких явлений, как эрозия институтов, связанных с их отставанием от экономических потребностей общества, и деградация институтов, вызванная спадом культуры правящих элит. Аналитические возможности нового подхода продемонстрированы на четырёх исторических примерах: преобразовании Римской Республики в Римскую Империю, создании в США института глубинного государства, распаде государственности СССР и деградации управления в современной Германии. Для более выпуклого отражения сугубо экономических, институциональных и культурных факторов исторических процессов использовался метод институциональной реконструкции. Данный подход позволил раскрыть отдельные аспекты исторической динамики, которым раньше не находилось адекватного объяснения. В частности, это помогло объяснить парадокс Цицерона, в соответствии с которым система государственного управления переходит от более совершенной к примитивной институциональной модели.

Ключевые слова: эрозия, деградация, институциональная теория, глубинное государство, государственное управление.

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2026). Эрозия и деградация институтов: общая теория и исторические прецеденты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 47–69. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.2

For citation: Balatsky E.V. (2026). Institutional erosion and degradation: A general theory and historical precedents. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 47–69. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.2

Благодарность

Автор приносит благодарность анонимным рецензентам и особую благодарность Жаку Сапиру за его блестящий разбор статьи, который не только позволил улучшить её содержание, но и глубже понять многие поднимаемые в ней вопросы.

Введение: эволюция институтов

Современное общество и накопленные знания позволяют по-новому взглянуть на феномен государства, который демонстрирует удивительную пластичность во времени. Она проявляется как в формировании разного государственного строя на отдельных исторических отрезках, так и в создании поразительно разных институциональных систем в рамках одной политики. Таким образом, институциональная основа государства постоянно изменяется посредством мелких усовершенствований, масштабных реформ и социальных революций. При этом динамика государственных институтов демонстрирует как поступательные, так и возвратные тенденции, приводя к формированию грандиозных институциональных циклов и необходимости их системного объяснения.

Начавшаяся в 2020-х годах глобальная геополитическая турбулентность выводит на поверхность ряд явлений, которые раньше были незаметны и не попадали в фокус внимания академических исследователей. Среди таковых можно выделить следующие: парадокс Цицерона и его исторические проявления в античном мире; возникновение глубинного государства в США; распад социалистического строя СССР; накопление ошибочных геополитических решений правительством современной Германии. Препарирование названных событий с институциональной точки зрения и их системное объяснение формируют цель и содержание данной статьи. Однако для успешного решения поставленных задач необходимо опереться на некий теоретический институциональный базис, касающийся таких понятий, как эрозия и деградация институтов. В связи с этим разбор указанных вопросов будет предварять последующий анализ четырёх исторических социально-политических феноменов. Методология исследования состоит в использовании традиционных методов институционального анализа, а новизна авторского подхода заключается в строгом разнесении понятий эрозии и деградации институтов, а также применении метода институциональной реконструкции, предполагающего оригинальное структурное сопряжение институциональных, экономических, политических и культурных факторов эволюции государственных систем управления.

Предлагаемый в статье подход носит междисциплинарный характер в том смысле, что он выводит на первое место кибернетические (управленческие) вопросы с преимущественным использованием аппарата экономической теории. Одновременно с этим при разборе явлений будут широко использоваться исторические прецеденты институционального переформатирования систем государственного управления.

Указанными обстоятельствами предопределяется структура статьи: сначала подытожим некоторые институциональные понятия и идеи, которые необходимы для толкования ранее необъяснённых социальных явлений; на следующем этапе соберём новые понятия в виде общей теории эволюции социальных систем и государственных институтов; после этого применим новую теоретическую схему к объяснению четырёх явлений – парадокса Цицерона для случая преобразования Римской Республики в Римскую Империю, возникновения глубинного государства в США, распада государственности СССР и ухудшения государственного управления в современной Германии.

Эволюция государственных институтов: основные идеи

Относительно недавно была опубликована работа, посвященная эрозии институтов, в которой дан достаточно подробный экскурс в предшествующую институциональную тематику (Балацкий, 2023). Данное обстоятельство позволяет нам ограничиться обзором новых и самых важных идей, имеющих непосредственное отношение к поставленным исследовательским задачам. В связи с этим сделаем акцент на нескольких идеях, принципиально важных для последующего изложения.

Прежде всего сразу оговоримся, что под институтами здесь и далее мы будем понимать нормы (правила) поведения больших масс людей (Полтерович, 1999). Институты могут быть *формальными* – законодательно закреплёнными в различных нормативных документах; и *неформальными* – выражающимися в традициях и привычках. Наш последующий анализ будет сфокусирован преимущественно на формальных институтах, которые закреплены и поддерживаются государством. В этом смысле они образуют ядро институциональной системы, а неформальные служат её дополнением.

Первая идея, имеющая для нас значение, связана с законом К. Маркса о соответствии производительных сил производственным отношениям (Маркс, Энгельс, 1960). Согласно этому положению, *производительные силы*, выражением которых является действующая хозяйственная система с достигнутым ею технологическим уровнем, постоянно развиваются и со временем перерастают изначальные *производственные отношения*, которые легитимированы сформировавшейся институциональной структурой государства. При слишком большом несоответствии экономической и институциональной подсистем должна происходить революционная замена устаревших отношений (институтов). Тем самым в учении Маркса постулируется постепенная эрозия институтов из-за «разбегания» производительных сил и производственных отношений, однако в его схеме отсутствуют институциональные реформы, позволяющие адаптировать действующую нормативную систему под экономические реалии, а основное внимание уделяется накоплению структурных несоответствий и дискретному (революционному) характеру приведения их в соответствие друг с другом.

Примечательно, что ещё до Маркса осмысление динамики институтов было предпринято Ф. Гизо, который полагал, что общество никогда не распадается раньше, чем в его среде не возникнет нечто новое (Гизо, 2016). В современной интерпретации идея Гизо выражается следующим образом: институты являются продуктом компромиссов между социальными группами и призваны направлять их конфликты в определённое русло; если же достигнутые компромиссы нарушаются, то и лежащие в их основе институты приходят в упадок (Amable, 2017). Такое представление о динамике институтов опирается на концепцию институциональной комплементарности, согласно которой в экономической системе существуют определённые институциональные формы, которые взаимодействуют и усиливают друг друга, тем самым повышая согласованность и стабильность конкретной институциональной конфигурации (Amable, 2016).

Углубление представлений о природе институтов связано с разведением их двух составляющих – абстрактных норм поведения и их конкретного содержания в лице экономических агентов с их технологической и культурной вооруженностью. В этом случае институты сами по себе не обладают никакой имманентной эффективностью, а приобретают её только в результате сопряжения с конкретными экономическими, технологическими и культурными реалиями. Если понимать институты как социальные технологии, то их действенность (равно как и у производственных технологий) зависит от того, кто и как ими пользуется, а также какой материал они «перерабатывают» (Балацкий, Екимова, 2019). В данном контексте социальная система выступает в качестве бинарной комбинации *институциональной оболочки* и её *экономического содержания*, что у Маркса выражено в терминах производственных отношений и производительных сил.

В условиях разрушения в XXI веке старого мирового порядка стала более откровенно формулироваться вторая идея современного институционального анализа – о *деградации институтов* нынешней западной демократии. В частности, было выдвинуто предположение о том, что традиционная система жёсткой межпартийной конкуренции неизбежно порождает механизм деградации моральных норм в политической сфере и снижения эффективности политической системы, а следовательно, и всей институциональной организации западных стран. В результате широкого распространения интернета эти процессы резко интенсифицировались за счёт спада общей культуры граждан (Полтерович, 2021). Несколько позже эта идея получила дальнейшее развитие в тезисе о том, что позитивное взаимодействие четы-

рёх групп факторов эволюции западных стран: технического прогресса, гражданской культуры, институтов и уровня благосостояния – на сегодняшний день исчерпано. Во многом этот процесс связан с *упадком гражданской культуры*, порождаемым эффектом деструктивного альтруизма, и деградацией институтов конкуренции вследствие «проблемы грязных рук» (Полтерович, 2026).

Следующий шаг в развитии институциональной теории связан с концепцией сложности Д. Дзоло, которая трактует политику как балансировку полярных ценностей – личной безопасности и свободы, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека (Дзоло, 2010). Идея Дзоло о диалектичности политического процесса продолжает интеллектуальную традицию Д. Норта о двойственной природе институтов (Норт, 2010). Новая трактовка Дзоло наиболее ярко может быть представлена в терминах кривых спроса и предложения, когда демократия достигается в точке пересечения кривых свободы и безопасности. Тогда третья базовая идея современного институционального анализа представляет собой утверждение о том, что эволюционные *шоки сложности* сдвигают исходную кривую безопасности к началу координат (Дзоло, 2010). Это соответствующим образом смещает точку равновесия к нулевой отметке и означает ослабление демократических институтов в пользу авторитарных режимов (Балацкий, 2013). В итоге мы получаем нелицеприятный вывод – усложнение социального мира ведёт к снижению эффективности демократических институтов и их постепенному разрушению. Подчеркнём, что источником неэффективности институтов в концепции Дзоло выступает эволюционный рост сложности социальной системы.

Чрезвычайно важно, что безальтернативность тенденции усложнения социума основана на *эволюционном правиле* Д. Норта, согласно которому мир развивается путём перекладывания рисков из физического мира в мир социальный (Норт, 2010). В свою очередь попытки сдержать рост сложности социальной системы продуцируются такими общесистемными и кибернетическими законами, как закон У.Р. Эшби, закон Е.А. Седова, закон Ч. Гудхарта, закон Д. Кемпбелла и т. п. (Балацкий, 2013).

Четвёртая идея институционального анализа состоит во введении в рассмотрение феномена *эрозии институтов*, под которым понимается снижение эффективности институтов из-за усложнения/упрощения экономической системы (Балацкий, 2023). В иной трактовке этот тезис эквивалентен утверждению о влиянии экономического роста на качество институтов. Формализация этого фактора позволяет сконструировать уравнение эрозии институтов, которое можно считать логическим завершением макроэкономической модели роста. При этом масштаб и сложность экономической системы трактуются как взаимосвязанные понятия, а зависимость качества институтов от экономического роста позволяет обеспечить обратную связь в динамической модели роста.

В данном контексте подчеркнём тот факт, что упомянутые выше концепции Гизо и Амабля раскрывают представление о том, что институты являются результатом экономического роста. Согласно их представлениям, рост и институты связаны между собой промежуточным механизмом взаимных интересов разных социальных групп. В таком случае экономический рост способен подрывать старые классовые союзы, расшатывать политические блоки и ставить перед правительствами новые вопросы, а сами институты оказываются предметом пересмотра прежних договоренностей (Amable, 2016).

Перечисленные идеи позволили существенно продвинуться в объяснении и понимании механизма эволюции социальной системы, однако последующие академические дискуссии выявили некоторые недоговоренности и шероховатости новых понятий. Например, имеет ли смысл различать понятия эрозии и деградации институтов или это фактические синонимы? Есть ли у этих понятий положительные понятия-антиподы? Как помогают понятия эрозии и деградации институтов углубить наши представления об эволюции человеческой цивилизации?

На эти и другие вопросы будут даны ответы в последующих разделах статьи.

Эрозия и деградация институтов: общая теория

В ранней работе (Балацкий, 2023) было предложено уравнение институциональной эрозии, которое выступало в качестве центрального элемента обобщённой теории экономического роста:

$$dI/dt = R + \nu I - \Omega, \qquad (1)$$

где I – качество (эффективность) институтов;

ν – коэффициент «шлифовки» институтов, отражающий адаптивное самосовершенствование правовой системы;

R – эффект от проводимой институциональной реформы;

Ω – эффект эрозии институтов из-за постепенной трансформации экономической системы ($\Omega > 0$).

С учётом ранее сказанного можно немного уточнить и обобщить уравнение (1):

$$dI/dt = (R + \nu I) - [\Omega + \Psi], \qquad (2)$$

где Ψ – эффект деградации институтов из-за деградации управленческой и гражданской культуры ($\Psi > 0$).

Таким образом, в круглых скобках правой части уравнения (2) фигурирует положительный вклад в качество институтов в виде «эффекта шлифовки» (самосовершенствования) (νI) и «эффекта исправления» (реформ) (R), а в квадратных скобках – отрицательный вклад в форме «эффекта эрозии» (Ω) и «эффекта деградации» (Ψ). В таком виде институты превращаются из относительно экзогенного фактора экономического развития в сугубо эндогенный, который зависит и от экономических достижений макросистемы, и от сложившегося уровня культуры, и от управленческих навыков общества по исправлению норм своего существования, и от умения совершенствовать эти нормы.

Поясним смысл введённых уточнений.

Прежде всего здесь мы строго разграничиваем объективные и субъективные факторы. Например, элементы (νI), (R) и (Ψ) зависят от культуры, профессионализма и навыков представителей системы государственного управления, их целей и горизонта планирования, тогда как элемент (Ω) фиксирует вызовы подсистемы управления со стороны управляемой подсистемы. Для понимания разницы между эрозией и деградацией институтов следует ввести уровень управленческой культуры (K) и уровень сложности экономической системы, который так или иначе связан с масштабом экономики (Y), т. е. уровнем производства (ВВП). Таким образом, феномен *эрозии институтов* показывает степень накопившегося несоответствия институтов к сложившемуся уровню (масштабу) сложности экономики ($\Omega = \Omega(Y)$), а феномен *деградации институтов* демонстрирует несоответствие сформировавшихся институтов к уровню культуры тех, кто ответствен за их поддержание в дееспособном состоянии. В такой трактовке становится предельно ясна разница между рассмотренными двумя явлениями. Хотя, на первый взгляд, они могут казаться очень похожими, их природа принципиально различна.

Что касается реформ, то она по определению направлена на обеспечение прироста качества институтов $R = \Delta I$ (Балацкий, 2021) и в равной мере зависит как от изменяющейся внешней среды, так и от искусства (культуры) властей по проектированию программы реформ (Полтерович, 2007): $R = R(Y, K)$. Тогда уравнение (2) задает довольно очевидное и естественное условие позитивной эволюции институтов:

$$R(Y, K) > \Omega(Y) + \Psi(K) - \nu I. \qquad (3)$$

Очевидно, что условие (3) ничем не гарантировано и в определённые исторические периоды может не просто нарушаться, а доходить до критичной стадии, тем самым провоцируя различные социальные движения – от масштабных и весьма болезненных реформ до кровавых революций и гражданских войн. Причём важным моментом таких движений является тот факт, что иногда никакие реформы не могут компенсировать потенциал несоответствия между институтами с одной стороны и хозяйственной системой и культурой – с другой. По всей видимости логика перехода от реформ к институциональной ломке с принципиальным изменением строя и государственного правления определяется следующим правилом: пока имеет место условие $I > I^*$, где I^* – некая минимальная критическая величина эффективности институтов, то возможно проведение прогрессивных реформ по повышению качества

социального порядка; в противном случае старый институциональный уклад разрушается и заменяется на новый, в том числе силовым путём – с помощью мятежей, переворотов, революций и т. п.

Для лучшего понимания разницы между эрозией и деградацией институтов приведём два простых примера из истории СССР. Первый связан с действием довольно разумного института сбора населением макулатуры – обменом собранной бумаги на специальные талоны на популярные книги с последующим их выкупом. Данная институциональная норма никак не может быть признана негативной – она поддерживала щадящий экологический режим в отношении вырубки лесов, инициировала разумную организационную модель по утилизации бумаги и поддерживала интерес у населения к лучшим произведениям мировой литературы. Однако деградировавшая советская элита довела этот институт до полного абсурда: во-первых, получение абонемента на одну книгу предполагало сдачу 20 кг макулатуры, что является запредельной величиной (ничто не мешало ввести норматив в 5 или хотя бы 10 кг); во-вторых, качество книг по абонементам иногда было поразительно низким (из газетной бумаги со слоями разного цвета и т. п.); в-третьих, книги по абонементам продавались не по сниженным, а по завышенным (рыночным) ценам. Неудивительно, что столь хорошее начинание обернулось своим полным вырождением – абонементы стали продавать за деньги, что, с одной стороны, позволяло не сдавать макулатуру, а с другой– ещё больше увеличивало цену книги. Бесконтрольность процесса привела к тому, что через некоторое время даже наличие абонемента уже не гарантировало получение книги, а это окончательно похоронило исходный институт, т. е. привело к его полной *деградации*. Подчеркнём, что в данном примере очень чётко разделены сама институциональная норма и практика её реализации, что и говорит о ведущей роли низкой культуры советской элиты в падении эффективности советских институтов.

Второй пример связан с падением темпов экономического роста в СССР после трёх десятилетий их поддержания на высоком уровне. Как оказывается, падение динамичности развития Советского Союза стало следствием неадекватности плановой системы для решения задачи внедрения технологических инноваций. Дело в том, что по истечении срока службы основных фондов и возникновения потребности в их масштабной замене сделать это эффективно в условиях планового ведения хозяйства практически невозможно. Все советские предприятия получали план по валовому выпуску продукции, а любое обновление производственного парка требовало его остановки, ремонта, переналадки и замены, что автоматически нарушало директивные планы и порождало противоречие между плановой ритмичностью производства и его эффективностью на основе внедрения технологических инноваций (Попов, 2025). Попытка СССР сохранить *чистую институциональную* стратегию (план или рынок) ослабила экономику страны, тогда как впоследствии в Китае была внедрена *смешанная стратегия* (план и рынок одновременно), которая позволила ему сохранить высокую динамичность производства и запустить технологический прогресс (Балацкий, 2025). В данном примере мы видим, что никакие действия советских властей не могли сохранить эффективность системы плановой экономики без частичного демонтажа её исходной основы. В этом смысле *эрозия* институтов стала прямым следствием новых вызовов и явлений в экономической жизни СССР.

Таким образом, как было указано ранее, феномены эрозии и деградации институтов имеют разную природу – *объективную* и *субъективную* соответственно. Однако эти понятия имеют и другое измерение. Так, эрозия отображает *стратегические* и *долгосрочные* эволюционные сдвиги в паре «институты/экономика», тогда как деградация сопряжена с оперативными ошибками в принятии управленческих решений и преимущественно краткосрочным характером в соотношении «институты/культура». Эти положения могут быть весьма полезными для углублённого исторического анализа.

Ранее был поставлен вопрос о наличии у понятий эрозии и деградации институтов положительных понятий-антиподов. Ответ состоит в том, что эрозия институтов – самостоятельное явление, которое не имеет симметричного положительного проявления: удовлетворительная система институтов приходит в негодность из-за постоянной позитивной динамики хозяйственной системы (экономического роста),

однако улучшение качества институтов по причине примитивизации экономики трудно представить; в любом случае подобный эффект можно отнести к случайным явлениям. Относительно деградации институтов ситуация иная – симметричное явление имеет место тогда, когда происходит рост качества институтов по причине адаптации культуры населения к действующим нормам, например в случае уменьшения нарушений правил дорожного движения в результате роста культуры и самосознания автомобилистов. Таким образом, эффект деградации институтов в уравнении (2) может принимать отрицательные и положительные значения ($\Psi < 0$), тогда как эффект эрозии – только положительные ($\Omega > 0$).

Подытоживая сказанное, напомним, что ранее было введено понятие *институциональной парадигмы*, под которой понимается совокупность исходных базовых принципов институциональной модели государства (Балацкий, 2023). Как правило, реформы направлены на «ремонт» институтов, но не затрагивают институциональных основ, которые, в свою очередь, пронизаны некоей институциональной парадигмой. Именно поэтому в реальной жизни вместо прогрессивных реформ иногда происходят деструктивные революции, призванные изменить именно исходную социальную парадигму устаревшей правовой системы.

Метод институциональной реконструкции

Представленная выше теория неявно содержит предположение о том, что она может хотя бы частично верифицироваться и быть оцифрована в соответствии с современными требованиями. В связи с этим следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, принципиальная возможность количественной оценки уравнения динамики качества институтов (2) существует, однако этот процесс крайне затруднён из-за неоднозначности в измерении самого качества институтов[1]. Например, имеется множество *субъективных* частных индексов качества институтов, которые оцениваются экспертным путём различными специализированными агентствами. При этом в эконометрических работах для повышения объективности анализа часто конструируют показатель качества институтов как взвешенное среднее нескольких частных индексов (например, индекса правопорядка (rule of law index), качества управления (the bureaucratic quality index), уровня коррупции (the corruption in government index), риска экспроприации (the risk of expropriation index), риска аннулирования контрактов правительством (the government repudiation of contracts index)); данный показатель, как правило, нормируется так, чтобы принимать значения от 0 до 1 по мере роста качества институтов (Карташов, 2007). Субъективность указанных индексов и их противоречие друг другу, а также субъективность процедуры их агрегирования являются серьёзной проблемой в цифровизации институциональной динамики.

Во-вторых, иная аналитическая традиция, предполагающая переход к максимально *объективным* показателям институционального потенциала государства, также не решает проблемы. Например, в качестве прокси-переменных качества институтов часто рассматривают уровень убийств как проявление несоблюдения монополии государства на насилие и долю теневой экономики[2] как признак несоблюдения его экономических правил и монополии на взимание налогов (Popov, 2011). Указанные количественные индикаторы могут приходить в явное противоречие с экспертными индексами качества институтов и даже противоречить друг другу, что осложняет простые количественные замеры. Аналогичная проблема возникает при рассмотрении индекса доверия, который основан на опросах населения и может претендовать на некую агрегированную характеристику эффективности институтов. Как оказывается, процесс доверия характеризуется не только интенсивностью, но и размером совокупности людей, с которыми реально взаимодействует индивид. В разные периоды времени интенсивность и радиус доверия могут принимать разнонаправленные тенденции (Полтерович, 2016).

[1] В современной литературе понятия качества и эффективности институтов выступают как синонимы. Это связано с тем, что качество институтов обеспечивается определёнными бюджетными затратами, что и делает эти понятия эквивалентными.

[2] Заметим, что оценка доли теневой экономики относится скорее к разряду полуобъективных показателей, ибо имеется множество альтернативных методик получения искомых цифр.

В-третьих, применительно к уравнению (2), самостоятельную трудность представляет оценка эффектов реформ (R), эрозии (Ω) и деградации (Ψ) институтов. При этом два последних показателя зависят от уровня сложности экономической системы и показателя культуры соответственно, что сопряжено с поиском неочевидных соответствующих метрик измерения. Например, сложность экономики может задаваться некоей нелинейной функцией от уровня ВВП или душевого ВВП, а уровень культуры замеряется, как правило, субъективными оценками, аналогичными таким же показателям качества институтов. Манипулирование метриками сложности экономики и индикаторами качества институтов порождает широкий диапазон формальных построений и получаемых выводов.

В-четвертых, самостоятельную проблему порождают спекулятивные возможности эконометрики, когда манипулирование переменными, спецификацией модели и временными лагами позволяет добиться выполнения статистических тестов практически во всех случаях. Подгонка отдельных элементов модели под заранее заданный результат даёт возможность отыскать конфигурацию, которая отвечала бы всем требованиям теории.

Всё сказанное означает, что количественная верификация модели (2) возможна, но желательно иметь и альтернативные подходы к её проверке. В данном качестве можно предложить *метод институциональной реконструкции* (МИР), который предполагает реконструкцию определённых исторических событий для раскрытия логики взаимодействия происходящих институциональных, экономических и культурных изменений. Этот метод имеет явное сходство с методом *стилизованных примеров*, которые взяты из реальной жизни, обладают определёнными свойствами (реальности, типичности, выразительности и объективности) и позволяют не только распознать регулятивные тренды, но и дать их институциональное описание (Балацкий, 2015). Имеется некоторое сходство между МИР и методом кейс-стади, в основе которого лежит анализ конкретных ситуаций (кейсов) из профессиональной практики, экономики, социальной сферы, бизнеса и других областей (Проскура, Терехова, 2017). Однако больше всего МИР похож на подход, развитый Д. Аджемоглу и соавторами в серии работ (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024), где рассматриваются взаимообусловленные сдвиги в экономике, политике и институтах.

МИР не отвечает нормам формальной строгости, но позволяет на качественном уровне уяснить ситуацию и понять содержательные аспекты институциональных преобразований в широком историческом контексте. В дальнейшем продемонстрируем применение этого метода на отдельных, наиболее выразительных исторических примерах.

Парадокс Цицерона: сущность и объяснение

Для институциональной теории важное значение имеет объяснение так называемого *парадокса Цицерона*. Напомним, в чём состоит данное явление.

Уже в Древнем Риме возникла доктрина смешанных институциональных стратегий в политической сфере, которая свою зрелую форму получила в работе Марка Туллия Цицерона «О государстве» (Цицерон, 2021). Ещё до Цицерона греческая мысль выделяла три правильные *чистые* формы государственного правления: монархию – законную власть одного человека; аристократию – власть избранного совета; демократию – власть всего народа, соблюдающего собственные законы. Однако все они несовершенны и тяготеют к своим крайностям или отрицательным диалектическим противоположностям: монархия легко превращается в деспотическое правление – тиранию, аристократия вырождается в господство знатных и богатых – олигархию, а демократия скатывается к господству толпы – охлократии (Бобровникова, 2006, с. 346). По мнению Цицерона, три положительные формы правления: монархия, аристократия и демократия – идеально уравновешены в Римской Республике, в которой власть разумно распределена между монархическим элементом, представленным ежегодно переизбираемыми народными консулами; аристократическим в лице сената; демократическим в форме народного собрания (Бобровникова, 2006, с. 347). Тем самым в республиканской форме правления достигается равновесие между тремя *чистыми* институтами власти, образующими *смешанный* институт.

Однако именно Цицерон, обосновавший институциональные преимущества республики, стал свидетелем и жертвой падения республиканской формы правления и её перерождения в имперский строй. Иными словами, более тонкий и совершенный институт республики был заменён более примитивным и грубым институтом империи (монархии), в чём и состоит *парадокс Цицерона*.

Учитывая, что Римская Республика, равно как и заменившая её Римская Империя, просуществовали несколько столетий, то парадокс Цицерона не был случайным явлением, а потому нуждается в системном объяснении.

Наш ответ на поставленный вопрос заключается в следующем: Римская Республика к концу своего существования вступила в стадию беспрецедентной *внешней экспансии*, которая автоматически делала республиканскую форму правления неэффективной, т. е. приводила к её активной эрозии и требовала иной институциональной парадигмы, которая и была сформирована в рамках Римской Империи.

Указанный процесс институциональной рокировки проходил путём реализации трёх институциональных трендов. Первый представлял собой постепенную разбалансировку между непрерывно возрастающей и усложняющейся экономической системой (территория, население, объём экономическая активность, сложность системы управления и т. п.) и законсервировавшейся институциональной структурой власти. В наших терминах это означает быструю эрозию действующих институтов в сторону полной потери ими своей дееспособности (Балацкий, 2024a). Второй тренд связан с возникновением так называемого *насоса богатства* в форме громадной добычи от завоевательных походов и формированием на этой основе класса *контрэлит* в противовес действующей правящей верхушке (Турчин, 2024). Третий тренд включал кристаллизацию новых элит в результате внутренней борьбы, истребление старой власти и установление новой и более эффективной формы государственного правления – императорской власти (Балацкий, 2024b).

Фактологическое наполнение первого тренда хорошо известно: выборная процедура консулов «поставляла» новые действующие лица на политическую арену, тем самым усиливая политическую конкуренцию; возвращение с войны обогатившихся триумфаторов вело к росту числа представителей элиты, способных приводить в действие большие массы населения и ставить под вопрос дееспособность старых институтов власти; необходимость согласования полководцами своих действий с консервативным сенатом снижала оперативность политических решений и вызывала своеобразные институциональные провалы в ходе боевых действий; большое число восстаний рабов, италийских и других племён на фоне войны требовало предельно жёстких и даже жестоких волюнтарных решений, выходящих за рамки республиканских институтов; завоевательные походы в разных географических направлениях предусматривали долгосрочную политику согласованности действий и единоначалия (Балацкий, 2024a). В таких условиях выборные консулы превратились в политических временщиков, сенат – в бюрократическое собрание, а народ с его трибунами – в источник политической нестабильности. Первым проявлением неспособности демократической власти решать острые проблемы государства стало возведение в 82 году до н. э. на должность диктатора Рима Луция Корнелия Суллы, что и послужило своеобразной репетицией к будущему имперскому правлению. Тем самым падению Римской Республики предшествовала быстрая эрозия (снижение эффективности) институтов республиканского правления.

Иллюстрации ко второму тренду также хорошо представлены в исторической литературе: масштабные завоевательные кампании Рима привели к формированию огромных войск и усилению влияния их военачальников; гигантская добыча в успешных войнах мгновенно обогащала полководцев, давала им известность и народную популярность; удалённость от центра принятия решений вела к наделению военных лидеров дополнительными политическими полномочиями, в том числе по установлению налогов и контрибуций с последующим дополнительным обогащением за их счёт; ведение переговоров с иностранными правителями повышало их дипломатический статус и позволяло формировать международные альянсы и союзы (Mayor, 2010).

Фактология третьего тренда не менее очевидна: после бессрочной диктатуры Луция Корнелия Суллы, которая длилась с 82 по 79 год до н. э., возник Первый Триумвират в составе Гая Юлия Цезаря, Гнея Помпея Магнуса и Марка Лициния Красса (с 60 по 49 год до н. э.); получение в 44 году до н. э. Гаем Юлием Цезарем императорской власти – пожизненных диктаторских полномочий – и его последующее убийство; образование Второго Триумвирата в составе Марка Антония, Гая Октавиана Августа и Марка Эмилия Лепида (с 46 по 43 год до н. э.); в 28 году до н. э. Октавиан становится принцепсом, а в 27 году до н. э. – императором. Таким образом, Рим прошёл долгий путь к консолидации государственной власти в руках императора и его новых институтов.

Произошедшая институциональная революция в Древнем Риме при переходе страны посредством череды гражданских войн от республиканской формы правления к имперской была вызвана объективными обстоятельствами – расширением границ и сложности самого государства в процессе военной экспансии. Как уже отмечалось в литературе, этот переход ни в коей мере не был связан с культурной деградацией элит, наоборот, это был период самых ярких, талантливых и неординарных римлян за всю историю государства (Балацкий, 2024а). Следовательно, парадокс Цицерона получает своё логичное объяснение благодаря представлению об эрозии институтов на стадии расширения и усложнения государства.

В завершение данной темы укажем, что смена Римской Республики Римской Империей ознаменовалась явным ростом эффективности в управлении провинциями. Например, в республике проконсул, командированный в провинцию, фактически ни от кого не зависел: он не был обязан давать отчёт в своих действиях ни провинциалам, ни центральной власти (Соболевский, 2001). В связи с этим можно напомнить, что карьера Цицерона началась на завершающем этапе существования Римской Республики с дела Верреса, имя которого стало синонимом бесчестного наместника (Бобровникова, 2006); именно бесперспективность борьбы с безответственностью бывшего пропретора Сицилии мультимиллионера Гая Верреса и стала причиной первого ораторского триумфа Цицерона. Во времена империи порядки изменились – у императора было право верховного наблюдателя, в том числе над правителями провинций. При возникновении конфликтов на местах провинциалы жаловались императорам, а те, даже будучи в целом крайне несправедливыми, сурово наказывали таких правителей. Следовательно, командная система правления в ряде случаев может быть эффективнее демократических форм власти.

Выше нами описана стилизованная схема институционального перехода от Республики к Империи. Однако, как и любая схема, она упрощает реальные исторические процессы. В связи с этим сделаем несколько уточнений для демонстрации многомерности событий древности.

Первое уточнение связано с тем, что Римская Империя не была монархией в прямом смысле слова. В ней сохранились многие институты республики, существенно видоизменённые, но с элементом преемственности с предыдущим строем. Соответственно, император был скорее диктатором, нежели монархом (Bretone, 2016): он объединял полномочия консула и трибуна, при этом без географических и временных ограничений (Giovannini, 2015). Таким образом, император, будучи законным диктатором, мог в случаях крайней необходимости (extremus necessitatis) пренебречь законностью ради блага государства и народа (Brunt, 1977). Такая картина делает смену институтов республики на институты империи менее резкой, но не меняет сути вопроса, ибо воля императора в рамках нового строя стала определяющим элементом политики государства. В условиях империи республиканские институты играли роль либо вспомогательных, либо марионеточных организационных структур.

Второе уточнение связано с тем, что к моменту смены политического строя в Риме накопилось множество внутренних проблем. Во-первых, это вопрос об ager publicus – землях, приобретённых в результате завоеваний в Италии и являвшихся коллективной собственностью Республики, но находившихся в ведении Сената. Этот вопрос привёл к конфликту между мелкими и крупными собственниками земли (в частности, к политическим убийствам Тиберия и Гая Гракхов) (Moatti, 2018). Во-вторых, военные завоевания вели к росту спроса на легионеров, относительно которых

также возник острый конфликт между популярами (populares), лоббировавших зачисление в армию граждан, не имевших средств на вооружение, и оптиматами (optimates), стоящими на противоположных позициях (например, война Гая Мария и Корнелия Суллы) (Bretone, 2016). В-третьих, неопределённость статуса жителей италийских племён, которые были покорены Римом и стали его союзниками, но римского гражданства не получили[3]. Все эти проблемы были вызваны предыдущими завоеваниями республики, однако решить их в рамках старых институтов не удавалось из-за невозможности консенсуса между группами влияния, что и оказало дополнительное давление на смену строя.

Таким образом, границы между республикой и империей не слишком резкие, а помимо внешних и военных причин смены строя было множество внутренних факторов. Эти обстоятельства следует учитывать, хотя общей схемы они не нарушают.

Глубинное государство в США: сущность, генезис и значение

Выше было показано, как эрозия институтов приводит к краху государства и его полному переформатированию на базе новой институциональной парадигмы. Однако иногда институциональная революция оказывается возможна без демонтажа государственности и вооруженной борьбы. Примером тому служит возникновение в США так называемого *глубинного государства*.

Отцы-основатели США заложили в институциональную структуру государства огромное число разнообразных сдержек и противовесов всех ветвей и уровней власти, что обеспечивало принцип политической демократии. Однако такая система власти не позволяла Америке превратиться в имперское государство, потребность которого стала всё острее ощущаться после Второй мировой войны, когда страна необыкновенно обогатилась экономически и усилилась технологически. Именно в этот период крупный бизнес США стал готов к перехвату роли мирового центра капитала у Великобритании. Следствием такой ситуации стал масштабный институциональный конфликт: с одной стороны, стране была нужна имперская институциональная модель государства с её инструментами глобального доминирования и международных репрессий, с другой – она противоречила либеральным принципам политической и деловой жизни Америки. Фактически США оказались в положении Римской Республики с той лишь разницей, что Штаты стояли перед необходимостью не военной, а сугубо экономической глобальной экспансии. Никакие оперативные решения не могли ликвидировать возникшее противоречие, а перестройка основ государственной власти посредством революций и гражданской войны, как это было в Римской Республике, никого не устраивала. В этой беспрецедентной ситуации американский истеблишмент осуществил скрытую институциональную реформу путём создания глубинного государства с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) в качестве ядра новой системы. Это было одним из важнейших и поистине выдающихся управленческих решений в истории США. Рассмотрим этот процесс подробнее.

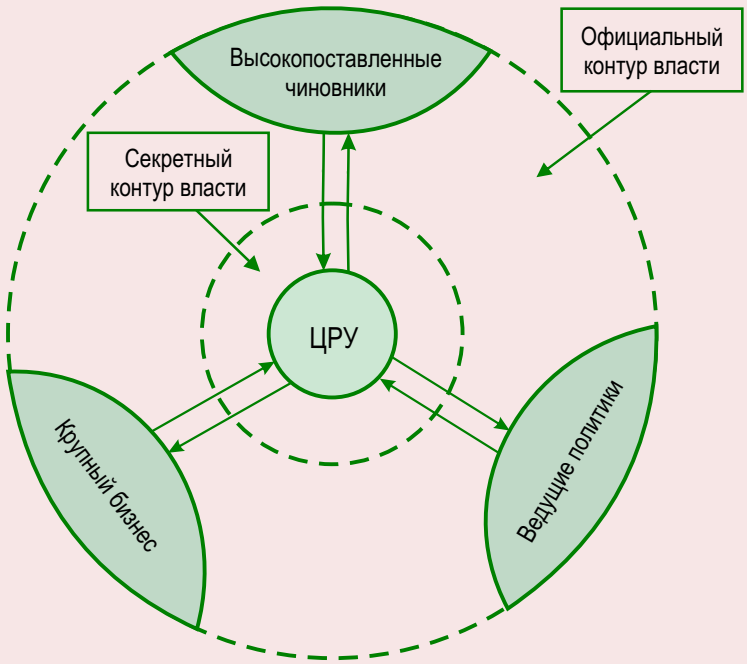
Прежде всего следует сразу оговориться, что понятие глубинного государства (ГГ) уже прочно вошло в академические исследования. Сегодня существование и функционирование ГГ признается абсолютным большинством политологов как в США и Турции, так и в России. Однако участники этой системы и её функции в различных странах отличаются, что обусловлено спецификой политических систем (Радугин, Черноусова, 2024). Некоторые авторы рассматривают ГГ как структурный элемент групп интересов, имеющих реальное политическое влияние в США за счёт завуалированных механизмов управления (Корнута, 2023). В ряде случаев исследователи обращают внимание на такое свойство ГГ, как подрыв легитимности действующей власти, причём как внутри страны, так и за её пределами (Луценко, 2025). Некоторые политологи вполне правомерно рассматривают ГГ как управленческое ноу-хау, уходящее корнями в британскую традицию времён Генриха VIII (Коктыш, Сергеев, 2024).

[3] Sapir J. (2018). A propos du livre de Mme Claudia Moatti: «Res Publica», Les débats sur la souveraineté révélé par les évolutions des représentations de la Res Publica // Russeurope-en-Exil blog. URL: https://www.les-crises.fr/russeurope-en-exil-souverainete-et-chose-publique-de-lhistoire-romaine-a-notre-propre-histoire-par-jacques-sapir/

Среди западных аналитиков понятие ГГ рассмотрено ещё более пристально. Например, некоторые авторы придерживаются классового (исторического) подхода к трактовке термина, восходящей к более ранней конспирологической трактовке. В такой версии это реальная структура власти, основанная на влиянии классовых и кастовых элит и уходящая корнями в историю США со времён их основания (Derber, Magrass, 2024). Другая линия исследований связана с институциональным анализом и предполагает изучение властной конфигурации ГГ. Например, некоторые специалисты указывают на то обстоятельство, что после Второй мировой войны США создали мощное государство национальной безопасности с беспрецедентным уровнем секретности, а само ГГ трактуется как триединая система, включающая открытое демократическое государство, авторитарное государство безопасности и недемократические институты, вплоть до использования связей с организованной преступностью и политических убийств (Good, 2022). В рамках институциональной линии появляются и работы, посвящённые последним изменениям в политике Вашингтона, в частности «атакам» Д. Трампа на ГГ (Campbell, 2022). Более глубокий анализ этого явления предполагает перенесение фокуса внимания на конфликт между администрацией Трампа и разведывательным сообществом США с точки зрения проверки институциональной устойчивости государства, соблюдения принципов демократического управления и обеспечения национальной безопасности (Munabari et al., 2025). В одном из обобщающих исследований показано, как во времени и пространстве менялось понимание термина ГГ: на Ближнем Востоке его связывают с объединением гражданских и военных структур; в Таиланде – с взаимодействием монархии, судебной власти и чиновников; в США раньше в качестве ядра ГГ рассматривался военно-промышленный комплекс, а во время Трампа – административная система (Demiroz, 2025).

Таким образом, в настоящее время уже имеется академический консенсус в отношении сущности и роли ГГ. Ниже мы дадим свою версию данного термина и раскроем роль и значение ЦРУ для его успешного функционирования. Общая схема ГГ отображена на *рисунке*.

Организационная структура глубинного государства



Источник: составлено автором.

Видим, что ГГ в данной трактовке представляет собой объединение трёх групп влияния: высокопоставленных чиновников (представители Белого Дома, Пентагона, Государственного Департамента, судьи и т. п.), ведущих политиков страны (сенаторы, конгрессмены, члены Совета Национальной Безопасности США, губернаторы и т. п.) и крупного бизнеса (военно-промышленный комплекс, Уолл-стрит, нефтегазовые компании и т. д.). Все эти акторы политического процесса взаимодействуют и достигают консенсуса по ключевым вопросам на площадке ЦРУ. Подчеркнём, что указанные игроки имеют явно выраженные бизнес-интересы, что определяет их высокую политическую активность, а также обладают достаточной политической культурой для поиска и достижения компромиссов по важным вопросам, позволяющих достигать согласия. В этом смысле ГГ ни в коем случае не является *альтернативным* государством, наоборот – оно представляет собой *продолжение* официального государства. Благодаря ЦРУ в качестве площадки для обсуждения проблем, выработки и реализации решений само ГГ объединяет *официальный* контур власти, в рамках которого принимаются обычные решения в области внутренней и внешней политики, и *секретный* контур, где на площадке ЦРУ решаются спорные, сомнительные и «скользкие» вопросы внешней политики. Таким образом, ГГ – это естественное расширение официального государства, а не союз противостоящих ему сил.

На рисунке центральным элементом разведывательного сообщества выступает ЦРУ, однако в реальности это сообщество гораздо шире и в него входят другие влиятельные ведомства США: Разведывательное управление Министерства обороны, Федеральное бюро расследований и др. Между ведомствами имеется взаимодействие, но всё-таки безусловный приоритет во внешних делах за ЦРУ, что и позволяет рассматривать его как ядро всего секретного контура власти.

Из схемы видно, что роль ЦРУ состоит в реализации принятых ГГ решений за пределами США в режиме полной секретности. Она дает возможность официальному государству отрицать своё участие в тех операциях, которые бросают на него тень. Сказанное позволяет дать общую характеристику деятельности ГГ (*табл. 1*).

Все характеристики ГГ в таблице напрямую связаны с деятельностью ЦРУ. Например, интересы нефтяных корпораций США и Великобритании в Иране требовали свержения правительства Мохаммеда Мосаддыка, который в 1951 году участвовал в принятии и реализации закона о национализации нефтяных промыслов Англо-иранской нефтяной компании. В ответ на такие действия руководства Ирана спецслужбы США и Великобритании подготовили и осуществили правительственный переворот с целью смены власти, по итогам которого в 1953 году Мосаддык был арестован, а главой государства стал генерал Фазлолла Захеди, который вернул нефтяные концессии США и Великобритании и восстановил с ними дипломатические отношения. Этот пример является типовым для действий ЦРУ и ГГ.

Таблица 1. Характеристика глубинного государства

Цели	1. Обеспечение привилегий крупному бизнесу США 2. Расширение власти и влияния США во всем мире 3. Ослабление враждебных для США внешних сил
Принципы	1. Предельная рациональность в получении сверхприбыли 2. Полная аморальность осуществляемых операций 3. Сокрытие информации и дезинформация 4. Консенсус мнений основных акторов ГГ 5. Противоречие принимаемых решений национальному законодательству США, нормам международного права и воле американского населения 6. Безответственность за реализованные кампании
Методы	1. Разведка и аналитика 2. Формирование компроматов, подкуп и шантаж 3. Диверсионные операции, включая правительственные перевороты и политические убийства
Статус	1. Абсолютная секретность и неподотчетность 2. Широкая поддержка официальных властей

В данном случае важно то обстоятельство, что интересы крупного бизнеса в США требуют таких действий за пределами государства, которые не могут быть одобрены не только мировым сообществом, но и официальными органами законодательной, судебной и исполнительной власти Штатов. Именно это обстоятельство заставляет ГГ переходить к секретным операциям и отрицать участие в них официального Вашингтона. На деле же та грязная работа, которую выполняет ЦРУ, пользуется почти неограниченной поддержкой со стороны всех ветвей власти США. Именно такая организационная структура ГГ позволила Соединенным Штатам обеспечить себе имперскую политику и глобальную гегемонию на фоне либерально-демократической формы правления.

Подобное понимание ГГ созвучно представлениям по этому вопросу Дж. Сакса, который указывает на то, что за 80 лет своего существования, начиная с 1947 года, деятельность ЦРУ лишь однажды подверглась эпизодическому расследованию – в 1975 году, когда было инициировано сенатское расследование во главе с сенатором Фрэнком Черчем[4]. Всё остальное время ЦРУ успешно использовало свой статус секретности для подрывной деятельности во всех точках мира. Результаты 80-летней деятельности ЦРУ и ГГ приведены в *таблице 2.*

Такие результаты стали возможны только благодаря огромному потенциалу ЦРУ, который, несомненно, является абсолютно уникальным явлением даже для сектора спецслужб. Этот потенциал включает четыре направления, где ЦРУ добилось исключительного положения: разветвлённая разведывательная сеть по всему миру (агенты почти во всех странах мира самой высокой квалификации); обширная аналитическая деятельность (ЦРУ осуществляет даже собственную оценку ВВП и ВНП всех стран мира); силовые операции (собственные силовые подразделения плюс возможности армии США); денежные ресурсы (помимо секретных статей бюджета страны агентство тайно сотрудничает с криминалом, контролирует наркотрафики и наркокартели и т. п.). Ни одна служба мира не обладает столь обширными возможностями, хотя было бы неверно думать, что сама модель ЦРУ не копируется другими странами.

Данные таблицы 2 демонстрируют высокую эффективность ГГ и ЦРУ с точки зрения целей американского истеблишмента. Как уже отмечалось, цели ГГ и официальных властей США полностью синхронизированы. Однако следует отметить и то обстоятельство, что имперские задачи ГГ ни в коей мере не противоречат желаниям американского народа. Так, по данным опроса «The American-Western European values gap» 2012 года, США – единственная из пяти крупных западных держав (Франция, Великобритания, Германия, Испания и США), где большинство граждан не готово отвергнуть идею культурного превосходства, тем самым демонстрирует имперское сознание (Полтерович, 2017). Следовательно, глубинное государство, созданное для обеспечения имперской модели правления США в мировой системе, вполне соответствует ожиданиям широких масс населения страны. Таким образом, ГГ полностью вписывается в систему ценностей не только американских элит, но и масс, что, собственно, и предопределило его создание и благополучное 80-летнее существование.

После Второй мировой войны США оказались в положении, аналогичном Римской Республики накануне её падения. Однако, в отличие от Римской Республики, Штаты сохранили свою изначальную модель власти путём её глубокого реформирования за счёт создания ГГ.

Таблица 2. Итоги деятельности ГГ и ЦРУ после Второй мировой войны

Число военных баз США	Число стран, где размещены военные базы США	Число удачных и неудачных правительственных переворотов
≈800	≈80	≈80
Составлено по: Jeffrey Sachs: US foreign policy system rife with corruption // China Daily. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202401/04/WS6596490ea3105f21a507a8fd.html		

[4] Sachs J.D. (2024). How the CIA destabilizes the world // China Daily. URL: https://www.chinadailyhk.com/hk/article/376262

Этот случай можно считать беспрецедентным и уникальным с точки зрения практики институциональных реформ. Однако следует отметить тот факт, что сама эта реформа ни в какой мере не была обычной и стандартной. Американский истеблишмент пошёл на полное переформатирование государственной власти путём создания её *невидимого* сегмента, который оказался над законом и неподвластным никаким правовым актам. Иными словами, американским элитам удалось сохранить легитимную власть за счёт её дополнения в виде власти вне закона, а такое нововведение следует классифицировать как институциональную революцию. Хотя она реализовалась в бескровной форме и даже приняла форму институциональной реформы, она не попадает под рамки стандартной теории реформ. Американское ГГ – пример институциональной революции, проведённой скрытно, непублично и незаконно. Тем не менее модель ГГ оказалась эффективной на протяжении 80 лет своего существования.

Интересным аспектом рассмотренной проблемы являются отношения администрации Д. Трампа и ЦРУ, которые характеризуются как откровенно враждебные. Вопрос, требующий ответа, состоит в том, почему вдруг очередной президент США не «вписался» в уже устоявшуюся модель ГГ. Ответ видится следующим: исторический период правления Трампа ознаменовался завершением секретной линии в деятельности властей США. Начавшаяся геополитическая турбулентность и крушение старого миропорядка уже не требуют никакого прикрытия для планов крупного бизнеса страны, следовательно, и сам Трамп уже не слишком сильно нуждается в услугах ЦРУ, которое лишь продолжает множить издержки на своё содержание. Сегодня спецслужбы Трампа совершенно открыто похищают президента Венесуэлы, сам он волюнтарно начинает бомбардировку Ирана, обнародует планы по захвату Гренландии и т. п. Ещё 10–15 лет назад такие инициативы могли осуществляться только под покровом секретности, однако сегодня нормы поведения в сфере международных отношений радикально изменились и не требуют даже видимости соблюдения международных прав. Можно сказать, что в условиях глобальной безнаказанности на глобальной арене уже не требуется прикрытия беззаконных действий ГГ США. В условиях приоритета силы секретные службы теряют своё значение, а на первое место выдвигаются чисто военные структуры, например Пентагон.

Как и в предыдущем разделе, выше нами описана стилизованная схема институционального переформатирования официальной власти США в ГГ. В связи с этим ниже сделаем несколько уточнений для лучшего понимания сложности и неоднозначности реальных процессов.

Первое уточнение касается того факта, что «начинка» ГГ в разные периоды времени существенно меняется. Например, до 1990 года в бизнес-группах влияния доминировал военно-промышленный комплекс, в 1990–2010 гг. – нефтегазовый и банковский секторы, а с 2010 года по настоящее время – цифровые корпорации. В этом смысле на разных исторических этапах ГГ выражает интересы разных бизнес-групп, что при оперативной выработке решений может приводить к их серьёзным столкновениям и конфликтам. В этом смысле внутри ГГ почти всегда идёт борьба групп влияния.

Второе уточнение предполагает учёт уровня влияния того или иного элемента системы ГГ. Например, если в ней доминируют крупные корпорации, то характер принимаемых политических решений тяготеет к разряду имперско-плутократических; если центр тяжести смещается в сторону бюрократических структур, то и решения принимают имперско-бюрократический характер; если же прерогатива оказывается в руках политических «ястребов» и разведки, то происходит движение к имперско-силовой системе. Сказанное позволяет с определённой степенью условности говорить, что для администрации Дж. Буша-младшего была характерна имперско-силовая тенденция, Дж. Байдена – имперско-бюрократическая, а Д. Трампа – имперско-плутократическая. Тем самым «краски» политических решений ГГ могут быть очень разнообразными.

Третье уточнение касается степени консолидации решений ЦРУ. Дело в том, что провалы тех или иных операций спецслужб и просачивание нежелательной информации в свет вызывают неудовольствие официальных властей США. Иногда расхождения во мнениях по отдельным вопросам приводят к прямым конфликтам и напряжённым отношениям между

ЦРУ с одной стороны, и ФБР, Пентагоном и Государственным департаментом – с другой. Это лишний раз говорит о крайне сложном процессе выработки решений в рамках ГГ.

Сказанное лишний раз подчёркивает, что деятельность ГГ сопряжена с внутренней борьбой групп влияния, а его решения меняют свой характер в зависимости от исторического периода. Эти обстоятельства делают предложенную схему более объёмной и содержательной, но её суть не отрицают.

Крах советского строя в СССР: логика и детерминанты

Крах СССР до сих пор остаётся одной из загадок современной науки, однако в последнее время здесь получены некоторые результаты, позволяющие объективно реконструировать указанное событие. Схема развала СССР преимущественно связана с падением культуры правящих политических элит. Этот процесс можно представить следующим образом.

Советский строй дал определённых лидеров, уровень управленческой культуры которых неизменно убывал. Фактически после В.И. Ленина и И.В. Сталина сильных правителей в государстве уже не было. Это связано со многими обстоятельствами, среди которых главным является достижение к 1970-м годам военно-стратегического паритета между СССР и США, что снизило градус внешних вызовов в адрес советского руководства. С этого момента элиты начали бороться не за государственные, а за собственные интересы. В литературе уже отмечалось, что в этот период, пользуясь терминологией Аджемоглу и Робинсона (Аджемоглу, Робинсон, 2015), в стране началась замена инклюзивных экономических институтов на экстрактивные (Балацкий, Плискевич, 2017). К этому времени ушло из жизни дореволюционное поколение, которое имело высокий общекультурный и образовательный фундамент и долгие годы поддерживало «инклюзивную ауру». Если раньше инклюзивные институты страны заполняли *конкурентный* рынок труда, на котором наиболее талантливые и работоспособные лица получали лучшие места на предприятиях и государственной службе, то постепенное внедрение экстрактивных институтов вело к образованию кадровой *монополии*, когда приоритет отдавался строго определённым людям, связанным с правящими элитами независимо от их способностей, заслуг и достижений. Этот процесс сопровождался разрушением института *развитых социальных лифтов*, когда способный человек получает возможность войти в элиту; при экстрактивных институтах *социальные лифты блокируются* теми, кто имеет возможность пользоваться ими в соответствии со своими личными интересами. С этого момента начался этап автономного воспроизводства элит без привлечения к этому процессу масс, что и запустило тренд к культурной деградации советского руководства.

Преобразование инклюзивных институтов в экстрактивные стало прямым следствием морального перерождения элит. Как уже указывалось ранее, для элит должна быть присуща *холистическая* мировоззренческая установка, когда для человека общее (социум и государство) важнее частного (его личных дел и интересов); для масс характерна *индивидуалистическая* установка, согласно которой для субъекта частное важнее общего (Балацкий, 2024а). Самым опасным для сохранения государственности является рокировка в элитах мировоззренческой установки с холистической на индивидуалистическую. Если первые правители Советского Союза были искренними поборниками коммунистической идеи и не ставили свои интересы выше государственных, то к 1970-м годам эта ситуация начала кардинально меняться. Данный процесс поддерживался фактом недоплаты услуг элит в СССР, на который обратил внимание китайский экономист Айго Лу (Лу, 2025). Как оказывается, недостаток благосостояния советской «верхушки», которая отвечала за достаток нации, вызывал системное недовольство с их стороны. В результате высветилась обоюдоострая проблема: с одной стороны, капитализм с его избыточным неравенством порождает своего «могильщика» в форме класса пролетариев, с другой – социализм с его неправомерным равенством создаёт своего «могильщика» в лице класса политической элиты (Попов, 2026). Учитывая, что в СССР политическое и экономическое руководство страны по своему уровню благосостояния не соответствовало некоему разумному (международному) стандарту, то они потеряли заинтересованность в сохранении такого «несправедливого» строя. Фактически данное недовольство стало прямым следствием отказа представите-

лей власти от этического кодекса коммуниста, что равносильно факту их моральной деградации. Прямым проявлением произошедших изменений внутри элит стали такие явления, как коррупция, развитие теневой экономики и паралич трудовых стимулов. Тем самым была создана основа крушения строя благодаря происходившей общекультурной, профессиональной и моральной деградации правящего класса Советского Союза.

Таким образом, в период позднего СССР возникло активное сопряжение двух трендов – профессиональной и общекультурной деградации правящих элит с одной стороны, и консолидации элит против сохранения социалистического строя с его хронической недоплатой своих избранников – с другой. В итоге к 1991 году в стране накопилось множество управленческих ошибок на фоне нежелания элит защищать существующий строй любыми средствами, что и привело к краху государственности.

Подчеркнём, что падение СССР было вызвано культурной деградацией советских элит. Вместе с тем можно задать вопрос: а не явился ли крах советского государства следствием объективной эрозии его хозяйственной системы, как это было в Римской Республике?

Ответ на поставленный генеральный вопрос должен быть дан отрицательный. Поясним сказанное, рассмотрев три взаимосвязанных вопроса. Первый: что первично – деградация советских институтов или культурная деградация советских элит? Второй: не был ли отказ советского руководства от рыночных реформ в 1970-е годы главной причиной всех последующих неудач? Третий: не являлся ли факт недоплаты политических и экономических элит непреодолимым препятствием для существования советского строя?

Ответ на первый вопрос: культурная деградация советских элит является первичным явлением, ибо именно сами элиты были ответственны за поддержание созданных институтов и именно они сознательно не выполнили эту задачу. Можно сказать, что власть саботировала ранее созданные инклюзивные экономические институты, способствуя их перерождению в экстрактивные, значительно лучше отвечающих их интересам. Именно инициатива элит по демонтажу прогрессивной системы отбора кадров привела к падению качества всех остальных институтов.

Здесь следует остановиться и сделать ряд пояснений. Дело в том, что влияние культуры на институты может восприниматься в качестве логического противоречия в связи с тем, что культура элит и масс сама по себе формируется в определённых институциональных условиях. Однако из этого не следует, что культура вообще не влияет на институты. Более того, В.М. Полтерович предложил схему взаимовлияния четырёх групп факторов развития: технологического прогресса, благосостояния, гражданской культуры и институтов (Полтерович, 2026). Все перечисленные сегменты влияют друг на друга, а при желании к ним могут быть добавлены экология (география) и демография. При этом технологический прогресс и институты содержат «внутренние» механизмы деформации, которые выбирают траекторию общественного развития. Таким образом, культура, понимаемая как совокупность ценностей и установок элит и масс, способна меняться под воздействием, например, уровня благосостояния в рамках даже относительно статичных (фиксированных) институтов. Именно это и происходило в СССР, однако отнюдь не в положительную сторону. Рост благосостояния населения и элит приводил к определённому отчуждению людей и развитию эгоистических свойств, как это часто бывает на ранних стадиях в бедных обществах. Знание о том, что за границей жизнь ещё лучше, приводило к эрозии основополагающих ценностей социализма и коммунизма. Особенно сильна эта тенденция была в элитах, в которых их собственные материальные интересы расходились в разные стороны с интересами государства. Все перечисленные изменения приводили к оправданию эгоистичных тенденций в сословии правящего класса, результатом чего и стало сворачивание инклюзивных экономических институтов.

Ответ на второй вопрос является также отрицательным, что доказывается очевидными историческими примерами. Например, Куба, Вьетнам и Северная Корея не отказались от родовых признаков социализма, но это не привело к падению их государственности. Разумеется, эти государства в определённой степени

адаптировали свою систему к современным требованиям рынка, однако это могло предпринять и руководство Советского Союза, чего сделано не было. Отказ СССР от рыночных реформ в 1970-е годы привёл к замедлению экономического развития страны, но он не мог служить непреодолимой причиной распада государства. Более того, рыночные реформы в СССР всё-таки начались, но с большим запозданием во время правления М.С. Горбачёва. Однако эти изменения были внесены столь непродуманно и бездарно, что поставили под удар политическую стабильность страны. И здесь, опять-таки, мы имеем дело с непониманием элитами не только сложностей и тонкостей управления советской экономикой, но и последствий разрушения самой государственности.

Третий вопрос также предполагает отрицательный ответ: недоплата политических и экономических элит отнюдь не ведёт к автоматическому краху государства. Например, в современном Китае также имеет место подобная проблема, что порождает масштабную коррупцию во властных кругах с последующими репрессиями, однако государство от этого не разрушается. Более того, руководство Китая осознаёт проблему недоплаты элит, в связи с чем задействует не только репрессивные механизмы по искоренению коррупционных явлений, но и постепенно перенимает сингапурскую модель оплаты, где государственные управленцы имеют доходы, сопоставимые с частными менеджерами (Ли, 2025). Таким образом, и с избыточным равенством в доходах можно бороться, не позволяя ситуации выйти из-под контроля.

К сказанному можно добавить, что СССР к завершению Второй мировой войны, в отличие от США, не стоял перед необходимостью переформатирования своей институциональной системы под имперское правление, которое де-факто установилось в стране в послевоенный период. Сильная централизованная власть полностью подходила под новые имперские задачи и не требовала радикальных изменений. В этом смысле вызовы со стороны глобальной геополитической системы соответствовали институциональной конфигурации власти в Советском Союзе. Деградация советской имперской модели проявлялась постепенно, путём накопления оперативных управленческих ошибок: при грубом подавлении мятежа в Чехословакии, при оказании безвозмездной помощи развивающимся странам, при необдуманном ввязывании в вооружённый конфликт в Афганистане, при подрыве отношений с Китаем после смерти И.В. Сталина и т. п. Всё это истощало страну и ослабляло политическую власть. Однако даже этих ошибок было недостаточно самих по себе для краха государственности.

Ещё один штрих к сказанному – однопартийная политическая система и чрезмерная централизация власти сами по себе не ведут к деградации самого института власти. И в очередной раз пример Китая это подтверждает – в Поднебесной передача власти переходит аккуратно, без радикальных разворотов в политике и без массовых политических репрессий. В результате во главе КНР на протяжении почти 80 лет стоят весьма умелые управленцы, что радикально разнится с ситуацией в СССР, где приход к власти Н.С. Хрущёва ознаменовал конфликт с Китаем, приход Л.И. Брежнева – экономический застой, а приход М.С. Горбачёва – окончательную потерю государства.

Вышесказанное можно подытожить – в отличие от Римской Республики СССР был демонтирован не из-за принципиальной нестыковки институтов и экономической системы, а из-за тотальной культурной деградации правящего класса. Именно этот фактор привёл к падению эффективности всех институциональных подсистем страны и к отказу от защиты существующего строя.

Закат Германии: наднациональные элиты и «грязные руки»

Ещё одним интересным примером взаимосвязи деградации институтов и культуры элит даёт современная Германия. Для этой страны характерно несколько культурных трендов, которые определили тот факт, что сегодня страна упускает своё экономическое и политическое лидерство в ЕС и в мире.

Первый тренд связан с формированием в Германии в последние десятилетия так называемых наднациональных элит, которые заинтересованы в отстаивании не национальных интересов своего государства, а интересов патронирующих их элит из государства-гегемона – США. Для описания этого явления предложена

структурная модель эволюционного скачка, которая воспроизводит систему вызов/ответ (Екимова, 2024). Однако в ней на определённой стадии происходит бифуркация принимаемых решений в зависимости от того, какие элиты сформировались в стране – национальные или наднациональные. В первом случае государство преодолевает возникшие трудности, во втором – теряет эффективность своих действий вплоть до крайнего ослабления и даже полного разрушения.

Классическим примером данной логики является современная Германия, которая после поражения во Второй мировой войне в значительной степени лишилась политического суверенитета и попала под американское влияние. Усиление американского контроля после объединения Западной и Восточной Германии привело к тому, что в стране возобладала наднациональная политическая элита, слабо ориентированная на внутренние интересы страны. Кризис немецких элит стал очевиден в 2022 году, когда страна начала активную поддержку Украины в конфликте с Россией. Манифестация приоритета интересов метрополии над собственными национальными была осуществлена главой МИД ФРГ Анналеной Бербок: «Если я пообещала народу Украины, что „мы будем с вами столько, сколько вам будет нужно", то я хочу сдержать это обещание. Неважно, что думают мои немецкие избиратели, я хочу сдержать обещание народу Украины»[5]. Антироссийская позиция руководства Германии противоречит принципу рациональности: отказ от дешёвых российских энергоресурсов, являющихся основой конкурентоспособности германской экономики; подрыв газопровода «Северный поток» и нежелание стран-союзников Германии проводить расследование; бесчисленное количество антироссийских санкций, вредящих экономическим агентам страны, и т. п. Всё это привело к тому, что немецкие компании сокращают производство и переносят его в другие страны, как, например: автоконцерны *Volkswagen AG* и *Mercedes-Benz*, крупнейший производитель промышленного газа *Linde*, упаковочные заводы *Delkeskamp*, завод кровельной черепицы *Nelskamp* и др.; параллельно такие иностранные гиганты, как французский и американский производители шин *Michelin* и *Goodyear*, французский производитель бесшовных труб *Vallourec*, южноафриканская целлюлозно-бумажная группа *Sappi*, голландский цинковый завод *Bludel,* уходят из страны[6].

Результатом проводимой политики является катастрофичное падение доверия населения правящей элите. Так, по результатам опроса немецкого Института новых социальных решений (Institute for New Social Answers), проведённого в январе 2024 года, работой канцлера ФРГ и федерального правительства оказались недовольны 72 и 76% опрошенных респондентов соответственно (Екимова, 2024). Ситуацию с наднациональным характером немецкой элиты максимально точно выразила лидер BSF С. Вагенкнехт: «Министр иностранных дел, которая заявляет, что представляет интересы не немецких избирателей, а избирателей Украины, и которая отвергает переговоры о прекращении войны в интересах правительства США, является не только вопиющей ошибкой, но и угрозой для нашей страны»[7].

Сказанное раскрывает процесс деградации немецкой правящей элиты из-за потери своего политического суверенитета, следствием чего стало ухудшение работы практически всех институтов страны.

Одновременно с указанной тенденцией действовало по крайней мере ещё три тренда. Первый связан с распространением так называемого деструктивного альтруизма, лежащего в основе выступления образованных слоев населения против ужесточения иммиграционного законодательства, даже вопреки тому, что резкое увеличение числа иммигрантов обостряет проблему культурного диссонанса и повышает уровень преступности (Полтерович, 2026). Второй тренд связан с нарастанием «проблемы

[5] Бербок: неважно, что думают мои немецкие избиратели // Деловая Швейцария. URL: https://business-swiss.ch/2022/09/berboknevazhnochto-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/

[6] Германия теряет свою промышленность // Фонд стратегической культуры. URL: https://www.fondsk.ru/news/2023/12/04/germaniya-teryaet-svoyu-promyshlennost.html

[7] Бербок: неважно, что думают мои немецкие избиратели // Деловая Швейцария. URL: https://business-swiss.ch/2022/09/berboknevazhnochto-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/

грязных рук», когда в обществе признаётся, что политическая деятельность неизбежно связана с нарушением моральных норм, и в политику идут индивиды, для которых следование нормам морали не обязательно. В результате к власти приходят те, кто может опорочить конкурентов и убедить граждан в реализуемости несбыточных обещаний, а не те, кто предлагает лучшую программу общественного развития (Полтерович, 2026). В результате эффективность государственных институтов падает, равно как и доверие к ним. Третий тренд связан со снижением уровня массовой культуры, что создаёт предпосылки для формирования механизма, ведущего к деградации моральных норм и снижению эффективности политических решений (Полтерович, 2021).

Таким образом, потеря элитами Германии политической самостоятельности, широкое распространение в обществе феномена деструктивного альтруизма и принятие «проблемы грязных рук» в качестве нормы поведения привели к падению эффективности государственных институтов, основа которых за последние годы не претерпела никаких изменений. Итогом такого положения дел может стать утрата Германией своего места в качестве экономического драйвера Евросоюза.

Обсуждение результатов

Рассмотренные исторические примеры на основе простой теории имеют не только когнитивное значение для уяснения социальной «механики» институтов, но и сугубо практическое измерение. Дело в том, что сегодня Россия находится в крайне опасном положении, связанном с конфликтом на Украине. При этом в стране имеются масштабные институциональные изъяны, которые мешают ей победить и обрести свою цивилизационную аутентичность.

Например, до сих пор в стране нет никакой общегосударственной идеологии, без которой довольно проблематично вести войну против коллективного Запада. Более того, имеется институциональный тупик: с одной стороны, п. 1 ст. 13 Конституции РФ признаёт идеологическое многообразие в стране, тем самым отрицая единую государственную идеологию, с другой стороны – президент страны является гарантом Конституции и должен препятствовать созданию какой-либо главенствующей идеи. В условиях противостояния развитым западным странам без духовной опоры в виде единой идеологии нации достичь победы весьма затруднительно.

Одновременно с этим в стране сегодня уже окончательно оформилась модель бюрократического капитализма, при которой большинство важнейших государственных вопросов решается чисто формально, а не содержательно и принципиально. Эта модель легитимирует персональную безответственность людей, принимающих ответственные решения на базе бюрократических шаблонов.

Уже этих двух пунктов достаточно для понимания той опасности, которая возникла перед Россией. Фактически она рискует в третий раз (после крушения Российской империи в 1917 году и распада СССР в 1991 году) лишиться государственности, что станет историческим нонсенсом и является недопустимым. В таких условиях необходимы либо масштабные институциональные реформы, либо своеобразная институциональная революция. В Древнем Риме политические элиты пошли по второму пути, в США после 1945 года – по первому. В противном случае накопленные проблемы приведут Россию в лучшем случае к ситуации, которая сегодня наблюдается в Германии.

Опыт решения масштабных институциональных проблем в Древнем Риме и послевоенных в США продуцирует сдержанный институциональный оптимизм. Однако за позитивные преобразования следует активно бороться с полным пониманием того, что именно необходимо стране. Исторические примеры и теоретические тезисы способны дать массу подсказок на этом пути, в чём и состоит их значение. Речь идёт не только о рассмотренных выше исторических прецедентах, но и о других примерах, которые ещё предстоит изучить. Более подробное обсуждение данной проблемы выходит за рамки статьи.

Заключение: к новой теории институтов

Новая теория экономического роста оперирует уравнениями динамики не только для капитала и труда, но и для качества институтов. В свою очередь новая институциональная теория должна дать хотя бы в общем виде представление о динамике качества институтов с

учётом таких явлений, как эрозия, деградация и реформы. В статье предложена простая схема учёта данных аспектов экономической динамики.

Разнесение эффектов эрозии и деградации институтов позволяет лучше понять многие исторические события, связанные с институциональной ломкой государственных систем управления. Для иллюстрации возможностей новой теории рассмотрены четыре исторических примера: преобразование Римской Республики в Римскую Империю, создание в США института глубинного государства, распад СССР и деградация управления в современной Германии. Для более выпуклого отражения сугубо экономических, институциональных и культурных факторов исторических процессов использовался метод институциональной реконструкции. Данный подход позволил раскрыть некоторые аспекты исторической динамики, которые раньше ускользали от аналитиков. В частности, это позволило объяснить парадокс Цицерона.

В дальнейшем уточнение основных положений предложенной концепции и накопление содержательных исторических примеров позволят повысить объяснительную и прогностическую способность нового подхода.

Литература

Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). Власть и прогресс. Москва: АСТ. 544 с.

Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: АСТ. 672 с.

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. Москва: АСТ. 704 с.

Балацкий Е.В. (2013). Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. № 5. С. 5–24.

Балацкий Е.В. (2015). Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (26). С. 124–149.

Балацкий Е.В. (2021). Институциональные реформы и человеческий капитал // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 51. № 3. С. 103–124.

Балацкий Е.В. (2023). Эрозия институтов и экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 81–101.

Балацкий Е.В. (2024a). Экономика элит и политическая нестабильность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 43–63.

Балацкий Е.В. (2024b). Элиты и контрэлиты в теории пассионарности П. Турчина // Социальное пространство. Т. 10. № 3. С. 1–20.

Балацкий Е.В. (2025). Китайская модель геополитического успеха // Мир России. Т. 34. № 3. С. 167–185.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2019). Эффективность монетарного регулирования в условиях санкций // Журнал институциональных исследований. Т. 11. № 2. С. 94–109.

Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. № 4. С. 97–117.

Бобровникова Т.А. (2006). Цицерон: Интеллигент в дни революции. Москва: Молодая гвардия. 532 с.

Гизо Ф. (2016). История цивилизации в Европе. Москва, Берлин: Директ-Медиа. 348 с.

Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 320 с.

Екимова Н.А. (2024). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 64–80.

Карташов Г. (2007). Экономический рост и качество институтов ресурсоориентированных стран // Квантиль. № 2. С. 141–157.

Коктыш К.Е., Сергеев В.М. (2024). Рождение глубинного государства // Полис. Политические исследования. № 1. С. 134–148.

Корнута И.В. (2023). К вопросу о глубинном государстве в США как структурном элементе многоцелевых групп интересов // Власть. № 4. С. 258–260.

Ли Д.Д. (2025). Китайский взгляд на мир. Развенчание мифов о Китае для предотвращения глобального конфликта. Ереван: Fortis Press. 266 с.

Лу А. (2025). Советский Союз. Причины распада и уроки. Пекин: Саньлянь шу дянь. 274 с. (на китайском).

Луценко С.И. (2025). Контуры «глубинного государства»: цели и задачи // Власть. № 1. С. 120–128.

Маркс К., Энгельс Ф. (1960). Сочинения. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы. 908 с.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.

Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. № 2. С. 3–20.

Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. Москва: Издательство «Экономика». 447 с.

Полтерович В.М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. № 11. С. 1–19.

Полтерович В.М. (2017). Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. № 11. С. 33–49.

Полтерович В.М. (2021). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. № 1. С. 1–21.

Полтерович В.М. (2026). Эволюция механизма общественного развития: попытка четырехфакторного анализа // Вопросы экономики. № 4. С. 5–26.

Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Москва: Fortis Press. 392 с.

Попов В.В. (2026). Почему рухнул советский социализм // Мир России. Т. 35. № 1. С. 184–200.

Проскура Я.В., Терехова Е.А. (2017). Метод кейс-стади как инструмент формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Философия образования. № 3 (72). С. 69–76.

Радугин А.А., Черноусова И.Д. (2024). Глубинное государство как субъект управления социальными процессами // Вестник ВГУ. Серия: Философия. № 3. С. 86–90.

Соболевский С.И. (2001). Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. Санкт-Петербург: Кристалл. 672 с.

Турчин П.В. (2024). Конец времен. Москва: АСТ. 432 с.

Цицерон М.Т. (2021). Ораторское искусство: хрестоматия. Москва: АСТ. 320 с.

Amable B. (2016). Institutional complementarities in the dynamic comparative analysis of capitalism. *Journal of Institutional Economics,* 12(1), 79–103.

Amable B. (2017). *Structural Crisis and Institutional Change in Modern Capitalism: French Capitalism in Transition*. Oxford and New York: Oxford University Press.

Bretone M. (2016). Histoire du droit romain. Paris: Editions Delga.

Brunt P.A. (1977). Lex de imperio Vespasiani. The Journal of Roman Studies, 67, 95–116.

Campbell J.L. (2022). *Institutions under Siege: Donald Trump's Attack on the Deep State*. Cambridge University Press.

Demiroz F. (2025). The origins and intellectual structure of the deep state literature. *Public Administration Review,* 85(6), 1666–1681.

Derber Ch., Magrass Y.R. (2024). *Who Owns Democracy?: The Real Deep State and the Struggle Over Class and Caste in America*. Routledge.

Giovannini A. (2015). Les institutions de la république romaine des origines à la mort d'Auguste. Basel: Schwabe Ag.

Good A. (2022). *American Exception: Empire and the Deep State*. Skyhorse Publishing.

Mayor A. (2010). *The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy*. New Jersey: Princeton University Press.

Moatti C. (2018). *Res publica – Histoire romaine de la chose publique*. Paris: Fayard.

Munabari F., Hanita M., Ras A.R. (2025). The shadow state narrative, bureaucratic politics, and national resilience in the Trump era. *Jurnal Lemhannas RI,* 13(3), 336–350.

Popov V. (2011). Developing new measurements of state institutional capacity. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 158, 1–7.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

Balatsky E.V.

Institutional Erosion and Degradation: A General Theory and Historical Precedents

Abstract. World history is replete with events that call for deeper reflection – especially those involving a fundamental overhaul of public administration systems in different countries. To better understand such processes, we propose an equation describing the dynamics of institutional quality. The equation draws on a distinction between institutional erosion (where institutions lag behind the economy's evolving needs) and institutional degradation (driven by the cultural degradation of ruling elites). The analytical potential of this approach is demonstrated through four historical case studies: the transformation of the Roman Republic into the Roman Empire, the emergence of the deep state in the United States, the dissolution of the Soviet Union's statehood, and the degradation of governance in present-day Germany. To bring the specifically economic, institutional, and cultural factors into sharper relief, we employ the method of institutional reconstruction. This framework sheds light on aspects of historical dynamics that previously lacked an adequate explanation. In particular, it clarifies the Cicero paradox – the shift of a governance system from a more advanced to a more primitive institutional model.

Key words: erosion, degradation, institutional theory, deep state, public administration.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

Статья поступила 06.08.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.3
УДК 338.984
© Лаженцев В.Н.

Проблемы формирования экономических ресурсов регионального управления в современных условиях российского федерализма



Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: vnl1940@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: O-6722-2017

Аннотация. В статье рассмотрены направления наращивания экономических ресурсов регионального управления с учетом особенностей современного федерализма России. Ключевые позиции в данной тематике занимают отношения собственности, финансово-бюджетная система, территориальная кооперация. Автор исходит из принципа, что каждый уровень власти должен иметь административные, кадровые, финансовые и материальные ресурсы, достаточные для решения собственных задач в общем процессе социально-экономического развития страны. Экономическая автономия муниципальных образований и регионов – непременное условие их гармоничного развития, территориальной справедливости, рационального природопользования и инфраструктурного обустройства. При существующих в России обстоятельствах обеспечить такую гармонию непросто, но использовать хотя бы минимальные возможности необходимо. В связи с этим регион представлен как плацдарм взаимодействия всех субъектов собственности с учетом интересов каждого владельца и его экономического поведения. Полагается, что нормы и правила регулирования желательно вывести из-под чрезмерного влияния политической конъюнктуры и крупного корпоративного капитала. Далее речь идет об увеличении объема региональной и муниципальной собственности, ее эффективном коммерческом использовании, росте связанной с территориальными бюджетами налогооблагаемой базы, совершенствовании системы кредитования и установлении экономических связей с регионами-соседями. В статье приводятся примеры такого территориального развития. Наиболее значимые из них: увеличе-

Для цитирования: Лаженцев В.Н. (2026). Проблемы формирования экономических ресурсов регионального управления в современных условиях российского федерализма // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 70–82. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.3

For citation: Lazhentsev V.N. (2026). Formation of economic resources for regional governance in the modern conditions of Russian federalism. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 70–82. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.3

ние собственности муниципалитетов и регионов за счет земельных, лесных и водных ресурсов, модернизация имущественных комплексов ради получения от них более существенных доходов, развитие договорных отношений по поводу межмуниципальной и межрегиональной кооперации, ее финансового и материально-технического обеспечения.

Ключевые слова: федерализм, вертикаль власти, региональная собственность, бюджетные отношения, банковское кредитование, территориальная кооперация.

Введение

Конституционные положения о распределении полномочий и средств их исполнения по уровням вертикали власти фиксируют лишь рамочные условия функционирования федеративного государства и местного самоуправления. В реальной жизни возникает множество обстоятельств и соответствующих вариантов решения определенных задач социально-экономического развития. Учесть всю конкретику в рамках классического федерализма практически невозможно, хотя государство к этому стремится, разрабатывая соответствующие программы. Так, реализуется национальный проект «Инфраструктура для жизни – 2025–2030» с планом финансирования около 11 трлн руб., включая средства федерального бюджета (9,7 трлн руб., т. е. более 90% от общего объема) и внебюджетные источники (1,15 трлн руб.). Из территориальных бюджетов направляется крайне мало средств в виде софинансирования конкретных проектов (федеральный бюджет выделяет субсидию или трансферт региону, а тот добавляет свои деньги). Это характерно для всех 19 национальных проектов (аналогичное положение наблюдалось и в прошлые годы[1]).

Пример с национальными проектами показывает, что России свойственны различного рода отклонения от классики экономического федерализма. Следовательно, смена стандартного курса может иметь негативные последствия. Одно из них – утрата самостоятельности и полное следование регионов в фарватере политики центра. Актуальным становится вопрос о развитии тех видов хозяйственной деятельности, которые исполняли бы непосредственно региональные правительства, муниципалитеты и их унитарные предприятия. Это не значит действовать в одиночку, но предполагает вертикальную и горизонтальную кооперацию по широкому кругу вопросов.

Цель исследования – показать процесс формирования экономических ресурсов регионального управления за счет целенаправленной работы регионального руководства с собственниками; поиска возможностей роста региональной и муниципальной собственности и путей ее рационального использования; развития отраслей хозяйства, увеличивающих финансовый ресурс регионального управления; совершенствования «вертикальных» финансово-бюджетных отношений; использования региональным управлением банковских кредитов ради «запуска» проектов местного значения; улучшения межрегиональной и межмуниципальной кооперации.

Методологический аспект рассмотрения перечисленного заключается в согласовании традиционных направлений формирования ресурсов регионального и муниципального управления (сбор местных налогов, привлечение инвестиций, поддержка бизнеса, развитие инфраструктуры) с указанными выше методами территориального хозяйствования. Большинство способов, как правило, связано с местной инициативой и не регламентировано обязательными нормами управления. В связи с этим и в нашем исследовании они носят рекомендательный характер.

Заведомо понятно, что раскрыть полное содержание экономического укрепления регионального управления в одной статье невозможно. И все же сам перечень направлений должен быть обозначен именно в таком виде (без исключений) с частичным рассмотрением наиболее «злободневных» вопросов территориального хозяйствования.

[1] Национальные проекты 2019–2030 гг.: особенности реализации и инструменты повышения эффективности. Экономический и инфраструктурный блок (2023): научно-аналитическое издание / коллектив авторов под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина, д.э.н. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 314 с.

Особенности российского федерализма

Отклонение от классики. Исходя из мирового опыта создания союзных государств, принято считать, что федерализм – это объединение двух и более территориальных или национальных образований в единое государство с разделением властных полномочий между федеральным центром и регионами. «Это такая форма организации правительства, которая стремится примирить региональное разнообразие с определенным уровнем коллективного единства и делает это таким путем, при котором региональные правительства играют вполне конкретную роль» (Натан, Хофман, 1991, с. 35).

На фоне приведенного определения российский федерализм исторически характеризуется не объединением, а разделением единого государства (Российской империи) на территориально-национальные и территориально-административные образования, каждое из которых наделялось статусом субъекта Союза или Федерации. После распада СССР речь идет об единстве и целостности России, где черты унитарного государства не закреплены де-юре, но присутствуют де-факто. Реальность такова, что имперская идея у государства и российских народов до сих пор жива и это сказывается на политическом и экономическом поведении центрального и регионального руководства (Ячин и др., 2023).

Изучение опыта зарубежных стран подтверждает тот факт, что «сама природа федерализма зачастую содержит в себе ряд угроз, приводящих к разрушению территориальной целостности» (Дудаева, 2020, с. 186). В.Н. Минат (со ссылкой на Р. Крайтнера) отмечает, что идеи сепаратизма сопровождают США с начала существования этого государства (Минат, 2022). Для России также идеи федерализма уже давно были связаны с опасениями за целостность страны, что особенно ярко проявилось в 1990-х гг.[2] (Данилевская, 2023). Вместе с тем отметим, что зарубежный опыт интересен не только «угрозами федерализма», но и практикой экономических взаимоотношений по линии «центр – субъект федерации». Главное здесь заключается в позиции государства относительно региональной политики. Напомним, как она (позиция) трактуется применительно к США, стране с классическим федеративным устройством. Известный в России профессор Лондонской школы экономики Р. Эстолл в свое время писал: «При системе свободного предпринимательства ... в случае появления заметных различий в уровне развития экономики между отдельными районами... „естественные" силы экономического развития имеют тенденцию способствовать дальнейшему росту благосостояния преуспевающих районов, часто в ущерб другим. Чтобы избежать этого, необходима соответствующая сила. В современных условиях должно быть вмешательство государства» (Эстолл, 1977, с. 385). Для РФ такая позиция, с одной стороны, безусловно полезна своей ориентацией на активную роль государственного регулирования пространственного развития, с другой – является предостерегающей по поводу надежд на эффективность экономики за счет быстрого роста городских агломераций, что якобы естественно и не подлежит сомнению. Необходимо помнить о регионах, которые при таком подходе и далее будут находиться в уязвленном положении.

При организации федеративных отношений в России приходится учитывать явное региональное разнообразие и скрытое коллективное единство. При этом дифференциация региональной политики рассматривается как положительный фактор общероссийского развития на основе территориального разделения труда, специализации регионов и формирования единого рыночного пространства. Кроме общего для всей страны правового регулирования рынка, единство ярко проявляется в определенных акциях по вопросам национальной безопасности и ликвидации последствий природной стихии. Однако при многих других обстоятельствах, включая внешние и внутренние угрозы, единство приходится создавать посредством жесткой вертикали власти и введения конституционных гарантий неприкосновенности и целостности территории страны. Именно данным

[2] История региональной суверенизации в научной литературе освещена полно и весьма критически. Прежде всего следует отметить целенаправленную редакционную политику на сочетание субъектности регионов с единством страны журнала «Федерализм» и его главного редактора профессора С.В. Валентея.

фактом можно объяснить чрезмерную централизацию государственной власти, насыщение регионов федеральными службами, наделение полномочиями субъектов РФ и муниципалитетов по остаточному принципу, а также до сих пор существующую неопределенность положения местного самоуправления относительно управления государственного.

В «классических» федерациях разногласия и конфликты между регионами (штатами, землями, провинциями) и центром (федеральным правительством) разрешаются судебным порядком. В РФ такой формат не исключается, но применятся очень редко, в основном как иски прокуроров против региональных нормативных актов. В целом судебная практика отражает чрезмерную концентрацию властных полномочий в центре, преобладание субординации над координацией.

Анализ соотношения идеального образа административно-политического устройства России и его реального состояния привел авторитетных исследователей федерализма к выводу, что «вероятным является консервация структуры российской государственности в сложившемся виде как минимум в среднесрочной перспективе» (Колесников, Угланова, 2023, с. 136). Данный факт приходится иметь в виду каждый раз, когда речь идет о желаемых преобразованиях.

Реакция на отклонения. Отмеченное уже давно стало укорененной чертой российского государства и подвергается основательной критике со стороны теоретиков классического экономического федерализма (Бухвальд и др., 2020; Валентей, 2021; Валентей, 2025). На практике сложившееся положение устраивает функционеров государственной и муниципальной власти. В связи с этим *в тактическом плане* речь идет о том, чтобы при решении конкретных вопросов социально-экономического развития регионов и муниципальных образований приспособиться (по мере возможностей) к действующей ситуации. При этом адаптация через конкуренцию между регионами за ограниченные ресурсы проходит в основном в коридорах федеральной власти, но не в сфере хозяйственной деятельности, как это представляется в теории федерализма (Клисторин, 2015).

Иначе выстраивается *стратегия*. Академик А.Г. Аганбегян предлагает реформировать региональное управление путем перевода регионов на систему самоокупаемости, самофинансирования и самоуправления, а также укрупнения многих субъектов федерации (Аганбегян, 2023, с. 14). Обратим внимание на его предложение сформировать 20–30 крупных губерний и автономных республик. К сожалению, возврат республик к статусу автономии в настоящее время невозможен по политическим причинам, хотя следовало бы понять преимущества второй, например право на исключительность.

Трудно определить положение национальных республик относительно предлагаемых к образованию губерний: в их составе республики можно было бы рассматривать в качестве ассоциированных членов с сохранением федеративной субъектности и повышением значимости национально-культурной автономии; за пределами – в качестве самостоятельных единиц, хотя и не сопоставимых по экономическому потенциалу с губерниями. Такого рода неопределенность сохранится, пока существует консервация политической структуры российской государственности. В сложившихся условиях целесообразно определить направления укрепления регионального управления, доступные для исполнения без радикального реформирования административно-территориального устройства страны. Но в перспективном плане А.Г. Аганбегян прав: чтобы достичь высокого уровня финансово-экономической самодостаточности (например, такой как в штатах США или землях ФРГ), необходимо, чтобы субъекты РФ были достаточно крупными.

Отношения по поводу собственности

Анализ теорий прав собственности применительно к тематике территориального хозяйствования показал роль региона как плацдарма взаимодействия всех возможных субъектов собственности (Лаженцев, Дмитриева, 1993). Далее было доказано, что разнообразие форм собственности соответствует естественно-историческому ходу развития товарно-денежных отношений и процессов формирования территориально-хозяйственных систем. Сама суть территориального хозяйствования заключается в деятельности распорядительных цен-

тров по поводу формирования и рационального использования частной, общинной, муниципальной и субфедеральной собственности с ориентацией на коллективные потребности (Лаженцев, 2026). На основе подобного рода положений в исследовании изначально собственность рассмотрена в аспекте ее «привязки к месту» с целью координации деятельности различных субъектов хозяйствования, а впоследствии – как источник региональных и муниципальных доходов.

Исходной для изучения проблематики собственности обычно является статистика об ее формах и их процентном соотношении. Эти данные необходимы для характеристики регионов и отражения разного рода особенностей, связанных с отраслевой и функциональной структурой их экономики[3]. Для выявления значения отношений собственности в развитии вертикальных и горизонтальных экономических отношений нужны другие сведения, о которых кратко сказано ниже.

Собственник и его юридический адрес. Этот вопрос имеет давнюю историю и экономико-географическую окраску в связи с пространственным разрывом между производством и потреблением. Напомним сюжет из жизни капиталистической России царских времен в изложении Н.Н. Баранского: «В текстильную промышленность города Иванова в дореволюционное время вкладывались не только местные капиталы, но и в значительной степени и московские, доходы с которых не оседали в Иванове, а уходили в Москву. Это сказалось и на внешнем виде Иванова. Вплоть до революции город со стотысячным населением оставался без мостовой, без водопровода и канализации, с жилыми домами деревянного типа» (Баранский, 1980, с. 29). Сейчас другой уровень производства и потребления, другое понимание обустройства жизни, но смысл территориальной социальной несправедливости, обусловленной пропиской собственника и его головного офиса, остается таким же[4]. Более того, с проблематикой локации хозяйственной деятельности связаны отношения социального, информационного и управленческого характера, существенно влияющие на оценку экономического потенциала конкретных территорий (Янков, 2025).

Главная установка заключается в том, чтобы большая часть налогов изымалась в местах создания добавленной стоимости. Технически ее реализовать несложно, но политически – проблематично в силу разнонаправленности интересов корпораций, регионов и федеральной власти.

Позиция собственника относительно использования доходов для расширенного воспроизводства своих активов. На первый взгляд кажется, что это дело частное. Но оно одновременно является и общественным, поскольку экономическое поведение взаимодействия крупных собственников оказывает существенное влияние на всю национальную экономику. Если в указанной совокупности соотношение фондов накопления и потребления не соответствует общему тренду научно-технического развития страны, то ее экономика обречена на «застой». Но и у самих предприятий возникают проблемы внутреннего воспроизводства капитала. Академик В.И. Маевский обозначил данную проблематику как «переключающийся режим воспроизводства», когда обновление основных фондов и других активов происходит по частям по мере их неодновременного старения (Маевский, 2025).

Важно также установить, соответствует ли экономическое поведение самого руководителя предприятия задачам технологической модернизации производства и содействия территориальному развитию. Нередко можно наблю-

[3] Например, в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва. 2025» по формам собственности распределены: среднегодовая численность работников организаций, жилищный фонд, инвестиции в основной капитал, число организаций, оборот организаций, отдельные экономические показатели по видам деятельности, ввод в действие жилых домов, оборот розничной торговли. Во всем перечисленном преобладает частная собственность с различными по регионам соотношениями с другими формами собственности.

[4] В 2024 году доля Москвы в численности населения РФ – 9%, ВВП – 20%; объеме отгруженных товаров (включая работы и услуги) – 11%; депозитах кредитных организаций (2025 год) – 48%, в том числе юридических лиц – 70%, физических лиц – 37%. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва. 2025. С. 45, 432, 542–548, 949.

дать, как амортизационный фонд используется не по назначению, образно говоря – проедается, что ущемляет интересы региона[5]. Примеры некорректного поведения корпораций показывают, насколько важна своевременная реакция на них региональных правительств для защиты интересов своих регионов. Это касается взаимоотношений корпораций с бюджетами всех уровней так называемого консолидированного налогообложения, регистрации уставного капитала в офшорных компаниях и ряда других вопросов (Ильин и др., 2021).

Участие собственника в обустройстве территории своей деятельности. Крупные корпорации обустраиваются основательно. Их роль в социально-экономическом развитии территории своей дислокации является первостепенной. За счет частных инвестиций строятся не только производственные, но и социальные объекты, транспортная, информационная и другие инфраструктуры. Значительные суммы выделяются на спонсорскую помощь, например, в Республике Коми она составляет 8–10% в сравнении с доходами ее консолидированного бюджета.

Вместе с тем корпорации стремятся приватизировать не только ресурсы, но и региональные правительства, а также органы местного самоуправления. Создается ситуация, когда «организационные пространства фирм являются „резервуарами", в которые вброшены территориальные единицы» (Доманьски, 2010, с. 54). Договорные и другие отношения региональных правительств и муниципалитетов с производственными корпорациями не должны быть обусловлены политическими обязательствами и диктатом крупного капитала.

Проблема поведения собственника носит не случайный характер, а потому заслуживает серьезного внимания со стороны науки. В.Н. Стрелецкий, анализируя труды классика немецкой экономической географии А. Леша, отметил: «А. Леш особое внимание обращает на такие признаки, как специфичность индивидуального поведения (в частности, предпринимателей), их личные качества, характерные черты, традиции и привычки, присущие разным народам» (Стрелецкий, 2006, с. 50). Новейшие исследования в области социальной психологии также указывают на высокое значение поведенческого фактора и его серьезное влияние на экономические процессы. В условиях, когда существующее поколение руководителей крупного бизнеса сформировалось под влиянием «революционного реформирования», сугубо практическое значение имеет установка на новое поведение. «Для формирования политики государства, для воспитания следующих поколений нужна интеллектуально формализованная система представлений, правил мышления, поведения, ценностно-смысловых установок» (Волконский, 2026, с. 13). Экономическое поведение собственников актуализирует проблему равенства двух сил управления – регионального и фирменного, что в свою очередь служит ориентиром на усиление экономического потенциала регионального управления.

Значение региональной и муниципальной собственности. В состав региональной и муниципальной собственности входят имущественные и природно-ресурсные объекты, бюджетные и внебюджетные средства, активы в виде ценных бумаг, принадлежащие региональным правительствам и муниципалитетам. От такой собственности не следует поспешно избавляться путем ее приватизации, а необходимо бережно к ней относиться, создавать и модернизировать, покупать и продавать, сдавать в аренду и залог, т. е. получать от нее дополнительный доход и решать на его основе задачи социального развития.

Мы полагаем, что активная коммерческая работа региональных правительств и муниципалитетов как собственников может сыграть немаловажную роль в пополнении территориальных бюджетов. Вместе с тем следует принять во внимание рост затрат на формирование региональной собственности. Проблема реализации данного направления заключается в том, что ее предстоит практически создать заново (в настоящее время она крайне мала) за счет восстановления и перераспределения земельных,

[5] В развитых странах доля амортизации в инвестициях в основные фонды часто достигает 60–70%, а в российской экономике – примерно 20%. Нередко амортизационные средства идут на пополнение оборотных средств (закупка сырья, выплата зарплаты), финансовые вложения, покрытие текущих операционных расходов, выплату дивидендов по акциям и т. п.

лесных и водных угодий по формам владения. Имущественные комплексы также требуется реконструировать (существующие изношены и зачастую неликвидны). Тем не менее территориальное хозяйствование на базе региональной и муниципальной собственности следует рассматривать как одно из важнейших направлений роста экономических ресурсов местного значения.

Наиболее актуальным остается вопрос о земле. В контексте тематики нашей работы отметим, что проблема заключается в неудовлетворенности местных сообществ обустройством пространства своей жизнедеятельности по причине конфликтов из-за собственности (кому это должно принадлежать?), а также в препятствиях для развития местной экономики.

В *таблице* приведены сведения о распределении земель по категориям, имеющим существенное значение в территориальном хозяйствовании. Видно, что работа региональных правительств и муниципалитетов с землей как ресурсом и товаром необходима по двум направлениям: 1) сохранение в хозяйственном обороте земли, распределенной по формам собственности; 2) реновация хотя бы частично утраченных сельскохозяйственных земель, которые формально числятся как государственная и муниципальная собственность. Главная роль здесь принадлежит муниципалитетам, причастность которых к землеустройству предопределена их социальной миссией в общественном воспроизводстве природно-ресурсного потенциала страны. К тому же земельный налог полностью поступает в бюджеты муниципалитетов.

Еще более локализованы проблемы муниципального лесопользования, когда лесные угодья вокруг населенных пунктов правомерно рассматривать как сферу жизнедеятельности с ее дарами природы. Грибо-ягодная экономика сельской местности приносит немалый доход. Это касается и эколого-экономической деятельности муниципалитетов через организации (вместе с лесничествами) рубок ухода, биохимической переработки лесной зелени, строительства туристических объектов, научно-исследовательских стационаров и т. п.

Менее проблемным является оформление региональной собственности в виде акций в частных компаниях. Так, по данным на начало 2026 года, Республика Коми владела пакетами акций в 17 акционерных обществах. Получаемые дивиденды хотя и небольшие, но помогают решать задачи социального развития.

Финансово-экономические отношения в вертикали власти

Налоги и бюджеты. В действующий вид государственности России встраиваются экономические отношения по вертикали власти. Центральное правительство стремится укрепить свое положение в иерархии путем концентрации у себя административных и финансовых ресурсов, а региональные правительства хотят увеличить объем спонсирования своего региона из федеральных и корпоративных источников. При этом процедурно регламентированные обоснования такого желания, как правило, отсутствуют (Швецов, 2025). Муниципалитеты стремятся организовать отношения с государством таким образом, чтобы получить как

Сведения о наличии разграниченных земель государственной и муниципальной собственности за 2024 год, тыс. га

Земли государственной и муниципальной собственности	Земли сельскохозяйственного назначения		Земли населенных пунктов		Земли особо охраняемых территорий и объектов	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Всего разграниченных земель	39488,3	100,0	3397,7	100,0	47328,1	100,0
Российская Федерация	6314,4	16,0	920,0	27,1	38463,8	81,3
Субъекты Российской Федерации	11847,1	30,0	547,6	16,1	8819,7	18,6
Муниципалитеты	21326,8	54,0	1930,1	56,8	44,6	0,1
Неразграниченная собственность и ее доля	204413,8	83,8	12663,0	78,8	3722,2	7,3

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 году. Москва: Росреестр. 2025. С. 30.

можно больше дотаций, субвенций и субсидий[6]. Для бюджетов муниципальных образований дотации являются основным источником дохода, поэтому им рекомендуется оптимизировать не сами бюджеты, а финансирование их дефицита и обслуживание долговых обязательств (Качанова, 2024). Такое присуще не только РФ. «Молодые федерации, развивающиеся страны и переходные экономики демонстрируют относительно высокий уровень централизации доходов бюджета и более активное использование вертикальных трансфертов» (Коломак, Сумская, 2020, с. 91). Процесс централизации наблюдается и в «старых» федерациях, например в США (Минат, 2022).

Критическое отношение к существующему состоянию бюджетного федерализма служит основанием для рекомендаций изменения системы распределения налогов. В части отдельных налогов такое возможно, но не механически по заранее установленным процентам, а с пониманием природы того или иного налога. Например, налог на добычу полезных ископаемых устанавливается с учетом общегосударственной собственности на недра, поэтому он является принадлежностью федерального правительства: его нельзя делить по уровням бюджетов по заранее установленной норме, иначе одни регионы фактически ничего существенного не приобретут, а другие будут иметь огромные бюджетные доходы, освоить которые не смогут. Подобная ситуация происходит с любым налогом, распределение которого обусловлено ролью той или иной налогооблагаемой базы в общественном воспроизводстве. Делить же всю сумму налогов, собираемых в регионе по иерархии бюджетов («котловой метод»), крайне опасно. Такое уже было в СССР во времена перестройки, что послужило одной из причин экономического и политического сепаратизма союзных и некоторых автономных республик.

Существующие нормы распределения налогов и ему подобных поступлений обеспечивают примерное равенство федерального и территориальных бюджетов. Только в 11 субъектах РФ налогов, сборов и платежей уходит в федеральный бюджет больше, чем остается на местах[7]. К тому же федеральный бюджет на 25–30% пополняется за счет экспортных (в основном нефтегазовых) поступлений. Централизация бюджетных доходов дает возможность содействовать социальному развитию регионов со слабой экономикой. В 2024 году доля безвозмездных поступлений в доходы бюджетов субъектов РФ составила (выборочно): в среднем – 16,5%; Республике Коми – 9,9%; Вологодской области – 11,2%; Костромской области – 25,0%; Республике Марий Эл – 38,4%; Псковской области – 38,7%; Курганской области – 42,4%; Республике Алтай – 60,4%; Чеченской Республике – 76,6%[8]. На муниципальном же уровне безвозмездные поступления имеют еще более высокое значение. Дотации и иные межбюджетные трансферты покрывают половину доходной части большинства муниципальных бюджетов, а на Дальнем Востоке и Крайнем Севере РФ – до 70%.

При сложившихся обстоятельствах практически невозможно решить задачу территориально-социальной справедливости иначе, как путем перераспределения централизованных доходов. Политически нарочито актуализированный в конце 1980-х гг. вопрос «Кто кого кормит?» – в современных условиях не имеет реального смысла, а потому перераспределительная функция федерального и субфедеральных бюджетов должна быть вне критики. Другое дело – ее исполнение: задержка межбюджетных трансфертов в начале и выдача их скопом в конце года, частая корректировка территориальных бюджетов, несовпадение объемов финансовых ресурсов и средств их реализации и др.

[6] Такое стремление ярко наблюдается, когда северные (приполярные) муниципальные округа и районы доказывают федеральным властям свою принадлежность к Арктической зоне РФ в надежде получить установленные для арктических территорий различного рода преференции. В результате сама Арктика выглядит совсем не так, как ее трактует физическая география.

[7] К таким регионам относятся Республика Коми, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Красноярский край, Пермский край, Астраханская, Оренбургская, Самарская, Томская и Тюменская области, Ненецкий АО.

[8] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2025. С. 915.

Ущербность региональных и муниципальных бюджетов обусловлена не только схемой межбюджетных отношений, а в основном крайне недостаточными объемами их наполнения в силу низкого уровня налогооблагаемой базы. Суть проблемы заключена в эффективности экономики; согласованной деятельности крупного, среднего и малого бизнеса; формировании территориально-хозяйственных комплексов. Кроме того, следует обратить внимание на стимулирующую функцию российской налоговой системы, где за муниципалитетами и регионами закрепляются те объекты налогообложения, приоритетное развитие которых делает их богаче. Напомним, что за регионами (субъектами РФ) закреплены налоги, объекты которых связаны с движимым и недвижимым имуществом организаций, транспортными средствами и игорным бизнесом. За муниципалитетами закреплены местные налоги, их объектами являются земля, имущество физических лиц, торговая деятельность и некоторые другие.

Кредитно-денежные отношения. Имеется объективная необходимость усилить процесс регионализации рынка кредитных ресурсов, который может способствовать нормализации отношений правительств республик, областей и краев с муниципалитетами и коммерческими банками. Регионализация предполагает установление такого порядка использования ссудного фонда региональных отделений банков, когда его определенная часть будет использоваться в пределах субъекта Федерации. Сейчас же денежные накопления населения и организаций банки перекачивают из регионов в распоряжение своих центральных офисов без каких-либо ограничений. При этом учтем, что из 354 головных офисов коммерческих банков РФ 187 зарегистрированы в Москве (53%); в 26 регионах они полностью отсутствуют (Домащенко, 2023, с. 139). Эти цифры говорят о недостатках в размещении банковских учреждений.

Изменению подлежит и сама мотивация заемных денег. В настоящее время она обусловлена в основном дефицитом бюджетных средств для решения неотложных задач. Желательно, чтобы региональные правительства и муниципалитеты использовали кредит для инвестиций в предпроектные исследования и проектирование перспективных объектов регионального значения. В данном случае он играет роль механизма запуска инвестиционного процесса с участием банка, правительства региона и бизнеса. Почти полное отсутствие коммерческого использования банковских ссуд для пополнения территориальных бюджетов обусловливает погашение банковского долга за счет казначейского кредитования регионов. Для региональных правительств оно более предпочтительно, поскольку несет меньшую ответственность по сравнению с банковским кредитованием и зачастую «списывается» как безнадежные долги.

Территориально-ресурсные траст-фонды. «Заразительным» для отдельных северных регионов России был пример Постоянного фонда Аляски (создан в 1976 году), генеральная идея которого заключалась в превращении Аляски в штат-собственника с привлекательной парадигмой – построить «мост между плановой и рыночной формами экономики» (Хикл, 2004, с. 31). Академик А.Г. Гранберг, написавший предисловие к указанной книге У. Хикла, весьма высоко ценил его идеи.

Попытки создать в 1990-е гг. аналогичный фонд в республиках Коми и Саха (Якутия), а также Ханты-Мансийском АО не увенчались успехом, что обусловлено не только особенностями российского федерализма, но и обстоятельствами крайней финансовой бедности всей страны в тот период и угрозами нецелевого использования средств фондов, вышедших из-под государственного контроля. Мы полагаем, что возвращаться к идее создания «фондов будущих поколений», нет смысла. Только то, что материально и духовно создается в настоящем, является основой будущего.

Кооперация как экономический ресурс

Необходимость территориальной кооперации. Из представленной выше ситуации с формированием экономических ресурсов регионального управления видно, что в ряде случаев требуется их объединение в рамках двух и более муниципалитетов и регионов-соседей ради решения конкретных задач совместного развития. Сюда отнесем природопользование и охрану окружающей среды в границах больших геосистем (физико-географическая провинция или область), сельское расселение и развитие сельских территорий, утилизацию твердых отходов,

гидро-техническое строительство на реках первого и второго порядка, формирование межрегиональных распределительных электроэнергетических линий, газификацию ЖКХ, строительство и ремонт «стыковых» участков дорог, оптико-волоконную связь, организацию рекреационных зон, разработку балансов производства и потребления строительных материалов и местных продуктов питания. К перечисленному добавим, что на основе социологических опросов в регионах Европейского Севера проведена научная классификация межмуниципального сотрудничества, дающая возможность выбора его форм и методов (Ворошилов, 2021).

Официально (в рамках Стратегии пространственного развития и Градостроительного кодекса РФ) разрешено разрабатывать схему территориального планирования, охватывающую два или более муниципальных образований. Сложнее оказалось дело с нормативным оформлением межрегионального сотрудничества, что требует предварительной теоретической подготовки. Особое внимание обратим на трактовку кооперации как форму социального бытия человека и устройства общества, кооперативного хозяйствования (Фролова, Рогач, 2024) и методологию стратегирования пространственной интеграции регионов России (Дружинин, Кузнецова, 2025; Кожевников, 2026).

Методология кооперации включает многие аспекты общественного развития: экономический, этнический, культурный, научно-технический и др. Такое разнообразие, по мнению указанных авторов, предопределяет полицентризм в организации пространственного развития. Особый аспект – интеграция социально-экономического пространства страны на основе оптимизации территориальных пропорций национальной экономики, научные основы которой были заложены в монографии академика А.Г. Гранберга, где впервые представлена ОММ – оптимизационная межрегиональная межотраслевая модель (Гранберг, 1973). Автор полагает, что использование данного метода оптимизации было бы весьма полезным для экономического районирования и разработки стратегии пространственного развития РФ.

Региональная инициатива. Весьма показательной является инициатива кооперации, исходящая от самих регионов и подкрепленная научными рекомендациями. Примером тому служит комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь», направленный на социально-экономическое развитие Красноярского края, республик Хакасия и Тыва[9]. Проект административно оформлен как корпорация наподобие «Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики». Его цель – поиск крупных инвестиций и надежда на государственное соучастие. Также интерес представляет опыт работы ныне действующего Федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования», расположенного в Хабаровске и охватывающего территорию Дальневосточного федерального округа. Результаты деятельности этого центра могут послужить основанием для организации государственного планирования во всех федеральных округах России.

Заключение

Российская Федерация имеет объективные причины усиления центрального звена государственной власти, но тем не менее региональное управление остается актуальным. Поиск приемлемой меры централизации и децентрализации с учетом реальных обстоятельств настоящего времени предполагает поэтапное исполнение задач стратегического курса на самоуправление и самофинансирование регионов. Стартовые позиции заключаются в следующем:

– согласование деятельности отдельных хозяйствующих субъектов, выделяющих часть своих доходов на комплексное развитие территорий ради улучшения собственного положения в регионе и решения общественно значимых задач; при этом со стороны регионального управления особое внимание следует обратить на экономическое поведение хозяйствующих субъектов-собственников; нормы и правила регулирования их поведения желательно вывести из-под чрезмерного влияния политической конъюнктуры и крупного корпоративного капитала;

– предположение о том, что ущербное финансовое положение регионов и муниципалитетов в вертикали власти связано с неправильным распределением налогов и других бюджетных платежей, является ошибочным; такая

[9] КИП «Енисейская Сибирь». URL: https://ensib.ru/yenisey-siberia-cip/ (дата обращения: 28.04.2026).

позиция обусловлена причинами общего характера, свойственными для всей Российской Федерации (недостаточный уровень научно-технического и социально-экономического развития, структурные диспропорции в формировании налогооблагаемой базы, недооценка значения общественной собственности и др.);

– формирование и коммерческое использование региональной и муниципальной собственности является посильным вкладом всех субъектов Федерации в общий процесс развития экономики страны и укрепления их финансового положения;

– возвышение роли территориального хозяйствования, институтов межмуниципального и межрегионального сотрудничества – неизбежный процесс социально-экономического развития России.

Литература

Аганбегян А.Г. (2023). Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. № 1. Ч. 2. С. 6–15.

Баранский Н.Н. (1980). Становление советской экономической географии. Избранные труды. Москва: Мысль. 287 с.

Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В. (2020). Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 51–76. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10003

Валентей С.Д. (2021). Развитие отечественного федерализма не по спирали (к читателям) // Федерализм. № 1. С. 5–14. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-5-14

Валентей С.Д. (2025). Экономика федеративных отношений. Казнить нельзя помиловать // Федерализм. Т. 30. № 1 (117). С. 5–31. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-1-5-31

Волконский В.А. (2026). О психологических факторах в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 9–29. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.1

Ворошилов Н.В. (2021). Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 141–159. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.8

Гранберг А.Г. (1973). Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. Москва: Экономика. 248 с.

Данилевская И.Л. (2023). Проблематика федерализма в государственно-правовом наследии И.А. Ильина // Право и государство: теория и практика. № 11 (227). С. 138–140. DOI: 10.47643/1815-1337. 2023.11-38

Доманьски Р. (2010). Экономическая география: динамический аспект. Москва: Новый хронограф. 376 с.

Домащенко Д.В. (2023). Анализ региональных трансформаций в банковской системе России // Федерализм. Т. 28. № 1 (109). С. 138–152. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-1-138-152

Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2025). Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. Т. 30. № 2 (118). С. 79–97. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-2-79-97

Дудаева М.В. (2020). Бельгийский федерализм: угрозы целостности // Федерализм. № 1. С. 186–197. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-1-186-197

Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 180 с.

Качанова Е.А. (2024). Оценка дефицита местного бюджета в условиях глобальных вызовов: содержание, причины и пути оптимизации // Муниципалитет: экономика и управление. № 2. С. 26–33. DOI: 10.22394/2304-3385-2024-2-26-33

Клисторин В.И. (2015). Федерализм и демократия. От идеи до воплощения // ЭКО. № 11. С. 77–85.

Кожевников С.А. (2026). Развитие методологии стратегирования пространственной интеграции регионов России: монография / под научной редакцией В.Л. Квинта. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. 410 с.

Колесников Е.В., Угланова О.А. (2023). Российский федерализм: некоторые современные тенденции // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. С. 127–138.

Коломак Е.А., Сумская Т.В. (2020). Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 89–105. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.6

Лаженцев В.Н. (2026). Территориально-экономические процессы и отношения (теория и ее практическое применение) // Проблемы развития территории. Т. 30. № 1. С. 15–29. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.2

Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. (1993). География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: УИФ «Наука». 137 с.

Маевский В.И. (2025). Белые пятна в ортодоксальной экономической теории // Экономическое возрождение России. № 2 (84). С. 40–56. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-40-56

Минат В.Н. (2022). Динамика регионального экономического роста и приоритеты региональной экономической политики США // Федерализм. Т. 27. № 3 (107). С. 139–159. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-3-139-159

Натан Р.П., Хофман Э.П. (1991). Современный федерализм // Международная жизнь. № 4. С. 34–38.

Стрелецкий В.Н. (2006). Теория экономического ландшафта Августа Леша и современная наука // Август Леш как философ экономического пространства. К столетию со дня рождения: сборник докладов / под ред. В.А. Шупера. Москва: Эслан. С. 41–52.

Фролова Е.В., Рогач О.В. (2024). Ренессанс кооперации: поиск экономической рациональности и социально-духовных смыслов // Вопросы философии. № 6. С. 55–64.

Хикл У. (2004). Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? Москва: Прогресс. 340 с.

Швецов А.Н. (2025). Система региональной политики: концепция и реальность // Регион: экономика и социология. № 1 (125). С. 6–29. DOI: 10.15372/REG20250101

Эстолл Р. (1977). География США. Москва: Прогресс. 428 с.

Янков К.В. (2025). О необходимости определения локации реальной экономической деятельности при исследованиях пространственного развития // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 133–142. DOI: 10.47711/0868-6351-211-133-142

Ячин С.Е., Акулич Г.А., Забирова Н.В. [и др.] (2023). Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 2. С. 11–25. DOI: 10.24866/1998-6785/2023-2/11-25

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Lazhentsev V.N.

Formation of Economic Resources for Regional Governance in the Modern Conditions of Russian Federalism

Abstract. The article examines certain avenues for expanding the economic resources of regional governance, taking into account the specific features of modern Russian federalism. Property relations, the financial and budgetary system, and territorial cooperation play a key role in this context. The author proceeds from the principle that every level of government must possess the administrative, personnel, financial, and material resources sufficient to carry out its own tasks within the country's overall socio-economic development process. The economic autonomy of municipalities and regions is an essential prerequisite for their harmonious development, territorial equity, rational use of natural resources, and infrastructure development. Under current circumstances in Russia, achieving this harmony is no easy

task, yet it is essential to leverage even the most limited opportunities available. In this context, the region is presented as a platform for interaction among all potential property stakeholders, taking into account the interests and economic behavior of each owner. The author believes it is desirable to shield the norms and rules governing such behavior from the excessive influence of political expediency and large corporate capital. The discussion then turns to increasing the volume of regional and municipal property and ensuring its effective commercial use, expanding the tax base linked to territorial budgets, improving the lending system, and establishing economic ties with neighboring regions. The article presents examples of such territorial development. The most significant among them include the expansion of municipal and regional property holdings through the acquisition of land, forest, and water resources; the modernization of asset complexes to generate higher revenues; and the development of contractual arrangements regarding inter-municipal and inter-regional cooperation, as well as the financial and logistical support for such cooperation.

Key words: federalism, vertical power structure, regional property, budgetary relations, bank lending, territorial cooperation.

Information about the Author

Vitaliy N. Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnl1940@gmail.com)

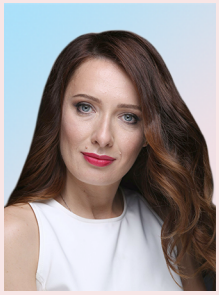
Статья поступила 18.06.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.4
УДК 338.48:796.5, ББК 65.433.1:77.2/4
© Кувалин Д.Б., Воробей Е.К., Семикашев В.В., Будник А.С., Гайворонская М.С.

Горнолыжный туризм как фактор социально-экономического развития регионов Российской Федерации: возможности и проблемы



Дмитрий Борисович КУВАЛИН
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: dbkuvalin@ecfor.ru
ORCID: 0000-0002-5462-8763; ResearcherID: AAR-4015-2021



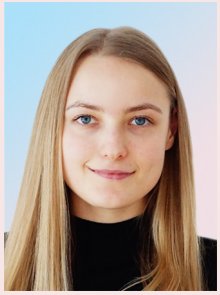
Елена Константиновна ВОРОБЕЙ
Сочинский государственный университет
Сочи, Российская Федерация
e-mail: vorobei.sochi@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8844-8018; ResearcherID: B-3017-2017



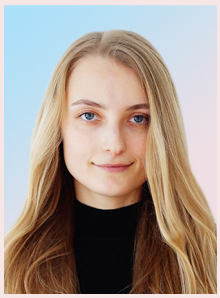
Валерий Валерьевич СЕМИКАШЕВ
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: vv_semikashev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6992-2017; ResearcherID: O-8778-2016

Для цитирования: Кувалин Д.Б., Воробей Е.К., Семикашев В.В., Будник А.С., Гайворонская М.С. (2026). Горнолыжный туризм как фактор социально-экономического развития регионов Российской Федерации: возможности и проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 83–103. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.4

For citation: Kuvalin D.B., Vorobey E.K., Semikashev V.V., Boudnik A.S., Gayvoronskaya M.S. (2026). Ski tourism as a factor in the socio-economic development of Russia's regions: Opportunities and challenges. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 83–103. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.4



Александра Станиславовна БУДНИК
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: as.terentyeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7366-8189; ResearcherID: PJT-3574-2026



Мария Станиславовна ГАЙВОРОНСКАЯ
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: ms.gayvoronskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2923-7282; ResearcherID: AAL-8812-2021

Аннотация. В статье представлены результаты исследований, в рамках которых был оценен долгосрочный потенциал развития горнолыжного туризма в России, а также выполнен сравнительный анализ конкурентоспособности ряда ключевых отечественных и зарубежных горнолыжных курортов. На основе международной статистики и предложенных авторами расчетных показателей оценены обеспеченность различных стран и курортов горнолыжной инфраструктурой и интенсивность её использования. В данный момент Россия существенно отстаёт от многих стран по доле любителей горнолыжного отдыха и по протяжённости трасс на душу населения, однако высокая скорость развития этого вида туризма в стране позволяет говорить о значительном потенциале его развития. Нынешняя динамика позволяет предположить, что через 15–25 лет доля российского населения, регулярно посещающего горнолыжные курорты, может возрасти с нынешних 3% до 6–12%, что будет сопоставимо с современными показателями США. Для сравнительного анализа конкурентоспособности нами были выбраны семь крупнейших российских горнолыжных курортов (Красная Поляна, Шерегеш, Архыз, Манжерок, Домбай, Эльбрус, Большой Вудъявр) и четыре ведущих европейских курорта (Майерхофен, Три долины, Гранд Валира, Валь Гардена). Курорты сравнивались по объективным параметрам (длина трасс, число и типы подъёмников, размер туристического потока, стоимость отдыха) и субъективным отзывам туристов. Показано, что российские курорты обладают выраженным ценовым преимуществом перед зарубежными при более высокой нагрузке на инфраструктуру, что косвенно свидетельствует об инвестиционной привлекательности отрасли. По итогам анализа сформулированы рекомендации по ключевым направлениям развития российского горнолыжного туризма: модернизации инфраструктуры, повышению качества сервиса, улучшению транспортной доступности, расширению возможностей для досуга (апре-ски) и работе по обеспечению круглогодичной загрузки курортов.

Ключевые слова: горнолыжный туризм, потенциал развития горнолыжного туризма в России, межстрановые сопоставления, оценка конкурентоспособности курортов, инфраструктура горнолыжного отдыха.

Введение

Развитие массового горнолыжного туризма в России началось значительно позднее, чем в странах Западной Европы и США, однако с течением времени популярность отдыха с использованием горных лыж и сноубордов стала быстро расти. Ориентируясь на эту популярность, отечественный бизнес, причем почти исключительно частный, стал весьма активно развивать в стране соответствующую инфраструктуру.

Такое развитие событий можно считать однозначно позитивной тенденцией: с экономической точки зрения горнолыжный туризм – это быстро растущая отрасль сферы услуг, обеспечивающая увеличение доходов бизнеса, населения и государства. Следует отметить, что по сравнению с большинством других видов туризма горнолыжный отдых создает намного более значимые мультипликативные эффекты (Новикова, 2024), предъявляя масштабный спрос на целый ряд дорогостоящих товаров и услуг сопутствующего характера: продукцию строительства и строительные материалы, услуги качественных гостиниц и заведений общественного питания; продажу, аренду и ремонт горнолыжного снаряжения; обслуживание подъемников и другой горной техники; поставки продовольствия, энергии и топлива; услуги многих видов транспорта, включая авиационный; торговые услуги.

В первую очередь от указанных мультипликативных эффектов выигрывают территории, где располагаются горнолыжные курорты и обслуживающие их производства, что вносит немалый вклад в увеличение валового регионального продукта и обеспечивает создание новых рабочих мест. Помимо вакансий на самих курортах (инструкторы, персонал подъемников, службы проката снаряжения, спасательные и медицинские службы) формируется значительный объем косвенной занятости в смежных отраслях: строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, транспорте, розничной торговле. Особо следует отметить, что многие из этих рабочих мест привлекательны для молодежи.

Рост доходов бизнеса и работников, обслуживающих горнолыжные курорты, увеличивает поступления в местные и региональные бюджеты, что расширяет финансовые возможности муниципалитетов для развития социальной и инженерной инфраструктуры прилегающих территорий. Именно поэтому развитие внутреннего туризма, включая горнолыжный, рассматривается на федеральном уровне в качестве одного из инструментов социально-экономического развития территорий, в том числе в рамках национального проекта «Туризм и гостеприимство»[1].

С социальной точки зрения горнолыжный туризм – это вид времяпровождения, способствующий увеличению популярности здорового образа жизни, вовлечению населения, включая молодежь, в регулярные занятия физкультурой и спортом, расширению потребительского выбора и другим положительным сдвигам в жизни общества.

Таким образом, отрасль горнолыжного туризма – это весьма перспективная точка роста как для отдельных регионов, так и для страны в целом. Поскольку темпы увеличения спроса на горнолыжный отдых в России остаются высокими, а новые горнолыжные курорты довольно быстро заполняются отдыхающими, логично предположить, что потенциал развития этой отрасли далеко не исчерпан.

Вместе с тем следует учитывать, что создание новых и развитие уже существующих горнолыжных курортов происходит в высококонкурентной среде. Конкуренция в этой сфере носит не только внутристрановой, но и трансграничный характер, так как многие любители горнолыжного отдыха часто и охотно посещают курорты в самых разных странах.

Следовательно, разрабатывая планы и запуская инвестиционные проекты, необходимо принимать во внимание самые разные аспекты, влияющие на конкурентоспособность различных курортов. Такой подход даст возможность более эффективно выстроить деятельность по развитию в России этой отрасли.

[1] Туризм и гостеприимство (2025–2030 гг.): национальный проект. URL: http://government.ru/rugovclassifier/920/about (дата обращения: 02.09.2026).

Несмотря на растущий интерес исследователей к изучению сюжетов ее развития, некоторые важные вопросы остаются недостаточно проработанными. Зарубежные исследования, посвященные оценке потенциала и конкурентоспособности горнолыжных курортов, как правило, ограничиваются анализом отдельных стран или курортов и не предлагают методик для углубленных межстрановых сопоставлений. Изучение темы в России чаще носит описательный характер и сосредоточено на отдельных регионах. При этом работы отечественных авторов не содержат методических подходов для количественной оценки долгосрочного потенциала отрасли и ее конкурентоспособности. В связи с этим главной задачей нашего исследования стало восполнение указанных пробелов.

Исходя из этих соображений, мы поставили перед собой цель провести ряд расчетов для оценки развития горнолыжного туризма в России в средне- и долгосрочной перспективе, выполнить сравнительный анализ конкурентоспособности российских и европейских горнолыжных курортов, а также сформулировать рекомендации по устранению «узких мест» в российской сфере этого вида отдыха. Основные элементы научной новизны нашего исследования содержатся в методических подходах и индикаторах, которые были предложены для расчета потенциала развития российского горнолыжного туризма и уровней конкурентоспособности различных курортов, а также в полученных с помощью этих методик числовых оценках.

Обзор научных публикаций, посвященных горнолыжному туризму

В зарубежной научной литературе, где публикации о горнолыжном туризме появились значительно раньше, эту сферу чаще всего анализируют в рамках концепции winter sports tourism (Abegg et al., 2007; Higham, 2009; Hudson, 2015). Современные исследования охватывают широкий круг вопросов – от маркетинговых стратегий и инноваций в управлении до экологической устойчивости курортов (Flagestad, 2001; Hjalager, 2010; Steiger et al., 2017). Конкуренция между различными курортами в горах Западной Европы и США, а также новыми точками горнолыжного отдыха в Азии стимулирует владельцев и операторов к внедрению инновационных управленческих решений и развитию персонализированного маркетинга (Tuppen et al., 2023, Hjalager, 2010). Иностранные исследователи отмечают, что традиционная бизнес-модель, ориентированная преимущественно на заработки от продажи ски-пассов (билетов и абонементов, которые дают право пользоваться подъёмниками и горнолыжными трассами на конкретном курорте), постепенно сменяется моделью, в которой ключевое значение приобретают доходы от сопутствующих событийных мероприятий и услуг цифровых сервисов, а также персонализации туристского предложения (Hjalager, 2010; Werthner, 2021). Кроме того, в зарубежных работах большое внимание уделяется изучению мотиваций, влияющих на выбор горнолыжниками мест отдыха. Авторы этих работ приходят к выводу, что качество снежного покрова и разнообразие трасс остаются ключевыми факторами, однако возрастает роль инфраструктуры для сопутствующего досуга[2] и уровня сервиса (Hudson, 2015). Результаты проведенных исследований подтверждают значительный потенциал горнолыжного туризма с точки зрения создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций, а также развития удаленных горных регионов (Cristobal et al., 2018; Troxler et al., 2024). Вместе с тем авторы отмечают основные риски развития отрасли горнолыжного туризма: высокую капиталоемкость, короткий сезон и зависимость от устойчивости снежного покрова (Scott et al., 2020, с. 12).

В отечественных научных публикациях особое внимание уделяется туристскому освоению горных территорий России – Кавказа, Урала, Алтая, Саян, Камчатки и Хибин (Гуляев, 2018; Ситников, 2020). Во многих работах рассматривается специфика горнолыжного туризма отдельных макрорегионов и регионов: Кавказа (Ельчанинова, 2025; Сапронова, 2019), Алтая, Сибири и Дальнего Востока (Морозов, 2013; Быкова и др., 2019; Литвиненко, 2023), формат поездок выходного дня на Урале (Зырянов, 2023) и т. д.

[2] Сферу сопутствующего досуга на горнолыжных курортах во всем мире, включая Россию, для краткости принято называть франкоязычным термином après-ski (апре-ски, что переводится на русский как «после катания на лыжах»).

Аналитики указывают, что горнолыжный курорт выступает ядром системы, вокруг которого формируются сопутствующие сервисы, включая инфраструктуру aprés-ski, пункты проката и школы инструкторов (Кощеев, Исопескуль, 2020; Flagestad, 2001). При этом спрос на услуги горнолыжных курортов формируется под влиянием как спортивных мотивов, так и требований к качеству сервиса. Для различных групп туристов приоритетными оказываются либо сложность трасс и надежность снежного покрова, либо наличие детской инфраструктуры и комфорт размещения (Hudson, 2015; Steiger, 2010). Базовой проблемой отрасли остаются большие сезонные перепады спроса и загрузки курортов, в связи с чем во многих работах предлагается трансформировать центры горнолыжного отдыха в круглогодичные туристско-рекреационные комплексы (Berard-Chenu, 2021; Steiger et al., 2022; Pechlaner, 2003).

Методология исследования

В исследовании применялся метод сравнительного анализа на основе данных международной и российской статистики, разработанных авторами статьи удельных показателей и экспертных оценок. Сравнения проводились для стран с развитым горнолыжным туризмом – Австрии, Франции, Швейцарии, Италии, США и России. Для межстрановых сопоставлений, отражающих уровни развития сферы горнолыжного отдыха, в качестве базовых показателей использовались: число поездок лыжников; доля населения, занимающаяся горнолыжным спортом; доля иностранных лыжников. Основной массив данных брался из международной статистики[3]. Длина горнолыжных склонов в разрезе отдельных стран рассчитывалась как агрегированный показатель суммарной протяженности трасс. На основе этих данных авторами были предложены и рассчитаны производные показатели: число поездок по отношению к численности населения (характеризует вовлечённость населения в горнолыжный туризм), число поездок по отношению к длине склонов (отражает интенсивность использования инфраструктуры) и длина склонов по отношению к численности населения (отражает обеспеченность инфраструктурой).

Для сопоставления конкретных зарубежных и российских горнолыжных локаций использовались характеристики, опубликованные на официальных сайтах курортов: общая длина склонов, количество и типы подъёмников, годовое число туристских поездок и продолжительность сезона. На основе этих данных авторами были рассчитаны дополнительные показатели: число посещений курорта на единицу длины склонов (рекреационная нагрузка) и среднее расчётное время ожидания на подъемнике. Выборка включала ведущие зарубежные центры: Майерхофен (Австрия), Три долины (Франция), Гранд Валира (Андорра), Валь Гардена (Италия) и крупнейшие российские курорты: Роза Хутор, Газпром и Красная Поляна; Манжерок, Архыз, Шерегеш, Домбай, Эльбрус, Большой Вудъявр.

Анализ субъективных экспертных оценок курортов, характеризующих общий уровень сервиса, качество сферы апре-ски, типичные достоинства и недостатки, среднее время ожидания на подъемнике, проводился с применением технологий искусственного интеллекта для обработки пользовательских отзывов. Источниками оценок, выставляемых по пятибалльной шкале, стали интернет-порталы Google Maps (для всех курортов), Яндекс Карты (только для российских курортов).

В рамках межстрановых сопоставлений также оценивалась стоимость отдыха на 5 дней, включающая стоимость проживания (с завтраками) в гостинице уровня «три звезды» и стоимость ски-пасса на 5 дней катания. Цены гостиниц оценивались с помощью данных агрегаторов Островок.ру, Яндекс.Путешествия, Суточно.ру и др.; цены ски-пассов – на основе данных с интернет-сайтов горнолыжных курортов.

[3] 2022 International Report on Snow & Mountain Tourism. Laurent Vanat, 2022, 242 p. URL: https://de.cdn-website.com/64e34689550d402aa147af5bbc27524d/files/uploaded/RM-world-report-2022.pdf (дата обращения: 18.05.2026). С. 24, по отдельным странам с. 30, 35, 39, 47, 139, 174.

При сравнении российских курортов дополнительно оценивалась транспортная доступность рассматриваемых горнолыжных локаций с учетом стоимости авиаперелета с багажом из Москвы и Новосибирска, а также трансфера/такси до курорта (по данным Авиасейлс.ру и Яндекс.Такси). В оценку транспортной доступности также включалось время в пути.

Оценка потенциала развития горнолыжного туризма в России на основе сравнения с ситуацией в зарубежных странах

Условия для развития горнолыжного туризма в разных странах существенно различаются. В связи с этим было решено разделить анализируемые страны на две группы: классические горнолыжные страны Европы с относительно небольшой территорией и высокой плотностью населения, а также США с Россией – государства с большой территорией, меньшей плотностью населения и большим числом равнин. При этом США отличается от России намного более развитой в настоящий момент горнолыжной инфраструктурой. Основные данные, отражающие степень развития горнолыжного туризма в указанных странах, приведены в *таблице 1.*

Наибольшее абсолютное число поездок на горнолыжные курорты (среднее за последние пять лет исключая ковидный год с ограничениями в передвижениях) зафиксировано в США, Австрии и Франции – 56, 52 и 50 млн поездок соответственно. В России в этот период наблюдалось наименьшее число поездок на горнолыжные курорты – всего 9 млн, или в шесть раз меньше, чем у лидирующих стран.

Однако при переходе к относительным показателям между странами картина меняется. Так, в Швейцарии и Австрии доля населения, занимающегося горнолыжным туризмом, максимальна – более 30% (Чхотуа, 2022, с. 127). Этот факт свидетельствует о глубокой интеграции горнолыжного спорта в повседневную культуру и быт жителей этих альпийских стран (Weiermair, 2007; Haugom, 2021). В свою очередь во Франции и Италии этот показатель находится на среднем уровне – от 12 до 13 % (Macchiavelli, 2009; Чхотуа, 2022, с. 127; Berard-Chenu, 2022). В США и России удельный вес населения, занимающегося горнолыжным туризмом, наиболее низкий – 8 и 3% соответственно.

Наибольшие контрасты выявляются при анализе длины горнолыжных склонов в пересчёте на численность населения. Швейцария (778 км на 1 млн чел.) и Австрия (556 км на 1 млн чел.) лидируют по этому показателю с колоссальным отрывом. Франция и Италия отстают в 5–7 раз, обладая 104 км и 102 км склонов в расчете на 1 млн чел. населения соответственно. США и Россия характеризуются самой низкой обеспеченностью склонами — 18 км и 9 км на 1 млн чел. Таким образом, Россия занимает позицию аутсайдера по всем трём параметрам, что указывает на начальный этап развития горнолыжного туризма и ограниченную доступность этого вида отдыха для большинства жителей страны.

Вместе с тем потенциал развития горнолыжного туризма в России весьма высокий[4] (Кучумов, 2021; Александрова, 2021). Об этом

Таблица 1. Уровень развития горнолыжного туризма в разных странах

Показатель	Россия	Франция	Италия	Швейцария	Австрия	США
Число поездок лыжников, млн чел.	9	50	27	23	52	56
Число поездок на млн чел. населения страны	0,06	0,74	0,46	2,56	5,71	0,16
Число поездок на км трасс	0,9	0,4	0,3	0,07	0,2	0,9
Доля населения, занимающегося горнолыжным туризмом, %	3	13	12	35	34	8
Доля иностранных лыжников, %	5	27	35	35	66	6
Длина горнолыжных склонов основных курортов, км*	1300**	7000	6000	7000	5000	6000
Длина горнолыжных склонов на численность населения, км/млн чел.*	9	104	102	778	556	18

* Оценка авторов.
** Из них половина – локальные малозагруженные трассы.
Рассчитано по: 2022 International Report on Snow & Mountain Tourism (с. 24, по отдельным странам с. 30; 35; 39; 47; 139; 174).

[4] География туризма: учебник / под ред. А. Ю. Александровой, коллектив авторов. Москва: КноРус, 2016. 591 с.

свидетельствует как неплохая динамика развития уже существующих курортов, так и быстрое освоение отдыхающими новых горнолыжных локаций – Архыза, Манжерока и т. д.

В частности, высокие темпы развития в 2021–2025 гг. демонстрировала главная горнолыжная локация России – группа курортов, расположенных вблизи поселка Красная Поляна Краснодарского края. В состав курортов Красной Поляны входят три горнолыжных комплекса: Роза Хутор со 105 км трасс и 32 подъемниками, Красная Поляна с 30 км трасс и 14 подъемниками, Газпром (Лаура и Альпика) с 40 км трасс и 14 подъемниками. Статистические показатели зимних сезонов на этих курортах представлены в *таблице 2*.

Анализ данных таблицы 2 показывает, что все три курорта Красной Поляны за период с 2021 по 2025 год демонстрируют устойчивый рост по основным показателям: турпотоку (+8%), числу ски-пассов (+9%) и выручке (+57%). При этом наибольшие значения турпотока и выручки показывает курорт «Роза Хутор»: за период 2021–2025 гг. его выручка увеличилась с 5,1 до 7,8 млрд руб. (+53%), а турпоток – с 920 до 960 тыс. человек (+4%). На наш взгляд, такая динамика однозначно доказывает увеличение спроса на горнолыжный отдых в России и рост коммерческой привлекательности отечественных горнолыжных курортов.

Понятно, что рост популярности горнолыжного туризма не может быть бесконечным, од-

Таблица 2. Статистические показатели курортов п. Красная Поляна (зимние сезоны 2021–2025 гг.).

Курорт	Сезон (15 декабря – 15 апреля)	Турпоток, тыс. чел.	Ски-пассы, тыс. шт.	Выручка, млрд руб.	Темп роста выручки, %
Роза Хутор	2020–2021	920	580	5,1	–
	2021–2022	870	540	5,4	106
	2022–2023	900	560	6,2	115
	2023–2024	950	600	7,1	115
	2024–2025	960*	610*	7,8*	110*
Красная Поляна	2020–2021	740	410	3,8	–
	2021–2022	720	390	4,2	111
	2022–2023	750	420	4,9	117
	2023–2024	810	450	5,6	114
	2024–2025	830*	465*	6,2*	111*
Газпром (Лаура/ Альпика)	2020–2021	650	340	2,9	–
	2021–2022	610	310	3,1	107
	2022–2023	630	330	3,5	113
	2023–2024	680	360	4,1	117
	2024–2025	700*	380*	4,5*	110*

* Прогнозные значения и данные на основе динамики бронирования.

Примечание: расчеты показателей зимних сезонов выполнены на основе информации, полученной из источников по ссылкам, действовавшим на момент обращения.

Источники: Финансовая отчетность на ООО «Роза Хутор». URL: https://finansanaliz.ru/pay/7702347870 (дата обращения: 19.04.2026); Годовой отчет ООО «Роза Хутор» за 2021–2023 гг. Статистика посещаемости и финансовые результаты. URL: https://rosakhutor.com/about/reports/ (дата обращения: 23.05.2024); Федерация горнолыжного спорта России. Итоги зимнего сезона в Краснодарском крае // ФГСР. URL: https://rfgs.ru/ (дата обращения: 19.04.2026); Курорт Красная Поляна. Операционные показатели деятельности НАО «Красная Поляна». URL: https://krasnayapolyanaresort.ru/news (дата обращения: 19.04.2026); ПАО «Газпром». Отчет об устойчивом развитии: Социальные и туристические объекты. URL: https://www.gazprom.ru/sustainability/ (дата обращения: 18.04.2026); Система мониторинга туристического потока Администрации города Сочи. Итоги зимних сезонов. URL: https://sochi.ru/zhizn-goroda/turizm/ (дата обращения: 12.04.2024); Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Число размещенных лиц в КСР по городскому округу Сочи. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 21.04.2026); Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края. Прогноз развития санаторно-курортной отрасли на 2024–2025 гг. URL: https://min.kurortkuban.ru/ (дата обращения: 20.05.2024); Ассоциация туроператоров России (АТОР). Аналитика спроса на горнолыжные курорты Сочи в сезоне 2023–2024. URL: https://www.atorus.ru/node/56123 (дата обращения: 05.05.2024); РБК Компании. Финансовая отчетность и выручка предприятий сферы туризма Краснодарского края. URL: https://codes.rbc.ru/ (дата обращения: 18.05.2024); Эксперт Юг. Инвестиции в инфраструктуру горных курортов Сочи: итоги пятилетки. URL: https://expert-ural.com/ (дата обращения: 15.04.2024).

нако до насыщения спроса на этот вид отдыха в России еще далеко. Сравнительный анализ показывает, что доля любителей горнолыжного отдыха в России вряд ли когда-нибудь достигнет уровня, типичного для небольших горных европейских стран. Однако выход в средне- или долгосрочной перспективе на уровень США видится вполне реальным. Такую гипотезу можно выдвинуть исходя из схожести базовых географических характеристик обеих стран: больших расстояний; наличия условий для горнолыжного спорта только в некоторых районах, часто отдаленных от основных регионов расселения; большого выбора вариантов активного досуга, альтернативных горнолыжному отдыху; малой доли иностранных туристов. Иными словами, через 15–20 лет доля российского населения, регулярно выезжающего на горнолыжные курорты, может вырасти с нынешних 3 до 8%, как в современных США.

Более того, следует учесть, что в России зимние виды спорта в целом значительно более популярны, чем в США. Согласно опросам ВЦИОМ, в России зимними видами спорта занимается 46% населения[5]. Для сравнения: в США, по разным оценкам, доля населения, занимающегося зимними видами спорта, варьируется от 10[6] до 22%[7]. По причине более холодного климата протяженность горнолыжного сезона в России также чуть больше. Поэтому в длительной перспективе, через 20–25 лет, вполне можно ожидать, что доля любителей горнолыжного отдыха в России может превысить показатель США и достичь 10–12%.

Конкурентные преимущества и недостатки российских и европейских горнолыжных курортов

Оценку конкурентной ситуации на российском рынке горнолыжного отдыха было решено осуществить в двух разрезах.

В первую очередь было проведено сравнение конкурентоспособности ключевых отечественных и европейских горнолыжных курортов с точки зрения российских туристов. Горнолыжные курорты из других макрорегионов мира включать в этот анализ не имело смысла, потому что россияне – любители горнолыжного отдыха ездят туда в десятки раз реже, чем в Россию и Европу.

Во вторую очередь проведено более детализированное сравнение конкурентоспособности ключевых горнолыжных курортов внутри России.

В рамках межстрановых сопоставлений были рассмотрены данные по одиннадцати горнолыжным курортам: семи российским (Красная Поляна – совокупно три локации: Роза Хутор, Газпром и Красная Поляна; Архыз, Манжерок, Домбай, Эльбрус, Шерегеш, Большой Вудъявр) и четырём зарубежным (Майерхофен, Три долины, Гранд Валира и Валь Гардена). В *таблице 3* приведена комплексная характеристика всех перечисленных курортов. Указаны следующие параметры: длина горнолыжных склонов, количество и типовая структура подъемников, годовой объём туристских поездок, рассчитанный авторами показатель числа посещений на километр склонов (отражающий нагрузку на трассы), рейтинги субъективных оценок на картографических сервисах (Google, Яндекс), а также обобщенные плюсы и минусы каждого курорта.

Абсолютный лидер по длине склонов – французский курорт Три долины с показателем 600 км. Остальные зарубежные курорты также имеют значительную протяженность трасс: Валь Гардена – 181 км, Майерхофен – 142 км, Гранд Валира – 308 км. Таким образом, альпийские курорты в среднем превосходят российские по длине склонов в 2–7 раз. Также стоит отметить, что в России на курортах обычно более короткие трассы, чем в Европе.

[5] Зимний отдых: идеальный и реальный. ВЦИОМ, 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zimnii-otdykh-idealnyi-i-realnyi (дата обращения: 22.04.2026).

[6] Report: Nearly 10 Percent of U.S. Population Participated in Winter Sports Last Season. SGB Media, 2023 URL: https://sgbonline.com/report-nearly-10-percent-of-u-s-population-participated-in-winter-sports-last-season (дата обращения: 22.04.2026).

[7] Skiing, Hiking Top List Of Favorite Winter Sports Among Americans. Sports business journal, 2012 URL: https://www.sportsbusinessjournal.com/Daily/Issues/2012/01/17/Research-and-Ratings/Winter-Sports (дата обращения: 22.04.2026).

Французские Три долины также располагают наибольшим числом подъемников – 160 ед. В Валь Гардене насчитывается 71 подъемник, в Гранд Валире – 59, в Майерхофене – 42. В России наибольшее число горнолыжных подъемников расположено на курортах Красной Поляны – 65 в сумме. При этом по доле современных гондольных линий и кресельных подъёмников курорты Красной Поляны как минимум не уступают зарубежным конкурентам.

По числу турпоездок лидируют Три долины – 3,4 млн за горнолыжный сезон, далее следуют Красная Поляна и Шерегеш – по 2,8 млн, Гранд Валира – 2,3 млн, Валь Гардена – 2 млн, Майерхофен – 1,5 млн.

Соотношение между числом поездок и суммарной длиной склонов отражает плотность потока лыжников на курорте в расчете на 1 км трасс. На зарубежных курортах этот показатель таков: Майерхофен – 1,06, Валь Гардена – 1,10, Андорра – 0,75, а Три долины – всего 0,57. Это значительно ниже, чем на российских курортах, где на 1 км трасс приходится в 4–8 раз больше лыжников, что свидетельствует о большей загрузке склонов в России, влекущей за собой более длинные очереди на подъёмниках, повышенную нагрузку на оборудование и рост числа столкновений на трассах. С потребительской точки зрения это однозначный минус, снижающий качество отдыха.

Таблица 3. Сравнительные характеристики российских и зарубежных горнолыжных курортов

Показатель	Российские курорты	Майерхофен (Австрия)	Три долины (Франция)	Гранд Валира (Андорра)	Валь Гардена (Италия)
Длина склонов, км	20–173	142	600	308	181
Наличие/качество подъемников	5–65	42 (7 гондольных, 17 кресельных, 18 бугельных)	160 (45 гондольных, 80 кресельных, 35 бугельных)	59 (5 гондольных, 28 кресельных, 26 бугельных)	71 (12 гондольных, 36 кресельных, 23 бугельных)
Число турпоездок в год, млн шт.	0,5–2,8	1,5	3,4	2,3	2
Число посещений курорта на длину склонов	0,74–4,67	1,06	0,57	0,75	1,10
Протяженность сезона, мес.	4–7	5–6	5–6	5–6	5–6
Среднее время ожидания на подъемнике, мин.	0–40	10–20	5–15	5–15	10–20
Обобщённые отзывы о курорте, Google Maps	4,6–4,8	4,7	4,7	4,5	4,8
Оценка апре-ски на курорте, Google Maps	2–5	5	5	4	5
Плюсы	Цены, инфраструктура и трассы (Красная Поляна), удобное расположение, снег, длинный сезон, мягкий климат, возможности для фрирайда, мало людей (Большой Вудъявр)	Баланс цена/качество, разнообразие трасс	Огромный масштаб	Баланс цена/качество, мало людей, разнообразие трасс	Идеальное катание
Минусы	Цены и очереди (Красная Поляна), слабая инфраструктура, хаотичная застройка, нестабильный снег, сервис, ветер, морозы	Очереди	Цены	Уровень сервиса ниже, чем в Альпах	Цены
Составлено по: данные Гугл карт, Яндекс карт, сайтов курортов и СМИ.					

В то же время более интенсивное в данный момент использование горнолыжной инфраструктуры в России при прочих равных условиях помогает быстрее окупать сделанные инвестиции (Отчерцов, 2024; Flagestad, 2001). Кроме того, этот факт свидетельствует о значительном неудовлетворённом спросе на услуги горнолыжных курортов внутри России (Bieger, 2013).

Еще один существенный потребительский минус большинства российских курортов – недостаточный уровень развития сферы апре-ски. Оценка апре-ски по пятибалльной шкале для российских горнолыжных курортов колеблется в диапазоне от 2 до 5, в то время как почти все европейские курорты имеют наивысшую оценку. На данный момент существует единственное исключение среди российских курортов – Красная Поляна, где качество услуг в сфере апре-ски не уступает уровню ведущих европейских курортов, а во многом даже превосходит его.

Обобщенные оценки качества отдыха, поставленные туристами, посетившими упомянутые европейские и российские горнолыжные курорты, можно сравнить, используя данные портала Google Maps. Уровень этих оценок колеблется от 4,5 (Гранд-Валира) до 4,8 (Валь Гардена, Роза Хутор, Эльбрус, Шерегеш). Иными словами, привлекательность горнолыжного отдыха на отечественных курортах в целом сравнялась с европейским уровнем. С одной стороны, это обстоятельство можно расценивать как однозначно положительный итог развития российской сферы горнолыжного отдыха за последние 15–20 лет. С другой стороны, это говорит о хороших перспективах дальнейшего развития отрасли в России.

Среди экономических факторов конкурентоспособности горнолыжных курортов главным следует считать стоимость отдыха. Основные составляющие стоимости горнолыжного отдыха – затраты на проезд к курорту, стоимость проживания и цена ски-пасса.

В текущих условиях затраты российских туристов на проезд к европейским горнолыжным курортам очень высоки. Прямых авиарейсов из России в Западную Европу сейчас нет, поэтому требуется как минимум одна пересадка в третьих странах. Это обстоятельство серьезно увеличивает дистанцию, время и стоимость такой поездки. К сожалению, в данный момент нет достаточной информации о том, по каким именно маршрутам и за какую цену российские горнолыжники добираются до западноевропейских курортов. Кроме того, число таких поездок многократно сократилось по сравнению с периодом до 2022 года, в связи с чем этот параметр был исключен из сравнительных расчетов. Вместе с тем нет сомнений, что пока прямые авиарейсы из России в Европу не восстановят, стоимость проезда до любого российского горнолыжного курорта будет как минимум в 1,5–2 раза ниже, чем до любого из европейских.

В то же время в рамках межстранового сравнительного анализа были сопоставлены цены на гостиницы уровня «три звезды» и ски-пассов. При пересчете по обменному курсу стоимость проживания в отеле 3* (в сезоне 2025–2026 гг.) составляла: в Майерхофене 12–18 тыс. руб. за ночь, в Валь Гардене — 12–22 тыс. руб., а во французских Трёх долинах – 20–40 тыс. руб., тогда как российские курорты предлагали проживание за 4–15 тыс. руб. за ночь. Иными словами, цена гостиниц на европейских горнолыжных курортах заметно выше, чем на российских.

Цена однодневного ски-пасса на европейских курортах при пересчете по обменному курсу равна 6300–7600 руб., тогда как на российских курортах цена аналогичного ски-пасса находится в диапазоне 3500–6050 руб. Следовательно, даже самый дорогой российский ски-пасс стоит меньше самого дешевого европейского.

Таким образом, в настоящее время стоимость пятидневного отдыха на зарубежных курортах (без учета затрат на транспорт, питание и апре-ски) в расчете на одного человека варьируется от 62–107 тыс. руб. в Андорре до 78–163 тыс. руб. в Италии и Франции. В среднем это в 1,5–2 раза выше, чем в России (*табл. 4*).

Таблица 4. Сравнительная стоимость отдыха на горнолыжных курортах для 1 чел., тыс. руб.

Показатель	Красная Поляна (Сочи)	Архыз (Минеральные воды)	Манжерок (Горно-Алтайск)	Домбай (Минеральные воды)	Эльбрус (Минеральные воды)	Шерегеш (Новокузнецк)	Большой Вудъявр (Кировск)	Майер-хофен (Австрия)	Три долины (Франция)	Гранд Валира (Андорра)	Валь Гардена (Италия)
Время в пути из Москвы											
Самолет	3,5–4ч	3–3,5ч	4,20–4,40ч	3–3,5ч	3–3,5ч	4,15–4,45ч	2,20–2,30ч				
Такси/трансфер	1ч	3,5ч	0,5ч	3,5ч	3ч	2,5ч	40 мин.				
Время в пути из Новосибирска											
Самолет	4,50–5,20ч	4,50–4,30ч	1ч	4,50–4,30ч	4,50–4,30ч	1ч	-				
Такси/трансфер	1ч	3,5ч	0,5ч	3,5ч	3ч	2,5ч	40 мин.				
Стоимость пути из Москвы											
Самолет	20–25	20–25	30–40	20–25	20–25	30–35	18–23				
Такси/трансфер	1,8–2,5	7–8	1,1–1,2	6,5–7,2	6–6,6	6–6,6	1,1–1,2				
Стоимость пути из Новосибирска											
Самолет	25–35	30–34	10–15	30–34	30–34	10–12	-				
Такси/трансфер	1,8–2,5	7–8	1,1–1,2	6,5–7,2	6–6,6	6–6,6	1,1–1,2				
Цена ночи в гостинице 3* (с завтраками)	7–10	5–8	10–15	5–9	4–8	7–9	10–12	12–18	20–40	9–15	12–22
Цена ночи в частном секторе	3–5	3–6	5–8	3–7	4–8	3–7	4–10	7–15	8–15	6–12	8–13
Цена ски-пасса на день, руб. и евро	6050 (средн.)	4350	3500	4400	4200	4600	3900	79	81,8	68	80
Цена ски-пасса на день, руб.	6050	4350	3500	4400	4200	4600	3900	7357	7618	6333	7450
Итоговая цена за 5 дней с транспортом (из Москвы)	67–108	64–95	73–133	64–99	67–93	64–110	59–104				
Итоговая цена за 5 дней с транспортом (из Новосибирска)	72–115	74–104	53–108	74–108	77–102	54–87	-				
Итоговая цена за 5 дней без транспорта	45–80	37–62	42–92	37–67	41–61	38–68	40–80	72–127	78–163	62–107	78–148
Составлено по: данные Авиасейлс.ру, Яндекс Путешествия, Островок.ру, Суточно.ру и др.											

Обобщая результаты проведенного анализа, можно сделать следующие выводы.

С одной стороны, многие европейские горнолыжные курорты сохраняют превосходство над российскими конкурентами по ряду ключевых потребительских характеристик: главный плюс лучших горнолыжных локаций в Европе – масштаб и разнообразие трасс, что позволяет рассредоточить потоки, уменьшить очереди на подъемниках и плотность лыжников на склонах, а также стимулирует отдыхающих приезжать повторно для посещения ранее не изученных спусков. Также ведущие европейские курорты пока ещё превосходят большинство российских конкурентов по качеству сферы апре-ски. Это дает им возможность привлекать значительную часть наиболее богатых российских любителей горнолыжного отдыха.

Вместе с тем у европейских курортов есть свои минусы потребительского характера. На Майерхофене отмечаются очереди, что для альпийского региона скорее исключение, но при высокой популярности курорта становится заметным фактором. В Андорре, несмотря на общую положительную оценку, сервис признаётся менее развитым по сравнению с классическими альпийскими странами: Францией, Швейцарией, Австрией. В отзывах упоминаются также такие минусы европейских курортов, как сложность навигации в огромных зонах катания или погодная непредсказуемость высокогорных зон.

Кроме того, разрыв в потребительских характеристиках между европейскими и российскими курортами быстро сокращается, и часть отечественных горнолыжных локаций уверенно вышла на мировой уровень качества.

С другой стороны, в настоящий момент российские курорты обладают очень большим конкурентным преимуществом над европейскими в вопросах стоимости горнолыжного отдыха. Все основные составляющие рыночной стоимости горнолыжных туров – цена жилья и ски-пассов, транспортные издержки – в России сейчас в среднем в 1,5–2 раза дешевле, чем в Европе.

Вероятно, этот разрыв будет сокращаться в случае укрепления курса рубля и восстановления прямого авиасообщения между Россией и Европой. Однако нет особых сомнений в том, что в ближайшие 5–10 лет этот разрыв останется значительным.

Сравнительный анализ конкурентоспособности крупнейших российских горнолыжных курортов

Для сравнительного анализа были выбраны семь ведущих российских горнолыжных локаций (*табл. 5*). Три из них: Красную Поляну, представленную тремя юридически независимыми проектами Роза Хутор, Газпром и Красная Поляна, Манжерок и Архыз – можно отнести к группе новых отечественных курортов, изначально ориентированных на лучшие мировые стандарты горнолыжного отдыха и привлечение состоятельных туристов. Четыре других – Шерегеш, Домбай, Эльбрус и Большой Вудъявр – представляют собой группу старых советских курортов, где предпочитают отдыхать туристы с менее высокими доходами. В последние годы старые курорты также довольно активно занимаются модернизацией своей инфраструктуры и повышением стандартов обслуживания.

По уровню развития инфраструктуры для катания дальше всех продвинулись курорты Красной Поляны, в совокупности обладающие 173 км трасс и 65 подъемниками. Средние позиции занимают Шерегеш – 60 км трасс и 22 подъемника; Манжерок – 50 км трасс и 11 подъемников; Большой Вудъявр – 35 км трасс и 12 подъемников; Архыз – 27 км трасс и 9 подъемников. Наименее развита инфраструктура для катания в Домбае (25 км трасс и 13 подъемников) и Эльбрусе (20 км трасс и 5 подъемников).

В настоящее время наибольшее число туристов приезжает в Красную Поляну и Шерегеш – по 2,8 млн посещений за сезон. Далее следуют Архыз и Домбай – 1,2 и 1,0 млн туристов соответственно. Замыкают список Эльбрус – 0,8 млн чел., Манжерок – 0,6 млн чел., Большой Вудъявр – 0,5 млн чел.

Что касается интенсивности использования инфраструктуры для катания, то сейчас она наиболее высока в Шерегеше и Архызе – 4,67 и 4,4 посещений на 1 км трасс соответственно. В Домбае и на Эльбрусе этот показатель чуть ниже – по 4 посещ./км. В Красной Поляне (1,62 посещ./км), Большом Вудъявре (1,43 посещ./км) и Манжероке (0,74 посещ./км) интенсивность использования горнолыжной инфраструктуры соответствует европейской. При прочих равных условиях это повышает комфортность и безопасность катания.

Таблица 5. Сравнительные характеристики российских горнолыжных курортов

Показатель	Красная Поляна	Архыз	Манжерок	Домбай	Эльбрус	Шерегеш	Большой Вудъявр
Длина склонов, км	173	27	50	25	20	60	35
Наличие/качество подъемников	65 (24 гондольных, 21 кресельных, 11 бугельных, 9 траволаторов)	9 (4 гондольных, 4 кресельных, 1 траволатор)	11 (6 гондольных, 4 кресельных, 1 траволатор)	13 (2 гондольных, 7 кресельных, 4 бугельных и 1 траволатор)	5 (4 гондольных, 1 кресельный)	22 (5 гондольных, 10 кресельных, 5 бугельных, 2 траволатора)	12 (2 гондольных, 3 кресельных, 5 бугельных, 2 траволатора)
Число турпоездок в год, млн шт.	2,8	1,2	0,6	1	0,8	2,8	0,5
Число посещений курорта на длину склонов	1,62	4,44	0,74	4,00	4,00	4,67	1,43
Протяженность сезона, мес.	4–5	5–6	4–5	5	5–6	5–6	6–7
Среднее время ожидания на подъемнике, мин.	15–40	5–15	10–20	10–20	10–20	20–30	0–10
Отзывы по курортам							
Google Maps	4,6 – среднее. Красная Поляна 4,2, Роза Хутор 4,8, Газпром 4,7	4,6	4,6	4,7	4,8	4,8	4,7
Яндекс карты	5 – среднее, у всех 5	5	5	5	5	5	5
Оценка апре-ски (из 5)	5	3	4	2	2	4	2
Плюсы	Инфраструктура, трассы, удобное расположение	Мало очередей	Современный	Природа, мягкий климат	Снег, простор, цены	Лучший снег, фрирайд, развлекательные мероприятия, длинный сезон	Стабильный снег, длинный сезон, мало людей
Минусы	Цены, очереди	Слабая инфраструктура, хаотичная застройка поселка, пробки	Снег нестабилен, цены, запрет на внетрассовое катание	Сервис, безопасность, устаревшая инфраструктура	Устаревшая инфраструктура, безопасность, сервис	Ветер, морозы, сервис, сложная логистика	Ветер, мороз, полярная ночь, мало вариантов размещения
Составлено по: данные Гугл карт, Яндекс карт, сайтов курортов и СМИ.							

Как и в случае с межстрановыми сопоставлениями, развитость сферы апре-ски на разных российских курортах можно косвенно оценить через оценки туристов на интернет-порталах Google Maps и Яндекс Карты. Максимальные оценки – 5 из 5 – получили только курорты Красной Поляны, где действительно имеется очень большой выбор вариантов для отдыха – от многочисленных ресторанов с самой разнообразной кухней и десятков детских клубов до аквапарков, катков, мини-зоопарков, променадов и т. д. Многообразие развлечений привлекает самых разных туристов. Как следствие, курорты Красной Поляны популярны не только у состоятельных горнолыжников, но и у семей с детьми, а также у молодежи и туристов пенсионного возраста. Достаточно высоко – на 4 – оценивается сфера апре-ски Манжерока, где есть качественные рестораны и спа-центр, и Шерегеша, где хорошо развита барная культура и проводятся различные фестивали. Оценки сферы апре-ски для остальных отечественных курортов невысоки – от 2 до 3 баллов, и это можно считать серьезным недостатком, значительно снижающим их способность привлекать состоятельных туристов.

Вместе с тем оценки общей привлекательности российских горнолыжных курортов достаточно высоки, они варьируются в диапазоне от 4,6 до 4,8 на платформе Google Maps и равны 5 на Яндекс Картах. Более высокий уровень оценок Яндекса может объясняться либо особенностями модерации, либо лояльностью русскоязычных пользователей к своей стране.

Обобщая плюсы российских курортов, подтверждаемые отзывами туристов, можно выделить несколько ключевых преимуществ.

Во-первых, следует указать на разнообразие природно-климатических условий: Шерегеш славится великолепным мягким снегом, большими возможностями для безопасного внетрассового катания (фрирайда) и длинным сезоном; Большой Вудъявр – стабильным снегом и продолжительным сезоном при малой заполненности склонов, Домбай и Архыз – мягким климатом, потрясающими горными панорамами и живописной природой; Эльбрус — обилием снега, выдающимися пейзажами и широкими возможностями для экстремального фрирайда.

Во-вторых, в последние десятилетия в России появились курорты с высококачественной инфраструктурой мирового уровня. Красная Поляна обеспечивает широкий выбор вариантов для катания, хорошую подготовку склонов, первоклассную сферу апре-ски. Архыз обладает современными комфортными подъёмниками и качественно подготовленными трассами. Кроме того, в ближайшие годы ожидается быстрый выход на лидирующие позиции алтайского курорта Манжерок, где планируется увеличение протяженности трасс сразу до 200 км[8].

В то же время туристы в своих отзывах отмечают ряд минусов, которые снижают привлекательность российских курортов. Наиболее часто упоминается перегруженность трасс и подъёмников, влекущая за собой появление длинных очередей, особенно в пиковые сезоны (Домбай, Красная Поляна, Шерегеш и др.), и дискомфорт на склонах. В отзывах о Домбае и Эльбрусе нередко содержатся жалобы на устаревшие или находящиеся в ненадлежащем состоянии подъемники. Кроме того, отмечается, что на Эльбрусе отсутствуют бугельные и траволаторные линии, что создает дефицит зон катания для начинающих. Некоторым туристам не нравится запрет на внетрассовое катание на курорте Манжерок. Среди прочих недостатков отдельных курортов указываются не самый высокий уровень сервиса и безопасности (Домбай, Эльбрус), хаотичная застройка примыкающих посёлков (Архыз), непростые транспортные подъезды (Шерегеш), ограниченность вариантов размещения (Большой Вудъявр) и др. В числе отрицательных особенностей также упоминаются погодные факторы: периодические сильные ветра и морозы (Шерегеш, Большой Вудъявр, Манжерок[9]), нестабильность снежного покрова (Манжерок, Газпром в Красной Поляне), полярная ночь (Большой Вудъявр).

[8] Греф рассказал Путину о планах по развитию горнолыжного курорта «Манжерок» // Атмосфера инфо.ру. 2024. URL: https://www.asferainfo.ru/news/126934-gref-rasskazal-putinu-o-planah-po-razvitiu-gornolyznogo-kurorta-manzerok (дата обращения: 10.05.2026).

[9] Трассы при температуре ниже -25°С не работают. Это может приводить к изменению графика катания, что является неудобством.

Анализ экономических факторов конкурентоспособности российских горнолыжных курортов также проводился по трем направлениям: величина затрат на поездку до курорта и обратно, стоимость проживания в гостиницах уровня «три звезды», стоимость ски-пассов. При оценке транспортных затрат учитывалась стоимость авиаперелета из Москвы (для жителей европейской части России) и Новосибирска (для жителей азиатской части России), а также стоимость трансфера из аэропорта до курорта. Этот анализ дал следующие результаты.

Средние затраты на билет из Москвы и обратно наиболее низки при перелетах к курорту Большой Вудъявр (18–23 тыс. руб.), а также в Красную Поляну, Архыз, Домбай и на Эльбрус (20–25 тыс. руб.). Время полета в этих случаях примерно одинаковое, однако время трансфера до горнолыжных склонов Кировска и Красной Поляны в 3–4 раза меньше, чем до Архыза, Домбая и Эльбруса (табл. 4). Наиболее долго и дорого из Москвы лететь в Манжерок (30–40 тыс. руб.) и Шерегеш (30–35 тыс. руб.).

Для туристов, вылетающих из Новосибирска, дешевле всего стоят авиабилеты для поездки в Шерегеш и Манжерок – 10–15 тыс. руб., тогда как авиабилеты до кавказских курортов обходятся уже в 25–35 тыс. руб. Таким образом, с точки зрения минимизации транспортных затрат для жителей западной России более привлекательны европейские курорты, а для жителей Востока России – сибирские.

Вместе с тем строительство аэропортов в непосредственной близости курортов в ряде случаев может существенно сократить затраты времени и денег на трансфер. Исходя из этой логики, в Кемеровской области планируют построить новый аэропорт вблизи курорта Шерегеш. Проект в ближайшее время будет направлен на экспертизу[10].

Что касается стоимости проживания, то в зимний сезон 2025–2026 гг. самые низкие цены на гостиницы 3* с завтраками были зафиксированы на Эльбрусе (4–8 тыс. руб./ночь), в Архызе и Домбае (5–9 тыс. руб./ночь). В Красной Поляне и Шерегеше ночь в такой гостинице обходилась в 7–10 тыс. руб., а в Манжероке — уже 10–15 тыс. руб. (см. табл. 4).

При этом размещение в частном секторе (квартирах) позволяет существенно сэкономить: цены там варьируются от 3–5 тыс. руб. (Красная Поляна, Архыз, Шерегеш) до 5–8 тыс. руб. за ночь (Манжерок). Отметим, что в Кировске (курорт Большой Вудъявр) в принципе очень мало гостиниц, поэтому проживание в частном секторе там более распространено. Другой реальный способ экономии на жилье – поехать на курорт не в одиночку, а вдвоем, так как цена гостиничного номера на двоих превышает цену для одного гостя лишь на стоимость завтрака.

Кроме того, важно отметить, что по соотношению цена/качество ситуация в гостиничном секторе разных курортов может сильно различаться. Например, судя по отзывам туристов, за гостиничный номер одинакового качества в Шерегеше придется заплатить заметно больше, чем в Красной Поляне. По всей видимости, это связано с тем, что число мест размещения и уровень конкуренции на краснополянском гостиничном рынке многократно выше.

Стоимость однодневного ски-пасса в зимний сезон 2025–2026 гг. варьировалась от 3500 руб. в Манжероке до 6050 руб. средневзвешенно по трем курортам Красной Поляны (см. табл. 4). Такой разброс в ценах отчасти объясняется разбросом возможностей для катания. Как правило, ски-пасс дороже там, где больше протяженность трасс.

Итоговая стоимость пятидневной поездки без учёта транспорта на российских курортах составляет от 37–68 тыс. руб. (Архыз, Домбай, Эльбрус, Шерегеш) до 40–92 тыс. руб. (Красная Поляна, Манжерок, Большой Вудъявр).

При добавлении транспортных затрат для туристов, вылетающих из Новосибирска, заметно выгоднее оказывается пятидневная поездка в Манжерок или Шерегеш (53–108 тыс. руб.), тогда как такая же поездка на российские кавказские курорты стоит как минимум на 20 тыс. руб. дороже (72–115 тыс. руб.). Для туристов, вылетающих из Москвы, разброс цен при поездке на разные курорты не столь значителен. Так, нижняя граница стоимости поездки начиналась от 59–64 тыс. руб. (Большой Вудъявр, Домбай, Шерегеш, Архыз), будучи

[10] Проект аэропорта в Шерегеше планируют направить на экспертизу весной // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/26220199 (дата обращения: 20.04.2026).

чуть выше в Красной Поляне, Манжероке и на Эльбрусе (от 67–73 тыс. руб.). При этом верхняя граница стоимости поездки колебалась от 93 тыс. руб. на Эльбрусе и 95 тыс. руб. в Архызе до 110 тыс. руб. в Шерегеше и 133 тыс. руб. в Манжероке.

Заключение, выводы и предложения

Сфера горнолыжного туризма в России быстро развивается, становясь все более значимой точкой роста в отечественной экономике. В то же время межстрановые сопоставления показывают, что условия развития горнолыжного туризма в России весьма близки к условиям развития этой сферы в США. Эти два обстоятельства позволяют предположить, что в долгосрочной перспективе доля населения России, регулярно выезжающего на горнолыжные курорты, сравняется с аналогичным показателем в США, а со временем и превысит его. Иными словами, эта доля через 20–25 лет может увеличиться с нынешних 3% населения до 8–12%.

При среднегодовом приросте турпотока на горнолыжных курортах России в 5% через 15 лет число отдыхающих удвоится. Следовательно, должен как минимум удвоиться масштаб инфраструктуры для катания. Скорее всего, эта задача будет решена, так как на ближайшие пять лет уже заявлены инвестиции в размере 460 млрд руб., с помощью которых будут созданы 17 новых горнолыжных курортов[11]. Такое развитие событий подтверждает высокий потенциал развития горнолыжного туризма в России. Поскольку заявленные инвестиции и сопутствующий им ввод новых курортных мощностей влекут за собой пропорциональный рост прямой и косвенной занятости в сфере обслуживания туристов (гостиницы, общественное питание, прокат снаряжения, транспорт), а также рост налоговых поступлений в местные и региональные бюджеты, данный сценарий развития горнолыжного туризма следует рассматривать не только как отраслевой, но и как значимый вклад в социально-экономическое развитие территорий базирования курортов.

Сравнение конкурентоспособности ведущих российских и европейских горнолыжных курортов показывает, что отечественная туриндустрия довольно быстро сокращает отставание от зарубежных коллег в качестве катания, сохраняя при этом значительные преимущества в стоимости услуг.

Ключевой параметр, по которому большинство российских курортов по-прежнему отстает от ведущих европейских, – это протяжённость трасс. В расчете на одного катающегося разрыв достигает 3–5 раз, что влечет за собой снижение разнообразия, комфортности и безопасности катания на многих отечественных курортах. Это отставание невозможно преодолеть быстро, поскольку для развития инфраструктуры катания требуются очень большие инвестиции. Вместе с тем такое положение дел весьма выгодно для инвесторов, потому что высокая загрузка склонов и подъемников в России сокращает сроки окупаемости капитальных вложений.

Еще один важнейший параметр конкурентоспособности горнолыжных курортов – качество сервиса и уровень развития сектора апре-ски. Некоторые российские горнолыжные локации, прежде всего курорты Красной Поляны, уже вышли на уровень лучших мировых стандартов в этой сфере, что в полной мере подтверждается отзывами туристов на различных интернет-порталах. Однако большинству российских курортов еще только предстоит решить эту задачу.

Ценовые конкурентные преимущества российских горнолыжных курортов перед европейскими на данный момент очень значительны. Сейчас для отечественных горнолыжников все основные составляющие затрат на отдых: транспортные расходы, стоимость проживания, цена ски-пасса – при поездке внутри России в среднем в полтора-два раза ниже, чем при поездке на альпийские курорты. Даже при возможном восстановлении прямых авиарейсов в Европу значительные ценовые преимущества российских курортов будут сохраняться еще как минимум 5–10 лет.

[11] В России до 2030 года планируется открыть 17 новых горнолыжных курортов // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/22521285 (дата обращения: 05.05.2026).

Проведенный анализ дает возможность сформулировать и обосновать следующие рекомендации по развитию горнолыжного туризма в России.

1. Для обеспечения высоких темпов роста в сфере горнолыжного отдыха и увеличения ее значимости для экономики российских регионов требуется сохранять конкурентные преимущества и устранять существующие недостатки. В частности, для сохранения ценового преимущества перед европейскими горнолыжными курортами важно не допускать неконтролируемого роста тарифов на ски-пассы и проживание. Также необходимо поддерживать ценовое разнообразие для курортного отдыха и наряду с элитными заведениями сохранять бюджетные варианты в секторе гостиниц и ресторанов. Такое разнообразие позволит привлекать на курорты самую разную аудиторию, что в конечном счете обеспечит как хорошую заполняемость склонов, гостиниц и ресторанов, так и высокий спрос на все сопутствующие товары и услуги.

2. Практически перед всеми российскими курортами стоит задача увеличения протяженности горнолыжных трасс. Решение этой задачи поможет снизить чрезмерную загрузку склонов и подъемников в пиковые периоды, а также повысить разнообразие, комфортность и безопасность катания. Это станет важным фактором, повышающим привлекательность российских горнолыжных курортов для туристов.

В то же время следует учитывать, что увеличение длины склонов – это длительный и очень затратный процесс, поэтому в ряде случаев желательно будет использовать менее капиталоемкие способы по повышению комфортности катания и смягчению пиков загрузки склонов. В этих целях имеет смысл создавать системы искусственного оснежения, увеличивающие вариативность катания на наиболее загруженных курортах (Домбай, Эльбрус, Шерегеш). Кроме того, снизить перегрузку склонов могут такие организационные меры, как гибкое ценообразование (скидки в дни и часы спадов, наценки в дни и часы пик); расширение временно́го диапазона для катания (утренние и вечерние сеансы); продажи ски-пассов с разными временными слотами (например, «утро», «день», «вечер»); онлайн-мониторинг очередей в реальном времени с одновременным визуальным информированием туристов (на сайтах курортов и уличных экранах).

3. Повысить разнообразие катания для активных горнолыжных туристов может также использование единого ски-пасса, действительного сразу для многих юридически независимых курортов. Наличие региональных билетных систем, позволяющих с помощью одного ски-пасса пользоваться склонами сразу нескольких курортов (по примеру «Via Lattea» во Франции/Италии[12]), следует считать серьезным конкурентным преимуществом альпийских курортов. В России идея единых региональных ски-пассов также реализуется, и такой ски-пасс, например, в марте 2026 года был запущен на небольших горнолыжных курортах Кавказа «Эльбрус», «Мамисон», «Ведучи»[13]. Тем не менее в таких важных горнолыжных локациях, как Красная Поляна и Шерегеш, эта задача в полной мере пока не решена.

4. В целом ряде случаев российским горнолыжным курортам требуется серьезно поднять качество сервиса. Чаще других критические отзывы туристов об уровне обслуживания получают Домбай и Эльбрус. С целью улучшения базовой подготовки обслуживающего персонала российских курортов желательно внедрить обучение по единым стандартам (как в Альпах), создать системы скрытого контроля качества и горячие линии для приема жалоб туристов.

5. Большинству российских курортов необходимо заниматься развитием сферы апрески. Решение этой задачи поможет повысить общую привлекательность курортов, улучшить конкурентные позиции в борьбе за состоятельных туристов и серьезно увеличить мультипликативные эффекты для региональных экономик. В связи с этим рекомендуется, в частности, включать требования по развитию сферы апре-ски в региональные программы развития туризма.

[12] В зоне катания Via Lattea (Млечный Путь) действует единая система ски-пассов, объединяющая итальянские курорты (Сестриере, Соуз-д'Улькс, Сансикарио, Чезана, Клавьере) и французский Монженевр. Она обеспечивает доступ к более чем 400 км трасс.

[13] Кавказ запустил один ски-пасс сразу на три курорта // Самараинтур, 2026. URL: https://samaraintour.ru/21505 (дата обращения: 12.05.2026).

6. На многих российских курортах, например Домбае и Эльбрусе, следует продолжить работу по повышению безопасности катания. С этой целью необходимо усилить контроль лавинной опасности, повысить качество подготовки склонов, улучшить маркировку трасс, оборудовать больше зон спасения. Часть проблем такого рода может быть решена за счет быстрых и относительно недорогих улучшений в системе управления.

7. Необходимо стимулировать инвестиции в улучшение транспортной доступности популярных, но удаленных горнолыжных курортов, в частности Шерегеша и Архыза. Радикальное решение этой проблемы заключается в строительстве новых локальных аэропортов вблизи горнолыжных локаций. Определенные шаги в этом направлении делаются. Так, вблизи горнолыжного курорта Архыз уже планируется построить аэропорт, который позволит увеличить турпоток на 30–40%[14].

8. В России следует продолжить развитие небольших местных горнолыжных комплексов вблизи больших равнинных городов: «Сорочаны» (Московская область), «Тутаев» (Ярославская область), «Юхта Парк» (Калужская область), «Кант» (Москва), «Заречье Вилладж» (Тульская область), «СОК Красная Глинка» (Самарская область) и др. Такая работа позволит вовлекать в регулярные занятия горнолыжным спортом новых любителей, в том числе детей. В дальнейшем это обеспечит значительный приток дополнительных туристов на большие курорты в горах.

9. В некоторых горнолыжных локациях (например, в Кировске, где расположены курорты Большой Вудъявр и Кукисвумчорр) целесообразно расширять возможности для проживания туристов, стимулируя строительство новых гостиниц разного класса (хостелы, отели 3*, апартаменты) через налоговые льготы и субсидирование процентной ставки.

10. Успешный опыт Красной Поляны показал, что проблему сезонности спроса на услуги горнолыжных курортов можно значительно смягчить или даже практически полностью устранить. Наличие развитой сферы летнего досуга, включающей в себя разнообразную экскурсионную активность, сеть пешеходных и велосипедных маршрутов, концертную и фестивальную программу, детские и спортивные лагеря, спа-центры, различные спортивные площадки, рынки местной продукции и т. п., способно резко повысить популярность курорта за пределами горнолыжного сезона. В связи с этим региональным властям рекомендуется оказать соответствующую помощь курортам путем организации различных мероприятий в горнолыжных локациях в межсезонье, выделения грантов на проекты летнего отдыха и т. п.

Литература

Александрова И.Р. (2021). Современные тенденции развития горнолыжного туризма // Научное сообщество студентов XXI столетия: сб. ст. по мат. LXI Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (61). С. 71–76.

Быкова В.А., Колупаева И.В., Праздникова Н.Н. (2019). Горнолыжный комплекс «Манжерок» в структуре региональной туристско-рекреационной системы Республики Алтай // Сервис в России и за рубежом. Т. 13. № 1 (83). С. 112–124. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10109

Гуляев В.Г. (2003). Туризм: экономика и социальное развитие. Москва: Финансы и статистика. 304 с.

Ельчанинова Е.А. (2025). Туристско-рекреационный потенциал Северного Кавказа // Science Time. № 12 (143). С. 95–98.

Зырянов А.И., Зырянова И.С., Мышлявцева С.Э. [и др]. (2023). География туристского сервиса в горах Урала // Вопросы степеведения. № 4. С. 73–89. DOI: 10.24412/2712-8628-2023-4-73-89

Кощеев Д.А., Исопескуль О.Ю. (2020). Проектирование туристских кластеров: системно-агломерационный подход. Москва: ИНФРА-М. 326 с. DOI: 10.12737/1019221

Кучумов А.В., Тестина Я.С. (2021). Проблемы и перспективы развития горнолыжных комплексов в России // Технико-технологические проблемы сервиса. № 4 (58). С. 85–89.

[14] Строительство аэропорта Архыз откладывается до 2029 года, а проект подорожал на треть // Ассоциация туроператоров России, 2026. URL: https://www.atorus.ru/article/stroitelstvo-aeroporta-arkhyz-otkladyvaetsya-do-2029-goda-proekt-podorozhal-na-tret-66484 (дата обращения: 07.05.2026).

Литвиненко Т.В., Крылов П.М. (2023). Туризм на Дальнем Востоке России: динамика, территориальные сдвиги и внутренние различия // Успехи современного естествознания. № 10. С. 44–48. DOI: 10.17513/use.38112

Морозов В.Ю., Хаванова Н.В., Гукасян Л.М. (2013). Ресурсный потенциал сибирского региона как основа развития внутреннего и въездного туризма // Сервис в России и за рубежом. № 9 (47). С. 15–25.

Новикова Н.В., Джимова С.Б. (2024). Функционирование и развитие туристического комплекса в экономическом пространстве региона в условиях новой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 247. № 3. С. 288–310. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-288-310

Отчерцов М.В. (2024). Стратегическое управление организацией спортивной индустрии: разработка модели жизненного цикла и алгоритма диверсификации горнолыжного комплекса // Экономика, предпринимательство и право. Т. 14. №7. С. 3565–3594. DOI: 10.18334/epp.14.7.121223

Сапронова Т.М., Воинова Н.Е. (2019). Горнолыжные курорты Северного Кавказа // Вестник науки и творчества. № 6 (42). С. 11–13.

Чхотуа И.З. (2022). Стратегические приоритеты развития горнолыжного туризма в мире и России // Экономическое возрождение России. № 2 (72). С. 123–136. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-123-136

Abegg B., Agrawala S., Crick F., de Montfalcon A. (2007). Climate change impacts and adaptation in winter tourism. In: Agrawala S. (Ed.). *Climate Change in the European Alps: Adapting Winter Tourism and Natural Hazards Management*. Paris: OECD. DOI:10.1787/9789264031692-EN

Berard-Chenu L., Cognard J., François H. et al. (2021). Do changes in snow conditions have an impact on snowmaking investments in French Alps ski resorts? *International Journal of Biometeorology*, 65(5), 659–675. DOI: 10.1007/s00484-020-01933-w

Berard-Chenu L., François H., George E., Morin S. (2022). Past changes in natural and managed snow reliability of French Alps ski resorts from 1961 to 2019. *The Cryosphere*, 16, 863–881. DOI: 10.5194/tc-16-863-2022

Bieger T., Beritelli P. (2013). *Management von Destinationen*. Oldenbourg: Wissenschaftsverlag. DOI: 10.1524/9783486721188

Cristobal E., Daries-Ramon N., Serra Cantallops A. et al. (2018). Ski tourism and web marketing strategies: The case of ski resorts in France and Spain. *Sustainability*, 10, 2920. DOI: 10.3390/su10082920

Flagestad A., Hope C. (2001). Strategic success in winter sports destinations: a sustainable value creation perspective. *Tourism Management*, 22(5), 445–461. DOI: 10.1016/S0261-5177(01)00010-3

Haugom E., Malasevska I., Lien G. (2021). Optimal pricing of alpine ski passes in the case of crowdedness and reduced skiing capacity. *Empir Econ*, 61, 469–487. DOI: 10.1007/s00181-020-01872-w

Higham J., Hinch T. (2009). *Sport and Tourism*. (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9780080942643

Hjalager A.-M. (2010). A review of innovation research in tourism. *Tourism Management*. 31(1), 1–12. DOI: 10.1016/j.tourman.2009.08.012

Hudson S., Hudson L. (2015). *Winter Sports Tourism: Working in Winter Wonderlands*. Goodfellow Publishers. DOI: 10.23912/978-1-910158-39-5-2687

Macchiavelli A. (2009). Alpine tourism: Development contradictions and conditions for innovation. *Revue de géographie alpine,* 97(1), 13–24. DOI: 10.4000/rga.843

Pechlaner H., Tschurtschenthaler P. (2003). Tourism policy, tourism organisations and change management in Alpine regions and destinations: A European perspective. *Current Issues in Tourism,* 6(6), 508–539. DOI: 10.1080/13683500308667967

Scott D., Steiger R., Rutty M. et al. (2020). Climate change and ski tourism sustainability: An integrated model of the adaptive dynamics between ski area operations and skier demand. *Sustainability,* 12(24), 10617. DOI: 10.3390/su122410617

Steiger R. (2010). The impact of climate change on ski season length and snowmaking requirements in Tyrol, Austria. *Climate Research,* 43(11), 251–262. DOI: 10.3354/cr00941

Steiger R., Knowles N., Pöll K. et al. (2022). Impacts of climate change on mountain tourism: A review. *Journal of Sustainable Tourism,* 32(8), 1–34. DOI: 10.1080/09669582.2022.2112204

Steiger R., Scott D., Abegg Bruno. et. al. (2017). A critical review of climate change risk for ski tourism. *Current Issues in Tourism,* 22(12), 1–37. DOI: 10.1080/13683500.2017.1410110

Troxler P., Roller M., Bandi Tanner M. (2024). The development of ski areas and its relation to the Alpine economy in Switzerland. *Swiss J Economics Statistics,* 160(10). DOI: 10.1186/s41937-024-00127-0

Tuppen J., Langenbach M. (2023). Diversification and transition in French Alpine resorts. *Geography,* 108(10), 152–156. DOI: 10.1080/00167487.2023.2260224

Weiermair K., Peters M., Schuckert M. (2007). Destination development and the tourist life-cycle: Implications for entrepreneurship in Alpine tourism. *Tourism Recreation Research*, 32(1), 83–93. DOI:10.1080/02508281.2007.11081526

Werthner H. (2021). E-tourism: An informatics perspective. In: Xiang Z., Fuchs M., Gretzel U., Höpken W. (Eds). *Handbook of E-Tourism*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-05324-6_1-1

Сведения об авторах

Дмитрий Борисович Кувалин – доктор экономических наук, заместитель директора, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: dbkuvalin@ecfor.ru)

Елена Константиновна Воробей – доктор экономических наук, профессор, Сочинский государственный университет (Российская Федерация, 354003, г. Сочи, ул. Пластунская, д. 94; e-mail: vorobei.sochi@yandex.ru)

Валерий Валерьевич Семикашев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: vv_semikashev@mail.ru)

Александра Станиславовна Будник – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: as.terentyeva@yandex.ru)

Мария Станиславовна Гайворонская – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: ms.gayvoronskaya@yandex.ru)

Kuvalin D.B., Vorobey E.K., Semikashev V.V., Boudnik A.S., Gayvoronskaya M.S.

Ski Tourism as a Factor in the Socio-Economic Development of Russia's Regions: Opportunities and Challenges

Abstract. The article presents the results of studies that assessed the long-term potential for developing ski tourism in Russia and carried out a comparative analysis of the competitiveness of several key domestic and international ski resorts. Drawing on international statistics and the authors' proposed calculated indicators, the study assesses the provision of ski infrastructure in various countries and resorts and the intensity of its use. At present, Russia lags considerably behind many countries in the share of ski enthusiasts and in the length of ski slopes per capita; however, the rapid pace at which this form of tourism is developing in the country points to substantial growth potential. Current dynamics suggest that within 15–25 years the share of the Russian population that regularly visits ski resorts could rise from the current 3% to 6–12%, which would be comparable to present-day U.S. figures. For the comparative competitiveness analysis, we selected seven of Russia's largest ski resorts (Krasnaya Polyana, Sheregesh, Arkhyz, Manzherok, Dombay, Elbrus, and Bolshoy Vudyavr) and four leading European resorts (Mayrhofen, Les Trois Vallées, Grandvalira, and Val Gardena). The resorts were compared on objective parameters (length of slopes, number and types of lifts, size of tourist flow, and cost of a holiday) and on tourists' subjective reviews. It is shown that Russian resorts enjoy a pronounced price advantage over their international counterparts, albeit with a higher load on infrastructure, which indirectly points to the industry's investment attractiveness. Based on the analysis, recommendations are formulated on the key directions for developing Russian ski tourism: modernizing infrastructure, improving service quality,

enhancing transport accessibility, expanding leisure opportunities (apr s-ski), and working to ensure year-round resort occupancy.

Key words: ski tourism, potential for developing ski tourism in Russia, cross-country comparisons, assessment of resort competitiveness, ski tourism infrastructure.

Information about the Authors

Dmitry B. Kuvalin – Doctor of Sciences (Economics), deputy director, head of laboratory, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: dbkuvalin@ecfor.ru)

Elena K. Vorobey – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Sochi State University (94, Plastunskaya Street, Sochi, 354003, Russian Federation; e-mail: vorobei.sochi@yandex.ru)

Valeriy V. Semikashev – Candidate of Sciences (Economics), head of laboratory, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: vv_semikashev@mail.ru)

Aleksandra S. Boudnik – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: as.terentyeva@yandex.ru)

Mariya S. Gayvoronskaya – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: ms.gayvoronskaya@yandex.ru)

Статья поступила 02.06.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.5
УДК 332.145, ББК 65.04
© Кириллова С.А., Гайнанов Д.А.

Оценка места и роли российско-казахстанского приграничья в стратегических приоритетах России и Казахстана



Светлана Александровна
КИРИЛЛОВА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: kirillova_sa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0622-5185; ResearcherID: O-4905-2015



Дамир Ахнафович
ГАЙНАНОВ
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: 2d2@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-2606-2459; ResearcherID: O-5141-2015

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стратегической значимостью российско-казахстанского приграничья как одного из ключевых евразийских макрорегионов и его развитием в условиях трансформации мировой экономики, геополитических сдвигов и нарастающей пространственной поляризации. Цель исследования – определение места и институциональной роли приграничных регионов России и Казахстана в системе стратегических национальных приоритетов, а также выявление дисбалансов между декларируемыми национальными интересами и реальными социоэкономическими процессами по обе стороны приграничья. Научная новизна исследования заключается в комплексном межстрановом анализе иерархии национальных интересов государств применительно к их общему приграничью на основе гибридного дизайна исследования, сочетающего качественный контент-анализ стратегических документов и

Для цитирования: Кириллова С.А., Гайнанов Д.А. (2026). Оценка места и роли российско-казахстанского приграничья в стратегических приоритетах России и Казахстана // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 104–120. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.5

For citation: Kirillova S.A., Gainanov D.A. (2026). Assessing the place and role of the Russian-Kazakhstan borderlands in the strategic priorities of Russia and Kazakhstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 104–120. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.5

количественный – статистических панельных данных за 2000–2024 гг. с использованием Gap-анализа. В отличие от предшествующих работ, ориентированных на анализ отдельных сторон приграничного сотрудничества, в исследовании системно сопоставляются стратегические приоритеты и национальные интересы обеих стран с текущей динамикой, выявляются тенденции институционального разрыва. Установлено, что в стратегических документах России приграничным регионам отводится роль логистического и транзитного щита, а в Казахстане они рассматриваются как основа экономического суверенитета и демографической устойчивости. При этом реальные статистические показатели за исследуемый период свидетельствуют о стагнации приграничья: при средней доле населения в 19,26% российские приграничные регионы формируют лишь 11,72% ВВП, а казахстанские, потеряв треть экономического веса, перестают быть безусловным драйвером роста, что свидетельствует об устойчивом институциональном разрыве между декларируемыми в системе стратегических документов приоритетах и национальных интересах и реальной макроэкономической динамикой. В заключение выделены общие для стран векторы государственной политики, направленные на преодоление этого разрыва через переход к территориально-кластерному принципу управления, системную реконфигурацию институтов и программно-проектные механизмы, позволяющие конвертировать транзитный потенциал приграничья в устойчивое социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: приграничные регионы, приграничные территории, российско-казахстанское приграничье, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00629, https://rscf.ru/project/26-18-00629/.

Введение

Российская государственная граница одна из самых протяженных в мире и составляет около 60 932 км, в том числе сухопутная около 22 125 км, что означает наличие большого количества приграничных регионов – 41 из 89 по состоянию на 2026 год.

В условиях переориентации в последние годы экономики приграничья с Запада на Восток и глобальный Юг резко возросло значение российско-казахстанского части государственной границы как главного евразийского вектора экономической интеграции, что подтверждают масштабный перечень субъектов российского приграничья – 12 регионов при протяженности границы около 7599 км; единое экономическое пространство; исторически сложившаяся еще в СССР промышленная и ресурсная кооперация; транспортные коридоры, связывающие рынки России, Центральной Азии, Китая и стран Персидского залива.

Научная проблема исследования заключается в противоречии между декларируемым в стратегических документах России и Казахстана приоритетным статусом приграничных регионов как «точек роста» и «опорных территорий» и их реальной социально-экономической динамикой, которая демонстрирует устойчивые тенденции периферизации, депопуляции и снижения инвестиционной активности.

Актуальность данной проблемы обусловлена следующими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, в условиях геополитической турбулентности и санкционного давления российско-казахстанское приграничье приобретает критическое значение для обеспечения транзитно-логистической связанности ЕАЭС и диверсификации экспортных маршрутов. Во-вторых, нарастающая пространственная поляризация внутри обеих стран ведет к концентрации ресурсов в крупных агломерациях, что усиливает риск консервации депрессивного состояния приграничных территорий. В-третьих, отсутствие единой совместной стратегии развития приграничья и научно обоснованных моделей управления не позволяет конвертировать выгоды от новой транзитной роли региона в устойчивое территориальное развитие, что создает угрозы национальной безопасности обоих государств.

Пробел в научном знании, дающий основание для проведения исследования, заключается в том, что существующие работы, как правило, ограничиваются анализом отдельных сторон приграничного сотрудничества (торговля, логистика, миграция) либо рассматривают приграничные регионы только одной из стран. При этом отсутствуют комплексные межстрановые исследования, которые системно сопоставляют иерархию национальных интересов и стратегических приоритетов России и Казахстана применительно к их общему приграничью с реальной макроэкономической динамикой за длительный период, выявляя институциональный разрыв между целеполаганием и реализацией.

Цель исследования – определение места и институциональной роли приграничных регионов России и Казахстана в системе стратегических национальных приоритетов, а также выявление дисбалансов между декларируемыми национальными интересами и реальными социоэкономическими процессами по обе стороны приграничья. В качестве анализируемого периода принят временной интервал с 2000 по 2024 год. Объект исследования – приграничные регионы России и Казахстана.

Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном межстрановом анализе иерархии национальных интересов государств применительно к их общему приграничью на основе гибридного дизайна исследования, сочетающего качественный контент-анализ стратегических документов и количественный анализ статистических панельных данных за 2000–2024 гг. с использованием Gap-анализа. В отличие от предшествующих работ, ориентированных на анализ отдельных сторон приграничного сотрудничества, в исследовании впервые системно сопоставлены стратегические приоритеты и национальные интересы обеих стран с текущей социально-экономической динамикой, что позволяет выявить устойчивый институциональный разрыв между целеполаганием и реализацией; предложена и апробирована триада базовых индикаторов (демография, ВРП, инвестиции) для объективизации оценки влияния приграничного фактора на макроэкономическую динамику.

Практическая значимость полученных научных результатов состоит в том, что они могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации и Республики Казахстан при корректировке стратегий пространственного развития, концепций приграничного сотрудничества и национальных планов развития, а также для разработки совместных межгосударственных программ и проектов по развитию приграничной инфраструктуры.

Данные и методы исследования

Для характеристики степени разработанности проблемы применялись методы анализа, обобщения и систематизации разнообразных подходов к вопросам, специфике и закономерностям социально-экономического развития территорий с учетом их приграничного положения, а для оценки динамики их социально-экономического состояния – методы статистического и социально-экономического анализа. Гибридный дизайн также включал контент-анализ стратегических документов (качественный), анализ статистических панельных данных (количественный) и Gap-анализ несоответствий между целеполаганием и реализацией.

Информационную базу исследования составили научные публикации отечественных и зарубежных авторов за период 1980–2026 гг., в том числе классические работы по теории приграничья, а также современные российские исследования, документы стратегического планирования федерального уровня, нормативные правовые и регуляторные документы России и Казахстана, а также стандартные статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) и Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (Бюро национальной статистики) за 2000–2024 гг. по 12 российским и семи казахстанским приграничным регионам.

Выбор научных материалов и документов был обусловлен содержательным соответствием теме исследования и раскрытием места, роли или институциональных аспектов приграничных регионов России и Казахстана в системе стратегических приоритетов обеих стран, научной значимостью, верифицируемостью, актуальностью и релевантностью задачам исследования. Выбор статистических показателей был обусловлен их способностью характеризовать социально-экономическое развитие в части демографической, экономической и инвестиционной составляющих. Глубина динамики ана-

лиза определена необходимостью обеспечения качества и точности его результатов, которая может быть получена только в рамках долгосрочного тренда, позволяющего характеризовать как постсоветскую трансформацию, так и современный этап геополитических сдвигов исследуемых территорий.

На первом этапе работы на основе применения методов анализа, обобщения и систематизации научных публикаций систематизированы теоретико-методологические подходы к определению приграничных регионов и обоснованию их типологической принадлежности (задача 1). На втором этапе определено место и роль приграничных регионов в системе стратегических приоритетов обеих стран с помощью качественного контент-анализа стратегических документов (задача 2). На третьем этапе проведена оценка динамики социально-экономического развития приграничных регионов на основе количественного анализа статистических панельных данных за 2000–2024 гг. по триаде индикаторов (доля населения, доля ВРП/ВВП, доля инвестиций в основной капитал) (задача 3). На четвертом этапе с помощью Gap-анализа выявлен и количественно оценен институциональный разрыв между целеполаганием (декларациями в стратегических документах) и реализацией (фактической динамикой статистических показателей) (задача 4). В завершение обоснованы направления государственной политики по преодолению выявленного разрыва (задача 5) посредством методов сравнительного анализа и синтеза.

Теоретико-методологические подходы в исследовании приграничных регионов

В современных научных исследованиях приграничье рассматривается как сложный, многоуровневый феномен с позиций междисциплинарного подхода. Основные научные подходы к определению понятий приграничных территорий, а также комплементарного с ними понятия приграничности включают:

– географо-административный, рассматривающий приграничный регион как административно-территориальную единицу (субъект федерации, область, провинция), чья внешняя граница совпадает с государственной границей страны (Арсентьева, 2012; Бийжанова, 2015; Калугина, Фадеева, 2016);

– функционально-экономический, где жесткая привязка к административной границе отсутствует, а приграничные территории определяются через их взаимодействие с сопредельной стороной – «зоной контакта», размеры которой зависят от экономической активности, выражающейся в интенсивности трансграничных потоков товаров, капитала и рабочей силы (Бильчак, 2014; Бакланов, 2018; Кузавко, 2023; Морачевская, 2022);

– социокультурный, распространенный в социальной географии, политологии и пограничных исследований, согласно которому приграничная территория – это не только географическое, но и ментальное пространство, где формируются особые трансграничные сообщества (Боброва, Рогова, 2025).

В зарубежных исследованиях «приграничная территория» (border territory/frontier area) трактуется как географическая полоса прямого влияния (физического, экономического, социального) разделительной линии (House, 1980; Lawrence A. Herzog, 1990), тогда как под «приграничным регионом» (border region) понимается более сложная, институционализированная зона трансграничного взаимодействия, где граница становится ресурсом развития (Martinez, 1994; Anderson, O'Dowd, Wilson, 2003).

В российском законодательстве официально используются термины «приграничные территории» и «приграничные субъекты». Термин «приграничная территория» используется, преимущественно, в контексте безопасности, режима и охраны границы, закреплен в Законе Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации»[1] либо с позиций административно-территориального образования – территории приграничных субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований, а также «...определенные международными договорами Российской Федерации иные территории Российской Федерации»[2].

[1] Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» (с изменениями от 25.05.2026).

[2] Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-р).

В данной статье считаем целесообразным использование официальной терминологии в части определения приграничных регионов как территорий приграничных субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований.

Характер государственной границы не является константой и под воздействием влияния внешних и внутренних факторов может меняться как в сторону приоритета барьерной (начало СВО, санкции западных стран), так и контактной функции. С изменением характера государственной границы меняется и характер трансграничных взаимодействий. В зарубежной и отечественной практике широкое распространение получили типологические построения, классифицирующие регионы по степени интенсивности трансграничных взаимодействий. В частности, О. Мартинес предложил различать территории с отчужденным, сосуществующим и интеграционным типом границы, причем последний отличается высокой плотностью функциональных связей между сопредельными экономиками и минимальными ограничениями для передвижения факторов производства (Martinez, 1994). Дальнейшее развитие эта классификация получила в работах Ван дер Вельда и Р. Мартина, которые дополнили ее категорией «взаимозависимых» регионов, где взаимодействие охватывает не только экономику, но и социальную, культурную и общественную сферы в максимально возможном для суверенных границ объеме (Van der Velde, Martin, 1997).

Регионы российско-казахстанского приграничья можно отнести к типу взаимозависимых приграничных регионов как классический пример регионов постсоветского пространства, ранее образующих единый народнохозяйственный комплекс (Карпенко и др., 2021). Эта взаимозависимость в настоящее время сохраняется преимущественно в сырьевых и транзитных секторах (нефть, газ, зерно, черные металлы, электроэнергия). В высокотехнологичных отраслях и секторе услуг связи разрываются, уступая место конкуренции за инвестиции, рынки сбыта и человеческий капитал, что превращает эти регионы из «локомотивов интеграции» в «зону экологического и демографического риска» для обеих стран.

Результаты исследования

Место регионов российско-казахстанского приграничья в национальных стратегических документах

Проблема отражения роли приграничных регионов в стратегиях пространственного развития рассматривается исследователями как в части анализа федеральных документов, так и конкретных региональных стратегий.

В исследовании А.А. Шишкина (Шишкин, 2015) анализ 44 стратегий социально-экономического развития приграничных регионов России показал, что приграничное положение в подавляющем большинстве случаев упоминается формально (в SWOT-анализе), но не становится реальным фактором развития. Лишь в единичных случаях (Ингушетия, Северная Осетия, Новосибирская область, Дагестан, ЕАО, Хабаровский край) приграничность рассматривается как угроза и слабая сторона – загрязнение природной среды, криминогенная опасность, бесконтрольная миграция. А там, где она учитывается, все сводится к типовым решениям: продвижение товаров и услуг на международном рынке (без привязки к соседям), усиление транзитной функции, туризм, создание совместных предприятий и трансграничных организаций (наиболее успешный пример – «Еврорегион Карелия»). Автор делает вывод, что приграничное положение по большей части не используется как конкурентное преимущество, а регионы конкурируют за обслуживание транспортных потоков, а не за развитие кооперационных связей.

В работе О.М. Роя (Рой, 2024) и коллективной монографии под редакцией О.В. Толстогузова (Приграничная периферия России..., 2018) отмечается, что в документах пространственного развития приграничные регионы часто рассматриваются как «периферия» с системными рисками. По мнению исследователей, стратегии развития таких территорий должны строиться на концепции «трансграничных макрорегионов» и «нового опорного каркаса регионального хозяйствования», учитывающих экономическую специализацию и инфраструктурную связанность сопредельных территорий, а не только административные границы. Схожего мнения о создании «международных

трансграничных территорий нового типа на основе общего стратегического планирования и инфраструктурного обустройства» придерживаются П.Я. Бакланов и В.Л. Ларин, отмечающие при анализе связей восточных районов России с Китаем, с одной стороны, взаимный интерес к взаимодействию на различных уровнях, а с другой – низкую эффективность использования потенциала приграничных регионов (Бакланов, Ларин, 2023).

Н.П. Гусаков и А.А. Тинькова (Гусаков, Тинькова, 2023) указывают на слабость институционального оформления механизмов приграничного сотрудничества в ЕАЭС: на внешних границах отсутствует согласованность позиций стран-участниц, механизм не вынесен на наднациональный уровень, а в договоре о ЕАЭС нет соответствующих положений. Приграничные регионы могут дополнять друг друга по ресурсам и промышленному производству, что повышает их экономическую безопасность; для реализации этого потенциала предлагается создать единую платформу для консолидации правовой и аналитической информации и обмена опытом. Сравнивая европейскую (грантовая поддержка проектов) и китайскую (торговая экспансия через логистические хабы и упрощенные режимы) модели, авторы рекомендуют странам ЕАЭС применять комплексный подход.

В работе (Карпенко и др., 2026) отмечается, что, несмотря на интеграционные инициативы, «малая интеграция» в российско-белорусском и российско-казахстанском пограничье не всегда коррелирует с масштабными стратегиями: крупные предприятия-гиганты, определяющие экономический ландшафт, ориентированы на дальние связи, а не на приграничное сотрудничество, что не находит отражения в региональных стратегиях. Роль внешних конъюнктурных факторов (кризисы, девальвация, колебания спроса) в динамике малого бизнеса существенно превышает влияние интеграционных процессов.

И.В. Савенкова и коллеги показывают, что в условиях новых геополитических реалий (санкции, разворот на Восток) выявлен дуализм стратегической роли приграничья: концентрация торговых потоков в не приграничных регионах (Москва, Санкт-Петербург, Иркутская область) сочетается с критической зависимостью самих приграничных территорий (Приморский край, Забайкалье) от одного партнера – доля Китая достигает 70–98%. Это ставит перед стратегическим планированием новые задачи по диверсификации и развитию инфраструктуры. Для превращения приграничных регионов в реальные «точки роста» необходима синхронизация стратегических документов, переход к территориально-кластерному принципу управления и концентрация ресурсов на модернизации инфраструктуры и создании высокопроизводительных рабочих мест (Савенкова и др., 2026).

Таким образом, приграничные регионы играют важную роль в стратегическом планировании и пространственном развитии, однако их потенциал используется не в полной мере. Несмотря на значительное количество исследований российско-казахстанского приграничья, объектами которых, как правило, выступали либо приграничные регионы России (Хмелева и др., 2022), либо Казахстана (Божко и др., 2021), современные геополитические вызовы требуют более активного включения приграничного фактора в документы стратегического планирования и пространственного развития на национальном и региональном уровнях.

Документы стратегического развития России и Казахстана структурированы как по уровню разработки, так и по функциональному назначению и этапам стратегического планирования. Место и роль приграничных регионов в этих документах отражает баланс между их геополитической ролью как «форпостов» государства, экономическим потенциалом для трансграничной торговли и необходимостью устранения внутреннего социально-экономического неравенства.

Основными документами стратегического планирования Российской Федерации являются: Стратегия национальной безопасности, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, в которой для приграничных территорий декларируется особый режим поддержки и опережающее социально-экономическое развитие, а также делается акцент на развитии транспортных коридоров, поддержке опорных территорий, экономических центров и

сокращении межрегиональных различий (Концепция приграничного сотрудничества)[3]. Базовым документом для углубления экономической и гуманитарной интеграции стран СНГ является Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества[4]. В 2025 году план ее реализации был расширен и актуализирован для адаптации к современным реалиям.

На региональном уровне каждый приграничный субъект РФ имеет собственную Стратегию социально-экономического развития до 2030 или 2035 года, в которых в той или иной степени рассматриваются аспекты, посвященные приграничному и межрегиональному сотрудничеству, развитию логистики, агропромышленного комплекса и совместных промышленных проектов с казахстанской стороной.

В Казахстане общей рамкой стратегических национальных приоритетов служит долгосрочная Стратегия «Казахстан–2050» (далее Стратегия–2050), а более конкретным документом является Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года, который ставит задачи по диверсификации экономики, развитию транспортно-логистического потенциала и формированию «сильных регионов» с целевой ориентированностью на вхождение Казахстана в число 30 самых развитых стран мира[5]. Аналогично российской Стратегии национальной безопасности действует Закон о национальной безопасности[6], определяющий цели и направления обеспечения национальной безопасности, базовые национальные интересы Республики Казахстан, среди которых защита прав граждан, сохранение суверенитета, общественное согласие, политическая стабильность и экономическая безопасность. Прямым аналогом российской Стратегии пространственного развития выступает Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2030 года[7], в которой определены ключевые «оси» развития и центры экономического роста (агломерации), многие из которых расположены в приграничных с Россией регионах (например, агломерация Актобе). Основной упор делается на превращение Казахстана в полноценный транзитный хаб.

Содержательный анализ главных приоритетов, зафиксированных в стратегических документах обеих стран относительно регионов российско-казахстанского приграничья, позволил выявить следующие ключевые положения.

1. Экономические безопасность и развитие.

Стратегией пространственного развития РФ до 2036 года (далее Стратегия–2036) российско-казахстанское приграничье определяется как ключевое направление для продвижения экспортно ориентированной экономики и евразийской интеграции. Отдельный раздел посвящен анализу тенденций и планов стратегически важных стран-партнеров включая Казахстан. Приграничное сотрудничество здесь рассматривается как приоритет, говорится о необходимости «развивать сотрудничество приграничных регионов и муниципальных образований с приграничными государствами, включая... Республику Казахстан» в рамках ЕАЭС (п. VII). Для границы с Казахстаном упор делается на кооперацию, совместные инвестиционные проекты (в добыче газа, хромовой руды, переработке зерна).

---

[3] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400); Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-р).

[4] Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года и Плане мероприятий по ее реализации (утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 6 ноября 2020 года).

[5] Стратегия «Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства (Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года).

Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года (утвержден Указом Президента РК от 30 июля 2024 года № 611).

[6] Закон Республики Казахстан от 6.01.2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан».

[7] Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2030 года (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 9.10.2019 № 185).

Приграничные с Казахстаном регионы в условиях переориентации внешней торговли на Восток и Юг становятся критически важными для международного транспортного коридора (далее МТК) «Север – Юг» как одного из главных приоритетов для снятия инфраструктурных ограничений и обеспечения экспортных потоков. Это отражено в задаче по развитию маршрута «Беларусь – Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – Пакистан», перспективного трансъевразийского мультимодального транспортного коридора, призванного соединить страны ЕАЭС с портами Индийского океана. На этом основании приграничные регионы в Стратегии рассматриваются как ключевые звенья МТК и являются «сухопутными воротами» для торговли с Китаем, Индией и странами Персидского залива, что критично для диверсификации экспортных маршрутов в условиях санкций.

Концепция приграничного сотрудничества в отличие от других стратегических документов развития Российской Федерации полностью посвящена тематике приграничных территорий, дает им определение и достаточно широко представляет их роль в реализации стратегических приоритетов. Приграничное сотрудничество в документе определяется как важнейший ресурс для международного сотрудничества, экономического развития и «точек роста». Роль границы здесь – мост, а не барьер. Для границы с Казахстаном это означает потенциал для углубления кооперации и интеграции.

В Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года (далее – Нацплан–2029) в разделе «1.4. Комфортная среда» экономическое развитие приграничных территорий выделено в отдельный приоритет с задачами по развитию социальной, транспортной-логистической, инженерной и пограничной инфраструктуры, государственной поддержке экономики приграничных территорий, стимулированию малого и среднего предпринимательства.

В анализе региональных диспропорций указывается, что северные регионы Казахстана, граничащие с Россией, характеризуются как проблемные, но системообразующие для агропромышленного комплекса (АПК) и горнодобычи, поскольку они обеспечивают значительную долю экспорта зерна и металлов. Значимость приграничных регионов Казахстана заключается в том, что через них проходит 70% транзита товаров из Китая в Европу (трубопроводная система и железные дороги), что делает их основой для реализации транзитного потенциала страны. В разделе «3.1. Транспортно-логистический комплекс» указывается на необходимость создания трансграничных логистических хабов на границах с Россией и другими странами.

Нацплан–2029 фиксирует, что граница с Россией – это зона не только сотрудничества, но и конкуренции за инвестиции и квалифицированные кадры. Приграничные территории, особенно с Россией, в документе рассматриваются как потенциальные «точки роста» через развитие трансграничной торговли, логистики и кооперации, одновременно как способ решить проблему их экономической отсталости и оттока населения.

2. Политическая и военная стабильность.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия нацбезопасности) задает общий концептуальный контур, где приграничные территории рассматриваются прежде всего через призму угроз. Прямое упоминание приграничных территорий, приграничного сотрудничества отсутствует. Основной акцент сделан на обеспечении безопасности границы и противодействии внешнему вмешательству, а не на экономическом или гуманитарном сотрудничестве. В документе говорится об обострении военно-политической обстановки «вблизи государственной границы Российской Федерации» и о действиях некоторых стран, направленных на «инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов» (п. 17). Это напрямую относится к границе с Казахстаном как ключевым партнером России по СНГ и ЕАЭС. Защита суверенитета, государственной и территориальной целостности (п. 25) является одним из главных национальных интересов, что автоматически делает приграничные территории зоной стратегического внимания.

Таким образом, Стратегия нацбезопасности фиксирует высокую важность приграничных территорий, рассматривая их скорее, как плацдарм для обеспечения безопасности на южных

рубежах, а не как площадку для развития. Приграничные регионы с Казахстаном являются «мягкой» периферией, где основная угроза не военная (как на западе), а связанная с дезинтеграционными процессами. Особая роль этих территорий – являться буферной зоной стратегической стабильности, где решается задача интеграции постсоветского пространства в рамках ЕАЭС и ОДКБ.

В Законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» практически зеркально отражены те же самые положения относительно приграничных территорий. В числе основных угроз национальной безопасности рассматриваются (Ст. 6) «угроза неприкосновенности Государственной границы Республики Казахстан и применения силы в отношении Республики Казахстан» (п. 14), «неконтролируемые миграционные процессы» (п. 3); «разведывательно-подрывная деятельность специальных служб иностранных государств» (п. 9).

Защита «неприкосновенности государственной границы и неотчуждаемости территории страны» (Ст. 5) является одним из основных национальных интересов Казахстана, автоматически делая приграничные территории зоной стратегического внимания. Уникальная значимость для Казахстана его северных регионов, граничащих с Россией, – это вопрос территориальной целостности, так как депопуляция этих территорий создает риски ослабления контроля над землями с преимущественно русскоязычным населением.

3. Социальная и демографическая безопасность.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2036 г. в качестве одной из задач развития социальной сферы указывается сокращение уровня межрегиональной дифференциации. Изменение горизонта планирования со среднесрочного на долгосрочный обусловило изменение целевой направленности новой стратегии с выравнивания межрегиональной дифференциации через поддержку депрессивных территорий на углубленную модернизацию инфраструктуры и переход к политике «экономики предложения», ориентированной на создание новых «точек роста» через приоритетную концентрацию ресурсов в опорных населенных пунктах. С учетом того, что приграничные регионы являются одними из самых проблемных в силу своей периферийности, утрате институциональной субъектности и отсутствия встроенных механизмов поддержки в новой парадигме пространственного развития, их значимость в контексте социальной и демографической безопасности повышается, поскольку они являются «зоной риска», их состояние определяет устойчивость всей системы национальной безопасности.

Для Казахстана приграничные с Россией территории – это главная зона демографического риска. И в Нацплане–2029, и в Прогнозной схеме РК указывается, что отток населения в крупные российские города (из Северо-Казахстанской и Костанайской областей) подрывает человеческий капитал (эффект «гравитационного» влияния). Примечательно, что основная часть мигрантов – это русские и русскоязычные казахстанцы, выезжающие в Россию в поисках работы, с целью получения образования либо воссоединения с родственниками (Гарибова, 2022).

В Стратегии–2050 проблема оттока населения из приграничных территорий Казахстана, в особенности, в крупные российские города, рассматривается как одна из важнейших. В документе подчеркивается особая важность приграничных территорий для сохранения национальной идентичности и предотвращения «обезлюдевания», поэтому их развитие – это прямая задача обеспечения национальной безопасности в демографическом и геополитическом смысле. В этой связи, правительству поручается «выработать комплекс дополнительных мер по развитию приграничных районов», «сделать их более привлекательными для жизни». Кроме того, в Стратегии–2050 выделен вызов «глобального демографического дисбаланса» и миграционного давления, что также относится к приграничным территориям.

С учетом вышесказанного, с точки зрения социальной и демографической политики приграничные регионы для Казахстана – это фокус социальной политики по удержанию населения (строительство дорог, создание рабочих мест). Стабильность этих территорий напрямую влияет на достижение приоритета «Комфортная среда» (п. 1.4 Нацплана–2029).

4. Энергетическая и экологическая безопасность.

Российско-казахстанское приграничье включает Каспийский бассейн (Астраханская область) и транзитные газопроводы. В российской Стратегии–2036 данное положение отражено с позиций необходимости обеспечения устойчивого энергоснабжения в опорных населенных пунктах и приграничных территориях.

Значимость приграничных регионов заключается в том, что они являются транзитным коридором для поставок газа в Китай («Сила Сибири») и нефти через Каспий, что критично для диверсификации экспорта углеводородов и одновременно формирует критическую уязвимость национальной экономики, поскольку узкие места в этих приграничных «шлюзах» (порты Астрахани, железнодорожные подходы к Каспию, изношенность трубопроводов) сдерживают рост экспортных поставок. В связи с этим, Стратегия–2036 переводит эти территории из статуса «транзитных» в статус «опорных», требуя их форсированной через создание резервных маршрутов (не только развитие МТК «Север – Юг», но и синхронизацию с международным транспортным коридором «Восток – Запад» через приграничные регионы Южного Урала), портовой инфраструктуры Каспийского бассейна, механизмов страхования поставок.

В российских стратегических документах экологическая безопасность выделена в качестве отдельного национального приоритета (п. 26 Стратегии национальной безопасности РФ, раздел VII Стратегии–2036). Приграничные территории занимают в этой системе двойственное место. С одной стороны, это «буферные зоны», где экологические риски имеют трансграничный характер и требуют международной координации, например, в связи с дефицитом водных ресурсов (Вардомский, 2023), а с другой – это «зоны опережающего воздействия», где климатические изменения проявляются наиболее остро и требуют пилотных решений. В отличие от внутренних регионов, где экологическая политика может быть унифицированной, в приграничье она неизбежно увязана с международными обязательствами и транзитными потоками, что определяет ее особое место. Экологическая безопасность приграничья – единственная сфера, где сотрудничество с Казахстаном и другими странами является не конкуренцией, а жизненной необходимостью (совместное использование водных ресурсов, борьба с лесными пожарами, сохранение биоразнообразия Каспия) (Каспийский регион в процессах регионализации Евразии..., 2023).

Роль российских приграничных регионов в обеспечении экологической безопасности раскрывается через ключевые функции:

– «санитарного кордона» и предотвращения трансграничного загрязнения;

– «полигона адаптации» к климатическим изменениям;

– «энерго-экологического баланса» (Каспийский бассейн играет уникальную роль, совмещая транзит углеводородов (нефтепроводы, порты) с сохранением биоразнообразия).

В иерархии национальных интересов Казахстана, закрепленных в Ст. 5 Закона о национальной безопасности, энергетическая и экологическая безопасность (пп. 11, 15), также выделены как самостоятельные и взаимосвязанные приоритеты. В системе этих приоритетов российско-казахстанское приграничье занимает место энергетического и экологического «щита» страны, через который проходят основные транзитные потоки углеводородов и водных ресурсов.

В Нацплане–2029 и Прогнозной схеме–2019 роль приграничных регионов (Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская, Акмолинская, Северо-Казахстанская области) раскрывается через следующие ключевые функции:

– «транзитный мост». В Нацплане–2029 (раздел «2.1. Минерально-сырьевая база: нефть и газ», приоритет 3) указывается на необходимость «диверсификации экспортных коридоров» через Каспий и Китай. Приграничные регионы (особенно Атырауская и Мангистауская области, порт Актау) являются «воротами» для казахстанской нефти на мировые рынки. Через них осуществляется транзит по маршрутам: Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) – через Россию и нефтепровод «Атасу – Алашанькоу» – в Китай;

– «газораспределительный узел». В том же разделе Нацплана–2029 указана задача «обеспечения инфраструктуры для внутренних поставок газа» и газификации северо-восточных регионов через строительство газопровода «Сарыарка»;

– «опорный пункт» для транзита электроэнергии. В Прогнозной схеме–2019 (раздел «Энергообеспеченность», п. 1.1) отмечается, что «Единая электроэнергетическая система Казахстана работает устойчиво в параллельном режиме с энергосистемами Российской Федерации и стран Центральной Азии», однако имеется необходимость «объединения энергосистемы Западного Казахстана с ЕЭС Казахстана» и строительства ЛЭП для перетока энергии из Северной (энергоизбыточной) зоны в Южную (энергодефицитную).

Российско-казахстанские приграничные регионы занимают центральное место в обеспечении энергетической и экологической безопасности Казахстана, являясь одновременно «топливной артерией» и «водным реципиентом» страны. Экологическая безопасность приграничья в Нацплане–2029 рассматривается через призму трансграничных водных ресурсов и климатических рисков, что придает этим территориям особую, стратегическую роль. Ключевым вызовом назван дефицит воды, особенно в бассейнах трансграничных с Россией рек Урал, Иртыш и Тобол. Это стратегический приоритет, так как 50% речного стока Казахстана формируется за пределами страны (Национальный план, п. 4.3). Потеря качества или объема воды угрожает продовольственной безопасности (северные регионы – «зерновая корзина» Казахстана).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что место и роль приграничных регионов в России и Казахстане различаются кардинально и являются следствием их разного экономического веса и геополитического положения. Для России приграничье с Казахстаном – это важный, но проблемный ресурс, который необходимо интегрировать в новую логистическую и экономическую архитектуру страны, одновременно решая проблемы их социально-экономического отставания. Основная роль – инфраструктурно-логистический щит, обеспечивающий разворот торговли на Восток и Юг.

Для Казахстана приграничье – основа экономического суверенитета и устойчивости. Его развитие является стратегической задачей, поскольку от этого зависит сохранение контроля над ключевыми экономическими активами и способность противостоять демографическому давлению извне. Основная роль – демографический и экономический фронт, где решается задача сохранения территориальной целостности через удержание населения и создание рабочих мест.

Социально-экономическая динамика приграничных регионов России и Казахстана

Существует большое количество методов и подходов оценки региональной дифференциации. В работе для объективизации влияния приграничного фактора на макроэкономическую динамику используется триада базовых индикаторов: демографический вес – доля численности населения приграничных регионов в общей численности населения страны; экономический вес – доля ВРП приграничных регионов в ВВП страны; инвестиционная активность – доля инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций в основной капитал страны.

При доле численности населения российских регионов российско-казахстанского приграничья 18,68% по уровню 2024 года вклад в ВВП этих регионов составлял лишь 10,97% ВВП страны, а удельный вес инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций в основной капитал страны – 9,51%, что свидетельствует об их периферийном статусе, слабой реализации транзитного и экспортного потенциала государства и недостаточной интеграции местных экономик в глобальные цепочки поставок и низкой инвестиционной привлекательности. Казахстанские приграничные регионы при доле численности населения приграничных регионов 28,69% формируют практически треть ВВП и объема инвестиций в основной капитал, выступая ключевым драйвером национальной экономики, что указывает на их высокий геоэкономический и стратегический потенциал (*рис. 1–3*).

Такая значительная доля инвестиций для страны означает перенос центров экономической активности ближе к внешним рынкам, развитие межгосударственной кооперации, транзитной логистики и необходимость создания защищенной инфраструктуры.

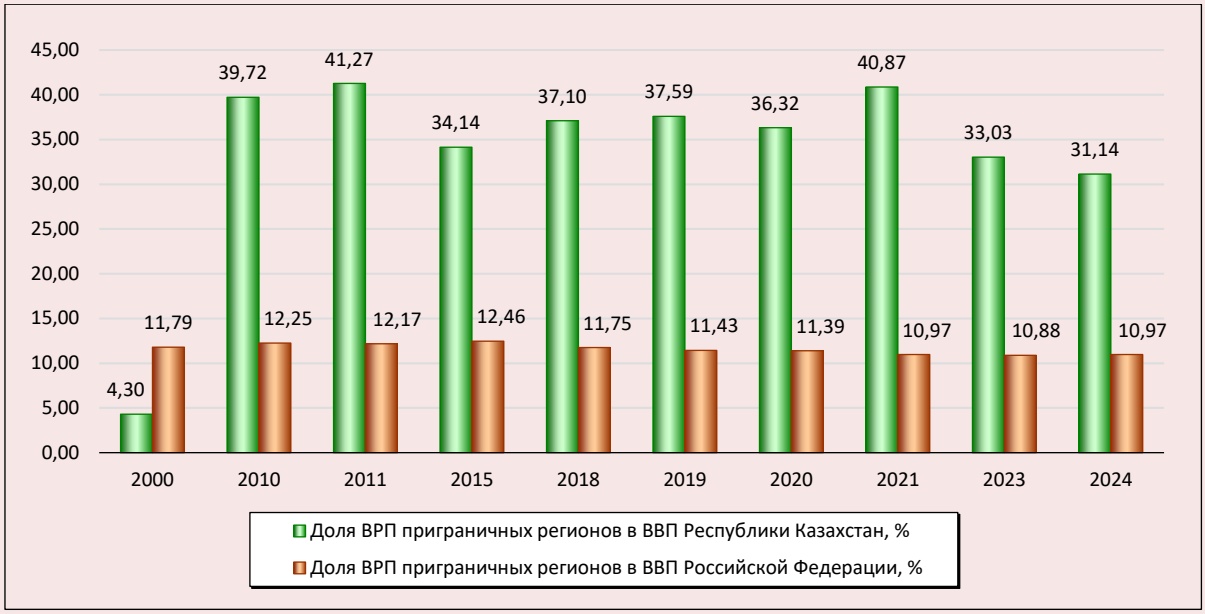
Следует отметить наличие негативной динамики за 2000–2024 гг. для обеих стран как в части снижения удельного веса численности населения приграничных территорий (с 19,73 до

Рис. 1. Динамика доли численности населения регионов российско-казахстанского приграничья в общей численности населения Российской Федерации и Республики Казахстан за 2000–2024 гг., %



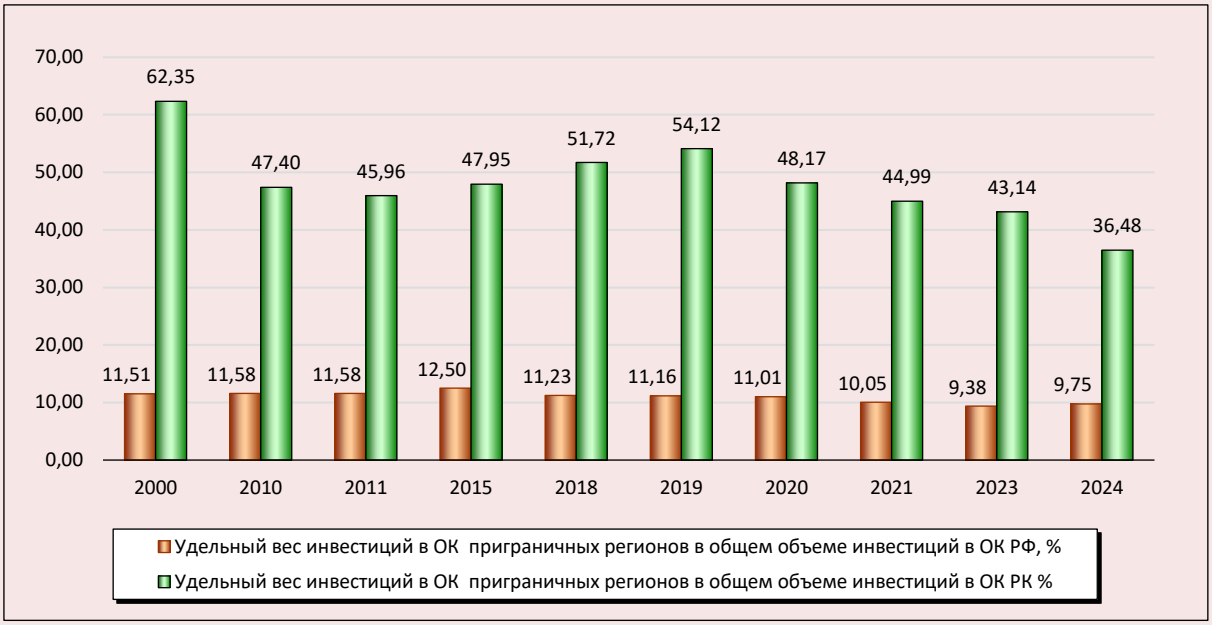
Источники: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya; https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/355136/

Рис. 2. Динамика доли ВРП регионов российско-казахстанского приграничья в ВВП Российской Федерации и Республики Казахстан, %



Источники: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts; https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/306652/.

Рис. 3. Динамика удельного веса инвестиций в основной капитал регионов российско-казахстанского приграничья в общем объеме инвестиций в основной капитал Российской Федерации и Республики Казахстан, %



Источники: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial; https://stat.gov.kz/ru/region/.

18,68% для России и с 38,26 до 28,69% для Казахстана), так и формируемого ими вклада в ВВП (с 11,79 до 10,97% для России и с 39,72% в 2010 г. до 31,14% в 2024 г. для Казахстана) и общего объема инвестиций в основной капитал (с 11,51 до 9,75% для России и с 62,35% до 36,48 % для Казахстана), причем для Казахстана снижение по всем трем показателям гораздо значительнее, чем для России.

Результаты выполненного анализа свидетельствуют о том, что российские приграничные с Казахстаном регионы являются периферийными и депрессивными. За период 2000–2024 гг. при средней доле в населении страны в 19,26% их вклад в ВВП составляет всего 11,72%, а в общий объем инвестиций в основной капитал – 10,98%. Это свидетельствует о слабой реализации транзитного и экспортного потенциала и низкой инвестиционной привлекательности приграничья.

Для Казахстана приграничные с Россией регионы выступают ключевым драйвером национальной экономики. За тот же период 2000–2024 гг. при средней доле в населении в 32,70% они формируют более трети ВВП (36,41%) и практически половину инвестиций в основной капитал (48,22%). Это указывает на их высокий геоэкономический и стратегический потенциал. Однако и для Казахстана характерна более значительная, чем у России, негативная динамика снижения доли этих регионов в общенациональных показателях, что является серьезным вызовом.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что российские приграничные регионы занимают «подчиненное» место в иерархии стратегических приоритетов. Они важны не как «точки роста», а как «опорные пункты» для логистики и поддержания военно-политического влияния в Центральной Азии. Их роль в достижении национальных целей (рост производительности труда, технологический суверенитет и др.) минимальна, так как основная концентрация ресурсов согласно Стратегии–2036, идет на создание инфраструктуры «опорных населенных пунктов», что подтверждается низкой долей инвестиций в основной капитал (9,51%).

Роль приграничных регионов Казахстана – стратегически важная, но проблемная. Согласно Нацплану–2029 они являются фокусом

политики «Комфортная среда» и развития АПК. Однако падение ВРП на 10% указывает на то, что без кардинального пересмотра модели (переход от транзита к глубокой переработке и созданию производственных кластеров) они останутся зоной перманентной стагнации, угрожая приоритету «незыблемости территориальной целостности» (депопуляция северных регионов).

Таким образом, приграничные регионы России и Казахстана в настоящее время не могут являться драйверами реализации стратегий. Их текущее социально-экономическое положение свидетельствует о том, что поставленные в стратегических документах цели по интеграции, диверсификации экономики и удержанию населения достигнуты лишь частично. Реальная роль этих территорий – оставаться зоной стратегического присутствия и буфером, но для превращения в центры роста им требуются не только декларации, а масштабные инвестиции в обрабатывающую промышленность и человеческий капитал, которые пока направляются в столичные агломерации.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что российско-казахстанское приграничье представляет собой стратегически значимое социоэкономическое пространство, отличающееся высоким транзитно-логистическим потенциалом, многообразием отраслевых специализаций и глубокой взаимозависимостью экономических и социокультурных связей.

Значение экономического сотрудничества двух стран выходит далеко за рамки торговых отношений. Оно состоит в обеспечении экономической, социальной, энергетической и экологической безопасности обеих стран: через приграничье проходят ключевые транзитные потоки углеводородов, электроэнергии и водных ресурсов, формируется продовольственная база (зерно, металлы) и поддерживается занятость населения. Кроме того, сотрудничество является основой политической и военной стабильности в Центральной Азии: оно укрепляет союзнические отношения в рамках ЕАЭС и ОДКБ, предотвращает дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве и создает буферную зону стратегической стабильности на южных рубежах.

Различия ролей приграничных регионов для России и Казахстана носят принципиальный характер. Для России приграничье – это инфраструктурно-логистический щит, обеспечивающий разворот торговли на Восток и Юг, а также инструмент поддержания военно-политического влияния в Центральной Азии. Для Казахстана приграничье – это демографический и экономический фронт, где решается задача сохранения территориальной целостности через удержание населения и создание рабочих мест, а также основа экономического суверенитета и транзитного статуса. Если для России эти территории важны преимущественно как «опорные пункты» для логистики, то для Казахстана – как зона критического демографического риска и экономической устойчивости.

Препятствия, риски и угрозы для развития экономического сотрудничества включают отсутствие единой совместной стратегии развития приграничных территорий; нарастающий разрыв между развитием «коридорной» инфраструктуры и качеством жизни населения; усиление пространственной поляризации и концентрацию ресурсов в столичных агломерациях; депопуляцию и отток квалифицированных кадров (особенно с казахстанской стороны); конкуренцию за инвестиции и рынки сбыта; узкие места в приграничной инфраструктуре (порты, железнодорожные подходы, изношенность трубопроводов); а также институциональный разрыв между декларируемым «опережающим развитием» и реальным объемом трансфертов и инвестиций.

Для превращения обеими странами приграничных регионов в центры роста необходимо: 1) перейти к территориально-кластерному принципу управления на основе системы опорных каркасов северной евразийской хорды; 2) осуществить системную институциональную реконфигурацию, рассматривающую приграничье не как периферию, а как активный элемент адаптивной самоорганизации; 3) разработать и реализовать совместные программно-проектные механизмы (трансграничные кластеры, логистические хабы, совместные инвестиционные проекты); 4) обеспечить синхронизацию стратегических документов обеих сторон в части развития приграничных территорий;

5) сконцентрировать ресурсы на модернизации инфраструктуры и создании высокопроизводительных рабочих мест, способных остановить отток населения.

Таким образом, сопоставление целевых установок, зафиксированных в стратегических документах России и Казахстана, с динамикой статистических показателей показывает: место приграничным регионам отведено, но их роль еще предстоит спроектировать. От этого зависит, станут ли они «точками роста» новой многополярной экономики или «точками напряженности», тормозящими интеграцию. Без перезагрузки институтов управления и финансовых механизмов приграничный статус останется декоративным ярлыком, а российско-казахстанское приграничье не станет активным элементом адаптивной самоорганизации, обладающим собственной траекторией развития, работающим на национальные интересы обоих государств.

Литература

Арсентьева И.И. (2012). Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. № 6 (85). С. 24–29.

Бакланов П.Я. (2018). Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. № 3 (61). С.19–24.

Бакланов П.Я., Ларин В.Л. (2023). Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. Т. 67. № 6. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-6-5-16.

Бийжанова Э.К. (2015). Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (42). С. 224–231.

Бильчак М.В. (2014). Приграничное сотрудничество в свете современных интеграционных процессов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. № 1. С. 11–20;

Боброва В.В., Рогова В.В. (2025). Приграничное сотрудничество как фактор развития регионов // Экономика, предпринимательство и право. № 1. С. 599–615.

Божко Л.Л., Сейтхамзина Ж., Джунусова С.С., Челетти Д. (2024). Имплементация ЦУР на региональном уровне: опыт Казахстана и России // «Вестник университета «Туран». № 1. С. 99–114.

Вардомский Л.Б. (2017). Фактор соседства в экономическом развитии новых приграничных регионов России // Мир перемен. № 3. С. 91–104.

Вардомский Л.Б. (2023). Новые тренды регионализации международных экономических отношений на евразийском пространстве // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции: в 2 т. Минск. С. 17–22.

Гарибова Ф.М. (2022). Миграционные процессы между Россией и Казахстаном в приграничных регионах // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей: в 2 т. / редакторы О.А. Козлова [и др.]. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. С. 339–346. DOI: 10.17059/udf-2022-3-4

Гусаков Н.П., Тинькова А.А. (2023). Формы приграничного сотрудничества в контексте развития интеграционных процессов Евразийского экономического союза: научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. № 3. С. 332–341. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-332-341

Калугина З.И., Фадеева О.П. (2016). Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития // ЭКО. № 1 (499). С. 36–48.

Карпенко М.С., Колосов В.А., Себенцов А.Б. (2021). Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. № 5 (68). С. 25–40.

Карпенко М.С., Морачевская К.А., Себенцов А.Б., Кузавко А.С. (2026). Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Т. 20. № 3. С. 120–131. DOI: 10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Каспийский регион в процессах регионализации Евразии (2023): коллективный научный доклад / отв. ред. Л.Б. Вардомский. Москва: Институт экономики РАН. 74 с.

Кузавко А.С. (2023). Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 108–130.

Морачевская К.А. (2022). Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центрпериферийных градиентов // Региональные исследования. № 3. С. 44–53.

Орлова Л.Н., Ян Мин Цзе (2025). Реализация концепции «умной специализации» в регионах России, граничащих с Китаем // Экономические стратегии. № 1 (199). С. 80–87. DOI: https://doi.org/10.33917/es-1.199.2025.80-87

Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия (2018): коллективная монография / под ред. О.В. Толстогузова. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 241 с.

Рой О.М. (2024). Российско-казахстанское приграничье: на пути к формированию трансграничных макрорегионов Сибири // Экономика региона. Т. 20. № 4. С. 1026–1040. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-4

Савенкова И.В., Добродомова Т.Н., Пьянкова М.Г., Добродомов С.В. (2026). Развитие приграничных регионов в призме российско-китайских отношений в условиях нового экономического порядка // Экономика. Информатика. 2026. Т. 53. № 2. С. 254–264. DOI: 10.52575/2687-0932-2026-53-2-254-264

Ткачев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М. (2016). Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (63). С. 87–93.

Хмелева Г.А., Асанова С.С., Курникова М.В. (2022). Базовые принципы стратегического подхода к конвертации приграничного положения российских сопредельных регионов в конкурентные преимущества // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 8. С. 2161–2176.

Шишкин А.А. (2015). Стратегическое планирование в приграничных регионах России // Экономика и управление. № 5 (115). С. 28–33.

Anderson J., O'Dowd L. and Wilson T.M. (Eds). (2003). *Culture and Cooperation in Europe's Borderlands*. Brill.

Herzog L.A. (1990). *Where North Meets South: Cities, Space, and Politics on the U.S.-Mexico Border.* Austin: University of Texas Press.

House J.H. (1980). The frontier zone: A conceptual problem for policy makers. *International Political Science Review,* I(4), 456–477. DOI: 10.1177/019251218000100403.

Martinez O.J. (1994). *Border People: Life and Society in the U.S. – Mexico Borderlands*. University of Arizona Press.

Турысбекова А.Б., Өмірзақова Ә.Қ. (2021). Выявление тенденций социально-экономического развития регионов Казахстана // Economy: strategy and practice. № 16 (2). С. 98–106. DOI: 10.51176/1997-9967-2021-2-98-106

Van der Velde B., Martin R. (1997). *So many regions, so many borders. A behavioural approach in the analysis of border effects. Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association, Rome, Italy, Aug. 26-29, 1997.* Rome.

Сведения об авторах

Светлана Александровна Кириллова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Kirillova S.A., Gainanov D.A.

Assessing the Place and Role of the Russian-Kazakhstan Borderlands in the Strategic Priorities of Russia and Kazakhstan

Abstract. The relevance of the study stems from the strategic importance of the Russian-Kazakhstan borderlands as one of the key Eurasian macroregions and from their development amid the transformation of the global economy, geopolitical shifts, and growing spatial polarization. The study aims to determine the place and institutional role of the border regions of Russia and Kazakhstan within strategic national priorities, as well as to identify imbalances between declared national interests and the actual socio-economic processes on both sides of the border. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive cross-country analysis of the hierarchy of national interests of the two states with regard to their shared borderlands, based on a hybrid research design that combines qualitative content analysis of strategic documents with quantitative analysis of panel data for 2000–2024 using gap analysis. Unlike previous studies focused on individual aspects of cross-border cooperation, this study systematically compares the strategic priorities and national interests of both countries with current dynamics and reveals a persistent institutional gap. The study finds that Russia's strategic documents assign border regions the role of a logistics and transit shield, whereas Kazakhstan views them as the foundation of economic sovereignty and demographic resilience. At the same time, the statistical indicators for the period under study point to stagnation in the borderlands: with an average population share of 19.26%, Russian border regions generate only 11.72% of GDP, while Kazakh border regions, having lost a third of their economic weight, are ceasing to be an unconditional growth driver. This indicates a persistent institutional gap between the priorities and national interests declared in strategic documents and actual macroeconomic dynamics. In conclusion, the study identifies policy vectors common to both countries aimed at overcoming this gap through a transition to a territorial-cluster management approach, a systemic reconfiguration of institutions, and program and project mechanisms that can convert the transit potential of the borderlands into sustainable socio-economic development.

Key words: border regions, border territories, Russian-Kazakhstan borderlands, national interests, strategic national priorities.

Information about the Authors

Svetlana A. Kirillova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Статья поступила 10.07.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.6
УДК 366.1, ББК 51
© Калашников К.Н.

Проблемы потребления продуктов питания населением региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности



Константин Николаевич
КАЛАШНИКОВ
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: konstantino-84@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9558-3584; ResearcherID: I-9519-2016

Аннотация. Актуальность исследования продиктована необходимостью проанализировать достаточность потребления населением основных пищевых продуктов в условиях растущего неравенства доступа к качественной пище и угрозы продовольственной безопасности страны и регионов. Цель работы – анализ основных количественных и качественных параметров потребления базовых пищевых продуктов в Вологодской области в современных политических и социально-экономических условиях и в контексте реализации Доктрины продовольственной безопасности. Информационной базой выступили данные Росстата, отражающие объёмы потребления основных видов продуктов питания за анализируемый период. В работе показано, что понятие продовольственной безопасности традиционно не включает уровень самообеспечения в качестве существенного признака, однако фактически большинство стран мира в политике продовольственной безопасности принимают элемент продовольственной независимости базовым по умолчанию. Уточнение обсуждаемой категории формирует элемент научной новизны исследования. Автор приходит к выводу, что картина продовольственной безопасности, прежде всего с позиций самообеспечения пищевыми продуктами, в Вологодской области складывается неоднозначно. Фиксируются успехи в части производства молока и молочных продуктов, яиц и яйцепродуктов, а также картофеля. Масштабы производства мяса и мясопродуктов, овощей и особенно фруктов и ягод не позволяют обеспечить даже внутренние потребности. Вместе с тем в статье приводятся аргументы в пользу того, что недостаточная самообеспеченность

Для цитирования: Калашников К.Н. (2026). Проблемы потребления продуктов питания населением региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 121–140. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.6

For citation: Kalashnikov K.N. (2026). Problems of food consumption by the region's population in the context of ensuring food security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 121–140. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.6

пищевыми продуктами не является строгим ограничением уровня их экономической доступности для населения. Практическая значимость полученных результатов состоит в выявлении важных изменений в структуре потребления жителей России в аспекте региональных особенностей и различий, что представляет прикладную ценность и перспективу использования в совершенствовании региональной политики в ряде сфер, включая продовольственную безопасность и охрану общественного здоровья.

Ключевые слова: потребление, продукты питания, продовольственная безопасность, рациональные нормы потребления, самообеспечение продовольствием, Вологодская область.

Введение

Продовольственная безопасность – одна из важных и неотъемлемых составляющих экономической и национальной безопасности страны. Необходимость её обеспечения повышается в современных российских условиях, когда на повестке дня органов власти стоят вопросы импортозамещения и продовольственной независимости в целом. Их острота обусловлена существенным санкционным давлением, оказываемым на отечественную экономику правительствами западных стран после событий 2022 года, и внутренним стремлением властей добиться независимости в обеспечении своего населения продовольствием. В качестве стратегического документа, который определяет основные направления формирования устойчивой системы производства и потребления продовольствия, способной гарантировать здоровье и достойный уровень жизни граждан, была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Именно в контексте основных положений Доктрины целесообразно проводить анализ текущего положения дел в системе продовольственного обеспечения и уровня потребления продуктов питания населением. Особое внимание в реализации положений Доктрины уделяется не только обеспечению количественной доступности продовольствия, но и формированию рациональной структуры самого потребления, основанной на научно обоснованных нормах. Задачами Доктрины являются укрепление продовольственной безопасности страны, усиление продовольственной независимости, разработка рациональных норм потребления продуктов питания населением, создание возможностей для экономической и физической доступности продовольствия, а также разработка критериев оценки факторов развития пищевой отрасли[1].

Анализ реальных тенденций и особенностей потребления продуктов питания населением регионов, включая структурные сдвиги и степень соответствия установленным стандартам, представляет собой важнейший инструмент для оценки эффективности государственной политики в сфере продовольственной безопасности. Более того, в майском указе 2024 года Президентом РФ была поставлена задача по увеличению к 2030 году объема производства продукции агропромышленного комплекса не менее чем на 25% по сравнению с уровнем 2021 года[2]. Эти задачи требуют реализации научного подхода к формированию и реализации политики продовольственной безопасности, которая должна учитывать текущие политические и социально-экономические реалии, опираться на параметры как спроса на продовольственную продукцию в регионе, так и предложения на рынке продуктов питания.

В связи с этим вопросы продовольственной безопасности актуализируются и в научном поле, требуя анализа и оценки происходящих изменений, разработки мер по преодолению возникших сложностей. Проблематика обеспечения продовольственной безопасности поднималась в работах отечественных и зарубежных учёных и ранее, что сформировало внушительный корпус академических текстов,

[1] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 10.03.2025). URL: http://government.ru/docs/all/125815/ (дата обращения: 06.05.2026).

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 05.05.2026).

посвящённых данной теме. Вместе с тем реалии сегодняшнего дня заставляют экономистов переосмыслить уже устоявшиеся подходы к трактовке термина «продовольственная безопасность», особенно в контексте региональных исследований. Так, важным вопросом остаётся выявление пределов самообеспечения, за которыми сохраняется возможность региона опираться на внешние поставки продукции. В качестве объекта для анализа этих аспектов продовольственной безопасности выбрана Вологодская область, поскольку она характеризуется рядом объективных ограничений для осуществления сельскохозяйственной деятельности. В связи с этим требуется логическое и экспертное обоснование и нормативное подкрепление параметров и характеристик продовольственной независимости регионов с учётом природно-климатических условий и уровня развития сельского хозяйства, дорожно-транспортной инфраструктуры и в целом экономического потенциала. Исходя из этих требований и была сформулирована цель работы – анализ основных количественных и качественных параметров производства и потребления продуктов питания в Вологодской области как критериев продовольственной безопасности с учетом текущих политических и социально-экономических условий и в контексте реализации Доктрины продовольственной безопасности. Задачи исследования состоят, во-первых, в обобщении существующих в научной литературе и нормативных документах теоретических подходов к обоснованию продовольственной безопасности и критериев ее обеспечения, во-вторых – в оценке параметров потребления основных продуктов питания населением региона и их сопоставлении с показателями самообеспечения продовольствием на региональном уровне. Объектом исследования выступает потребление продовольствия населением региона. Предмет исследования – уровень, характер и структура потребления продуктов питания.

Теоретические и нормативные основы потребления и продовольственной независимости территорий

Исходным посылом исследования было уточнение содержания категории «продовольственная безопасность», поскольку, как можно предположить, продовольственная независимость не может быть её абсолютным критерием. Действительно, в современном мире развитие торговых связей обеспечивает широкий обмен благами, позволяя решить традиционные экономические требования правила абсолютных и относительных преимуществ и преодолеть ограничения климатического детерминизма. Однако и важность продовольственной независимости трудно отрицать. Во-первых, это связано с необходимостью развития собственной экономики, в рамках которой сельское хозяйство является одной из базовых отраслей, что неизбежно приводит к выбору странами политики патернализма в развитии аграрного сектора. Во-вторых, производственная независимость обеспечивает фундамент и подушку безопасности для стран и регионов, учитывая высокие риски международных конфликтов и обострения политической обстановки в мире, опасные тенденции сепаратизма. Кроме того, это позволяет достичь бесперебойности производства продукции, которую вносят в ряд существенных признаков самого понятия продовольственной безопасности (Анищенко, 2013). Неслучайно в тексте Доктрины продовольственной безопасности в качестве существенного признака продовольственной безопасности отмечена продовольственная независимость.

Несмотря на то, что критериями продовольственной безопасности могут быть самые разные экономические показатели, прямо или косвенно отражающие ситуацию в стране и регионах, важно выделить фундаментальные понятия, которые составляют критерии обсуждаемого концепта. На наш взгляд, в анализе продовольственной безопасности принципиально важен параллельный анализ двух противоположных критериев, свидетельствующих о достижении или недостижении её желаемого уровня. Это критерии производства и потребления. Анализ уровня производства, учитывая требования Доктрины продовольственной безопасности РФ, должен опираться на критерий продовольственной независимости и императив самообеспечения региона необходимым продовольствием с поправкой на объективные условия и ограничения сельскохозяйственно-

го производства. Анализ потребления должен охватывать базовые продовольственные группы, но в первую очередь необходимо уделить внимание животной пище, являющейся источником белка (мясная и молочная продукция, яйца).

Теоретические основы исследования строятся на понятиях продовольственной безопасности и потреблении продуктов питания. Согласно положениям Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности, она достигается путём повсеместной и регулярной физической и экономической доступности для граждан достаточного количества безопасных и питательных продуктов питания, отвечающих их диетическим потребностям и предпочтениям в еде для ведения активного и здорового образа жизни[3].

Во многом сходную позицию к содержанию понятия продовольственной безопасности выражает большинство отечественных экономистов. Например, оно может трактоваться как состояние экономики страны, при котором обеспечивается ее продовольственная независимость, гарантируется физическая и экономическая доступность для населения страны пищевых продуктов, соответствующих законодательству о техническом регулировании, в объемах не менее рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни, безопасность и качество пищевых продуктов (Серков и др., 2009). Академик РАСХН В.И. Назаренко в одной из своих работ отмечает: «Продовольствие – одна из важнейших составляющих жизнеобеспеченности населения страны и тем самым является гарантом безопасности и независимости государства», что в свою очередь подчеркивает важность самодостаточности государства как в сырьевом эквиваленте, так и в продовольственном (Назаренко, 2007).

А.И. Алтухов также выделяет вопрос продовольственной безопасности как один из наиболее важных для государства, так как от удовлетворения внутреннего спроса населения зависит и социально-экономическое положением страны. Важная роль автором отводится именно безопасности и обеспеченности продовольствием народа, при его отсутствии неминуемо наступит голод и смерть (Алтухов, 2019). В трудах А.Г. Семкина также одной из ключевых задач государства названо обеспечение страны качественным и доступным продовольствием, надлежащего уровня продовольственной безопасности. Это предполагает не только стабильность наполнения сельскохозяйственным продовольствием внутреннего рынка, но и формирование достаточных запасов в резервных фондах (Семкин, Задворнева, 2022; Семкин, Воронин, 2023). При этом нельзя не согласиться с мнением ученых о том, что любые меры по укреплению продовольственной безопасности и повышению производительности отрасли молочного животноводства должны опираться на научно обоснованные результаты оценки ее текущего состояния (Панкова и др., 2019; Косьмин, Кузнецов, 2023).

Потребление как экономическая категория представляет собой заключительную фазу общественного воспроизводства (Решетникова, 2017). В экономической теории и хозяйственной практике потребление вообще и потребление продуктов питания в частности выступает ключевым компонентом более широких показателей общественного благосостояния и социальной политики, в том числе продовольственной безопасности страны (Айзинова, 2015; Куликов, Минаков, 2023), охраны здоровья населения, борьбы с бедностью и неравенством (Zezzaa et al., 2017). Теория потребительской культуры стремится получить фундаментальные знания о первичных основах и факторах потребления и поведения экономических агентов на рынке. Особое значение в подобных исследованиях отводится поиску взаимосвязей между индивидуальными векторами потребительского выбора и более общими параметрами культурных процессов и структур (Телюк, 2014; Терновая, 2021). С этих позиций понимание структуры и динамики потребления требует их анализа в более широком, институциональном и культурном контекстах.

[3] Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности, Рим, 16 ноября 2009 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1718665/

Таким образом, потребление рассматривается как исторически сложившийся способ социокультурной практики, который возникает в рамках структур и идеологических императивов динамично развивающихся рынков (Arnould, Thompson, 2005).

Растущая урбанизация, глобализация производства обработанных пищевых продуктов и изменение образа жизни привели в последние десятилетия к смене рациона питания населения во многих странах мира (Borlizzi et al., 2017). Изменения в рационе включают сокращение потребления продуктов, богатых клетчаткой (таких как бобовые, фрукты, овощи, цельные зерна), и рост потребления обработанных пищевых продуктов, что обусловливает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, увеличение веса (Лескова и др., 2019). Приведённые факты подтверждают важность учёта в оценке уровня и структуры текущих глобальных и внутристрановых тенденций, актуальной эпидемиологической ситуации.

Эти аспекты обусловливают необходимость учёта нюансов сбора статистической информации для её адекватной интерпретации. Зарубежные авторы отводят в своих исследованиях важное место проблеме сбора и адекватной интерпретации данных о продовольственном обеспечении и структуре питания населения для реализации мониторинга благосостояния населения (Лапин, 2012). Например, изучается искажение представлений о потреблении продуктов питания с опорой на данные о потреблении на уровне домохозяйств без учёта питания в образовательных учреждениях (Borlizzi et al., 2017). Сформулированные в этих работах ограничения позволили более гибко и в то же время объективно подойти к трактовке состояния и динамики подушевого потребления продуктов питания в России.

Глубокое понимание характера потребления продуктов питания требует привлечения информации о потребительских предпочтениях граждан, стереотипах пищевого поведения. Известно, что в обществах с высоким уровнем национального благосостояния потребители придают всё большее значение составлению сбалансированного и разнообразного повседневного рациона питания. Значительный вклад в продвижение идей правильного питания и здорового образа жизни в целом сегодня принадлежит СМИ, особенно электронным, транслирующим образцы благополучия и индивидуального успеха (Кравченко, 2015). Индивид выбирает свою модель потребительского поведения, как правило, в пределах двух полюсов потребительских практик в соответствии с имеющимися личными ресурсами, жизненными стандартами и базирующимися на них потребительскими запросами по удовлетворению актуальных потребностей (Ткаченко, 2012). Для выполнения этого методологического требования в работе использованы данные социологического опроса жителей Вологодской области, позволяющие проанализировать их привычки и мотивы в выборе и потреблении продуктов питания.

Наконец, важный нюанс в исследовании уровня потребления продуктов питания, который актуализируется на макро- и микроуровне, касается выявления территориальной специфики и пространственных различий. Он позволяет выделить общие для населения такой крупной территориальной единицы, какой является субъект РФ, базовые параметры потребления продуктов и сформировать собирательный образ жителя региона как участника потребительского рынка. В региональной экономике исследовательский интерес вызывают проблемы территориальных различий и неравенства в потреблении продуктов питания (Жилина, 2023). Основное внимание авторы уделяют оценке соответствия объёмов потребления продуктов питания рекомендуемым стандартам (Айзинова, 2014) и сложившемуся уровню жизни (Сергиенко, 2023). При всей ограниченности данного подхода он имеет очевидные положительные качества (Рогачева, 2022). Особенно важным пунктом подобного формата оценок выступает анализ потребления продуктов питания в рамках единой структуры, что позволяет выявлять примеры и факторы их замещения (Бирман, 1983; Мамяченков и др., 2021).

Анализ теоретических основ продовольственной безопасности необходимо дополнить анализом её правовых аспектов. На международном уровне нормативная база учитывает общепринятые принципы, международные соглашения и стандарты Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Правовую базу обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации составляет иерархическая система нормативных актов, регулирующих параметры и процесс производства сырья, качество пищевых продуктов, поступающих на прилавки магазинов, а также их экономическую и физическую доступность для граждан. Истоки законодательных основ продовольственной безопасности обнаруживаются в Конституции России, гарантирующей набор базовых прав граждан и определяющей РФ как социальное государство, призванное создать условия, обеспечивающие «достойную жизнь и свободное развитие человека». Требования Конституции РФ уточняются в федеральных законах. Так, 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» определяет ключевые меры государственной поддержки аграриев и механизмы защиты отечественного рынка. Требования к обороту продовольствия регламентируются 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», который контролирует весь жизненный цикл товара – от сырья до утилизации. Контроль за соблюдением гигиенических нормативов и предупреждением рисков для здоровья возложен на 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Права граждан на получение честной и достоверной информации о составе и происхождении продуктов защищает Закон РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей». Нижний уровень системы формируют подзаконные акты и инструменты технического регулирования. Постановления Правительства РФ утверждают конкретные дорожные карты реализации Доктрины, правила субсидирования АПК и порядок мониторинга рынков. При этом важнейшую роль играют наднациональные нормативные акты – Технические регламенты Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в частности ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции», которые устанавливают обязательные для исполнения единые стандарты качества товаров на всем пространстве союза. Как уже отмечалось, ключевым документом стратегического планирования в России является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (в редакции от 10.03.2025). Доктрина формулирует официальные взгляды на цели, задачи и ключевые направления государственной политики в этой сфере. Она закрепляет обязательную независимость страны в АПК и устанавливает жесткие пороговые значения самообеспечения ключевыми видами отечественной продукции.

Материалы и методы

Информационная база исследования объединяет данные Росстата, которые охватывают как параметры производства и самообеспечения регионов продовольствием по основным категориям, так и потребления основных продуктов питания (использован временной период с 2020 по 2024 год). Анализ параметров потребления осуществляется в территориальном срезе регионов СЗФО в силу их территориальной близости, схожести природно-климатических условий, которые выступают как стабильный базовый фактор и позволяют выявлять территориальную специфику, обусловленную ролью прочих предполагаемых факторов.

Уровень самообеспечения области пищевыми продуктами рассчитывается как отношение производства продукции на территории региона к внутреннему её потреблению (без учета переходящих запасов):

$$SS = \frac{P}{C} \times 100,$$

где SS – уровень самообеспечения области пищевыми продуктами;

P – внутреннее производство, кг;

C – внутреннее потребление, кг.

Внутреннее потребление включает производственное потребление, личное потребление (фонд потребления), потери продукции, переработку на непищевые цели.

Удельный вес продукции собственного производства в продовольственных ресурсах региона рассчитывается по каждому виду продукции:

$$SP = \frac{P}{M} \times 100,$$

где SP – удельный вес продукции собственного производства в общем объёме продовольственных ресурсов региона без учёта запасов на начало года, %;

P – объем производства внутри региона, кг;

M – общий объем продовольственных ресурсов региона, кг.

В качестве нормативного критерия достаточности сложившегося уровня потребления пищевых продуктов используются рациональные нормы, утверждёнными Минздравом РФ[4]. На их основе рассчитаны показатели экономической доступности основных категорий пищевых продуктов как отношение фактического подушевого потребления к рациональным нормам, отвечающим требованиям здорового питания[5]:

$$A = \frac{C}{N} \times 100,$$

где A – экономическая доступность, %;

C – фактический уровень подушевого потребления, кг;

N – рациональная норма подушевого потребления Минздрава РФ, кг.

Для выявления специфики потребления различных продуктов питания в РФ и Вологодской области проведён комплементарный анализ в рамках двумерного поля оценок «самообеспеченность – доступность» (оба показателя оцениваются относительно значения 100) с построением матрицы распределения, образующей четыре квадранта: «высокий уровень самообеспечения – высокая экономическая доступность», «высокий уровень самообеспечения – низкая экономическая доступность», «низкий уровень самообеспечения – высокая экономическая доступность», «низкий уровень самообеспечения – низкая экономическая доступность». Те позиции, которые будут находиться в зоне ниже 100 по обоим критериям, и составляют наибольший риск с позиций перспектив продовольственной безопасности региона.

Результаты

Анализ основных параметров производства продуктов питания в регионе

Производство пищевых продуктов в экономике Вологодской области по валовым объёмам выпускаемой продукции формируется с существенным перевесом молочной отрасли и яичного птицеводства в секторе продуктов животного происхождения, в секторе растительных продуктов преобладает выпуск зерна и картофеля. Масштабы производства мяса и мясопродуктов в регионе чрезвычайно малы и составляют около 30 тыс. тонн, или 28 кг на человека, в год, что не позволяет говорить об удовлетворении потребностей внутреннего рынка даже при самых минимальных требованиях и оптимистичных ожиданиях. Объём производства основных продуктов питания в Вологодской области в 2024 году по сравнению с 2020 годом демонстрировал в различных сегментах как рост, так и снижение (*табл. 1*).

Производство яиц и яйцепродуктов, несмотря на внушительный объём, снижается. Производство зерна и продуктов его переработки, а также картофеля демонстрирует рост. Производители зерна ориентированы преимущественно на ячмень (61% в структуре производства зерна) в силу его устойчивости к неблагоприятным климатическим условиям региона, нацеленности на изготовление кормов для скота, сложившейся конъюнктуры рынка. В связи с этим разумно обратить внимание на производство круп и муки, которое в реги-

[4] Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

[5] Согласно «Общим положениям» Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, продовольственная безопасность РФ – это состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

Таблица 1. Производство основных продуктов питания в Вологодской области, тыс. тонн / кг на душу населения

Продукты питания	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. к 2020 г., %
Продукты животного происхождения						
Мясо и мясопродукты	33,6 / 29	31,8 / 28	31,0 / 27	31,8 / 28	31,4 / 28	93 / 97
Молоко и молокопродукты	587,0 / 506	588,8 / 512	607,5 / 534	640,2 / 567	664,6 / 593	113 / 117
Яйца и яйцепродукты, млн штук / шт.	617,7 / 533	641,4 / 558	636,3 / 559	527,5 / 467	500,5 / 446	81 / 84
Продукты растительного происхождения						
Зерно	143,3 / 124	108,8 / 95	178,5 / 157	210,7 / 187	175,8 / 157	123 / 127
Картофель	136,6 / 118	174,7 / 152	183,9 / 162	192,2 / 170	180,1 / 161	132 / 136
Овощи и продовольственные бахчевые	52,4 / 45	50,3 / 44	52,1 / 46	48,4 / 43	48,4 / 43	92 / 96
Фрукты и ягоды	10,6 / 9	10,9 / 9	10,8 / 9	10,1 / 9	10,3 / 9	97 / 100
Мука и крупа	8,6 / 7	6,4 / 6	15,8 / 14	19,8 / 18	20,2 / 18	235 / 243
Масло растительное	0,4 / 0	0,9 / 1	0,6 / 1	0,9 / 1	0,7 / 1	175 / 181
Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.						

оне развито недостаточно, но демонстрирует заметный рост (за анализируемый период производство увеличилось более чем в 2 раза). Проблемой остаётся ограниченное производство овощей, которое составляет всего 43 кг в год на одного жителя. Учитывая, что наибольший вклад в производство овощных культур вносит само население, ситуация выглядит ещё более сложной. В 2024 году удельный вес овощей, выращенных на личных участках жителей, достигал 68% в структуре продукции растениеводства, тогда как доля организаций составляла лишь 30%. В производство картофеля вклад организаций ещё меньше – 18%, однако здесь велика роль крестьянских и фермерских хозяйств (до 30% производства). Несмотря на внимание органов власти к обозначенным проблемам и прилагаемые к их решению усилия, в регионе фиксируется снижение производства овощей.

Внушительный потенциал самообеспечения в Вологодской области реализован по таким продовольственным группам, как молоко и молочные продукты, яйца и картофель. Напротив, низкий уровень самообеспечения отмечается по мясу и мясопродуктам, овощным культурам и особенно фруктам и ягодам (*табл. 2*).

Таблица 2. Уровень самообеспечения Вологодской области основными продуктами питания, %

Продукты питания	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Динамика, 2020 2024 гг., п. п.	Средний ежегодный темп роста, %
Мясо и мясопродукты	36	35	34	34	32 / 102*	-4	97
Молоко и молокопродукты	179	178	181	183	187 / 85	8	101
Яйца	154	160	167	142	135 / 97	-19	97
Картофель	84	110	117	120	115 / 92	31	109
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	40	41	43	39	39 / 89	-1	100
Фрукты и ягоды	12	12	12	11	11 / 43	-1	98
* Справочно РФ в 2024 г. Данные по Российской Федерации приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям. Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.							

Удельный вес продукции собственного производства в продовольственных ресурсах как показатель продовольственной независимости региона свидетельствует о стабильной и благоприятной ситуации по картофелю и молочным продуктам и предсказуемо указывает на сложности в отношении мяса и мясопродуктов, овощных культур, фруктов и ягод. Удельный вес продукции собственного производства в продовольственных ресурсах Вологодской области пусть и незначительно, но снижается по большинству категорий. Заметной негативная динамика стала по категории яйцепродуктов и яиц (снижение на 8 п. п.; *табл. 3*).

Анализ параметров потребления основных категорий продуктов питания в регионе

В 2024 году в Вологодской области по большинству категорий пищевых продуктов сохранялись ранее сложившиеся масштабы личного потребления (*табл. 4*). Заметный рост отмечен по молочным и мясопродуктам (прирост составил 18 и 13% соответственно), объёмы потребления яиц и яйцепродуктов снизились, фруктов и ягод – возросли.

Потребление мяса и мясопродуктов в России и в большинстве регионов СЗФО, за исключением Архангельской области, превышает рекомендуемые нормы (*табл. 5*). В Калининградской и Псковской областях потребление мясопродуктов значительно превосходит этот уровень – на 38 и 51 п. п. соответственно.

Потребление молока и молочных продуктов в России и в большинстве регионов СЗФО отстаёт от рекомендуемого уровня. Соответствие отмечается только в Псковской области (*табл. 6*). Вместе с тем в течение иссле-

Таблица 3. Удельный вес продукции собственного производства в продовольственных ресурсах Вологодской области без учёта запасов на начало года, %

Продукты питания	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Динамика, 2020–2024 гг., п. п.	Средний ежегодный темп роста, %
Мясо и мясопродукты	35,3	33,8	32,7	32,2	30,7	-4,6	97
Молоко и молокопродукты	82,4	77,4	79,0	79,1	80,2	-2,2	99
Яйца	83,7	86,0	82,6	76,0	75,5	-8,2	98
Картофель	94,3	96,5	96,8	96,9	96,0	+1,7	100
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	39,0	39,9	41,2	38,9	38,8	-0,2	100
Фрукты и ягоды	10,4	10,6	11,0	9,9	9,8	-0,6	99
Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.							

Таблица 4. Личное потребление продуктов питания населением Вологодской области, тыс. тонн

Продукты питания	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Динамика, 2020–2024 гг., п. п.	Средний ежегодный темп роста, %
Мясо и мясопродукты	85,6	91,2	91,3	93,9	96,6	13	103
Молоко и молокопродукты	263,5	284,9	288,3	303,1	310,3	18	104
Яйца и яйцепродукты, тысяч штук	375,3	363,7	344,5	341,6	340,2	-9	98
Зерно	0,2	–	–	–	–	–	–
Картофель	108,4	108,2	108,6	109,6	107,9	0	100
Овощи и продовольственные бахчевые	119,8	117,7	117,4	119,5	119,0	-1	100
Фрукты и ягоды	83,7	92,0	86,8	89,3	89,9	7	102
Продукты переработки зерна	128,0	121,0	120,9	123,3	118,6	-7	98
Масло растительное	14,7	14,8	15,1	13,2	14,4	-2	100
Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.							

дуемого периода в большинстве регионов СЗФО произошёл рост потребления молока и молочных продуктов, который стал наиболее заметным в Вологодской (прирост 13%), Калининградской (12%) и Псковской (10%) областях. Наибольшее отклонение от рекомендуемой нормы потребления молока и молочных продуктов фиксируется в Архангельской области (34%) и Карелии (29%), здесь же выявлены незначительные тенденции в уровне потребления молока и молочных продуктов.

Таблица 5. Потребление мяса и мясопродуктов (кг на душу населения в год) и показатели их экономической доступности (%) в регионах СЗФО и РФ

Регион	Подушевое потребление			Экономическая доступность		
	2020 г.	2024 г.	2024 г. к 2020 г., %	2020 г.	2024 г.	Изменение 2020–2024 гг., п. п.
РФ	76	82	108	103	111	8
СЗФО	78	85	109	105	115	9
Республика Карелия	81	74	91	109	100	-9
Республика Коми	89	85	96	120	115	-5
Архангельская область	70	67	96	95	91	-4
Вологодская область	80	86	108	108	116	8
Калининградская область	91	102	112	123	138	15
Ленинградская область	76	86	113	103	116	14
Мурманская область	84	80	95	114	108	-5
Новгородская область	77	77	100	104	104	0
Псковская область	110	112	102	149	151	3
г. Санкт-Петербург	71	83	117	96	112	16

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

Таблица 6. Потребление молока и молокопродуктов (кг на душу населения в год) и показатели их экономической доступности (%) в регионах СЗФО и РФ

Регион	Подушевое потребление			Экономическая доступность		
	2020 г.	2024 г.	2024 г. к 2020 г., %	2020 г.	2024 г.	Изменение 2020–2024 гг., п. п.
РФ	238	253	106	74	79	5
СЗФО	271	289	107	84	90	6
Республика Карелия	247	228	92	77	71	-6
Республика Коми	267	277	104	83	86	3
Архангельская область	217	214	99	67	66	-1
Вологодская область	246	277	113	76	86	10
Калининградская область	227	255	112	70	79	9
Ленинградская область	273	294	108	85	91	7
Мурманская область	254	254	100	79	79	0
Новгородская область	239	257	108	74	80	6
Псковская область	295	325	110	92	101	9
г. Санкт-Петербург	300	319	106	93	99	6

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

Потребление яиц и яйцепродуктов в России и в большинстве регионов СЗФО находится на достаточном уровне (*табл. 7*). Исключение составляют лишь Мурманская и Псковская области, где экономическая доступность яиц и яйцепродуктов на момент анализа ниже рекомендуемых Минздравом РФ норм. В Республике Карелии при формальном соответствии тем не менее выражены негативные тенденции. В Вологодской области в исследуемый период произошло снижение потребления яйцепродуктов, но его уровень всё ещё превышал рекомендуемую величину.

Потребление рыбы и рыбопродуктов в России и СЗФО остаётся недостаточным, при этом ситуация продолжает осложняться, ни один из субъектов РФ в рамках макрорегиона не показывает позитивных изменений (*табл. 8*). Наи-

Таблица 7. Потребление яиц и яйцепродуктов (шт. на душу населения в год) и показатели их экономической доступности (%) в регионах СЗФО и РФ

Регион	Подушевое потребление			Экономическая доступность		
	2020 г.	2024 г.	2024 г. к 2020 г., %	2020 г.	2024 г.	Изменение 2020–2024 гг., п. п.
РФ	281	293	104	108	113	5
СЗФО	303	309	102	117	119	2
Республика Карелия	283	257	91	109	99	-10
Республика Коми	313	299	96	120	115	-5
Архангельская область	268	261	97	103	100	-3
Вологодская область	316	304	96	122	117	-5
Калининградская область	287	301	105	110	116	5
Ленинградская область	300	315	105	115	121	6
Мурманская область	221	216	98	85	83	-2
Новгородская область	251	259	103	97	100	3
Псковская область	225	211	94	87	81	-5
г. Санкт-Петербург	335	350	104	129	135	6

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

Таблица 8. Потребление рыбы и рыбопродуктов (кг на душу населения в год) и показатели их экономической доступности (%) в регионах СЗФО и РФ

Регион	Подушевое потребление			Экономическая доступность		
	2023 г.*	2024 г.	2024 г. к 2023 г., %	2023 г.	2024 г.	Изменение 2023–2024 гг., п. п.
РФ	27	25	91	96	88	-8
Республика Карелия	22	22	100	80	80	0
Республика Коми	27	25	94	95	89	-6
Архангельская область	25	22	89	89	79	-10
Вологодская область	26	25	97	91	89	-2
Калининградская область	25	24	98	89	87	-2
Ленинградская область	17	16	95	60	57	-3
Мурманская область	27	25	93	96	90	-6
Новгородская область	18	17	96	64	61	-3
Псковская область	20	16	80	71	57	-14
г. Санкт-Петербург	18	18	99	65	64	-1

*Отсутствие более ранних данных в таблице обусловлено изменением учёта: с 2023 года Росстат и профильные ведомства утвердили новые правила расчета потребления рыбопродуктов в живом весе (в весе сырца) с детальной привязкой к регионам.
Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Главный межрегиональный центр. Москва, 2025. 19 с.

меньший уровень потребления фиксируется в Ленинградской и Псковской областях (по 57% от рекомендуемой нормы), в Новгородской (61%) области и в г. Санкт-Петербурге (64%). Вологодская область, характеризуясь недостаточным уровнем потребления рыбопродуктов, тем не менее входит в группу лидеров по этому показателю на уровне макрорегиона.

Потребление овощей в РФ и регионах СЗФО находится на недостаточном уровне, отставая на 24–38% от рекомендуемых норм (*табл. 9*). Минимальный уровень экономической доступности овощей фиксируется в г. Санкт-Петербурге и Архангельской области. В Вологодской области ситуация соответствует средним по РФ значениям.

Фрукты и ягоды продолжают оставаться наименее доступным видом пищевых продуктов для жителей России (*табл. 10*). Северные регионы – республики Карелия и Коми – демонстрируют самые низкие показатели потребления свежих фруктов и ягод, составляющие чуть более половины рекомендуемой нормы (51 и 56% соответственно). Вологодская область, несмотря на фиксируемую недостаточность потребления свежих фруктов и ягод, всё же имеет лучшие в СЗФО показатели.

С позиций реализации Доктрины продовольственной безопасности оценки достижения установленных ориентиров, в первую очередь уровня самообеспечения различными видами сельскохозяйственной продукции, возможны на уровне страны в целом[6]. Данные за 2024 год позволяют оценить ситуацию в стране как противоречивую. По таким позициям, как зерно, мясо и мясопродукты, фиксируется превышение плановых показателей, представленных в паспортах федеральных проектов «Развитие отраслей и техническая модернизация агропромышленного комплекса» и «Развитие отраслей овощеводства и картофелеводства»[7], и ориентиров, принятых в Доктрине (*табл. 11*). Уровень самообеспечения овощами и бахчевыми

Таблица 9. Потребление овощей и бахчевых культур (кг на душу населения в год) и показатели их экономической доступности (%) в регионах СЗФО и РФ

Регион	Подушевое потребление			Экономическая доступность		
	2020 г.	2024 г.	2024 г. к 2020 г., %	2020 г.	2024 г.	Изменение 2020–2024 гг., п. п.
РФ	106	106	100	76	76	0
СЗФО	95	94	99	68	67	-1
Республика Карелия	103	94	91	74	67	-6
Республика Коми	102	92	90	73	66	-7
Архангельская область	93	87	94	66	62	-4
Вологодская область	107	106	99	76	76	-1
Калининградская область	105	92	88	75	66	-9
Ленинградская область	103	106	103	74	76	2
Мурманская область	116	106	91	83	76	-7
Новгородская область	114	106	93	81	76	-6
Псковская область	98	92	94	70	66	-4
г. Санкт-Петербург	83	87	105	59	62	3

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

[6] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (в ред. от 10.03.2025) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: https://clck.su/xNLPr (дата обращения: 05.05.2026).

[7] Отчет об исполнении публичной декларации приоритетных целей и задач Министерства сельского хозяйства Российской Федерации // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/9ec/kui3rblng9g7ov1n9iza8mmwgtggw5xj.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

Таблица 10. Потребление фруктов и ягод (кг на душу населения в год) и показатели их экономической доступности (%) в регионах СЗФО и РФ

Регион	Подушевое потребление			Экономическая доступность		
	2020 г.	2024 г.	2024 г. к 2020 г., %	2020 г.	2024 г.	Изменение 2020–2024 гг., п. п.
РФ	61	65	107	61	65	4
СЗФО	61	64	105	61	64	3
Республика Карелия	52	51	98	52	51	-1
Республика Коми	56	56	100	56	56	0
Архангельская область	70	65	93	70	65	-5
Вологодская область	79	80	101	79	80	1
Калининградская область	66	72	109	66	72	6
Ленинградская область	55	60	109	55	60	5
Мурманская область	68	67	99	68	67	-1
Новгородская область	60	61	102	60	61	1
Псковская область	61	63	103	61	63	2
г. Санкт-Петербург	58	63	109	58	63	5

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

Таблица 11. Уровень самообеспечения РФ сельскохозяйственной продукцией относительно плановых ориентиров Доктрины продовольственной безопасности (по итогам 2025 года), %

Продукция	Фактический показатель в 2024 г.	Плановый показатель на 2025 г.	Ориентир в Доктрине
Зерно	152	95	95
Картофель	92	92	95
Овощи и бахчевые	89	89	90
Фрукты и ягоды	43	44	60
Мясо и мясо продукты	102	85	85
Молоко и молокопродукты	85	85	90
Рыба и рыбопродукты (в живом весе – весе сырца)	125	85	85

Составлено по: Отчёт об исполнении публичной декларации приоритетных целей и задач Министерства сельского хозяйства Российской Федерации // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/9ec/kui3rblng9g7ov1n9iza8mmwgtggw5xj.pdf (дата обращения: 17.08.2026); Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (в ред. от 10.03.2025) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: https://clck.su/xNLPr (дата обращения: 05.05.2026).

приближается к плановым параметрам. Негативная ситуация фиксируется по категориям «молочные продукты и молоко» (разрыв между фактическими и плановыми значениями), «фрукты и ягоды» (уровень самообеспечения на 17% уступает ориентиру, установленному в Доктрине).

Сравнение уровня самообеспечения региона с пороговыми значениями Доктрины продовольственной безопасности РФ нецелесообразно, так как эти ориентиры разработаны исключительно в масштабах всей страны, поэтому они приводятся здесь в качестве контекстуальных характеристик. Цели Доктрины реализуются на уровне субъектов в рамках региональных стратегий, госпрограмм развития сельского хозяйства и межрегиональной кооперации.

Таблица 12. Индексы потребительских цен на продовольственные товары в Вологодской области и динамика реальных денежных доходов населения региона, % к предыдущему году

Категория пищевых продуктов	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Итог
Продовольственные товары	106,4	110,4	111,7	108,3	109,3	155,4
Мясопродукты	102,7	115,4	108,0	111,7	103,1	147,4
Рыбопродукты	105,6	110,8	112,5	107,3	114,6	162,0
Молоко и молочная продукция	105,1	110,7	124,1	101,1	110,8	161,9
Яйца	118,1	114,0	90,7	166,0	91,9	186,2
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки	107,7	106,9	112,6	104,9	114,0	155,1
Картофель	143,9	156,3	69,1	67,1	134,0	139,9
Овощи	120,1	113,3	100,0	139,8	112,6	214,3
Фрукты и цитрусовые	112,5	100,5	107,1	130,0	113,5	178,6
Реальные денежные доходы населения Вологодской области, % к соответствующему периоду прошлого года	99,9	99,4	100,5	107,4	111,1	119,1
Источник: данные ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31074						

Важным фактором доступности пищевых продуктов выступает уровень цен. В течение анализируемого периода отмечался рост уровня цен на все важнейшие категории продуктов питания, который в совокупности составил 155%. При этом уровень реальных доходов населения региона за тот же годы вырос лишь на 19%, что свидетельствует о снижении ценовой доступности продуктов питания для граждан. Особенно сильно рост цен коснулся овощей и фруктов, потребление которых, как было показано выше, находится на уровне ниже рекомендуемых норм (*табл. 12*).

Повышение уровня цен, по темпам опережающее рост доходов населения, вынуждает людей сокращать объёмы покупок либо урезать другие статьи расходов, чтобы «вписать» подорожавшие продукты в семейный бюджет.

Анализ в профиле «уровень самообеспечения региона – доступность пищевых продуктов для населения»

Ценную информацию для анализа ситуации в сквозном транстерриториальном контексте может предоставить сопоставление показателей самообеспечения субъектов РФ пищевыми продуктами и их экономической доступности для граждан в рамках единого поля оценок.

Достаточными для обеспечения внутреннего спроса объёмами производства и одновременно высоким уровнем потребления в целом по стране характеризуются мясо и мясопродукты, а также зерновые культуры. Такие категории, как фрукты и ягоды, молоко и молочные продукты, картофель, овощи и бахчевые, напротив, производятся в масштабах, не покрывающих потребности внутреннего рынка, при этом уровень их потребления отстаёт от рекомендуемых норм (*табл. 13*). Производство яиц в стране, пусть и с минимальным разрывом, не обеспечивает параметров полного самообеспечения населения, однако уровень потребления достигает показателей выше границы рекомендуемой нормы. Рыба и рыбопродукты, несмотря на высокий уровень самообеспечения региона ими, потребляются гражданами страны недостаточно.

В Вологодской области, как и в России, наиболее сложная ситуация складывается с фруктами и ягодами, а также овощными культурами: низкий уровень их производства сопутствует недостаточному потреблению. Вместе с тем производство картофеля и яиц в регионе, и в этом существенное отличие от общефедеральной картины, осуществляется в масштабах, покрывающих и превышающих внутренние потребности. Потребление этих продуктов также является достаточным, даже выходит за рамки рекомендуемых норм (*табл. 14*).

Развитое молочное производство обеспечивает наполнение регионального рынка и масштабный вывоз продукции за пределы области, но уровень потребления отстаёт от рекомендуемых значений. Особую категорию составляют хлебные и мясные продукты, которые при относительно низком уровне самообеспечения региона тем не менее широко употребляются в пищу.

Таблица 13. Матрица «уровень самообеспечения региона продуктами питания – уровень экономической доступности продуктов для населения» в РФ, 2024 год

		Уровень самообеспечения страны продуктами питания, %	
		Ниже 100%	100% и выше
Экономическая доступность продуктов питания, %	Ниже 100%	Фрукты и ягоды (43–65)* Молоко и молочные продукты (85–79) Картофель (92–93) Овощи и бахчевые (89–76)	Рыба и рыбопродукты (125–88)
	100% и выше	Яйца и яйцепродукты (97–113)	Мясо и мясопродукты (102–111) Зерно / хлебопродукты (152–116)

*Значения показателей приведены в следующем порядке: (уровень самообеспечения страны продуктами питания, % – экономическая доступность продуктов питания, %).

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

Вместе с тем анализ ситуации в сравнительном межрегиональном контексте показывает относительность обобщённых оценок и выводов. Так, уровень потребления фруктов и ягод в Вологодской области, если опираться на нормы Минздрава РФ, оценивается как недостаточный (экономическая доступность составляет 80%), но на общероссийском фоне ситуация уже не кажется такой острой. Более того, параметры экономической доступности фруктов и ягод в Вологодской области устойчиво превышают показатели не только регионов со схожими климатическими условиями, но и ряда южных субъектов РФ (например, по сравнению с Ростовской областью показатель в Вологодской области выше на 10 п. п.).

Таблица 14. Матрица «уровень самообеспечения региона продуктами питания – уровень экономической доступности продуктов для населения» в Вологодской области, 2024 год

		Уровень самообеспечения региона продуктами питания, %	
		Ниже 100%	100% и выше
Экономическая доступность продуктов питания, %	Ниже 100%	Фрукты и ягоды (11–80)* Овощи и бахчевые (39–76)	Молоко и молочные продукты (187–86)
	100% и выше	Мясо и мясопродукты (32–116) Зерно / хлебопродукты (71–109)	Картофель (115–107) Яйца и яйцепродукты (135–117)

*Значения показателей приведены в следующем порядке: (уровень самообеспечения региона продуктами питания, % – экономическая доступность продуктов питания, %). Показатели по уровню самообеспечения региона рыбой и рыбопродуктами в официальных публикациях отсутствуют.

Составлено по: Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области. 2024: стат. сб. / Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2025. 19 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изменениями на 30 декабря 2022 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/420374878

Обсуждение

Интерпретация приведённых показателей состояния и динамики потребления пищевых продуктов затруднительна, даже если в качестве отправной точки для анализа принять постулат об абсолютности продовольственной независимости страны и регионов и, следовательно, непреложности ориентиров, формализованных в программных документах, прежде всего в Доктрине продовольственной безопасности. Две проблемы, которые этому сопутствуют, требуют пояснений. Во-первых, это условность методологической, даже идеологической основы продовольственной независимости. В этом случае научный объективный подход требует критического осмысления самой категории продовольственной безопасности и сопутствующих ей понятий, каким является самообеспечение страны и регионов. Вторая проблема – инструментальная, она носит скорее количественный, чем качественный характер. Она касается того, каких пределов может и должна достигать продовольственная независимость, могут ли быть подвижными устанавливаемые для неё границы?

В случае качественного понимания и осмысления продовольственной независимости единственно верным решением будет признание некоего баланса между независимостью страны и регионов и включенностью их в торговые взаимоотношения и мировые рынки (Велибекова, 2023). Действительно, продовольственная независимость может обернуться такими негативными последствиями, как снижение конкурентоспособности и качества продуктов, рост цен, сокращение ассортимента и нарушение свободы выбора потребителя. Ограничение импорта для России может быть особенно болезненным в силу объективных ограничений для сельскохозяйственной деятельности, не позволяющих выращивать достаточное количество витаминосодержащих культур, их ограниченного потребления и вытекающих из этого нарушений здоровья населения. На уровне субъектов РФ эти проблемы также сохраняют актуальность в силу широких природно-климатических различий.

Потенциал и перспективы развития АПК Вологодской области в контексте решения задач продовольственной безопасности не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, сельскохозяйственные угодья в Северо-Западном федеральном округе характеризуются в целом низким биоклиматическим потенциалом – в пересчёте на гектар он в 1,5–2 раза ниже, чем в средней полосе России (Козлов, Дороговцев, 2000). Вологодская область расположена в зоне умеренно-континентального климата, который формируется в условиях малого количества солнечной радиации зимой, под воздействием северных морей и интенсивного западного переноса, приводящего к частым перепадам погоды. Следовательно, низкий уровень производства овощей и особенно фруктов в регионе связан с объективными неблагоприятными условиями. С другой стороны, о чём, помимо прочего, свидетельствует отсутствие Вологодской области в перечне субъектов РФ, территории которых относятся к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции (29 субъектов РФ), регион рассматривается как перспективный с позиций развития АПК. Впрочем, включение субъектов РФ в упомянутый перечень осуществляется как основание для предоставления им государственной поддержки в развитии отрасли и, следовательно, достижения базовой обеспеченности продовольствием и продовольственной безопасности[8]. На теоретическом уровне этот пример следует рассматривать как контраргумент в адрес приверженцев концепции географического детерминизма: в современных условиях даже в тех регионах, где в силу природно-климатических особенностей сельское хозяйство не может быть высокоэффективным, применение современных технологий позволяет не только производить важнейшие пищевые продукты, но и участвовать в рыночной конкуренции.

Априори следовало бы ожидать, что статус неблагоприятной для ведения сельского хозяйства территории свидетельствует о её несостоятельности как экономического субъекта на рынке продовольствия. На самом деле речь мо-

[8] Перечень субъектов Российской Федерации, территории которых относятся к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной территориям. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 104-р. URL: http://government.ru/docs/26255/

жет идти лишь о характере и степени проявления сравнительных преимуществ регионов. Так, Волгоградская и Брянская области, которые признаются неблагоприятными для ведения сельского хозяйства территориями, не только производят достаточное для удовлетворения внутреннего спроса количество продукции, но и обладают высоким экспортным потенциалом (в 2024 году они вошли в 1-ю группу субъектов РФ по уровню экспортного потенциала согласно оценкам Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России «АГРОЭКСПОРТ»)[9]. В целом же высокий уровень производства и самообеспечения в значительной степени коррелирует с экспортным потенциалом регионов РФ: чем больше объём производимой продукции, тем легче обеспечить внутренние потребности населения в продовольствии, сформировать запасы и реализовывать продукцию на экспорт. Вологодская область, согласно этим оценкам, характеризуется высоким экспортным потенциалом АПК. Между тем не все виды продуктов питания могут быть произведены на территории региона. Априори мы можем исключить из ряда перспективных в этом отношении продуктов такие, как морская рыба, экзотические фрукты и овощи, некоторые растительные масла и пр. Эти продукты должны ввозиться из других регионов и даже стран. Однако и с обеспечением внутреннего спроса на более привычные для Вологодской области продукты питания ситуация непростая. В то время как валовые показатели производства молочных продуктов, зерна, муки и круп, картофеля, растительных масел демонстрируют рост (он отмечается и в оценке подушевых показателей производства по указанным группам), такие позиции, как мясопродукты, яйцепродукты, овощные культуры, фрукты и ягоды, характеризуются снижением объёмов производства в регионе. Показатели самообеспечения особенно низки по категории «фрукты и ягоды», но уровень их потребления в регионе, оставаясь ниже рекомендуемой нормы, довольно высок в сравнительном межрегиональном отношении и превосходит показатели ряда южных регионов, например Ростовской области, что свидетельствует о достаточных масштабах поставок этих продуктов в регион и относительно широкой их доступности для населения. Потребление овощей и бахчевых культур отличается тем, что при несоответствии его объёмов показателям рекомендуемых норм Вологодская область по данному критерию не выделяется на фоне других регионов СЗФО. Что касается продуктов животного происхождения, то в Вологодской области сложился достаточный уровень потребления яиц и яйцепродуктов, мяса и мясопродуктов и недостаточный – молока и молочных продуктов. Вместе с тем структурный анализ совокупного объёма пищевых продуктов на основе оценки их доли в общем объёме потребления не показывает принципиальных искажений и перекосов, свидетельствуя об умеренных отклонениях от удельных весов в нормативной потребительской структуре.

Отдельного обсуждения требует присутствие в характере и стиле потребления населения социокультурных факторов, в самом широком понимании объединяющих влияние обычаев и традиций, а также глобализации и моды, диктующих новые современные стереотипы пищевого поведения. Не исключено, что при установлении рекомендуемых норм или при интерпретации сложившихся параметров потребления стоит сохранять пространство для свободы выбора и самостоятельного решения граждан.

Заключение

Анализ критериев производства основных пищевых продуктов и их потребления позволил выявить сильные и слабые стороны Вологодской области с позиций возможностей достижения целей продовольственной независимости территории. Производство мяса и мясопродуктов, а также зерна находится в регионе ниже планки самообеспечения, однако уровень потребления обеих категорий продуктов достаточен и даже превышает планку нормы потребления. Это обеспечивается поступлением товаров из других регионов, поскольку в целом по стране достигается высокий уровень производства мяса и зерна. Масштабное про-

[9] Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития экспортного потенциала АПК. 2024 год. URL: https://aemcx.ru/services-and-statistics/regions-rating/

изводство молока и яиц обеспечивает высокий уровень самообеспеченности региона яйцами и молочными продуктами, являющимися важнейшими источниками животного белка. Развитое картофелеводство позволяет наполнить внутренний рынок картофелем, который широко употребляется в пищу жителями региона, но он не может служить заменой диетически ценных овощных культур. Наибольшие риски для региона сопряжены с производством таких важных категорий пищевых продуктов, как овощи и фрукты. Неблагоприятные природно-климатические условия не позволяют добиться высокой урожайности и естественного созревания фруктов на территории региона, что делает область зависимой от внешних поставок. Уровень потребления овощей жителями области, отставая от рекомендуемых норм, является характерным для макрорегиона в целом, а потребление фруктов и ягод превосходит не только показатели субъектов РФ в рамках СЗФО, но и средние по РФ и даже показатели ряда южных регионов страны. При этом низкая самообеспеченность по ряду позиций пищевых продуктов успешно компенсируется межрегиональной торговлей в рамках принципа сравнительных преимуществ. В конечном счёте уровень самообеспечения регионов продуктами питания следует рассматривать как важный императив для развития, но не как объективный и строгий фактор уровня и характера потребления.

Показатели экономической доступности пищевых продуктов чрезвычайно важны в анализе продовольственной безопасности территории, однако они не позволяют достоверно оценить, в какой мере отклонение уровня потребления от рекомендуемых норм обусловлено снижением покупательной способности, а в какой – трансформациями вкусовых предпочтений потребителей. Анализ динамики цен на пищевые продукты позволил установить, что в течение анализируемого периода темпы роста уровня денежных доходов населения региона отставали от роста цен на важнейшие продукты питания. Таким образом, достаточный уровень самообеспеченности региона продуктами сам по себе не гарантирует их доступности для населения, а обеспечение доступности пищевых продуктов для граждан выступает не менее важным условием для обеспечения продовольственной безопасности страны и региона, чем развитие АПК, инвестиционная активность в отрасли и государственная поддержка сельскохозяйственных производителей.

Литература

Алтухов А.И. (2019). Парадигма продовольственной безопасности России: монография. Фонд «Кадровый резерв». 685 с.

Айзинова И.М. (2014). Потребление продуктов питания в регионах России // Проблемы прогнозирования. № 6 (147). С. 44–59.

Айзинова И.М. (2015). Проблемы продовольственной безопасности в сфере потребления: региональный аспект // Проблемы прогнозирования. № 6 (153). С. 124–135.

Анищенко А.Н. (2013). Оценка продовольственной безопасности региона // Проблемы развития территории. № 4 (66). С. 30–39.

Бабич Н.С., Батыков И.В. (2022). Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.10

Бирман И. (1983). Экономика недостач. Chalidze Publications New York. 471 с.

Велибекова Л.А. (2023). Обеспечение населения России отечественной плодово-ягодной продукцией // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. № 1 (4). С. 157–171. DOI: 10.26897/0021-342X-2023-4-157-171

Жилина Е. В. (2023). Кластеризация регионов России по потреблению основных продуктов питания // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). № 2 (59). С. 9–15. DOI: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-9-15

Козлов В.Ф., Дороговцев А.П. (2000). Проблемы продовольственного обеспечения Европейского Севера. Часть I. Методологические основы и проблемы продовольственного обеспечения регионов. ВоГТУ. 169 с.

Косьмин А.Д., Кузнецов В.В. (2023). Об измерении динамической системы продовольственной безопасности на региональном уровне // Право и управление. № 4. С. 15–27. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-4-15-27

Кравченко С.А. (2015). Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. № 1. С. 85–94.

Куликов И.М., Минаков И.А. (2023). Продовольственная безопасность в сфере потребления овощей и плодов бахчевых культур // Экономика сельского хозяйства России. № 10. С. 59–66. DOI: 10.32651/2310-59

Лапин О.Е. (2012). Потребление продуктов питания в регионе и его финансовое обеспечение // Проблемы развития территории. № 1 (57). URL: http://pdt.vscc.ac.ru/article/919/full?_lang=ru

Лескова И.В., Ершова Е.В., Никитина Е.А. [и др.] (2019). Ожирение в России: современный взгляд под углом социальных проблем // Ожирение и метаболизм. Т. 16. № 1. С. 20–26. DOI: 10.14341/omet9988

Мамяченков В.Н., Куликова Е.С., Львова М.И. (2021). Уровень потребления продуктов питания населением Свердловской области (по данным бюджетных обследований в 1986–1990 годы) // Научный диалог. № 10. С. 412—424. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-412-424

Назаренко В.И. (2007). Продовольственная безопасность // АВУ. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennaya-bezopasnost (дата обращения: 06.05.2026).

Панкова С.В., Цыпин А.П., Попов В.В. (2019). Развитие аналитического инструментария управления государственной политикой в сфере продовольственной безопасности // Управленец. № 2. С. 49–61. DOI: 110.29141/2218-5003- 2019-10-2-6

Решетникова Е.Г. (2017). Институциональные аспекты формирования сферы потребления продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 1. С. 4.

Рогачева О.А. (2022). Динамика потребления основных продуктов питания в Иркутской области // System Analysis and Mathematical Modeling. Т. 4. № 2. С. 152–160. DOI: 10.17150/2713-1734.2022.4(2).152-160

Семкин А.Г., Воронин Е.А. (2023). Продовольственная безопасность как фактор стратегического пространственного развития отдельных специализированных высокотехнологических зон (территорий) в России // Экономика сельского хозяйства России. № 2. С. 2–10. DOI: 10.32651/232-2

Семкин А.Г., Задворнева Е.П. (2022). Пространственное развитие и управление стратегией социально-экономического роста отдельных макрорегионов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 9 (91). С. 60–71. DOI: 10.33938/229-60

Сергиенко А.М. (2023). Потребление продуктов питания населением Алтайского края на разных этапах экономического развития // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 90–100. DOI: 10.14258/epb202310

Серков А.Ф., Виноградова В.Ф., Чекалин В.С., Масленников А.В. (2009). Обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях экономического кризиса // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 12. С. 9.

Телюк М.С. (2014). Доходы населения в соотношении с производством и потреблением региона // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. № 3-4 (10). С. 19–23.

Терновая Л.О. (2021). Культура потребления в ракурсе истории потребительской кооперации // Культура Мира. Т. 9. № S4. С. 24–36.

Ткаченко О.В. (2012). Потребительское поведение в современной России: проблема выбора в условиях риска: монография. Волгоград: Волгоградское научное изд-во. 184 с.

Arnould E.J., Thompson C.J. (2005). Consumer culture theory (CCT): Twenty years of research. *Journal of Consumer Research,* 31(4), 868–882. DOI: 10.1086/426626

Borlizzi A., Delgrossi M.E., Cafiero C. (2017). National food security assessment through the analysis of food consumption data from Household Consumption and Expenditure Surveys: The case of Brazil's Pesquisa de Orçamento Familiares 2008/09. *Food Policy,* 72, 20–26. DOI: 10.1016/j.foodpol.2017.08.009

Zezzaa A., Carlettoa C., Fiedlerc J.L., Gennarib P., Dean J. (2017). Food counts. Measuring food consumption and expenditures in household consumption and expenditure surveys (HCES). Introduction to the special issue. *Food Policy*, 72, 1–6.

Сведения об авторе

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

Problems of Food Consumption by the Region's Population in the Context of Ensuring Food Security

Abstract. This study addresses the need to analyze the adequacy of basic food consumption among the population amid growing inequality in access to safe and nutritious food and threats to national and regional food security. The study aims to analyze the key quantitative and qualitative parameters of basic food consumption in the Vologda Region under current political and socioeconomic conditions, particularly in the context of implementing the Food Security Doctrine. The work relies on Rosstat data reflecting the consumption volumes of major food types over the analyzed period. The paper demonstrates that while the traditional concept of food security does not include the level of self-sufficiency as an essential attribute, most countries implicitly treat food independence as a foundational element of their food security policy. This conceptual refinement of the category constitutes the study's primary scientific contribution. We conclude that the state of food security in the Vologda Region – particularly regarding food self-sufficiency – is mixed. While the region demonstrates progress in the production of milk and dairy products, eggs, and potatoes, production volumes of meat and meat products, vegetables, and especially fruits and berries remain insufficient to meet even domestic demand. At the same time, the article argues that insufficient food self-sufficiency does not strictly limit the economic accessibility of food for the population. The practical significance of the findings lies in identifying key shifts in the consumption structure of Russian residents, highlighting regional characteristics and differences. These insights offer practical value for improving regional policy in several areas, including food security and public health protection.

Key words: consumption, food products, food security, rational consumption norms, food self-sufficiency, Vologda Region.

Information about the Author

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Статья поступила 30.06.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.7
УДК 332.1, ББК 65.9(2Рос)
© Лукин Е.В., Сидоров М.А.

Трансформация цепочек создания стоимости в черной металлургии Вологодской области: межотраслевой подход



Евгений Владимирович
ЛУКИН
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016



Максим Андреевич
СИДОРОВ
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ma.sidorov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

Аннотация. В статье анализируются структурные трансформации металлургического комплекса Вологодской области в контексте задач Стратегии развития металлургической промышленности России на период до 2030 года. Теоретико-методологической основой исследования выступает синтез теории цепочек создания стоимости, методологии межотраслевого баланса и концепции «ловушки промежуточного переработчика» как особого типа региональной специализации. На основе расчетных региональных таблиц «затраты – выпуск» за 2011–2021 гг., построенных методом CHARM, проанализировано место региона в металлургической цепочке создания стоимости Северо-Запада, исследованы динамика производственного потребления отраслей металлургического комплекса, сдвиги в структуре использования металлопродукции (распределение между промежуточным потреблением, конечным использованием, накоплением, экспортом и

Для цитирования: Лукин Е.В., Сидоров М.А. (2026). Трансформация цепочек создания стоимости в черной металлургии Вологодской области: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 141–162. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.7

For citation: Lukin E.V., Sidorov M.A. (2026). Transformation of value chains in ferrous metallurgy of the Vologda Region: An input-output approach. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 141–162. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.7

межрегиональным вывозом), а также мультипликативные эффекты (прямые, косвенные и индуцированные). Дополнительно проведена проверка устойчивости выявленных тенденций на данных 2022–2025 гг. Результаты исследования показывают, что Вологодская область устойчиво закрепилась в роли «промежуточного переработчика»: подавляющая часть выпускаемой металлопродукции направляется за пределы региона для последующих стадий обработки, а доля готовых металлических изделий в общем выпуске отраслей цепочки создания стоимости остается крайне незначительной. При этом фиксируются позитивные сдвиги в эффективности производства: увеличилась доля валовой добавленной стоимости в выпуске, снизилась общая материалоемкость. Одновременно усилились негативные тенденции. Внутри региона в структуре потребления металлопродукции резко уменьшился удельный вес строительства и машиностроения – ключевых потребителей конечной продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате полный мультипликатор выпуска снизился, причем преимущественно за счет ослабления косвенных эффектов, отражающих связи с местными поставщиками промежуточной продукции. Сложившаяся конфигурация полностью соответствует модели «ловушки промежуточного переработчика» и противоречит целевым ориентирам Стратегии-2030, которые предполагают увеличение внутреннего потребления металлопродукции, повышение уровня переработки и стимулирование кооперации с металлопотребляющими отраслями. В заключительной части статьи обоснованы ключевые направления региональной экономической политики, направленные на углубление переработки, развитие кооперации с машиностроительным комплексом, стимулирование внутреннего спроса и создание благоприятных институциональных условий для формирования промышленных кластеров. Предложенные меры могут способствовать переходу Вологодской области к модели интегратора сложных внутрироссийских цепочек создания стоимости.

Ключевые слова: черная металлургия, цепочки создания стоимости, межотраслевой баланс, структурные изменения, Вологодская область, региональная экономика, экономическая политика.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01067, https://rscf.ru/project/24-18-01067/.

Введение

Металлургия является одной из системообразующих отраслей российской экономики, обеспечивая до 5% ВВП страны, около 17% добавленной стоимости обрабатывающей промышленности и 10% совокупного экспорта[1]. Вклад отрасли в социально-экономическое развитие особенно значим для регионов, где металлургические предприятия выступают градообразующими ядрами. К числу таких регионов относится Вологодская область, в которой черная металлургия формирует более трети валового выпуска продукции и во многом определяет параметры занятости, бюджетных доходов и инвестиционной динамики (Лукин, 2021).

В конце 2022 года Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия развития металлургической промышленности до 2030 года (далее – Стратегия-2030), которая в условиях беспрецедентного санкционного давления и разрыва традиционных логистических и сбытовых цепочек определила новые цели развития отрасли: увеличение потребления отечественной металлопродукции на внутреннем рынке, повышение уровня переработки металла и развитие производства продукции высоких переделов, бесперебойное обеспечение металлургических предприятий критически важным сырьем и оборудованием.

[1] Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2022 г. № 4260-р.).

Ключевым ориентиром Стратегии-2030 выступает наращивание внутреннего спроса – целевой объем потребления готового проката черных металлов к 2030 году определен в 58 млн тонн, что на 42% выше уровня 2021 года. Достижение этого показателя невозможно без структурной перестройки межотраслевых связей и углубления кооперации между металлургическими и металлопотребляющими секторами экономики: строительством, машиностроением, топливно-энергетическим комплексом.

Вологодская область, где расположен один из крупнейших в стране металлургических комбинатов, занимает позицию «промежуточного переработчика» в металлургической цепочке создания стоимости (ЦСС) Северо-Запада России: значительная часть выпускаемой металлопродукции направляется за пределы региона (в том числе в значительной степени за рубеж) для последующих стадий обработки, тогда как доля готовых металлических изделий в общем выпуске отрасли остается крайне низкой. Такая конфигурация цепочки создает предпосылки для консервации модели, противоречащей задачам Стратегии-2030 по повышению уровня переработки металла внутри России.

В связи с этим цель исследования – оценка структурных трансформаций металлургии Вологодской области за период 2011–2021 гг.[2], выявление степени ее интеграции в систему межотраслевых связей российской экономики и определение перспективных направлений развития в контексте реализации Стратегии-2030. Для достижения цели решаются следующие задачи:

– охарактеризовать место Вологодской области в архитектуре металлургической ЦСС Северо-Запада России;

– оценить изменение отраслевой структуры производственного потребления металлургии региона;

– исследовать сдвиги в структуре использования металлопродукции (промежуточное потребление, конечное потребление домохозяйствами и органами власти, накопление, межрегиональный вывоз, экспорт);

– проанализировать динамику производственных мультипликаторов (с выделением прямых, косвенных и индуцированных эффектов);

– оценить влияние изменений условий хозяйствования после 2022 года на структуру использования металлопродукции и мультипликативные эффекты отраслей металлургической ЦСС региона;

– сформулировать выводы для экономической политики, направленные на реализацию положений Стратегии-2030 на региональном уровне.

Теоретико-методологические основы исследования

В основе настоящей работы лежат три взаимосвязанные концептуальные линии: теория ЦСС, методология межотраслевого баланса и концепция «ловушки промежуточного переработчика» как особого типа региональной специализации. Кроме того, исследование опирается на положения Стратегии-2030, которая определяет целевые ориентиры отраслевой трансформации в условиях современных вызовов.

Концепция ЦСС получила широкое распространение в экономической литературе начиная с работ М. Портера (Porter, 1985), который рассматривал цепочку создания стоимости как совокупность видов деятельности, добавляющих ценность продукту – от разработки и производства до маркетинга и послепродажного обслуживания. В дальнейшем теория была развита применительно к международному разделению труда (Gereffi et al., 2005), что позволило анализировать, как географически распределенные стадии производства формируют

[2] Выбор периода 2011–2021 гг. обусловлен, с одной стороны, доступностью сопоставимых статистических данных (симметричные таблицы «затраты – выпуск» по экономике России, публикуемые Росстатом), с другой – необходимостью зафиксировать «базовую точку» для оценки структурных трансформаций металлургической ЦСС. Этот период предшествует кардинальной смене внешнеэкономических условий с 2022 года (санкционные ограничения, разрыв традиционных логистических и сбытовых цепочек), поэтому полученные оценки характеризуют структурные диспропорции, сформировавшиеся до начала нового этапа. Для проверки устойчивости выводов в изменившихся условиях дополнительно оценивается влияние изменений условий хозяйствования после 2022 года на структуру использования металлопродукции и мультипликативные эффекты отраслей металлургической ЦСС региона.

глобальную архитектуру создания и присвоения стоимости. В последние годы акцент сместился в сторону анализа устойчивости цепей поставок к внешним шокам, включая геополитические кризисы и санкционные ограничения (Петров, Печенская-Полищук, 2025).

Для количественной оценки степени и характера интеграции региональной металлургии в ЦСС применяется методология «затраты – выпуск» – признанный стандарт для анализа межотраслевых взаимосвязей и мультипликативных эффектов в экономике (Miller, Blair, 2009). Данный подход позволяет:

– декомпозировать валовой выпуск отрасли на структуру промежуточных затрат (показывая зависимость от поставщиков) и структуру использования продукции (выявляя основных потребителей);

– оценивать распределение созданной отраслью добавленной стоимости, что важно для понимания, какая часть доходов аккумулируется в самой отрасли (например, в виде прибыли), а какая распределяется в смежные сектора (через оплату труда);

– рассчитывать производственные мультипликаторы, которые количественно измеряют, как увеличение выпуска в одной отрасли стимулирует производство во всей экономической системе через сеть межотраслевых поставок (Ксенофонтов и др., 2018; Пономарев, Евдокимов, 2020); выделять типы мультипликативных эффектов: прямой (непосредственный прирост выпуска в исходной отрасли), косвенный (прирост в отраслях-поставщиках промежуточной продукции) и индуцированный (прирост, обусловленный дополнительными доходами экономических агентов и последующими расходами на конечное потребление и накопление). Такая детализация позволяет оценить реальный вклад отрасли в региональную экономику и понять, за счет каких каналов он реализуется или не реализуется.

Развитие этой методологии применительно к региональному и межрегиональному уровням (Гранберг и др., 2008; Широв, 2018; Oosterhaven, Polenske, 2009; Oosterhaven, Hewings, 2014; Zhang et al., 2015; Faturay et al., 2017; Mi et al., 2018; Cadarso, Monsalve, Arce, 2018) создает основу для построения адаптированных моделей даже в условиях отсутствия официальных региональных таблиц «затраты – выпуск». В России накоплен значительный опыт подобных исследований для различных субъектов (Серебряков и др., 2002; Егоров, Егорова, 2009; Величко, Власюк, 2012; Дондоков и др., 2014; Коган, 2015; Пискунов, 2021; Белоусова, Исаев, 2023; Никитин и др., 2024), что подтверждает релевантность выбранного инструментария.

Сопоставление позиции региона в ЦСС с его социально-экономическими результатами (Лукин, 2019) позволяет ввести понятие «ловушка промежуточного переработчика» – ситуация, при которой регион, обладая высокими душевыми валовыми доходами благодаря капиталоемкому производству, демонстрирует существенно более скромные показатели доходов населения, инвестиционной активности. Эта «ловушка» формируется под действием трех основных механизмов:

– низкая мультипликативность системообразующих отраслей для региональной экономики; наукоемкие и высокодоходные звенья ЦСС (НИОКР, инжиниринг, маркетинг, финансовые услуги) локализованы за пределами региона;

– концентрация добавленной стоимости в форме прибыли организаций, а не в форме оплаты труда наемных работников; соответственно, значительная часть доходов не трансформируется в потребительский спрос внутри региона, а выводится в виде дивидендов и инвестиционных вложений в объекты за пределами региона базирования;

– экспортная зависимость – доходы региона критически зависят от глобальных цен на экспортируемую продукцию, что делает его уязвимым к внешним шокам и торговым ограничениям.

Преодоление такой «ловушки» требует целенаправленной структурной политики, связанной с развитием производственных сетей внутри региона и укреплением кооперации с регионами – «конечными потребителями». Эта задача находится в числе приоритетов государственной экономической политики.

Важнейшим документом, задающим ориентиры трансформации отрасли, является Стратегия-2030. Достижение ее целей невозможно без

структурной перестройки межотраслевых связей на региональном уровне. В частности, Стратегия-2030 прямо указывает на необходимость стимулирования кооперации предприятий оборонно-промышленного комплекса, машиностроения и металлургии, а также на расширение применения стали в строительстве (включая обязательное использование стального каркаса при возведении объектов жилья и социальной инфраструктуры). Эти положения создают нормативную основу для репозиционирования регионов-металлургов в более высокие звенья национальных ЦСС.

Таким образом, синтез теории цепочек создания стоимости, аппарата межотраслевого анализа, концепции «ловушки промежуточного переработчика» и нормативных ориентиров Стратегии-2030 создает достаточную основу для количественной оценки структурных трансформаций ЦСС регионов. Вместе с тем их комплексное применение к анализу региональных металлургических ЦСС остается ограниченным: для Вологодской области, занимающей позицию «промежуточного переработчика», до настоящего времени не проводилось исследование, которое на основе расчетных таблиц «затраты – выпуск» оценивало бы динамику производственного потребления, структуру использования металлопродукции и мультипликативные эффекты в контексте целевых ориентиров Стратегии-2030. Это формирует пробел в научном знании и определяет проблему исследования: сложившаяся конфигурация металлургической ЦСС региона может вступать в противоречие с задачами Стратегии-2030 по углублению переработки и развитию внутреннего рынка, однако количественная оценка этого противоречия до сих пор не была выполнена. Таким образом, теоретико-методологическая рамка исследования не только позволяет описать структуру металлургической ЦСС Вологодской области, но и – через восполнение указанного пробела – дает возможность перейти от качественных констатаций к количественному анализу структурных сдвигов, выявить диспропорции и сопоставить их с целевыми установками государственной промышленной политики.

Методика исследования

Методика исследования базируется на аппарате межотраслевого баланса, адаптированном для анализа структурных сдвигов в экономике региона. Метод выбран в силу его способности объективно отражать воспроизводственные процессы, количественно измерять взаимосвязи между секторами и оценивать мультипликативные эффекты различных типов. Работа выполнялась в три ключевых этапа: формирование информационной базы и построение региональных таблиц «затраты – выпуск»; расчет системы аналитических показателей; анализ структурных сдвигов в отраслях металлургической ЦСС с последующей интерпретацией в контексте Стратегии-2030.

Ввиду отсутствия официальных региональных таблиц «затраты – выпуск», составляемых Росстатом, в рамках анализа использовалась расчетная модель для Вологодской области. Исходными данными послужили симметричные таблицы «затраты – выпуск» по России за 2011, 2016 и 2021 годы, опубликованные Росстатом; данные Росстата по Вологодской области: объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности, показатели валовой добавленной стоимости, данные о конечном потреблении домашних хозяйств и сектора государственного управления, валовом накоплении основного капитала; данные Федеральной таможенной службы об экспортно-импортных потоках Вологодской области.

Построение региональных таблиц «затраты – выпуск» для каждого изучаемого года проводилось на основе метода CHARM, предложенного Т. Кроненбергом (Kronenberg, 2009). Подход CHARM позволяет учитывать встречные товаропотоки – ситуацию, когда регион одновременно и ввозит, и вывозит продукцию одной и той же отрасли. Это особенно важно для металлургии, где регион может экспортировать готовый прокат и одновременно импортировать металлопродукцию из других субъектов страны. Алгоритм построения региональной таблицы «затраты – выпуск» на основе метода CHARM представлен в *таблице 1.*

Таблица 1. Алгоритм построения региональной таблицы «затраты – выпуск» на основе метода CHARM

№	Этап	Содержание этапа
1.	Определение региональных объемов выпуска и использования продукции	На основе данных региональной статистики (в т.ч. СНС) определялись валовой выпуск по каждой отрасли, а также промежуточное и конечное использование продукции каждой отрасли внутри региона.
2.	Оценка неоднородности продукта	В рамках подхода допускается, что неоднородность товара (т. е. степень его дифференциации) одинакова в регионе и в стране в целом. Это позволило на основе общероссийских коэффициентов оценить долю продукции, которая может быть замещена местным производством, и долю, которая объективно требует ввоза из других регионов.
3.	Расчет региональных коэффициентов ввоза	Для каждой отрасли *i* оценивался объем ввозимой продукции, необходимой для удовлетворения регионального спроса, с учетом общероссийской структуры межотраслевых связей; соотношения регионального выпуска и регионального спроса; данных таможенной статистики об импорте продукции; эмпирически оцениваемого параметра неоднородности.
4.	Построение I квадранта (межотраслевые потоки)	На основе рассчитанных коэффициентов ввоза и общероссийской матрицы коэффициентов прямых затрат формировалась региональная матрица промежуточного потребления. При этом предполагалось, что технологические коэффициенты для продукции, производимой внутри региона, соответствуют общероссийским, а импортируемая продукция «замещает» недостающие объемы.
5.	Формирование II квадранта (компоненты конечного использования)	Объемы конечного потребления домохозяйств, государства и некоммерческих организаций, а также валового накопления основного капитала брались из региональной статистики. Их товарная структура определялась на основе структуры конечного спроса в национальной таблице. Экспорт оценивался исходя из разагрегированных данных таможенной статистики, вывоз в другие регионы рассчитывался как балансирующая статья.
6.	Формирование III квадранта (компоненты ВДС)	Структура валовой добавленной стоимости (оплата труда, валовая прибыль, налоги) для каждой отрасли региона принята пропорциональной сложившейся в среднем по России.
7.	Балансировка таблицы	После построения всех квадрантов проводилась финальная балансировка для обеспечения равенства сумм по строкам и столбцам. Для этой цели (в отличие от основного метода построения) на завершающем этапе мог применяться итеративный метод RAS, однако базовое распределение межотраслевых потоков определялось именно методом CHARM, что обеспечило учет встречных товаропотоков – ключевого фактора для корректной оценки межрегиональной кооперации в металлургии.
Источник: составлено авторами на основе (Kronenberg, 2009).		

На основе построенных межотраслевых балансов для каждого периода был рассчитан комплекс взаимосвязанных показателей:

– доля промежуточного потребления и ВДС в валовом выпуске отраслей металлургической ЦСС (отрасли «Металлургическое производство» и «Производство готовых металлических изделий»);

– удельный вес оплаты труда наемных работников и чистой прибыли организаций в ВДС отраслей металлургической ЦСС;

– доля продукции других отраслей в промежуточном потреблении отраслей металлургической ЦСС (анализ по столбцам I квадранта);

– доля продукции отраслей металлургической ЦСС, направляемой на промежуточное потребление других отраслей, конечное потребление, накопление, экспорт и межрегиональный вывоз (анализ по строкам I и II квадрантов);

– мультипликативные эффекты (в расчете на 1 рубль выпуска): прямой эффект – прирост выпуска (добавленной стоимости) в самой отрасли, равный 1 рублю выпуска (или доле ВДС в выпуске); косвенный эффект – прирост выпуска (добавленной стоимости) в отраслях-поставщиках промежуточной продукции для исходной отрасли, рассчитанный на основе матрицы коэффициентов полных затрат $(I\text{-}A)^{-1}$ за вычетом прямого эффекта; индуцированный эффект – прирост выпуска (добавленной стоимости), обусловленный дополнительными доходами населения (оплата труда), организаций (прибыль) и государства (налоги), которые возникают в исходной и смежных отраслях и направляются на конечное потребление и накопление; полный эффект – сумма прямого, косвенного и индуцированного эффектов.

На заключительном этапе осуществлялся сравнительный анализ рассчитанных показателей в динамике за 2011–2021 гг. Это позволило выявить устойчивые тренды в усилении или ослаблении ресурсной специализации региона, в изменении ресурсоемкости и глубины переработки в металлургии, в трансформации каналов использования металлопродукции (сдвиги между промежуточным потреблением, накоплением, экспортом и межрегиональным вывозом), в эволюции мультипликативного потенциала отраслей металлургической ЦСС и его структуры (соотношение прямого, косвенного и индуцированного эффектов).

Полученные количественные оценки структурных сдвигов затем сопоставлялись с целевыми ориентирами Стратегии-2030. Оценивалась динамика внутреннего спроса на продукцию вологодской металлургии (целевой индикатор потребления готового проката), сдвиги в структуре производства готовых металлических изделий (целевой индикатор повышения уровня переработки) и динамика удельного веса машиностроения и строительства в потреблении металлопродукции (задача стимулирования кооперации с этими отраслями). Такое сопоставление позволило не только диагностировать текущие структурные диспропорции металлургической ЦСС, но и определить «разрывы» между сложившейся траекторией развития металлургии Вологодской области и целевыми ориентирами государственной промышленной политики.

Основными ограничениями примененного подхода являются допущение о сходстве усредненных технологических процессов в одноименных отраслях в среднем по стране и в отдельных регионах, а также допущение о равной неоднородности продукции той или иной отрасли в регионе и в среднем по стране. Мы понимаем, что это сглаживает специфику высокоспециализированных региональных производств (Саяпова, 2020; Чепель, Чернявский, 2022), но для выявления макротрендов функционирования ЦСС признаем данный метод адекватным.

Заметим также, что все расчеты ведутся в текущих ценах соответствующих лет без возможности разделения ценового и физического эффектов на уровне межотраслевых потоков (задача будущих исследований). Это не искажает структурные соотношения, но может влиять на интерпретацию динамики материалоемкости ввиду разной динамики цен на потребляемую и выпускаемую продукцию.

Результаты

Архитектура металлургической ЦСС Северо-Западного федерального округа: место Вологодской области

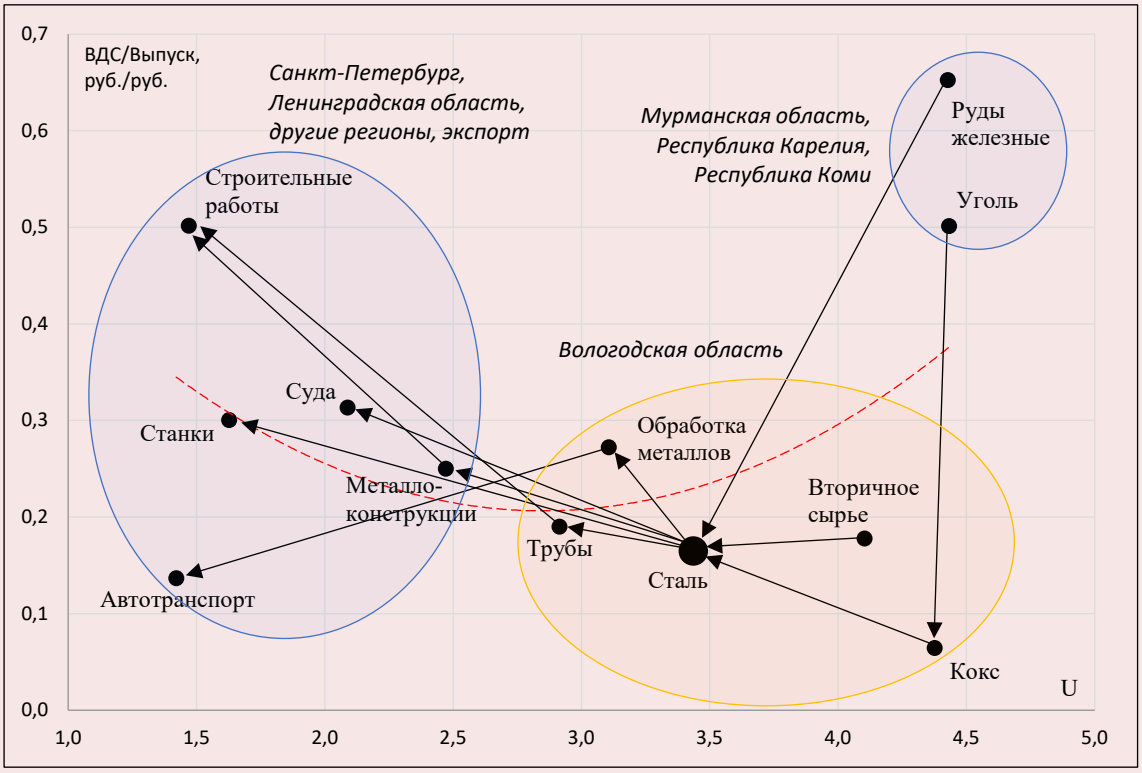
Металлургическая ЦСС Северо-Запада России представляет собой исторически сложившуюся сеть технологически взаимосвязанных, но территориально разобщенных производственных стадий. Добыча железных руд сконцентрирована в Мурманской области (Ковдорский, Оленегорский ГОКи) и Республике Карелии (Костомукшский ГОК), коксующихся и энергетических углей – в Республике Коми (ВоркутаУголь). Производство чугуна и выплавка стали в значительной степени локализованы в Вологодской области (Череповецкий металлургический комбинат). Выпуск готового проката и металлоизделий географически тяготеет к Вологодской области, а также к Ленинградской области и Санкт-Петербургу (например, Ижорский трубный завод). Крупными центрами глубокой переработки металла и изготовления готовых изделий с высокой добавленной стоимостью (судостроение, энергетическое оборудование, тяжелое машиностроение и др.) являются Санкт-Петербург и Ленинградская область. Там же концентрируются ключевые обеспечивающие и сервисные звенья металлургической ЦСС, которые включают логистику (порты Усть-Луга, Приморск, Санкт-Петербург), НИОКР, инжиниринг и финансовые услуги.

Пространственная конфигурация ЦСС носит ярко выраженный линейный характер: основной поток сырья идет из Мурманской области и Республики Карелии в Вологодскую область, а затем – в виде проката и полуфабрикатов – направляется в Санкт-Петербург, Ленинградскую область, другие регионы России и на экспорт для глубокой переработки и конечного использования. При этом распределение добавленной стоимости (как в расчете на единицу затрат, так и по абсолютной величине) вдоль звеньев ЦСС неравномерно: высокие показатели ВДС характерны для начальных и конечных переделов, низкие – для промежуточных.

Количественно эта неравномерность иллюстрируется *рисунком 1*. Так, в производстве продукции «сталь» отношение ВДС к выпуску составляет 0,16 руб./руб., а индикатор U (средневзвешенное число производственных стадий до конечного потребителя) достигает 3,44. Это означает, что на стадии первичного передела создается относительно низкая добавленная стоимость, а продукция удалена от конечного спроса на три технологических передела. Для сравнения: в добыче железной руды отношение ВДС к выпуску равняется 0,65 руб./руб. при U = 4,43, в производстве судов и станков – 0,31 и 0,30 при U = 2,09 и 1,63 соответственно. То есть стадия «сталь» оказывается в наихудшем положении: низкая доля добавленной стоимости сочетается с высокой удаленностью от конечного потребителя.

Вологодская область, таким образом, занимает позицию «промежуточного переработчика»: 3/4 выпускаемой металлопродукции отгружается на следующие стадии обработки за пределами региона, не формируя разветвленных производственно-сбытовых сетей внутри области (подробнее это будет продемонстрировано ниже). По нашим оценкам, отрасли металлургической ЦСС формируют порядка 35% ВРП. Такая конфигурация создает предпосылки для «ловушки промежуточного переработчика»: достаточно высокие подушевые значения ВРП (24-е место среди российских регионов), промышленного производства (14-е место), прибыли организаций (16-е место) и инвестиций (23-е место) сочетаются с более скромными значениями доходов населения (40-е место) и розниц-

Рис. 1. Ключевые звенья ЦСС черной металлургии Северо-Запада России



Примечания. ВДС/Выпуск – отношение валовой добавленной стоимости к выпуску продукции (руб./руб.); U – индикатор, фиксирующий средневзвешенное число производственных стадий, которые продукция проходит после своего производства до достижения конечного потребителя. Чем выше величина U, тем больше доля промежуточной продукции в валовом выпуске, тем сложнее промежуточные связи с технологически связанными отраслями при сбыте продукции. Индикатор U принимает значение 1, когда вся выпускаемая продукция отрасли направляется на конечное потребление. Методика расчета индикатора приведена в (Лукин, 2019).

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблиц «затраты – выпуск» Росстата.

ной торговли (63-е место)[3]. Иными словами, генерируемая в регионе стоимость не в полной мере трансформируется в уровень жизни и локальный потребительский спрос.

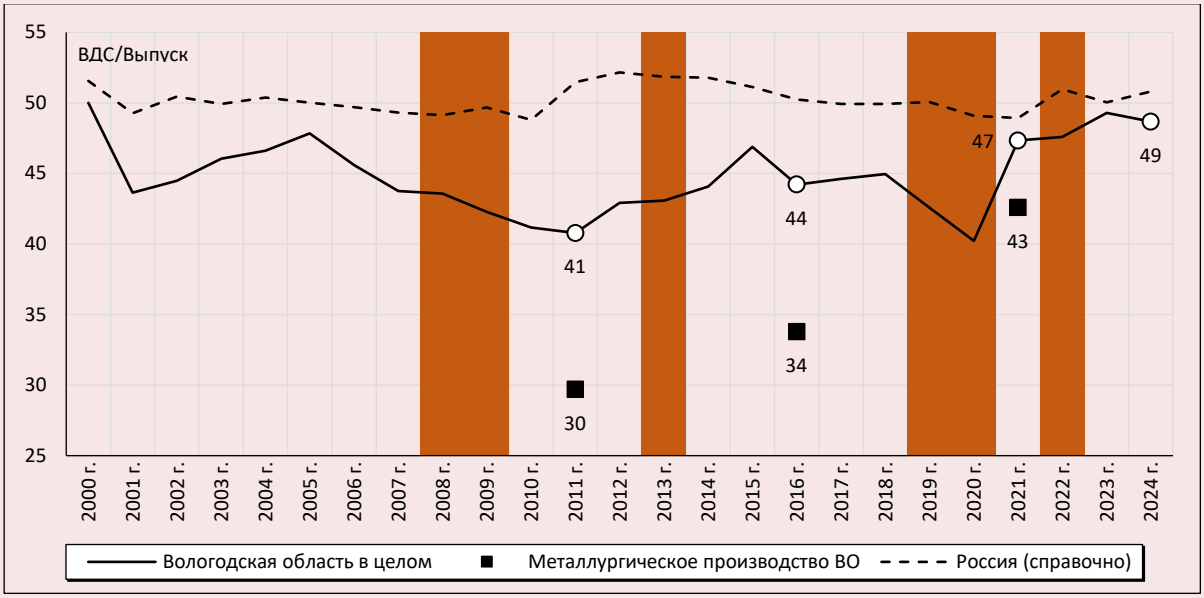
Для выявления причин этой диспропорции необходимо проанализировать, как формируются затраты и добавленная стоимость непосредственно в отраслях металлургической ЦСС, а также как меняется структура их промежуточного потребления.

Производственное потребление отраслей металлургической ЦСС

Особенностью экономики Вологодской области является ее существенная материалоемкость (Лукин, 2025). Удельный вес промежуточного потребления в валовом выпуске региона стабильно высок (в среднем за 2000–2024 гг. он составлял 55%; для сравнения в целом по стране – 50%). Как следствие, исходя из балансовых соотношений, затрудняется наращивание добавленной стоимости за счет большей потребности в сырье и материалах. Улучшению способности к генерации доходов и росту эффективности использования ресурсов, в свою очередь, способствуют обновление основного капитала и освоение новых технологий, позволяющих создавать больший объем продукции с меньшими затратами сырья и материалов; увеличение количества стадий производства конечной продукции (Погосов, Соколовская, 2014).

Расчеты (*рис. 2*) свидетельствуют о движении отраслей металлургической ЦСС (а как итог и экономики региона) в этом направлении: доля ВДС в выпуске в металлургическом производстве за 2011–2021 гг. выросла с 30 до 43% (+13 п. п.), в производстве готовых металлических изделий – с 30 до 40% (+10 п. п.)[4].

Рис. 2. Формирование валовой добавленной стоимости в экономике Вологодской области, % к выпуску



Примечание: цветной заливкой обозначены периоды с отрицательным темпом роста ВРП Вологодской области.
Источник: рассчитано авторами на основе данных СНС Росстата и расчетных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области.

[3] Рейтинги регионов приведены по данным: Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: аналитический бюллетень / под науч. ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой, Е.В. Лукина. № 6. Вологда: ВолНЦ РАН, 2026. 72 с.

[4] Важно отметить, что рост доли ВДС в выпуске был подвержен ценовому фактору – различной динамике цен на потребляемую и выпускаемую продукцию. Так, по данным Росстата, за 2011–2021 гг. накопленный индекс цен грузовых перевозок в России составил 171%, строительных работ – 176%, производства металлорежущих станков – 184%, производства электроэнергии – 155%, в то время как производства плоского горячекатаного проката из стали – 302%.

Анализ динамики удельных затрат различной продукции на рубль выпуска за 2011–2021 гг. позволяет понять, за счет каких статей затрат произошло снижение доли промежуточного потребления и повышение доли ВДС, а также выявить ключевые структурные сдвиги в ресурсном обеспечении отраслей металлургической ЦСС.

1. Снижение общей материалоемкости. За 2011–2021 гг. суммарные удельные затраты на промежуточные товары и услуги сократились в металлургическом производстве с 0,703 до 0,574 руб. на 1 руб. выпуска (на 18%), а в производстве готовых металлических изделий – с 0,702 до 0,598 руб. (на 15%; *табл. 2*). Это означает, что обе отрасли стали более эффективно использовать ресурсы[5] – каждый рубль выпуска требует теперь меньше сырья, материалов и услуг (один из признаков технологического обновления отрасли).

2. Рост внутриотраслевой кооперации. Доля продукции самой металлургии в затратах металлургического производства выросла с 0,200 до 0,233 руб. (+16,5%). Это отражает углубление внутренней переработки: все большая часть произведенного проката используется для выпуска металлических изделий внутри региона, а не направляется напрямую на экспорт или в другие отрасли. Данный тренд косвенно подтверждается снижением доли транспортных услуг (с 0,043 до 0,027 руб.; -37%) – логистика «короткого плеча» дешевле и менее материалоемка.

3. Снижение зависимости от сырьевых и топливных ресурсов. Затраты на полезные ископаемые (железные руды, уголь) в металлургическом производстве сократились с 0,130 до 0,101 руб. (-22%), на кокс и нефтепродукты – с 0,036 до 0,023 руб. (-36%), что может быть следствием повышения эффективности ис-

Таблица 2. Удельные затраты продукции в отраслях металлургической ЦСС Вологодской области, руб. на 1 руб. выпуска (в ценах соответствующих лет)

Продукты	Металлургическое производство				Производство готовых металлических изделий			
	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2021 к 2011 г., %	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2021 к 2011 г., %
Промежуточные товары	**0,536**	**0,503**	**0,454**	**85**	**0,501**	**0,522**	**0,447**	**89**
Продукция металлургии и металлообработки	0,200	0,195	0,233	116	0,334	0,376	0,317	95
Полезные ископаемые (железные руды, уголь и др.)	0,130	0,109	0,101	78	0,011	0,005	0,003	29
Электроэнергия, газ и вода	0,073	0,072	0,066	91	0,032	0,026	0,016	50
Продукция машиностроения	0,034	0,034	0,018	52	0,044	0,054	0,070	161
Кокс и нефтепродукты	0,036	0,029	0,023	66	0,010	0,004	0,003	33
Прочие промежуточные товары	0,064	0,063	0,013	20	0,070	0,056	0,037	53
Услуги	**0,167**	**0,159**	**0,120**	**72**	**0,201**	**0,188**	**0,151**	**75**
Услуги оптовой и розничной торговли	0,068	0,058	0,055	82	0,089	0,078	0,075	84
Услуги транспортировки и хранения	0,043	0,052	0,027	63	0,034	0,029	0,022	64
Работы строительные	0,011	0,009	0,005	48	0,009	0,005	0,003	35
Услуги финансового посредничества	0,021	0,015	0,008	40	0,024	0,022	0,016	65
Прочие услуги	0,024	0,025	0,024	97	0,045	0,054	0,035	78
Итого промежуточные товары и услуги	**0,703**	**0,662**	**0,574**	**82**	**0,702**	**0,710**	**0,598**	**85**
Справочно								
Валовая добавленная стоимость	0,297	0,338	0,426	143	0,298	0,290	0,402	135
Оплата труда наемных работников	0,088	0,084	0,080	91	0,204	0,206	0,234	114
Чистая прибыль организаций	0,185	0,213	0,312	169	0,048	-0,032	0,121	252
Источник: рассчитано авторами на основе данных расчетных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области.								

[5] Дополнительными объяснениями снижения материалоемкости производства могут быть опережающий рост цен на металлопродукцию по сравнению с физическими объемами затрат, изменение ассортимента выпуска в сторону менее материалоемких видов продукции и др.

пользования сырья (внедрение ресурсосберегающих технологий, утилизация вторичных энергоресурсов). Электроэнергия, газ и вода, напротив, сохранили свою долю на стабильном уровне (около 0,07 руб.), что говорит о нерешенности проблемы энергоемкости производства.

4. Сжатие доли услуг. Общие затраты на услуги в металлургическом производстве уменьшились с 0,167 до 0,120 руб. (-28%), причем наиболее заметно сократились транспортные услуги (с 0,043 до 0,027 руб.; -37%) и оптовая торговля (с 0,068 до 0,055 руб.; -18%). Это отражает, во-первых, оптимизацию логистических цепочек (прямые поставки крупным потребителям и т. п.), во-вторых, возможный перенос части сервисных функций внутрь вертикально-интегрированного холдинга.

5. Рост машиностроительной составляющей. В производстве готовых металлических изделий доля машиностроительной продукции выросла с 0,044 до 0,070 руб. (+59%). Это позитивный сигнал: производители металлоизделий все чаще используют в качестве комплектующих продукцию машиностроения (например, для сборки металлоконструкций, емкостей, оборудования), что потенциально создает спрос на вологодское машиностроение и углубляет межотраслевые связи внутри региона.

6. Перераспределение доходов между трудом и капиталом. В металлургическом производстве доля чистой прибыли в выпуске выросла с 0,185 до 0,312 руб. (+69%), тогда как оплата труда наемных работников снизилась с 0,088 до 0,080 руб. (-9%). То есть рост эффективности и благоприятная ценовая конъюнктура трансформируются в прибыль акционеров, а не в увеличение заработной платы. В производстве готовых металлических изделий оплата труда выросла с 0,204 до 0,234 руб. (+15%), а чистая прибыль – с 0,048 до 0,121 руб. (в 2,5 раза), что может отражать более трудоемкий характер вторичной переработки и ее растущую рентабельность.

Таким образом, металлургическое производство Вологодской области за 2011–2021 гг. существенно повысило эффективность использования ресурсов, снизило материалоемкость и частично углубило внутриотраслевую переработку. Основным бенефициаром этого роста стала прибыль бизнеса, а не оплата труда работников. При этом доля готовых металлических изделий (т. е. продукции более высокого передела) в общем выпуске отраслей металлургической ЦСС остается крайне низкой (порядка 3% от итога), а кооперация с машиностроением – слабой. Для понимания того, почему регион не может «удержать» созданную стоимость, необходимо перейти к анализу структуры использования продукции.

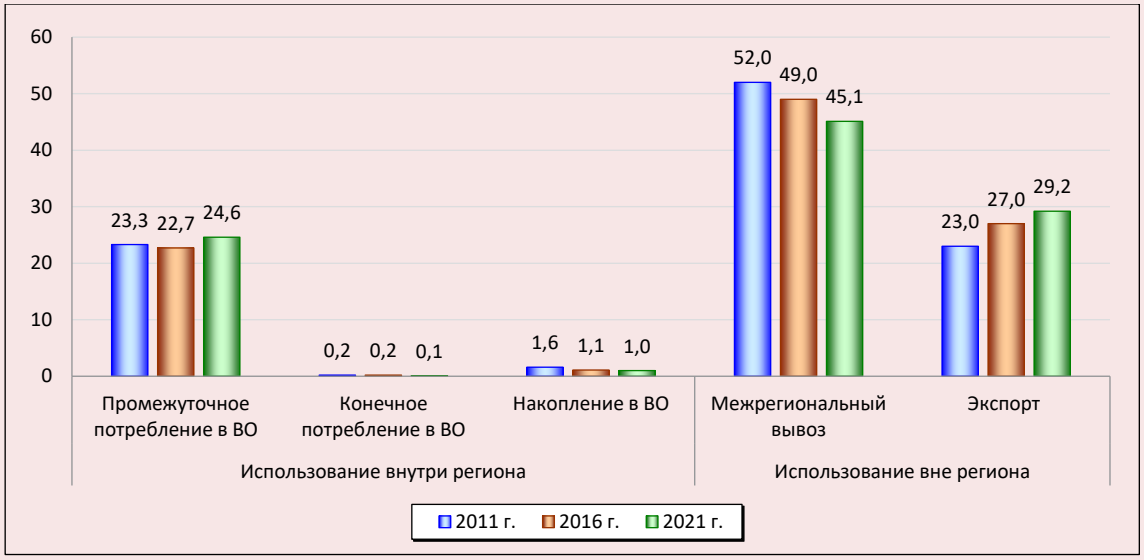
Использование продукции отраслей металлургической ЦСС

В структуре использования продукции отраслей металлургической ЦСС Вологодской области в рассматриваемом периоде произошли следующие сдвиги.

Доля межрегионального вывоза – крупнейшего канала сбыта металлопродукции – устойчиво снижается: с 52% в 2011 году до 45,1% в 2021 году (-6,9 п. п.; *рис. 3*). Экспорт, напротив, растет: с 23 до 29,2% (+6,2 п. п.). На внешние рынки направляется почти 3/4 металлопродукции, причем в основном – в виде полуфабрикатов (прокат, чугун, слябы и т. п.).

Оставшаяся четверть (25,7% в 2021 году) продукции используется внутри региона. При этом доля конечного потребления домохозяйствами и государством на фоне высоких общих объемов использования продукции незначительна (0,1–0,2% от итога) – металлопродукция почти не поступает в розничную продажу или в госзакупки на территории области. Удельный вес накопления (т. е. использования произведенной металлопродукции в реализации инвестиционных проектов на территории области) снизился с 1,6 до 1% – местный металл слабо используется для создания основных фондов в регионе. Доля промежуточного потребления отраслями внутри Вологодской области увеличилась за 2011–2021 гг. с 23,3 до 24,6% от общего объема использования металлопродукции (+1,3 п. п.), т. е. почти четверть продукции закупается местными предприятиями для дальнейшего использования в производственных процессах.

Рис. 3. Структура использования продукции отраслей металлургической ЦСС Вологодской области, % к итогу



Источник: рассчитано авторами на основе данных расчетных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области.

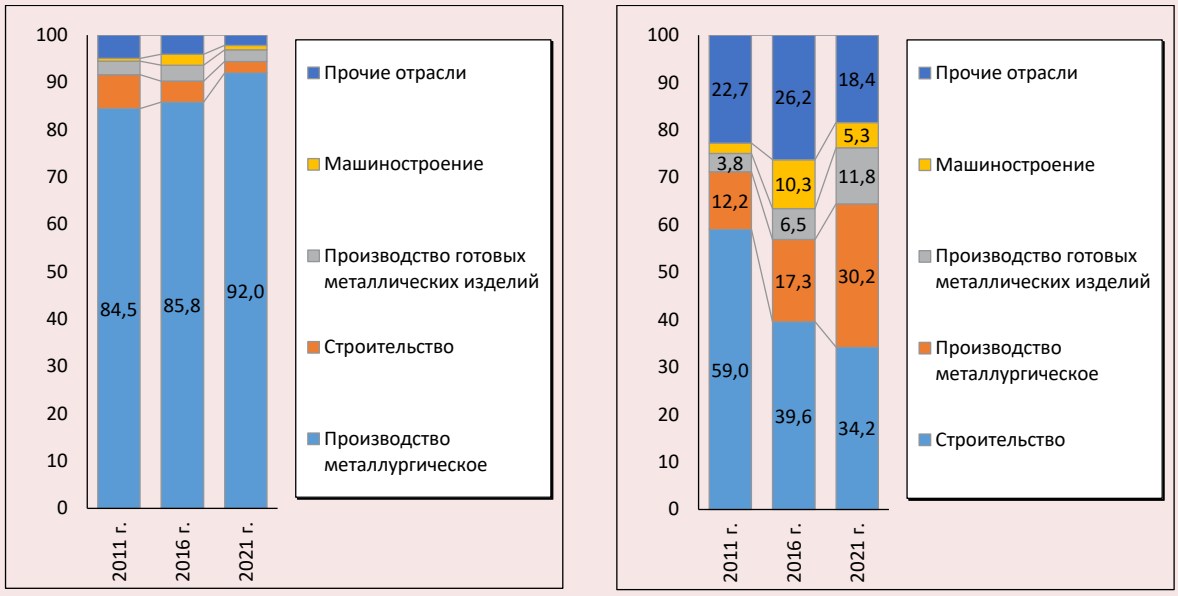
При этом структура поставок металлопродукции внутренним потребителям претерпела значительную трансформацию.

1. Доля продукции металлургического производства, потребляемой самой металлургией (внутриотраслевое использование), выросла с 84,5 до 92% (+7,5 п. п.; *рис. 4А*). Это означает, что практически весь металлопрокат, остающийся в регионе, идет на нужды металлургической ЦСС, прочие потребители внутри области играют все меньшую роль. В частности, резко сократилась доля строительства: с 7,2 до 2,5% (-4,7 п. п.). Строительные организации области практически перестали закупать местный металлопрокат (возможно, переориентировавшись на более дешевый импорт или прокат из других регионов). Машиностроение (0,6–0,9%) фактически не потребляет продукцию вологодской металлургии, также небольшой является доля производства готовых металлоизделий (2,4–2,8%).

2. Схожая ситуация наблюдается и в использовании продукции производства готовых металлических изделий. Крупнейшим ее потребителем остается строительство, но его доля резко упала: с 59% в 2011 году до 34,2% в 2021 году (-24,8 п. п.; *рис. 4Б*). Это может отражать как общий спад инвестиционной активности в регионе (снижение инвестиций в основной капитал на 12,2% в исследуемом периоде), так и, возможно, замещение местных готовых металлоизделий импортными аналогами и продукцией, произведенной в других регионах России. Удельный вес металлургического производства как потребителя данного вида продукции вырос с 12,2 до 30,2% (+18 п. п.) – это важный местный рынок. Металлурги используют готовые металлоизделия для ремонта, оснащения и модернизации оборудования. Также значительно увеличилось внутриотраслевое использование готовых металлических изделий (с 3,8 до 11,8%; +8 п. п.), что может говорить об углублении переработки внутри самой отрасли. Позитивным моментом является рост доли машиностроения с 2,2 до 5,3%; +3,1 п. п.), хотя абсолютная его величина остается низкой.

В целом внутрирегиональное промежуточное использование продукции металлургической ЦСС характеризуется замыканием потоков внутри самой цепочки (металлургия – готовые металлические изделия – металлургия) при одновременном сжатии связей со строительством и машиностроением. Это означает, что выпускаемая металлопродукция

Рис. 4. Структура внутрирегионального промежуточного использования продукции отраслей металлургической ЦСС Вологодской области, % к итогу



А) Производство металлургическое Б) Производство готовых металлических изделий

Пояснение: на рисунках показаны вологодские отрасли-потребители продукции металлургического производства (А) и производства готовых металлических изделий (Б) Вологодской области.
Источник: рассчитано авторами на основе данных расчетных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области.

практически не поступает в отрасли, создающие конечную продукцию с высокой добавленной стоимостью в регионе[6].

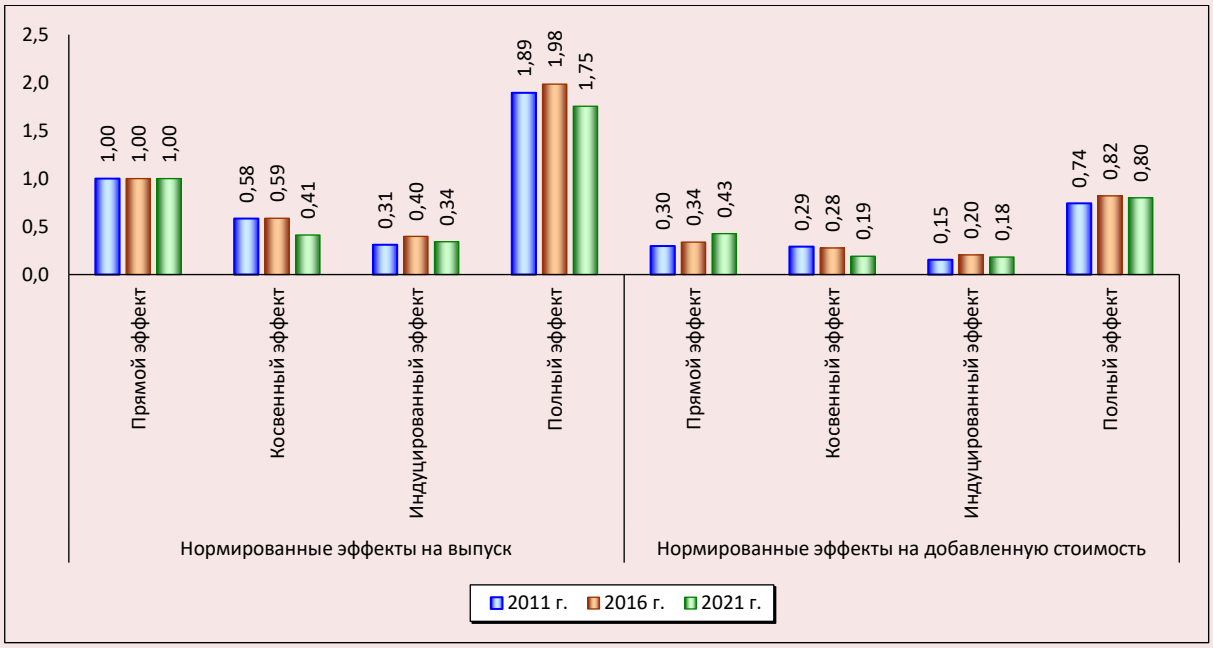
Мультипликативные эффекты отраслей металлургической ЦСС

Трансформация производственной и сбытовой частей металлургической ЦСС Вологодской области изменила мультипликативные эффекты от функционирования рассматриваемых отраслей на экономику региона.

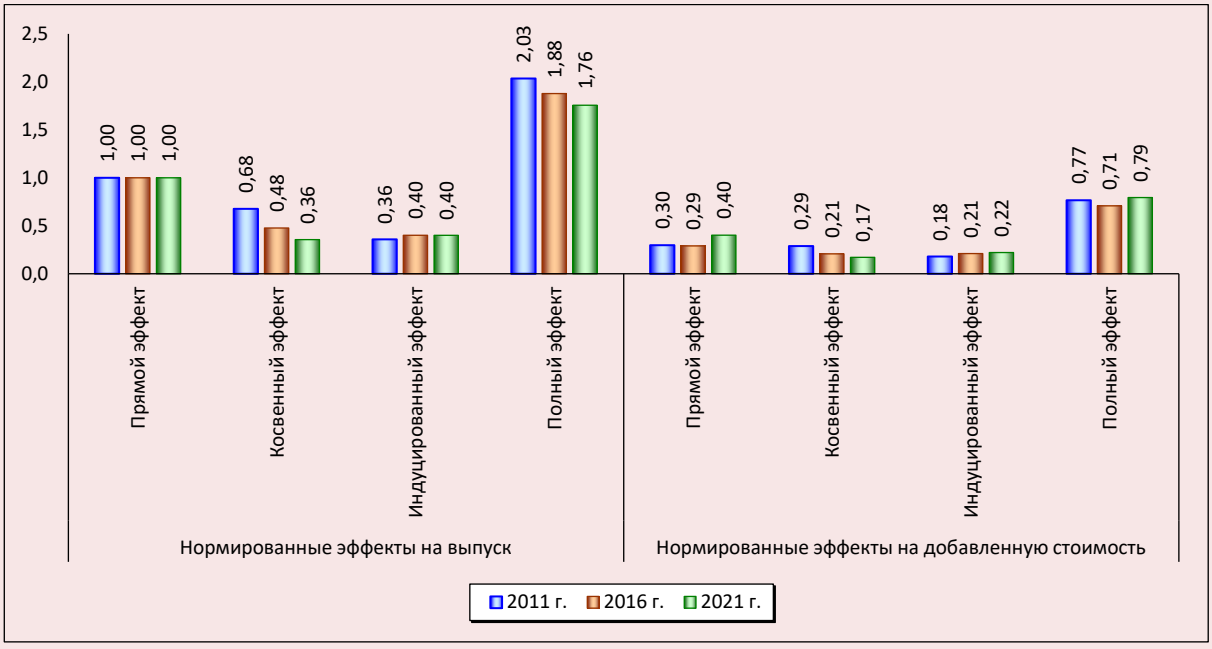
В металлургическом производстве за 2011–2021 гг. произошли следующие изменения (*рис. 5А*). Полный эффект на 1 руб. выпуска снизился с 1,89 до 1,75 руб., т. е. каждый рубль выпуска в металлургии стал стимулировать меньший совокупный выпуск во всей экономике региона. Снижение произошло за счет косвенного эффекта (с 0,58 до 0,41), тогда как индуцированный эффект изменился незначительно (вырос с 0,31 до 0,34). Уменьшение косвенного эффекта говорит об ослаблении связей с местными поставщиками промежуточной продукции – металлурги замещают региональные закупки собственным производством или ввозом из других регионов. Полный эффект на добавленную стоимость, напротив, вырос с 0,74 до 0,80 руб. на 1 руб. выпуска. Рост обеспечен увеличением прямого эффекта на ВДС (с 0,30 до 0,43) вследствие увеличения доли добавленной стоимости в выпуске. Косвенный эффект на ВДС сократился с 0,29 до 0,19, индуцированный – вырос с 0,15 до 0,18.

[6] Результаты наших углубленных интервью с руководителями металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий Вологодской области, проведенных в 2024–2025 гг., фиксируют парадоксальную ситуацию. Как правило, вологодские предприятия закупают металлопродукцию не на Череповецком металлургическом комбинате, а на складах в Москве и Московской области. Это связано с тем, что, по словам респондентов, «Северсталь» либо отказывается отгружать свою продукцию мелкими партиями, которые и нужны местным предприятиям, либо просит за это слишком высокую цену. Покупая металл в других регионах, вологодские предприятия экономят деньги, однако при этом удлиняется транспортное плечо, что влечет за собой появление нерациональных перевозок и повышает риск несвоевременных поставок металла. Подробнее – в готовящейся к выходу в 2026 году статье с участием авторов в журнале «Регион: экономика и социология».

Рис. 5. Производственные мультипликативные эффекты на выпуск и добавленную стоимость отраслей металлургической ЦСС Вологодской области, руб. на 1 руб. выпуска



А) Производство металлургическое



Б) Производство готовых металлических изделий

Примечание: прямой эффект – на первоначальный прирост выпуска в исходной отрасли; косвенный эффект – на прирост выпуска в смежных отраслях, поставляющих промежуточную продукцию (товары и услуги) в исходную отрасль; индуцированный эффект – на прирост расходов вследствие дополнительных доходов (зарплаты, прибыли, налогов), возникших в исходной и смежных отраслях.

Источник: рассчитано авторами на основе данных расчетных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области.

В производстве готовых металлических изделий тенденции были схожими, но с более сильным снижением мультипликатора выпуска (*рис. 5Б*). Полный эффект на 1 руб. выпуска уменьшился с 2,03 до 1,76 руб. (-13%). При этом косвенный эффект сократился с 0,68 до 0,36, индуцированный – вырос с 0,36 до 0,40. Полный эффект на добавленную стоимость на 1 руб. выпуска увеличился незначительно (с 0,77 до 0,79 руб.). Прямой эффект на ВДС повысился с 0,30 до 0,40, косвенный – снизился с 0,29 до 0,17, индуцированный – вырос с 0,18 до 0,22.

В контексте «ловушки промежуточного переработчика» снижение косвенных эффектов (как на выпуск, так и на добавленную стоимость) – ключевой сигнал: металлургическая ЦСС региона становится менее связанной с местной экономикой. Традиционные цепочки поставок либо заменяются внутренним (в рамках ЦСС) производством, либо выносятся за пределы региона. При этом рост прямого эффект на добавленную стоимость отражает повышение эффективности внутри отраслей металлургической ЦСС, но эта эффективность не «делится» с отраслями-смежниками. Увеличение индуцированного эффекта (за счет роста доходов работников и налогов) не компенсирует потерю косвенных связей.

Таким образом, мультипликативный потенциал металлургической ЦСС снижается: несмотря на то, что каждый рубль выпуска стал приносить региону чуть больше добавленной стоимости, он стимулирует все меньший объем производства в других отраслях. Это типичный симптом «ловушки промежуточного переработчика» – отрасли развиваются обособленно, не распространяя эффекты на смежные производства.

Функционирование металлургической ЦСС Вологодской области в 2022–2025 гг.: проверка устойчивости выявленных тенденций

Кардинальное изменение внешнеэкономических условий в 2022 г. – санкционные ограничения, разрыв традиционных логистических и сбытовых цепочек, охлаждение внутреннего спроса – не могло не отразиться на функционировании металлургической ЦСС Вологодской области. Для проверки устойчивости выводов, полученных за 2011–2021 гг., ниже проанализирована динамика ключевых показателей развития металлургии региона и потребления стали в России в 2022–2025 гг. (*табл. 3*).

Таблица 3. Динамика ключевых показателей функционирования металлургической ЦСС Вологодской области в 2021–2025 гг.

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 к 2021 г., %
Доля экспорта в продажах «Северсталь Российская сталь», % к итогу	48	20	9	8	н/д	-40 п. п.
Индекс производства по виду деятельности «Производство металлургическое» Вологодской области, % к предыдущему году	102,0	90,8	105,8	95,8	101,5	93,4
Индекс производства по виду деятельности «Производство готовых металлических изделий» Вологодской области, % к предыдущему году	126,1	93,5	111,9	121,8	96,3	122,7
Удельный вес вида деятельности «Производство готовых металлических изделий» в выпуске отраслей металлургической ЦСС Вологодской области, % к итогу	2,9	3,0	3,1	3,9	3,7	+0,8 п. п.
Потребление стали в России, млн тонн	40,8	43,1	46,3	43,8	38,9	95,3
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Производство металлургическое» Вологодской области (по крупным и средним организациям), млрд руб.	42,0	27,9	23,8	52,8	99,3	В 2,4 р.
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Производство готовых металлических изделий» Вологодской области (по крупным и средним организациям), млрд руб.	0,6	0,5	2,0	2,7	1,3	В 2,1 р.
Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата, корпоративной отчетности ПАО «Северсталь», отраслевых обзоров.						

Данные позволяют зафиксировать несколько принципиальных сдвигов. Произошла вынужденная переориентация с внешних рынков на внутренний: доля экспорта в продажах «Северсталь Российская сталь» сократилась кратно. Формально это соответствует целевому ориентиру Стратегии-2030, однако переориентация была обусловлена закрытием традиционных рынков, а не целенаправленной политикой углубления переработки, и сама по себе не свидетельствует о качественном развитии кооперации с металлопотребляющими отраслями.

Динамика производства в металлургии региона демонстрирует повышенную волатильность и незавершенность восстановления: к 2025 году уровень 2021 года не достигнут, тогда как в целом по России динамика была более стабильной. Это подтверждает тезис о структурной уязвимости региона, его повышенной чувствительности к внешним шокам, что выступает одним из проявлений «ловушки промежуточного переработчика». Ключевой вывод касается структуры выпуска: удельный вес производства готовых металлических изделий в отраслях металлургической ЦСС региона за пять лет вырос незначительно (с 2,9 до 3,7%). Несмотря на некоторый рост доли продукции с высокой добавленной стоимостью, структура выпуска качественно изменилась несильно – регион по-прежнему специализируется на промежуточных переделах. «Ловушка» не только сохраняется, но и воспроизводится в новых условиях.

Дополнительным вызовом стало сжатие внутреннего спроса: после краткосрочного восстановления 2023 года потребление стали в России в 2025 году вновь снизилось. В условиях закрытия экспортных рынков и сжатия внутреннего спроса (обусловленного высокой ключевой ставкой, ограниченной доступностью кредитования в строительстве и машиностроении, а также сдвигом инфраструктурных проектов на более поздние сроки) регион – «промежуточный переработчик» оказывается в наиболее уязвимом положении, не имея доступа к высокодоходным конечным звеньям ЦСС, которые могли бы компенсировать падение спроса на полуфабрикаты.

Наконец, инвестиционная динамика в отраслях металлургической ЦСС области демонстрирует противоречие: инвестиции в металлургическое производство выросли кратно и достигли рекордного уровня, тогда как вложения в производство готовых металлических изделий остаются на порядок меньше. Даже их двукратный рост не меняет пропорции. Инвестиции направлены преимущественно на модернизацию и повышение эффективности промежуточных переделов (строительство комплекса по производству железорудных окатышей, капитальные ремонты доменных печей № 4 и № 5, модернизация стана 2000), а не на изменение позиционирования региона в ЦСС. Рекордные вложения не выводят область из «ловушки», если они не сопровождаются развитием высоких переделов и кооперации с металлопотребляющими отраслями.

Таким образом, данные 2022–2025 гг. не опровергают, а усиливают выводы, полученные за 2011–2021 гг. Переориентация на внутренний рынок произошла вынужденно и не сопровождалась качественным изменением позиционирования региона в ЦСС: доля готовых металлических изделий осталась крайне низкой, мультипликативный потенциал металлургии не восстановился, сжатие внутреннего спроса создало новые вызовы, а рекордный рост инвестиций по сути оказался направлен на укрепление, а не на преодоление модели «промежуточного переработчика».

Следствия для экономической политики

Устранению системных дисбалансов в функционировании отраслей металлургической ЦСС Вологодской области (сочетание высокой доли в ВРП с низкой внутрирегиональной кооперацией, сокращение косвенных мультипликативных эффектов на территории области и др.) будет способствовать движение к модели интегратора сложных внутрироссийских ЦСС при условии синхронизации усилий федерального (стимулирование спроса на металлопродукцию), регионального (создание условий для кооперации предприятий) и корпоративного (инвестиции «Северстали» и других компаний в проекты глубокой переработки металла) уровней. Ниже сформулированы ключевые направления соответствующей экономической поли-

тики на уровне региона, синхронизированные с задачами Стратегии развития металлургической промышленности России до 2030 года.

Первое направление – активизация внутреннего спроса и развитие кооперации с металлопотребляющими отраслями. Стратегия-2030 ставит целью значительное увеличение внутреннего потребления металлопроката. Для Вологодской области это означает необходимость роста доли продукции, остающейся в регионе, и переориентации части экспорта и межрегионального вывоза с полуфабрикатов на готовые металлоизделия (Буданов, Устинов, 2022). Для этого требуется активная работа по включению металлопродукции региональных предприятий в государственные программы строительства жилья, дорог, портов, газопроводов (в частности, проекты «Газпрома», РЖД, «Транснефти», «Росатома» и др.). Целесообразно также проработать вопрос восстановления и наращивания доли строительства в потреблении различных видов металлопроката внутри области.

Важной видится поддержка машиностроения как приоритетного потребителя металлопродукции (Петров, 2026). В частности, полезным представляется развитие программ льготного кредитования для предприятий машиностроения, стимулирование промышленной кооперации по линии «металлургия – металлообработка – машиностроение». Наращивание доли накопления в структуре использования металлопродукции требует реализации политики по стимулированию частных инвестиций. Возможно внедрение налоговых стимулов (инвестиционный вычет по налогу на прибыль, ускоренная амортизация) для приобретения металлоемкого оборудования, станков, строительных конструкций из металла.

Второе направление – модернизация предложения металлопродукции: углубление переработки и диверсификация. Стратегия-2030 предполагает повышение уровня переработки металла и стимулирование производства продукции высоких переделов. Вологодская область, где доля готовых металлических изделий в выпуске отраслей металлургической ЦСС не превышает 3–4%, имеет значительный потенциал для «удлинения» цепочки. Для его реализации необходимо целенаправленное наращивание мощностей глубокой переработки – производства строительных металлоконструкций (ферм, колонн, балок, профнастила), емкостного оборудования (резервуаров, цистерн, контейнеров), массовой продукции для строительства (металлической арматуры, сеток, крепежа), деталей для автомобилестроения (штампованных и сварных компонентов кузовов, рамы) и т. п. Организационной формой объединения хозяйствующих субъектов, обеспечивающей дополнительные преимущества для предприятий (общая логистика, снижение издержек за счет масштаба, доступ к инженерной инфраструктуре, возможность кооперации, федеральное субсидирование через Фонд развития промышленности), может стать промышленный кластер – например, создаваемый на базе промышленной площадки «Шексна», где уже есть мощности «Северстали», либо на новых площадках (особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Вологодская», индустриальный промышленный парк «Ясная Поляна») с привлечением малого и среднего бизнеса.

Потенциал видится также в создании совместных производств с крупными машиностроительным и оборонными корпорациями России и Белоруссии. Например – локализация компонентов для МАЗ, БелАЗ, Гомсельмаш на базе череповецкого литья и проката[7], удовлетворение потребности российского ОПК в специальных сталях для авиастроения, судостроения, ракетной техники, участие в разработке сварочных технологий для строительных металлоконструкций арктического исполнения, обрабатывающих центров с ЧПУ для выпуска пресс-форм и штампов, аддитивных технологий (3D-печать металлом) для ремонта и производства запчастей[8].

[7] Техника, продовольствие, строительство. Лукашенко назвал направления сотрудничества с Вологодской областью. URL: https://belta.by/president/view/tehnika-prodovolstvie-stroitelstvo-lukashenko-nazval-napravlenija-sotrudnichestva-s-vologodskoj-733639-2025/

[8] Меры господдержки в рамках нацпроекта «Средства производства и автоматизации» представили на «МашЭкспо Сибирь-2026». URL: https://crp.gov.ru/news/mery-gospodderzhki-v-ramkakh-natsproekta-sredstva-proizvodstva-i-avtomatizatsii-predstavili-na-mashe/

Третье направление – создание благоприятных институциональных условий для развития кооперации предприятий. Речь идет о формировании на базе региональных органов власти или институтов развития постоянно действующих кооперационных платформ, которые будут сводить заказчиков (машиностроение, строительство) и поставщиков (металлургия, малые перерабатывающие предприятия).

Наконец, важно учитывать, что имевшая место в 2022 году переориентация на внутренний рынок носила вынужденный характер. В отличие от целенаправленной политики импортозамещения она не сопровождалась структурной перестройкой межотраслевых связей. Это означает, что возвращение доступа к внешним рынкам (при изменении геополитической конъюнктуры) может вновь развернуть потоки металлопродукции за пределы страны, законсервировав модель «промежуточного переработчика». Поэтому меры по углублению переработки и развитию кооперации должны носить не конъюнктурный, а системный характер – ориентированный на долгосрочное изменение структуры региональной экономики, а не только на адаптацию к текущим ограничениям.

Заключение

Проведенное исследование структурных трансформаций металлургического комплекса Вологодской области за 2011–2021 гг., выполненное на основе расчетных региональных таблиц «затраты – выпуск», а также проверка устойчивости полученных выводов на данных за 2022–2025 гг. позволяют сформулировать следующие основные выводы.

Вологодская область устойчиво закреплена в металлургической ЦСС Северо-Запада России в качестве «промежуточного переработчика». Более 70% выпускаемой металлопродукции направляется на последующие стадии обработки за пределы региона (экспорт и межрегиональный вывоз). При этом доля готовых металлических изделий в общем выпуске отраслей металлургической ЦСС составляет не более 3–4%, что свидетельствует о неразвитости высоких переделов.

Производственная подсистема металлургической ЦСС региона демонстрирует позитивные сдвиги в эффективности. За 2011–2021 гг. доля ВДС в выпуске выросла в металлургическом производстве с 30 до 43%, в производстве готовых металлических изделий – с 30 до 40%. Суммарные удельные затраты на промежуточное потребление сократились на 15–18%, причем наиболее заметно снизилась зависимость от сырьевых и топливных ресурсов (полезные ископаемые – на 22%, кокс и нефтепродукты – на 36%).

Одновременно усилились негативные тенденции в использовании продукции и межотраслевой кооперации. Внутри региона резко сократилась доля строительства как потребителя металлопроката (с 7,2 до 2,5% в структуре внутрирегионального промежуточного использования) и готовых металлических изделий (с 59,0 до 34,2%). Доля машиностроения не превышала 1% для проката и 5–6% для металлоизделий. Таким образом, сложилось замыкание внутрирегиональных потоков в пределах самой ЦСС при одновременном ослаблении связей с отраслями – потребителями конечной продукции (строительство, машиностроение).

Мультипликативный потенциал металлургической ЦСС снизился. Полный мультипликатор выпуска для металлургического производства уменьшился с 1,89 до 1,75 руб. на 1 руб. выпуска, для производства готовых металлических изделий – с 2,03 до 1,76 руб. Снижение произошло главным образом за счет косвенного эффекта (связи с местными поставщиками промежуточной продукции), тогда как индуцированный эффект (через доходы населения и бюджета) незначительно вырос, а прямой эффект на добавленную стоимость увеличился благодаря росту доли ВДС в выпуске. Такая динамика – типичный симптом «ловушки промежуточного переработчика»: отрасль становится более эффективной внутренне, но все в меньшей степени распространяет положительные эффекты на смежные сектора.

Выявленные тенденции во многом противоречат задачам Стратегии-2030 по увеличению внутреннего потребления металлопроката, повышению уровня переработки и стимулированию кооперации с металлопотребляющими отраслями. Без целенаправленной структурной политики переход к модели интегратора сложных внутрироссийских ЦСС видится маловероятным.

Отметим, что представленные количественные оценки охватывают период 2011–2021 гг., завершившийся накануне кардинальной смены внешнеэкономических условий. В 2022–2025 гг. под влиянием санкционных ограничений и разрыва традиционных логистических цепочек структура использования металлопродукции Вологодской области претерпела изменения: снизилась доля экспорта при росте внутрироссийских поставок и некотором повышении спроса на продукцию глубокой переработки в рамках импортозамещения. Это создает как риски (сжатие рынков, снижение цен), так и новые возможности для преодоления «ловушки промежуточного переработчика». Как показывают опросы руководителей предприятий (Широкова, Лукин, 2025), качественные выводы о позиционировании региона в ЦСС, слабой кооперации с машиностроением и др. сохраняют силу, однако количественные параметры мультипликативных эффектов и структуры использования продукции требуют уточнения по мере появления актуальных данных за 2022–2025 гг. Представленная работа задает «нулевую точку» для оценки последующих трансформаций.

Научная новизна работы заключается в применении методологии «затраты – выпуск» для построения и анализа расчетного межотраслевого баланса производства и использования продукции по экономике Вологодской области, что позволило количественно оценить глубину структурных сдвигов и специфику интеграции ключевой региональной отрасли в национальные ЦСС – в том числе с выделением прямых, косвенных и индуцированных эффектов. В отличие от предшествующих исследований акцент сделан на сопоставлении выявленных тенденций с целевыми ориентирами Стратегии-2030. Практическая значимость результатов состоит в выявлении узких мест и потенциальных точек роста для региональной металлургии в контексте государственной промышленной политики. Предлагаемый инструментарий может быть использован при разработке региональных программ развития металлургического комплекса, а также при корректировке мер поддержки, направленных на углубление переработки, усиление кооперации с металлопотребляющими отраслями (в первую очередь машиностроительным комплексом) и стимулирование внутреннего спроса в соответствии с задачами, поставленными в Стратегии-2030.

Литература

Белоусова А.В., Исаев А.Г. (2023). Регионализация элементов национальных таблиц «затраты – выпуск»: сравнительная апробация подходов (на примере Хабаровского края) // Регионалистика. № 1. С. 21–33.

Буданов И.А., Устинов В.С. (2022). Реализация производственного потенциала российской металлургии в среднесрочной перспективе // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 128–145. DOI: 10.47711/2076-318-2022-128-145

Величко А.С., Власюк Л.С. (2012). Моделирование и долгосрочное прогнозирование экономики Дальнего Востока России: методология и инструментарий // Вестник ТГЭУ. № 4. С. 58–72.

Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. (2008). Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. № 2. С. 120–150.

Дондоков З.Б.-Д., Дырхеев К.П., Мунаев Л.А., Абзаев П.Б., Ринчино С.В. (2014). Межотраслевой анализ экономики Республики Бурятии на основе таблиц «затраты – выпуск» // Региональная экономика: теория и практика. № 28 (355). С. 55–62.

Егоров Д.Г., Егорова А.В. (2009). Модификация межотраслевого баланса для оценки стратегий развития Мурманской области (применительно к ситуации мирового финансового кризиса) // Региональная экономика: теория и практика. № 27 (120). С. 2–9.

Коган А.Б. (2015). Межотраслевой анализ экономики Новосибирской области // Вестник НГУЭУ. № 1. С. 238–253.

Ксенофонтов М.Ю., Широв А.А., Ползиков Д.А., Янтовский А.А. (2018). Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 3–13.

Лукин Е.В. (2019). Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7

Лукин Е.В. (2021). Черная металлургия Северо-Запада России: тенденции и проблемы развития // ЭКО. № 10. С. 110–132. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-10-110-132

Лукин Е.В. (2025). Структурная перестройка региональной экономики в условиях развития национальных цепочек создания стоимости // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 70–84. DOI: 10.47711/0868-6351-211-70-84

Никитин К.М., Широв А.А., Чаплина Ю.Ю., Ползиков Д.А., Потапенко В.В. (2024). Среднесрочная межотраслевая эконометрическая модель экономики города Москвы // Экономика региона. № 20 (1). С. 1–15. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-1

Петров С.П. (2026). Потенциальный спрос на черные металлы в России в условиях неблагоприятной среды металлопотребления // Проблемы прогнозирования. № 1 (214). С. 95–105. DOI: 10.47711/0868-6351-214-95-105

Петров С.П., Печенская-Полищук М.А. (2025). Адаптация цепей поставок черной металлургии России к геополитическим вызовам: от переориентации потоков к изменению финансовых результатов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 110–131. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.5

Пискунов Е.Ю. (2021). Регионализация национальных таблиц «затраты – выпуск» на примере Республики Бурятия // Экономический вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. № 2 (12). С. 44–57.

Погосов И.А., Соколовская Е.А. (2014). Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века. Москва: Институт экономики РАН. 36 с.

Пономарев Ю.Ю., Евдокимов Д.Ю. (2020). Оценка расширенных мультипликативных социально-экономических эффектов на основе модели межотраслевого баланса // Экономическое развитие России. Т. 27. № 7. С. 30–45.

Саяпова А.Р. (2020). О региональных таблицах «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 1 (178). С. 43–48.

Серебряков Г.Р., Узяков М.Н., Янтовский А.А. (2002). Межотраслевая модель экономики Ивановской области // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 64–74.

Чепель А.А., Чернявский А.В. (2022). Методологические и информационные проблемы оценки региональных мультипликаторов «затраты – выпуск» // Экономический журнал ВШЭ. Т. 26. № 1. С. 37–68. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-1-37-68

Широв А.А. (2018). Использование таблиц «затраты – выпуск» для обоснования решений в области экономической политики // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 12–25.

Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2025). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение адаптации к санкционному давлению // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 106–127. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.7

Cadarso M.A., Monsalve F., Arce G. (2018). Emissions burden shifting in global value chains – winners and losers under multi-regional versus bilateral accounting. *Economic Systems Research,* 30(4), 439–461. DOI: 10.1080/09535314.2018.1431768

Faturay F., Lenzen M., Nugraha K. (2017). A new sub-national multi-region input-output database for Indonesia. *Economic Systems Research,* 29(2), 234–251. DOI: 10.1080/09535314.2017.1304361

Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy,* 12(1), 78–104. DOI: 10.1080/09692290500049805

Kronenberg T. (2009). Construction of regional input-output tables using nonsurvey methods. The role of cross-hauling. *International Regional Science Review,* 32(1), 40–64. DOI: 10.1177/0160017608322555

Mi Z., Meng J., Zheng H. et al. (2018). A multi-regional input-output table mapping China's economic outputs and interdependencies in 2012. *Scientific Data,* 5, 180155. DOI: 10.1038/sdata.2018.155

Miller R.E., Blair P.D. (2009). *Input-Output Analysis: Foundations and Extensions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Oosterhaven J., Hewings G. (2014). Interregional input-output models. In: *Handbook of Regional Science*. Berlin, Heidelberg: Springer. DOI: 10.1007/978-3-642-23430-9_43

Oosterhaven J., Polenske K.R. (2009). Modern regional input-output and impact analyses. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories*.

Porter M. (1998). *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York: Free Press.

Zhang Z., Shi M., Zhao Z. (2015). The Compilation of China's interregional input-output model 2002. *Economic Systems Research,* 27(2), 238–256. DOI: 10.1080/09535314.2015.1040740

Сведения об авторах

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Максим Андреевич Сидоров – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ma.sidorov @mail.ru)

Lukin E.V., Sidorov M.A.

Transformation of Value Chains in Ferrous Metallurgy of the Vologda Region: An Input-Output Approach

Abstract. The article analyzes structural transformations of the metallurgical complex in the Vologda Region in the context of implementing the Strategy for the Development of the Metallurgical Industry of Russia for the period up to 2030. The theoretical and methodological framework of the study is a synthesis of the theory of value chains (VC), input-output methodology, and the concept of the "intermediate processor trap" as a distinct type of regional specialization. Based on estimated regional input-output tables for 2011–2021, constructed using the CHARM method, the study analyzes the region's position within the metallurgical VC of Northwestern Russia, examines the dynamics of intermediate consumption in metallurgical industries, shifts in the structure of metal product use (allocation between intermediate consumption, final use, gross capital formation, exports, and interregional outflows), as well as multiplier effects (direct, indirect, and induced). Additionally, the stability of the identified trends is tested against 2022–2025 data. The results show that the Vologda Region is firmly entrenched in the role of an "intermediate processor": the vast majority of its metal products are shipped outside the region for further processing, while the share of finished metal products in the total output of VC industries remains extremely low. At the same time, positive shifts in production efficiency are observed: the share of gross value added in output has increased, and overall material intensity has declined. Simultaneously, negative trends have intensified. Within the region, the share of construction and machinery manufacturing – key consumers of high-value-added final products – in the structure of metal product consumption has sharply decreased. As a result, the total output multiplier has declined, primarily due to the weakening of indirect effects reflecting linkages with local suppliers of intermediate products. The current configuration fully corresponds to the "intermediate processor trap" model and contradicts the target priorities of the Strategy-2030, which call for increasing domestic consumption of metal products, raising the level of processing, and stimulating cooperation with metal-consuming industries. The final part of the article substantiates key directions of regional economic policy aimed at deepening processing, developing cooperation with the machinery manufacturing complex, stimulating domestic demand, and creating favorable institutional conditions for the formation of industrial clusters. The proposed measures can

facilitate the transition of the Vologda Region toward the model of an integrator of complex domestic value chains.

Key words: ferrous metallurgy, value chains, input-output table, structural changes, Vologda Region, regional economy, economic policy.

Information about the Authors

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of the Center for Structural Research and Territorial Development Forecasting, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Maksim A. Sidorov – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Статья поступила 11.12.2025.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.8
УДК 330.44 + 332.143, ББК 65.050.2
© Душенин А.И., Ибрагимов Н.М., Ершов Ю.С., Суслов В.И.

Структурный анализ региональной экономики на основе гибридной методологии регионализации таблиц «затраты – выпуск» (на примере Новосибирской области)



Александр Игоревич ДУШЕНИН
Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: a.dushenin@g.nsu.ru
ORCID: 0009-0009-7988-6636



Наимджон Мулабоевич ИБРАГИМОВ
Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru
ORCID: 0000-0001-8540-5039



Юрий Семенович ЕРШОВ
Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: eryus@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3526-3727

Для цитирования: Душенин А.И., Ибрагимов Н.М., Ершов Ю.С., Суслов В.И. (2026). Структурный анализ региональной экономики на основе гибридной методологии регионализации таблиц «затраты – выпуск» (на примере Новосибирской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 163–181. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.8

For citation: Dushenin A.I., Ibragimov N.M., Ershov Yu.S., Suslov V.I. (2026). Structural analysis of the regional economy based on a hybrid methodology for regionalizing input-output tables (a case study of the Novosibirsk Region). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 163–181. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.8



Виктор Иванович СУСЛОВ
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: suslov@ieie.nsc.ru
ORCID: 0000-0001-7972-9811

Аннотация. Одним из ключевых направлений научно-исследовательской деятельности в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук является разработка межотраслевых моделей для регионов и систем регионов. Преимущества таких моделей заключаются в возможности выявления структурных особенностей регионов, а также в анализе межрегиональной торговли. Однако их построение сталкивается с определёнными трудностями, в частности с отсутствием региональных таблиц «затраты – выпуск» в российской статистике. Это обусловливает необходимость проведения процедуры регионализации – распределения показателей общероссийских таблиц межотраслевого баланса пропорционально имеющимся в российской статистике региональным данным. В статье представлены методология и результаты построения таблицы «затраты – выпуск» для Новосибирской области на 2021 год в разрезе 58 отраслей. В качестве исходной базы использована симметричная таблица «затраты – выпуск» Российской Федерации за 2021 год, опубликованная Росстатом в конце 2024 года и охватывающая 113 видов деятельности. Для пространственной развёрстки использовались данные об объёме производства в натуральном выражении, объёме отгруженной продукции, объёме платных услуг населению, структуре добавленной стоимости, налогах на доходы физических лиц, оборотах оптовой и розничной торговли, а также объёмах экспорта и импорта. Результаты регионализации показывают, что наибольшее положительное сальдо вывоза-ввоза в Новосибирской области характерно для производства пищевой продукции, прочей неметаллической минеральной продукции и чёрной металлургии, тогда как наиболее значительное отрицательное сальдо наблюдается в производстве нефтепродуктов и автотранспортных средств. Кроме того, при сравнении расчётных и статистических значений ВДС наблюдаются значительные расхождения для финансовой деятельности, что связано с особенностями расчёта ВРП.

Ключевые слова: региональная экономика, межотраслевой баланс, таблицы «затраты – выпуск», регионализация, межрегиональные и многорегиональные межотраслевые модели, проблема информационного наполнения.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 26-18-00065).

Введение

Экономика РФ представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой каждый регион обладает уникальными экономическими структурами, отличающимися от общероссийских показателей. Это разнообразие обусловлено множеством факторов, включая наличие природных ресурсов, уровень развития инфраструктуры, социально-экономические условия и специфику местного производства. Например, регионы с богатыми запасами полезных ископаемых могут иметь более развитые отрасли добычи и переработки, в то время как другие субъекты могут быть сосредоточены на сельском хозяйстве или высоких технологиях.

В связи с вышеизложенным для более глубокого понимания экономических процессов на региональном уровне представляется необходимым разрабатывать региональные межотраслевые балансы, которые не только позволяют учитывать внутренние экономические взаимодействия в рамках региона, но и способствуют анализу межрегиональных связей. Такой анализ является важным для формирования эффективной экономической политики, т. к. он помогает выявить сильные и слабые стороны региональной экономики, а также определить направления для ее развития. Межотраслевой баланс выступает инструментом обоснования региональной политики: он позволяет оценивать последствия структурных сдвигов, инвестиционных решений и изменений внешнеэкономической конъюнктуры на выпуск, добавленную стоимость и занятость в регионе.

К сожалению, в российской статистике на данный момент отсутствуют разработанные региональные балансы, что создает определенные трудности для исследователей и практиков. В условиях нехватки официальных данных возникает необходимость применения методов регионализации – процесса распределения общероссийских таблиц «затраты – выпуск» по регионам на основе имеющихся косвенных статистических показателей. Эти методы позволяют адаптировать общие данные к специфике каждого региона, что делает их более актуальными и полезными для анализа.

Стоит отметить, что в отечественной практике имеется опыт составления региональных таблиц, однако их разработка проводилась в условиях другой экономической системы и на основе методологии баланса народного хозяйства (БНХ). Так, для 1959, 1966, 1972, 1977, 1982 и 1987 годов были построены таблицы «затраты – выпуск» для всесоюзных республик СССР[1]. Однако после перехода к системе национальных счетов (СНС) оценивание региональных таблиц статистическими органами было прекращено.

Одной из ключевых проблем регионализации является выбор косвенных показателей, способных описать территориальное распределение производства в разных отраслях. Натуральные объемы производства, отгрузка, занятость, добавленная стоимость и налоговые поступления отражают разные стороны экономической деятельности, поэтому использование единственного показателя для всех отраслей не позволяет в равной мере учесть их особенности. Вместе с тем оценка отраслевых выпусков не заменяет восстановления структуры промежуточного потребления и учета торговых связей. Для построения региональной таблицы необходимо согласовать эти задачи в рамках единой расчетной процедуры.

Однако в отечественной и зарубежной литературе отсутствует систематическое сравнение отраслево-дифференцированных наборов индикаторов применительно к условиям российской статистики: большинство работ либо использует единый универсальный индикатор (занятость, отгруженную продукцию), либо применяет коэффициенты локализации без проверки их пригодности для отдельных отраслей. Таким образом, исследовательский пробел состоит в отсутствии апробированной процедуры выбора косвенных индикаторов с учётом отраслевой специфики и в оценке того, в какой мере такое сочетание повышает точность регионализации по сравнению с универсальным подходом.

Цель исследования – построить расчетную симметричную таблицу «затраты – выпуск» Новосибирской области за 2021 год с использованием отраслево-дифференцированного набора региональных показателей. В качестве информационной базы используются данные Росстата, налоговой статистики (ФНС)[2] и таможенной статистики субъектов РФ (ФТС)[3].

[1] Модели, анализ и прогнозирование пространственной экономики (2022): монография / отв. ред. В.И. Суслов, науч. ред. Ю.С. Ершов; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН.

[2] Отчёт по форме № 5-ПМ «Сведения о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц» за 2024 год // Федеральная налоговая служба (ФНС России). 2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 15.05.2025).

[3] Таможенная статистика внешней торговли субъектов РФ: данные формы № 6-ТС за 2024 год // Федеральная таможенная служба (ФТС России). 2024. URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 15.05.2025).

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1) обосновать выбор косвенных индикаторов для пространственной развёрстки выпусков, конечного потребления и накопления по отраслям;

2) восстановить матрицу межотраслевых потоков (I квадрант) и выполнить балансировку таблицы по строкам и столбцам;

3) оценить остаточное сальдо межрегиональной торговли и интерпретировать отраслевую структуру специализации региона;

4) сопоставить расчётные значения ВДС со статистическими и определить границы применимости полученной таблицы.

Гипотеза исследования: сочетание отраслево-дифференцированных косвенных индикаторов обеспечивает более высокую точность регионализации, чем использование единого универсального показателя. Проверка гипотезы проводится качественно – путём сопоставления расчётных и статистических значений ВДС по разделам ОКВЭД.

Вклад исследования состоит в реализации данной процедуры для Новосибирской области на основе национальной таблицы за 2021 год и в формировании региональной таблицы в разрезе 58 отраслей. Особенностью расчета является сочетание различных косвенных показателей в зависимости от содержания экономической деятельности и доступности информации. Полученная таблица рассматривается как расчетная основа для структурного анализа. При этом балансовая согласованность сама по себе не подтверждает точность восстановленных межотраслевых потоков, а расчетное сальдо межрегиональной торговли не позволяет отдельно определить валовые ввоз и вывоз.

Обзор литературы

Процедура регионализации состоит в оценке ключевых показателей межотраслевого баланса для экономики региона. В этот список показателей входят валовой выпуск (ВВ), валовая добавленная стоимость (ВДС), промежуточное потребление (ПП), расходы на конечное потребление домохозяйств (РКП ДХ), расходы на конечное потребление органов государственного управления (РКП ОГУ), расходы на конечное потребление некоммерческих организаций, обслуживающих домохозяйства (РКП НКООДХ), валовое накопление основного капитала (ВНОК), изменение запасов материальных оборотных средств (ИЗМОС), чистое приобретение ценностей (ЧПЦ), экспорт и импорт. Отдельной задачей является восстановление матрицы межотраслевых потоков, образующей первый квадрант таблицы и отражающей использование продукции одних отраслей в производстве других. Кроме того, таблицы «затраты – выпуск» для регионов (в отличие от национальных таблиц) характеризуются наличием межрегиональных вывоза и ввоза.

Межотраслевые балансы для Республики Бурятии разрабатывались для 2011 года (Дондоков и др., 2014) и 2016 года (Пискунов, 2022). В качестве базовых таблиц использовались симметричные таблицы «затраты – выпуск», построенные для национальной экономики в детализированном отраслевом разрезе для соответствующих периодов. Для определения отраслевой структуры производства учитывались данные ЕАЭСД о среднесписочной численности работников Республики Бурятии по дезагрегированным видам экономической деятельности.

Для построения квадранта промежуточного потребления была использована общероссийская структура прямых затрат в разрезе 98 отраслей. При этом было сделано предположение, что структура затрат конкретного вида экономической деятельности на максимально детализированном уровне остается постоянной в различных регионах и соответствует структуре затрат на национальном уровне (Miller, Blair, 2009). Оправданность этой гипотезы напрямую зависит от степени детализации видов экономической деятельности, поскольку межрегиональные различия структур прямых затрат определяются в основном различиями во внутриотраслевой структуре производства. Но в отдельных случаях даже очень большая детализация не гарантирует хорошего приближения к фактической региональной структуре затрат. В качестве примера можно привести электроэнергетику (в отдельных регионах она практически полностью работает на угле, в других велика доля ГЭС и АЭС) или металлургию (она может быть производством полного цикла, требующего и руды, и кокса, или же исключительно передельной).

После определения структур ВВ и ПП была произведена агрегация региональных таблиц в 15 видов экономической деятельности, соответствующих ОКВЭД-2007, при этом остальные показатели МОБ оценивались в агрегированном отраслевом разрезе. Для расчёта региональных значений РКП ДХ использовалась общероссийская структура потребительских расходов. Отраслевая структура ВДС, ВНОК, РКП ОГУ и РКП НКООДХ была взята из официальных публикаций Росстата и его территориальных органов без каких-либо корректировок.

Для оценки результатов внешнеэкономической деятельности задействовались данные Сибирского таможенного управления об экспорте – импорте 83 товаров и услуг Республики Бурятии. При этом было выдвинуто допущение, что таможенная статистика по Бурятии достаточно полна, чтобы отражать отраслевую структуру экспорта – импорта республики.

После определения региональных межотраслевых показателей была проведена балансировка по строкам и столбцам. Балансировка 1-го и 3-го квадрантов осуществлялась путем пропорционального изменения значений промежуточного потребления, что привело к формированию структуры прямых затрат, отличающейся от общероссийской. После этой корректировки было выполнено устранение несоответствий в 1-м и 2-м квадрантах путем определения значений чистого вывоза.

Межотраслевой баланс для Республики Саха (Якутия) разрабатывался в ИЭОПП СО РАН для измерения различного рода мультипликативных эффектов (Панкова, 2023). Общая структура симметричной таблицы «затраты – выпуск» для Республики Саха (Якутия) основывается на регионализации соответствующей таблицы на национальном уровне с учетом заданных итоговых показателей и элементов второго и третьего квадрантов для региона. Данные для итоговых показателей были сформированы на основе информации из региональных статистических сборников. В частности, для определения внутренней структуры первого и второго квадрантов использовались такие показатели, как баланс производства и потребления электроэнергии, баланс затрат труда, структура затрат на производство и реализацию продукции, объем отгруженных товаров собственного производства, а также данные о ввозе и вывозе товаров и результаты выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. Кроме того, для корректировки отдельных элементов таблицы применялись и другие данные, опубликованные Росстатом и его территориальными подразделениями.

После определения итоговых значений по строкам и столбцам была проведена оценка 1-го квадранта региональной таблицы. Для этого использовались общероссийские коэффициенты прямых затрат на 2016 год. Однако следует отметить, что баланс для Якутии оценивался на 2019 год, поэтому для расчета значений промежуточного потребления применялся метод RAS, целью которого было сохранение заданной структуры затрат 2016 года.

Другой подход к регионализации представлен в работе, посвященной построению усечённых межотраслевых таблиц для субъектов РФ (Пономарёв, Евдокимов, 2021). Особенностью данного подхода является то, что для оценки региональных таблиц были использованы коэффициенты локализации, широко исследуемые в зарубежной литературе. В частности, в работе был применен коэффициент локализации Флегга (Flegg, Webber, 2000). Применение и проверка методов этого семейства рассматриваются на данных Южной Кореи (Flegg, Tohmo, 2019), Испании (Azorín et al., 2022), Финляндии (Flegg, Tohmo, 2016), Ирландии (Morrissey, 2016) и других стран. Такие исследования характеризуют опыт апробации методов, но сами по себе не свидетельствуют об их преобладании в официальной статистической практике соответствующих стран.

Для построения усечённых региональных таблиц была задействована общероссийская таблица использования товаров и услуг в основных ценах за 2017 год, а также данные о среднегодовой численности занятых за тот же период. Отраслевые структуры расходов конечного потребления и валового накопления основного капитала были взяты из показателей национального межотраслевого баланса, поскольку на региональном уровне такие данные либо отсутствуют, либо недостаточно детализированы.

Межотраслевой баланс для Хабаровского края построен сотрудниками ИЭИ ДВО РАН (Белоусова, Исаев, 2023). Исследование выполнено на официальных данных Росстата за 2014 год, что обусловлено наличием большего количества массивов информации по сравнению с другими периодами.

Региональные отраслевые выпуски первоначально оценены пропорционально структуре занятости, внутреннее конечное потребление – пропорционально общей численности занятых, а промежуточное потребление – с использованием национальных коэффициентов прямых затрат. Для оценки валовых объемов ввоза и вывоза применен метод CHARM, учитывающий возможность одновременного наличия встречных потоков в пределах одной товарной группы. Полученные значения выпуска уточнены на основе региональных показателей материальных затрат, валовой добавленной стоимости и отгрузки, а оценки торговых потоков – с использованием данных формы № 1-вывоз[4] и таможенной статистики.

Аналогичный подход применен сотрудниками ИЭИ ДВО РАН при построении таблицы «затраты – выпуск» для Дальневосточного федерального округа (Белоусова, 2024). Национальная симметричная таблица построена из таблиц ресурсов и использования исходя из предположения об отраслевой технологии и агрегирована до 33-х видов экономической деятельности. Предварительные оценки региональных выпусков и коэффициентов прямых затрат получены методом CHARM. На их основе выполнена настройка параметра метода FLQ и проведена повторная оценка региональных межотраслевых связей. Варианты расчетов учитывают различные предположения о взаимозаменяемости ввозимой и произведенной в регионе продукции, а также влияние изменений структуры совокупного ввоза и вывоза на объемы выпуска. Особое внимание уделено оценке коэффициентов затрат и региональных мультипликативных эффектов.

В исследованиях ИЭ УрО РАН возможности регионального балансового анализа расширяются за счёт учёта финансовых потоков. В частности, для оценки последствий бюджетной политики была построена матрица финансовых потоков Уральского федерального округа, информационной основой которой послужили данные Свердловской, Челябинской и Курганской областей (Татаркин и др., 2015). Матрица объединяет процессы производства и использования товаров и услуг, образования и распределения доходов, а также операции домашних хозяйств, бюджетной системы и внешнего сектора. Сводный бюджетный баланс представлен отдельными счетами регионального и федерального бюджетов, а также внебюджетных фондов.

Информационную основу расчетов составили данные Росстата, налоговой статистики и результаты предшествующих исследований. Для каждого счета были определены структура расходов, внутренние и внешние потоки, после чего рассчитаны матричные мультипликаторы. Это позволило оценить воздействие межбюджетных трансфертов и федеральных расходов на выпуск региональных производителей, ВРП, доходы населения и поступления в региональный бюджет.

Дальнейшее развитие данного подхода связано с применением матрицы финансовых потоков Свердловской области за 2014 год для моделирования структурных изменений, обусловленных модернизацией производства и импортозамещением (Татаркин и др., 2017). Исходная матрица сформирована по данным Росстата, налоговых органов и Федерального казначейства. Сценарные расчеты предусматривали изменение долей промежуточного потребления, валовой добавленной стоимости и импорта. Для каждого сценария корректировалась структура расходов и обеспечивалось балансовое согласование доходов и расходов по счетам. Сопоставление полученных показателей и мультипликаторов с исходным вариантом позволило проследить влияние структурных изменений на прибыль, оплату труда, конечное потребление и бюджетные доходы.

[4] Форма № 1-вывоз «Сведения о вывозе товаров» за 2024 год // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 15.05.2025).

Для Вологодской области разработана рекурсивная межотраслевая модель, основанная на расчетных региональных таблицах «затраты – выпуск» за 2011–2020 гг. (Румянцев, Лукин, 2024). Национальные таблицы ресурсов и использования регионализированы с применением данных Росстата о выпуске, занятости и основных фондах, а также статистики внешней торговли и межрегионального ввоза и вывоза. Расчеты выполнены в разрезе 32 видов экономической деятельности. Недостающие показатели межрегиональной торговли оценены расчетным путем: ее сальдо определено как балансирующая статья, после чего восстановлены встречные потоки ввоза и вывоза с учетом неоднородности товаропотоков. На основе полученных таблиц сформированы инерционный, адаптационный и трансформационный сценарии, предусматривающие различные изменения конечного потребления, накопления и чистого экспорта. Для каждого сценария рассчитана динамика выпуска, ВРП, инвестиций и отраслевой структуры региональной экономики до 2031 года.

Следует отметить, что в начале 2000-х годов также имелся опыт построения региональных межотраслевых балансов. В частности, процедуры формирования таблицы «затраты – выпуск» для Республики Башкортостан на 1995 год можно считать одним из первых примеров регионализации после перехода к системе национальных счетов (Саяпова, 2004; Нигматулин и др., 2006). Кроме того, производилась оценка региональных таблиц для Дальнего Востока (Михеева, 2005) и системы федеральных округов РФ (Zaitseva, Granberg, 2001). Достаточно подробно описаны проблемы информационного наполнения межотраслевых моделей в работе сотрудников ИЭОПП СО РАН для малых региональных экономик на примере Республики Тыва (Ершов, Темир-Оол, 2022).

Таким образом, рассмотренный опыт показывает необходимость согласования трех взаимосвязанных задач: оценивания отраслевых объемов, восстановления промежуточных потоков и учета внешних для региона поставок. В настоящей работе акцент сделан на выборе косвенных показателей с учетом отраслевой специфики и построении согласованной расчетной таблицы. Вместе с тем использование разных источников и достижение балансового равенства сами по себе не доказывают преимущества метода перед альтернативами. Полученные результаты следует интерпретировать с учетом допущений о структуре затрат и ограничений остаточной оценки межрегионального торгового сальдо.

Сравнение рассмотренных подходов показывает, что они различаются прежде всего способом восстановления I квадранта: работы по Бурятии и Якутии опираются на национальные коэффициенты прямых затрат (с балансировкой или RAS), подход Пономарёва и Евдокимова – на коэффициенты локализации, исследования ИЭИ ДВО РАН – на метод CHARM с настройкой FLQ, работы ИЭ УрО РАН и ВолНЦ РАН – на матрицы финансовых потоков и рекурсивные модели. Отличие настоящего исследования состоит в том, что выбор индикатора производится не единым правилом, а дифференцированно по каждой отрасли и каждому элементу таблицы (выпуск, конечное потребление, накопление, экспорт/импорт), с явным указанием применённого индикатора и его ограничений. Это позволяет, с одной стороны, учесть отраслевую специфику (например, натуральные показатели для добычи), а с другой – сохранить воспроизводимость процедуры. Вместе с тем в отличие от методов CHARM и FLQ подход не позволяет восстановить встречные потоки вывоза и ввоза и ограничивается оценкой их сальдо, что является сознательным упрощением.

Метод Флегга (FLQ) рассматривается в обзоре как наиболее распространённая альтернатива, однако в настоящем исследовании он не применяется, поскольку требует наличия оценок валовых вывозов и ввозов, которые для Новосибирской области не могут быть восстановлены с приемлемой точностью. Описание метода приведено исключительно для обоснования выбора в пользу сальдового подхода.

Методология исследования

Для построения регионального межотраслевого баланса Новосибирской области используется симметричная таблица «затраты – выпуск» РФ по состоянию на 2021 год, опубликованная

Росстатом относительно недавно (СиммТЗВ)[5]. Особенность этой таблицы заключается как в её детализованной отраслевой номенклатуре, так и в представлении в «чистых» отраслях. Это значит, что межотраслевая модель для страны может описываться следующим уравнением:

$$X = AX + Y + V + Ex - Im\,, \qquad (1)$$

где:

X – вектор объёмов выпуска;

Y – вектор объёмов расходов на конечное потребление (сюда входят РКП домохозяйств, государства и некоммерческих организаций);

V – вектор объёмов валового накопления (сюда входят накопление основного капитала, изменение запасов оборотного капитала и чистое приобретение ценностей);

Ex, Im – векторы объёмов экспорта и импорта соответственно;

A – матрица коэффициентов прямых затрат.

Оценка симметричной региональной межотраслевой таблицы предполагает пространственную развёрстку всех показателей общероссийского межотраслевого баланса. В данном исследовании используются методологические принципы Ю.С. Ершова, согласно которым регионализация не может основываться на едином универсальном правиле: выбор метода и индикаторов распределения определяется содержанием конкретного макроэкономического показателя, отраслевой спецификой и особенностями экономики рассматриваемого региона (Ибрагимов, Мельникова, 2026). В связи с этим *центральной проблемой регионализации становится поиск и обоснование для каждого показателя и каждой отрасли наиболее репрезентативных косвенных данных, способных корректно отразить их территориальную структуру.* Такой подход предполагает сочетание общих методологических принципов с индивидуальным подбором индикаторов для отдельных элементов межотраслевого баланса.

Хорошим примером демонстрации этой проблемы является отрасль «Добыча нефти и газа». Если для её пространственного распределения выпуска использовать структуру отгруженной продукции или структуру налогов, то для г. Москвы будет приходиться определённая доля производства этой отрасли, несмотря на то что в данном субъекте РФ нет нефтегазовых месторождений. В этом случае наиболее точным индикатором является объём производства в натуральном выражении, согласно которому выпуск соответствующей отрасли в соответствующем регионе равен нулю. Данная методика натурализации используется в ИЭОПП СО РАН достаточно давно для пространственной развёрстки выпусков лесных (Блам и др., 2017), добывающих (Суслов, Бузулуцков, 2017) и энергетических отраслей (Suslov, 2013). Однако стоит отметить, что не для всех отраслей публикуется информация о натуральных данных, для некоторых видов деятельности различия стоимостной и натуральных структур могут быть существенными (например, для электроэнергии), что может быть связано с особенностями сбора стоимостной информации и межрегиональной дифференциацией цен.

Для распределения объемов выпуска в отраслях обрабатывающей промышленности в расчётах применена структура отгруженной продукции, которая рассчитывается в фактических отпускных ценах без учета косвенных налогов (таких как НДС и акцизы). В отношении некоторых видов экономической деятельности применена отраслевая структура валовой добавленной стоимости. Однако следует учитывать, что данный показатель не отражает коллективную деятельность (например, в сферах обороны и государственного управления) и мультирегиональную деятельность, осуществляемую финансовыми организациями.

Еще одним показателем для пространственной развёрстки выпусков выступает структура занятости. Особенностью данного показателя является то, что он фиксируется по месту осуществления деятельности. Например, работник, трудящийся в новосибирском филиале московской компании, будет отнесён к Новосибирску. Однако при использовании структуры занятости необходимо учитывать межрегиональную дифференциацию трудоёмкостей для отдельных отраслей, таких как добыча полезных ископаемых.

[5] Симметричная таблица «затраты – выпуск» Российской Федерации за 2021 год // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 15.05.2025).

Для распределения объемов выпуска по регионам также использованы данные налоговой статистики о налоге на доходы физических лиц (НДФЛ)[6], которые публикуются в достаточно широкой отраслевой номенклатуре. Особенностью данного налога является его территориальный принцип учёта: в приведённом выше примере подоходный налог будет зачислен Новосибирску, то есть по месту его сбора. В отличие от этого, НДС будет относиться к Москве как к головной организации.

Для распределения расходов на конечное потребление по регионам использованы совокупные доходы населения, которые рассчитываются как произведение среднедушевого дохода на численность населения. Также доступны данные об объемах платных услуг населению, которые были задействованы при регионализации. В сфере электроэнергетики задействованы прямые данные электробаланса, а для торговли – информация об оборотах оптовой и розничной торговли. Для остальных отраслей применены значения выпусков, оцененные на предыдущем этапе анализа.

Для оценки региональных объёмов валового накопления основного капитала использованы данные о видовой структуре инвестиций в основной капитал, которые публикуются Росстатом. Что касается остальных компонент валового накопления (ИЗМОС, ЧПЦ), то для этих показателей достаточно проблематично подобрать подходящие косвенные данные, поэтому принято распределение пропорционально расчётным значениям выпусков.

Пространственное распределение значений экспорта и импорта представляет собой одно из узких мест в описываемом алгоритме регионализации. Несмотря на то что Федеральная таможенная служба (ФТС) публикует данные о внешней торговле субъектов РФ, особенности регистрации этих показателей могут привести к искажению информации. Например, значительная часть экспорта нефти фиксируется за Москвой, что делает прямое использование этих данных ненадежным и может привести к неправильным выводам. Для решения данной проблемы задействованы данные формы 6-ТС (экспорт и импорт товаров по странам)[7], с корректировкой на географическое расположение регионов и стран-контрагентов, а также оцененные на предыдущих шагах объемы выпуска и расходы на конечное потребление.

Следует отметить, что некоторые натуральные показатели (например, объем добычи угля, нефти и газа) публикуются Росстатом только по федеральным округам. В связи с этим для определения значений данных показателей для Новосибирской области была выполнена пространственная аппроксимация соответствующих косвенных индикаторов Сибирского федерального округа, пропорционально объему НДФЛ, который представлен по субъектам РФ. Для обеспечения сбалансированности итоговых данных также использовался альтернативный подход, основанный на вычитании оценок по другим регионам СФО из общего объема.

После оценки основных показателей для каждого региона осуществляется балансировка первого и второго квадрантов с использованием основного уравнения межотраслевого баланса. При этом в качестве региональных матриц прямых затрат используется общероссийская матрица. Однако, как правило, это приводит к возникновению расхождений между произведенной и использованной продукцией, что означает, что равенство в уравнении не будет достигнуто:

$$\Delta^r = X^r - (AX^r + Y^r + V^r + Ex^r - Im^r), \quad (2)$$

где Δ^r – невязка (дисбаланс) между произведенной и использованной продукцией региона r, интерпретируемая далее как остаточное сальдо межрегиональной торговли для транспортабельных отраслей либо распределяемая по прямым затратам для нетранспортабельных отраслей.

[6] Отчёт по форме № 5-ПМ «Сведения о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц» за 2024 год // Федеральная налоговая служба (ФНС России). 2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 15.05.2025).

[7] Таможенная статистика внешней торговли субъектов РФ: данные формы № 6-ТС за 2024 год // Федеральная таможенная служба (ФТС России). 2024. URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 15.05.2025).

Формирование I квадранта выполняется в два этапа. На первом этапе межотраслевые потоки рассчитываются как произведение общероссийских коэффициентов прямых затрат на региональные выпуски: $x_{ij}^r = a_{ij} X_j^r$. На втором этапе для отраслей, по которым выявлен дисбаланс (энергетика, торговля, транспорт), производится корректировка соответствующих строк матрицы пропорционально структуре прямых затрат; для остальных отраслей структура промежуточных затрат сохраняется на уровне национальной таблицы. Завершающим шагом является балансировка I и II квадрантов по уравнению (3), в результате которой остаточная невязка относится на сальдо межрегиональной торговли.

Для каждого типа отрасли предлагается использовать свой способ ликвидации дисбалансов: для транспортабельной продукции, включая некоторые услуги (например, финансовые; информации и связи) невязку можно интерпретировать как сальдо вывоза – ввоза; для нетранспортабельных отраслей, промежуточное потребление которых зависит от природных условий (энергетика) или от торгово-транспортных наценок, невязку можно распределить пропорционально структуре прямых затрат; для остальных нетранспортабельных отраслей предлагается скорректировать значения конечного потребления и валового накопления.

В результате вышеописанных корректировок для каждого региона формируется следующий баланс производства и распределения продукции:

$$X^r = A^r X^r + Y^r + V^r + Ex^r - Im^r + X^{rs} - X^{sr}, \quad (3)$$

где X^{rs} и X^{sr} – значения вывоза и ввоза региона r соответственно.

Важно отметить, что региональная матрица прямых затрат A^r будет отличаться от общероссийской матрицы для тех строк, по которым производится корректировка соответствующих коэффициентов (энергетика, торговля, транспорт). Для остальных отраслей структура промежуточных затрат сохраняется на уровне национальной таблицы, что соответствует принятому в исследовании допущению об идентичности производственных технологий. Вместе с тем это допущение является упрощающим: фактическая структура затрат в регионах может существенно отличаться от среднероссийской вследствие различий в отраслевой специализации, технологических процессах и составе выпуска. Особенно значимыми такие расхождения могут быть для небольших региональных экономик, где показатели отдельных отраслей определяются ограниченным числом крупных предприятий и потому отличаются повышенной специфичностью.

Для балансировки первого и третьего квадрантов объёмы ВДС определяются как разница между валовым выпуском и промежуточным потреблением. Такая балансовая оценка может существенно отличаться от статистического значения ВДС, поскольку при формировании региональных показателей отдельные результаты многорегиональной деятельности, в частности финансовых организаций, а также деятельности общенационального характера, включая оборону, не распределяются между субъектами РФ или учитываются не в полном объёме. Следовательно, расхождение расчётной и статистической ВДС может быть обусловлено не только особенностями регионализации выпуска и промежуточного потребления, но и различиями в охвате учитываемой деятельности.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу результатов, сопоставим ключевые характеристики экономики России и Новосибирской области. Доля Новосибирской области в валовом выпуске РФ составляет около 1,6%, в ВРП – около 1,2%, при доле в численности занятых около 1,9% по данным Росстата за 2021 год. Это указывает на более низкую производительность труда в регионе по сравнению со среднероссийской. Структурно экономика области характеризуется повышенной долей торговли, операций с недвижимостью, транспорта и связи и пониженной долей добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств по сравнению с общероссийской структурой.

Сопоставление с прежними региональными оценками затруднено отсутствием опубликованных таблиц «затраты – выпуск» для Новосибирской области за предшествующие годы;

ближайшим ориентиром служат оценки для соседних регионов (Бурятия, Якутия) и методические работы ИЭОПП СО РАН. Структурные различия между национальной и региональной таблицами проявляются прежде всего в доле промежуточного потребления в выпуске (в Новосибирской области она выше, чем в среднем по РФ, за счёт торгово-транспортных наценок) и в отраслевой структуре ВДС (повышенная доля раздела G и пониженная – раздела B).

По итогам применения описанного алгоритма была сформирована симметричная таблица «затраты – выпуск» для Новосибирской области, охватывающая 58 отраслей. В то же время общероссийская таблица включает 113 отраслей. Такая агрегация произошла из-за отсутствия косвенных данных для некоторых отраслей, необходимых для регионализации, например, для «Кормов готовых для животных» и «Цемента, извести и гипса». Тем не менее была предпринята попытка сохранить как можно больше отраслей в номенклатуре.

К сожалению, из-за объёма результирующих таблиц нет возможности представить региональный баланс в полном объёме, поэтому в рамках статьи произведена дополнительная агрегация используемого классификатора в 19 видов экономической деятельности (*табл. 1*).

В *таблицах 2, 3* представлены основные показатели межотраслевого баланса для Новосибирской области.

Балансовые тождества создания и использования продукции выполняются с точностью до округления: остаточное расхождение по агрегированным итогам составляет около 6 млн руб. (менее 0,001% валового выпуска) и обусловлено агрегацией 58 отраслей в 19 разделов. По детализированной номенклатуре невязка устраняется на этапе балансировки I и II квадрантов (уравнение 3).

Таблица 1. Классификатор видов экономической деятельности

Код	Вид экономической деятельности
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
B	Добыча полезных ископаемых
C	Обрабатывающие производства
D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
F	Строительство
G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
H	Транспортировка и хранение
I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
J	Деятельность в области информации и связи
K	Деятельность финансовая и страховая
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
M	Деятельность профессиональная, научная и техническая
N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение
P	Образование
Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
S, T	Предоставление прочих видов услуг

Таблица 2. Значения промежуточного потребления для Новосибирской области, млн руб.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S, T	Итого ПП продукции
A	30360	3	84652	36	26	287	866	165	1372	7	1	41	33	401	584	471	382	24	53	**119764**
B	151	8370	58555	9536	247	2702	2463	1281	24	96	1	181	196	288	137	44	48	11	66	**84397**
C	29048	6643	365185	8056	4107	73598	30522	47358	9298	6988	874	7727	11858	5210	6948	3316	26150	1346	2945	**647176**
D	2149	786	20417	38642	2317	1110	3932	6448	551	1149	251	6802	980	1155	3774	3902	3025	909	561	**98861**
E	171	104	10298	1093	16267	250	636	352	130	59	12	742	135	258	1722	439	513	126	95	**33400**
F	444	579	4107	1962	911	4378	2408	3046	331	474	6	10050	946	506	11265	1896	3047	862	536	**47756**
G	8904	2965	95584	13396	5842	19510	19241	12586	2543	1916	201	4379	2825	2768	2290	973	11704	354	906	**208886**
H	3560	10632	46758	1781	2786	7243	68168	79680	591	1735	362	333	2169	5158	9497	287	2412	480	532	**244166**
I	40	19	636	91	13	857	614	643	371	329	156	83	420	1219	738	2484	1370	207	409	**10698**
J	102	95	5612	1074	137	256	9281	2129	617	36544	3280	655	9070	1619	6017	1265	1169	939	671	**80531**
K	1578	1239	16540	2469	1167	2029	15456	5553	663	2056	15220	14708	1884	1537	4778	293	1297	715	875	**90056**
L	388	138	7340	1510	338	1165	41554	6116	2140	6462	1954	23142	3061	1551	1120	383	2448	1759	1522	**104093**
M	1044	1159	21812	1347	517	6949	16465	3667	1124	4306	2130	4216	20086	2288	2614	289	758	958	431	**92156**
N	1248	1582	11228	1620	1266	4975	11287	11094	699	2486	966	3207	2348	7718	3615	1394	2489	1706	574	**71501**
O	230	37	1847	148	87	291	1196	441	52	472	72	117	240	91	405	52	165	33	28	**6004**
P	12	9	261	56	11	115	162	321	8	56	82	16	136	101	517	257	105	502	224	**2950**
Q	36	21	308	66	22	150	167	262	35	33	35	13	93	84	266	35	1810	47	114	**3598**
R	1	0	15	0	0	1	20	1	12	179	5	5	11	88	398	171	76	1832	925	**3742**
S, T	16	18	761	93	38	111	1093	423	116	1149	260	129	305	162	770	110	516	67	510	**6648**
Итого ПП отраслей	**79482**	**34396**	**751917**	**82977**	**36099**	**125977**	**225529**	**181567**	**20678**	**66494**	**25867**	**76545**	**56796**	**32204**	**57455**	**18061**	**59484**	**12879**	**11977**	**1956382**

Примечание. Суммы столбцов I квадранта отражают промежуточное потребление отраслей (ПП); суммы строк – промежуточную продукцию, используемую в производстве. Совпадение общих итогов по строкам и столбцам (1 956 382 млн руб.) подтверждает балансовую согласованность I квадранта.

Таблица 3. Значения показателей МОБ для Новосибирской области, млн руб.

	ВВ	РКП	ВДС	ВН	Экспорт	Импорт	Сальдо ввоза – вывоза
A	**156187**	50804	76705	3173	16533	19552	-14535
B	**48434**	164	14037	8813	23921	1154	-67707
C	**996704**	288318	244787	179240	233418	363482	12033
D	**126298**	26132	43321	3	1328	25	0
E	**49934**	14738	13835	1013	2167	1386	0
F	**199119**	286	73142	153818	3881	6620	0
G	**555796**	258888	330267	29774	58436	189	0
H	**312346**	40830	130780	1745	37137	11530	0
I	**36487**	25811	15809	0	11	34	0
J	**130197**	25118	63703	13091	13546	14698	12608
K	**91555**	50306	65687	0	1670	4493	-45985
L	**333918**	213187	257374	16774	426	560	0
M	**124757**	7233	67961	25957	11630	12223	0
N	**85263**	21009	53059	2687	3260	13195	0
O	**199055**	193051	141601	0	0	0	0
P	**82166**	79270	64106	0	15	70	0
Q	**163932**	160307	104448	0	33	5	0
R	**32446**	28457	19567	289	70	110	0
S, T	**28374**	22531	16397	-19	213	998	0
∑	**3752969**	**1506440**	**1796587**	**436357**	**407697**	**450327**	**-103586**

В *таблице 4* приведён сравнительный анализ значений ВДС, полученных в результате регионализации, со значениями ВДС, представленными в региональной статистике.

Сравнение структурных профилей общероссийской и региональной таблиц (в агрегации до 19 видов деятельности) позволяет выявить специфические черты экономики

Таблица 4. Сравнение объёмов ВДС для Новосибирской области

	Расчётное значение, млн руб.	Статистическое значение, млн руб.	Расхождение относительно статистического значения, %
A	76705	92170	16,8
B	14037	72765	80,7
C	244787	218296	-12,1
D	43321	37191	-16,5
E	13835	8085	-71,1
F	73142	69531	-5,2
G	330267	265190	-24,5
H	130780	177871	26,5
I	15809	14553	-8,6
J	63703	63063	-1,0
K	65687	6468	-915,6
L	257374	206977	-24,3
M	67961	87319	22,2
N	53059	53361	0,6
O	141601	77617	-82,4
P	64106	66297	3,3
Q	104448	74383	-40,4
R	19567	12936	-51,3
S, T	16397	12936	-26,8
Сумма	**1796587**	**1617011**	**-11,1**

Новосибирской области. В национальной матрице повышенную долю в формировании валового выпуска имеют разделы «Добыча полезных ископаемых» (за счёт нефтегазовых регионов) и «Деятельность финансовая и страховая» (концентрация в Москве), тогда как в построенной таблице НСО ключевыми драйверами выступают «Обрабатывающие производства», «Торговля оптовая и розничная» и «Транспортировка и хранение». Это согласуется с характеристикой региона как промышленного и логистического центра Сибири. Кроме того, в региональной таблице выше доля ВДС в разделах «Образование» (P) и «Деятельность профессиональная, научная и техническая» (M), что отражает наличие Академгородка, Новосибирского государственного университета и институтов СО РАН – особенность, отличающая Новосибирскую область от большинства субъектов РФ.

Результаты регионализации демонстрируют существенное занижение расчетной ВДС относительно статистического значения в добывающем секторе (раздел B). Данное расхождение обусловлено тем, что в структуру этого раздела, помимо непосредственной добычи полезных ископаемых, входят сопутствующие сервисные услуги, например бурение, геологоразведка и т. д.

Вследствие распределения валового выпуска пропорционально НДФЛ расчетный выпуск региона получился меньше реального статистического значения ВДС. Это объясняется спецификой Новосибирской области: на ее территории нет крупных месторождений, однако здесь базируются нефтесервисные, геофизические и буровые компании, выполняющие работы для других регионов (Иркутская область, Красноярский край, ХМАО и др.). Их производственный персонал работает вахтовым методом непосредственно на северных объектах, из-за чего НДФЛ с заработных плат законно уплачивается в бюджеты этих субъектов РФ (по месту нахождения рабочих мест). При этом вся выручка (выпуск) от оказанных услуг юридически аккумулируется на головных предприятиях в Новосибирске.

Использование НДФЛ в качестве базы распределения искусственно «увело» выпуск из Новосибирской области в добывающие регионы. Поскольку ВДС рассчитывается балансовым методом (выпуск минус промежуточное потребление), искусственно заниженный расчетный выпуск закономерно привел к падению итоговой ВДС ниже официальных статистических показателей.

Наибольшее превышение расчётной ВДС над статистическим значением получено для финансовой и страховой деятельности (раздел K), а второе по величине – для государственного управления и обеспечения военной безопасности (раздел O). Данные расхождения во многом связаны с особенностями статистического учёта. При расчёте ВРП деятельность финансовых организаций, осуществляемая одновременно на территории нескольких субъектов РФ, не в полной мере распределяется между регионами. Аналогичным образом отдельные виды деятельности общенационального характера, включая оборону, не включаются в региональные показатели либо учитываются в них лишь частично. Процедура регионализации, напротив, косвенно распределяет соответствующие объёмы между регионами, вследствие чего расчётные значения ВДС по разделам K и O оказываются существенно выше официальных статистических оценок. В целом полученные расхождения следует интерпретировать не только как следствие ограничений применяемого метода регионализации, но и как результат различий в охвате экономической деятельности и методологических границах расчётных и статистических показателей.

Для более детального анализа в *таблице 5* представлены отрасли с наибольшими положительными и отрицательными значениями сальдо вывоза – ввоза (в рамках широкой отраслевой номенклатуры, только транспортабельная продукция).

Наибольшее положительное сальдо наблюдается в производстве пищевой продукции, прочей неметаллической минеральной продукции и чёрной металлургии. Положительное сальдо в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий, а также лекарственных средств указывает на наличие в регионе высокотехнологичной специализации.

Наиболее значительное отрицательное сальдо характерно для производства нефтепродуктов, автотранспортных средств, а также добы-

Таблица 5. Сальдо вывоза – ввоза для Новосибирской области, млн руб.

Название отрасли	Сальдо вывоза – ввоза	Валовой выпуск
Топ-5 отраслей с положительным сальдо вывоза – ввоза		
Производство пищевой продукции	37643	218441
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	24928	64774
Чёрная металлургия	23770	137341
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	18053	52254
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	13399	48810
Топ-5 отраслей с отрицательным сальдо вывоза – ввоза		
Производство нефтепродуктов	-76675	45097
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	-25571	7306
Добыча нефти	-23532	3353
Добыча руд чёрных металлов	-18293	0
Производство бумаги и бумажных изделий	-15481	431
Примечание. Показатель сальдо рассчитан как остаточная невязка уравнения (3) для транспортабельных отраслей и не позволяет раздельно оценить валовые вывоз и ввоз: встречные потоки внутри одной товарной группы могут быть одновременно положительными. Приведённые значения следует интерпретировать как чистое сальдо межрегиональной торговли, а не как валовые потоки. Отрасли с нулевым валовым выпуском (например, «Добыча руд чёрных металлов») отражают отсутствие соответствующего производства в регионе при наличии ввоза.		

вающих отраслей. Примечательно, что при положительном сальдо чёрной металлургии добыча руд чёрных металлов в Новосибирской области отсутствует. Это соответствует фактической организации регионального металлургического комплекса: предприятия используют привозное сырьё и вывозят продукцию его переработки.

В целом структура межрегиональной торговли отражает специализацию региона на перерабатывающих производствах при зависимости от ввоза топлива, сырья и отдельных видов готовой продукции.

Допущения и ограничения

Полученная таблица опирается на ряд допущений, главным из которых является допущение об идентичности структуры затрат региона и страны. Формальный количественный анализ чувствительности к выбору косвенных индикаторов в рамках настоящей работы не проводился и является направлением дальнейших исследований. Тем не менее качественная верификация через сопоставление расчётной и статистической ВДС показывает, что для большинства обрабатывающих производств, торговли и социальных услуг расхождения находятся в приемлемых пределах (как правило, не более 10–25%), что соответствует типичному порядку расхождений, отмечаемому в литературе по регионализации таблиц «затраты – выпуск» для отдельных отраслей (Flegg, Tohmo, 2019; Белоусова, Исаев, 2023), и не меняет качественные выводы о специализации региона. Это подтверждает адекватность выбранного набора индикаторов.

Для отраслей, где альтернативные индикаторы отсутствуют или их применение методологически ограничено (финансовая деятельность, государственное управление и военная безопасность), результаты следует рассматривать как «зону неопределённости»: расчётная ВДС по разделам K и O существенно превышает статистическую, что отражает различия в охвате деятельности многорегиональных и общенациональных видов активности, а не ошибку регионализации как таковую. Аналогичные, хотя и менее выраженные, отклонения характерны для разделов B, E и Q; они частично объяснены выше и также требуют осторожной интерпретации.

Расчёт мультипликаторов выпуска, дохода и занятости на основе построенной таблицы представляет собой самостоятельную задачу и выходит за рамки настоящей статьи; построенная таблица является необходимой основой для такого расчёта, и соответствующий анализ планируется в рамках дальнейшего развития исследования.

Таким образом, новизна работы носит преимущественно прикладной характер: построена региональная таблица «затраты – выпуск» для Новосибирской области за 2021 год в разрезе 58 отраслей на основе актуальной национальной таблицы (СиммТЗВ) и отраслево-дифференцированного набора индикаторов. Метод регионализации как таковой не является принципиально новым – аналогичные работы выполнялись для Бурятии, Якутии, Хабаровского края, Вологодской области; отличие состоит в комбинации индикаторов, детализации номенклатуры и явной фиксации ограничений сальдового подхода к межрегиональной торговле.

Заключение

Разработка региональных межотраслевых балансов представляет собой важный шаг к более глубокому пониманию экономических процессов на уровне субъектов РФ. Уникальные экономические структуры каждого региона, обусловленные различными факторами, требуют адаптированных подходов к анализу и оценке. В условиях отсутствия официальных региональных балансов применение методов регионализации становится необходимым инструментом для исследователей и практиков, позволяя учитывать внутренние экономические взаимодействия и межрегиональные связи.

Процедура оценивания таблиц «затраты – выпуск» для Новосибирской области, представленная в данной статье, демонстрирует возможность применения современных методов обработки статистической информации для создания актуальных инструментов оценки экономической активности региона. Это не только способствует более точному отражению потребностей и особенностей местной экономики, но и создает основу для формирования эффективной экономической политики. Таким образом, дальнейшая работа в этом направлении может значительно улучшить качество статистической информации о регионах России и способствовать более взвешенному принятию решений на уровне государственной и региональной власти.

Вместе с тем используемое допущение об идентичности структуры затрат региона и страны является достаточно сильным и на практике выполняется не для всех отраслей, поэтому дальнейшие исследования будут направлены на уточнение региональной структуры промежуточного потребления с привлечением дополнительных источников информации, в том числе микроданных о деятельности предприятий. Это позволит полнее учесть отраслевые и территориальные особенности производства и повысить точность оценки региональных таблиц «затраты – выпуск».

Литература

Белоусова А.В. (2024). Оценка мультипликативных эффектов в экономике региона с учетом параметров внешней торговли: межотраслевой аспект (на примере Дальнего Востока) // Региональные проблемы преобразования экономики. № 12.

Белоусова А.В., Исаев А.Г. (2023). Регионализация элементов национальных таблиц «затраты – выпуск»: сравнительная апробация подходов (на примере Хабаровского края) // Регионалистика. Т. 10 (1). С. 21–33.

Блам Ю.Ш., Машкина Л.В., Стойлова А.С. (2017). Детализация прогнозов по народнохозяйственной модели в натуральные показатели отраслевой модели (на примере лесного комплекса) // Экономика и управление инновациями. № 2. С. 66–77.

Дондоков З.Б.-Д., Дырхеев К.П., Мунаев Л.А., Абзаев П.Б., Ринчино С.В. (2014). Межотраслевой анализ экономики республики Бурятия на основе таблиц «затраты-выпуск» // Региональная экономика: теория и практика. Т. 28 (355). С. 55–62.

Ершов Ю.С., Темир-Оол А.П. (2022). Некоторые особенности регионализации моделей межотраслевого баланса: информационные аспекты // Мир экономики и управления. № 22 (4). С. 26–41.

Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. (2026). «Метод Ершова» в анализе структурных трансформаций и пространственного развития российской экономики // ЭКО. № 4.

Михеева Н.Н. (2005). Статистическая оценка таблиц «затраты – выпуск» для российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. № 2. С. 61–79.

Нигматулин Р.И., Саяпова А.Р., Мазитова Л.Д. (2006). Таблицы «затраты – выпуск» Республики Башкортостан // ЭКО. № 3. С. 90–105.

Панкова Ю.В. (2023). Межотраслевая модель экономики Республики Саха (Якутия) // Модели и методы прогнозирования: Азиатская Россия в экономике страны / под ред. А.О. Баранова, В.И. Суслова; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. Гл. 6.1. С. 319–340.

Пискунов Е.Ю. (2022). Межотраслевой баланс экономики Республики Бурятия // Вестник БНЦ СО РАН. № 1 (45). С. 154–159.

Пономарёв Ю.Ю., Евдокимов Д.Ю. (2021). Построение усеченных таблиц «затраты – выпуск» для регионов России с использованием коэффициентов локализации // Проблемы прогнозирования. № 6 (189). С. 43–58.

Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2024). Межотраслевое моделирование экономического развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17 (6). С. 118–133.

Саяпова А.Р. (2004). Таблицы «Затраты – выпуск» в анализе и прогнозировании структурных параметров экономики региона // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 28–41.

Суслов Н.И., Бузулуцков В.Ф. (2017). Применение информационно-программно- модельного комплекса ОММ-ТЭК для сценарного анализа развития ТЭК регионов: методические аспекты // Регион: экономика и социология. № 3. С. 215–237.

Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. (2017). Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 1. С. 218–234.

Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. (2015). Оптимизация управления финансовыми потоками на основе оценки региональных мультипликативных эффектов // Экономика региона. № 4. С. 323–335.

Azorín J., Alpañez R., Sánchez-de-la-Vega M. (2022). A new proposal to model regional input–output structures using location quotients: An application to Korean and Spanish regions. *Regional Science*, 101(5), 1219–1237.

Flegg A., Tohmo T. (2013). Estimating regional input coefficients and multipliers: The use of the FLQ is not a gamble. *Regional Studies*, 50(2), 310–325.

Flegg A., Tohmo T. (2019). The regionalization of national input-output tables: A study of South Korean regions. *Papers of the Regional Science Association*, 98(2), 601–620.

Flegg A., Webber C. (2000). Regional size, regional specialization and the FLQ formula. *Regional Studies*, 34, 563–569.

Fujimoto T. (2018). Appropriate assumption on cross-hauling national input–output table regionalization. *Spatial Economic Analysis*, 14(1), 106–128.

Kronenberg K., Fuchs M. (2022). The socio-economic impact of regional tourism: An occupation-based modelling perspective from Sweden. *Journal of Sustainable Tourism*, 30(12), 2785–2805.

Miller R.E., Blair P.D. (2009). *Input-Output Analysis: Foundations and Extensions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Morrissey K. (2016). A location quotient approach to producing regional production multipliers for the Irish economy. *Regional Science*, 95(3), 491–507.

Suslov N. (2013). Inter-sector inter-region analysis: Estimating consequences of realization of large investment projects in energy sector of Russian economy. In: Baranov A., Suslov V. (Eds). (2014). *Development of Macro and Interindustrial Methods of Economic Analyses: Proceedings of the 21st INFORUM World Conference. Listvyanka, 26–31 August 2013.* Novosibirsk: IEIE SB RAS.

Zaitseva I., Granberg A. (2001). Multiregional analysis with use of regional accounts and input-output tables. In: *41st European Regional Science Association (ERSA) Congress.* Zagreb.

Сведения об авторах

Александр Игоревич Душенин – младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: a.dushenin@g.nsu.ru)

Наимджон Мулабоевич Ибрагимов – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17); профессор, заместитель декана экономического факультета, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1); профессор, Новосибирский государственный университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20; e-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru)

Юрий Семенович Ершов – старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: eryus@mail.ru)

Виктор Иванович Суслов – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: suslov@ieie.nsc.ru)

Dushenin A.I., Ibragimov N.M., Ershov Yu.S., Suslov V.I.

Structural Analysis of the Regional Economy Based on a Hybrid Methodology for Regionalizing Input-Output Tables (a Case Study of the Novosibirsk Region)

Abstract. One of the key areas of research at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS) is the development of input-output models for individual regions and systems of regions. Such models make it possible to identify the structural characteristics of regional economies and analyze interregional trade flows. However, the construction of these models involves certain difficulties, particularly the absence of regional input-output tables in Russian official statistics. This necessitates a regionalization procedure, whereby the indicators from national input-output tables are allocated in proportion to the regional data available from Russian official statistics. This paper presents the methodology and results of constructing a 58-industry input-output table for the Novosibirsk Region for 2021. The symmetric input-output table for the Russian Federation for 2021, published by Rosstat in late 2024 and covering 113 economic activities, was used as the initial data framework. The spatial disaggregation was based on data on output in physical terms, the value of shipped goods, paid services provided to the population, the structure of value added, personal income tax revenues, wholesale and retail trade turnover, and exports and imports. The regionalization results indicate that the largest positive balances of interregional outflows and inflows in the Novosibirsk Region are observed in the manufacture of food products, other non-metallic mineral products, and basic iron and steel, whereas the largest negative balances are recorded in the manufacture of refined petroleum products and motor vehicles. Furthermore, a comparison of estimated and officially reported gross value-added reveals substantial discrepancies in financial activities, which can be attributed to the specific features of gross regional product calculation.

Key words: regional economy, input-output balance, input-output tables, regionalization, interregional and multi-regional input-output models, problem of information content.

Information about the Authors

Alexandr I. Dushenin – Junior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: a.dushenin@g.nsu.ru)

Naimdzhon M. Ibragimov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); professor, deputy dean of the Faculty of Economics, Novosibirsk State Technical University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); professor, Novosibirsk State University (20, K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru)

Yuri S. Ershov – Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: eryus@mail.ru)

Victor I. Suslov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: suslov@ieie.nsc.ru)

Статья поступила 27.07.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.9
УДК 332.1:004.8, ББК 65.04(2Рос)
© Коровин Г.Б.

Искусственный интеллект в организациях Российской Федерации: тенденции и региональные модели внедрения



Григорий Борисович
КОРОВИН
Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: korovin.gb@uiec.ru
ORCID: 0000-0003-1606-6963; ResearcherID: JUF-8256-2023

Аннотация. Искусственный интеллект становится важным фактором цифровой трансформации экономики, однако его распространение и использование в регионах Российской Федерации характеризуется значительной неоднородностью. Большинство публикаций сосредоточено на количественной оценке проникновения генеративных технологий, тогда как структурные особенности региональных моделей его применения остаются малоизученными, что затрудняет разработку адресных мер поддержки. Цель исследования – выявление и характеристика региональных моделей внедрения искусственного интеллекта в организациях РФ на основе анализа масштабов, направлений применения, кадрового обеспечения, финансовых условий и результатов его использования. Информационную базу составили официальные данные Росстата о применении искусственного интеллекта организациями субъектов Российской Федерации за 2024 год. Для выявления межрегиональных различий применялись методы сравнительного анализа, ранжирования и иерархической кластеризации нормированных показателей. В результате определено, что оценка масштаба распространения искусственного интеллекта и ранжирование недостаточны для характеристики специфики его внедрения в регионах: доля организаций-пользователей не раскрывает направления применения, способы освоения и ресурсное обеспечения этой технологии. Идентифицированы три группы регионов по технологико-функциональному профилю, пять – по организационно-компетентностному и пять – по финансово-инвестиционному. Установлено, что преобладают производственно-рыночная направленность приме-

Для цитирования: Коровин Г.Б. (2026). Искусственный интеллект в организациях Российской Федерации: тенденции и региональные модели внедрения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.9

For citation: Korovin G.B. (2026). Artificial intelligence in organizations of the Russian Federation: Trends and regional adoption models. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 182–198. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.9

нения искусственного интеллекта, приобретение готовых решений и финансирование за счёт собственных средств организаций при невысокой интенсивности затрат. Предложенный подход позволяет выявлять содержательные особенности интеграции генеративных технологий в экономику регионов и может применяться при разработке адресных мер региональной политики поддержки искусственного интеллекта. Ограничения исследования связаны с коротким периодом наблюдения, спецификой данных и низкой долей пользователей, повышающей чувствительность кластеризации к отдельным наблюдениям. Развитие исследования предполагается в направлении повышения надёжности данных, сопоставления выделенных моделей с социально-экономическими показателями регионов и разработкой рекомендаций органам власти.

Ключевые слова: региональная экономика, искусственный интеллект, цифровая трансформация, внедрение искусственного интеллекта, региональная дифференциация, типологизация регионов, кластерный анализ.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики Уральского отделения РАН.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что искусственный интеллект (ИИ) становится одним из факторов трансформации экономической деятельности организаций. Распространение этой технологии в пространстве российской экономики происходит неравномерно. Национальные агрегированные показатели не позволяют увидеть, какие регионы формируют собственные компетенции, а какие зависят от внешних поставщиков; где ИИ даёт выраженные эффекты, а где его применение остаётся ограниченным.

Экономическая отдача от ИИ зависит не только от наличия технологии, но и от комплементарных инноваций (Brynjolfsson et al., 2019), развития навыков и креативности работников (Mikalef, Gupta, 2021), организационных изменений и автоматизации процессов (Aghion et al., 2019), инвестиций в данные (Filippucci et al., 2024) и др. Даже при сопоставимом уровне использования искусственного интеллекта регионы могут существенно различаться по направлениям применения технологии, механизмам её внедрения и структуре формируемых компетенций (Миролюбова, Николаев, 2024; Варламова, Корнейченко, 2024; Земцов, 2024). Исследования цифровизации и цифровых разрывов фокусируются на масштабе использования технологий, измеряемом долей организаций-пользователей (van Dijk, 2006). Однако одинаковый масштаб внедрения ИИ может отражать разные модели: собственную разработку, применение в клиентских сервисах или интеграцию в производственные и управленческие процессы.

Цель исследования – выявление и характеристика региональных моделей внедрения ИИ в организациях РФ на основе анализа масштабов, направлений применения, кадрового обеспечения, финансовых условий и результатов использования технологии.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: оценить масштабы распространения ИИ и межрегиональные различия; проанализировать технологические, функциональные и кадровые аспекты применения ИИ в организациях; исследовать способы приобретения решений, структуру затрат и источники финансирования; выделить типологические группы регионов по модели применения ИИ на основе технологических, кадровых, организационных и финансовых характеристик.

Объектом исследования являются регионы РФ, предметом – региональные особенности внедрения ИИ, включая масштабы использования, направления применения, кадровые условия, затраты, источники финансирования и эффекты внедрения.

Гипотеза исследования состоит в том, что межрегиональные различия в использовании ИИ определяются не столько масштабом распространения технологии, сколько различиями в кадровых, организационных и инвестиционных моделях её внедрения.

Обзор литературы

ИИ как технология общего назначения. ИИ рассматривается как инструмент с широкой сферой применения, способный порождать комплементарные изменения в различных секторах экономики (Bresnahan, Trajtenberg, 1995; Trajtenberg, 2018). Искусственный интеллект становится фактором конкурентоспособности в высокотехнологичных отраслях и традиционных секторах, усиливает функции организаций: производство, управление, маркетинг, логистику, финансы, работу с клиентами (Гохберг и др., 2025).

В литературе ИИ связывают с ростом производительности, эффективности бизнес-процессов и качества услуг (Арылбаева, 2020; Czarnitzki et al., 2023; Бедрик и др., 2025) за счёт автоматизации обработки информации, поддержки принятия решений, оптимизации операций и сокращения времени на выполнение отдельных задач (Brynjolfsson et al., 2019). Российские исследования выявили изменения процессов проектирования, производства, управления и организационных моделей, создающие предпосылки для роста производительности труда (Головенчик, 2018; Головенчик, 2020). Искусственный интеллект способен ускорять разработку новых продуктов, искать технологические решения, обрабатывать научно-техническую информацию и моделировать производственные процессы (Mariani et al., 2023). При этом экономический механизм таких эффектов связан с замещением отдельных трудовых операций и уменьшением трудоёмкости производства. Снижение потребности в труде, как правило, компенсируется появлением новых задач (Acemoglu, Restrepo, 2019). ИИ предполагает переход от отдельных цифровых решений к более системному использованию интеллектуальных технологий (Комаров, Пащенко, 2023). Связь применения ИИ с эффективностью организаций детально рассматривается в обзорных исследованиях с учётом уровня проявления эффектов, временного горизонта, используемых технологий и возможных непредвиденных последствий (Enholm et al., 2022).

Положительный эффект возникает тогда, когда ИИ встроен в бизнес-процессы, систему управления, аналитику и взаимодействие с потребителями (Wamba-Taguimdje et al., 2020). Близкий вывод представлен в работе P. Mikalef и M. Gupta: «Результативность ИИ зависит от способности организации сформировать ИИ-компетенции, объединяющие данные, технологии, человеческие навыки и управленческие ресурсы» (Mikalef, Gupta, 2021). Исследование ИИ как технологии общего назначения не может ограничиваться фиксацией масштабов применения. Необходима оценка моделей внедрения, включая технологическое разнообразие, функциональную нагрузку, каналы доступа к решениям и кадровый потенциал.

Региональная неоднородность внедрения цифровых технологий: масштабы и модели. Неоднородность цифровизации – многоуровневая проблема, охватывающая территориальные, отраслевые и организационные аспекты (van Dijk, 2006; Миролюбова, Николаев, 2024; Кургин, 2026). Различия в темпах цифровой трансформации экономики регионов связаны с отраслевыми особенностями, институциональными и политическими факторами (Шитов и др., 2023), исходным уровнем цифровой зрелости (Садыртдинов, 2020), доступностью инфраструктуры (Чернышева, Калыгина, 2019), спецификой бизнес-моделей и способностью адаптироваться к технологическим изменениям (Кочеткова, 2022). Существующие исследования преимущественно отвечают на частные вопросы и оставляют за рамками комплексный подход к оценке специфики процессов цифровизации (Свистунов и др., 2020). Часто для измерения дифференциации используется индексный подход, основанный на изучении цифрового спроса и предложения в городах (Положенцева, Масленникова, 2020), интегральных показателей готовности регионов к цифровой трансформации (Писарев и др., 2022) или цифровой активности населения и бизнеса в регионах (Мерзлякова и др., 2022).

Внедрение ИИ в России, как и цифровизация в целом, распределено неравномерно (Строев, Свистунов, 2024) из-за уровня готовности регионов к интеллектуальным технологиям (Варламова, Корнейченко, 2024). По оценкам С.П. Земцова, преимущества сосредоточены в регионах с исследовательской инфраструктурой, агломерациями и технологическим бизнесом (Земцов, 2024). Данная тенденция применима и к европейским странам (Vicente et al., 2025).

На практике сложились различные территориальные модели использования ИИ: в регионах с развитыми услугами, финансами и ИТ доминирует сервисно-платформенный подход, ориентированный на аналитику, маркетинг и автоматизацию управления (Brynjolfsson et al., 2019); в индустриальных – производственный контроль, диагностика, логистика и управление качеством (Лаврикова и др., 2024). Однако показатели масштаба внедрения не раскрывают глубину интеграции искусственного интеллекта в производственные и управленческие процессы. Следовательно, анализ региональной неоднородности должен учитывать не только уровень распространения, но и качественные различия моделей: функциональные направления, организационные компетенции, кадровую и ресурсную обеспеченность. Это требует перехода от сопоставления по отдельным показателям и агрегированным индексам к методам, позволяющим выделять устойчивые сочетания признаков и типологизировать регионы по моделям применения ИИ.

Материалы и методы

Информационную базу составили официальные данные об использовании цифровых технологий организациями в 2024 году по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам РФ. Статистическое наблюдение охватывает широкий круг юридических лиц за исключением субъектов малого предпринимательства, производственных и сервисных отраслей, а также сфер государственного управления, образования, здравоохранения и социальных услуг с учётом предусмотренных методологией отраслевых исключений.

Для оценки региональных различий учтены четыре группы показателей: масштаб распространения ИИ (число и доля организаций, использовавших технологии по видам, целям и способам приобретения), кадровые характеристики (численность работников: использующих ИИ, прошедших обучение, нуждающихся в обучении и специалистов), результаты внедрения (влияние на экономические, производственные и организационные показатели), затраты и их структура (общий объём, расходы на оборудование и ПО, источники финансирования).

Такой статистический набор позволяет рассматривать использование ИИ как комплексный процесс, однако он имеет ряд ограничений. Среди них – выборочный характер наблюдения, невозможность адекватных межвременных сопоставлений из-за изменений методологии, фокус на использовании, а не на производстве ИИ-технологий, а также отсутствие данных о глубине интеграции. Отдельные наблюдения, существенно отклоняющиеся от средних значений, требуют осторожной интерпретации, потому что могут отражать как реальные особенности, так и артефакты статистики (малая выборка, влияние крупных проектов). Отдельные пропущенные значения в единичных случаях замещались средними по федеральному округу, что позволило сохранить регионы в анализе.

Первым этапом сравнительного анализа стало ранжирование регионов. По каждому показателю определялись позиции федеральных округов и отдельных субъектов внутри них. Оценка на уровне округов позволяет сгладить экстремальные значения и выявить устойчивые макрорегиональные различия в распространении, направлениях и ресурсном обеспечении ИИ. Анализ проводился по блокам: масштаб использования, виды технологий, цели, кадры, способы приобретения, эффекты, затраты и финансирование. Это позволило сопоставить территории не только по уровню внедрения ИИ, но и по структурным особенностям. Результаты ранжирования легли в основу выделения территорий с наиболее выраженными характеристиками, оценок внутригрупповых различий и последующей типологизации регионов по профилю использования ИИ.

Типологизация регионов и выделение характерных моделей внедрения ИИ проводились на основе иерархической кластеризации нормированных показателей. В качестве меры близости применялось евклидово расстояние. Объединение наблюдений осуществлялось агломеративным методом Уорда (Murtagh, Legendre, 2014; Argüelles et al., 2014; Crispim et al., 2020). На заключительном этапе группы регионов интерпретировались с учётом экономического смысла использованных показателей.

Для подготовки данных для типологизации мы применили нормирование показателей относительно общего уровня использования ИИ в регионе:

$$P_{ij}^{norm} = \frac{P_{ij}}{AI_i},$$

где P_{ij}^{norm} – нормированное значение показателя j для региона i;

P_{ij} – значение конкретного показателя использования ИИ, эффекта, кадровой характеристики, способа приобретения решений или затрат;

AI_i – доля организаций региона i, использовавших технологии ИИ.

Нормирование выполняло не только техническую функцию приведения переменных к единому масштабу, но и блокировало доминирование одних признаков над другими при расчёте расстояний, что позволило выделять кластеры именно по структурному сходству внедрения ИИ, а не по абсолютным значениям. Благодаря этому были проведены корректные расчёты расстояния в многомерном пространстве и обоснованно включены в типологию регионы с завышенными абсолютными значениями.

Подготовка данных и визуализация выполнялись в Excel, кластерный анализ – в Python 3 с профильными библиотеками. Для каждого набора признаков рассматривалось разбиение от 2 до 10 кластеров; выбор итогового числа групп основывался на критериях качества и содержательной устойчивости. Использовались коэффициент силуэта (компактность и отделимость кластеров), скорректированный индекс Рэнда (устойчивость на подвыборках) и расстояния между центрами кластеров для оценки межкластерной дифференциации.

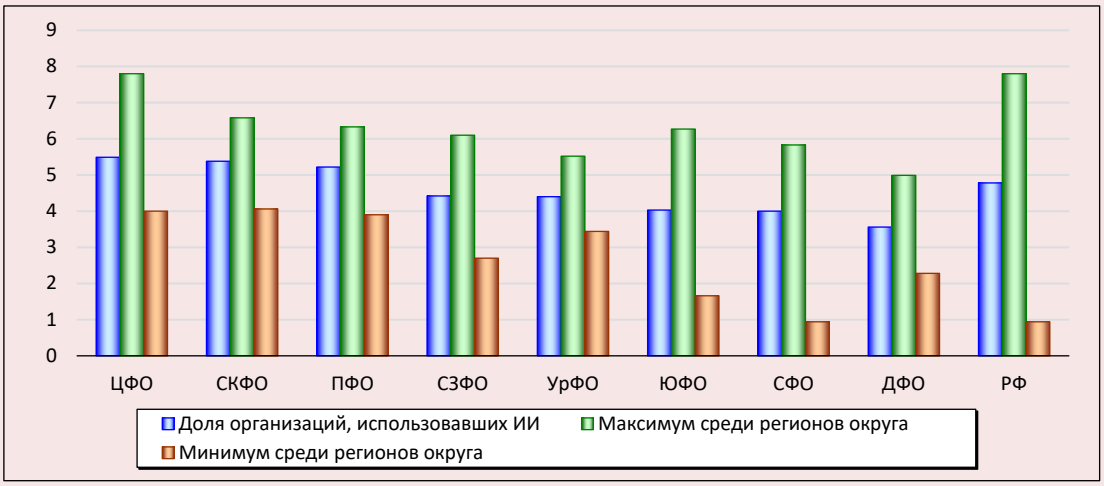
Результаты исследования

Ранжирование регионов по масштабу и особенностям использования ИИ в экономике

В 2024 году технологии ИИ применялись в 4,78% российских организаций. Их использование зафиксировано во всех федеральных округах, однако нигде не стало массовым. Различия между регионами существуют, но они не образуют простой иерархии: крупнейшие и наиболее развитые территории – лидеры, периферийные – аутсайдеры.

Центральный федеральный округ закономерно занимает первую позицию благодаря концентрации управленческих, финансовых и научно-образовательных структур, однако внутри округа Москва не является лидером. В крупных диверсифицированных экономиках (Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Красноярский край, Иркутская область) относительные показатели внедрения оказываются сглаженными, и их умеренные значения не следует автоматически трактовать как технологическую отсталость. Напротив, высокие показатели отдельных республик и областей доказывают, что в компактных региональных экономиках ИИ способен распространяться быстрее, чем принято считать (*рис. 1*).

Рис. 1. Доля организаций, использовавших технологии ИИ, 2024 год, %



Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

Кадровые показатели (обучение, наличие специалистов) позволяют оценить, насколько регулярное применение ИИ обеспечено квалифицированными кадрами. Наиболее высокие доли организаций с сотрудниками, использующими ИИ, зафиксированы в Дальневосточном (2,77%), Уральском (2,59%) и Центральном (2,51%) федеральных округах при среднем по РФ 2,45%. Эти значения заметно ниже долей организаций, декларирующих использование ИИ, следовательно, распространение технологии идёт преимущественно через встроенные программные решения и внешние сервисы, а не через целенаправленное формирование специализированных команд.

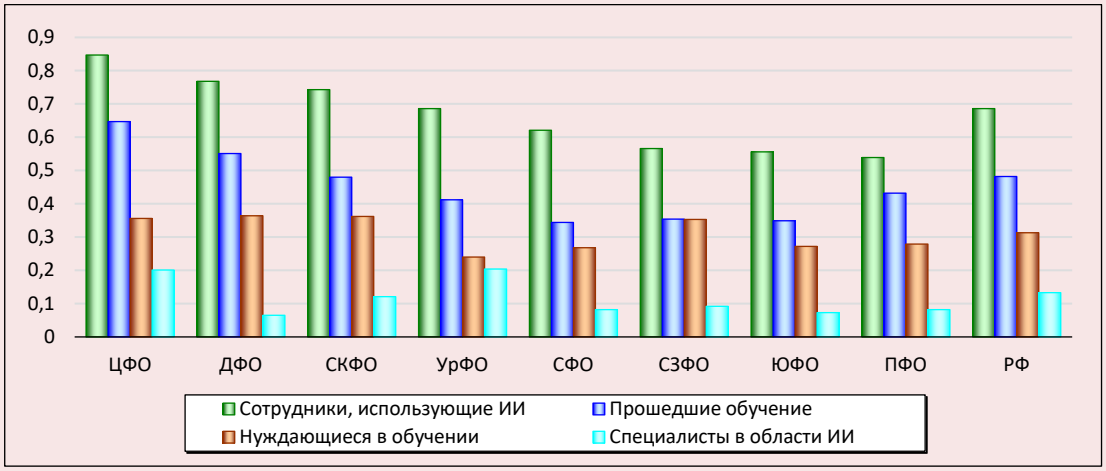
Доля сотрудников, непосредственно использующих ИИ, показывает иную картину. Так, ЦФО уверенно лидирует по всем кадровым метрикам: 0,847% сотрудников применяют ИИ, 0,647% прошли обучение, 0,201% являются профильными специалистами. Такая структура характерна для столично-агломерационной модели внедрения, где концентрация крупных организаций, цифровых сервисов и управленческих функций формирует кадровую готовность. Уральский федеральный округ, прежде всего за счёт Свердловской области, демонстрирует собственную кадровую модель, в которой внедрение ИИ опирается не столько на пользователей готовых решений, сколько на специалистов, способных к более глубокой технологической интеграции. Для промышленного макрорегиона это принципиально иной путь освоения технологии (*рис. 2*).

Профессиональная база ИИ концентрируется не только в столичных регионах, она формируется также в промышленных, научно-образовательных и технологически активных субъектах: Ульяновской, Новосибирской, Липецкой, Томской областях и Санкт-Петербурге.

Среди пяти технологических направлений ИИ наиболее распространены обработка визуальных данных (включая компьютерное зрение) – 3,17%, интеллектуальная поддержка принятия решений – 2,40%, обработка звука и текста имеют близкие значения – 1,71 и 1,70% соответственно. Наименее востребованы технологии повышения эффективности самого ИИ – 1,04% (*рис. 3*).

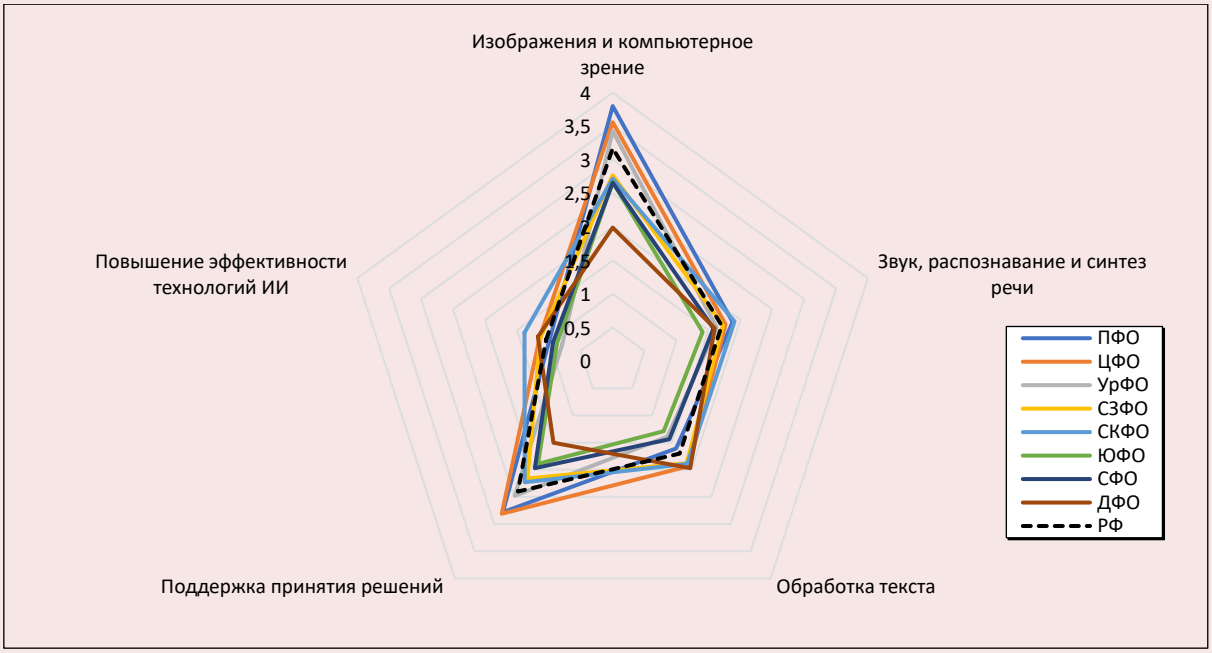
Региональные технологические профили во многом отражают сложившуюся отраслевую структуру: в индустриально ориентированных субъектах ожидаемо выше доля компьютерного зрения и производственных сценариев использования ИИ, тогда как в регионах с развитым сервисным и управленческим сектором сильнее представлены обработка текста и интеллектуальная аналитика. На региональном уровне различия становятся ещё более контрастными: по обработке визуальных данных выделяются Владимирская, Воронежская, Ивановская и Самарская области (4,87–6,20%); интеллектуальной поддержке решений – Владимирская область, Республика Марий Эл и Московская область (4,2–5,3%); обработке текста – Республика Марий Эл, Сахалинская и Воронежская области, а также Москва.

Рис. 2. Доля сотрудников, связанных с использованием и освоением ИИ, 2024 год, %



Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

Рис. 3. Доля организаций, использовавших ИИ, по видам технологий, 2024 год, %



Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

Анализ целей использования ИИ показывает, что в российских организациях преобладают прикладные и операционные сценарии, связанные с маркетингом, производством продукции и управлением персоналом. Эти направления близки по распространённости, что указывает на постепенное встраивание искусственного интеллекта сразу в несколько практических сфер деятельности организаций (*рис. 4*).

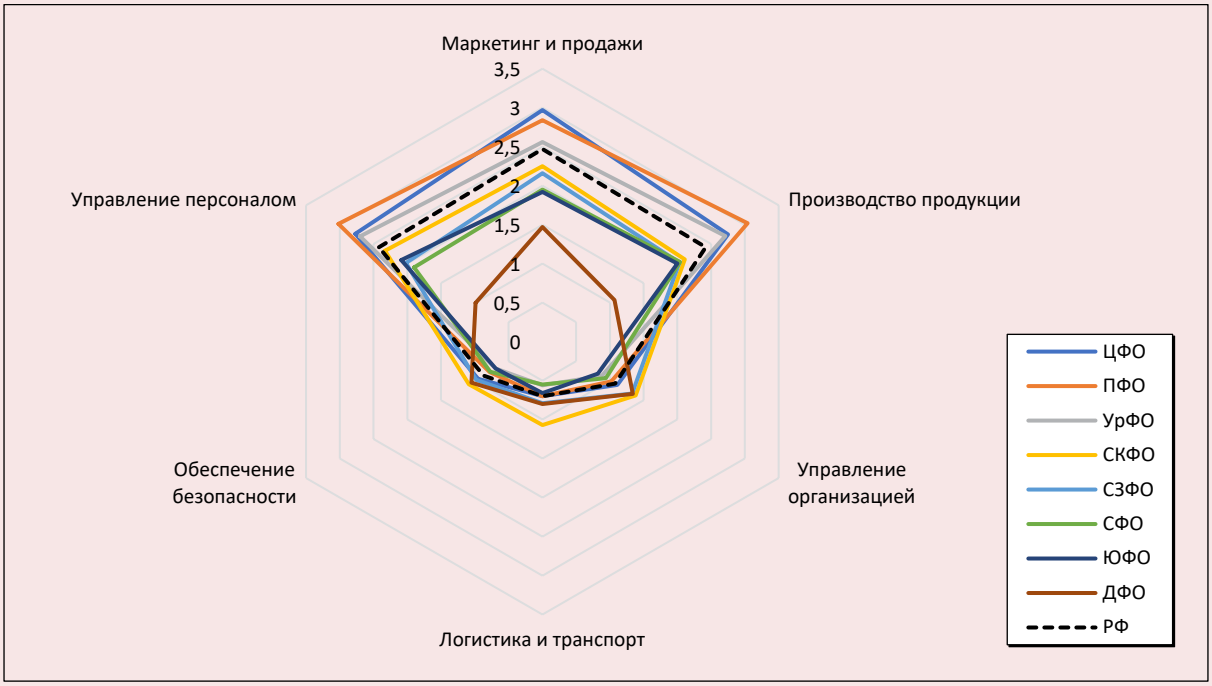
Специфика ЦФО соответствует концентрации сервисных, управленческих и рыночных функций; ПФО и УрФО, напротив, демонстрируют более выраженный производственно-кадровый профиль. Владимирская область выделяется сразу по трём сценариям – маркетингу, производству и управлению персоналом. Причём по этим направлениям её значения более чем вдвое превышают среднероссийский уровень. Близкий производственно-рыночный профиль имеют Ивановская, Самарская, Воронежская и Тамбовская области, где ИИ преимущественно задействован в клиентских, производственных и кадровых задачах.

Результаты обследования позволяют оценить не только распространенность ИИ, но и характер эффектов, которые организации связывают с его внедрением (*рис. 5*).

Наиболее заметная отдача связана не с сокращением численности работников, а с организационной, управленческой и операционной оптимизацией. Искусственный интеллект сравнительно легко встраивается в повторяющиеся аналитические, клиентские и управленческие операции. Меньшая распространенность сокращений персонала сама по себе не свидетельствует о слабой экономической отдаче ИИ, а скорее связана со замещением трудовых операций (Acemoglu, Restrepo, 2019).

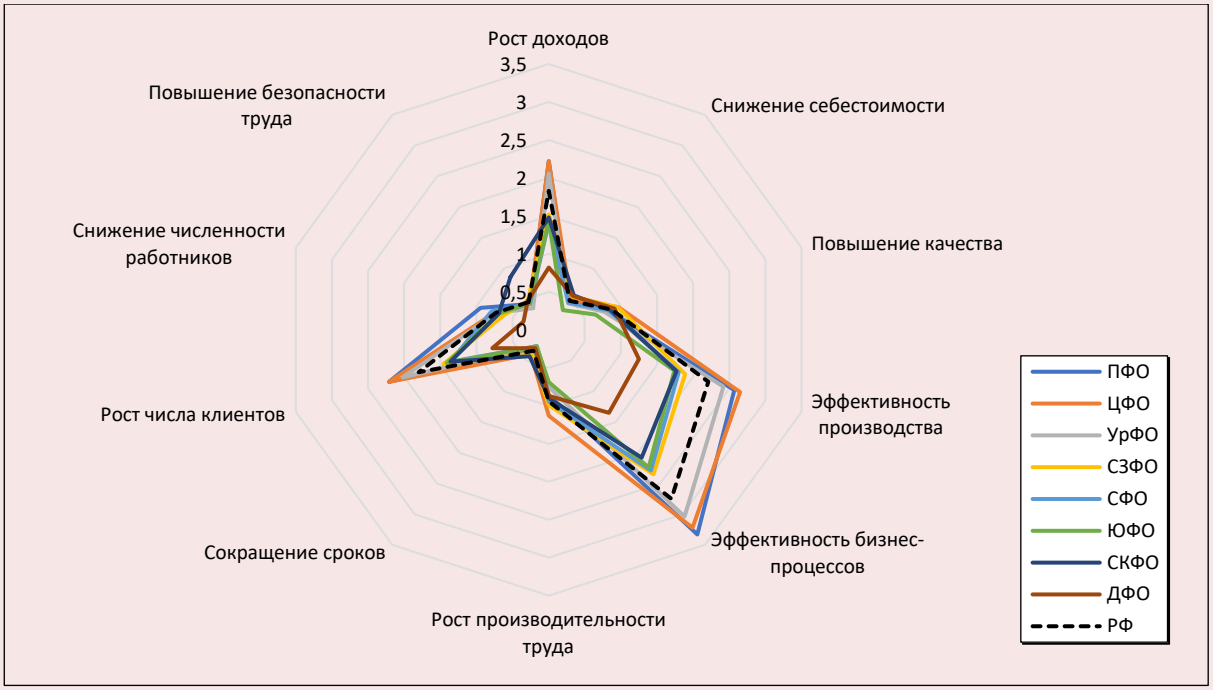
На региональном уровне наиболее выраженный комплексный эффект наблюдается во Владимирской, Московской, Ивановской, Самарской, Тамбовской и Тверской областях. Показатель снижения численности работников, напротив, имеет иную географию – его максимальные значения зафиксированы в Курганской области, Республике Марий Эл, Чувашской Республике, Республике Калмыкии и Республике Карелии. Это позволяет предположить, что в отдельных регионах ИИ воспринимается скорее как инструмент замещения труда, чем средство повышения эффективности.

Рис. 4. Доля организаций, использовавших ИИ, по целям использования, 2024 год, %



Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

Рис. 5. Доля организаций, отметивших положительные эффекты ИИ, 2024 год, %



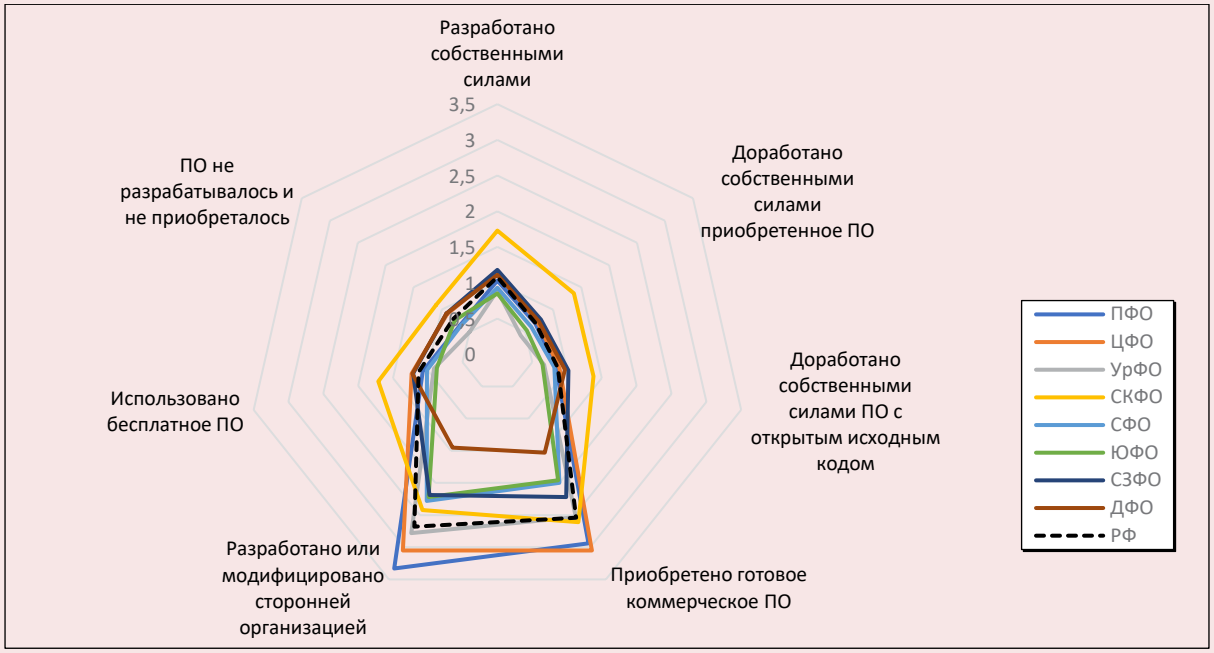
Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

Анализ способов приобретения ИИ-решений позволяет оценить, какой путь выбирает регион: создание собственных технологических разработок либо использование готовых продуктов (*рис. 6*).

Российские организации чаще использовали внешние или готовые решения, нежели разрабатывали ИИ самостоятельно. Это указывает на ограниченность внутренней технологической базы. Такая модель, характерная для Приволжского, Центрального и Уральского федеральных округов, ускоряет распространение ИИ, но при этом сдерживает накопление собственных компетенций разработчика. Региональные различия позволяют выделить две модели лидерства. Владимирская, Воронежская, Московская, Самарская, Ивановская и Тверская области выделяются по приобретению готового ПО. Иную модель демонстрируют территории с более высокой долей самостоятельной разработки и использования открытого исходного кода: Белгородская, Костромская, Новосибирская и Томская области, Чувашская Республика, Санкт-Петербург, Москва, а также северокавказские республики. Высокая доля внешних закупок не обязательно свидетельствует о технологической отсталости, она может отражать прагматичную стратегию быстрого доступа к решениям, тогда как акцент на собственной разработке не всегда гарантирует их качество и масштабируемость.

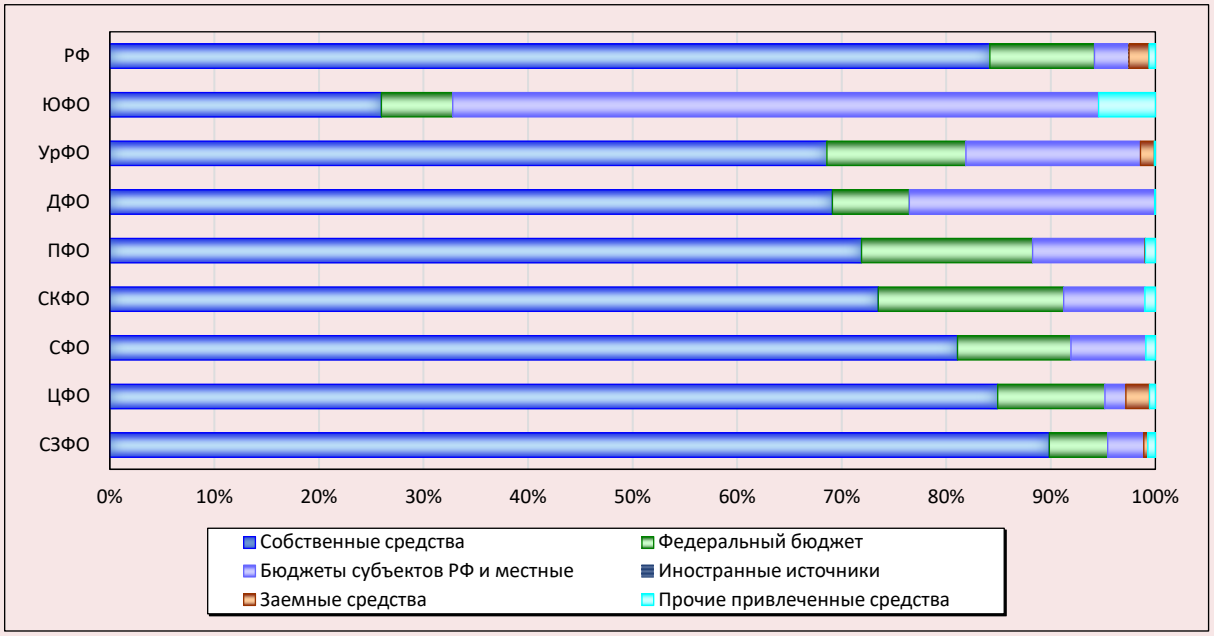
Затраты на ИИ пока занимают менее 2% от цифровых расходов организаций, однако уже позволяют увидеть различия между аппаратной и программной моделями внедрения. Первый тип характерен для Северо-Западного, Центрального, Южного федеральных округов и может быть связан с проектами, требующими вычислительной инфраструктуры, датчиков, камер или иной технической базы. Второй тип более выражен в Уральском, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах и находится ближе к модели внедрения ИИ через программные продукты и интеграцию ИИ-инструментов в существующие информационные системы организаций. Безусловным лидером по затратам на ИИ является ЦФО – 74,6 млрд руб., или 82,6% общего объёма затрат на ИИ в РФ. На региональном уровне концентрация затрат выражена ещё сильнее: Москва – 69,9 млрд руб., Санкт-Петербург – 8,2 млрд руб., Московская область – 2,8 млрд руб., Самарская область – 1,5 млрд руб. (*рис. 7*).

Рис. 6. Доля организаций по способам приобретения ИИ-решений, 2024 год, %



Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

Рис. 7. Структура источников финансирования затрат на ИИ, 2024 год, %



Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science

В РФ основным источником финансирования выступают собственные средства организаций – 84,2% совокупных затрат. Исключение составляет ЮФО, где бюджетные средства формируют 68,6% затрат на ИИ, что указывает на более сильную зависимость от государственной поддержки. При этом доля заёмных, иностранных и прочих привлечённых источников не превышает 2,5%. Столь выраженная опора на собственные ресурсы либо на бюджетное финансирование при почти полном отсутствии кредитных ресурсов может свидетельствовать о сохраняющейся неопределённости окупаемости ИИ-проектов, сложности оценки нематериальных результатов и, как следствие, об осторожности предприятий и кредитных организаций в этой сфере.

Типология региональных моделей использования ИИ

Следующий этап исследования – типологизация субъектов РФ. Он направлен на выявление устойчивых сочетаний признаков, характеризующих модели внедрения ИИ организациями. Типологизация проводится по трём профилям: технолого-функциональному (область применения, типы решений и эффекты), организационно-компетентностному (приобретение, разработка, доработка решений, кадровые компетенции) и финансово-инвестиционному (структура затрат и источники финансирования). Такое построение позволяет перейти от линейного сопоставления регионов к содержательной оценке того, каким образом ИИ встроен в экономику региона.

Технолого-функциональный профиль. В рамках профиля оценка включает три блока: виды технологий ИИ, цели использования и эффекты внедрения. Различия между группами определяются сочетанием технологических решений, функциональных задач и ожидаемых результатов.

Наиболее высокие значения коэффициента силуэта получены для двух и трёх кластеров – 0,458 и 0,456 соответственно. При этом двухкластерное решение даёт слишком обобщенную картину и фактически противопоставляет основную массу регионов ограниченной группе территорий с иным профилем. Трёхкластерное решение сохраняет сопоставимую компактность, обладает приемлемой устойчивостью (скорректированный индекс согласованности разбиений – 0,655) и позволяет выделить содержательно различимые модели.

Выделенные группы показывают, что региональное использование ИИ пока развивается преимущественно не как самостоятельная технологическая специализация, а как инструмент доработки уже сложившихся экономических функций. Для большинства регионов характерна прикладная производственно-рыночная логика – ИИ встраивается в существующие процессы, усиливая их эффективность без радикальной смены модели развития организации. В меньшей группе регионов ИИ смещён в сторону управленческих, информационно-аналитических и координационных задач – это более «административная» модель цифровизации при ограниченной прямой производственной отдаче. Таким образом, в одних случаях ИИ становится инструментом операционной эффективности, в других – элементом управленческих механизмов (*табл. 1*). Названия моделей выступают в роли аналитических обозначений, отражающих наиболее выраженные сочетания характеристик.

Межкластерные различия подтверждаются расстояниями между центрами кластеров в стандартизированном пространстве: между первым и вторым – 6,73, первым и третьим – 11,27, вторым и третьим – 11,45. Наиболее значимые переменные, формирующие различия – цели использования ИИ (производство продукции или услуг, управление персоналом) и заявляемые эффекты (снижение себестоимости, повышение эффективности производственных процессов, рост доходов).

Организационно-компетентностный профиль приобретения и освоения ИИ-решений. В оценку в рамках профиля включены два блока признаков: способы приобретения ИИ-решений и показатели внутренней кадровой компетентности организаций. В регионах формируются сложные сочетания признаков: внешнее приобретение может сопровождаться умеренной вовлечённостью персонала, самостоятельная доработка не всегда означает наличие развитой кадровой базы, а в отдельных регионах кадровое освоение ИИ выражено сильнее, чем рыночные каналы приобретения программных решений. Пятикластерное решение обладает приемлемой устойчивостью и позволяет выделить содержательно различимые модели: внешнерыночную, смешанную, кадрово-компетентностную, фрагментарного освоения и самостоятельной доработки (*табл. 2*). Для большинства регионов ИИ пока остаётся внешне приобретаемым ресурсом, а не внутренне осваиваемой технологией, способной формировать устойчивые региональные преимущества.

Таблица 1. Типы регионов по технико-функциональному профилю результативности использования ИИ

Модель (количество регионов)	Характеристика профиля	Типичные регионы
Производственно-рыночная модель (70)	Прикладное использование ИИ для повышения эффективности бизнес-процессов и коммерческой отдачи. Искусственный интеллект встроен в производство, услуги, маркетинг, управление персоналом и клиентское взаимодействие. Ключевые технологии: компьютерное зрение; функции: управление персоналом, производство, маркетинг и продажи; эффекты: рост доходов и числа клиентов.	Тюменская, Астраханская, Смоленская, Саратовская и Вологодская области; Чувашская Республика
Управленческо-информационная модель (14)	Сервисно-управленческое применение ИИ, ориентированное на информационную поддержку, координацию и организационный контроль. Искусственный интеллект сильнее связан с обработкой информации, управлением, безопасностью и логистикой, чем с производством и продажами.	Санкт-Петербург, Москва; Республика Бурятия; Амурская, Сахалинская и Магаданская области
Специфическая интенсивная модель комплексного применения ИИ (3)	Малочисленная группа с повышенными значениями по большинству признаков. В силу специфики статистики и малой численности требует осторожной интерпретации.	Чукотский автономный округ; Еврейская автономная область; Республика Тыва
Источник: составлено автором.		

Таблица 2. Типы регионов по организационно-компетентностному профилю приобретения и освоения ИИ-решений

Модель (количество регионов)	Характеристика профиля	Типичные регионы
Внешнерыночная модель внедрения ИИ (37)	ИИ осваивается преимущественно через рынок готового коммерческого ПО и услуги сторонних разработчиков. Такая модель снижает входные барьеры и ускоряет распространение ИИ, но делает организации зависимыми и ограничивает накопление внутренних компетенций.	Ростовская, Калужская, Псковская, Кировская области; Ставропольский край; Удмуртская Республика
Смешанная модель приобретения и частичной адаптации ИИ-решений (28)	Сочетание внешнего приобретения с элементами самостоятельной адаптации. Промежуточная модель: организации выходят за рамки пассивного приобретения готовых решений, но ещё не обладают полноценной базой для самостоятельной разработки.	Республики Татарстан, Адыгея; Омская, Томская, Тюменская, Белгородская области
Кадрово-компетентностная модель освоения ИИ (5)	Высокая вовлечённость персонала: сотрудники, использующие ИИ, прошедшие обучение, нуждающиеся в обучении и специалисты в области искусственного интеллекта. Модель более глубокого организационного освоения, при которой ИИ становится частью внутренней компетентностной базы региона.	Москва; Иркутская, Сахалинская, Свердловская области; Севастополь
Модель фрагментарного освоения ИИ-решений (15)	Слабая институционализация приобретения ИИ-решений, использование бесплатного или открытого ПО. Отражает точечное, экспериментальное внедрение без устойчивой системы закупки, адаптации и кадрового закрепления технологии.	Санкт-Петербург; республики Крым, Ингушетия; Ленинградская, Амурская области; Республика Северная Осетия – Алания
Модель самостоятельной доработки (2)	Специфическая группа, где наиболее выражены собственная разработка, доработка приобретённого и открытого ПО, а также использование бесплатных решений. Однако кадровая база не выглядит развитой, что может указывать на локальные практики самостоятельной адаптации ИИ-решений.	Кабардино-Балкарская Республика; Республика Тыва
Источник: составлено автором.		

Коэффициент силуэта для пяти кластеров составил 0,204, что указывает на умеренную выраженность структуры – группы содержательно различаются, но между ними сохраняются пересечения. Среднее значение скорректированного индекса согласованности разбиений при проверке устойчивости составило 0,652, что позволяет рассматривать выделенные группы как достаточно устойчивые для аналитической интерпретации. Наиболее значимыми различиями между кластерами являются способы приобретения ИИ-решений, а также вопросы обучения в связи с внедрением ИИ. Следовательно, межрегиональные различия определяются не только общей распространённостью ИИ, но также способом доступа к решениям и степенью внутреннего кадрового освоения технологии.

Финансово-инвестиционный профиль внедрения ИИ. В оценку включены показатели масштаба затрат на ИИ, их структура и источники финансирования. Региональные различия определяются не только расходами, но и тем, кто выступает носителем инвестиционной инициативы. Наиболее значимое различие прослеживается между инвестиционно активной корпоративной моделью и бюджетно зависимыми моделями. Финансовая неоднородность внедрения ИИ отражает разную степень зрелости региональных экономик как пользователей технологии: когда ИИ финансируется бизнесом, он с большей вероятностью становится частью инвестиционного цикла организаций (*табл. 3*).

Коэффициент силуэта для пяти кластеров составил 0,359, что указывает на умеренно выраженную структуру групп. Среднее значение скорректированного индекса согласованности разбиений (0,763) позволяет рассматривать выделенные группы как достаточно устойчивые. Наиболее значимые параметры, формирующие различия между кластерами, – структура финансирования и общая доля затрат на ИИ.

Таблица 3. Модели регионов по финансово-инвестиционному профилю внедрения и ресурсного обеспечения ИИ

Модель (количество регионов)	Экономическая характеристика группы	Типичные регионы
Высокозатратная программно-аппаратная модель (17)	Наиболее капиталоёмкое внедрение ИИ: организации формируют не только программную, но и аппаратную базу.	Белгородская, Сахалинская, Вологодская, Тюменская области; Москва; Санкт-Петербург
Корпоративная модель умеренных затрат на ИИ (35)	Наиболее массовая модель с низкой инвестиционной интенсивностью: осторожное прикладное внедрение за счёт текущих возможностей организаций без высокой капитальной нагрузки.	Республика Башкортостан; Кемеровская, Тульская, Иркутская области; Пермский, Ставропольский края
Регионально-бюджетная модель (21)	Внедрение ИИ за счёт региональных и местных бюджетов при ограниченной самостоятельной инвестиционной активности организаций.	Камчатский край; Республика Карелия; Ямало-Ненецкий АО; Республика Адыгея; Воронежская область; Чукотский АО
Федерально-бюджетная модель (12)	Централизованное ресурсное обеспечение: внедрение ИИ зависит преимущественно от федеральных программ, корпоративная база выражена слабо.	Астраханская, Курганская, Челябинская, Тамбовская, Ярославская области; Кабардино-Балкарская Республика
Локально-привлечённая модель финансирования (2)	Нестандартная модель: внедрение ИИ не опирается на устойчивую собственную базу и поддерживается сочетанием локально-бюджетных и прочих привлечённых ресурсов.	Республики Крым, Северная Осетия – Алания
Источник: составлено автором.		

В целом результаты показывают, что единой финансово-инвестиционной модели внедрения ИИ в регионах РФ пока не сложилось. Высокозатратная программно-аппаратная модель охватывает ограниченную группу субъектов РФ, что указывает на концентрацию капиталоёмкого внедрения ИИ на сравнительно небольшом количестве территорий; остальные регионы либо осваивают ИИ с минимальными вложениями, либо полагаются на бюджетное финансирование, что ставит под вопрос устойчивость таких моделей в долгосрочной перспективе.

Обсуждение

Результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о нетождественности масштаба распространения ИИ и модели его внедрения. Установлено, что высокая доля организаций, использующих ИИ, не означает наличие собственных кадровых, технологических и организационных компетенций. Напротив, регионы со средним уровнем распространения могут демонстрировать более выраженные внутренние механизмы адаптации и интеграции технологий.

Научная новизна исследования состоит в разработке и апробации методического подхода, разграничивающего масштаб распространения ИИ и содержательные характеристики его внедрения в региональную экономику. Нормирование показателей, их группировка и последующая кластеризация позволяют сформировать модели по нескольким профилям. Показано, что эти концепции имеют многомерный характер и не могут быть сведены к единой типологии: один и тот же регион может одновременно относиться к различным типам по технологическому, организационному и финансовому профилям. Попытка объединения трёх классификаций привела к образованию большого числа групп с неинтерпретируемыми характеристиками. Именно раздельное рассмотрение профилей позволило обеспечить аналитическую ясность типологии с понятными группами.

Среди ограничений методологии следует выделить короткий временной период данных (один год), проектный и нерегулярный характер затрат на ИИ, а также невысокую долю организаций, использующих ИИ. Последнее может усиливать влияние отдельных наблюдений на региональные показатели и результаты кластеризации, что требует осторожности при интерпретации моделей. Особенно это касается малочисленных кластеров, характеристики которых могут отражать специфику отдельных территорий, крупных организаций или единич-

ных проектов. Повысить надежность финансовых и организационных моделей позволит использование усреднённых сопоставимых данных за несколько лет.

Полученные результаты согласуются с выводами исследований, фиксирующих выраженную региональную неоднородность использования ИИ в России, зависящую от кадрового потенциала, уровня экономического развития и инновационной активности организаций (Шитов и др., 2023; Варламова, Корнейченко, 2024). Вместе с тем они уточняют их: различия между регионами проявляются не только в масштабе распространения ИИ, но и в моделях его внедрения. Это соотносится с выводами С.П. Земцова о неодинаковом потенциале регионов по созданию и внедрению ИИ-технологий, что соответствует выделенным моделям в рамках организационно-компетентностного профиля (Земцов, 2024).

Заключение

В результате исследования решены поставленные задачи, связанные с оценкой региональных различий во внедрении ИИ в экономике субъектов РФ. Установлено, что масштаб внедрения ИИ и модель его освоения представляют собой неидентичные характеристики экономики региона. В рамках трёх профилей выделены модели внедрения искусственного интеллекта, что подтверждает необходимость не универсальных, а дифференцированных подходов к регулированию и поддержке процессов цифровой трансформации.

Предложенная типология может применяться на практике как инструмент диагностики региональных различий и обоснования адресных мер государственной политики. В регионах с доминированием производственно-рыночной модели и ограниченной кадровой базой целесообразно развитие программ профессиональной подготовки и организационного сопровождения внедрения ИИ. Для территорий с выраженными компетенциями, но недостаточным уровнем инвестиционной активности – механизмы софинансирования и налогового стимулирования. В субъектах с преобладанием бюджетных источников финансирования – развитие институтов государственно-частного партнёрства.

Выявление прямых и обратных связей между отдельными социально-экономическими факторами (экономическим ростом, производительностью, качеством человеческого капитала) и моделями использования ИИ, а также разработка рекомендаций для органов власти признаются нами крайне важным потенциальным практическим результатом и предусмотрены в ходе следующих этапов исследований.

Литература

Арылбаева Э.Д. (2020). Цифровая трансформация промышленных предприятий как фактор роста производительности труда // Экономика и бизнес: теория и практика. № 6. С. 19–22. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10522

Бедрик О.И., Несутулов А.С., Никитин Е.Н. (2025). Технологии искусственного интеллекта как фактор развития цифровой экономики: оценка социально-экономических эффектов // Экономика и управление. Т. 31. № 5. С. 593–601. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-5-593-601

Варламова Ю.А., Корнейченко Е.Н. (2024). Искусственный интеллект в российских регионах // Russian Journal of Economics and Law. Т. 18. № 3. С. 641–662. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.641-662

Головенчик Г.Г. (2018). Трансформация рынка труда в цифровой экономике // Цифровая трансформация. № 4. С. 27–43.

Головенчик Г.Г. (2020). Цифровая трансформация промышленных предприятий: вопросы теории и практики // Цифровая экономика. № 1. С. 20–30.

Гохберг Л.М., Туровец Ю.В., Вишневский К.О. [и др.]. (2025). Искусственный интеллект в России: технологии и рынки. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. 148 с.

Земцов С.П. (2024). Потенциал создания и внедрения технологий искусственного интеллекта в регионах России // Региональные исследования. № 1. С. 34–47. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-3

Комаров Н.М., Пащенко Д.С. (2023). Повышение скорости внедрения инноваций в промышленности в условиях цифровизации // Вестник Евразийской науки. Т. 15. № 2. URL: https://esj.today/PDF/68ECVN223.pdf

Кочеткова Т.С. (2022). Цифровизация и развитие региональных экономических систем // Региональная экономика и управление. № 3. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-371-11

Кургин Е.В. (2026). Пространственная неоднородность цифровизации федеральных округов России // Управление и учет. № 4. С. 1–12. DOI: 10.25806/uu-6014.

Лаврикова Ю.Г., Бодрунов С.Д., Акбердина В.В., Коровин Г.Б. (2024). Цифровая трансформация экономики: особенности индустриально развитых регионов // Экономическое возрождение России. № 1. С. 5–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24

Мерзлякова Е.А., Ковалев П.П., Бридский Е.В. (2022). Аналитические аспекты исследования цифровизации региональной экономики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 4. С. 92–101. DOI: 10.37493/2307-907X.2022.4.11

Миролюбова Т.В., Николаев Р.С. (2024). Цифровая экономика и цифровая трансформация региональной экономики: измерение и особенности // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. № 19. С. 340–354. DOI: 10.17072/1994-9960-2024-3-340-354

Писарев И.В., Бывшев В.И., Пантелеева И.А. [и др.]. (2022). Исследование готовности регионов России к цифровой трансформации // ϖ-Economy. Т. 15. № 2. С. 22–37. DOI: 10.18721/JE.15202

Положенцева Ю.С., Масленникова В.В. (2020). Методы оценки уровня цифровизации на мезоуровне // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 6. С. 67–72. DOI: 10.47581/2020/10.23.PS85/IE/5.48.011

Садыртдинов Р.Р. (2020). Уровень цифровизации регионов России // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 10. № 444. С. 230–235. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11029

Свистунов В.М., Голышкова И.Н., Алешникова В.И. [и др.]. (2020). Цифровизация российских регионов: современные особенности и проблемы // Инновации и инвестиции. № 1. С. 297–300.

Строев В.В., Свистунов В.М. (2024). Эффективность внедрения искусственного интеллекта для развития регионов России // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 7-1. С. 146–156. DOI: 10.17513/vaael.3575

Чернышева А.М., Калыгина В.В. (2019). Развитие цифровизации регионов Российской Федерации // Вестник Академии знаний. № 4. С. 235–239.

Шитов Е.А., Раков Д.А., Коврова Е.С. [и др.]. (2023). Комплексная оценка качества и полноты региональных стратегий в области цифровой трансформации субъектов Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. Т. 13. № 1. С. 503–520. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117249

Acemoglu D., Restrepo P. (2019). Artificial intelligence, automation, and work. In: Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. (Eds). *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. Chicago: The University of Chicago Press. DOI: 10.3386/w24196

Aghion P., Jones B.F., Jones C.I. (2019). Artificial intelligence and economic growth. In: Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. (Eds). *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. Chicago: The University of Chicago Press. DOI: 10.3386/w23928

Argüelles M., Benavides C., Fernández I. (2014). A new approach to the identification of regional clusters: Hierarchical clustering on principal components. *Applied Economics*, 46(21), 2511–2519. DOI: 10.1080/00036846.2014.904491

Bresnahan T.F., Trajtenberg M. (1995). General purpose technologies "engines of growth"? *Journal of Econometrics*, 65(1), 83–108. DOI: 10.1016/0304-4076(94)01598-T

Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. (2019). Artificial intelligence and the modern productivity paradox: A clash of expectations and statistics. In: Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. (Eds). *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. Chicago: The University of Chicago Press. DOI: 10.3386/w24001

Crispim D.L., Fernandes L.L., Ferreira Filho D.F., Lira B.R.P. (2020). Comparison of cluster methods agglomerative hierarchical in sustainability indicators in municipalities of Pará state. *Research, Society and Development*, 9(2), e60922067. DOI: 10.33448/rsd-v9i2.2067

Czarnitzki D., Fernández G.P., Rammer C. (2023). Artificial intelligence and firm-level productivity. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 211, 188–205. DOI: 10.1016/j.jebo.2023.05.008

Enholm I.M., Papagiannidis E., Mikalef P., Krogstie J. (2022). Artificial intelligence and business value: A literature review. *Information Systems Frontiers*. 24(5), 1709–1734. DOI: 10.1007/s10796-021-10186-w

Filippucci F. et al. (2024). The impact of artificial intelligence on productivity, distribution and growth: Key mechanisms, initial evidence and policy challenges. *OECD Artificial Intelligence Papers*, 15. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/8d900037-en

Mariani M.M., Machado I., Magrelli V. et al. (2023). Artificial intelligence in innovation research: A systematic review, conceptual framework, and future research directions. *Technovation*, 122, 102623. DOI: 10.1016/j.technovation.2022.102623

Mikalef P., Gupta M. (2021). Artificial intelligence capability: Conceptualization, measurement calibration, and empirical study on its impact on organizational creativity and firm performance. *Information & Management*, 58(3), 103434. DOI: 10.1016/j.im.2021.103434

Murtagh F., Legendre P. (2014). Ward's hierarchical agglomerative clustering method: Which algorithms implement Ward's criterion? *Journal of Classification*, 31(3), 274–295. DOI: 10.1007/s00357-014-9161-z

Trajtenberg M. (2018). AI as the next GPT: A political-economy perspective. *NBER Working Paper*, 24245. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.

Van Dijk J.A.G.M. (2006). Digital divide research, achievements and shortcomings. *Poetics*, 34(4-5), 221–235. DOI: 10.1016/j.poetic.2006.05.004

Vicente M.R., Álvarez-Rodríguez C., Suárez-Álvarez A. (2025). An old familiar song? Assessing the artificial intelligence divide among the regions of the European Union and its connections with digital divides. *Telecommunications Policy*, 49(8), 103030. DOI: 10.1016/j.telpol.2025.103030

Wamba-Taguimdje S.-L., Fosso Wamba S., Kala Kamdjoug J.R. et al. (2020). Influence of artificial intelligence (AI) on firm performance: The business value of AI-based transformation projects. *Business Process Management Journal*, 26(7), 1893–1924. DOI: 10.1108/BPMJ-10-2019-0411

Сведения об авторе

Григорий Борисович Коровин – кандидат экономических наук, руководитель сектора экономических проблем отраслевых рынков, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: korovin.gb@uiec.ru)

Korovin G.B.

Artificial Intelligence in Organizations of the Russian Federation: Trends and Regional Adoption Models

Abstract. Artificial intelligence is becoming a major driver of the economy's digital transformation, yet its uptake across the regions of the Russian Federation remains highly uneven. Most studies focus on measuring the penetration of generative technologies, while the structural features of regional AI adoption models remain underexplored, which hampers the design of targeted support measures. The aim of the study is to identify and characterize regional models of neural network adoption in Russian organizations by examining the scale and areas of application, staffing, financial conditions, and outcomes of use. The analysis draws on official Rosstat data on the use of artificial intelligence by organizations in the constituent entities of the Russian Federation for 2024. Interregional differences are identified using comparative analysis, ranking, and hierarchical clustering of normalized indicators. The findings show that assessing the scale of AI diffusion and ranking alone are insufficient to characterize the specifics of its adoption across regions: the share of user organizations does not reveal the areas of application, the methods of adoption, or the resource provision for this technology. The study identifies three groups of regions by technological-functional profile, five by organizational-competence profile, and five by financial-investment profile. AI use is found to be predominantly production- and market-oriented, based on the acquisition of ready-made solutions and financed from organizations' own funds, with relatively low cost intensity. The proposed approach makes it possible to identify the substantive features of how generative technologies are integrated into regional economies and can be used to design targeted regional policies

in support of artificial intelligence. The study is limited by its short observation period, the specifics of the data, and the low share of users, which makes clustering sensitive to individual observations. Further research should focus on improving data reliability, comparing the identified models with regional socio-economic indicators, and developing recommendations for government authorities.

Key words: regional economy, artificial intelligence, digital transformation, artificial intelligence adoption, regional differentiation, typology of regions, cluster analysis.

Information about the Author

Grigoriy B. Korovin – Candidate of Sciences (Economics), head of the Sector for Economic Problems of Industry Markets, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: korovin.gb@uiec.ru)

Статья поступила 22.07.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.10
УДК 332.1:331.101.6:004, ББК 65.049(2Рос-6Арк)
© Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Хаценко Е.С.

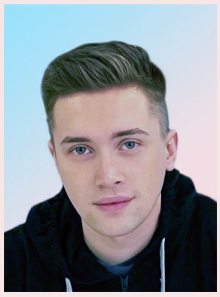
Специфика связи ИКТ-инвестиций с производительностью труда в Арктической зоне РФ в сравнении с общероссийскими тенденциями



Сергей Владимирович
БАРАНОВ
Кольский научный центр Российской академии наук
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: bars.vl@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1960-6120; ResearcherID: T-2287-2019



Татьяна Петровна
СКУФЬИНА
Кольский научный центр Российской академии наук
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: skufina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7382-3110; ResearcherID: W-9356-2019



Егор Сергеевич
ХАЦЕНКО
Кольский научный центр Российской академии наук
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: egor-mur@bk.ru
ORCID: 0000-0002-7845-1528; ResearcherID: ADX-0163-2022

Для цитирования: Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Хаценко Е.С. (2026). Специфика связи ИКТ-инвестиций с производительностью труда в Арктической зоне РФ в сравнении с общероссийскими тенденциями // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 199–213. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.10

For citation: Baranov S.V., Skufina T.P., Khatsenko E.S. (2026). The specifics of the relationship between ICT investment and labor productivity in the Arctic Zone of the Russian Federation compared with nationwide trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 199–213. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.10

Аннотация. Цифровая трансформация экономики сопровождается ростом вложений в информационно-коммуникационные технологии, однако статистическая связь таких вложений с производительностью труда остается неоднозначной и может зависеть от территориальной структуры экономики, периода наблюдения и способа измерения ИКТ-инвестиций. Цель исследования – сопоставить связь инвестиционных потоков с производительностью труда в Российской Федерации, Арктической зоне РФ и регионах вне её, оценить устойчивость полученных результатов. Дополнительно рассматриваются полностью и частично арктические регионы, что позволяет учитывать внутреннюю неоднородность Арктической зоны РФ. Использованы данные Росстата за 2010–2024 гг., приведенные к ценам 2010 года. Для рассматриваемых территорий оценены лог-линейные модели с ИКТ- и не ИКТ-инвестициями на одного занятого. Устойчивость результатов проверена на альтернативных временных интервалах, при включении линейного тренда, в первых разностях и в дополнительных моделях с остаточной стоимостью основных фондов. В основной спецификации положительная связь ИКТ-инвестиций с производительностью выявляется для РФ и регионов вне Арктической зоны РФ, однако она неустойчива к учету общей временной динамики. Для Арктической зоны РФ устойчивого подтверждения положительной связи не получено; оценки зависят от периода наблюдения и различаются между полностью и частично арктическими регионами. Существенным ограничением является отраслевой характер используемого показателя ИКТ-инвестиций, который не охватывает ИКТ-вложения организаций других видов деятельности. Полученные результаты указывают на необходимость осторожной интерпретации агрегированных оценок и учета территориальной и структурной неоднородности при анализе связи цифровых инвестиций с производительностью труда.

Ключевые слова: ИКТ-инвестиции, производительность труда, эластичность производительности труда, Арктическая зона РФ, региональная экономика, инвестиции в основной капитал.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01271, https://rscf.ru/project/25-28-01271/.

Введение

Одним из количественных проявлений цифровой трансформации российской экономики является рост затрат на её развитие. По данным сборника «Индикаторы цифровой экономики: 2026»[1], номинальный объём валовых затрат организаций и домашних хозяйств на создание, распространение и использование цифровых технологий и связанных с ними товаров и услуг увеличился с 3,3 трлн руб. в 2017 году до 6,7 трлн руб. в 2024 году; данные за 2024 год предварительные. При этом их доля в ВВП снизилась с 3,6 до 3,3%, поэтому номинальное увеличение денежных затрат само по себе не свидетельствует ни о росте их реального объёма, ни о повышении экономической эффективности. Это ставит вопрос о том, связаны ли инвестиции в сферу информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с производительностью труда и насколько устойчива эта связь, что и рассматривается в настоящем исследовании.

Метаанализ на макроуровне преимущественно указывает на положительную связь, однако её величина существенно различается в зависимости от уровня развития экономики, размера выборки и периода наблюдения (Wang et al., 2024). Метаанализ на уровне фирм также выявляет положительную, но слабую связь ИКТ-капитала с производительностью (Polák, 2017). Отдача от ИКТ способна проявляться с запаздыванием и зависеть от дополняющих организационных ресурсов (Brynjolfsson, Hitt,

[1] Индикаторы цифровой экономики: 2026: стат. сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, М.Я. Бочаров, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. 304 с. С. 30, 276–277. DOI: 10.17323/978-5-7598-3047-4.

2003; Ceccobelli et al., 2012). Adarov et al. выявляют положительную связь роста ИКТ-капитала, особенно программного обеспечения и баз данных, с ростом производительности труда (Adarov et al., 2022). Поэтому связь ИКТ-инвестиций с производительностью может различаться между территориями и периодами наблюдения.

Российские исследования также дают неоднозначные результаты. Положительные связи выявлены для отдельных отраслей, показателей расходов, активов и использования цифровых технологий (Gasanov, 2022; Varlamova, Larionova, 2020; Халимова, Иванова, 2021). Вместе с тем включение показателей ИКТ не всегда обеспечивает надежную оценку величины их вклада, а для отдельных характеристик цифровизации статистически значимая связь с производительностью не обнаруживается (Баранов, Скуфьина, 2014; Stuken et al., 2023). Различия результатов отражают неодинаковое содержание показателей ИКТ, отраслевую и территориальную неоднородность, выбор периода и возможную взаимную обусловленность выпуска и инвестиций.

Для Арктической зоны РФ (АЗРФ) эта проблематика особенно значима. Ресурсная специализация, малонаселённость, кадровые ограничения, пространственная рассредоточенность населения и высокая стоимость цифровой инфраструктуры формируют специфические условия использования ИКТ и могут усиливать территориальную неоднородность цифровизации (Kozlov et al., 2020; Гладких, Романова, 2024; Тимушев, 2025). Л.А. Куратова на основе интегрального индекса цифровизации домохозяйств, населения, органов власти и организаций сопоставила девять арктических регионов за 2014–2020 гг. и выявила существенные различия в уровне их цифровизации, а также ограничения доступности цифровой инфраструктуры в малых и удалённых населённых пунктах (Куратова, 2023). Другие исследования фиксируют выраженные различия регионов АЗРФ по состоянию цифровой инфраструктуры, доле сектора «информация и связь» в ВРП, применению передовых цифровых технологий и согласованности динамики выпуска, капитала и занятости (Nalivaychenko et al., 2025; Баранов и др., 2025; Баранов, Скуфьина, 2025). Вместе с тем эти работы преимущественно характеризуют инфраструктуру, цифровую готовность или общие факторы производства и не дают сопоставимой оценки связи ИКТ-инвестиций в основной капитал с выпуском на одного занятого.

Исследовательский пробел состоит в отсутствии сопоставимой оценки устойчивости связи ИКТ-инвестиций с производительностью труда для РФ, АЗРФ и регионов вне АЗРФ на основе единой системы показателей. Цель исследования – оценить эту связь по данным 2010–2024 гг. с раздельным учетом ИКТ- и не ИКТ-инвестиций и проверить устойчивость результатов к выбору периода, включению линейного временного тренда и переходу к годовым изменениям.

Исходные данные

Исследование основано на данных Росстата за 2010–2024 гг. по валовому региональному продукту (ВРП), среднегодовой численности занятых, инвестициям в основной капитал и инвестициям по виду экономической деятельности, используемому для выделения ИКТ-компоненты, а для дополнительной проверки – по остаточной балансовой стоимости основных фондов в целом и по виду экономической деятельности «Информация и связь»[2].

ВРП и инвестиции приведены к сопоставимым ценам 2010 года цепным методом с использованием соответствующих индексов физического объёма. В дополнительной проверке запас капитала измеряется опубликованной Росстатом остаточной балансовой стоимостью, поэтому накопленный износ уже учтен в исходном показателе; степень износа применяется только для контрольной сверки остаточной и полной учетной стоимости. Поскольку в использованных центральных сборниках «Регионы России» отсутствует единый сопоставимый ряд индексов физического объёма основных фондов по всем субъектам РФ за рассматриваемый период, остаточная стоимость

[2] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204; Инвестиции в России. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13238; Труд и занятость в России. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210; Основные фонды и другие нефинансовые активы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14304 (дата обращения: 28.08.2026).

дефлирована приближенным инвестиционным дефлятором. Полученный показатель является расчетной прокси-оценкой, а не официальной оценкой реальной остаточной стоимости основных фондов.

Инвестиции в ИКТ (I^{ICT}) выделяются из общего объёма инвестиций в основной капитал (I^{total}) по соответствующему виду экономической деятельности:

$$I_{it}^{nonICT} = I_{it}^{total} - I_{it}^{ICT},$$

где I^{nonICT} – не ИКТ-инвестиции; i – регион; t – год.

В 2010–2016 гг. ИКТ-компонента представлена видом экономической деятельности «связь», а с 2017 года – видом «информация и связь», что отражает переход к новой классификации[3]. Для учета смены классификации устойчивость результатов далее проверяется на альтернативных периодах. Таким образом, данный показатель является отраслевым приближением ИКТ-инвестиций: он включает инвестиции во все виды основных фондов организаций соответствующих видов деятельности, но не охватывает ИКТ-вложения организаций других видов деятельности.

Основное сопоставление проводится для РФ, АЗРФ и регионов вне АЗРФ. Региональная выборка включает 83 субъекта РФ. Республика Крым и г. Севастополь исключены из исследования из-за отсутствия полного набора данных за 2010–2024 гг. Дополнительно для анализа внутренней неоднородности АЗРФ отдельно рассматриваются полностью входящие в нее субъекты: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ – и частично входящие субъекты: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область без Ненецкого автономного округа, Красноярский край и Республика Саха (Якутия).

Для РФ используются официальные показатели Росстата. Для АЗРФ, полностью и частично арктических регионов и регионов вне АЗРФ абсолютные показатели формируются суммированием данных по входящим в соответствующую группу субъектам:

$$Y_{g,t} = \sum_{i \in g} Y_{i,t}, \qquad L_{g,t} = \sum_{i \in g} L_{i,t},$$

$$I_{g,t}^{ICT} = \sum_{i \in g} I_{i,t}^{ICT}, \qquad I_{g,t}^{nonICT} = \sum_{i \in g} I_{i,t}^{nonICT}. \quad (1)$$

Затем рассчитываются показатели на одного занятого:

$$y_{g,t} = \frac{Y_{g,t}}{L_{g,t}}, \qquad i_{g,t}^{ICT} = \frac{I_{g,t}^{ICT}}{L_{g,t}}, \qquad i_{g,t}^{nonICT} = \frac{I_{g,t}^{nonICT}}{L_{g,t}}, \quad (2)$$

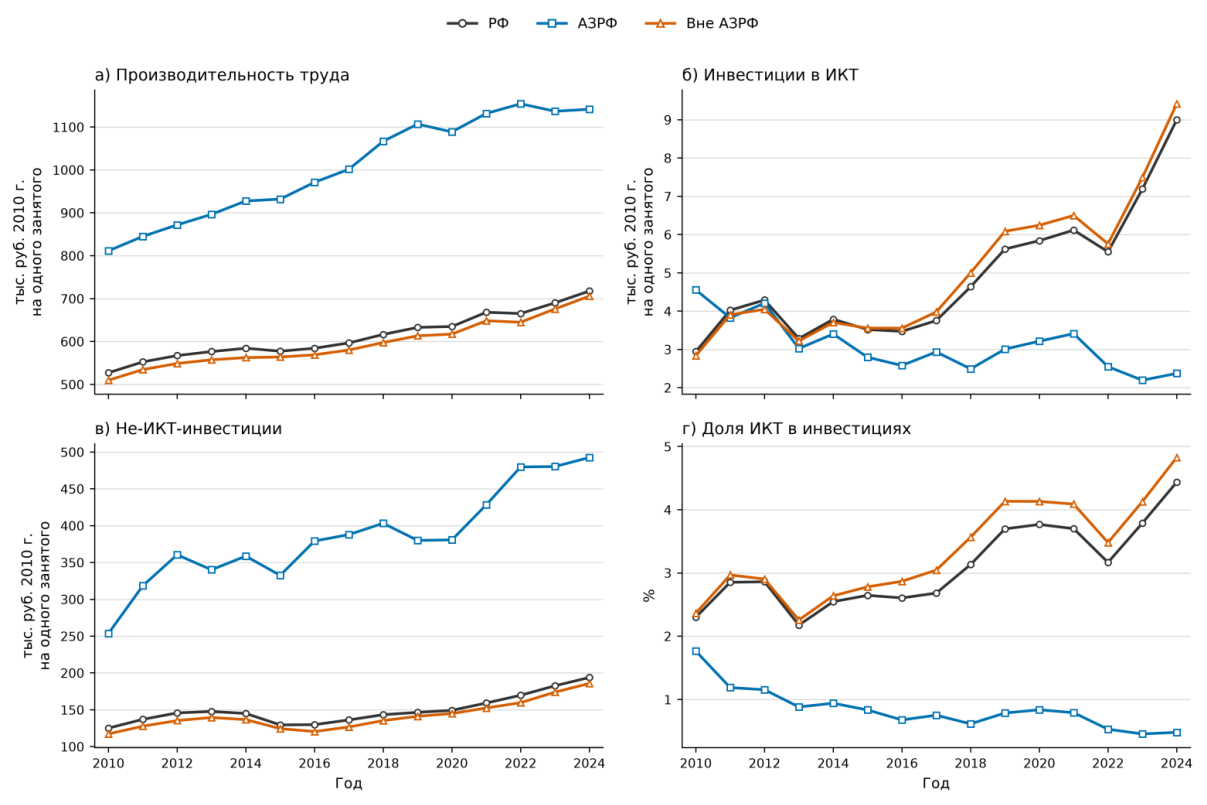
где g – РФ, АЗРФ, полностью арктические регионы, частично арктические регионы или регионы вне АЗРФ; Y – ВРП; L – среднегодовая численность занятых.

Для каждой территории производительность труда и инвестиции на одного занятого рассчитываются по совокупным значениям показателей, а не как простое среднее региональных значений. Производительность труда при этом эквивалентна средневзвешенной производительности регионов с весами, пропорциональными их занятости.

В 2010–2024 гг. производительность труда возрастала в РФ, АЗРФ и регионах вне АЗРФ (*рис. 1*). В АЗРФ уровень производительности труда оставался выше, чем в РФ и регионах вне АЗРФ. Динамика инвестиций существенно различалась. В РФ и регионах вне АЗРФ инвестиции в ИКТ на одного занятого и их доля в совокупных инвестициях заметно увеличились после 2017 года. В АЗРФ ИКТ-инвестиции были неустойчивыми, а их доля к концу периода снизилась. Не ИКТ-инвестиции на одного занятого в АЗРФ на протяжении всего периода существенно превышали уровни РФ и регионов вне АЗРФ и росли более высокими темпами.

[3] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Основные понятия: инвестиции в основной капитал. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ptVbsve8/met-str.pdf; Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ. 2020. Предисловие. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg_sub20.pdf (дата обращения: 24.08.2026).

Рис. 1. Динамика производительности труда и инвестиционных показателей, 2010–2024 гг.



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Для дополнительной характеристики внутренней структуры АЗРФ в *таблице 1* представлены доли полностью и частично арктических регионов в основных агрегированных показателях.

Частично арктические регионы формируют около 79% занятости АЗРФ и 60–64% её ВРП. Их доля в ИКТ-инвестициях также преобладает, хотя за рассматриваемый период она снизилась с 83,7 до 72,7%. Доля полностью арктических регионов в ИКТ-инвестициях, напротив, увеличилась с 16,3 до 27,3%, а в не ИКТ-инвестициях к концу периода составила около половины агрегированного показателя АЗРФ. Такое соотношение иллюстрирует неоднородность внутренней структуры АЗРФ и дополняет основания для раздельного рассмотрения полностью и частично арктических регионов.

Таблица 1. Доли полностью и частично арктических регионов в агрегированных показателях АЗРФ, %

Год	Группа регионов	ВРП	Занятость	ИКТ-инвестиции	Не ИКТ-инвестиции
2010	Полностью арктические	35,9	21,2	16,3	45,1
2010	Частично арктические	64,1	78,8	83,7	54,9
2017	Полностью арктические	37,1	21,3	19,7	51,4
2017	Частично арктические	62,9	78,7	80,3	48,6
2024	Полностью арктические	40,2	21,0	27,3	50,2
2024	Частично арктические	59,8	79,0	72,7	49,8

Примечания. Доли рассчитаны по абсолютным агрегированным значениям показателей. Стоимостные показатели приведены к ценам 2010 г. Для частично арктических регионов используются данные по соответствующим субъектам РФ в целом. Сумма долей двух групп по каждому показателю и году равна 100%.
Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Отраслевая специфика АЗРФ дополнительно проявляется в более высокой роли добычи полезных ископаемых. В 2024 году на этот вид деятельности приходилось 7,0% среднегодовой численности занятых в АЗРФ против 1,7% в РФ. В структуре инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности доля добычи составляла соответственно 59,4 и 17,6%[4]. Эти соотношения согласуются с результатами ранее выполненного сопоставления за 2016–2022 гг., показавшего повышенную долю добычи полезных ископаемых в ВРП большинства арктических регионов по сравнению с общероссийским уровнем (Баранов и др., 2025).

Методология

Эмпирический анализ оценивает связь производительности труда с ИКТ- и не ИКТ-инвестициями, что соответствует подходам, в которых ИКТ-капитал рассматривается отдельно от не ИКТ-капитала (Adarov et al., 2022; Ceccobelli et al., 2012; Баранов, Скуфьина, 2014). Поскольку используются текущие инвестиции, а не накопленные запасы капитала, спецификация является инвестиционно-потоковой моделью производительности, а не классической производственной функцией.

Для каждой территории отдельно оценивается модель

$$\ln y_{g,t} = a_g + \alpha_g \ln i_{g,t}^{nonICT} + \gamma_g \ln i_{g,t}^{ICT} + \varepsilon_{g,t}, \quad (3)$$

где a_g – постоянная; $\varepsilon_{g,t}$ – случайная ошибка. Коэффициент α_g интерпретируется как условная эластичность производительности по не ИКТ-инвестициям на одного занятого при фиксированном уровне ИКТ-инвестиций; γ_g – аналогично для ИКТ-инвестиций. Эти параметры не имеют причинной интерпретации, поскольку модель не устраняет обратную причинность и влияние неучтенных факторов. Возможность того, что высокий выпуск сам создает ресурсы для ИКТ-вложений, отмечалась и в российских региональных исследованиях (Баранов, Скуфьина, 2014).

Раздельное оценивание не накладывает ограничения равенства коэффициентов и позволяет учитывать неоднородность регионов АЗРФ (Баранов, Скуфьина, 2025). Вместе с тем сопоставление отдельных оценок не является статистической проверкой различий между территориями.

Основной период оценивания – 2010–2024 гг., то есть 15 годовых наблюдений для каждой территории. При включении постоянной и двух объясняющих переменных остается 12 остаточных степеней свободы. Полный период обеспечивает максимально возможную длину временного ряда, но объединяет данные до и после изменения статистической классификации в 2017 году, поэтому результаты дополнительно проверяются на данных за 2017–2024 гг. с единым определением ИКТ-показателя. Для проверки чувствительности к последнему наблюдению модель также оценивается за 2017–2023 гг. Кроме того, для полного периода рассматривается спецификация без наблюдений 2016 и 2017 гг., позволяющая оценить чувствительность результатов к наблюдениям вблизи классификационной границы.

Уровни производительности и инвестиций могут совместно изменяться во времени. В таком случае высокий коэффициент детерминации и статистическая значимость способны отражать общий тренд, а не самостоятельную связь между показателями (Granger, Newbold, 1974; Phillips, 1986). Для проверки зависимости основной оценки от линейной временной компоненты используется модель

$$\ln y_{g,t} = a_g + \alpha_g \ln i_{g,t}^{nonICT} + \gamma_g \ln i_{g,t}^{ICT} + \beta_g T_t + \varepsilon_{g,t}, \quad (4)$$

где $T_t = t - 2010$, а β_g – коэффициент линейного временного тренда.

В модели (4) коэффициенты α_g и γ_g характеризуют связь инвестиционных показателей с производительностью при заданном линейном тренде. Включение T_t не решает проблему нестационарности, но позволяет проверить, определяется ли результат модели (3) общей линейной динамикой.

[4] Рассчитано авторами по данным Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025», табл. 3.5, 3.6 и 10.7. Доли для АЗРФ рассчитаны по агрегированным абсолютным значениям входящих в исследование субъектов. Данные об инвестициях приведены без субъектов малого предпринимательства. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 29.09.2026).

Дополнительно оценивается модель первых разностей логарифмов:

$$\Delta \ln y_{g,t} = c_g + \alpha_g^{\Delta} \Delta \ln i_{g,t}^{nonICT} + \gamma_g^{\Delta} \Delta \ln i_{g,t}^{ICT} + u_{g,t}, \quad (5)$$

где Δ – оператор первой разности; c_g – постоянная; $u_{g,t}$ – случайная ошибка. Коэффициенты α_g^{Δ} и γ_g^{Δ} связывают годовые относительные изменения инвестиционных потоков с годовым относительным изменением производительности.

Модель (5) содержит 14 переходов за 2011–2024 гг. Отдельно исключается переход 2016–2017 гг. Первые разности уменьшают влияние общего тренда и переводят анализ к краткосрочной динамике. В динамических моделях краткосрочные изменения и долгосрочные связи представляют разные параметры и требуют раздельной интерпретации (De Boef, Keele, 2008). Используемая спецификация не оценивает лаговую структуру отдачи от инвестиций.

Все модели оцениваются методом наименьших квадратов. Для учета возможной гетероскедастичности и автокорреляции первого порядка применяются стандартные ошибки HAC(1) (от англ. heteroskedasticity- and autocorrelation-consistent). При малом числе наблюдений ковариационная матрица корректируется на число оцениваемых параметров, а проверка гипотез и построение 95%-х доверительных интервалов выполняются по распределению Стьюдента с остаточными степенями свободы.

Результаты

Оценки основной модели (3) представлены в *таблице 2*. Для РФ коэффициент при ИКТ-инвестициях положителен и статистически значим ($\gamma = 0{,}185$; $p < 0{,}001$). Близкая оценка получена для регионов вне АЗРФ ($\gamma = 0{,}178$; $p < 0{,}001$). Для АЗРФ в целом и полностью арктических регионов коэффициенты близки к нулю и статистически незначимы. В группе частично арктических регионов оценка отрицательна ($\gamma = -0{,}199$), но значение вероятности $p = 0{,}055$ указывает лишь на ограниченную статистическую определенность.

Коэффициент при не ИКТ-инвестициях (α) положителен и статистически значим для РФ, АЗРФ и полностью арктических регионов. Для регионов вне АЗРФ он определен только на уровне 10%, а для частично арктических регионов статистически незначим.

На *рисунке 2* представлены фактические и рассчитанные по основной модели (3) значения производительности труда.

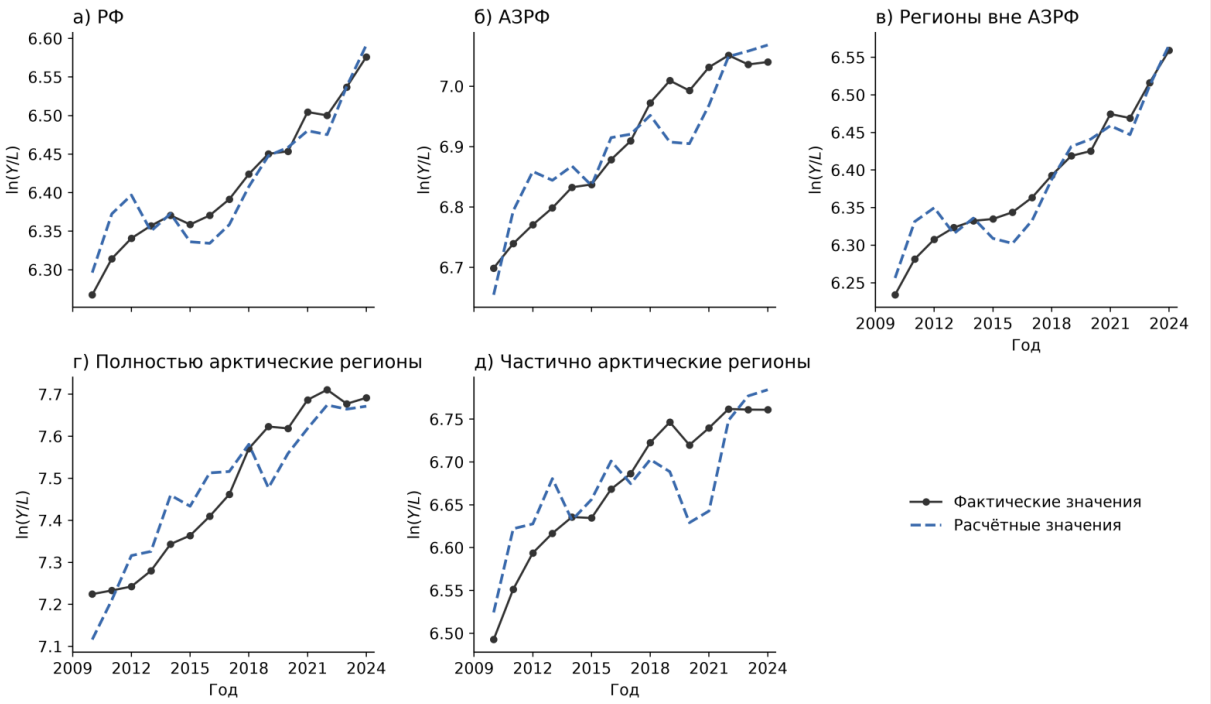
Проверки чувствительности выявляют зависимость оценки (γ) от периода (*рис. 3*). Для РФ положительная связь сохраняется во всех моделях без временного тренда. В АЗРФ оценка становится положительной и статистически значимой в 2017–2024 гг. и практически не меняется при исключении 2024 года; при исключении 2016 и 2017 гг. она вновь отрицательна и статистически незначима. Для регионов вне АЗРФ положительная оценка сохраняется при исключении 2016 и 2017 гг.

После включения линейного временного тренда коэффициент при ИКТ-инвестициях в модели (4) статистически незначим для всех рассматриваемых территорий. Для РФ его оценка снижается до 0,031 ($p = 0{,}157$), для АЗРФ составляет 0,019 ($p = 0{,}647$), для регионов вне АЗРФ – 0,027 ($p = 0{,}226$). Сам временной тренд положителен и статистически значим. Следовательно, положительная оценка коэффициента при ИКТ-инвестициях в основной модели для РФ и регионов вне АЗРФ в существенной степени обусловлена совместной динамикой показателей.

Таблица 2. Оценки основной инвестиционно-потоковой модели (3), 2010–2024 гг.

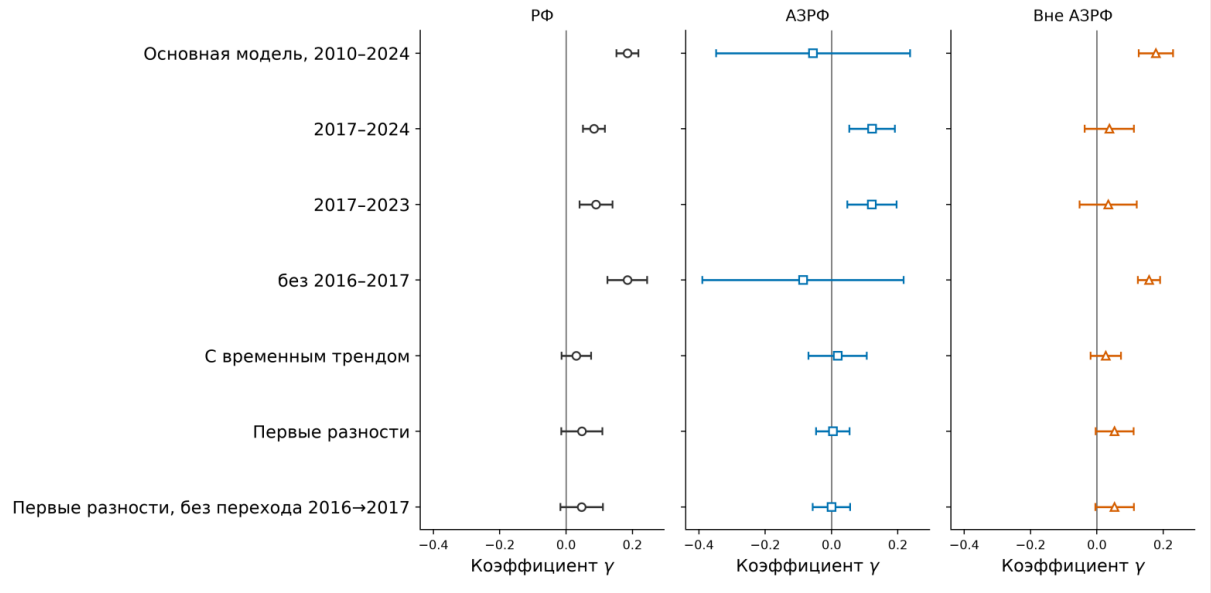
Территория	a	p_a	γ	p_γ	Скорр. R^2
РФ	0,202 [0,024; 0,380]	0,030	0,185 [0,152; 0,218]	<0,001	0,869
АЗРФ	0,568 [0,297; 0,840]	<0,001	–0,056 [–0,348; 0,237]	0,686	0,766
Полностью арктические регионы	0,699 [0,393; 1,006]	<0,001	–0,057 [–0,335; 0,221]	0,662	0,801
Частично арктические регионы	0,181 [–0,051; 0,413]	0,116	–0,199 [–0,403; 0,005]	0,055	0,579
Регионы вне АЗРФ	0,209 [–0,004; 0,423]	0,054	0,178 [0,126; 0,230]	<0,001	0,906
Источник: расчеты авторов.					

Рис. 2. Фактические и расчётные значения производительности труда по основной модели (3) за 2010–2024 гг.



Источники: расчеты авторов; данные Росстата.

Рис. 3. Устойчивость оценки коэффициента при ИКТ-инвестициях



Примечания. Точки показывают оценки коэффициента γ, отрезки – 95%-е доверительные интервалы. Для моделей первых разностей показан коэффициент γ^{Δ}. Вертикальная линия соответствует нулю.

Источник: расчеты авторов.

В модели первых разностей (5) коэффициент при ИКТ-инвестициях не достигает 5%-го уровня значимости ни для одной территории. Для регионов вне АЗРФ положительная оценка сохраняется на 10%-м уровне как на полном наборе первых разностей ($\gamma^{\Delta} = 0{,}053$; $p = 0{,}065$), так и после исключения перехода 2016–2017 гг. ($p = 0{,}067$). Для РФ и АЗРФ соответствующие оценки статистически незначимы. Результаты для полностью и частично арктических регионов также не подтверждают устойчивой краткосрочной связи; их графическое представление и оценки дополнительных моделей приведены в *таблице П1* и на *рисунке П1 (Приложение)*. Таким образом, при переходе к годовым изменениям устойчивой положительной связи ИКТ-инвестиций с производительностью труда не выявлено.

Дополнительная проверка с остаточной стоимостью основных фондов

В качестве дополнительной проверки рассмотрена связь производительности с запасом основных фондов по остаточной балансовой стоимости. Анализ ограничен 2017–2024 гг.: за 2010–2016 гг. отсутствуют данные по остаточной стоимости основных фондов по виду деятельности «связь», тогда как с 2017 года доступны данные по виду «информация и связь», поэтому сопоставимое разложение совокупного остаточного запаса на ИКТ- и не ИКТ-компоненты для всего периода 2010–2024 гг. невыполнимо.

Показатель K обозначает общую остаточную балансовую стоимость обследуемых основных фондов, а K^{ICT} – остаточную стоимость фондов вида деятельности «Информация и связь». Не ИКТ-компонента определяется как $K^{nonICT} = K - K^{ICT}$. Накопленный износ учтен в исходных стоимостях, а приведение к ценам 2010 года выполнено приближенным инвестиционным дефлятором. После агрегирования по субъектам, по аналогии с (2) рассчитаны показатели на одного занятого: $k = K/L$, $k^{nonICT} = K^{nonICT}/L$ и $k^{ICT} = K^{ICT}/L$.

Оценены две модели:

$$\ln y_{g,t} = a_g + \theta_g \ln k_{g,t} + e_{g,t}, \quad (6)$$

$$\ln y_{g,t} = a_g + \theta_g^{nonICT} \ln k_{g,t}^{nonICT} + \theta_g^{ICT} \ln k_{g,t}^{ICT} + e_{g,t}. \quad (7)$$

Для каждой территории имеется восемь годовых наблюдений; остаточное число степеней свободы равно шести в модели (6) и пяти в модели (7). Результаты приведены в *таблице 3*.

В модели с совокупным остаточным запасом капитала (6) коэффициент при K положителен для всех территорий. Он статистически значим на 5%-м уровне для РФ, АЗРФ и полностью арктических регионов, только на 10%-м уровне – для регионов вне АЗРФ и статистически незначим для частично арктических регионов. В модели с разложением капитала (7) коэффициент при K^{nonICT} положителен во всех пяти случаях, тогда как коэффициент при K^{ICT} отрицателен. Для РФ отрицательная оценка при K^{ICT} статистически незначима; для регионов вне АЗРФ она статистически значима только на 10%-м уровне. В АЗРФ, полностью и частично арктических регионах отрицательная оценка статистически значима на 5%-м уровне.

Таблица 3. Дополнительные модели (6) и (7) с остаточной стоимостью основных фондов за 2017–2024 гг.

Территория	θ (95%-й ДИ); p	θ^{nonICT} (95%-й ДИ); p	θ^{ICT} (95%-й ДИ); p	Скорр. R^2 (6)/(7)
РФ	0,137 [0,001; 0,273]; 0,048	0,165 [0,023; 0,307]; 0,031	–0,208 [–0,494; 0,079]; 0,121	0,246/0,175
АЗРФ	0,262 [0,088; 0,436]; 0,010	0,253 [0,148; 0,359]; 0,002	–0,117 [–0,190; –0,043]; 0,010	0,617/0,852
Полностью арктические регионы	0,603 [0,419; 0,787]; <0,001	0,865 [0,685; 1,045]; <0,001	–0,324 [–0,487; –0,162]; 0,004	0,721/0,807
Частично арктические регионы	0,083 [–0,037; 0,204]; 0,141	0,071 [–0,006; 0,148]; 0,065	–0,067 [–0,116; –0,018]; 0,017	0,229/0,594
Регионы вне АЗРФ	0,127 [–0,018; 0,272]; 0,076	0,159 [0,018; 0,299]; 0,034	–0,252 [–0,526; 0,021]; 0,064	0,176/0,138
Источник: расчеты авторов.				

Эти результаты не означают, что накопление ИКТ-капитала снижает производительность. Оценки основаны лишь на восьми наблюдениях и могут отражать общие временные тенденции, обратную обусловленность и влияние неучтенных факторов. Кроме того, K^{ICT} является отраслевым приближением, которое не охватывает ИКТ-активы организаций других видов деятельности. Поэтому выявленные коэффициенты характеризуют связь показателей в 2017–2024 гг. и служат дополнительным свидетельством чувствительности результатов к способу измерения ИКТ.

Обсуждение результатов и ограничения исследования

После включения линейного тренда коэффициент при ИКТ-инвестициях становится статистически незначимым, а в первых разностях не достигает 5%-го уровня значимости. Это указывает скорее на совместную динамику показателей, чем на устойчивую связь их годовых изменений. Полученный результат дополняет существующие исследования и согласуется с их выводами о зависимости оценок связи ИКТ с производительностью от территории, периода и способа измерения ИКТ (Adarov et al., 2022; Polák, 2017; Stuken et al., 2023; Wang et al., 2024).

Одно из возможных объяснений различия между результатами основной модели и модели первых разностей – запаздывание отдачи: использование ИКТ требует организационной перестройки, освоения технологий и накопления дополняющих ресурсов (Brynjolfsson, Hitt, 2003; Ceccobelli et al., 2012). Однако используемая спецификация не оценивает лаговую структуру из-за малой длины временных рядов, потери степеней свободы и изменения статистического определения ИКТ-показателя в 2017 году. Отсутствие значимой связи годовых изменений согласуется с такой гипотезой, однако запаздывание отдачи, как и рассматриваемые далее комплементарность ИКТ с другими видами капитала и ресурсная специализация, непосредственно не тестируются и используются только как возможные механизмы интерпретации полученных результатов.

Для АЗРФ характер связи может дополнительно определяться ресурсной специализацией экономики. Например, в нефтегазовом комплексе цифровые технологии внедряются непосредственно в процессы геологоразведки, бурения, добычи и управления месторождениями, а также в транспортировку и логистику ресурсов (Разманова, Андрухова, 2020; Samylovskaya et al., 2022). В таких капиталоемких производственных системах использование ИКТ связано с технологическими и организационными изменениями и дополняет другие производственные ресурсы, поэтому связь отдельных ИКТ-вложений с производительностью может быть менее непосредственной, чем связь с совокупным процессом накопления капитала.

Результаты для АЗРФ также указывают на выраженную внутреннюю неоднородность: оценки для полностью и частично арктических регионов различаются по величине, статистической значимости и устойчивости. Это согласуется с предыдущими исследованиями различий в динамике выпуска, капитала и занятости, а также в состоянии ИКТ и цифровой инфраструктуры (Nalivaychenko et al., 2025; Баранов, Скуфьина, 2025; Тимушев, 2025). В связи с этим агрегированную оценку АЗРФ нельзя непосредственно переносить на отдельные входящие в нее субъекты.

Основные ограничения исследования связаны с малой длиной временных рядов и сопоставимостью ИКТ-показателя. Небольшое число наблюдений снижает точность оценок, а переход в 2017 году от вида деятельности «связь» к виду «информация и связь» ограничивает сопоставимость данных за весь период. Кроме того, используемый отраслевой показатель не охватывает цифровые вложения организаций других видов деятельности (Татаринов, Устинова, 2021).

Заключение

В основной модели за 2010–2024 гг. коэффициент при ИКТ-инвестициях положителен для РФ ($\gamma = 0{,}185$) и регионов вне АЗРФ ($\gamma = 0{,}178$), но статистически незначим для АЗРФ в целом и полностью арктических регионов; для частично арктических регионов отрицательная оценка статистически значима лишь на 10%-м уровне. Положительная и статистически значимая связь не ИКТ-инвестиций выявлена для РФ, АЗРФ и полностью арктических регионов.

Положительная и статистически значимая оценка эластичности производительности труда по ИКТ-инвестициям в основной модели для РФ и регионов вне АЗРФ оказывается неустойчивой к учету общей временной динамики: после включения линейного тренда коэффициент при ИКТ-инвестициях становится статистически незначимым.

Для АЗРФ устойчивая положительная связь используемого отраслевого показателя ИКТ-инвестиций с производительностью труда не выявлена. Это может быть связано с ресурсной специализацией экономики, в которой эффект ИКТ реализуется во взаимодействии с другими видами капитала, технологическими и организационными изменениями. Дополнительную роль могут играть внутренняя неоднородность арктических регионов и запаздывание отдачи от цифровизации.

Практическая интерпретация полученных результатов требует учета выявленной неустойчивости связей. Для АЗРФ результаты не дают оснований рассматривать увеличение ИКТ-инвестиций как самостоятельное условие роста производительности. Более обоснованным представляется увязывать цифровые вложения с модернизацией производственных процессов, организационными изменениями и развитием дополняющих ресурсов с учетом отраслевой и территориальной специфики. Учитывая внутреннюю неоднородность АЗРФ, единый набор мер для всех арктических регионов вряд ли оправдан. Для регионов вне АЗРФ положительная условная связь в основной модели указывает на потенциальную значимость ИКТ-инвестиций, однако исчезновение статистической значимости после учета временного тренда требует оценивать эффективность конкретных проектов по их результатам, а не только по объему финансирования.

Воспроизводимость расчетов. Полный комплект данных, программного кода и результатов размещён в облачном хранилище: https://disk.yandex.ru/d/xI-chHDMubWX8g. Порядок воспроизведения расчётов, требования к программной среде и структура материалов приведены в файле readme.pdf (readme.md), доступном по тому же адресу.

Литература

Баранов С.В., Скуфьина Т.П. (2014). Информационно-коммуникационные технологии и экономическое развитие регионов России: поиск зависимостей и перспективных направлений регулирования // Вопросы статистики. № 5. С. 41–53. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-5-41-53

Баранов С.В., Скуфьина Т.П. (2025). Экономико-статистическое моделирование производственных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. № 59. С. 5–25. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.59.5

Баранов С.В., Хаценко Е.С., Скуфьина Т.П. (2025). Цифровизация регионов Арктической зоны России в общероссийском контексте // Уголь № 10. С. 73–80. DOI: 10.18796/0041-5790-2025-10-73-80

Гладких Е.Г., Романова И.Н. (2024). Особенности цифровизации арктических регионов России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. № 26 (1). С. 45–59. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.1.4

Куратова Л.А. (2023). Особенности цифровизации пространства арктических регионов России // Арктика и Север. № 50. С. 154–174. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.154

Разманова С.В., Андрухова О.В. (2020). Нефтесервисные компании в рамках цифровизации экономики: оценка перспектив инновационного развития // Записки Горного института. № 244. С. 482–492. DOI: 10.31897/PMI.2020.4.11

Татаринов А.А., Устинова Н.Е. (2021). Измерение сектора ИКТ в цифровой экономике // Вопросы статистики. Т. 28. № 6. С. 5–17. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-6-5-17

Тимушев Е.Н. (2025). Оценка состояния сектора ИКТ в северных регионах России с использованием многомерной группировки // Арктика и Север. № 58. С. 65–83. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.65

Халимова С.Р., Иванова А.И. (2021). Производительность труда секторов экономики в регионах: роль ИКТ // Пространственная экономика. Т. 17. № 4. С. 69–96. DOI: 10.14530/se.2021.4.069-096

Adarov A., Klenert D., Marschinski R., Stehrer R. (2022). Productivity drivers: Empirical evidence on the role of digital and intangible capital, FDI and integration. *Applied Economics,* 54(48), 5515–5531. DOI: 10.1080/00036846.2022.2047598

Brynjolfsson E., Hitt L.M. (2003). Computing productivity: Firm-level evidence. *Review of Economics and Statistics,* 85(4), 793–808. DOI: 10.1162/003465303772815736

Ceccobelli M., Gitto S., Mancuso P. (2012). ICT capital and labour productivity growth: A non-parametric analysis of 14 OECD countries. *Telecommunications Policy,* 36(4), 282–292. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.12.012

De Boef S., Keele L. (2008). Taking time seriously. *American Journal of Political Science,* 52(1), 184–200. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00307.x

Gasanov O.S. (2022). The impact of digitalization on the Russian economy. *Finance and Credit,* 28(7), 1534–1553. DOI: 10.24891/fc.28.7.1534

Granger C.W.J., Newbold P. (1974). Spurious regressions in econometrics. *Journal of Econometrics,* 2(2), 111–120. DOI: 10.1016/0304-4076(74)90034-7

Kozlov A., Kankovskaya A., Teslya A. (2020). Digital infrastructure as a factor of sustainable development of arctic regions of Russian north-west. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science,* 539. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012061

Nalivaychenko E., Volkov A.D., Kirsenko V. (2025). Differentiation of digital infrastructure development of Russian arctic regions. *Regional Economy. South of Russia*. DOI: 10.15688/re.volsu.2025.2.3

Phillips P.C.B. (1986). Understanding spurious regressions in econometrics. *Journal of Econometrics, 33(3),* 311–340. DOI: 10.1016/0304-4076(86)90001-1

Polák P. (2017). The productivity paradox: A meta-analysis. *Information Economics and Policy,* 38, 38–54. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2016.11.003

Samylovskaya E., Makhovikov A., Lutonin A., Medvedev D., Kudryavtseva R.-E. (2022). Digital technologies in arctic oil and gas resources extraction: Global trends and russian experience. *Resources, 11(3), 29.* DOI: 10.3390/resources11030029

Stuken T., Lapina T., Korzhova O. (2023). Features of digitalization of Russian regions. *E3S Web of Conferences,* 403. DOI: 10.1051/e3sconf/202340308028

Varlamova J., Larionova N. (2020). Labor productivity in the digital era: A spatial-temporal analysis. *International Journal of Technology,* 11(6), 1191–1200. DOI: 10.14716/ijtech.v11i6.4429

Wang D., Sun J., Yang R., Su K., Yang Q. (2024). ICTs and economic performance nexus: Meta-analysis evidence from country-specific data. *Humanities and Social Sciences Communications,* 11. DOI: 10.1057/s41599-024-03812-w

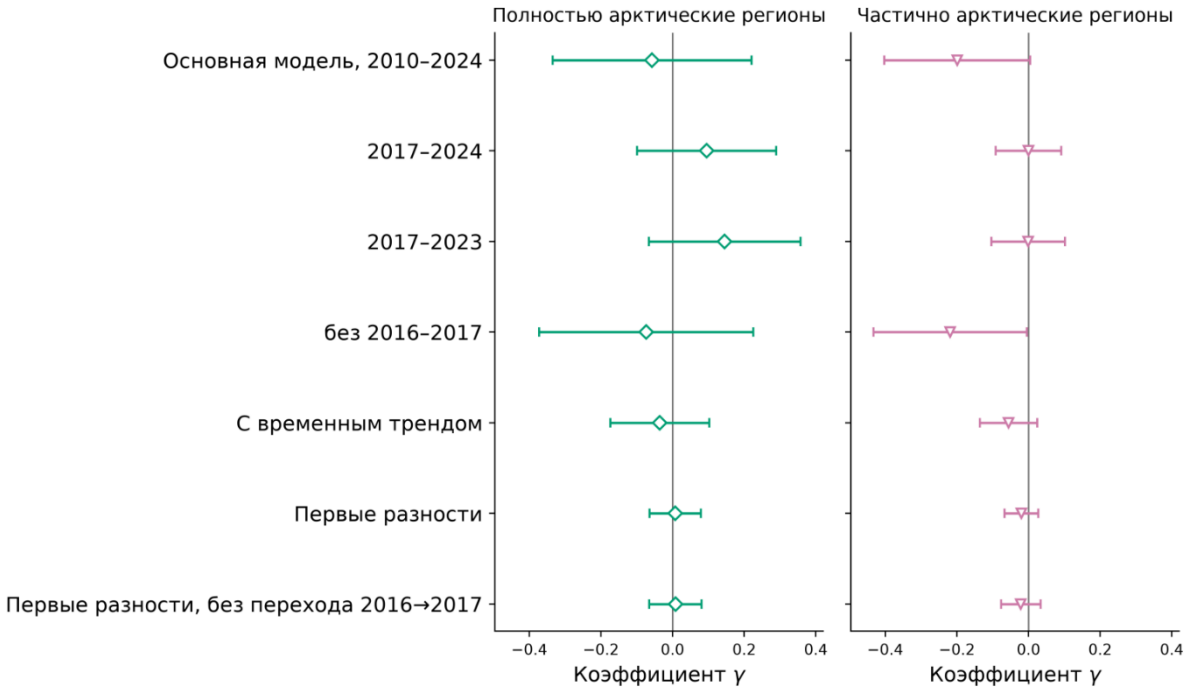
Приложение. Дополнительные оценки

Таблица П1. Оценки дополнительных вариантов инвестиционно-потоковой модели

Вариант модели	N	Ост. ст. свободы	α (95%-й ДИ); p	γ (95%-й ДИ); p	β (95%-й ДИ); p
РФ					
(3), 2017–2024	8	5	0,319 [0,249; 0,389]; <0,001	0,084 [0,051; 0,117]; 0,001	–
(3), 2017–2023	7	4	0,323 [0,219; 0,428]; 0,001	0,090 [0,040; 0,140]; 0,007	–
(3), без 2016–2017	13	10	0,248 [0,024; 0,473]; 0,034	0,185 [0,125; 0,245]; <0,001	–
с временным трендом (4)	15	11	0,170 [0,075; 0,266]; 0,002	0,031 [–0,014; 0,075]; 0,157	0,013 [0,012; 0,015]; <0,001
Первые разности (5)	14	11	0,192 [0,065; 0,318]; 0,007	0,047 [–0,015; 0,110]; 0,122	–
Первые разности (5), без 2016–2017	13	10	0,195 [0,060; 0,330]; 0,009	0,047 [–0,017; 0,111]; 0,133	–
АЗРФ					
(3), 2017–2024	8	5	0,418 [0,047; 0,789]; 0,034	0,122 [0,054; 0,191]; 0,006	–
(3), 2017–2023	7	4	0,437 [–0,018; 0,892]; 0,056	0,122 [0,047; 0,196]; 0,010	–
(3), без 2016–2017	13	10	0,541 [0,256; 0,826]; 0,002	–0,086 [–0,389; 0,218]; 0,543	–
с временным трендом (4)	15	11	0,007 [–0,184; 0,198]; 0,937	0,019 [–0,069; 0,107]; 0,647	0,027 [0,020; 0,034]; <0,001
Первые разности (5)	14	11	0,103 [0,008; 0,197]; 0,035	0,004 [–0,046; 0,055]; 0,851	–
Первые разности (5), без 2016–2017	13	10	0,105 [0,005; 0,204]; 0,041	0,000 [–0,056; 0,056]; 0,997	–
Полностью арктические регионы					
(3), 2017–2024	8	5	0,688 [0,078; 1,299]; 0,034	0,095 [–0,100; 0,290]; 0,265	–
(3), 2017–2023	7	4	0,845 [0,058; 1,633]; 0,041	0,146 [–0,066; 0,358]; 0,129	–
(3), без 2016–2017	13	10	0,701 [0,408; 0,995]; <0,001	–0,073 [–0,372; 0,226]; 0,597	–
с временным трендом (4)	15	11	–0,105 [–0,354; 0,144]; 0,374	–0,036 [–0,174; 0,102]; 0,580	0,045 [0,026; 0,064]; <0,001
Первые разности (5)	14	11	0,049 [–0,209; 0,306]; 0,686	0,007 [–0,064; 0,079]; 0,827	–
Первые разности (5), без перехода	13	10	0,063 [–0,208; 0,334]; 0,616	0,008 [–0,065; 0,081]; 0,812	–
Частично арктические регионы					
(3), 2017–2024	8	5	0,139 [–0,046; 0,325]; 0,112	0,000 [–0,091; 0,091]; 0,997	–
(3), 2017–2023	7	4	0,141 [–0,069; 0,351]; 0,135	–0,001 [–0,104; 0,101]; 0,977	–
(3), без 2016–2017	13	10	0,156 [–0,096; 0,408]; 0,198	–0,219 [–0,433; –0,005]; 0,046	–
с временным трендом (4)	15	11	–0,010 [–0,141; 0,120]; 0,866	–0,056 [–0,136; 0,025]; 0,156	0,016 [0,013; 0,019]; <0,001
Первые разности (5)	14	11	0,110 [0,041; 0,179]; 0,005	–0,020 [–0,067; 0,028]; 0,381	–
Первые разности (5), без 2016–2017	13	10	0,109 [0,040; 0,179]; 0,006	–0,021 [–0,076; 0,034]; 0,405	–
Регионы вне АЗРФ					
(3), 2017–2024	8	5	0,433 [0,281; 0,584]; <0,001	0,038 [–0,037; 0,112]; 0,249	–
(3), 2017–2023	7	4	0,431 [0,281; 0,581]; 0,001	0,034 [–0,052; 0,120]; 0,331	–
(3), без 2016–2017	13	10	0,314 [0,138; 0,490]; 0,003	0,157 [0,124; 0,191]; <0,001	–
с временным трендом (4)	15	11	0,185 [0,104; 0,266]; <0,001	0,027 [–0,019; 0,073]; 0,226	0,014 [0,011; 0,016]; <0,001
Первые разности (5)	14	11	0,166 [0,047; 0,286]; 0,011	0,053 [–0,004; 0,111]; 0,065	–
Первые разности (5), без 2016–2017	13	10	0,171 [0,049; 0,293]; 0,011	0,053 [–0,005; 0,111]; 0,067	–

Примечания. N – число наблюдений. Основная модель 2010–2024 гг. не повторяется; ее оценки приведены в таблице 2. Для моделей первых разностей указаны коэффициенты α^{Δ} и γ^{Δ}. Коэффициент β относится к линейному временному тренду.
Источник: расчеты авторов.

Рис. П1. Устойчивость оценки коэффициента при ИКТ-инвестициях для полностью и частично арктических регионов (обозначения соответствуют рис. 3)



Источник: расчеты авторов.

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Баранов – доктор физико-математических наук, доцент, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Кольский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Татьяна Петровна Скуфьина – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Кольский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: skufina@gmail.com)

Егор Сергеевич Хаценко – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Кольский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: egor-mur@bk.ru)

Baranov S.V., Skufina T.P., Khatsenko E.S.

The Specifics of the Relationship between ICT Investment and Labor Productivity in the Arctic Zone of the Russian Federation Compared with Nationwide Trends

Abstract. The digital transformation of the economy goes hand in hand with growing investment in information and communication technologies, yet the statistical relationship between such investment and labor productivity remains ambiguous and may depend on the territorial structure of the economy, the observation period, and the way ICT investment is measured. The study aims to compare the relationship between investment flows and labor productivity in the Russian Federation, the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), and regions outside it, and to assess how robust the results are. Regions that lie entirely or partially within the Arctic Zone are also examined separately, which makes it possible to account for the internal heterogeneity of the AZRF. The analysis uses Rosstat data for 2010–2024, adjusted to 2010 prices. For the territories under consideration, log-linear models are estimated with ICT and non-ICT investment per employed person. The robustness of the results is tested across alternative time intervals, with a linear trend included, in first differences, and in additional models using the residual value of fixed assets. In the baseline specification, a positive relationship between ICT investment and productivity is found for the Russian Federation and for regions outside the AZRF, but it does not hold up once overall time dynamics are taken into account. For the AZRF, no robust confirmation of a positive relationship was obtained: the estimates depend on the observation period and differ between fully and partially Arctic regions. A significant limitation is the sectoral nature of the ICT investment indicator used, which does not cover ICT investment by organizations in other economic activities. The results point to the need for cautious interpretation of aggregated estimates and for taking territorial and structural heterogeneity into account when analyzing the link between digital investment and labor productivity.

Key words: ICT investment, labor productivity, elasticity of labor productivity, Arctic Zone of the Russian Federation, regional economy, fixed capital investment.

Information about the Authors

Sergey V. Baranov – Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Tatiana P. Skufina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: skufina@gmail.com)

Egor S. Khatsenko – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: egor-mur@bk.ru)

Статья поступила 31.08.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.11
УДК 316.344, ББК 60.524
© Сушко П.Е., Коленникова Н.Д.

Пространственная мобильность и субъективный статус россиян: динамика и особенности взаимосвязи



Павел Евгеньевич
СУШКО
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: sushkope@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0245-7015; ResearcherID: L-2288-2015



Нина Дмитриевна
КОЛЕННИКОВА
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: kolennikova-nina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9458-8762; ResearcherID: H-1391-2017

Аннотация. В статье исследуется влияние пространственной мобильности на объективное социально-экономическое положение и субъективный статус россиян. Теоретическая рамка исследования опирается на парадокс неполной конвертации экономических достижений в субъективный социальный статус, согласно которому прирост в доходе при переезде не трансформируется в соразмерный рост субъективного социального статуса вследствие высоких адаптационных издержек. Эмпирическую базу составили лонгитюдные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (1994–2024 гг., N = 116 976 наблюдений). На основе специально сконструированного индекса выделены четыре группы населения, включающие автохтонов, недавних и укоренившихся мигрантов, а также возвратных мигрантов. Динамика численности этих групп демонстрирует снижение интенсивности недавней миграции среди российского населения наряду с ростом возвратной мобильности,

Для цитирования: Сушко П.Е., Коленникова Н.Д. (2026). Пространственная мобильность и субъективный статус россиян: динамика и особенности взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 214–230. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.11

For citation: Sushko P.E., Kolennikova N.D. (2026). Spatial mobility and subjective social status in Russia: Dynamics and interconnections. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 214–230. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.11

рассматриваемой нами как набирающая популярность адаптационная практика к современным турбулентным условиям. С помощью бинарной логистической регрессии показано, что возвратная миграция выступает сравнительно успешной стратегией с точки зрения максимизации субъективного социального статуса, поскольку накопленный за пределами домашнего региона жизненный опыт и доход обеспечивают индивиду относительно выгодные позиции в домашнем регионе. Шансы возвратных мигрантов охарактеризовать свои статусные позиции как наиболее высокие на 15,1% выше, чем для укоренившихся переселенцев. Автохтонное население на этом фоне сравнительно чаще демонстрирует более сдержанные самооценки своего статуса. Проанализированы также особенности конвертации доходов в субъективный социальный статус. В частности, возвратные мигранты демонстрируют сниженную на 16,3% чувствительность их субъективного статуса к колебаниям уровня дохода, а субъективный социальный статус остальных групп, напротив, в большей степени с ними взаимосвязан. Сделан вывод о том, что для возвратных мигрантов реинтеграция на малой родине может выполнять функцию амортизатора экономических шоков. Такой тип пространственной мобильности позволяет индивиду компенсировать финансовые дефициты, вероятно, за счет локального социального капитала, обеспечивая устойчивость субъективного положения и конструируя ощущение жизненного успеха вне строгой зависимости от текущих заработков. Таким образом, учет особенностей миграционной биографии индивида позволяет расширить традиционный анализ социального неравенства, демонстрируя сложную и структурно неоднородную связь между объективным материальным положением и субъективными оценками россиян.

Ключевые слова: пространственная мобильность, возвратная миграция, миграционный статус, миграционные биографии, субъективный статус, социальная стратификация, российское общество.

К вопросу о концептуализации пространственной мобильности и ее влиянии на субъективный статус

В современных социологических исследованиях пространственная мобильность рассматривается в качестве одного из ключевых механизмов изменения социального положения индивида и преодоления структурных ограничений (Cresswell, 2006; Урри, 2012). Как показывают зарубежные и отечественные исследования в русле экономической географии (Krugman, 1991; Зубаревич, Сафронов, 2024), пространственная поляризация неизбежна вследствие естественной концентрации конкурентных преимуществ на отдельных территориях, однако открытым остается вопрос о масштабах и динамике данного расслоения в каждом конкретном обществе. В условиях высокой пространственной поляризации современной России, характеризующейся формированием инфраструктурных центров на фоне ограниченной в ресурсах периферии и структурной уязвимости локальных рынков труда (Коленникова, 2023), территориальные перемещения часто становятся для граждан одним из основных доступных способов улучшения своего социально-экономического положения и адаптации к макроэкономическим изменениям (Голенкова, Сушко, 2016; Малева, Бурдяк, 2018; Карачурина, Мкртчян, 2024).

Вместе с тем объективное повышение материального благосостояния не всегда ведет к росту субъективного статуса и социального оптимизма в обществе в целом. Для российского общества данное соотношение представляет особый исследовательский интерес, поскольку объективное улучшение экономической ситуации в ретроспективе последних трех десятилетий, расширение возможностей для заработка и снижение уровня безработицы не сопровождались соразмерным повышением субъективных оценок уровня жизни. Результаты мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН показывают, что при оценке динамики ситуации в различных сферах общественной жизни за последние десять лет более половины россиян (53,8%) отмечают снижение уровня жизни в стране, наряду с негативными оценками жилищной ситуации (51,9%) и системы высшего образования (50,8%). Неравенство в доходах традиционно лидирует в рейтинге наиболее болезненных социальных проблем и по итогам опроса 2024 года беспокоит половину российского населения (50,9%), что

почти вдвое превышает обеспокоенность неравенством доступа к медицинской помощи (27,1%)[1].

В связи с подобными дисбалансами, характерными не только для России, в научном дискурсе актуализируются вопросы о взаимосвязи пространственной мобильности с объективным положением и субъективным статусом индивида. Эволюция теоретических и эмпирических подходов к оценке последствий миграции демонстрирует постепенное расширение аналитической перспективы. Исторически в рамках экономической теории миграция рассматривалась прежде всего как рациональная инвестиция в человеческий капитал, направленная на максимизацию ожидаемых экономических и социальных выгод (Sjaastad, 1962; Todaro, 1969; Borjas, 1987). Эта трактовка согласуется с классической теорией социальной мобильности П. Сорокина, рассматривающей пространственные перемещения в качестве механизма изменения социального положения индивида (Sorokin, 1927). В данной логике территориальная мобильность напрямую связывается с накоплением человеческого капитала, расширением экономических возможностей и созданием предпосылок для восходящей социальной мобильности.

Однако по мере развития предметной области фокус исследователей сместился на комплексный анализ жизненных траекторий. Современные работы акцентируют внимание на множественных немонетарных издержках и рисках переезда, учитывая в том числе травматичность процесса адаптации. На фоне текущих кризисов и усложнения социальной реальности стало очевидно, что решения о переездах и их эффекты впоследствии связаны не только с экономическими мотивами, но и семейными обстоятельствами, жилищными условиями, образом жизни (Clark, Maas, 2015), а также с перестройкой локальных социальных связей (Belot, Ermisch, 2009). Тем самым экономический эффект миграции оказывается встроен в широкий социальный контекст, где улучшение материального положения может сопровождаться социальными и символическими издержками.

Закономерным итогом усложнения теоретической рамки выступает парадокс, обнаруживаемый на стыке социологии неравенства и географии расселения, суть которого состоит в том, что объективный социально-экономический выигрыш от переезда далеко не всегда конвертируется в соответствующий рост самооценок жизни или места в обществе (Nowok et al., 2013). Исследования показывают, что улучшение экономических возможностей после переезда не обязательно сопровождается пропорциональным ростом субъективного благополучия. Весомое значение здесь имеют селективность миграции и особенности адаптации к новой социальной среде (Bartram, 2013; Nowok et al., 2013). В этом отношении пространственную мобильность целесообразно рассматривать как процесс одновременного изменения экономического положения и системы социальных сравнений, посредством которой индивид оценивает собственный социальный статус.

В частности, переезд на территорию с высоким уровнем экономического развития не означает автоматического перехода индивида в соответствующую социальную позицию. При недостаточном объеме специфического культурного капитала и слабой включенности в локальные социальные сети мигрант сталкивается с адаптационными и символическими издержками (Reed-Danahay, 2020). Сравнительный анализ европейских стран показывает, что различия в субъективном благополучии между мигрантами и местным населением во многом связаны с характеристиками социальных связей, уровнем доверия и степенью укорененности (Arpino, de Valk, 2018; Tegegne, Glanville, 2019).

Наряду с этим анализ долгосрочных траекторий внутренней миграции в европейских странах демонстрирует, что повторная мобильность меняет структуру социальных сетей, которые становятся более географически распределенными, менее ориентированными на семью и характеризуются редкими контактами (Wu et al., 2024). Кроме того, субъективное благополучие мигрантов не демонстрирует ожидаемого сближения с уровнем местного населения по мере увеличения продолжительности пре-

[1] Российское общество и вызовы времени (2025) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. Кн. 8. 352 с.

бывания и смены поколений (Hendriks, Burger, 2020). В отдельных случаях оно даже снижается, сопровождаясь усилением восприятия неравенства (Wei, 2022).

Неоднозначность последствий географической мобильности фиксируется и в отечественных исследованиях социальной динамики (Малева, Бурдяк, 2018; Андреенкова, Воронина, 2025). В частности, изучается значимость социального капитала для субъективного благополучия мигранта (Тимошкин и др., 2025), которая дополняется тезисами о важной роли социального доверия и наличия в регионе земляков (Камалов, Понарин, 2020).

Таким образом, улучшение финансовых условий не гарантирует соразмерного повышения субъективного положения. Существенную роль в преодолении подобного диссонанса играет социальный капитал. Следовательно, субъективное благополучие мигрантов зависит как от характеристик территории прибытия, так и от возможности включения в существующие структуры социальных связей.

С учетом этих предпосылок особый интерес приобретает анализ возвратной и повторной мобильности. Если первичный переезд требует формирования новых социальных связей, то возвращение может выступать механизмом их восстановления и получения доступа к локальному социальному капиталу. Исследования показывают, что семейные и дружеские контакты значимы для решения о возвращении и последующей интеграции мигрантов (Gillespie et al., 2022). Вместе с тем возвращение не всегда сопровождается быстрым восстановлением прежних социальных связей (Li et al., 2026). Тем не менее возвратную мобильность можно рассматривать как механизм восстановления социального капитала наряду с адаптацией к изменившимся экономическим условиям.

На фоне общемировых трендов особую актуальность данной проблематике придает историческая динамика пространственной мобильности в России за последние тридцать лет. Постсоветские трансформации переформатировали логику территориального поведения россиян[2]. Ключевым результатом изменений стало качественное преобразование барьеров пространственной мобильности. Переход к рыночной экономике сопровождался демонтажем системы государственного регулирования миграции и института планового распределения трудовых ресурсов (Зайончковская, 1999). Прежние административные барьеры сменились структурно-экономическими. Высокая стоимость жилья в крупнейших городах, дефицит доступного арендного фонда и сравнительно низкая ликвидность недвижимости в регионах создали рыночные ограничения, закрепив значительную часть населения на социально-экономической периферии (Мкртчян, Флоринская, 2019).

В условиях высокой стоимости окончательного переезда сложился компенсаторный механизм, при котором россияне начали массово замещать безвозвратную миграцию различными формами временной и возвратной мобильности. По оценкам исследователей, широкое распространение получили маятниковая миграция в агломерациях, трудовое отходничество и практики возвратной мобильности в рамках стратегии «жизни на два дома»[3]. Эта стратегия пространственного поведения выступает важным инструментом адаптации к территориальному неравенству и макроэкономическим шокам (Нефедова и др., 2015). Подобные практики позволяют населению обходить структурные ограничения локальных рынков труда, использовать разрывы в уровне экономических возможностей и выстраивать эффективные финансовые стратегии в своем домашнем регионе, минимизируя социальные, жилищные и психологические издержки окончательного переезда (Мкртчян, Флоринская, 2019).

В данном контексте принципиальную значимость приобретает выявление специфики взаимосвязей между конкретными типами миграционных биографий, включающими оседлость, недавнюю или укоренившуюся мигра-

[2] Мкртчян Н.В. (2017). К вопросу о масштабах пространственной мобильности в России // Демоскоп Weekly. № 753–754. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit03.php (дата обращения: 31.07.2026).

[3] Между домом и... домом: возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. Москва: Новый Хронограф. 504 с.; Отходники (2013) / под ред. С.Г. Кордонского. Москва: Новый Хронограф. 364 с.

цию, а также возвратную мобильность, и их социальными эффектами. Ключевой аналитической задачей становится понимание механизмов конвертации объективных социально-экономических достижений в субъективные оценки.

При эмпирическом измерении субъективных проекций социального неравенства необходимо учитывать их многомерную природу и разграничивать исследовательские фокусы. С одной стороны, существует традиция изучения субъективного благополучия, акцентирующая внимание на когнитивных и аффективных аспектах, включая уровень счастья и общую удовлетворенность жизнью. Оно интерпретируется как сложный конструкт (Diener et al., 1999), отражающий внутреннюю оценку баланса переживаемых индивидом эмоций, степень психологической комфортности и когнитивной удовлетворенности условиями существования. Потенциально для анализа миграции применим инструментарий оценок удовлетворенности отдельными сферами жизнедеятельности (Сушко, 2025). Однако в контексте пространственной мобильности такие показатели отражают восприятие собственной жизни и слабо подходят для оценки изменения положения в новом социальном окружении, поскольку даже при росте доходов после переезда субъективное благополучие может не демонстрировать сопоставимого улучшения из-за адаптации к новым условиям и изменения уровня ожиданий (Bartram, 2013; Hendriks, 2015).

С другой стороны, в рамках традиции субъективной стратификации изучаются самооценки индивида по отношению к социальной позиции в различных иерархиях. Представляется, что в контексте изучения последствий пространственной мобильности оценка субъективного социального статуса выступает более эффективным инструментом. В отличие от параметров удовлетворенности жизнью субъективный статус опирается на конкретную социальную шкалу и имеет референтную природу. В логике теории социального сравнения Л. Фестингера и концепции референтных групп Р. Мертона перемещение в пространстве неизбежно означает смену социального фона, выступающего новой точкой отсчета для оценки собственных достижений (Festinger, 1954; Merton, 1968; Clark, Senik, 2010). Следовательно, статусная самооценка позволяет отследить структурное противоречие, при котором переселенец, несмотря на повышение уровня дохода, может чувствовать себя уязвимым на фоне стандартов принимающего сообщества. В рамках настоящего исследования конструкт субъективного социального статуса операционализирован через самооценки материального достатка, влияния и общественного уважения, соответствующие трем измерениям социальной стратификации в веберианской традиции (Weber, 1978).

Методология и эмпирический дизайн исследования

В связи с приведенными выше теоретическими предпосылками цель данного исследования заключается в анализе динамики пространственной мобильности россиян в период с 1994 по 2024 год и выявлении специфики конвертации уровня дохода в субъективный социальный статус у групп с различным миграционным опытом. Подобный ракурс позволяет рассматривать миграционную биографию как значимый фактор адаптационных издержек и динамики субъективных оценок собственного положения в обществе.

Описанный выше разрыв между объективным улучшением материального положения и стагнацией самооценок вследствие смены референтного окружения концептуализируется нами как эффект неполной конвертации социально-экономических достижений в субъективный статус. Опираясь на концепцию статусной рассогласованности, рассматривающую различные социальные иерархии как относительно автономные (Lenski, 1954), мы предполагаем, что в условиях адаптации к новой территориальной и социальной среде значительная часть возросших доходов расходуется на компенсацию базовых издержек переезда. Этот своеобразный «налог на адаптацию» может снижать эффективность конвертации монетарных ресурсов в субъективный социальный статус у мобильных групп на фоне укорененного населения. Однако для проверки данного тезиса необходимо последовательно измерить наличие объективной экономической премии за переезд и степень ее взаимосвязи с субъективным положением индивида.

Эмпирической базой исследования послужил объединенный массив данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)[4]. На этапе первичной обработки была проведена процедура ретроспективного восстановления пропущенных значений с использованием панельной структуры массива. Для оценки динамики миграционных статусов, доходов и субъективных статусов были выделены и интегрированы репрезентативные срезы данных, полученных в годы, отражающие ключевые этапы российских социально-экономических трансформаций. Срез 1994 года фиксирует острую фазу трансформационного кризиса, 2003 и 2011 гг. отражают разные фазы восстановительного роста. Срезы 2016 и 2019 гг. характеризуют этапы адаптации общества к санкционному давлению и стагнации доходов населения, а данные 2022 и 2024 гг. позволяют оценить состояние общества в условиях новой геополитической реальности. Общий объем исходной выборки составил 116 976 наблюдений, а итоговый массив, используемый на этапе многомерного моделирования и очищенный от пропущенных значений по всем включаемым в модель переменным, составил 75 148 наблюдений.

Для преодоления традиционного для социологических исследований упрощенного деления респондентов на «мигрантов» и «местных жителей», слабо отражающего неоднородность их пространственных траекторий, в рамках работы была сконструирована уточненная типология россиян, учитывающая различия в опыте и длительности пространственной мобильности[5].

Первая группа объединила укорененное население (автохтоны), никогда не покидавшее свой населенный пункт с рождения на срок более шести месяцев. Во вторую категорию вошли возвратные мигранты, имеющие опыт длительного проживания вне места рождения, но на момент обследования вновь проживающие в нем. Третья группа представлена недавними мигрантами, сменившими населенный пункт в течение последних пяти лет и находящимися в активной фазе адаптации к новой социальной среде. Четвертая категория объединила укоренившихся мигрантов, переехавших более пяти лет назад и формально завершивших адаптационный период.

Важно отметить, что для группы возвратных мигрантов жесткий временной порог не вводился. Теоретическим основанием данного решения служит концепция реинтеграции, согласно которой возвращение в знакомую социальную среду при сохранении семейных, родственных и локальных социальных связей, а также накопленного социального капитала, как правило, облегчает повторную интеграцию и снижает адаптационные издержки по сравнению с первичной миграцией (Cerase, 1974; Cassarino, 2004). В данном случае ключевым дифференцирующим фактором выступает сам факт наличия опыта длительного проживания в иной социальной среде, потенциально изменяющего установки, поведенческие практики и систему социальных ориентаций индивида, а не продолжительность его пребывания в родном населенном пункте после возвращения.

Эмпирический анализ выстроен вокруг измерения степени конвертации уровня дохода в субъективную оценку собственного статуса. В рамках многомерного статистического моделирования в качестве базовой зависимой переменной выступает интегральный индекс субъективного социального статуса. Использование усредненного индекса позволяет оценить, способен ли рост доходов в ходе миграции трансформировать общую социальную точку отсчета индивида и повысить комплексную оценку его позиции в обществе.

---

[4] Сайты обследования RLMS-HSE: https://rlms–hse.cpc.unc.edu и http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 31.07.2026).

[5] Типология конструировалась на основе трех вопросов из анкеты РМЭЗ, фиксирующих место рождения респондента, опыт проживания в другом поселении более шести месяцев, а также продолжительность непрерывного проживания в текущем населенном пункте. Комбинация этих переменных позволила отделить автохтонов от лиц, имеющих опыт возвратной миграции, а также дифференцировать мигрантов по продолжительности проживания в текущем населенном пункте. Важно отметить, что отмеченные вопросы присутствуют в инструментарии РМЭЗ не во всех волнах, поэтому для восстановления миграционного опыта использовалась панельная структура данных. Если респондент сообщал соответствующую информацию хотя бы в одной из волн, она связывалась с его индивидуальным идентификатором и использовалась при классификации последующих наблюдений. Такой подход позволил учитывать биографические характеристики миграционного опыта и минимизировать влияние пропусков, обусловленных изменениями инструментария опроса.

Индекс рассчитан как среднее значение по трем девятибалльным шкалам, отражающим субъективную самооценку собственного положения по уровню материального благосостояния («от нищих до богатых»), власти («от совсем бесправных до обладающих большой властью») и общественного уважения («от совсем неуважаемых до очень уважаемых»). Каждая шкала предполагает, что значение 1 ассоциируется с нижними ступенями соответствующей социальной лестницы, а значение 9 – с ее высшей позицией. В целях сохранения репрезентативности массива расчетная процедура допускала наличие не более чем одного пропуска по трем составляющим компонентам интегрального субъективного статуса. При отсутствии ответа по одной из шкал итоговый показатель вычислялся как среднее арифметическое двух доступных оценок самого респондента. Проверка внутренней согласованности индекса показала приемлемый уровень его надежности (α Кронбаха = 0,710).

Для применения обобщенных линейных моделей данный индекс был дихотомизирован по точке, максимально приближенной к медиане распределения всей выборки (колеблющейся в диапазоне 4,60–4,66 балла). В качестве порогового значения было выбрано 5 баллов, что позволяло сформировать относительно сбалансированные по численности группы. Значения от 5 до 9 баллов кодировались как сравнительно высокий субъективный статус (1), а меньше 5 – как низкий (0).

В итоговой логистической модели зависимой переменной выступает вероятность отнесения индивида к группе с высоким интегральным субъективным статусом. Оценка этих шансов проводилась с помощью бинарной логистической регрессии, выбор которой обоснован тем, что в отличие от порядковых или мультиномиальных моделей этот алгоритм позволяет максимально сфокусироваться на том, как с уровнем дохода изменяется вероятность формирования высоких самооценок статуса. Подобный подход позволяет при интерпретации эффектов взаимодействия сохранить социологический смысл исследования без множественных перекрестных сравнений.

В качестве ключевых предикторов в модель включены категориальная переменная миграционного статуса и стандартизированный натуральный логарифм среднедушевого дохода[6]. Референтной категорией в модели выступает группа укоренившихся мигрантов. Выбор данной категории обоснован тем, что она отражает наиболее завершенный этап социально-экономической адаптации после переезда. Сравнение недавних или возвратных переселенцев именно с этой группой позволяет отследить динамику преодоления «налога на адаптацию» и зафиксировать уровень конвертации дохода в статус для лиц, успешно интегрировавшихся в новую среду. Концептуальная связка между материальным положением и субъективным статусом реализуется математически посредством включения в регрессионное уравнение параметров взаимодействия между уровнем стандартизированного дохода и типом пространственной мобильности. Построение многомерных статистических моделей сопровождалось введением блока контрольных переменных, что является строгой методологической необходимостью для исключения ложных статистических корреляций, обусловленных существенными отличиями структурно-демографического профиля мигрантов от профиля оседлого населения. В целях получения несмещенных оценок этот блок охватывал возраст, уровень образования, статус занятости на момент опроса, год проведения исследования и самооценку здоровья.

В текущей спецификации регрессионная модель рассчитывает усредненные статистические эффекты за весь период наблюдений, фиксируя устойчивые структурные закономерности. В отличие от описательной части статьи, где численность групп с разным миграционным статусом рассматривается в динамике, блок многомерного статистического моделирования

[6] Переход к логарифмической шкале является классическим приемом в исследованиях неравенства, обеспечивающим нормализацию асимметричного распределения доходов и снижение статистического влияния экстремальных выбросов. В качестве базового показателя использовался среднедушевой доход домохозяйства, рассчитанный как отношение совокупного семейного дохода из всех источников за последние 30 дней к числу членов домохозяйства. Стандартизация (Z-оценка) логарифма проводилась изолированно для каждого года исследования, что позволило надежно нивелировать эффекты инфляции и сопоставлять относительный уровень доходов респондентов на разных этапах макроэкономического цикла.

не предусматривает отдельного анализа временных изменений. Для оценки хронологических сдвигов во влиянии материального положения на статус потребовались бы отдельный расчет интегрального индекса и построение самостоятельных моделей для каждого года, что выходит за рамки текущего анализа и может быть предметом отдельного исследования.

Оценивая результаты проведенной работы, важно обозначить ключевые методологические допущения. Во-первых, дихотомизация зависимой переменной и использование композитного индекса обусловливают обобщенный характер анализа. Поскольку тестовые модели не выявили принципиальных различий в эффектах на отдельных шкалах, подобный подход сфокусирован на общих структурных сдвигах статусной самооценки.

Во-вторых, исследование сосредоточено на внутристрановой и предположительно добровольной мобильности, поэтому особенности адаптации международных или вынужденных мигрантов в нем не рассматриваются.

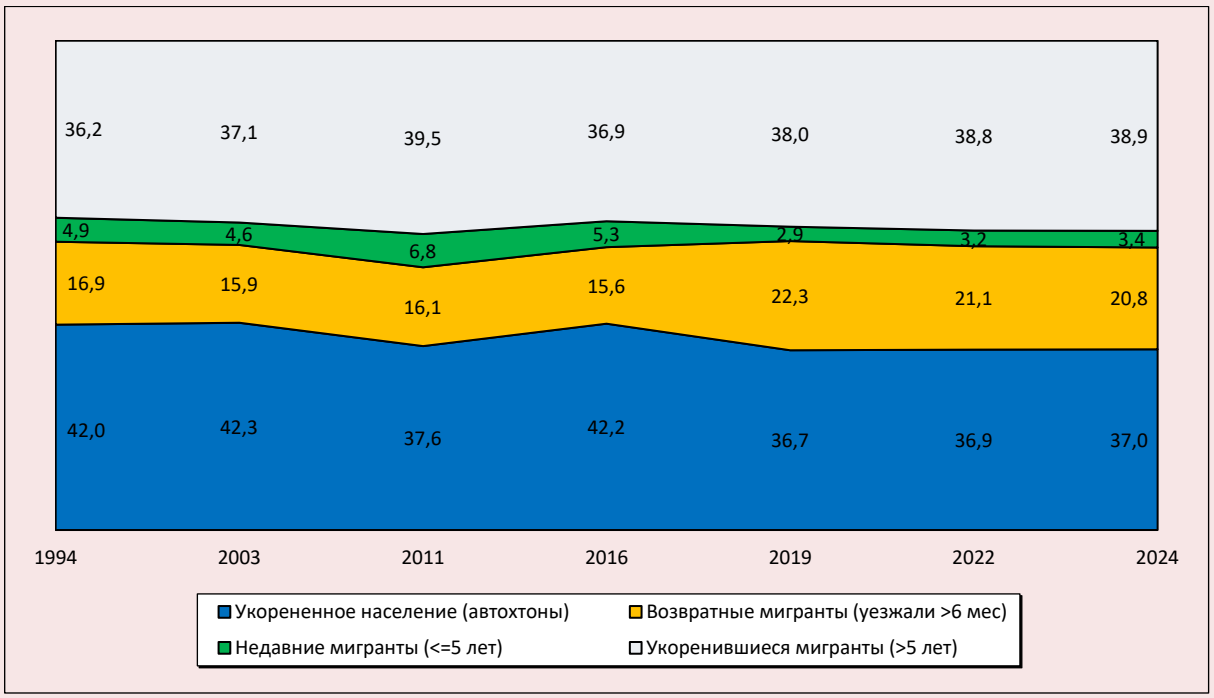
В-третьих, выделение анализируемых групп на основе миграционной биографии носит отчасти условный характер. Инструментарий опроса предполагает фиксацию любого факта длительного проживания в другом населенном пункте, в результате чего в категорию с миграционным опытом неизбежно попадают лица, ранее проходившие срочную военную службу или временно обучавшиеся в других городах, хотя в полном смысле таких респондентов не вполне корректно относить к классическим переселенцам.

Наконец, опора на объединенные данные позволяет выявить устойчивые структурные корреляции между миграцией и статусом, но ограничивает возможности строгой каузальной интерпретации вследствие влияния ненаблюдаемых индивидуальных характеристик респондентов.

Динамика и социально-демографический профиль групп с разным миграционным статусом

Динамика пространственной мобильности россиян показывает, что на фоне сокращения доли недавних мигрантов в последние 10–15 лет сохраняется высокая распространенность укоренившихся мигрантов, а также возрастает доля лиц, имеющих опыт возвратной мобильности (*рисунок*).

Динамика распределения россиян по типам пространственной мобильности (1994–2024 гг.), %



Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

На этапе постсоветского кризиса и ранней стабилизации (1994–2003 гг.) структура территориальной мобильности населения оставалась сравнительно консервативной, характеризуясь доминированием автохтонов при сохранении доли недавних мигрантов на уровне около 5,0%. Затем к 2011 году наметился рост их численности, что, вероятно, связано с активным поиском населением новых возможностей на фоне социально-экономической стабилизации. Тем не менее после финансового кризиса 2014–2016 гг. миграционная активность россиян изменила свой вектор в пользу возвратной мобильности.

В частности, доля россиян, вернувшихся на малую родину после длительного отсутствия, увеличилась с 15,6% в 2016 году до 22,3% в 2019 году, а к 2024 году стабилизировалась на отметке 20,8%. Хронологически такая динамика совпадает с периодами финансового кризиса 2014–2016 гг. и последующей глобальной турбулентности, начавшейся с пандемии коронавируса. Фиксация роста возвратной мобильности к 2019 году и ее последующее удержание на стабильно высоком уровне свидетельствуют об определенном сдвиге в миграционных траекториях россиян, который можно описать как смещение фокуса с практик первичного перемещения в новые населенные пункты на стратегии возвращения в исходные регионы проживания. Полученная динамика согласуется с современными оценками снижения интенсивности внутренней миграции в России и одновременного роста случаев автовозврата, выявленного на индивидуальных данных за 2011–2023 гг. (Мкртчян, 2026). Таким образом, данные РМЭЗ показывают аналогичный сдвиг на уровне индивидуальных миграционных траекторий.

Подобные сдвиги и социально-экономические трансформации могут влиять на качественный состав участников мобильности. Соответственно, для корректной оценки связи между миграционным статусом и субъективными оценками рассмотрим социально-демографический профиль исследуемых групп по состоянию на 2024 год (*табл. 1*).

Наиболее молодую группу, как видно из таблицы 1, образуют *недавние мигранты*, 27,6% которых находятся в возрасте от 18 до 24 лет. Образовательный профиль недавних мигрантов отличается наибольшей долей среди них россиян с законченным и незаконченным средним образованием на фоне сравнительно низкой численности тех, кто имеет диплом о высшем образовании. Примечательно также, что недавние мигранты представлены преимущественно в сфере торговли и бытового обслуживания, а также среди неквалифицированных рабочих. Наряду с этим 40,5% представителей этой группы располагают среднедушевыми доходами свыше двух региональных медиан. Это превышает среднее значение по выборке и в целом указывает на финансовую результативность их миграционной стратегии.

Группа *укоренившихся мигрантов* является наиболее возрастной, поскольку совокупная доля лиц старше 55 лет охватывает свыше половины ее состава. В целом эта группа отличается сформированной образовательной базой (43,1% ее представителей имеют среднее специальное и 29,3% – высшее образование) и сбалансированной профессиональной структурой. В частности, доли специалистов с высшим и средним уровнями квалификации среди укоренившихся мигрантов практически равны.

В свою очередь *укорененное население*, не имеющее миграционного опыта, отличается сравнительно высокой долей в его составе профессионалов и полупрофессионалов. Вместе с тем такой образовательный и профессиональный потенциал не сопровождается более высоким уровнем доходов. По доле респондентов с доходами свыше двух региональных медиан автохтоны уступают всем мобильным группам. Лишь треть представителей этой группы преодолевает данный порог, тогда как среди остальных миграционных групп и в целом по выборке этот показатель выше.

Ядро группы *возвратных мигрантов* составляют респонденты в возрасте от 36 до 54 лет. Среди них сравнительно высока доля россиян со средним специальным образованием, еще почти треть имеют диплом о высшем образовании. В этом смысле для локальных рынков труда возвратные мигранты являются важной кадровой опорой. В частности, относительно высоки среди них доли квалифицированных рабочих ручного труда и операторов машин и механизмов. Заметно также присутствие возвратных мигрантов и на руководящих постах.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики россиян с разным миграционным статусом, 2024 г., % по столбцу*

Социально-демографическая группа	Укорененное население (автохтоны)	Возвратные мигранты (уезжали > 6 мес.)	Недавние мигранты (<=5 лет)	Укоренившиеся мигранты (> 5 лет)	Всего по выборке
Возраст					
18–24 года	19,2	1,9	**27,6**	2,8	**8,3**
25–29 лет	8,7	4,4	9,3	2,6	**5,1**
30–35 лет	10,3	9,6	13,5	6,1	**8,4**
36–44 года	**22,3**	20,3	17,6	15,8	**19,0**
45–54 года	17,5	**23,1**	11,9	17,1	**18,5**
55–65 лет	11,0	19,6	6,7	21,0	**17,2**
66 лет и старше	11,0	21,1	13,5	**34,6**	**23,5**
Уровень образования					
Незаконченное среднее и ниже	18,1	7,5	19,6	11,9	**13,1**
Законченное среднее	18,9	17,7	30,0	15,7	**17,6**
Законченное среднее специальное	**33,5**	**45,1**	**31,1**	**43,1**	**40,1**
Законченное высшее и поствысшее	29,5	29,7	19,3	29,3	**29,2**
Профессиональная принадлежность по ISCO-08					
Руководители (1 класс)	5,9	7,3	5,4	7,1	**6,7**
Профессионалы (2 класс)	21,0	15,8	13,7	18,5	**18,5**
Полупрофессионалы (3 класс)	**23,1**	16,9	14,1	**19,1**	**19,8**
Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	6,0	4,5	2,4	5,3	**5,3**
Работники сферы торговли и бытового обслуживания (5 класс)	18,5	**17,1**	**27,3**	17,9	**18,2**
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	9,8	16,0	13,7	12,1	**12,3**
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	8,6	16,9	13,2	12,0	**12,1**
Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	7,1	5,5	10,2	8,0	**7,1**
*Уровень среднедушевого дохода***					
До 0,75 медианы	5,9	3,8	5,3	6,0	**5,4**
От 0,75 до 1,25 медианы	23,3	20,2	20,0	23,0	**22,3**
От 1,25 до двух медиан	**37,4**	33,6	34,2	33,9	**35,0**
Свыше двух медиан	33,5	**42,3**	**40,5**	**37,1**	**37,3**

* Фоном выделены показатели, превышающие средневыборочные более чем на 5 п. п. Жирным шрифтом выделен максимальный показатель в каждом столбце. Взаимосвязь между миграционным статусом и рассматриваемыми социально-демографическими признаками подтверждена критерием Хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p < 0{,}001$ для всех анализируемых распределений. Сила статистической связи оценивалась коэффициентом V Крамера. Для возрастных когорт зафиксирована умеренная связь ($V = 0{,}237$ при χ^2 (18) = 2062,3). В остальных случаях показатели отражают слабую, но достоверную статистическую связь. В частности, для уровня образования получены значения $V = 0{,}089$ и χ^2 (9) = 318,8, для профессиональной принадлежности $V = 0{,}089$ и χ^2 (21) = 181,1, а для уровня дохода $V = 0{,}047$ и χ^2 (12) = 47,3. Формально невысокие значения коэффициента Крамера типичны для масштабных социологических массивов с большой индивидуальной дисперсией. В данном контексте они отражают многофакторную природу социальных явлений, а не свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий между миграционными группами. Дополнительное применение попарного Z-критерия позволило локализовать границы этих сдвигов. Данный тест пошагово сравнил доли внутри таблицы и позволил определить, между какими группами по миграционному статусу наблюдаются статистически значимые различия.

** Для оценки материального положения респондентов применялся относительный подход к доходной стратификации (Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва; СПб.: Нестор-История. 368 с.). В отличие от абсолютных методов, задающих фиксированные денежные пороги, данный подход базируется на соотнесении среднедушевого дохода домохозяйства с медианным доходом по региону проживания. Использование относительных показателей обладает наибольшей объяснительной способностью при анализе социальной структуры современной России, поскольку позволяет нивелировать межрегиональные экономические диспропорции и более точно зафиксировать объективную позицию индивида в локальной социально-экономической иерархии.

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Наиболее заметный эффект возвратная мобильность оказывает на уровень доходов, поскольку именно в группе россиян, имеющих такой опыт территориальных перемещений, фиксируется максимальная доля тех, кто перешагнул планку дохода в две региональные медианы. Вероятно, накопленный за пределами родного региона опыт позволяет вернувшимся мигрантам конвертировать свои навыки в финансовую премию дома.

Таким образом, выявленные различия формируют предпосылки для трех исследовательских гипотез, которые планируется проверить с помощью многомерного регрессионного моделирования. Первая гипотеза направлена на проверку неоднородности конвертации денег в интегральный субъективный социальный статус. Она формулируется в виде тезиса о том, что связь между уровнем дохода и субъективным социальным статусом работает по-разному в зависимости от того, «укоренился» ли респондент или находится в процессе миграционной адаптации.

Опираясь на этот механизм, вторая гипотеза предполагает, что недавние мигранты сталкиваются со специфическим статусным диссонансом из-за ощутимого разрыва между их скромным образовательным багажом (19,3% из них имеют диплом о высшем образовании) и относительно высокими доходами (40,5% недавних мигрантов имеют доходы свыше двух региональных медиан). Третья же гипотеза предсказывает наличие статусной премии для возвратных мигрантов. Мы предполагаем, что их финансовое превосходство на фоне других групп россиян с разным миграционным статусом обеспечивает им наиболее высокие субъективные позиции.

Пространственная мобильность и эффект неполной конвертации: результаты логистического регрессионного моделирования

Результаты моделирования представлены в *таблице 2*. При их интерпретации основное внимание уделяется отношению шансов (Exp(B)). Значения Exp(B) выше единицы свидетельствуют о повышении шансов на достижение высокого субъективного социального статуса, а ниже единицы – об их снижении при прочих равных условиях.

Многомерное моделирование позволило зафиксировать значимую роль пространственной мобильности в формировании субъективного социального статуса. Анализ отношения шансов демонстрирует умеренную, но устойчивую

Таблица 2. Влияние миграционного статуса и дохода на шансы формирования высокого субъективного социального статуса

Предикторы в уравнении	Коэффициент (B)	Станд. ошибка	p	Exp(B)	95% ДИ для Exp(B)
Пространственная мобильность (референтная группа – укоренившиеся мигранты)					
Возвратные мигранты (> 6 мес.)	0,14	0,02	<0,001	1,151	1,106–1,197
Укорененное население (автохтоны)	-0,065	0,02	<0,001	0,937	0,902–0,973
Недавние мигранты (≤ 5 лет)	-0,04	0,043	0,356	0,961	0,883–1,046
Доход и эффекты взаимодействия					
Базовый лог. дохода (Z-оценка)	0,312	0,014	<0,001	1,367	1,329–1,405
Возвратные мигранты × Лог. дохода	-0,178	0,022	<0,001	0,837	0,802–0,873
Укорененное население × Лог. дохода	-0,069	0,021	0,001	0,933	0,896–0,973
Недавние мигранты × Лог. дохода	-0,053	0,042	0,213	0,949	0,874–1,031

Примечания. В таблице представлены коэффициенты бинарной логистической регрессии (B), стандартные ошибки, отношения шансов (Exp(B)) и 95%-ные доверительные интервалы. Зависимой переменной выступает вероятность отнесения респондента к группе с высоким интегральным субъективным статусом. Модель включает статистический контроль возраста, уровня образования, статуса занятости, года опроса и самооценки здоровья. Поскольку в модель включены эффекты взаимодействия между типом пространственной мобильности и стандартизированным логарифмом дохода, главные эффекты категорий миграционного статуса интерпретируются при среднем уровне логарифма дохода (Z = 0). Объем выборки составил 75 148 наблюдений. Модель статистически значима согласно критерию отношения правдоподобия (χ^2 (30) = 6025,0, p < 0,001). Площадь под ROC-кривой (AUC) составила 0,661 (95%-ный ДИ: 0,657–0,665), что указывает на умеренную дискриминирующую способность модели. Показатель псевдо-R^2 Найджелкерка (0,103) свидетельствует об умеренной объяснительной силе модели, поскольку формирование субъективных статусных оценок в значительной степени обусловлено индивидуальными факторами, не учтенными в модели.
Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

склонность к более высокой самооценке статуса в группе возвратных мигрантов. При среднем уровне дохода и контроле социально-демографических факторов шансы отнесения возвратных мигрантов к группе с высоким субъективным социальным статусом на 15,1% выше, чем у укоренившихся переселенцев. Это согласуется с нашим предположением о существовании статусной премии для россиян с опытом возвратной мобильности. Накопленный за пределами родного региона профессиональный и жизненный опыт в сочетании с сохранением локальных социальных связей обеспечивает возвратным мигрантам дополнительные преимущества по сравнению с локальными референтными группами. В этом смысле возвращение на малую родину выступает не вынужденным признанием жизненной неудачи, а вполне прагматичной стратегией. Такая пространственная траектория позволяет одновременно использовать накопленный человеческий потенциал и опираться на сохранившийся локальный социальный капитал, что способствует формированию более высокой статусной самооценки после возвращения.

Укорененное население, напротив, демонстрирует сравнительно низкие шансы высокой оценки своего статуса (ниже базового уровня на 6,3%). Вероятно, субъективный статус автохтонов в большей степени формируется в рамках устойчивой локальной социальной структуры, где материальные достижения являются лишь одним из факторов социальной оценки. Кроме того, результаты моделирования показывают, что влияние дохода на субъективный статус у автохтонов выражено слабее, чем у укоренившихся мигрантов. Это согласуется с тезисами о приоритете в стабильных локальных сообществах иных основ социального престижа, обусловленных прежде всего устоявшимися социальными связями и устойчивостью положения индивида в конкретном поселении.

Для недавних мигрантов не обнаруживается статистически значимых отличий от референтной группы, что соответствует нашему предположению о наличии адаптационных издержек, ограничивающих быструю конвертацию преимуществ переезда в субъективный статус. Полученные результаты свидетельствуют о том, что само по себе перемещение, даже сопровождающееся ростом доходов, не обеспечивает автоматического повышения субъективного статуса на начальном этапе интеграции.

Особый интерес представляет анализ эффектов взаимодействия между доходом и миграционным статусом россиян. Для укоренившихся мигрантов их субъективный статус отличается высокой чувствительностью к уровню материального достатка. В частности, рост стандартизированного логарифма среднедушевого дохода на одно стандартное отклонение повышает шансы достижения высокого субъективного статуса на 36,7%. Это позволяет предположить, что после завершения первичной адаптации и закрепления на новом месте материальные достижения становятся для представителей данной группы одним из наиболее значимых оснований субъективной оценки собственного социального положения.

Важно обратить внимание на отсутствие статистически достоверного эффекта взаимодействия в группе недавних мигрантов. Подобный результат указывает на то, что связь между доходом и субъективным статусом у недавних переселенцев статистически не отличается от соответствующей зависимости в референтной для нашей модели группе укоренившихся мигрантов. Обе группы находятся в принимающем сообществе без локальных социальных корней, вследствие чего их субъективный статус в сравнительно большей степени определяется текущим уровнем доходов. Для автохтонного населения данная зависимость оказывается менее выраженной, поскольку его самооценки в большей степени опираются на немонетарные характеристики.

Отрицательные коэффициенты взаимодействия свидетельствуют о том, что конвертация уровня дохода в субъективный социальный статус в этих группах происходит с меньшей интенсивностью, чем у укоренившихся мигрантов. К примеру, у автохтонов влияние дохода на вероятность достижения высокого субъективного статуса оказывается на 6,7% ниже базового уровня, а наиболее заметный эффект фиксируется у возвратных мигрантов, для которых соответствующая зависимость на 16,3% слабее, чем у референтной группы. Таким образом, при сопоставимом росте материального достатка субъективный статус возвратных мигрантов увеличивается в меньшей степени, чем у укоренившихся переселенцев.

Совместная интерпретация положительного главного эффекта мобильности и отрицательного коэффициента взаимодействия с доходом позволяет говорить о компенсаторном характере возвратной миграции. В частности, возвратные мигранты обладают изначально более высокой самооценкой собственного статуса, однако эта оценка слабее реагирует на динамику уровня доходов. При снижении уровня дохода субъективный статус такого мигранта не падает столь критично. В свою очередь при росте заработка самооценка возвратного мигранта не демонстрирует резкого скачка. Выявленные различия свидетельствуют о неполной и неодинаковой конвертации уровня доходов в субъективный социальный статус в различных миграционных группах. Одним из наиболее вероятных объяснений данного результата является более значимая роль для возвратных мигрантов локального социального капитала, общественного признания и устойчивых социальных связей, частично компенсирующих влияние текущих доходов при формировании их субъективного социального статуса. В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что влияние пространственной мобильности на субъективный социальный статус не исчерпывается экономическими эффектами миграции. Один и тот же уровень материального достатка по-разному конвертируется в субъективный статус в зависимости от миграционной биографии индивида и его включенности в локальные социальные сети.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что базовая структура внутренней пространственной мобильности россиян на протяжении последних тридцати лет остается относительно стабильной, однако внутри нее происходят важные качественные сдвиги. Так, если в период экономической стабилизации 2000-х гг. наблюдался рост доли недавних мигрантов, то в последующие годы она постепенно сокращалась. Наряду с этим расширилась практика возвратной мобильности, которая к 2024 году закрепилась на довольно высоком уровне. В этих условиях возвратная миграция выступает распространенным адаптационным ответом на сравнительно высокие барьеры интеграции в принимающих экономических центрах. В условиях сохраняющегося территориального неравенства такая стратегия позволяет наиболее эффективно конвертировать накопленные за пределами домашнего региона ресурсы в более высокие статусные позиции на малой родине.

Выявленные миграционные тренды дополняются социально-демографическими различиями исследуемых групп. Так, укорененное население концентрирует высокий образовательный потенциал, но заметно уступает мобильным группам в уровне доходов. Напротив, недавние и возвратные мигранты демонстрируют высокую финансовую результативность территориальных перемещений при совершенно разной профессиональной и возрастной структуре. Подобная асимметрия объективных характеристик стала предпосылкой к переходу от описательной статистики к многомерному моделированию, результаты которого подтвердили первую гипотезу исследования и продемонстрировали, что статистическая связь между пространственной мобильностью и субъективным социальным статусом неоднородна и варьируется в зависимости от особенностей миграционной биографии индивида.

После учета различий в доходах и социально-демографических характеристиках россиян наиболее высокие шансы относить себя к группе с высоким субъективным статусом демонстрируют возвратные мигранты. Данный факт доказывает вторую гипотезу исследования о наличии статусной премии. При равном среднем уровне дохода шансы представителей этой группы оценить свой социальный статус как высокий значительно превосходят аналогичные показатели референтной группы. Для недавних мигрантов статистически значимых отличий от укоренившихся переселенцев выявлено не было, что указывает на сохранение адаптационных ограничений на начальном этапе интеграции в принимающее сообщество и подтверждает еще одну гипотезу о специфическом статусном диссонансе. Наблюдаемый разрыв между относительно скромным образовательным капиталом и достаточно высокими заработками препятствует прямолинейному росту субъективных позиций в группе недавних мигрантов, чьи материальные достижения не способны полноценно трансформироваться в высокие статусные оценки вследствие дефицита образовательного ресурса. Тем самым эмпирические результаты исследования доказывают,

что само по себе территориальное перемещение не обязательно сопровождается автоматическим ростом субъективного статуса даже при наличии объективных экономических преимуществ.

Важным результатом исследования стало выявление различий во взаимосвязи объективного социально-экономического положения и субъективного социального статуса. Включение в модель эффектов взаимодействия между уровнем доходов и типом пространственной мобильности показало, что корреляция между доходом и субъективным статусом неодинакова для россиян с разной миграционной биографией. Для укоренившихся мигрантов субъективный статус в наибольшей степени связан с уровнем доходов, тогда как у возвратных мигрантов эта статистическая взаимосвязь оказывается существенно слабее. Выявленный отрицательный коэффициент взаимодействия не нивелирует указанную статусную премию, а математически отражает снижение чувствительности субъективного статуса к колебаниям текущего заработка. Подобный результат объясняется опорой возвратных мигрантов на комплекс ранее накопленного немонетарного капитала и локальных связей, что успешно амортизирует жесткую привязку статусной самооценки к текущему заработку и обеспечивает дополнительный запас прочности их социальному самочувствию. Следовательно, объективные экономические преимущества связаны с высокой статусной самооценкой в разной степени в зависимости от миграционной биографии индивида.

Полученные результаты согласуются с теоретическим предположением о том, что субъективный статус формируется в тесной связи не только с объемом экономических ресурсов, но и с особенностями социальной интеграции, референтными для индивида социальными группами и накопленным социальным капиталом. В этом смысле результаты исследования не противоречат веберианскому разграничению класса и статуса, а также представлениям о статусной рассогласованности, показывая, что более высокие доходы далеко не всегда сопровождаются пропорциональным сдвигом субъективных представлений человека о собственном положении в социальной иерархии.

Таким образом, миграционная биография индивида выступает значимым структурным маркером, дифференцирующим не только объективное социально-экономическое положение индивида, но и характер взаимосвязи между доходами и субъективным социальным статусом. Это позволяет рассматривать пространственную мобильность как важный элемент анализа субъективного социального неравенства, дополняющий традиционные исследования, сосредоточенные преимущественно на объективных показателях благосостояния.

Литература

Андреенкова А. В., Воронина Н. С. (2025). Социальные последствия географической мобильности в жизненном пути россиян // Социологический журнал. Т. 31. № 3. С. 39–62. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.3

Голенкова З.Т., Сушко П.Е. (2016). Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. № 12. С. 95–104.

Зайончковская Ж.А. (1999). Внутренняя миграция в России и СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Т. 8. № 4. С. 22–34.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2024). Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. № 1. С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1

Камалов Э.А., Понарин Э.Д. (2020). Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. Т. 21. № 1. С. 11–43.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2024). В город или в пригород: что выбирают россияне на разных этапах жизненного пути // Известия РАН. Серия географическая. Т. 88. № 5. С. 694–711. DOI: 10.31857/S2587556624050062

Коленникова Н.Д. (2023). Профессиональные структуры «большой» и «малой» России: динамика общих контуров и специфика позиций // Terra Economicus. Т. 21. № 3. С. 88–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-88-101

Малева Т.М., Бурдяк А.Я. (2018). Территориальная мобильность населения России в контексте социальной динамики // Регион: экономика и социология. № 4. С. 89–111. DOI: 10.15372/REG20180404

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4

Мкртчян Н.В. (2026). Роль динамики возрастной структуры населения в снижении масштабов внутренней миграции в России // Демографическое обозрение. Т. 13. № 1. С. 44–74. DOI: 10.17323/demreview.v13i1.33717

Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.

Сушко П.Е. (2025). Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 143–163. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.8

Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А., Горшкова Д.Е. [и др.] (2025). «Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска) // Регионология. Т. 33. № 2. С. 316–334. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334

Урри Дж. (2012). Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. Москва: Праксис. 576 с.

Arpino B., de Valk H.A.G. (2018). Comparing life satisfaction of immigrants and natives across Europe: The role of social contacts. *Social Indicators Research,* 137(3), 1163–1184. DOI: 10.1007/s11205-017-1629-x

Bartram D. (2013). Happiness and “economic migration”: A comparison of Eastern European migrants and stayers. *Migration Studies*, 1(2), 156–175. DOI: 10.1093/migration/mnt006

Belot M., Ermisch J. (2009). Friendship ties and geographical mobility: Evidence from Great Britain. *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*, 172(2), 427–442. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2008.00566.x

Borjas G.J. (1987). Self-selection and the earnings of immigrants. *The American Economic Review,* 77(4), 531–553.

Cassarino J.-P. (2004). Theorising return migration: The conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies,* 6(2), 253–279.

Cerase F.P. (1974). Expectations and reality: A case study of return migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*, 8(2), 245–262.

Clark A.E., Senik C. (2010). Who compares to whom? The anatomy of income comparisons. *The Economic Journal*, 120(544), 573–594. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2010.02359.x

Clark W.A.V., Maas R. (2015). Interpreting migration through the prism of reasons for moves. *Population, Space and Place,* 21(1), 54–67. DOI: 10.1002/psp.1844

Cresswell T. (2006). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. London: Routledge.

Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin,* 125(2), 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276

Festinger L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations*, 7(2), 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202

Gillespie B.J., Mulder C.H., von Reichert C. (2022). The role of family and friends in return migration and its labor market outcomes. *Population Research and Policy Review,* 41(1), 115–138. DOI: 10.1007/s11113-021-09650-x

Hendriks M. (2015). The happiness of international migrants: A review of research findings. *Migration Studies,* 3(3), 343–369. DOI: 10.1093/migration/mnu053

Hendriks M., Burger M.J. (2020). Unsuccessful subjective well-being assimilation among immigrants: The role of faltering perceptions of the host society. *Journal of Happiness Studies,* 21, 1985–2006. DOI: 10.1007/s10902-019-00164-0

Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.

Lenski G.E. (1954). Status crystallization: A non-vertical dimension of social status. *American Sociological Review,* 19(4), 405–413. DOI: 10.2307/2087459

Li X., Cui S., Mou T. (2026). Social reintegration upon homecoming: Migration experience and the social capital of return migrants in rural China. Journal of Rural Studies, 124, 104184. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2026.104184

Merton R.K. (1968). *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.

Nowok B., van Ham M., Findlay A.M., Gayle V. (2013). Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective well-being. *Environment and Planning A: Economy and Space,* 45(4), 986–1002. DOI: 10.1068/a45287

Reed-Danahay D. (2020). *Bourdieu and Social Space: Mobilities, Trajectories, Emplacements*. New York: Berghahn Books.

Sjaastad L.A. (1962). The costs and returns of human migration. *Journal of Political Economy,* 70(5), 80–93. DOI: 10.1086/258726

Sorokin P.A. (1927). *Social Mobility*. New York: Harper & Brothers.

Tegegne M.A., Glanville J.L. (2019). The immigrant-native gap in subjective well-being in Western European countries: Assessing the role of social capital. *International Migration Review,* 53(2), 458–485. DOI: 10.1177/0197918318769309

Todaro M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *The American Economic Review*, 59(1), 138–148.

Weber M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.

Wei L. (2022). When the wall is broken: Rural-to-urban migration, perceived inequality, and subjective social status in China. *Research in Social Stratification and Mobility,* 82, 100731. DOI: 10.1016/j.rssm.2022.100731

Wu J., Bernard A., Gruber E. (2024). Lifetime internal migration trajectories and social networks: Do repeat migrants fare worst? *Social Networks,* 79, 133–152. DOI: 10.1016/j.socnet.2024.06.006

Сведения об авторах

Павел Евгеньевич Сушко – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: sushkope@mail.ru)

Нина Дмитриевна Коленникова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Sushko P.E., Kolennikova N.D.

Spatial Mobility and Subjective Social Status in Russia: Dynamics and Interconnections

Abstract. This paper investigates the impact of spatial mobility on the objective socio-economic standing and subjective social status of the Russian population. The theoretical framework relies on the paradox of incomplete conversion of objective economic achievements into subjective social status. According to this concept, the economic benefits of relocation do not translate into a commensurate increase in subjective social standing due to high adaptation costs. The empirical base relies on longitudinal data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) spanning from 1994 to 2024 (N = 116,976). Based on a specifically constructed index, four population groups were identified (non-mobile residents, recent migrants, settled migrants, and return migrants). The demographic dynamics of these groups reveal a decline in the intensity of recent migration alongside a growing trend of return mobility, which we consider an increasingly popular adaptation strategy in contemporary turbulent conditions. Binary logistic regression analysis demonstrates that return migration serves as a comparatively successful strategy for maximizing subjective social status. The unique experience and financial resources accumulated outside the home region provide individuals with competitive advantages in local labor markets. The odds of return migrants rating their status as high are 15,1% greater compared to settled migrants. Against this background, the non-mobile population generally demonstrates more restrained self-assessments of their social standing. Furthermore, the study analyzes group differences in the mechanisms of converting income into subjective social status. Notably, return migrants exhibit a 16,3% lower sensitivity of their

subjective status to income fluctuations. For the remaining groups, subjective social status is more rigidly determined by their current earnings. We conclude that for return migrants, reintegration into their home region functions as a buffer against economic shocks. This trajectory of spatial mobility enables individuals to compensate for financial deficits, presumably by leveraging local social capital, thereby ensuring the stability of their subjective standing, and fostering a sense of life success without strict dependence on current income. Thus, incorporating the specifics of migration biographies significantly expands the traditional analysis of social inequality by demonstrating a complex and structurally heterogeneous relationship between objective material conditions and the subjective assessments of Russians.

Key words: spatial mobility, return migration, migration status, migration biographies, subjective status, social stratification, Russian society.

Information about the Authors

Pavel E. Sushko – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: sushkope@mail.ru)

Nina D. Kolennikova – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Статья поступила: 01.08.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.12
УДК 332.1, ББК 65.050.23
© Ворошилов Н.В.

Инфраструктурный фактор в развитии сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа: от анализа специфики к формированию стандартов качества жизни населения



Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования подходов к модернизации инфраструктуры в сельских территориях России, которая выступает важным фактором, определяющим параметры экономического, социального (демографического) развития регионов, муниципалитетов и населённых пунктов. Цель работы – выявление территориальной специфики (особенностей и проблем) развития инфраструктуры сельских территорий на макрорегиональном (на примере субъектов РФ федерального округа) и внутрирегиональном (на примере муниципалитетов субъекта РФ) уровнях, что позволит обосновать приоритетные направления (механизмы) дальнейшего развития такой инфраструктуры для обеспечения повышения качества жизни населения и экономического роста регионов. Для достижения данной цели использованы такие научные методы, как экономический и статистический анализ, экспертный (анкетный) опрос, метод группировок (типологизации) территорий. Научная новизна исследования заключается в оценке масштаба территориальной дифференциации параметров инфраструктуры сельских территорий в субъектах Северо-Западного федерального округа и обосновании необходимости разработки стандартов качества жизни населения на сельских территориях как механизма преодоления дифференциации, позволяющих учитывать специфику функцио-

Для цитирования: Ворошилов Н.В. (2026). Инфраструктурный фактор в развитии сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа: от анализа специфики к формированию стандартов качества жизни населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 231–251. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.12

For citation: Voroshilov N.V. (2026). Infrastructure factor in the development of rural territories of the Northwestern Federal District: From analyzing specifics to designing standards of the population's quality of life. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), С. 231–251. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.12

нирования инфраструктуры на селе и увязать мероприятия государственных, муниципальных программ и проектов с достижением конкретных целевых ориентиров данных стандартов. В ходе исследования показаны ключевые проблемы инфраструктурного развития сельских территорий Северо-Западного федерального округа: низкий уровень благоустройства сельского жилищного фонда (лишь 30% в среднем по макрорегиону) при высоком уровне износа существующих коммунальных сетей (до 70%) и низких темпах их обновления; наличие значительных различий в параметрах состояния и динамики функционирования социальной и коммунальной инфраструктуры как среди субъектов округа, так и среди территорий с разной долей сельского населения в общей численности населения муниципалитета. Полученные результаты могут быть использованы органами власти при совершенствовании существующей системы развития инфраструктуры на селе, а также служить основой для дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: социальная и коммунальная инфраструктура, социально-экономическое развитие, сельские территории, Северо-Западный федеральный округ, Вологодская область, экспертный (анкетный) опрос.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов» (FMGZ-2025-0013).

Введение

Устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие страны и её регионов во многом определяется обеспеченностью, доступностью и качеством различной инфраструктуры (коммунальной, социальной, транспортной, производственной и т. д.) в территориях. Объекты инфраструктуры играют важную роль как в успешном развитии бизнеса (уровень издержек на перемещение производственных ресурсов и конечной продукции и др.), так и в формировании необходимого качества жизни населения (возможность получения качественных услуг здравоохранения, образования, культуры, социальной защиты, качество жилищного фонда и благоустройства населённого пункта, доступность цифровых сервисов и т. д.), что формирует привлекательность территории для проживания и ведения бизнеса. Инфраструктура обеспечивает освоенность и связность огромного пространства страны и непосредственно влияет на параметры экономического и социального развития территорий.

В то же время уровень и качество инфраструктуры значительно различаются между муниципалитетами, городской и сельской местностью. Особенности системы городского и сельского расселения, специализация экономики сельских территорий, природно-климатические условия и другие факторы требуют рассмотрения специфики развития именно сельских муниципалитетов, которые занимают большую часть территории страны и в них проживает четверть населения России.

Зарубежными и российскими учёными показаны роль и влияние инфраструктурного фактора на развитие территорий. Фокус современных исследований направлен на оценку влияния инфраструктуры и инвестиций в инфраструктуру в различных странах мира на социальное благополучие сельских общин (сообществ) (Manggat et al., 2018); повышение уровня жизни населения и снижение уровня бедности (Fuseini, 2024; Yuan, Wang, 2024; Songco, 2002); параметры человеческого, физического и финансового капитала, условия жизни в сельской местности, трансформацию сельскохозяйственного производства (Zheng, 2025); снижение географического неравенства в доходах населения и стимулирование экономического роста (объём производства и производительность, человеческий капитал) (Foster et al., 2023); развитие местной экономики сельских районов и качества среды проживания (Du, Jiao, 2023). В этих работах показана значимость инфраструктурного фактора для развития сельских территорий со спецификой её проявления в различных странах и регионах. Российскими учёными также проводятся аналогичные исследования, в том числе в отношении влияния ин-

фраструктуры на устойчивое развитие сельских территорий и параметры развития сельхозпроизводства (Зубец, 2019; Ворошилов, 2021; Костяев, 2024; Суханова, Гусев, 2024; Дробот и др., 2026); оценки внешних и внутренних факторов развития самой инфраструктуры (Комарова, Акифьева, 2022), в том числе специфики реализации программно-целевого подхода (принципа) в данной сфере (Ворошилов и др., 2022; Котомина, 2025); влияния инфрастуктурной обеспеченности территорий на миграционные потоки (Старикова, 2024; Мкртчян, 2026) и др.

Задачи по выявлению зависимостей между параметрами (показателями) развития инфраструктуры и демографии и производственной сферы учёными решаются с помощью методов корреляционного, факторного (Нечаева, Демидова, 2024; Труба и др., 2024; Гусев, 2025); многомерного сравнительного анализа (Стоянова, Забелина, 2015); индексного метода (Воробьев, Пелевин, 2022); метода экспертной (балльной) оценки и PEST-анализа (Комарова, Акифьева, 2022), хроногеографического подхода (Старикова, 2024). Такой анализ позволяет оценить влияние инфраструктурного фактора на процессы развития сельских территорий и определить приоритетные направления (сферы) модернизации инфраструктуры.

Вопросы развития инфраструктуры являются одним из ключевых приоритетов современной государственной политики в России. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» одной из таких целей является «комфортная и безопасная среда для жизни», для достижения которой в частности запланированы модернизация коммунальной инфраструктуры, улучшение качества предоставляемых коммунальных услуг и другие мероприятия.

В соответствии со Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р) одним из направлений и задач пространственного развития является создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории России, включая условия для прекращения оттока постоянно проживающего населения из регионов Сибири, Дальнего Востока и Арктики, малых и средних городов, сельских территорий, в том числе за счет повышения кадровой обеспеченности медицинских, образовательных организаций, организаций культуры, физкультурно-спортивных организаций, расположенных в сельских населенных пунктах, и др. Среди важных принципов, обозначенных в данной Стратегии, следует отметить «дифференцированный подход к развитию различных территорий и населенных пунктов...»; «обеспечение максимальной загрузки существующих объектов инфраструктуры»; «планирование создания новых объектов инфраструктуры на основе их приоритизации с учетом оценки социально-экономических эффектов».

Ключевым пространственным приоритетом является система опорных населенных пунктов (2160 ОНП – города, посёлки, сельские населённые пункты), которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий (в том числе сельских), получают приоритетное финансирование развития социальной, коммунальной и иной инфраструктуры в рамках национальных проектов и государственных программ.

Важными задачами Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р) выступает повышение уровня и качества жизни сельского населения[1] с учетом современных требований и стандартов; совершенствование социальной инфраструктуры, повышение доступности социальных услуг; совершенствование, развитие жилищной, инженерно-коммунальной, дорожно-транспортной, информационной инфраструктуры в сельской

[1] В данном исследовании мы опирались на определение категории качества жизни населения, представленное в монографии коллектива учёных под руководством академика РАН В.В. Окрепилова, – «это оценочная категория, обобщённо характеризующая параметры всех составляющих жизни человека: его потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности, по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека» (Социально-экономическое развитие регионов (2024) / колл. авторов; под. ред. В.В. Окрепилова; ИПРЭ РАН. М.: Наука. 492 с.).

местности. Для достижения этих задач планируется разработка системы региональных стандартов предоставления услуг образования, медицинского, ветеринарного, культурного, торгового, бытового и других видов обслуживания в сельских поселениях с учетом существующих систем расселения, транспортной и временной доступности соответствующих организаций. Однако такие стандарты пока ещё не разработаны и не утверждены, что актуализирует проработку научного обеспечения решения данной задачи. В Стратегии также обозначен принцип дифференцированного подхода к развитию сельских территорий (выделено 4 типа субъектов РФ с различным характером освоения и сельскохозяйственного использования, потенциалом и ограничениями развития сельской местности), учёт которого позволит обеспечить сокращение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения.

Обозначенные выше стратегические цели и задачи развития сельских территорий требуют разработки конкретных, измеримых показателей, индикаторов для оценки уровня и качества жизни сельского населения, параметров функционирования экономики и инфраструктуры в сельских территориях, а соответственно требований к количеству, качеству и параметрам функционирования всех объектов инфраструктуры на селе (образование, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт, коммунальная инфраструктура, инфраструктура связи и т. д.).

В зарубежной и российской теории и практике данные вопросы решаются с помощью разработки стандартов качества жизни на сельских территориях (социальных стандартов, государственных социальных стандартов и т. д.).

Коллективом учёных ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ разработан проект федерального закона «О развитии сельских территорий», одним из ключевых положений которого является закрепление системы стандартов (нормативов) обеспеченности сельского населения объектами социальной инфраструктуры, которая будет включать: «1) удельные нормативы обеспеченности населения мощностями объектов, оказывающих социальные услуги населению; 2) охват услугами тех или иных демографических групп населения; 3) нормативы, содержащие номенклатуру объектов социальной инфраструктуры определенной вместимости (мощности) для сельских населенных пунктов с разной численностью населения; 4) нормативы (радиусы) территориальной (временной) пешеходной и транспортной доступности объектов» (Папцов и др., 2024).

Представителями Ставропольского государственного аграрного университета разработано содержание «стандарта качества жизни населения сельских территорий, показатели которого отражают доступность услуг в соответствующей сфере каждому жителю сельской территории, обеспеченность населения необходимыми услугами, качество оказываемых населению услуг» (Костюкова и др., 2023).

Другими исследователями (Полушкина, 2018; Полушкина и др., 2022) обоснована необходимость применения государственных социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения в системе государственного регулирования инклюзивного развития сельских территорий России; показано место социальных стандартов (системы стандартов обеспечения сельского населения социальными услугами) в системе управления развитием сельских территорий (Бондаренко, 2013; Огаркова, 2024) и повышения качества жизни сельского населения (Урядова, 2022), в том числе на основе систематизации опыта формирования минимальных социальных стандартов, утверждённых в ряде стран мира (Огаркова, 2024). Прорабатываются и вопросы расчета потребности в объеме финансирования, необходимого для достижения на соответствующей территории показателей, определенных стандартами в разрезе основных сфер функционирования сельских территорий (Агаркова и др., 2022).

Также следует отметить, что состояние и специфика экономического, социального и инфраструктурного развития сельских территорий значительно различается между регионами страны и между муниципалитетами каждого региона, что требует проведения детального анализа ситуации на макрорегиональном и внутрирегиональном уровнях с целью выявления тех или иных проблем, а также более обоснованного определения приоритетов государственного финансирования инфраструктуры

в кратко-, средне- и долгосрочном периодах. В свою очередь требования, нормативы в сфере обеспеченности населённых пунктов инфраструктурой обозначены во множестве документов (например, в различных методических рекомендациях органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления о применении нормативов и норм оптимального размещения организаций культуры, образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, утверждённых приказами соответствующих федеральных министерств, и т. д.), однако зачастую они не детализированы применительно именно к сельским территориям или в зависимости от размера населённого пункта. Всё это требует систематизации нормативов, а также дальнейшей синхронизации всех документов стратегического и территориального планирования. В настоящее время обозначенные аспекты недостаточно проработаны в научном и практическом плане, что актуализирует изучение данных вопросов.

Соответственно, цель исследования состоит в выявлении территориальной специфики (особенностей и проблем) развития инфраструктуры сельских территорий на макрорегиональном (на примере субъектов РФ федерального округа) и внутрирегиональном (на примере муниципалитетов субъекта РФ) уровнях, что позволит обосновать приоритетные направления (механизмы) дальнейшего развития такой инфраструктуры для обеспечения повышения качества жизни населения и экономического роста регионов.

Для достижения данной цели решены следующие задачи:

– обоснован методический подход к выявлению территориальной специфики развития инфраструктуры сельских территорий, в том числе их типологизации по критерию доли сельского населения;

– оценены ключевые параметры состояния и развития инфраструктуры сельских территорий в субъектах Северо-Западного федерального округа (СЗФО), а также в муниципальных образованиях Вологодской области в разрезе различных их типов;

– выявлены субъективные оценки глав муниципальных образований субъектов СЗФО в отношении текущего состояния и видения приоритетов модернизации инфраструктуры;

– обоснована концептуальная схема формирования стандартов качества жизни населения сельских территорий как ключевого элемента формирования современного эффективного механизма модернизации инфраструктуры села.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Для достижения поставленной цели исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и прикладные (экономико-статистический анализ, группировка, экспертный опрос и др.) методы.

В рамках анализа параметров функционирования инфраструктуры сельских территорий (на примере Северо-Западного федерального округа) использовались следующие источники информации: 1) статистика Росстата и его территориальных органов в субъектах РФ по демографическим, инфраструктурным (коммунальное и жилищное хозяйство) показателям развития субъектов РФ и муниципалитетов в разрезе городской местности и сельской местности; 2) статистическая информация о социально-экономическом развитии сельских территорий Российской Федерации (отдельный бюллетень; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sel-terr.html); 3) база данных показателей муниципальных образований Росстата (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm); 4) результаты экспертного (анкетного) опроса глав муниципальных образований субъектов СЗФО, проведённого Вологодским научным центром РАН в июле – ноябре 2025 года (автор статьи – непосредственный организатор данного опроса) и посвящённого изучению различных аспектов функционирования института местного самоуправления и муниципальных образований; анкеты в формате MS Word были разосланы на электронные почты всех 935 муниципалитетов СЗФО (генеральная совокупность); количество собранных и заполненных анкет позволило обеспечить определённую достоверность результатов опроса в разрезе видов (типов) муниципальных образований и субъектов РФ; обработка результатов проводилась в программе MS Excel. Опрос позволил выявить специфику проблем и видение главами перспектив развития сельских территорий (сельских поселений, муниципальных районов и округов с полностью сельским населением).

В исследовании рассмотрены особенности развития сельских и городских муниципальных образований (муниципальных округов и районов, городских округов) в рамках предложенной типологии муниципалитетов по доле сельского населения в общей численности населения по данным Росстата на конец 2024 года: 1) полностью сельские (доля сельского населения 100%); 2) преимущественно сельские (доля сельского населения 50,0–99,9%); 3) преимущественно городские (0–49,9%); 4) городские округа с долей сельского населения менее 5%. Соответственно, территории первой группы являются непосредственно сельскими территориями, вторую группу также можно относить к сельским в их широком понимании. По каждой группе муниципалитетов рассчитывались средние значения ключевых показателей инфраструктурного развития.

Результаты исследования

Исследование инфраструктуры сельских территорий проводилось на материалах крупного макрорегиона – Северо-Западного федерального округа, который является самым большим макрорегионом европейской части России (площадь – 1687 тыс. кв. км, что составляет 9,8% от площади всей страны). Ключевыми факторами развития сельских территорий СЗФО являются неблагоприятные природно-климатические условия в его северной части (что ограничивает возможности развития высокоэффективного сельского хозяйства), очаговый характер расселения и преобладание малонаселённых муниципалитетов (с численностью жителей менее 1000 чел.) и сельских населённых пунктов.

В целом ключевой проблемой развития сельских территорий России является неблагоприятная демографическая ситуация: значительное сокращение численности населения, обусловленное как естественной убылью, так и высоким миграционным оттоком. Всё это приводит к «вымиранию» целых населённых пунктов, потере управляемости территориями. Что касается регионов СЗФО, то за 1990–2024 гг. численность сельского населения больше всего сократилась в Республике Коми (на 47%; *табл. 1*),

Таблица 1. Динамика среднегодовой численности постоянного населения и сельских населённых пунктов по России и субъектам СЗФО

Территория	Городское население, тыс. чел.			Сельское население, тыс. чел.			Доля сельского населения, %		Число сельских населённых пунктов с населением, ед.*
	1990 г.	2024 г.	2024 г. к 1990 г., %	1990 г.	2024 г.	2024 г. к 1990 г., %	1990 г.	2024 г.	
РФ	109070,6	109661,4	100,5	38898,8	36474,0	93,8	26,3	25,0	128406
СЗФО	12596,1	11822,2	93,9	2714,7	2036,3	75,0	17,7	14,7	21925
Республика Карелия	646,7	417,1	64,5	144,9	104,3	71,9	18,3	20,0	671
Республика Коми	944,0	559,4	59,3	300,4	158,3	52,7	24,1	22,1	651
Архангельская область (без НАО)	1126,0	744,6	66,1	394,4	207,1	52,5	25,9	21,8	2766
Ненецкий АО	33,1	31,5	95,2	18,8	10,6	56,4	36,2	25,2	40
Вологодская область	889,5	813,6	91,5	464,6	304,8	65,6	34,3	27,3	5531
Калининградская область	699,5	790,2	113,0	186,5	243,2	130,4	21,0	23,5	1045
Ленинградская область	1104,2	1405,9	127,3	567,1	641,7	113,2	33,9	31,3	2744
Мурманская область	1089,0	608,2	55,8	101,1	45,7	45,2	8,5	7,0	83
Новгородская область	525,2	417,3	79,4	227,4	152,0	66,8	30,2	26,7	2810
Псковская область	534,0	409,1	76,6	309,5	168,7	54,5	36,7	29,2	5584
г. Санкт-Петербург	5005,0	5625,3	112,4	–	–	–	0,0	0,0	–

* По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, проведённой в 2021 г.

Здесь и в таблице 2 рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/

Мурманской (на 55%), Архангельской (на 47%), Псковской (на 45%) областях и Ненецком АО (на 44%). Заметный прирост численности сельского населения отмечался в Калининградской области, привлекательной для мигрантов из других регионов России и ряда стран мира.

Следующей значимой проблемой является крайне низкий уровень благоустройства сельских населённых пунктов основными коммунальными благами. Так, в 2024 году в СЗФО лишь 30% сельского жилищного фонда было обустроено всеми видами благоустройства (*табл. 2*). Достаточно высокое значение данного показателя отмечалось в Калининградской (81%) и Мурманской (76%) областях; самые низкие значения – в республиках Карелия и Коми (7%), Архангельской области (7%) и Ненецком автономном округе (8%).

Ключевую проблему функционирования коммунальной инфраструктуры в сельских территориях формируют высокий износ коммунальных сетей и низкие темпы их замены, не обеспечивающие своевременную их модернизацию. Так, в 2024 году в среднем по СЗФО требовали замены 27% тепловых сетей (от 8% в Ненецком АО до 46% в Вологодской области; *табл. 3*); 45% водопроводных сетей (от 9% в Республике Коми до 71% в Новгородской области) и 46% канализационных сетей (от 3% в Ненецком АО до 74% в Новгородской области). В 2024 году в среднем по СЗФО было заменено всего 9% тепловых сетей от общего объёма сетей, нуждающихся в замене (от 3% в Республике Карелии до 82% в Ненецком АО); всего 3% водопроводных сетей (от 1% в Псковской области до 24% в Ненецком АО) и 0,5% канализационных сетей (от 0% в Ненецком АО до 7% в Республике Коми). Вместе с тем такой разброс в показателях между регионами обусловлен значительными различиями в доле благоустроенного жилищного фонда централизованными коммунальными системами.

Не менее значимым является факт низкой доли вывоза твёрдых коммунальных отходов на специальные объекты (полигоны, заводы) по обработке (сортировке и переработке) отходов: в среднем по СЗФО всего 16% (от 0% в Архангельской, Вологодской, Калининградской областях, Ненецком АО до 98% в Мурманской области).

Для обеспечения комфортности проживания в населённых пунктах также важно обеспечить максимальный охват протяжённости улиц, проездов и набережных освещением. В целом по СЗФО доля освещённых участков в 2024 году составляла 63% (от 25% в Псковской области до 83% в Вологодской, Новгородской областях и Ненецком АО).

Таблица 2. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда по России и субъектам СЗФО, %

Территория	Городская местность			Сельская местность		
	2013 г.	2024 г.	2024 г. к 2013 г., п. п.	2013 г.	2024 г.	2024 г. к 2013 г., п. п.
РФ	77,6	84,2	+6,6	26,0	46,9	+20,9
СЗФО	81,9	87,6	+5,7	20,7	30,2	+9,5
Республика Карелия	71,8	68,0	-3,8	10,1	6,5	-3,6
Республика Коми	70,1	82,9	+12,8	6,3	6,8	+0,5
Архангельская область (без НАО)	74,4	76,9	+2,5	6,6	6,6	0,0
Ненецкий АО	47,9	80,6	+32,7	3,0	8,4	+5,4
Вологодская область	48,0	79,1	+31,1	11,8	21,4	+9,6
Калининградская область	86,0	93,3	+7,3	51,9	80,9	+29,0
Ленинградская область	66,9	79,0	+12,1	40,3	44,1	+3,8
Мурманская область	93,4	91,8	-1,6	82,4	75,5	-6,9
Новгородская область	63,9	72,7	+8,8	9,6	19,2	+9,6
Псковская область	62,5	62,1	-0,4	10,8	19,1	+8,3
г. Санкт-Петербург	96,3	96,9	+0,6	–	–	–

Таблица 3. Состояние тепловых, водопроводных и канализационных сетей в сельских территориях субъектов СЗФО в 2024 году

Территория	Тепловые сети		Водопроводные сети		Канализационные сети		Доля твердых коммунальных отходов, вывезенных на объекты, используемые для обработки отходов, %	Доля протяженности освещенных частей улиц, проездов, набережных, %
	Доля сетей, нуждающихся в замене, %	Доля заменённых и отремонтированных сетей, % от нуждающихся в замене	Доля сетей, нуждающихся в замене, %	Доля заменённых и отремонтированных сетей, % от нуждающихся в замене	Доля сетей, нуждающихся в замене, %	Доля заменённых и отремонтированных сетей, % от нуждающихся в замене		
Российская Федерация	**25,7**	**8,3**	**39,7**	**3,2**	**39,0**	**1,3**	**30,3**	**53,9**
Северо-Западный федеральный округ	**26,5**	**9,4**	**45,1**	**3,0**	**46,1**	**0,5**	**16,3**	**63,3**
Республика Карелия	20,0	3,0	47,5	7,1	50,4	1,2	18,9	66,9
Республика Коми	13,5	11,0	8,5	11,3	12,4	6,9	5,0	74,0
Архангельская область (без НАО)	40,7	7,8	42,2	2,5	53,9	0,2	0,0	51,2
Ненецкий автономный округ	7,7	81,9	22,3	24,3	3,1	0,0	0,0	82,8
Вологодская область	45,8	6,9	41,9	7,1	53,5	0,3	0,0	83,1
Калининградская область	23,4	9,7	63,8	1,9	53,6	0,1	0,0	47,1
Ленинградская область	18,6	15,4	35,2	2,0	43,0	0,6	2,4	69,7
Мурманская область	12,2	18,7	28,2	3,6	25,5	0,5	98,4	81,5
Новгородская область	39,7	6,1	70,9	2,1	73,9	0,1	32,7	83,2
Псковская область	25,1	4,8	53,5	1,0	54,2	0,2	23,6	24,5
г. Санкт-Петербург	-	-	-	-	-	-	-	-

Здесь и в таблице 4 рассчитано по: Статистическая информация о социально-экономическом развитии сельских территорий Российской Федерации / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sel-terr.html

Что касается обеспеченности населения сельских территорий объектами социальной инфраструктуры, то регионы СЗФО заметно различаются по данным показателям: по числу лечебно-профилактических учреждений – от 7 учреждений в расчёте на 10 тыс. чел. сельского населения в Ленинградской области до 24 в Архангельской области и 34 в Ненецком АО (*табл. 4*); по числу спортивных сооружений – от 22 в Калининградской области до 81 в Мурманской области; по численности занимающихся в детско-юношеских спортшколах в расчёте на 10 тыс. чел. населения – от 0 человек в Ненецком АО и 32 человек в Калининградской области до 224 в Республике Коми.

Острой проблемой является состояние зданий дошкольных образовательных организаций. В Новгородской, Мурманской и Псковской областях в 2024 году от 50 до 100% таких зданий находились в аварийном состоянии или требовали капитального ремонта. Однако, например, в Архангельской области нет таких проблемных зданий.

Значимы для сельских жителей вопросы доступности (а соответственно и самого их количества) объектов торговли, общественного питания и бытового обслуживания. По количеству магазинов в расчёте на 1000 чел. населения регионы СЗФО различаются: от 3-х магазинов в Калининградской области до 11 в Мурманской области и Республике Коми (см. табл. 4); по числу объектов общественного питания в расчёте на 10 тыс. чел. населения – от 8 в Калининградской области до 28 в Мурманской области; по числу объектов бытового обслуживания в расчёте на 10 тыс. чел. населения – от 14 объектов в Калининградской области до 39 в Мурманской области и 73 в Ненецком АО.

Таблица 4. Состояние отдельных элементов социальной инфраструктуры сельских территорий субъектов СЗФО в 2024 году

Территория	Число лечебно-профилактических организаций в расчёте на 10 тыс. чел. сельского населения*, ед.	Число спортивных сооружений в расчёте на 10 тыс. чел. населения, ед.	Численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах в расчёте на 10 тыс. чел. населения, чел.	Число магазинов в расчёте на 1000 чел. населения, ед.	Количество объектов общественного питания (общедоступные столовые, столовые организаций, кафе/рестораны) в расчёте на 10000 чел. населения, ед.	Число объектов бытового обслуживания населения в расчёте на 10000 чел. населения, ед.	Доля дошкольных образовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии и/или требуют капитального ремонта, %
Российская Федерация	**12**	**36**	**214**	**6**	**14**	**21**	**25,9**
Северо-Западный федеральный округ	**14**	**36**	**100**	**7**	**15**	**23**	**28,8**
Республика Карелия	11	31	146	9	23	15	25,0
Республика Коми	22	56	224	11	17	31	28,8
Архангельская область (без НАО)	24	42	202	10	19	26	0,0
Ненецкий автономный округ	34	47	0	10	25	73	18,2
Вологодская область	18	33	91	8	15	21	42,9
Калининградская область	11	22	32	3	8	14	-
Ленинградская область	7	31	44	5	13	23	21,7
Мурманская область	15	81	213	11	28	39	55,6
Новгородская область	20	56	128	5	10	28	50,0
Псковская область	20	30	104	7	15	23	100,0
г. Санкт-Петербург	-	-	-	-	-	-	-

* Все данные в таблице представлены в расчёте на 10000 человек сельского населения.

Далее более подробно рассмотрим специфику состояния и развития инфраструктуры в различных типах (группах) муниципальных образований Вологодской области *(табл. 5)*.

В сельских территориях (группы «полностью сельские» и «преимущественно сельские») отмечается более высокая обеспеченность населения жильём (36–43 кв. м на 1 жителя против 31–41 кв. м в городских территориях; *табл. 6*), а также более высокий объём ввода в действие нового жилья в расчёте на 1 жителя (0,82 кв. м в полностью сельских территориях). Вместе с тем данный жилой фонд характеризуется крайне низким уровнем благоустройства всеми видами благоустройства (всего 21–26% против 59% в среднем по области и 90% в городских округах). В группе преимущественно сельских муниципалитетов сохраняется самая

Таблица 5. Типология муниципальных образований Вологодской области по доле сельского населения в общей численности населения

Тип (группа) территории	Муниципалитеты, входящие в группу
Полностью сельские (доля сельского населения 100%)	Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вологодский, Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский, Череповецкий муниципальные округа (100%*)
Преимущественно сельские (доля сельского населения 50,0–99,9%)	Тотемский (60,3%), Никольский (59,1%), Вожегодский (55,7%), Вытегорский (53,4%) муниципальные округа
Преимущественно городские (доля сельского населения 0–49,9%)	Устюженский (49,6%), Кирилловский (49,5%), Шекснинский (44,5%), Белозерский (38,9%), Грязовецкий (38,1%), Бабаевский (37,2%), Харовский (34,8%), Великоустюгский (30,7%), Чагодощенский (24,9%), Кадуйский (18,1%), Сокольский (14,9%) муниципальные округа
Городские округа с долей сельского населения менее 5%	Городские округа Вологда (2,0%), Череповец (0,0%)

* В скобках указана доля сельского населения в общем числе жителей муниципалитета, %.

Доля рассчитана на основе: Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_MO_01-01-2025.xlsx

Однако сразу отметим ограничения данной типологии, заключающееся в том, что в группу полностью сельских территорий попали Вологодский и Череповецкий округа, расположенные вокруг двух крупных городов региона и входящие в соответствующие городские агломерации. В таких территориях формируется свой специфический характер сельско-городских отношений, влияющий и на особенности организации инфраструктурной сферы. Эти аспекты целесообразно в дальнейшем исследовать более подробно, в том числе в рамках разработки более сложной (многоуровневой, многофакторной) типологии сельских территорий.

Таблица 6. Состояние жилищной сферы в Вологодской области

Тип территории	Общая площадь жилых помещений в расчёте на 1 жителя, кв. м			Ввод в действие жилых домов в расчёте на 1 жителя, кв. м			Доля жилья, благоустроенного всеми видами благоустройства, %	Доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия в отчетном году, % от общей численности населения, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях		
	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %	2024 г.	2014 г.	2024 г.	2024 г. к 2014 г., п. п.
Полностью сельские	31,8	43,3	136,0	0,28	0,82	290,7	26,3	10,7	5,0	-5,7
Преимущественно сельские	28,2	35,6	126,2	0,29	0,35	120,9	21,0	4,0	5,4	+1,4
Преимущественно городские	32,2	41,2	127,8	0,31	0,58	187,0	32,3	5,6	5,4	-0,1
Городские округа	22,8	30,7	134,6	0,39	0,45	116,9	89,7	2,2	1,7	-0,5
В среднем по области	30,8	40,5	131,3	0,30	0,63	210,0	58,9	7,1	5,0	-2,1

Здесь и в таблицах 7–11 рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm

высокая доля нуждающегося населения, получившего жилые помещения (5,4% против 1,7% в городских округах и 5,0% в среднем по региону), что обусловлено как небольшим количеством самого нуждающегося населения в таких территориях, так и активным строительством в последние годы жилья в малых городах для нуждающихся по различным госпрограммам. Однако по сравнению с 2014 годом заметно снизилось (на 5,7 п. п.) значение данного показателя в группе полностью сельских муниципалитетов.

В сельских муниципалитетах более низкая доля тепловых и водопроводных сетей, нуждающихся в замене (38–47% в 2024 году против 44–53% в среднем по региону; *табл. 7*), а также более высокий процент ежегодной замены сетей (в группе полностью сельских). Однако во многом это обусловлено низкой протяжённостью сетей по сравнению с другими территориями, особенно городскими округами. По сравнению с 2007 годом по отдельным территориям наблюдается как снижение, так и увеличение доли сетей, нуждающихся в замене, что в том числе также определяется постановкой на учёт и оценкой состояния многих сетей после вступления в силу федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003, закрепившего соответствующие полномочия по развитию систем тепло-, электро-, газо-, водоснабжения и водоотведения за органами местного самоуправления.

В сельских территориях Вологодской области также значительна доля автодорог, не отвечающих нормативным требованиям (44–45%; *табл. 8*), однако она заметно ниже, чем в группе преимущественно городских муниципалитетов, что обусловлено более значительной протяжённостью дорог в муниципалитетах с наличием городского населения; выше доля населения, проживающего в населённых пунктах без

Таблица 7. Состояние тепловых и водопроводных сетей в Вологодской области

Тип территории	Тепловые сети					Водопроводные сети				
	Доля сетей, нуждающихся в замене, %			Доля заменённых сетей, % от нуждающихся в замене		Доля сетей, нуждающихся в замене, %			Доля заменённых сетей, % от нуждающихся в замене	
	2007 г.	2024 г.	2023 г. к 2007 г., п. п.	2007 г.	2024 г.	2007 г.	2024 г.	2024 г. к 2007 г., п. п.	2007 г.	2024 г.
Полностью сельские	26,4	38,8	+12,5	12,0	12,1	26,4	37,7	+11,3	9,0	10,0
Преимущественно сельские	22,0	47,1	+25,2	73,8	6,1	37,9	42,0	+4,1	2,6	4,8
Преимущественно городские	33,1	50,4	+17,3	7,9	5,6	40,7	47,2	+6,5	5,7	2,7
Городские округа	53,9	61,8	+7,9	8,5	5,2	15,3	44,0	+28,6	2,1	2,4
В среднем по области	39,0	53,1	+14,1	11,5	6,2	30,5	43,5	+13,0	5,7	4,5

Таблица 8. Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры в Вологодской области

Тип территории	Доля автодорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, %			Доля населения, проживающего в населённых пунктах без транспортного обслуживания, %			Доля протяженности освещенных частей улиц, проездов, набережных на конец года, %		
	2014 г.	2024 г.	2024 г. к 2014 г., п. п.	2014 г.	2024 г.	2024 г. к 2014 г., п. п.	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., п. п.
Полностью сельские	51,8	44,8	-7,0	13,7	3,1	-10,6	49,4	78,8	+29,3
Преимущественно сельские	83,1	43,8	-39,4	6,4	3,2	-3,2	70,6	85,1	+14,5
Преимущественно городские	76,2	58,8	-17,4	2,6	2,1	-0,5	61,3	80,6	+19,3
Городские округа	11,2	3,6	-7,6	0,0	0,0	0,0	93,1	95,3	+2,1
В среднем по области	65,3	47,2	-18,1	7,9	2,9	-5,0	59,0	81,1	+22,2

транспортного обслуживания (3% против 0–2% в остальных территориях). Полностью сельские территории характеризуются более низкой долей освещённых участков улиц, проездов, набережных (в 2024 году 79% против 95% в городских округах и 81% в среднем по области).

Важным параметром функционирования инженерной (коммунальной) инфраструктуры являются показатели ресурсосбережения, заключающиеся в необходимости сокращения удельного потребления электроэнергии, тепла, воды как индивидуальными потребителями, так и организациями.

В группе полностью сельских муниципалитетов фиксируются более высокие, чем в городской местности, показатели потребления электроэнергии в расчёте на 1 проживающего (890 кВт/ч в год против 780 кВт/ч в среднем по области; *табл. 9*). Удельное потребление тепловой энергии не сильно различается между всеми территориями региона (0,18–0,22 Гкал). Потребление холодной воды в расчёте на 1 проживающего в сельских территориях (21–24 куб. м) меньше среднеобластного (25 куб. м). За 2010–2024 гг. выросло потребление электроэнергии в сельских территориях и сократилось потребление тепловой энергии, что в определенной степени может быть обусловлено отсутствием централизованного теплоснабжения во многих сельских населённых пунктах и использованием электроэнергии для отопления жилища (электрические котлы, конвекторы, обогреватели). Низкое значение потребления холодной воды в полностью сельских муниципалитетах обусловлено слабым развитием систем централизованного водоснабжения в таких территориях и, соответственно, ограниченностью реального потребления такого ресурса.

В сельских территориях области отмечается более высокая обеспеченность населения лечебно-профилактическими организациями (14 организаций в расчёте на 10 тыс. чел. населения против 6 в городских округах и 9 в среднем по области; *табл. 10*) и спортивными сооружениями (29–32 сооружения против 19 в городских округах и 24 в среднем по об-

Таблица 9. Ключевые параметры ресурсосбережения в Вологодской области

Тип территории	Удельная величина потребления электрической энергии в многоквартирных домах в расчете на 1 проживающего за год, кВт·час			Удельная величина потребления тепловой энергии в многоквартирных домах в расчете на 1 кв. метр общей площади за год, Гкал			Удельная величина потребления холодной воды в многоквартирных домах в расчете на 1 проживающего за год, куб. м		
	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %
Полностью сельские	731,8	890,0	121,6	0,27	0,20	73,6	30,0	21,3	70,8
Преимущественно сельские	632,4	653,7	103,4	0,19	0,18	92,2	21,1	24,3	115,3
Преимущественно городские	839,1	707,2	84,3	0,27	0,20	73,5	35,7	27,9	78,2
Городские округа	910,4	818,3	89,9	0,29	0,22	77,2	96,0	35,9	37,4
В среднем по области	772,5	779,3	100,9	0,26	0,20	75,7	35,7	25,3	71,0

Таблица 10. Состояние инфраструктуры здравоохранения и спорта в Вологодской области

Тип территории	Число лечебно-профилактических организаций в расчёте на 10000 чел. населения, ед.			Число спортивных сооружений в расчёте на 10 тыс. чел. населения			Число занимающихся в ДЮСШ в расчёте на 1000 чел. населения, чел.		
	2014 г.	2024 г.	2024 г. к 2014 г., п. п.	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %	2010 г.	2024 г.	2024 г. к 2010 г., %
Полностью сельские	14,3	14,1	98,3	23,1	29,4	127,7	15,5	9,9	63,6
Преимущественно сельские	13,5	13,5	100,0	21,5	31,9	148,3	11,8	19,4	164,6
Преимущественно городские	10,8	11,1	103,1	18,6	28,2	152,1	17,9	15,1	84,2
Городские округа	13,1	6,3	47,8	9,0	19,1	211,2	20,2	18,3	90,5
В среднем по области	12,8	9,1	71,0	14,6	23,6	162,3	18,3	16,3	89,5

ласти). По численности детей, занимающихся в ДЮСШ, полностью сельские территории (10 чел. в расчёте на 100 чел. населения) отстают от городских округов (18 чел.) и среднего значения по региону (16 чел.). Однако общее количество лечебно-профилактических организаций не всегда свидетельствует об их доступности. В сельских муниципалитетах может находиться, например, значительное количество фельдшерско-акушерских пунктов, но радиус их обслуживания может быть очень большим (соответственно, их доступность для жителей низкая), учитывая специфику сельских муниципалитетов СЗФО, большинство их которых являются большими по площади и не имеют развитой сети автомобильных дорог.

В Вологодской области в группах сельских муниципалитетов ниже доля детей, получающих образовательную услугу в дошкольных учреждениях, в общей численности детей данного возраста (в 2024 году 67–69% против 73% в среднем по региону и 89% в городских округах; *табл. 11*), что может быть обусловлено низкой доступностью и недостаточностью количества данных учреждений именно в сельской местности, а также особенностями сельского образа жизни (кроме того, за 10 лет в этой группе муниципалитетов произошло снижение данного показателя). Об этом же факте свидетельствует и более низкое значение числа детей в расчёте на 100 мест в организациях дошкольного образования (61–71 чел. против 76 в среднем по региону).

В сельских муниципалитетах более высокая доля занятых ставок работников дошкольных организаций (в 2024 году 96% против 87% в среднем по городским округам). Данный факт обусловлен значительно большим количеством таких организаций в городах, соответственно, для всех них достаточно сложно оперативно найти желающих работать.

Результаты анкетного опроса глав муниципальных образований субъектов СЗФО подчёркивают значимость проблем в развитии инфраструктуры: от 27 до 42% (*табл. 12*) глав сельских поселений указали на «очень плохое» и «плохое» состояние дел в сфере дорожно-транспортной, жилищной, коммунальной и информационной инфраструктуры, здравоохранения и культуры.

Наиболее низкие возможности органов местного самоуправления по самостоятельному решению проблем и задач отмечаются в следующих инфраструктурных сферах: ЖКХ (65% глав поселений и 18% глав сельских районов/округов; *табл. 13*), обеспечение населения жильём (61 и 46% соответственно), автодороги местного значения (33 и 18%).

Однако в соответствии с новой реформой местного самоуправления в рамках федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в большинстве субъектов СЗФО (за исключением Республики Карелии, Республики Коми, Ненецкого АО и Ленинградской области) в 2026 году уже отсутствует поселенческий уровень управления, соответственно, все функции и задачи муниципального управления исполняются муниципальными округами.

Таблица 11. Состояние инфраструктуры образования в Вологодской области

Тип территории	Доля детей в возрасте 1–6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу в муниципальных образовательных учреждениях, % от общей численности детей в возрасте 1–6 лет			Число детей на 100 мест в организациях дошкольного образования, чел.			Доля занятых ставок в организациях дошкольного образования, %
	2014 г.	2024 г.	2024 г. к 2014 г., п. п.	2014 г.	2024 г.	2024 г. к 2014 г., п. п.	2024 г.
Полностью сельские	66,8	66,9	0,1	93	61	66,2	96,0
Преимущественно сельские	67,9	68,5	0,6	99	71	71,4	96,1
Преимущественно городские	79,0	79,0	0,0	97	69	71,9	97,3
Городские округа	87,4	88,6	1,3	111	83	74,4	87,0
В среднем по области	73,2	73,4	0,2	104	76	73,3	90,8

Таблица 12. Распределение ответов глав муниципалитетов СЗФО в 2025 году на вопрос о положении муниципалитета (доля ответивших, выбравших варианты ответа «очень плохое» и «плохое»), %

Параметр (сфера) развития муниципалитета	Сельские поселения	Сельские муниципальные районы и округа	В среднем по всем муниципалитетам
Трудоустройство	60,0	18,2	30,0
Демографическая ситуация	58,1	63,6	43,8
Экономическое развитие	55,6	18,2	26,4
Диверсифицированность экономики	46,5	18,2	27,0
Обеспеченность населения транспортными услугами	42,2	0,0	22,5
Обеспеченность населения услугами связи (интернет, мобильная связь)	40,0	27,3	20,6
Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	33,3	9,1	27,1
Обеспеченность населения жильем	28,9	18,2	20,6
Отдых и культура	27,9	10,0	12,4
Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	27,3	9,1	20,9
Жилищно-коммунальное обслуживание	26,7	9,1	16,5
Материальное благосостояние населения	24,4	10,0	12,3
Доступность и качество услуг сферы образования	20,0	0,0	7,9
Обеспечение общественной безопасности	18,2	9,1	10,8
Экология	0,0	0,0	2,9
Источник здесь и в таблице 13: База данных экспертного (анкетного) опроса глав муниципальных образований субъектов Северо-Западного федерального округа, проведённого Вологодским научным центром РАН в 2025 г.			

Таблица 13. Распределение ответов глав муниципалитетов СЗФО в 2025 году на вопрос о возможностях органов местного самоуправления по решению проблем в различных сферах (доля ответивших, выбравших варианты ответа «крайне низкие» и «низкие»), %

Сфера развития муниципалитета (направление деятельности органов власти)	Сельские поселения	Сельские муниципальные районы и округа	В среднем
Формирование экономической базы муниципалитета	65,9	0,0	38,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	65,2	18,2	46,0
Проблема безработицы и трудоустройства	63,0	9,1	45,7
Обеспечение населения жильем	60,9	45,5	55,8
Обеспечение жителей транспортными услугами	59,1	0,0	35,3
Развитие малого бизнеса	52,2	27,3	33,3
Обеспечение качественного образования	50,0	0,0	26,6
Повышение туристской привлекательности	47,8	9,1	33,8
Повышение уровня социальной активности населения	43,5	0,0	22,7
Обеспечение социальной защиты населения	35,6	0,0	22,1
Обеспечение общественного порядка	34,8	10,0	38,4
Охрана окружающей среды	33,3	9,1	23,7
Дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения	32,6	18,2	31,7
Организация отдыха и культуры	26,1	0,0	10,9
Благоустройство территории	15,2	0,0	9,3

По мнению опрошенных глав муниципалитетов, в современных условиях приоритетными направлениями совершенствования государственной политики в отношении местного самоуправления и развития муниципальных образований (в части инфраструктурного блока) должны быть следующие:

– разработка и утверждение стандарта (стандартов) качества жизни населения в городских и сельских населённых пунктах в зависимости от численности населения (на данное направление указали в своих ответах 38% глав сельских поселений, 36% глав сельских районов и округов и 27% в среднем по всем муниципалитетам);

– разработка и утверждение стандарта качества жизни населения в муниципальных образованиях (27, 27, 24% соответственно);

– включение территориального раздела в региональные стратегии и программы (целевые ориентиры, задачи и мероприятия и распределение средств по муниципальным образованиям; 22, 9, 22%);

– обязательный учёт и поиск компромиссных вариантов совместно с населением и местными органами власти при оптимизации сети учреждений социальной сферы (22, 0, 13%);

– распространение на постоянной основе лучших практик (методических материалов, рекомендаций, проведение совещаний, семинаров и т. д.) муниципального управления (18, 46, 31%);

– содействие (консультационное, методическое и пр.) организации различных форм межмуниципального сотрудничества (13, 27, 18%).

Ключевыми приоритетами совершенствования государственной политики в отношении сельских территорий, по мнению опрошенных глав (применительно к развитию инфраструктуры), должны стать:

– реализация государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и соответствующих государственных программ в субъектах РФ (данный вариант ответа выбрали 67% глав сельских поселений, 46% глав сельских районов и округов, 62% в среднем по всем муниципалитетам);

– увеличение объёмов государственного финансирования строительства и реконструкции объектов социальной инфраструктуры (школы, больницы, амбулатории, ФАПы, дома культуры, учреждения социального обслуживания и др.; 67, 64, 67% соответственно) объектов коммунальной, дорожной, транспортной и иной инженерной инфраструктуры (67, 55, 68%) в сельской местности;

– расширение мер и получателей государственной поддержки для специалистов, переезжающих на работу в сельскую местность (59, 64, 62%); возвращение к системе распределения студентов, обучавшихся на бюджетной основе, по муниципальным образованиям в соответствии с их потребностями в кадрах (48, 73, 46%);

– стимулирование развития гражданской активности в сельской местности (поддержка ТОСов, самообложения граждан, проектов местных инициатив, «Народного бюджета» и др.; 39, 27, 31%);

– реализация комплекса мер по укреплению финансово-экономических основ местных бюджетов (37, 27, 34%).

Выявленная в ходе исследования острота инфраструктурных проблем сельских территорий, а также наличие значительных различий между регионами и муниципалитетами по данным параметрам предопределяют необходимость формирования конкретных и единых целевых ориентиров для сферы качества жизни сельского населения, достижение которых будет обеспечиваться реализацией соответствующих государственных и муниципальных программ и проектов, в том числе с учётом требований градостроительных документов, позволяющих определить размещение объектов инфраструктуры определённой мощности в конкретной территории.

На основе проведённого анализа и систематизации публикаций учёных по данному вопросу, специфики, тенденций и проблем функционирования инфраструктуры сельских территорий макрорегиона, существующей практики реализации стратегических и программных документов в данной сфере предлагается теоретико-методический подход (концептуальная схема) к формированию стандартов качества населения на сельских территориях, который включает в себя следующие аспекты (элементы; *рисунок*).

Концептуальная схема формирования стандартов качества жизни на сельских территориях

Блок 1. Главные (базовые) стратегические ориентиры развития сельских территорий России и её регионов

(Стратегия устойчивого развития сельских территорий, государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»)

– доля населения сельских территорий и сельских агломераций в общей численности населения страны и субъекта РФ;
– соотношение среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств;
– доля общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах.

Блок 2. Показатели уровня и качества жизни сельского населения

(Стратегия устойчивого развития сельских территорий, официальная статистика Росстата в разрезе городской и сельской местности)

– общий коэффициент естественного и миграционного прироста/убыли населения;
– уровень занятости и уровень безработицы сельского населения;
– общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя в сельских населенных пунктах;
– индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий и др.

Блок 3. Социальные нормативы и нормы

(Распоряжение Правительства РФ от 03.07.1996 № 1063-р (ред. от 26.01.2017) «О социальных нормативах и нормах», утратило силу с 2017 г.;
Постановление Правительства Архангельской области от 03.04.2014 № 120-пп «Об установлении минимальных социальных стандартов в сельской местности Архангельской области»;
Постановление Администрации Ненецкого автономного округа от 08 июня 2016 г. № 177-п «Об утверждении минимальных социальных стандартов в Ненецком автономном округе»;
Социальные нормативы, используемые при формировании сельского социального кластера, Постановление Правительства Белгородской области от 27.07.2007 № 176-пп «О системе подготовки и реализации областного проекта «Социальное обустройство сельских территорий Белгородской области»;
Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления о применении нормативов и норм оптимального размещения организаций культуры, образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, утверждённые приказами соответствующих федеральных министерств;
Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2003 № 724 «О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения Республики»)

– показатели, устанавливавшие общие количественные требования к объектам социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, культура и т. д.) в стране, в регионе и в муниципальных образованиях

Блок 4. Нормативы градостроительного планирования и проектирования

Свод правил «Градостроительство. Планировка и застройка территорий» (СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений) СП 42.13330.2026 (утвержден Приказом Минстроя России от 11.06.2026 г. № 368/пр);
Приказ Минэкономразвития России от 15.02.2021 № 71 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования»;
Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 6 мая 2024 г. № 273 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений (проектов внесения изменений в такие документы)»
Региональные нормативы градостроительного проектирования субъекта РФ, утверждённые высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ;
Местные нормативы градостроительного проектирования муниципального округа, района, городского округа, утверждённые нормативно-правовым актом представительного органа муниципалитета)

– показатели, устанавливающие требования к количественным и качественным параметрам развития социальной и инженерной инфраструктуры в муниципальных образованиях для их использования при разработке документов градостроительного планирования и государственных и муниципальных программ по развитию различных видов инфраструктуры

Источник: составлено автором.

1. Базовые стратегические ориентиры развития сельских территорий (сокращение убыли сельского населения, повышения уровня его доходов и благоустроенности жилищного фонда в сельской местности), которые в настоящее время закреплены в Стратегии устойчивого развития сельских территорий и в государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий».

2. Показатели уровня и качества жизни населения, которые характеризуют как базовые характеристики сельского населения и уровень его жизни, так и параметры обеспеченности населения ключевыми объектами инфраструктуры и качество данной инфраструктуры, и ключевые показатели развития экономики сельских территорий, которые во многом влияют и на состояние дел в социальной и инфраструктурной сферах. Эти показатели целесообразно также включить в стратегии социально-экономического развития субъектов РФ и муниципалитетов с сельским населением.

3. Разработка социальных нормативов и норм (социальных стандартов), в которых будут отражены базовые требования к количеству объектов социальной и инженерной инфраструктуры в разрезе субъектов РФ и муниципальных образований, обеспечивающих минимальный уровень обеспеченности и доступности данных объектов для сельских жителей. Такие показатели будут служить основой для определения потребности расходов бюджетов на создание новых объектов инфраструктуры и модернизацию существующих. При этом будет достигаться взаимоувязка бюджетного планирования с решением глобальной задачи по повышению качества жизни сельского населения.

Соответственно, с научной и практической точек зрения важно разработать и утвердить на федеральном уровне данные социальные нормативы и нормы для сельской и городской местности с учётом актуальной статистической базы в разрезе регионов, муниципалитетов и населённых пунктов и существующей системы государственных программ и проектов для последующей оценки эффективности данных программ и их влияния на повышение качества жизни населения.

4. Нормативы градостроительного планирования и проектирования являются документами, в которых определены детализированные требования к размещению и характеристикам объектов инфраструктуры для муниципальных образований и населённых пунктов в учётом положений, требований градостроительного законодательства. Эти нормативы определяют оптимальное размещение конкретных объектов инфраструктуры на территории того или иного муниципалитета и населённого пункта.

Данная система стандартов должна обеспечить увязку генеральных, стратегических целей развития сельских территорий России (стабилизация численности сельского населения, рост его доходов и в целом повышение уровня и качества жизни населения) с нормативами обеспеченности жителей объектами социальной и инженерной инфраструктуры, доступности данной инфраструктуры для качественного и своевременного получения соответствующих услуг, закреплённых в документах градостроительного и территориального планирования (схемы территориального планирования и генеральные планы).

Непосредственно сами стандарты качества жизни населения могут быть утверждены новой версией Постановления Правительства РФ «О социальных нормативах и нормах» (не действует в настоящее время), где будут установлены основные требования к обеспеченности жителей городских и сельских населённых пунктов объектами социальной и инженерной инфраструктуры, а также транспортной и/или пешеходной доступности данных объектов инфраструктуры. Так как регионы России очень сильно различаются по площади территории, численности населения, территориальной организации системы расселения и хозяйства, природно-климатическим факторам и условиям, то данные нормативы необходимо определить как в целом для страны, так и для всех субъектов РФ.

В соответствии с данным Постановлением Правительства РФ на уровне субъекта РФ целесообразно принять собственный нормативно-правовой акт, в котором будут закреплены соответствующие нормативы, а также план мероприятий по их достижению, включающий

конкретные мероприятия государственных и муниципальных программ и проектов, в рамках которых будет финансироваться модернизация инфраструктуры региона.

До разработки и утверждения данных стандартов целесообразно провести аудит всех стратегических (Стратегия устойчивого развития сельских территорий) и программных (госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий» и др.) документов, а также документов градостроительного планирования и проектирования, обеспечивающих развитие сельских территорий и нормирование отдельных параметров их функционирования. После утверждения стандартов качества жизни сельского населения потребуется привести в соответствие с ними и остальные документы.

Вместе с тем отметим, что предлагаемый подход во многом является дискуссионным и открывает возможности для дальнейшего обсуждения конкретного содержания стандартов качества жизни сельского населения и механизмов обеспечения его реализации.

Анализ и пояснение полученных результатов

В ходе проведённого исследования выявлены ключевые проблемы инфраструктурного развития сельских территорий субъектов Северо-Западного федерального округа, значительная территориальная неравномерность (дифференциация) состояния дел в данной сфере в разных субъектах РФ макрорегиона и муниципалитетах внутри региона. Обосновано, что системное решение имеющихся инфраструктурных проблем целесообразно осуществлять в рамках разработки стандартов качества жизни населения в сельских территориях, что позволит увязать мероприятия множества государственных, муниципальных и программ в этой сфере с достижением конкретных целевых показателей.

Направлениями дальнейших исследований по данной тематике могу стать: изучение специфики инфраструктурного развития сельских территорий всех макрорегионов России; формирование экономико-математических моделей для комплексной оценки влияния инфраструктурного фактора на экономическое и социальное развитие территорий (в том числе в рамках разработки многоуровневой, многофакторной типологии сельских территорий); выявление причин, факторов, формирующих территориальные различия в развитии инфраструктуры на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях; обоснование и определение конкретных целевых (нормативных) ориентиров для всех блоков стандартов качества жизни сельского населения; систематизация и оценка эффективности всех инструментов развития инфраструктуры, применяемых на федеральном, региональном и местном уровне, и определение мер по совершенствованию данных инструментов, позволяющих обеспечить достижение всех положений, ориентиров стандартов качества жизни населения в кратко-, средне- и долгосрочном периодах.

Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в статье, в развитие теоретической науки заключается в разработке концептуальной схемы формирования стандартов качества жизни на сельских территориях; вклад в развитие прикладной науки – в выявлении специфики (особенностей и проблем) функционирования и развития инфраструктуры в сельских территориях макрорегиона, в том числе «сельских» и «городских» муниципальных образованиях.

Литература

Агаркова Л.В., Гурнович Т.Г., Глотова И.И., Томилина Е.П. (2022). Обоснование объемов финансирования сельских территорий для достижения показателей стандартов качества жизни // Труды Кубанского государственного аграрного университета. № 99. С. 13–18. DOI: 10.21515/1999-1703-99-13-18

Бондаренко Л.В. (2013). Научные основы формирования системы стандартов обеспечения сельского населения социальными услугами. Москва: Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства. 80 с.

Воробьев Н.Н., Пелевин И.Ю. (2022). Траектория социально-экономического развития сельских территорий // KANT. № 4 (45). С. 22–35. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-45.4

Ворошилов Н.В. (2021). К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7

Ворошилов Н.В., Задумкин К.А., Шулепов Е.Б. (2022). Программно-целевой метод в развитии сельских территорий регионов России // Регионология. Т. 30. № 3. С. 555–585. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585

Галкин К.А. (2025). Современные исследования села в России и Китае: научный обзор // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 249–263. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.14

Гусев А.Н. (2025). Социальная инфраструктура и сельскохозяйственное производство: взаимосвязь и инструменты сбалансированного развития сельских аграрных территорий // Вестник НГИЭИ. № 8 (171). С. 70–80. DOI: 10.24412/2227-9407-2025-8-70-80

Дробот Е.В., Макаров И.Н., Шепелев М.И. [и др.] (2026). Развитие инженерной инфраструктуры сельских территорий как фактор обеспечения их устойчивого развития // Экономика, предпринимательство и право. Т. 16. № 6. С. 4121–4138. DOI: 10.18334/epp.16.6.126292

Зубец А.Н. (2019). Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России, и их привлекательность для миграции // Социология. № 6. С. 77–86.

Костюкова Е.И., Бобрышев А.Н., Громов Е.И., Авакян В.А. (2023). К вопросу об оценке социально-экономического развития сельских территорий на основании стандарта качества жизни // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. № 1. С. 114–129. DOI: 10.26897/0021-342X-2023-1-114-129

Комарова Е.В., Акифьева Л.В. (2022). Факторы и показатели, оказывающие влияние на развитие социальной инфраструктуры сельских территорий // Вестник НГИЭИ. № 7 (134). С. 114–126. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-7-114-126

Костяев А.И. (2024). Цифровое неравенство между городским и сельским населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3

Котомина М.А. (2025). Социальная инфраструктура села в России: динамика, проблемы и пути решения // Народонаселение. Т. 28. № 1. С. 127–137. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-127-137

Мкртчян Н.В. (2026). Миграция населения в регионах Ближнего Севера России во взаимосвязи с обеспеченностью населенных пунктов социальной инфраструктурой // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 90. № 1. С. 231–245. DOI: 10.7868/S2658697526010163

Нечаева М.Л., Демидова Е.Е. (2024). Методический подход к оценке устойчивого развития социально-производственной инфраструктуры сельских территорий // Вестник евразийской науки. Т. 16. № 5. URL: https://esj.today/PDF/67FAVN524.pdf DOI: 10.15862/67FAVN524

Огаркова Н.Н. (2024). Социальные стандарты в системе управления развитием сельских территорий // Russian Journal of Management. Т. 12 № 2. С. 748–763. DOI: 10.29039/2409-6024-2024-12-2-748-763

Папцов А.Г., Бондаренко Л.В., Аварский Н.Д. [и др.] (2024). Законодательное обеспечение развития сельских территорий // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 4 (110). С. 4–35. DOI: 10.33938/244-4

Полушкина Т.М. (2018). Повышение качества жизни сельских жителей через внедрение социальных стандартов // Казанский экономический вестник. № 2 (34). С. 74–79.

Полушкина Т.М., Акимова Ю.А., Коваленко Е.Г. (2022). Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 359–383. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1929

Старикова А.В. (2024). Внутренние контрасты пространственной мобильности населения регионов Ближнего Севера (Ярославская, Костромская и Вологодская области): хроногеографический подход // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 88. № 5. С. 712–723. DOI: 10.31857/S2587556624050072

Стоянова Т.А., Забелина Н.В. (2015). Анализ влияния социальной инфраструктуры на качество жизни сельского населения региона // Экономический анализ: теория и практика. № 33 (432). С. 27–37.

Суханова Т.В., Гусев А.Н. (2024). Роль сельской социальной инфраструктуры в устойчивом развитии сельских территорий на примере Нижегородской области // Вестник евразийской науки. Т. 16. № 6. URL: https://esj.today/PDF/91ECVN624.pdf

Труба А.С., Ваньков И.А., Баришевский Е.В., Труба М.А. (2024). Развитие социальной инфраструктуры села: монография. Москва: Издательство ВНИРО. 150 с.

Урядова Т.Н. (2022). Обоснование стандарт-ориентиров для оценки качества жизни сельского населения // Kant. № 3 (44). С. 89–93. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-44.14

Du X., Jiao F. (2023). How the rural infrastructure construction drives rural economic development through rural living environment governance – case study of 285 cities in China. *Front. Environ. Sci*, 11(1280744). DOI: 10.3389/fenvs.2023.1280744

Foster V., Gorgulu N., Straub S., Vagliasindi M. (2023). The impact of infrastructure on development outcomes a qualitative review of four decades of literature. *Policy Research Working Paper*, 10343. DOI: 10.1596/1813-9450-10343

Fuseini M.N. (2024). Rural infrastructure and livelihoods enhancement: The case of Community-Based Rural Development Program in Ghana. *Heliyon*, 10(13), e33659. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e33659

Manggat I., Zain R., Jamaluddin Z. (2018). The Impact of infrastructure development on rural communities: A literature review. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 8(1), 647–658. DOI: 10.6007/IJARBSS/V8-I1/3837

Songco J.A. (2002). Do rural infrastructure investments benefit the poor? Evaluating linkages: A global view, a focus on Vietnam. *Policy Research Working Paper*, 2796. Available at: https://www.researchgate.net/publication/23722592_Do_Rural_Infrastructure_Investments_Benefit_the_Poor_Evaluating_Linkages_A_Global_View_a_Focus_on_Vietnam

Yuan S., Wang X. (2024). Increase or reduce: How does rural infrastructure investment affect villagers' income? *Agriculture*, 14(2296). DOI: 10.3390/agriculture14122296

Zheng Z. (2025). How does transport infrastructure development impact rural livelihoods in the Global South? A systematic review of the English language academic literature. *Environmental Science and Policy*, 173(104231). DOI: 10.1016/j.envsci.2025.104231

Сведения об авторе

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Voroshilov N.V.

Infrastructure Factor in the Development of Rural Territories of the Northwestern Federal District: From Analyzing Specifics to Designing Standards of the Population's Quality of Life

Abstract. The relevance of this study stems from the need to improve approaches to modernizing rural infrastructure in Russia, which is a key factor shaping the economic and social (demographic) development of regions, municipalities, and settlements. The study aims to identify the territorial specifics (features and problems) of rural infrastructure development at the macroregional level (using the constituent entities of the Russian Federation within a federal district as a case study) and at the intraregional level (using municipalities within a constituent entity of the Russian Federation as a case study), in order to substantiate priority directions (mechanisms) for further developing such infrastructure and thereby improve the population's quality of life and promote regional economic growth. To achieve this goal, the study employs economic and statistical analysis, an expert (questionnaire) survey, and the method of grouping (typologizing) territories. The scientific novelty of the study lies in assessing the scale of territorial differentiation in rural infrastructure parameters across the constituent entities of the Northwestern Federal District and in substantiating the need to develop quality-of-life standards for the rural population as a mechanism for overcoming this differentiation. Such standards would make it possible to account for the specifics of rural infrastructure functioning and to link state and municipal project measures to the achievement of specific target benchmarks. The study identifies key problems

in the infrastructure development of rural territories in the Northwestern Federal District: a low level of improvement of the rural housing stock (only 30% on average across the macroregion), combined with a high level of wear in existing utility networks (up to 70%) and low rates of their renewal; and significant differences in the condition and dynamics of social and utility infrastructure both among the constituent entities of the district and among territories with different shares of rural population in the total population of a municipality. The results obtained can be used by authorities to improve the existing system of rural infrastructure development and can also serve as a basis for further research on this topic.

Key words: social and utility infrastructure, socio-economic development, rural territories, Northwestern Federal District, Vologda Region, expert (questionnaire) survey.

Information about the Author

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 02.09.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.13
УДК 332.1, ББК 65.240
© Васильева Е.В.

Политика активного долголетия в регионах России: региональные программы и измерение динамики их развития



Елена Витальевна
ВАСИЛЬЕВА
Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vasileva.ev@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

Аннотация. В статье исследуется практика реализации политики активного долголетия в российских регионах на примере региональных программ, а также анализируются инструменты измерения их результативности. Раскрывается концептуальное противоречие между целевым назначением политики активного долголетия (раскрытием социально-экономического потенциала старшего поколения) и фактической направленностью применяемых оценочных механизмов, которые зачастую фиксируют не продуктивную вовлеченность пожилых граждан, а нагрузку на социальную и медицинскую инфраструктуру. В работе проведен анализ международного индекса Active Ageing Index, его адаптаций (включая российский индекс активного долголетия) и системы показателей Минтруда России, выявлены их методологические ограничения для целей государственного управления. Проведен анализ региональной программы «Активное долголетие» в Свердловской области: рассмотрены структура мероприятий, распределение бюджетных средств и система мониторинга результатов. Показано, что значительная часть финансирования и мероприятий относится к сфере базового социального обеспечения, здравоохранения и инфраструктурного развития и реализуется вне прямой связи с задачами активного долголетия, тогда как меры по содействию занятости и профессиональному развитию получают существенно меньший объем ресурсов. На основе выявленных разрывов между концептуальными основами политики и ее практической реализацией предложены направления совершенствования региональных программ и системы показателей оценки их результатов, в частности смещение

Для цитирования: Васильева Е.В. (2025). Политика активного долголетия в регионах России: региональные программы и измерение динамики их развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 252–269. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.13

For citation: Vasilyeva E.V. (2026). Active aging policy in Russian regions: Regional programs and measuring their development dynamics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 252–269. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.13

акцента на раскрытие экономического и социального потенциала старшего поколения, внедрение показателей реальных результатов (уровень занятости по возрастным группам, число трудоустроенных после участия в ярмарках вакансий и др.), обеспечение регулярности и сопоставимости данных, а также учет факторов, влияющих на продуктивную активность пожилых людей (превентивные меры, снижение двойной нагрузки, развитие межпоколенческого взаимодействия). Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при корректировке содержания региональных программ и формировании более релевантного инструментария в рамках оценки результативности политики активного долголетия.

Ключевые слова: активное долголетие, региональные программы, индекс активного долголетия, старшее поколение, пожилые люди.

Благодарность

РНФ № 25-18-00465 «Экосистемный подход к устойчивому региональному развитию: синергия образования, промышленности и социальной политики для формирования конкурентоспособных территорий».

Введение

В современных условиях трансформации возрастной структуры населения обеспечение условий для здорового и активного долголетия становится одним из стратегических приоритетов государственного управления в России. Демографический переход, сопровождающийся устойчивым ростом доли пожилых граждан, формирует сложный комплекс вызовов. С одной стороны, требуется минимизировать нарастающее давление на социальную и бюджетную системы, с другой – максимально эффективно использовать накопленный жизненный и профессиональный капитал старшего поколения как значимый ресурс социально-экономического развития.

На региональном уровне эта задача реализуется через программы «Активное долголетие» в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Семья». Практический опыт их реализации демонстрирует наличие ощутимых результатов, однако инструментарий оценки эффективности остается предметом острых профессиональных дискуссий. Существующие метрики нередко фиксируют лишь отдельные аспекты социальной поддержки, не в полной мере улавливая многомерную природу активного долголетия. Кроме того, применение интегральных индексов (в том числе адаптированных международных методик) сопряжено с рядом методологических трудностей, обусловленных особенностями российской социально-экономической и институциональной среды.

В статье предпринята попытка системного осмысления практики реализации региональных программ «Активное долголетие» и механизмов мониторинга их результативности. Цель исследования – выявить разрывы между концептуальными основами политики активного долголетия и практикой ее реализации на региональном уровне, а также предложить направления совершенствования региональных программ и системы показателей измерения их результатов. Для этого методология исследования строится на сравнительно-аналитическом подходе, сочетающем комплекс взаимодополняющих методов. Посредством обзора литературы были систематизированы отечественные и зарубежные труды, посвященные концепции активного долголетия, методологии его измерения, а также проблемам применения интегральных индексов в управленческой практике. В рамках документального анализа рассмотрены нормативные правовые акты федерального и регионального уровней. С помощью аналитического метода проведен сопоставительный анализ международных и российских подходов к измерению активного долголетия по концептуальному соответствию, составу показателей, периодичности данных и управленческой интерпретируемости. Методом кейс-стади региональная программа Свердловской области рассмотрена как типовая модель реализации федерального подхода на региональном уровне. В результате проведения исследования предложены критерии отбора показателей для оценки

результатов политики активного долголетия (соответствие концепции, ориентация на конечный результат, измеримость и регулярность данных). На примере Свердловской области продемонстрировано смещение приоритетов в региональных программах. Кроме того, обоснована необходимость учета и последующей интеграции в систему мониторинга и программные документы таких факторов продуктивной активности пожилых людей, как превентивные меры, снижение двойной нагрузки и развитие межпоколенческого взаимодействия.

Обзор подходов к измерению результатов политики активного долголетия

Индекс активного долголетия (Active Ageing Index, AAI) служит ключевым инструментом мониторинга политики в соответствующей сфере (Калачикова и др., 2023). Он представляет собой многомерный составной индекс, созданный в рамках совместной инициативы Генерального директората Европейской комиссии по занятости, социальным вопросам и интеграции и Группы по вопросам народонаселения ЕЭК ООН[1]. AAI измеряет, насколько пожилые люди могут реализовывать свой потенциал, охватывая три основные сферы их жизни: «занятость», «участие в общественной жизни» и «независимую жизнь». Отдельно выделяется четвертый блок – «благоприятная среда и способность к активному долголетию», оценивающий, насколько общество создает условия для активного долголетия и поддерживает возможности этой возрастной группы (Zaidi et al., 2017). Базой для расчета AAI в странах ЕС выступают данные четырех крупных социологических обследований домохозяйств. При попытке применения индекса за пределами ЕС, включая Россию, возникает проблема, связанная с доступностью и сопоставимостью источников данных (Активное долголетие..., 2022; Короленко, 2022а). Для адаптации расчета индекса разработаны методические рекомендации по применению методологии для расчетов на национальном и субнациональном уровнях в странах, не входящих в ЕС[2]. В рекомендациях описаны подходы к подбору альтернативных источников данных и переменных, а также способы адаптации исходной методологии расчета AAI. При этом обеспечивается сохранение ключевой концепции, структуры и функциональных возможностей индекса. Одной из версий подобной адаптации является азиатский AAI, разработанный А. Заиди и Дж. Умом при финансовой поддержке Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) (Zaidi, Um, 2019). В качестве пилотных площадок выбраны Индонезия и Таиланд как наиболее густонаселенные государства – члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), по которым доступен достаточный массив данных. Азиатский AAI опирается на методологию «европейской версии» индекса, но существенно адаптирует ее с учетом специфики региона. В частности, он учитывает культурные нормы Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как роль пожилых людей в обществе, меняющиеся нормы семейных отношений и неформальный характер вклада пожилых людей в жизнь своих семей и общин. Помимо этого, в азиатской версии пересмотрены как набор показателей, так и методы их агрегирования.

Попытки адаптации AAI активно предпринимаются и российскими учеными. В частности, М. Варламова, А. Ермолина и О. Синявская рассчитали индекс для России, опираясь на данные семи источников: Всероссийская перепись населения (Росстат), Обследование «Поколения и гендер» (GGS, Независимый институт социальной политики), Комплексное наблюдение условий жизни населения (Росстат), Европейское социальное исследование (ESS, Сити Сент-Джорджес, Лондонский университет), Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (НИУ ВШЭ), база данных Human Mortality Database и данные Института показателей и оценки состояния здоровья (Varlamova et al., 2017). Ученые Томского политехнического университета, которые в своих расчетах также используют данные Росстата, GGS и ESS, указывают на существенные сложности в применении методологии AAI в российских реалиях (Barysheva et al., 2018). В России активно

[1] Active Ageing Index // United Nations Economic Commission for Europe. URL: https://unece.org/population/active-ageing-index (дата обращения: 21.08.2026).

[2] Guidelines Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level. URL: https://statswiki.unece.org/spaces/AAI/pages/76287849/V.+Documents+and+publications?preview=%2F76287849%2F214892608%2FAAI_Guidel

формируются собственные социологические инструменты для оценки активного долголетия. Так, исследователи Томского политехнического и Томского государственного университетов разработали дизайн исследования «Капитал здоровья старшего поколения», основанный на методологии AAI, и апробировали его в Томской области для анализа накопления и сохранения здоровья пожилых людей (Барышева и др., 2022). Исследователи Вологодского научного центра РАН разработали подход к оценке внешних и внутренних факторов активного долголетия на базе социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы» (Короленко, 2022b).

Порядок расчета индекса активного долголетия (ИАД) в России был закреплен в 2019 году Приказом Росстата[3], в его основе лежит методология AAI. В 2024 году методологическая база была актуализирована Приказом Росстата[4], чтобы повысить адаптивность индекса к национальным условиям и усилить его практическую значимость для задач государственного управления. Существенным элементом обновления стало введение национальных весовых коэффициентов наряду с международными весами ЕЭК ООН. Если международные веса обеспечивают сопоставимость российских данных с показателями других стран, то национальные коэффициенты отражают приоритеты государственной политики и специфику социально-экономического контекста. Эмпирической основой расчета ИАД выступают данные трех социологических наблюдений: Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, Комплексного наблюдения условий жизни населения и Выборочного наблюдения состояния здоровья населения. С учетом особенностей сбора и обработки этих данных периодичность расчета индекса установлена как двухгодичная. Структура ИАД построена по аналогии с AAI и включает 22 индикатора, сгруппированные в четыре области (Приложение).

В мае 2021 года. ВЦИОМ обнародовал свои расчеты индекса активного долголетия, выстроенные в соответствии с методологией AAI и основанные на данных опроса «ВЦИОМ-Спутник»[5]. Эмпирическую базу составила выборка из 1600 респондентов, которая репрезентирует взрослое население России и охватывает широкую территориальную сетку (не менее 80 регионов, 500 городов и поселков городского типа, 100 сел). Несмотря на масштабность выборки, полученные результаты, как отмечают авторы, не подлежат прямой генерализации на всю территорию России.

А.Е. Иванова и Вангородская С.А. проанализировали проблематику применения индекса активного долголетия в качестве инструмента оценки эффективности социально-демографической политики. Как показывают их выводы, использование международного инструментария для измерения прогресса в сфере активного долголетия сопряжено с комплексом ограничений. На понятийном уровне фиксируется расхождение между ключевыми доменами индекса и наиболее острыми проблемами, связанными с положением пожилых людей в российском обществе, что снижает релевантность отдельных компонентов индекса для отражения реальных вызовов. В методическом плане сложности обусловлены несовпадением структуры доменов, а также различиями в подходах к определению весовых коэффициентов при агрегации показателей в сводный индекс. С информационной точки зрения существенную проблему представляет частичная несопоставимость источников статистических данных и систем сбора социологической информации (Иванова, Вангородская, 2026). По мнению А.В. Попова, различные индексы активного долголетия, несмотря на разницу в формулировках и наборе индикаторов, имеют сходное смысловое наполнение (Попов, 2026). При этом полученные результаты могут существенно отличаться, в том числе из-за субъективной природы затрагиваемых категорий, что обостряет вопрос обоснованно-

[3] Приказ Росстата от 31.10.2019 № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации».

[4] Приказ Росстата от 24.05.2024 № 209 «О внесении изменений в Методику расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации, утвержденную приказом Росстата от 31 октября 2019 г. № 634».

[5] Родин К. Индекс активного долголетия // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/indeks-aktivnogo-dolgoletija (дата обращения: 21.08.2026).

сти применения того или иного инструментария для отражения реальной ситуации.

В соответствии с методическими рекомендациями в Приказе Минтруда России[6] для оценки эффективности разработки (актуализации) и реализации региональных программ «Активное долголетие» предусмотрен набор из шести показателей:

1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

2) доля граждан старшего поколения, вовлеченных в Программу;

3) доля граждан старшего поколения, получивших социальное обслуживание, в общем числе граждан старшего поколения, признанных нуждающимися в социальном обслуживании;

4) доля пожилых граждан и инвалидов, получивших услугу по долговременному уходу, от общего числа нуждающихся в нем граждан и инвалидов;

5) доля граждан в возрасте от 55 лет (женщины) и от 60 лет (мужчины) до 79 лет включительно, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности граждан указанной возрастной категории;

6) обеспеченность геронтологическими койками населения в возрасте 60 лет и старше.

Эта система показателей не позволяет полноценно судить о результатах политики в области активного долголетия. Ее ключевые недостатки связаны с рассогласованием между заявленной целью концепции активного долголетия – раскрытием потенциала старшего поколения и фактической направленностью показателей. Половина показателей вместо фиксации потенциала и вклада пожилых людей в развитие общества отражают их как группу, нуждающуюся в поддержке и обслуживании. Показатели охвата социальным обслуживанием, долговременным уходом и обеспеченности геронтологическими койками описывают старшее поколение через призму дефицитов и ограничений, а не имеющихся компетенций и возможностей.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении не отражает реальную ситуацию в отношении граждан старшего поколения. По сути, показатель дает среднее количество лет, которое проживет поколение родившихся, если эти люди в течение своей жизни будут подвержены такому же риску смерти, что и в наблюдаемый период[7]. Иными словами, значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении на уровне 72,84 года, зафиксированное в России в 2024 году, отражает гипотетический средний возраст дожития ребенка, появившегося на свет в этом году, при условии, что возрастные коэффициенты смертности останутся неизменными на протяжении всей его жизни.

Частично релевантен показатель доли граждан старшего поколения, вовлеченных в Программу, который учитывает участие пожилых людей в различных мероприятиях (в занятиях физической культурой и спортом, культурно-досуговых мероприятиях и творческих проектах, образовательных проектах, волонтерском движении)[8]. Но у показателя есть методологические пробелы, в первую очередь в результате размытости самого понятия «участие», под которым могут пониматься и серьезные форматы вовлеченности (например, профессиональная переподготовка), и эпизодические малозатратные активности. Их вклад в реализацию идеи активного долголетия несопоставим, но в рамках действующей системы оценки они формально приравниваются друг к другу. Показатель доли граждан старшего поколения в возрасте до 79 лет, систематически занимающихся физкультурой и спортом, охватывает лишь один узкий аспект активности и не отражает более широкие формы участия в экономической и общественной жизни.

В итоге такая утвержденная система показателей для оценки эффективности разработки (актуализации) и реализации региональных программ «Активное долголетие» смещает фокус с развития потенциала старших возрастных

[6] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 20.11.2024 № 625 «О методических рекомендациях по разработке (актуализации) региональных программ «Активное долголетие» субъектов Российской Федерации».

[7] Приказ Росстата от 03.11.2020 № 662 «Об утверждении методики расчета показателя «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении».

[8] Приказ Минтруда России от 22.11.2024 № 632 «Об утверждении методики расчета показателя «Доля граждан старшего поколения, вовлеченных в региональные программы «Активное долголетие» федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Семья».

групп на управление нагрузкой на социальную и медицинскую сферы. Концепция же активного долголетия закладывает иной подход, предполагающий отношение к пожилым людям как к активу общества, носителям опыта, знаний и навыков, способных вносить вклад в экономику (Барсуков, 2016). Как отмечает В.Г. Доброхлеб, часть пожилых людей в России обладает многоаспектным ресурсным потенциалом, который важно поддерживать и эффективнее использовать в рамках стратегии активного долголетия (Доброхлеб, 2022). Выделенные показатели эту сторону практически не отражают. Чтобы адекватно оценивать результаты политики активного долголетия, нужны индикаторы, напрямую отражающие самостоятельность и активность жизни граждан старшего поколения.

Подход к оценке результатов политики активного долголетия

Оценка результатов политики активного долголетия требует такой системы показателей, которая позволяла бы не просто констатировать отдельные факты о положении граждан старшего поколения, а фиксировать реальный эффект от принимаемых мер и на этой основе своевременно корректировать управленческие решения. Существенное значение здесь имеет четкая методологическая рамка, показатели должны быть не формальными метриками активности органов власти, а измеримыми свидетельствами достигнутых результатов, релевантных самой сути концепции активного долголетия. А. Заиди характеризует AAI как мощный инструмент мониторинга, позволяющий отслеживать прогресс в области активного долголетия (Zaidi, 2017). С исследовательской точки зрения это действительно так, индекс дает объемный срез данных и помогает выявлять тенденции, сопоставлять ситуации в разных странах и анализировать многомерные проявления активного долголетия. Однако при использовании индекса в качестве инструмента оценки государственной политики появляются серьезные методологические проблемы.

Во-первых, сама логика индекса предполагает, что максимальный результат достигается при предельно широкой вовлеченности граждан старшего поколения во все сферы одновременно: от трудовой и волонтерской деятельности до участия в политической жизни и выполнения обширных семейных обязанностей. Как справедливо подчеркивают И.А. Григорьева и Е.А. Богданова, подобная установка фактически лишает пожилых людей пространства для индивидуального выбора, превращая «активность» в предписанную норму, а не в осознанную возможность (Григорьева, Богданова 2020). При этом игнорируются возрастные ограничения и личные предпочтения, что может приводить к искаженному пониманию потребностей этой возрастной группы. Согласно выводам Г.В. Белеховой и А.В. Попова (Белехова, Попов, 2025), основанным на данных социологического опроса «Благополучие населения», после 55 лет идея сохранения активности во всех сферах жизни неизбежно сталкивается с реалиями возрастных ограничений и объективных потерь (сокращение социального круга, завершение карьеры, снижение потенциала здоровья). Риски такого подхода продемонстрированы португальскими исследователями (José et al., 2017) на примере Италии, где зафиксирован низкий уровень физической активности среди пожилых людей (5,4%). По их мнению, ориентация политиков на индекс может привести к формированию управленческих решений, основанных на предположении о наличии «неиспользованного потенциала». Между тем стимулирование физической активности без учета ценностных установок и ресурсных возможностей пожилых граждан способно не только не улучшить, но и ухудшить их благосостояние.

Во-вторых, высокие значения показателей индекса не является однозначным маркером благоприятной ситуации в сфере активного долголетия. В ряде случаев они фиксируют не расширение возможностей лиц старшего возраста, а вынужденную адаптацию к сложившимся социально-экономическим условиям. Согласно выводам аргентинских исследователей, рост занятости среди пожилых не стоит трактовать как однозначно позитивный тренд, зачастую он отражает вынужденную необходимость обеспечивать базовые потребности из-за слабой социальной защиты (Durán et al., 2026). Аналогично увеличение нагрузки по уходу за детьми и больными свидетельствует скорее о дефиците институциональной поддержки, а не о росте социальной вовлеченности, что несет риски физического и эмоционального истощения пожилых людей.

В-третьих, отдельные показатели сложно рассматривать в качестве целевых ориентиров государственной политики. С одной стороны, семейная сфера занимает важное место в жизни пожилых людей. Согласно результатам социологического исследования, в представлении населения долголетие не связано с сохранением трудовых функций, обязательной занятостью, а, скорее, наполняется смыслами заботы о подрастающих поколениях, общения и помощи родным и близким (Калачикова, Нацун, 2023). Но, с другой стороны, показатели «уход за детьми и внуками» и «уход за больными и инвалидами» проблематично трактовать как результат целенаправленных мер государственной политики. Государство способно формировать условия для содействия официальной занятости и участию в волонтерских движениях, развивать соответствующую инфраструктуру, однако не имеет инструментов для нормированного регулирования вовлеченности граждан в выполнение семейных обязанностей. Более того, сама идея стимулирования такой вовлеченности противоречива, ее реализация потребовала бы либо сокращения сети социальных учреждений для детей и лиц с ограниченными возможностями здоровья, либо создания иных искусственных стимулов, что не только неэтично, но и контрпродуктивно с точки зрения общественного благосостояния. Иными словами, подобные показатели важны для анализа ситуации в сфере активного долголетия, но не подходят для оценки результатов государственных мер.

В-четвертых, включение домена «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия» в структуру индекса приводит к его методологической перегруженности. Ключевым для оценки активного долголетия выступает не столько формирование ресурсного потенциала (в том числе накопление человеческого капитала), сколько фактическая реализация этого потенциала лицами старшего возраста в общественно значимой деятельности (Васильева, 2022b). Так, например, показатель уровня образования пожилого населения отражает преимущественно базовый ресурсный потенциал группы, а не реальное участие в практиках активного долголетия. Наличие же определенного образовательного уровня свидетельствует о возможностях, которые потенциально могут быть задействованы, но не фиксирует их фактическое использование для блага общества. Поскольку данный показатель характеризует условия и предпосылки активности, то его нецелесообразно включать в состав оценки результатов политики активного долголетия.

ИАД, безусловно, является ценным аналитическим инструментом, однако его применение в управленческой практике нуждается во взвешенном подходе. Интерпретация значений индекса должна опираться не только на формальные показатели, но и на понимание реальных условий жизни пожилых людей, включая социально-экономический контекст, мотивацию и доступные им возможности. Как справедливо отмечают ученые (Acosta-Urigüen et al., 2026, Jiang et al., 2026), при разработке индексов активного долголетия необходимо учитывать культурные и социальные факторы, которые могут влиять на определение и измерение активного старения в разных контекстах. Только при таком сбалансированном подходе можно избежать рисков, когда меры, формально направленные на «повышение активности», на деле увеличивают нагрузку и снижают качество жизни пожилых людей.

С учетом выявленных методологических ограничений ИАД целесообразно применять следующие критерии отбора показателей для оценки результата политики активного долголетия.

Соответствие концептуальным рамкам политики активного долголетия. Показатели должны строго отражать предметное содержание концепции активного долголетия и не подменять ее более широкими категориями (общее благосостояние, качество жизни). Это позволяет сохранить фокус на специфике политики и избежать размывания целевых ориентиров за счет включения показателей, относящихся к смежным, но не идентичным сферам. Опорным для формирования системы показателей служит определение, предложенное Всемирной организацией здравоохранения: «активное долголетие – это процесс оптимизации возможностей для поддержания здоровья, участия в жизни общества и обеспечения безопасности с целью повышения качества жизни по мере старения»[9]. Исходя из этой формулировки, результат политики активного долголетия дол-

[9] Active Ageing: A Policy Framework (2002). Geneva, Switzerland: World Health Organization. 60 p.

жен оцениваться через призму трех базовых измерений: состояния здоровья, вовлеченности в общественную жизнь и безопасности жизни лиц старшего возраста.

Ориентация на измеримый конечный результат. В состав системы оценки следует включать показатели, фиксирующие именно итоговые результаты реализуемых мер, а не затраченные усилия или промежуточные действия. Такой подход смещает акцент с учета «объема усилий» (например, количество проведенных мероприятий) на оценку реальных изменений в положении граждан старшего поколения, в частности расширения возможностей для трудовой занятости, участия в общественной деятельности, поддержания активного образа жизни и т. п.

Измеримость и регулярная доступность данных. Показатели должны быть количественно измеримыми, а соответствующие данные рассчитываются на ежегодной основе. Это обеспечивает возможность регулярного мониторинга динамики и межрегиональных сопоставлений. Использование данных с низкой периодичностью (например, раз в два года) снижает оперативность управленческого реагирования и не отвечает требованиям текущего контроля за реализацией политики, поэтому недостаточно эффективным для решения актуальных управленческих задач в сфере активного долголетия. Но вместе с тем назрела необходимость расширения официальной статистической базы по вопросам активного долголетия. О.В. Синявская и А.А. Червякова справедливо отмечают, что в России нужно больше разнообразных данных о старшем поколении, как количественных, так и качественных, не исчерпывающихся только экономическими показателями (Синявская, Червякова, 2022).

Также важно отметить, что применение любых интегральных индексов сопряжено с существенными методологическими рисками, возникающими как в процессе отбора данных на этапе формирования показателей, так и в процессе построения самих индексов или использования их в экономическом и статистическом анализе при интерпретации результатов, что способно исказить реальную картину (Алферьев и др., 2021, Леонов, 2024). Как отмечает С.А. Айвазян, интегральные индикаторы различных синтетических категорий, получаемые в виде специальных сверток ряда частных критериев (регистрируемых статистических показателей), имеют условный смысл и ограниченное время и место действия, в рамках которых они могут адекватно отражать действительное положение дел (Айвазян, 2001). Вне этих границ интерпретация результатов может быть некорректной. Наиболее значимым практическим ограничением выступает эффект, условно именуемый «средней температурой по больнице»[10]. Он возникает вследствие стремления максимально полно охватить все аспекты изучаемого явления за счет включения широкого набора показателей. В результате формируются усредненные оценки, которые утрачивают информативность и не позволяют выявить специфику ситуации. Проблема существенно обостряется при разнонаправленной динамике отдельных индикаторов: их взаимное нивелирование в составе интегрального показателя скрывает как реальные достижения, так и острые проблемы. В результате индекс становится труднообъяснимым, а его управленческая ценность существенно снижается. Вместо инструмента, позволяющего выявлять приоритетные направления корректировки политики и оценивать результативность мер, он превращается в обобщенную метрику, не дающую четких сигналов для принятия решений.

В целях преодоления выявленных методологических ограничений целесообразно применять альтернативные методические подходы. Примером реализации такого подхода выступает индекс активного долголетия, базирующийся на агрегировании пяти показателей, сгруппированных по трем доменам: «Здоровье», «Трудовая активность» и «Безопасность» (Васильева, 2022а). Агрегирование ориентировано на оценку степени достижения установленных целевых ориентиров, что обеспечивает сопоставимость межрегиональных результатов и повышает управленческую интерпретируемость формируемой оценки. Структура перечня показателей обладает необходимой гибкостью, она

[10] Индекс качества жизни. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы // Кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет МГУ. URL: www.ecoross.ru/files/atlas/indexes/index_life.shtml (дата обращения: 21.08.2026).

допускает корректировку и расширение состава показателей, а также дифференциацию данных в разрезе пола и отдельных возрастных групп. Кроме того, этот индекс может быть адаптирован для применения на муниципальном уровне. В рамках такой адаптации целесообразно вместо показателя ожидаемой продолжительности предстоящей жизни населения, расчет данных по которому отсутствует на муниципальном уровне, использовать коэффициент смертности по возрастным группам населения. По мнению Е.М. Андреева, стандартизованный коэффициент смертности является даже более точным показателем (Андреева, 2021).

Региональные программы и их ожидаемые результаты

Программы «Активное долголетие» на 2025–2030 гг. выступают институциональным продолжением сложившегося в субъектах РФ комплекса мер поддержки старшего поколения. Их разработка и реализация осуществляются в соответствии с методическими ориентирами федерального центра, в том числе с учетом положений Приказа Минтруда России[11], что обеспечивает единство методологических подходов при сохранении возможности адаптации мероприятий к региональным социально-экономическим и демографическим условиям. При этом принципиально важным с точки зрения концептуальной строгости является разграничение политики активного долголетия и общей политики в отношении граждан пожилого возраста. Первая не подменяет вторую и не снимает ответственности семьи и общества за заботу о пожилых людях, а представляет собой специализированный управленческий инструмент, ориентированный на раскрытие социально-экономического потенциала лиц старшего возраста и снижение нагрузки на бюджетную и социальную систему. Такое разграничение позволяет избежать терминологической и инструментальной подмены, когда все государственные меры в отношении граждан старшего поколения механически включаются в перечень мер политики активного долголетия без учета их содержания.

На примере региональной программы Свердловской области[12] прослеживается указанная концептуальная проблема. Программа разработана в соответствии с методическими рекомендациями Минтруда России и может рассматриваться как типовая модель реализации федерального подхода на региональном уровне. Вместе с тем ее содержательный контур включает значительный блок мероприятий, которые по своей сути относятся к политике в сфере социального обеспечения и здравоохранения и подлежат реализации и вне зависимости от наличия программы активного долголетия. К числу таких мер относятся оказание гериатрической помощи, предоставление услуг социального обслуживания, а также организация системы долговременного ухода.

Структура бюджетного финансирования программы подтверждает наличие этого смещения акцентов. Согласно финансовому обеспечению мероприятий программы, на подобные мероприятия выделена значительная часть бюджета. Так, значительная доля бюджета направлена на мероприятия инфраструктурного и базового социального характера (*табл. 1*). В частности, на развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию мероприятий программы, запланировано 71,5% общего объема бюджета (14,5 из 20,3 млрд руб.). При этом ожидаемый результат мероприятия сформулирован в предельно обобщенной форме («повышение уровня и качества жизни граждан старшего поколения»), что не дает четкого представления, в какой мере это мероприятие действительно нацелено на задачи активного долголетия, а не решает сугубо инфраструктурные или смежные социальные задачи. Среди наиболее затратных мероприятий – формирование современной городской среды в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» (3747,2 млн руб.) и изготовление и ремонт зубных протезов для отдельных категорий ветеранов (1224,0 млн руб.). В то же время на мероприятия, непосредственно ориентированные на содействие занятости и профессиональному развитию (в частности, на профессиональное

[11] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 20.11.2024 № 625 «О методических рекомендациях по разработке (актуализации) региональных программ «Активное долголетие» субъектов Российской Федерации».

[12] Распоряжение Правительства Свердловской области от 29 декабря 2025 года № 630-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области «Активное долголетие» до 2030 года».

обучение и дополнительное образование граждан старшего поколения и предпенсионного возраста), предусмотрено существенно меньшее финансирование (24,8 млн руб.). Включение указанных мероприятий в структуру программы активного долголетия сопряжено с риском размывания целевого назначения данного управленческого инструмента. Это обусловливает смещение акцентов с основной цели политики активного долголетия на исполнение базовых социальных обязательств, что потенциально снижает эффективность оценки результатов программы и затрудняет выделение реального вклада инструмента в достижение целевых показателей концепции.

Значительная часть запланированных мероприятий региональной программы направлена на организацию досуговых и развивающих мероприятий для граждан старшего поколения на базе организаций различных сфер по видам деятельности (культурно-досуговая, физкультурно-оздоровительная, образовательно-познавательная, социально-трудовая, социальный туризм, волонтерство). В рамках реализации программы запланировано 72 мероприятия, из них 14 мероприятий по организации досуга и лишь восемь мероприятий по содействию занятости (включая волонтерскую деятельность). Такая расстановка приоритетов свидетельствует о смещении фокуса на формирование активного образа жизни пожилого населения при недостаточном внимании к целенаправленному вовлечению граждан старшего возраста в трудовую активность. Это вступает в определенное противоречие с базовыми положениями концепции активного долголетия, которая подразумевает не только поддержание физической и социальной активности, но и продуктивное использование человеческого капитала старшего поколения, включая его экономическую и профессиональную реализацию. Согласно финансовому обеспечению мероприятий, на организацию досуга планируется направить больше средств региональной программы, чем на поддержку трудовой активности граждан старшего поколения. Соотношение расходов на досуговую и трудовую составляющие программы составляет приблизительно 5:1 (*табл. 2*). Подобная структура мероприятий и их финансирования свидетельствует о приоритете социокультурных и рекреационных форматов над мерами, направленными на раскрытие экономического потенциала старшего поколения. При всей значимости различного рода культурного досуга для благополучия граждан старшего поколения это снижает потенциал програм-

Таблица 1. Объем расходов на наиболее затратные мероприятия региональной программы Свердловской области «Активное долголетие»

Мероприятие	Объем расходов, млн руб.
Мероприятие 2. Развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию мероприятий региональной программы	14536,8
Мероприятие 60. Формирование современной городской среды в целях реализации национального проекта «Инфраструктура для жизни» на условиях софинансирования из федерального бюджета	3747,2
Мероприятие 34. Произведено бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов отдельным категориям ветеранов в соответствии с законами Свердловской области от 25 ноября 2004 года № 190-ОЗ «О социальной поддержке ветеранов в Свердловской области» и от 25 ноября 2004 года № 191-ОЗ «О социальной поддержке реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, в Свердловской области»	1224,0
Мероприятие 37. Развитие системы долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами, нуждающимися в уходе	517,5
Мероприятие 3. В организациях социального обслуживания граждан, находящихся в ведении Свердловской области, проведены работы по укреплению материально-технической базы для повышения качества оказываемых социальных услуг	141,3
Источник: Распоряжение Правительства Свердловской области от 29 декабря 2025 года № 630-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области «Активное долголетие» до 2030 года».	

Таблица 2. Объем расходов на мероприятия, направленные на досуговую активность и содействие занятости граждан старшего поколения в рамках региональной программы Свердловской области «Активное долголетие»

Мероприятие	Объем расходов, млн руб.
Мероприятие 4. Создание спортивных площадок (оснащение спортивным оборудованием) для занятий уличной гимнастикой в муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области	37,3
Мероприятие 11. Организация и проведение официальных физкультурных и спортивных мероприятий, направленных на вовлечение в занятия физической культурой и спортом граждан старшего поколения	7,5
Мероприятие 16. Увеличение количества граждан старшего поколения, охваченных мероприятиями школ пожилого возраста	11,4
Мероприятие 19. Создание условий для повышения доступности и привлекательности туристических услуг для граждан старшего поколения путем предоставления государственной поддержки в форме субсидий некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, на реализацию проектов и мероприятий в сфере туризма	64,2
Мероприятие 8. Организация профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан старшего поколения и предпенсионного возраста при содействии органов службы занятости	24,8
Источник: Распоряжение Правительства Свердловской области от 29 декабря 2025 года № 630-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области «Активное долголетие» до 2030 года».	

мы как инструмента продуктивной интеграции граждан старшего возраста в экономику и ослабляет ее вклад в достижение цели политики активного долголетия (Соколова и др., 2026). Для продуктивного участия пожилых людей в жизни общества образовательные мероприятия в первую очередь должны быть направлены на развитие профессиональных знаний и навыков, а не иметь форму досуга. Социологическое исследование Вологодского научного центра РАН показало, что пожилые люди отличаются низкой культурной активностью, чаще всего по причине отсутствия желания (38%), недостатка материальных средств и плохого состояния здоровья (по 15%) (Белехова и др., 2024).

В то же время в рамках реализации политики активного долголетия необходимо учитывать ряд значимых аспектов, которые хотя и не связаны напрямую исключительно с пожилыми гражданами, но оказывают существенное влияние на достижение ее цели. Их интеграция в программные документы и управленческие практики позволяет перейти от фрагментарной поддержки старшего поколения к формированию целостной системы, способствующей продлению периода продуктивной жизнедеятельности населения. Во-первых, принципиальное значение имеет превентивная составляющая политики, ориентированная на сохранение здоровья и наращивание человеческого капитала на протяжении всего жизненного цикла. Логика активного долголетия предполагает, что способность оставаться социально и экономически активным в пожилом возрасте формируется задолго до наступления этого этапа, она обусловлена состоянием здоровья, уровнем образования, приобретенными компетенциями и устоявшимися моделями поведения. Соответственно, мероприятия в рамках политики активного долголетия должны включать не только адресную поддержку пожилых граждан, но и меры, направленные на формирование здорового образа жизни и профилактику заболеваний у населения всех возрастных групп. Такой подход минимизирует риски ускоренного старения, снижения трудоспособности и социальной изоляции, а также обеспечивает более эффективное использование накопленного человеческого капитала в старших возрастах.

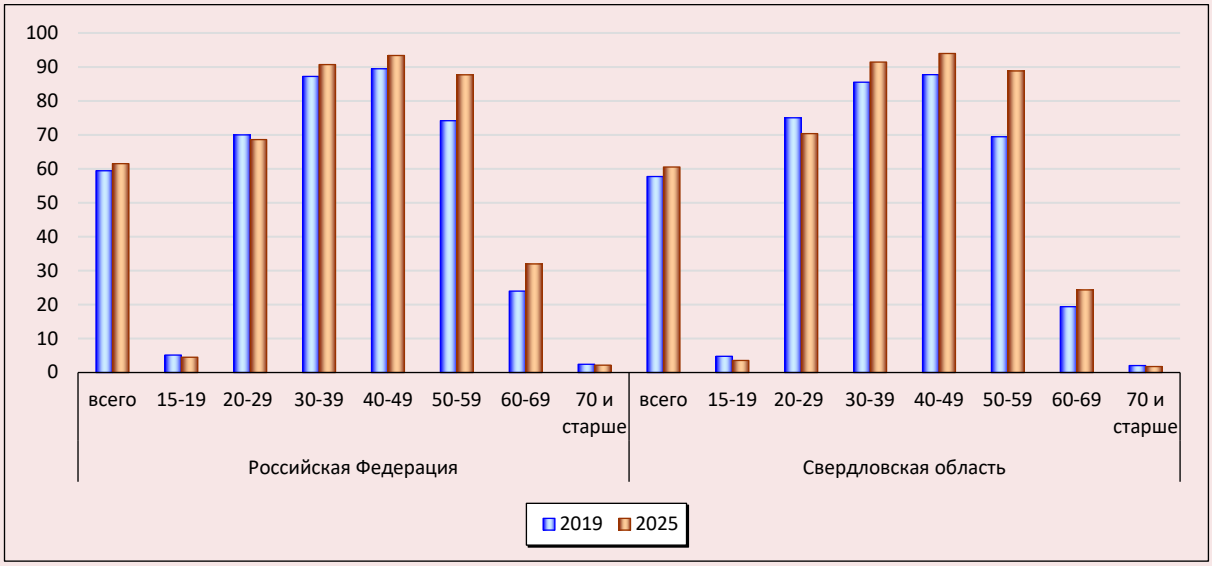
Во-вторых, следует учитывать феномен двойной нагрузки на пожилых людей, обусловленный одновременным ростом их вовлеченности в экономическую деятельность и выполнение семейно-бытовых функций, в первую очередь в уходе за внуками. Статистические

данные свидетельствуют об устойчивой динамике этих процессов. С одной стороны, повышается занятость граждан старшего поколения в первую очередь в результате изменения в пенсионном законодательстве. Как видно на *рисунке 1*, уровень занятости населения в возрастных группах 55–59 и 60–69 лет значительно увеличился за 2019–2025 гг. В Свердловской области наблюдается сопоставимая с общероссийской динамикой тенденция, при этом в группе 50–59 лет зафиксирован более выраженный рост (до 88,8% к 2025 году). Несколько более низкие показатели в группе 60–69 лет могут быть обусловлены отраслевой структурой региона (промышленность, где физическая нагрузка ограничивает занятость пожилых) и требует адаптации инструментов активного долголетия под местные условия.

С другой стороны, усиливается роль бабушек и дедушек в уходе за детьми. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, доля бабушек, ежедневно ухаживающих за внуками, за 2011–2024 гг. увеличилась с 22,2 до 32,2%, дедушек – с 13,2 до 23,4%. Такая нагрузка создает значительные психофизиологические риски и может нивелировать положительный эффект от мер по стимулированию активности пожилых граждан. Для ее снижения целесообразно развивать гибкие формы занятости населения (не только старших возрастных групп, но и для родителей), расширять инфраструктуру по уходу за детьми, а также обеспечивать интеграцию семейной политики и программ активного долголетия.

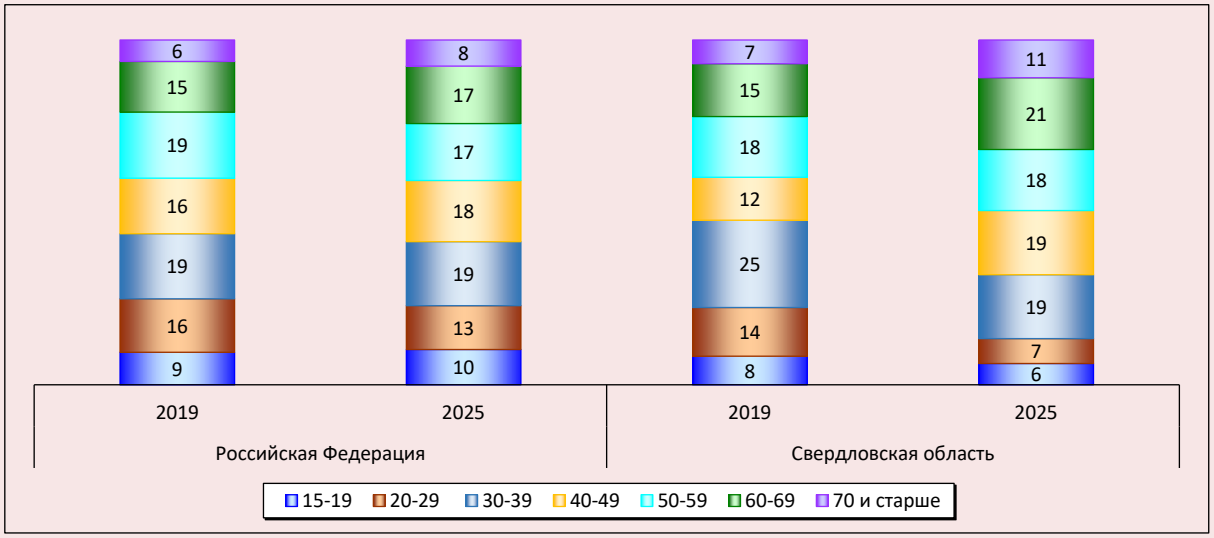
Кроме того, особого внимания заслуживает возрастающая роль граждан старшего поколения в волонтерском движении. Труд волонтеров является одним из направлений социальной активности для пожилых людей, которое в настоящее время стремительно развивается (Соловьева, 2024). Данные выборочного обследования рабочей силы свидетельствуют о росте доли волонтеров в возрастных группах 60–69 лет и 70 лет и старше. В Свердловской области этот рост выражен сильнее, чем в среднем по России (*рис. 2*). Такая динамика может быть обусловлена как целенаправленными региональными практиками, так и отраслевой и культурной спецификой Урала, характеризующейся традиционно высокой ролью ветеранских организаций, промышленных династий и практик взаимопомощи, легко трансформируемых в волонтерские инициативы.

Рис. 1. Уровень занятости населения по возрастным группам, %



Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы, Росстат.

Рис. 2. Структура населения, работающего в качестве волонтеров, по возрастным группам, %



Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы, Росстат.

В-третьих, важным направлением является трансформация формата досуговых и развивающих мероприятий от изолированных практик для пожилых людей к межпоколенческим форматам взаимодействия. В настоящее время значительная часть мероприятий реализуется в рамках возрастных когорт, что ограничивает их потенциал в части социальной интеграции. Межпоколенческие программы в культурной, образовательной, оздоровительной и волонтерской сферах способствуют формированию позитивного отношения к старению, укрепляют социальные связи, обеспечивают передачу опыта и знаний между поколениями, а также снижают риски возрастной сегрегации. Такие форматы повышают социальную значимость старшего поколения, усиливают его вовлеченность в общественную жизнь и соответствуют целевым ориентирам концепции активного долголетия.

Таким образом, учет указанных аспектов позволяет обеспечить системный характер политики активного долголетия, выйти за рамки узкоспециализированных мер и сформировать комплекс взаимосвязанных действий, направленных на продление периода продуктивной и благополучной жизни граждан. Объединение превентивных мер, механизмов снижения двойной нагрузки и инструментов межпоколенческой интеграции в региональные программы способствует повышению их целевой эффективности, устойчивости результатов и социально-экономической отдаче от вовлечения старшего поколения в развитие общества.

Система показателей эффективности региональной программы «Активное долголетие» в Свердловской области включает 24 индикатора, позволяющие оценивать различные аспекты благополучия граждан старшего поколения. В их число входят показатели, характеризующие уровень социальной активности и вовлеченности населения старших возрастных групп (в физкультурных, культурно-досуговых, волонтерских и образовательных инициативах), охраны здоровья и организации медицинской помощи (в частности, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, обеспеченность геронтологическими койками, охват диспансерным наблюдением), а также показатели развития социальной инфраструктуры и механизмов общественного участия (включая количество туристско-информационных центров, объем государственной поддержки некоммерческих организаций, число мероприятий общественного контроля). При этом результативность мер, направленных на содействие занятости граждан старшего поколения, в действующей системе мониторинга представле-

на единственным показателем – «количество проведенных ярмарок вакансий и учебных рабочих мест для граждан старшего поколения». Причем его значения планируется сократить с 53 мероприятий в 2024 году до 30 мероприятий ежегодно в 2025–2030 гг. Такое снижение числа мероприятий должно компенсироваться повышением их результативности. Для этого необходимо сместить фокус с количественного показателя (количество ярмарок) на качественные и содержательные параметры, например «количество граждан старшего поколения, трудоустроенных после участия в ярмарках вакансий», «количество вакансий и учебных рабочих мест для граждан старшего поколения на ярмарках», «количество работодателей, участвующих в ярмарках вакансий для старшего поколения».

Для обеспечения мониторинга достижения задач по повышению конкурентоспособности граждан старшего поколения на рынке труда и созданию условий для продолжения трудовой деятельности целесообразно ввести показатель «Уровень занятости населения среди граждан старшего поколения по возрастным группам». В контексте выполнения задачи, предусматривающей совершенствование механизмов профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан старшего поколения по востребованным на рынке труда направлениям, систему показателей целесообразно дополнить индикатором «количество граждан старшего поколения и предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование при содействии органов службы занятости».

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в научной практике сформирован значительный инструментарий для оценки активного долголетия. В частности, разработаны различные версии международного индекса Active Ageing Index (AAI) и его адаптации, включая российский индекс активного долголетия (ИАД), методология расчета которого закреплена и актуализирована нормативными актами Росстата. Эти индексы обладают высокой аналитической ценностью, они позволяют комплексно отражать многомерность активного долголетия, выявлять тенденции и проводить межстрановые сопоставления. Вместе с тем применение указанных индексов в практике государственного управления и в качестве инструмента оценки результативности политики активного долголетия сталкивается с серьезными ограничениями. Ключевые проблемы связаны с методологической перегруженностью интегральных индексов, риском усреднения разнонаправленных тенденций («эффект средней температуры по больнице») и искажением смысла показателей при их трактовке в управленческом контексте. Кроме того, отдельные компоненты индексов могут фиксировать не расширение возможностей пожилых граждан, а вынужденную адаптацию к неблагоприятным социально-экономическим условиям.

При этом не менее существенные методологические ограничения обнаруживаются и на уровне прикладных управленческих инструментов. Система показателей, предусмотренная методическими рекомендациями Минтруда России для оценки эффективности региональных программ «Активное долголетие», также имеет недостатки, так как в значительной степени ориентирована на учет нагрузки на социальную и медицинскую инфраструктуру и отражает старшее поколение преимущественно как группу, нуждающуюся в поддержке, а не как ресурс общества. При этом важнейшие аспекты концепции активного долголетия: раскрытие потенциала старшего поколения, продуктивное использование его опыта, знаний и навыков, расширение возможностей для экономической и общественной самореализации – в этой системе показателей отсутствуют.

Анализ содержания и финансирования региональных программ на примере программы Свердловской области подтверждает смещение акцентов. Значительная часть бюджета и перечня мероприятий относится к сфере базового социального обеспечения, здравоохранения и инфраструктурного развития и подлежит реализации вне зависимости от политики активного долголетия. При этом меры, непосредственно направленные на содействие занятости, профессиональному развитию и продуктивной интеграции пожилых граждан в экономику, получают существенно меньшее ресурсное обеспечение и организационное внимание. Такая расстановка приоритетов ведет к размыванию целевого назначения про-

грамм и снижает их управленческую и социально-экономическую эффективность.

С учетом выявленных методологических ограничений необходима корректировка как содержания региональных программ «Активное долголетие», так и системы показателей, по которым оценивается их результативность. В первую очередь требуется:

– переориентировать программы на раскрытие экономического и социального потенциала старшего поколения, сместить фокус с мероприятий досугово-рекреационного характера на меры по содействию занятости, профессиональному обучению, развитию волонтерства и межпоколенческих практик;

– пересмотреть систему показателей оценки, сделав акцент на показателях, фиксирующих реальные результаты политики (уровень занятости по возрастным группам, число трудоустроенных после участия в ярмарках вакансий, количество граждан, прошедших профессиональное обучение, и т. п.), а не на объемах затраченных усилий или промежуточных действиях;

– обеспечить регулярность и сопоставимость данных (предпочтительно ежегодную отчетность) для повышения оперативности управленческого контроля;

– учитывать в программных документах и системе мониторинга дополнительные факторы, влияющие на продуктивную активность пожилых людей (превентивные меры, снижение двойной нагрузки, развитие межпоколенческого взаимодействия).

Реализация этих направлений позволит повысить целевую направленность и результативность региональных программ, обеспечить их соответствие концептуальным основам активного долголетия и сформировать более точный и практически значимый инструментарий оценки результатов государственной политики в этой сфере.

Литература

Айвазян С.А. (2001). Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть 1. Методология анализа и пример ее применения // Мир России. Социология. Этнология. № 4. С. 59–96.

Активное долголетие и его факторы в контексте демографического старения. Опыт исследования в России и Беларуси (2022) / под ред. О.Н. Калачиковой. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 179 с.

Алферьев Д.А., Кремин А.Е., Родионов Д.Г., Величенкова Д.С. (2021). К методологии проверки интегральных оценок социально-экономических объектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 86–106. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.5

Андреев Е.М. (2021). Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. Т. 8. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/demreview.v8i2.12780

Барсуков В.Н. (2016). Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (43). С. 195–213.

Барышева Г.А., Недоспасова О.П., Павлова И.А., Рождественская Е.М., Барышев А.А. (2022). Капитал здоровья старшего поколения: социологические данные для оценки процессов накопления и сохранения (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. № 484. С. 194–206. DOI: 10.17223/15617793/484/22

Белехова Г.В., Попов А.В. (2025). Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 203–222. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.11/

Белехова Г.В., Шматова Ю.Е., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Проблемы обеспечения благополучия старшего поколения в контексте региональной социальной политики // Народонаселение. Т. 27. № 3. С. 180–192. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192

Васильева Е.В. (2022a). Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // Народонаселение. Т. 25. № 3. С. 128–143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.10

Васильева Е.В. (2022b). Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 190 с. DOI: 10.17059/661-5

Григорьева И., Богданова Е. (2020). Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

Доброхлеб В.Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6

Иванова А.Е., Вангородская С.А. (2026). Индекс активного долголетия как инструмент оценки социально-демографической политики: проблемы использования и резервы повышения эффективности // ДЕМИС. Демографические исследования. Том 6. № 1. С. 19–39. DOI: 10.19181/demis.2026.6.1.2

Калачикова О.Н., Короленко А.В., Нацун Л.Н. (2023). Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring. 2023.1.2209

Калачикова О.Н., Нацун Л.Н. (2022). Социально-демографические предпосылки реализации концепции активного долголетия в России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (66). С. 112–125. DOI: 10.52452/18115942_2022_2_112

Короленко А.В. (2022a). Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2

Короленко А.В. (2022b). Внешние факторы активного долголетия в оценках населения Вологодской области // Социальная компетентность. Т. 7. № 1. С. 95–109.

Леонов С.Н. (2024). Методологические проблемы формирования и применения интегральных территориальных индексов // Регионалистика. Т. 11. № 1. С. 60–68. DOI: 10.14530/reg.2024.1.60

Попов А.В. (2026). Индекс благополучной старости пожилого населения в регионах России: объективная, субъективная и интегральная оценка // Народонаселение. Т. 29. № 1. С. 95–109. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-95-109

Синявская О.В., Червякова А.А. (2022). Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043

Соколова А.А., Жданова А.Э., Корзина А.А. (2026). Благополучие и благополучная старость в нарративах старшего поколения // Социологическая наука и социальная практика. Т. 14. № 2. С. 67–92. DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.4

Соловьева Т.С. (2024). Старшее поколение на российском рынке труда в зеркале официальной статистики // Управление устойчивым развитием. № 4 (53). С. 61–69. DOI: 10.55421/2499992X_2024_4_61.

Acosta-Urigüen M.I., Lima J.F., Díaz J., Harari I. (2026). Conceptualizing the Active Ageing Index (AAI): A systematic literature review of data collection and data treatment. In: Ziefle M., Lozano Perez M., Mulvenna M. (Eds.) *Information and Communication Technologies for Ageing Well and e-Health. Vol. 2762.* DOI: 10.1007/978-3-032-10685-8_5

Barysheva G.A., Frolova E.A., Malanina V.A., Taran E.A. (2018). Active Ageing Index: A Russian study. In: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Per ek-Białas J. (Eds). *Building Evidence for Active Ageing Policies.* Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19

de São José J.M., Timonen V., Amado C.A.F., Santos S.P. (2017). A critique of the Active Ageing Index. *Journal of Aging Studies*, 40. DOI: 10.1016/j.jaging.2017.01.001

Durán F., Geri M., González G. (2026). Is measuring the potential for active ageing in Argentina an achievable challenge? *Population Ageing.* DOI: 10.1007/s12062-026-09540-0

Jiang J., Cheong A., Sazlina S.G. et al. (2026). Levels of active ageing and its influencing factors among older adults: A scoping review. *BMC Public Health*, 26, article number 493. DOI: 10.1186/s12889-025-25820-4

Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. (2017). Active Ageing Index as an evidence base for developing a comprehensive active ageing policy in Russia. *Population Ageing*, 10, 41–71. DOI 10.1007/s12062-016-9164-0

Zaidi A. (2017). AAI – Active Ageing Index. *Impact*, 8, 63–65. DOI: 10.21820/23987073.2017.8.63

Zaidi A., Gasior K., Zolyomi E. et al. (2017) Measuring active and healthy ageing in Europe. Journal of European *Social Policy*, 27(2), 138–157. DOI: 10.1177/0958928716676550

Zaidi A., Um J. (2019). *The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand. Working Paper.* Bangkok: UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific.

Приложение

Структура ИАД

1. Занятость.
1.1. Уровень занятости лиц (55–59).
1.2. Уровень занятости лиц (60–64).
1.3. Уровень занятости лиц (65–69).
1.4. Уровень занятости лиц (70–74).
2. Участие в жизни общества.
2.1. Волонтерская деятельность (55+).
2.2. Уход за детьми, внуками (55+).
2.3. Уход за больными и инвалидами (55+).
2.4. Участие в политической жизни (55+).
3. Независимая, здоровая и безопасная жизнь.
3.1. Физическая активность среди пожилых людей (55+).
3.2. Доступ к услугам здравоохранения и стоматологическим услугам (55+).
3.3. Независимое / самостоятельное проживание (75+).
3.4. Относительный уровень дохода пожилых людей (65+).
3.5. Отсутствие риска бедности (65+).
3.6. Отсутствие тяжелых материальных лишений (необеспеченности) (65+).
3.7. Физическая безопасность (55+).
3.8. Непрерывное обучение (обучение в течение всей жизни) (55–74).
4. Возможности и благоприятная среда для активного долголетия.
4.1. Степень достижения целевой продолжительности жизни (55).
4.2. Доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте (55).
4.3. Психологическое благополучие (55+).
4.4. Использование информационно коммуникационных технологий (ИКТ) (55–74).
4.5. Социальные связи пожилых людей (55+).
4.6. Уровень образования людей пожилого возраста (55+).

Сведения об авторе

Елена Витальевна Васильева – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель центра, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Vasilyeva E.V.

Active Aging Policy in Russian Regions: Regional Programs and Measuring Their Development Dynamics

Abstract. The article examines how active aging policy is implemented in Russian regions, using regional programs as a case in point, and analyzes the tools used to measure their performance. It reveals a conceptual contradiction between the stated purpose of active aging policy (unlocking the socio-economic potential of the older generation) and the actual orientation of the assessment mechanisms applied, which often capture not the productive involvement of older citizens but the burden they place on social and medical infrastructure. The study analyzes the international Active Ageing Index, its adaptations (including the Russian active aging index), and the indicator system of the Russian Ministry of Labor, and

identifies their methodological limitations for public governance purposes. It also examines the regional program "Active Longevity" in the Sverdlovsk Region: the structure of its activities, the distribution of budget funds, and its system for monitoring results. The analysis shows that a significant share of funding and activities falls within basic social security, healthcare, and infrastructure development and is carried out without any direct link to active aging objectives, whereas measures to promote employment and professional development receive substantially less funding. Drawing on the gaps identified between the conceptual foundations of the policy and its practical implementation, the article proposes ways to improve regional programs and the system of indicators used to assess their results – in particular, shifting the emphasis toward unlocking the economic and social potential of the older generation, introducing outcome indicators (employment rates by age group, the number of people placed in jobs after participating in job fairs, and others), ensuring that data are regular and comparable, and taking into account the factors that shape productive activity among older people (preventive measures, reducing the double burden, and fostering intergenerational interaction). The findings can be used by government authorities when adjusting the content of regional programs and developing more relevant tools for assessing the performance of active aging policy.

Key words: active aging, regional programs, active aging index, older generation, older people.

Information about the Author

Elena V. Vasilyeva – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of center, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Статья поступила 24.08.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.14
УДК 316:330.59, ББК 60.52+65.9(2Рос)-94
© Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В.

Региональные и социально-демографические различия в восприятии социально-бытовых проблем, их связь с объективными региональными характеристиками



Юрий Николаевич ГАВРИЛЕЦ
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: yurkag@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5903-8674; ResearcherID: AAB-7902-2020



Александр Владимирович КУДРОВ
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: kovlal@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-2495-5496; ResearcherID: AAB-7864-2020



Ираида Васильевна ТАРАКАНОВА
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: yurkag@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1273-2853

Для цитирования: Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В. (2026). Региональные и социально-демографические различия в восприятии социально-бытовых проблем, их связь с объективными региональными характеристиками // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 270–288. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.14

For citation: Gavrilets Yu.N., Kudrov A.V., Tarakanova I.V. (2026). Regional and socio-demographic differences in the perception of social and everyday problems and their relationship with objective regional characteristics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 270–288. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.14

Аннотация. Качество жизни обычно измеряют через то, чем население располагает: доходы, потребление, доступ к услугам. В работе использован обратный подход: среда проживания оценивается через то, что, по мнению самих жителей, мешает им нормально жить. Цель исследования – построить для субъектов РФ индекс воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды, проверить устойчивость его структуры во времени и выявить объективные региональные характеристики, с которыми он связан. Информационной базой исследования являются микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за 2022 и 2024 гг. (около 100 тыс. респондентов в каждой волне) по 17 социально-бытовым проблемам. Восприятие проблем рассмотрено по социально-демографическим группам и регионам. За 2022–2024 гг. доля респондентов, отмечающих наличие проблемы, снизилась по всем 17 позициям, однако разрывы между некоторыми группами респондентов не сократились. На региональном уровне абсолютная межрегиональная дисперсия снизилась по 16 проблемам, тогда как относительная неоднородность (коэффициент вариации) по большинству из них выросла, то есть улучшения распределились по территории неравномерно. С помощью анализа непосредственных связей показано, что 17 проблем образуют связную систему. Это обосновывает их агрегирование в единый индекс на базе компонентного анализа. Предложена процедура проверки гипотезы о равенстве первых главных компонент за два года для зависимых выборок (одни и те же регионы), основанная на парном бутстрапе и статистике Вальда; гипотеза не отвергается, поэтому значения индекса за разные годы сопоставимы напрямую. Регрессионный анализ выявил устойчивую связь индекса воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды с четырьмя объективными характеристиками региона: смертностью населения старше трудоспособного возраста, благоустройством жилищного фонда, распространённостью здорового образа жизни и вводом жилья в многоквартирных домах. Объясняющая способность регрессии индекса на эти факторы к 2024 году заметно снизилась, что интерпретируется как усиление роли факторов, не отражённых в официальной статистике.

Ключевые слова: качество жизни, социально-бытовые проблемы, субъективные оценки, регионы России, КОУЖ, непосредственные связи, компонентный анализ, интегральный индикатор, региональная дифференциация.

Введение

Измерение качества жизни долгое время оставалось прерогативой «объективной» статистики: доходов, потребления, обеспеченности жильём и услугами. Однако уже в 1970-е гг. стало ясно, что одни лишь объективные показатели описывают жизнь людей неполно. В исследованиях американских социологов (Campbell et al., 1976; Andrews, Withey, 1976) было доказано, что удовлетворённость отдельными сторонами жизни: жильём, районом проживания, безопасностью, здравоохранением – является самостоятельным измерением благополучия, лишь частично связанным с материальным положением. Исследования в области психологии (Diener, 1984; Diener et al., 1999) закрепили понятие субъективного благополучия как научной категории, также был разработан и инструментарий его измерения.

Экономисты пришли к этой теме позже. Отправной точкой стал «парадокс Истерлина» (Easterlin, 1974): рост доходов далеко не всегда сопровождается ростом удовлетворённости жизнью. Последовавшие исследования (Frey, Stutzer, 2002; Kahneman, Krueger, 2006; Layard, 2005) оформили направление, известное как «экономика счастья», а доклад комиссии Стиглица – Сена – Фитусси (Stiglitz et al., 2009) официально рекомендовал статистическим ведомствам дополнять ВВП субъективными индикаторами.

Особенно важен для нашей работы вопрос о соотношении субъективных и объективных характеристик места проживания. В статье (Oswald, Wu, 2010) на данных по штатам США показано, что агрегированная удовлетворённость жизнью тесно коррелирует с независимо построенным индексом объективного каче-

ства среды, то есть субъективные оценки «схватывают» объективные различия территорий. В работе (Deaton, 2008) продемонстрирована устойчивая связь субъективного благополучия с показателями здоровья населения, а в статье (Marmot, 2005) показано, что демографические индикаторы, прежде всего смертность, отражают влияние всех социальных характеристик среды, а не только медицины. Как прямо утверждал Р. Винховен, социальная политика нуждается в субъективных индикаторах, поскольку только они позволяют судить о том, достигают ли улучшения инфраструктуры своей конечной цели – людей (Veenhoven, 2002).

В российской науке эта проблематика имеет собственную традицию. Н.М. Римашевская рассматривала качество жизни как стратегическую цель развития и указывала на социальные издержки трансформации, которые не улавливались макростатистикой (Римашевская, 2002; Римашевская, 2010). На данных панельного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ в работе (Козырева и др., 2015) исследуются детерминанты счастья россиян, а в статье (Андреенкова, 2010) сопоставлены факторы удовлетворённости жизнью в России и европейских странах. Особое место в отечественной социологии здоровья занимают работы И.Б. Назаровой, где здоровье рассматривается как социально-экономическая категория, а не узко медицинская характеристика (Назарова, 2012; Назарова и др., 2024).

В экономико-математическом направлении ключевой вклад внёс С.А. Айвазян, разработавший методологию построения интегральных индикаторов качества жизни на основе многомерного статистического анализа (Айвазян, 2003; Айвазян, 2012). Такой подход позволяет объединить разнородные показатели – от экономических до экологических и социальных – в единые интегральные шкалы. Эта методология успешно применяется для построения региональных индикаторов уровня и качества жизни (Гаврилец и др., 2016; Степанов и др., 2022).

Региональный аспект для России принципиален. Межрегиональное неравенство в стране остаётся одним из самых высоких среди крупных экономик (Зубаревич, 2010; Коломак, 2010), причём различия в доходах дополняются различиями в доступности инфраструктуры и услуг, которые статистикой фиксируются хуже.

Вместе с тем в существующей литературе остаются пробелы, которые и определили задачи настоящего исследования. Во-первых, большинство российских исследований субъективного благополучия опирается на обобщённые вопросы об удовлетворённости жизнью или на выборки, не позволяющие получить надёжные региональные оценки. Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата с его почти 100 тыс. респондентов и подробным блоком о проблемах места проживания в этом отношении уникален, но используется редко. Во-вторых, при построении интегральных индикаторов при помощи компонентного анализа практически никогда не проверяется, сопоставимы ли индексы за разные годы, то есть не изменилась ли структура весов. Между тем без такой проверки динамика индекса не интерпретируема: неясно, изменились ли оценки людей или изменилась сама «процедура измерения». В-третьих, связь субъективных региональных оценок с объективной статистикой для России слабо изучена.

Цель работы – построить индекс воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды для субъектов РФ, проверить устойчивость его структуры во времени и выявить объективные региональные характеристики, с которыми он связан.

Научная новизна исследования состоит, на наш взгляд, в применении аппарата непосредственных связей для обоснования агрегируемости субъективных оценок по социально-бытовым проблемам на региональном уровне; в предложенной процедуре проверки гипотезы о равенстве первых главных компонент для зависимых выборок; в установлении устойчивого набора объективных региональных характеристик, связанных с субъективным восприятием социально-бытовых проблем на российских данных.

Исходные данные

Информационной базой исследования послужили микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проводимого Росстатом[1]. Использованы результаты

[1] Росстат (2023). Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2022; Росстат (2025). Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2024.

Таблица 1. Доля респондентов, воспринимающих рассматриваемые социально-бытовые проблемы, % от выборки

Наименование проблемы	2022 г.	2024 г.	Δ (2024–2022)
Доступность медицинских услуг	22,25	13,36	-8,89
Доступность образовательных услуг	8,40	5,39	-3,01
Получение официальных документов	15,98	10,61	-5,37
Доступ к торговым точкам	11,60	9,23	-2,37
Доступ к аптекам	18,62	14,10	-4,52
Доступ к культурным учреждениям	20,69	16,46	-4,23
Доступ к объектам отдыха и досуга	26,86	19,84	-7,02
Доступ к спортивным сооружениям	24,57	17,54	-7,03
Качество жилищно-коммунальных услуг	26,67	20,35	-6,33
Качество общественного транспорта	22,98	20,86	-2,12
Городское благоустройство и удобства	22,86	16,13	-6,73
Состояние и безопасность дорог	46,54	40,73	-5,82
Преступность	4,87	3,47	-1,40
Вандализм	12,66	9,70	-2,96
Наркомания	11,29	9,62	-1,66
Алкоголизм	20,13	16,50	-3,63
Загрязнение окружающей среды	23,09	18,75	-4,34
Составлено по: микроданные КОУЖ-2022 и КОУЖ-2024.			

двух волн – 2022 и 2024 гг., каждая объёмом около 100 тыс. респондентов, что обеспечивает репрезентативность оценок как для страны в целом, так и в разрезе субъектов РФ.

Основное внимание было направлено на блок анкеты, в котором респондентов просят указать, какие из 17 социально-бытовых проблем мешают нормальной жизни в месте их проживания. В *таблице 1* представлены доли опрошенных, указавших каждую из рассматриваемых проблем как актуальную, по данным 2022 и 2024 гг., а также абсолютное изменение показателя (Δ).

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что за период 2022–2024 гг. доля респондентов, отмечающих наличие проблемы, сократилась по всем рассматриваемым 17 социально-бытовым проблемам. Наиболее выраженные улучшения отмечены в сфере медицины, спортивной и досуговой инфраструктуры, а также в городском благоустройстве; наименьшее – по преступности, наркомании и транспорту. При этом порядок важности проблем практически не изменился: дороги остаются на первом месте почти с двукратным отрывом от ближайшей позиции, и в 2024 году их по-прежнему называют четверо из десяти респондентов. Обращает на себя внимание, что преступность как таковая беспокоит население заметно меньше, чем вандализм, алкоголизм и наркомания.

В качестве объективных региональных характеристик использованы показатели официальной статистики Росстата за соответствующие годы – исходное множество включало 185 социально-экономических характеристик субъектов РФ.

Методологическая основа исследования

Непосредственные связи и построение интегрального индикатора

Прежде чем агрегировать набор показателей в единый индекс, следует убедиться, что они образуют целостную систему, а не набор слабо связанных характеристик. Для этого используется понятие непосредственной связи (Гаврилец и др., 2022).

Определение (непосредственная связь). Если в совокупности случайных переменных условное распределение величины Y от всех остальных определяется только их частью (не вошедшие в условие могут принимать любые значения):

$$P(Y|X_1, X_2, \dots, X_k) = P\left(Y|X_{i_1}, X_{i_2}, \dots, X_{i_r}\right) \quad (1)$$

для всех $X_1, X_2, \dots, X_k$, то переменные $X_{i_1}, X_{i_2}, \dots, X_{i_r}$ называются непосредственно связанными с переменной Y.

Граф непосредственных связей строится так: узлы соответствуют показателям, рёбра – статистически значимым непосредственным связям. Связность графа трактуется как признак целостности системы.

Для целостной системы показателей найдем общий интегральный индекс. Для этого в исследовании использовался компонентный анализ, (Айвазян, 2012; Гаврилец и др., 2016).

Пусть Z_{ij} – стандартизованное значение j-го показателя для i-го региона, Y_{ij}, $i = 1, \dots, n$; $j = 1, \dots, p$:

$$Z_{ij} = \frac{Y_{ij} - \bar{Y}_j}{\frac{1}{n}\sum_{k=1}^{p}(Y_{ik} - \bar{Y}_k)^2}. \quad (2)$$

Интегральный индикатор определяется как:

$$I_i = \sum_{m=1}^{p} v_m Z_{im}, \quad (3)$$

где $v = (v_1, \dots, v_p)$ – нормированный собственный вектор корреляционной матрицы показателей (Z_{im}) соответствующий наибольшему собственному значению. Поскольку исходные показатели измерены в интервальной шкале, шкала индекса также интервальная, а нулевое значение соответствует среднему уровню по совокупности регионов.

Пусть $I_i(t)$ – значение индекса для i-го региона в год t. Тогда изменение индекса $\Delta I_i(t)$ между годами t_1 и t_2 разлагается на три компоненты:

$$I_i(t_2) - I_i(t_1) = \sum_{m=1}^{p}\big[v_m(t)\big(Z_{im}(t_2) - Z_{im}(t_1)\big) + Z_{im}(t_1)\big(v_m(t_2) - v_m(t_1)\big) + \big(v_m(t_2) - v_m(t_1)\big)\big(Z_{im}(t_2) - Z_{im}(t_1)\big)\big]. \quad (4)$$

Первое слагаемое отражает вклад изменения самих показателей, второе – изменения весов, третье – их совместного изменения. Если веса $v_m(t_1)$ и $v_m(t_2)$ статистически не различаются, остаётся лишь первое слагаемое.

Проверка гипотезы о равенстве первых главных компонент двух корреляционных матриц

Возможность содержательно сравнивать индекс за разные годы зависит от того, совпадают ли направления первых главных компонент. В данном разделе описывается статистическая процедура проверки этой гипотезы. А именно имеются p региональных характеристик для двух лет (2022 и 2024 гг.), при этом стандартизация этих характеристик выполнена независимо для каждого года. Обозначим стандартизированные характеристики за эти годы через Z_1, Z_2.

Формулировка гипотезы

Пусть R_1 и R_2 – корреляционные матрицы для Z_1, Z_2 соответственно, $v^{(1)}$, $v^{(2)}$ – их первые (нормированные) главные компоненты. Обозначим через $\hat{R}_1, \hat{R}_2, \hat{v}^{(1)}, \hat{v}^{(2)}$ их выборочные аналоги. Проверяется нулевая гипотеза:

$$H_0: v^{(1)} = v^{(2)} = v, \quad (5)$$

при этом все остальные собственные векторы и собственные значения могут различаться. Альтернативная гипотеза $H_1: v^{(1)} \neq v^{(2)}$.

Асимптотическое распределение оценок и статистика Вальда

Согласно результатам, представленным в работе (Anderson, 1963), при выполнении некоторых условий регулярности выборочная первая главная компонента $\hat{v}^{(1)}$, является $\sqrt{n}$-состоятельной и асимптотически нормальной оценкой истинного вектора $v^{(1)}$. Откуда следует, что

$$\delta = \hat{v}^{(2)} - \hat{v}^{(1)} \xrightarrow{d} \mathcal{N}_p\big(0,\ \mathrm{Cov}(\delta)\big), \quad (6)$$

где $\mathrm{Cov}(\delta)$ – ковариационная матрица для случайного вектора δ.

Поскольку в рассматриваемом случае данные за 2022 и 2024 гг. относятся к одним и тем же регионам, выборки не являются независимыми, поэтому ковариационная матрица разности первых главных компонент δ имеет вид:

$$\mathrm{Cov}(\delta) = \mathrm{Cov}\big(\hat{v}^{(1)}\big) + \mathrm{Cov}\big(\hat{v}^{(2)}\big) - 2\,\mathrm{Cov}\big(\hat{v}^{(1)}, \hat{v}^{(2)}\big). \quad (7)$$

Так как явное выражение для перекрёстного члена громоздко, $\mathrm{Cov}(\delta)$ оценивается непараметрическим бутстрапом (Efron, 1979; Efron, Tibshirani, 1993). На каждой бутстрап-итерации $b = 1, \dots, B$ генерируется вектор индексов $\mathrm{i_b} = (i_1, \dots, i_n)$, где каждое i_k независимо и равномерно выбирается из множества $\{1, \dots, n\}$ (вы-

борка с возвращением). Затем по *одному и тому же* вектору индексов формируются бутстрап-матрицы: $Z_1^{(b)} = Z_1[i_b, :]$ и $Z_2^{(b)} = Z_2[i_b, :]$, для которых вычисляются корреляционные матрицы, первые главные компоненты и их разность $\hat{\delta}^{(b)}$. По совокупности векторов $\hat{\delta}^{(1)}, \ldots, \hat{\delta}^{(B)}$ строится эмпирическая оценка $\mathrm{Cov}(\delta)$, которую обозначим через $\hat{C}$. Такой подход сохраняет зависимость между парами наблюдений и тем самым учитывает перекрёстный член в (7) без его явного вычисления.

Состоятельность бутстрапа для собственных векторов выборочных ковариационных (или корреляционных) матриц была доказана в работе (Beran, Srivastava, 1985).

Статистика критерия

Для проверки гипотезы о равенстве первых главных компонент используется статистика Вальда:

$$W = \delta^{\top}(\hat{C})^{+}\delta, \qquad (8)$$

где $(\hat{C})^{+}$ – псевдообращение по Муру – Пенроузу матрицы $\hat{C}$, которое необходимо в силу ее вырожденности (ранг матрицы $\hat{C}$ равен $p-1$).

Для $\hat{C}$ возьмем сингулярное разложение $\hat{C} = UGU^{\top}$, где $G = \mathrm{diag}(g_1, \ldots, g_{p-1}, 0)$ – диагональная матрица положительных собственных значений (ранг $p-1$), а U – ортогональная матрица соответствующих собственных векторов. Тогда $\hat{C}^{+} = UG^{+}U^{\top}, G^{+} = \left(g_1^{-1}, \ldots, g_{p-1}^{-1}, 0\right)$.

При справедливости H_0 статистика W асимптотически распределена как $\chi^2(p-1)$ – распределение (см., например, Rao, Mitra, 1971; Moore, 1977):

$$W = \sum_{i=1}^{p} \frac{(u_i^{\top}\delta)^2}{d_i} \;\to^{d}\; \chi^2(p-1). \qquad (9)$$

Отметим, что процедура не требует многомерной нормальности исходных данных.

Диагностика регрессионной модели: устойчивость коэффициента детерминации, прогностическая способность модели, мультиколлинеарность

Связь индекса с объективными региональными характеристиками оценивается линейной регрессией по n регионам. Гомоскедастичность остатков дополнительно проверяется критерием Бройша – Пагана, а нормальность – критерием Харке – Бера.

Устойчивость коэффициента детерминации. Для оценки того, насколько R^2 зависит от конкретного состава регионов, также используется непараметрический бутстрап (Efron, 1979; Efron, Tibshirani, 1993). На каждой из B итераций формируется выборка объёма n с возвращением, переоцениваются параметры модели и вычисляется коэффициент $R^2(b)$. По совокупности значений $\{R^2(b)\}_{b=1}^{B}$ вычисляются среднее $\bar{R}_b^2$, стандартное отклонение $\hat{\sigma}_b$ и 90%-ный доверительный интервал.

Следует иметь в виду, что, поскольку модель оценивается и проверяется на одних и тех же данных, бутстрап-распределение R^2 смещено вверх относительно истинного значения, поэтому интервал следует рассматривать как характеристику разброса, а не как несмещённую оценку.

Прогностическая способность регрессионной модели. Обобщающая способность модели оценивается скользящим контролем с поочерёдным исключением наблюдений (leave-one-out cross-validation, LOO-CV; Hastie et al., 2009). Для каждого региона i модель переоценивается по $n-1$ наблюдениям, после чего строится прогноз $\hat{y}_{(-i)}$ для исключённого региона. По совокупности прогнозов рассчитывается коэффициент детерминации по кросс-валидации:

$$R^2_{LOO} = 1 - \frac{\sum_{i=1}^{n}\left(y_i - \hat{y}_{(-i)}\right)^2}{\sum_{i=1}^{n}(y_i - \bar{y})^2}, \qquad (10)$$

который всегда не превосходит обычный коэффициент детерминации R^2, а их разность $\Delta = (R^2 - R^2_{LOO})$ служит естественной мерой переобучения. Значения Δ, близкие к нулю, говорят о хорошей обобщающей способности регрессионной модели; большие $\Delta > 0{,}1$ о переобучении.

Мультиколлинеарность контролировалась по коэффициентам инфляции дисперсии; порогом серьёзной проблемы принято VIF > 10 (Hair et al., 2010).

Результаты

Уровень распространённости восприятия социально-бытовых проблем в социально-демографических группах

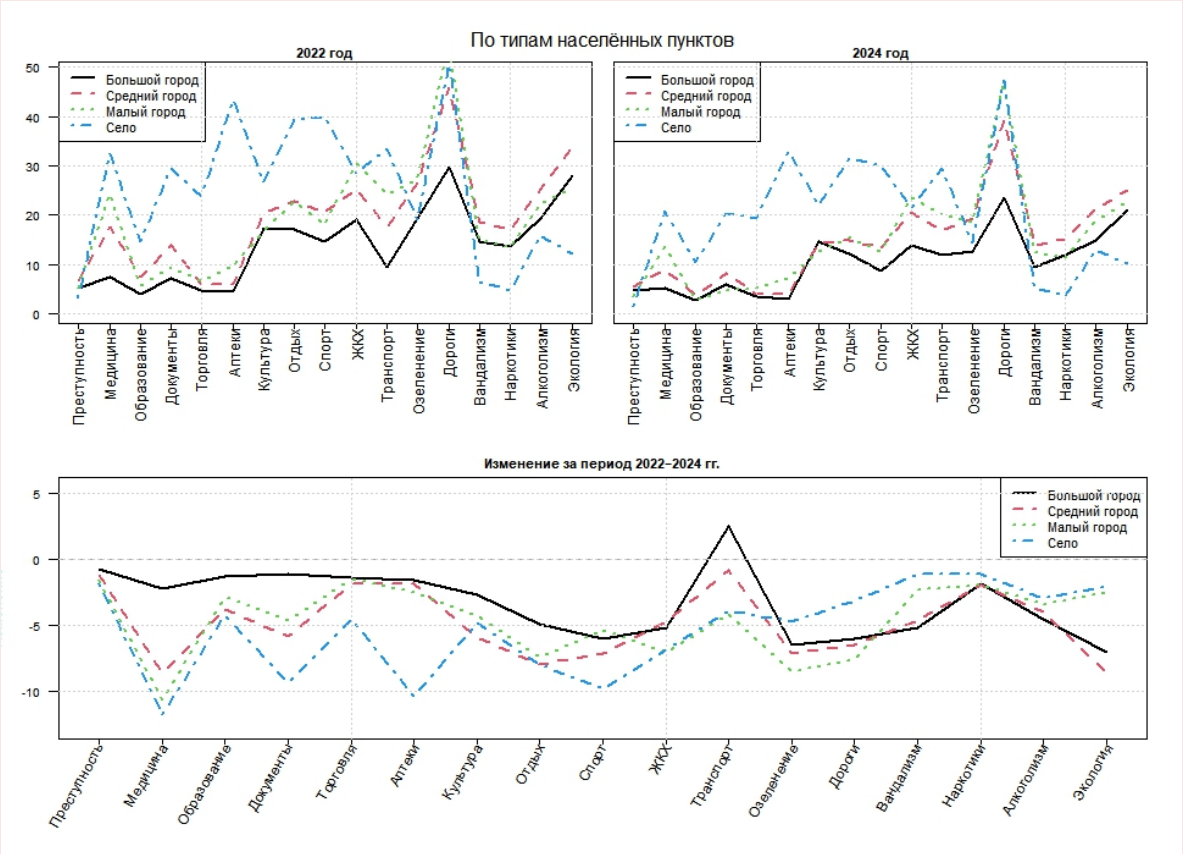
Микроданные КОУЖ позволяют рассмотреть оценки проблем в разрезе возраста, уровня образования и типа населённого пункта (крупный, средний, малый город, село).

Тип населенного пункта. Анализ данных КОУЖ за 2022–2024 гг. выявил устойчивую зависимость уровня восприятия социально-бытовых проблем от размера населенного пункта. По 15 из 17 рассматриваемых проблем доля респондентов, отмечающих их наличие, монотонно растёт при переходе от крупных городов к средним, малым и далее к селу (*рис. 1*).

Наиболее наглядна ситуация с состоянием дорог, самой острой проблемой для всех типов населенных пунктов. В малых городах и сёлах на неё жалуются почти вдвое чаще, чем в крупных городах. Хотя положительная динамика за 2022–2024 гг. зафиксирована почти для всех рассматриваемых проблем, абсолютный разрыв между городом и селом сохраняется.

Единственная проблема, в отношении которой за два года зафиксирован рост распространения восприятия, – общественный транспорт в крупных городах (с 9,4 до 11,9%). Это обратная сторона стягивания населения в агломерации, когда транспортные системы больших городов не успевают за увеличением нагрузки.

Рис. 1. Уровень распространённости восприятия социально-бытовых проблем в населенных пунктах по размеру, % от числа респондентов в соответствующем по размеру населенном пункте



Источник: составлено авторами.

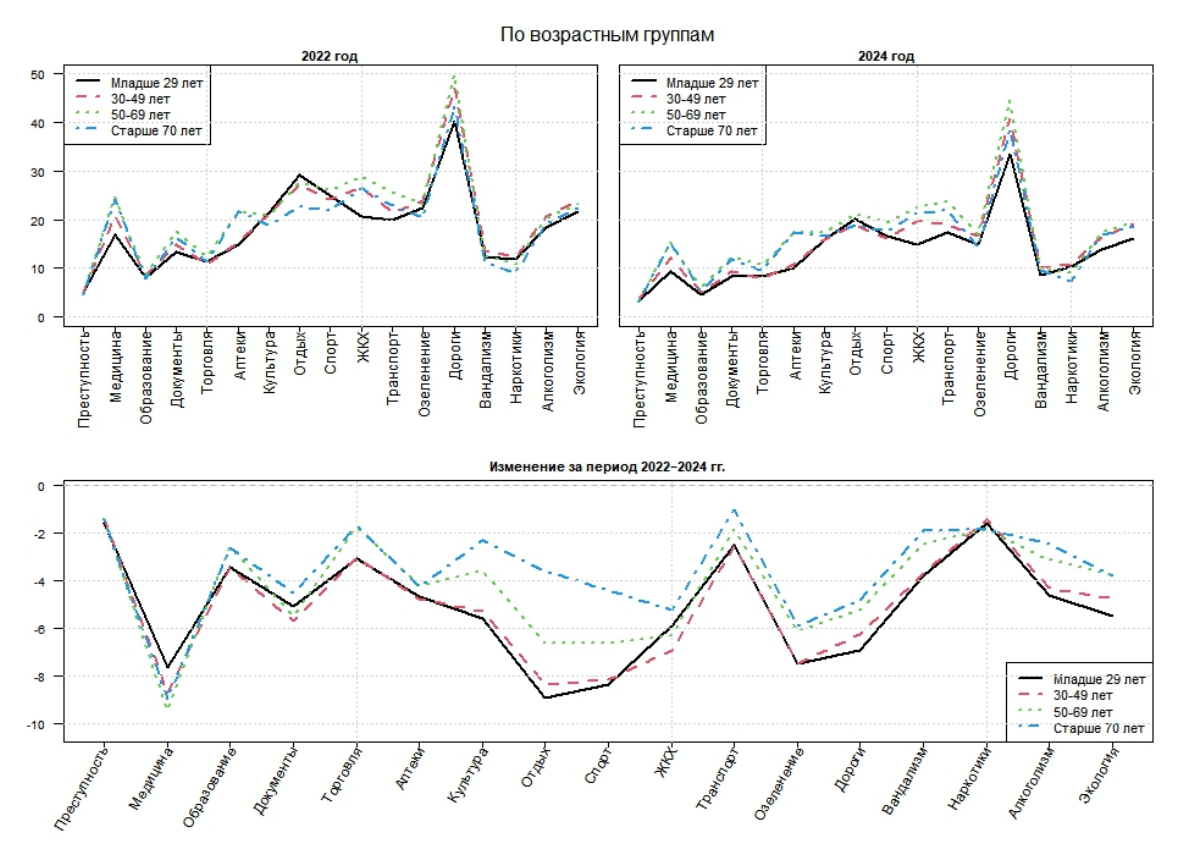
Возрастные группы. Возрастные различия отражают различие жизненных приоритетов. Для респондентов до 29 лет наиболее значимы досуг и отдых; для группы 50–69 лет и старше 70 лет – медицина, аптеки и повседневная инфраструктура. При этом молодёжь демонстрирует наименьшее восприятие проблем, связанных как с повседневным обслуживанием (торговля, аптеки, образование, документы, медицина), так и с коммунально-инфраструктурным блоком (ЖКХ, дороги, благоустройство, транспорт).

В 2022 году доля респондентов, отмечающих наличие проблемы в здравоохранении, варьировала от 17,0% (до 29 лет) до 24,8% (50–69 лет); к 2024 году снижение охватило все возрастные группы, а наибольшим было именно в возрастных группах 50–69 лет (-9,4%) и старше 70 лет (-9,0%; *рис. 2*).

Уровень образования. Респонденты с высшим образованием систематически реже отмечают наличие проблем и с повседневным обслуживанием, и инфраструктурой, чем лица со средним и особенно с неполным образованием, в оба года исследования (*рис. 3*).

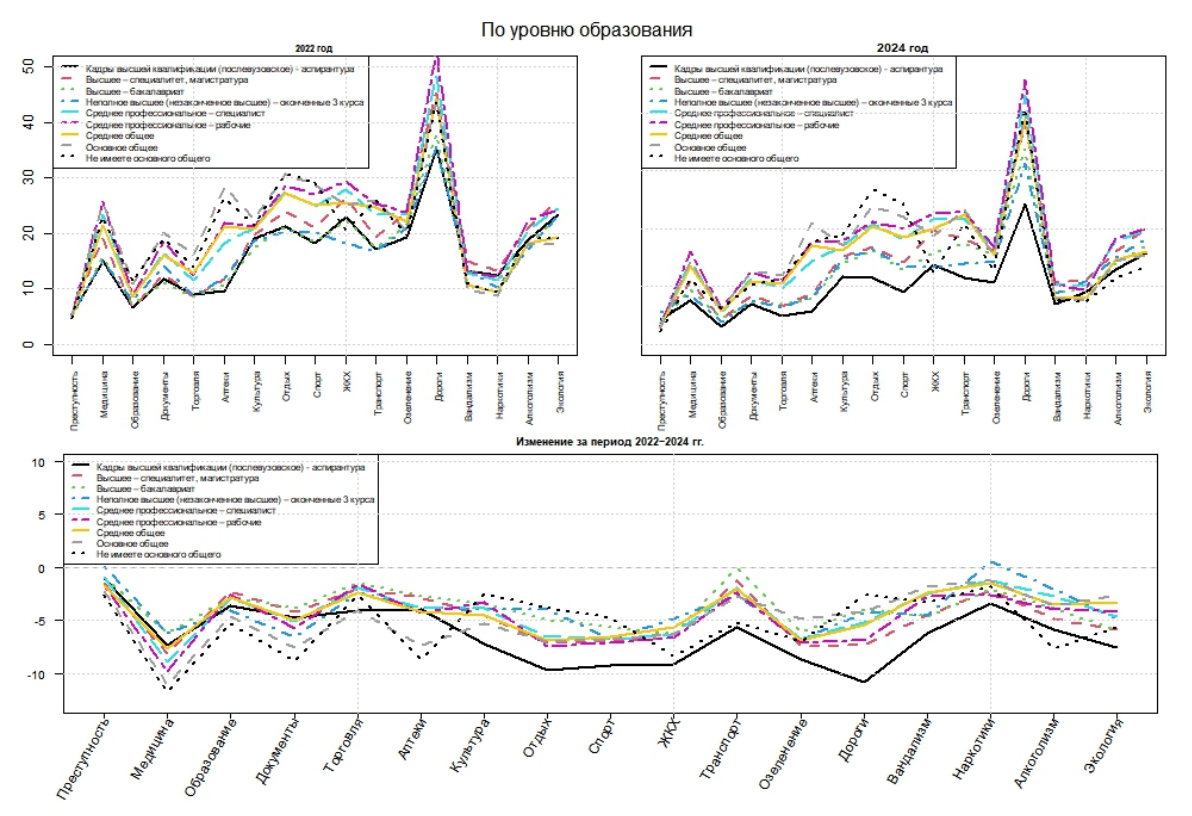
Положительная динамика зафиксирована во всех образовательных категориях. Однако улучшения среди высокообразованных людей оказались меньше. В результате разрыв между образовательными группами сократился по доступности медицины с 11% в 2022 году (15,0% против 25,8%) до 8% в 2024 году (7,6% против 16,0%), аналогично по ЖКХ и транспорту. Сокращение произошло не за счёт «верха», а за счёт подтягивания «низа».

Рис. 2. Уровень распространённости восприятия социально-бытовых проблем для возрастных групп, % от числа респондентов в соответствующей возрастной группе



Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Уровень распространённости восприятия социально-бытовых проблем по уровню образования респондентов, % от числа респондентов в соответствующей образовательной группе



Источник: составлено авторами.

Уровень распространенности восприятия социально-бытовых проблем в регионах РФ

В региональном разрезе мерой остроты проблемы служит доля респондентов, отметивших её наличие, среди опрошенных в данном субъекте РФ. В *таблице 2* приведены средние региональных долей по субъектам РФ, их дисперсии и коэффициенты вариации за 2022 и 2024 гг.

Динамика трёх характеристик различна, и это различие принципиально для интерпретации. Средний уровень восприятия снизился по всем 17 проблемам. Абсолютная межрегиональная дисперсия снизилась по 16 проблемам из 17, то есть в процентных пунктах регионы сблизились. Единственное исключение – общественный транспорт (+17,2%). И это та же проблема, по которой зафиксирован рост восприятия в крупных городах при снижении в остальных типах поселений.

Коэффициент вариации, напротив, вырос по 14 проблемам, по экологии практически не изменился и снизился лишь по двум. Содержательно это означает, что улучшения распределились по территории неравномерно.

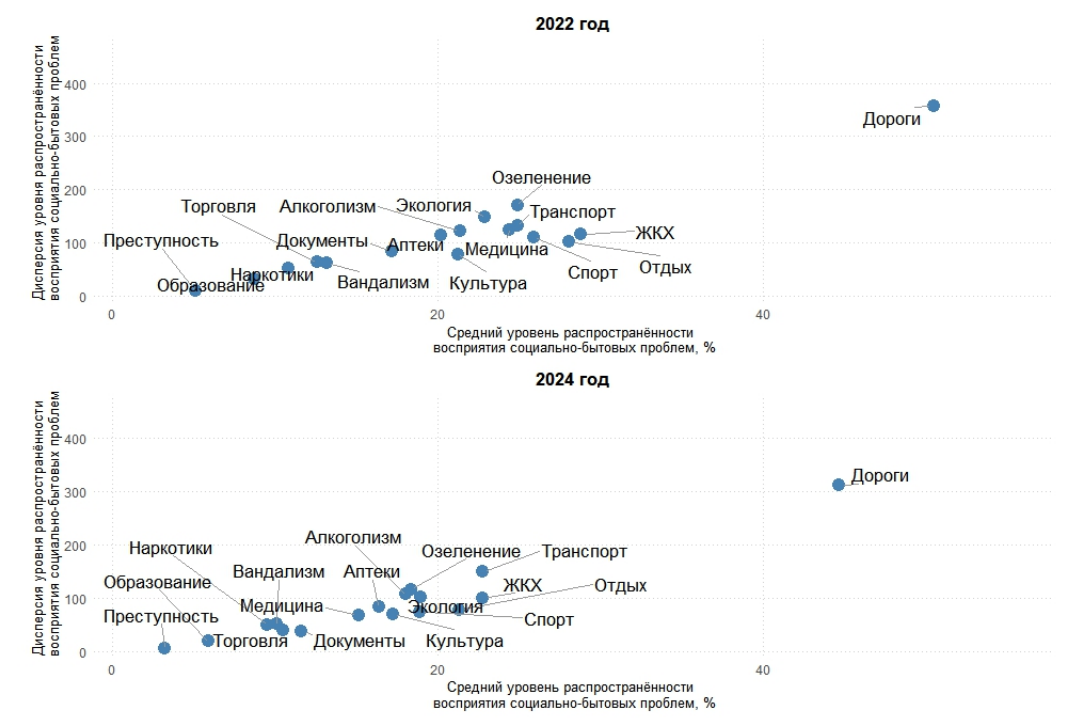
Два исключения – доступ к торговым точкам (-3,55 коэффициента вариации) и получение официальных документов (-1,14). Наиболее правдоподобное объяснение, на наш взгляд, состоит в том, что федеральные торговые сети и портал «Госуслуги» работают примерно одинаково независимо от региона.

На *рисунке 4а* видна положительная связь среднего уровня восприятия проблемы и её абсолютной дисперсии. На *рисунке 4б* связь среднего с коэффициентом вариации, напротив, обратная. Отчасти это свойство самой меры, но у этого есть и содержательная сторона. Редкие проблемы, у которых коэффициент вариации

Таблица 2. Статистические характеристики уровней распространённости восприятия социально-бытовых проблем по регионам РФ

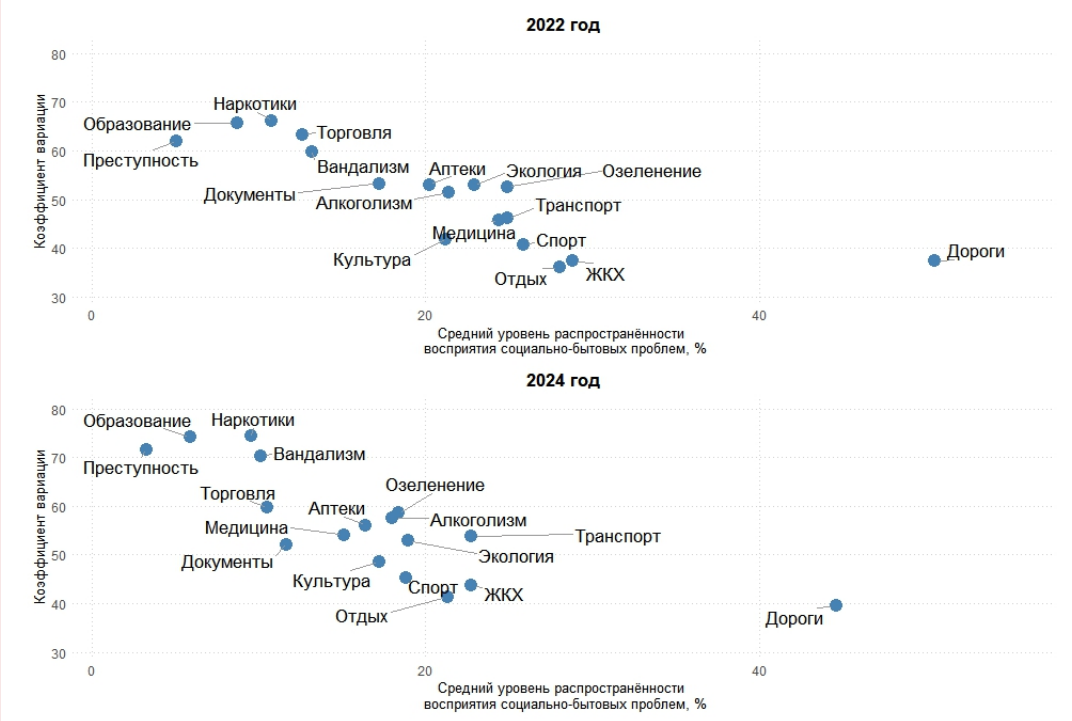
Проблема	Среднее за 2022 г., %	Среднее за 2024 г., %	Изменение среднего за период 2022–2024 гг., %	Дисперсия за 2022 г., %^{2}	Дисперсия за 2024 г., %^{2}	Изменение дисперсии за период 2022–2024 гг., %^{2}	Коэф-т вариации за 2022 г.	Коэф-т вариации за 2024 г.	Изменение коэф-та вариации за 2022–2024 гг.
Дороги	50,50	44,64	-5,86	357,70	311,70	-46,00	37,45	39,55	2,10
ЖКХ	28,82	22,78	-6,03	116,60	99,40	-17,20	37,48	43,76	6,28
Отдых	28,01	21,31	-6,78	102,60	77,50	-25,10	36,07	41,31	5,24
Спорт	25,91	18,87	-7,04	111,10	73,30	-37,80	40,69	45,37	4,68
Транспорт	24,94	22,76	-2,18	133,10	150,30	17,20	46,26	53,86	7,60
Озеленение	24,90	18,41	-6,49	171,30	116,10	-55,20	52,55	58,53	5,98
Медицина	24,41	15,16	-9,25	125,30	67,10	-58,20	45,85	54,06	8,21
Экология	22,92	18,95	-3,97	147,50	100,90	-46,60	52,98	53,01	0,03
Алкоголизм	21,38	18,02	-3,36	121,40	107,10	-14,30	51,55	57,44	5,89
Культура	21,24	17,27	-3,97	79,10	70,20	-8,90	41,89	48,51	6,62
Аптеки	20,23	16,40	-3,83	115,20	84,60	-30,60	53,06	56,10	3,04
Документы	17,22	11,65	-5,57	84,30	36,90	-47,40	53,31	52,17	-1,14
Вандализм	13,19	10,14	-3,05	62,40	50,80	-11,60	59,89	70,32	10,43
Торговля	12,63	10,54	-2,09	64,00	39,70	-24,30	63,33	59,78	-3,55
Наркотики	10,81	9,54	-1,27	51,20	50,20	-1,00	66,21	74,33	8,12
Образование	8,73	5,90	-2,83	32,90	19,01	-13,89	65,69	74,14	8,45
Преступность	5,11	3,27	-1,85	10,01	5,40	-4,61	62,05	71,46	9,41
Источник: составлено авторами.									

Рис. 4а. Средний уровень распространённости восприятия проблемы и коэффициент вариации (абсолютная межрегиональная неоднородность)



Источник: составлено авторами.

Рис. 4б. Средний уровень распространённости восприятия проблемы и коэффициент вариации (относительная межрегиональная неоднородность)



Источник: составлено авторами.

находится в диапазоне 62–74 (преступность, образование, наркомания), остры в немногих регионах и почти отсутствуют в большинстве других, тогда как массовые проблемы (дороги, ЖКХ, отдых; CV 36–44%) повсеместны. Именно это различие определяет, какие проблемы «ведут» интегральный индекс, а какие вносят в него малый вклад.

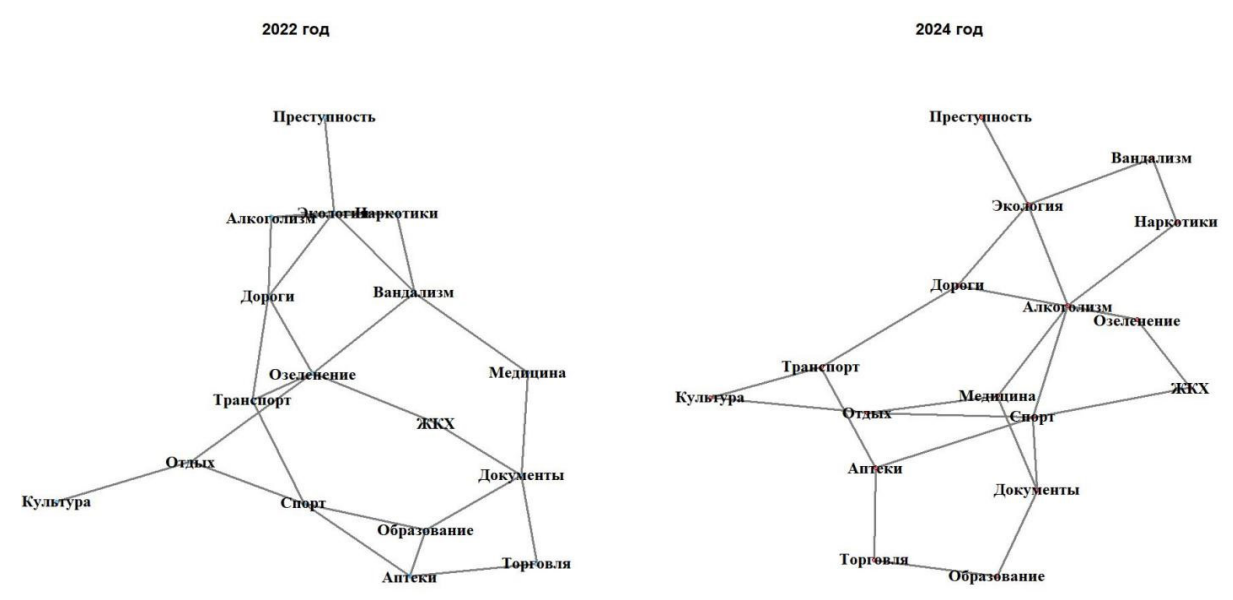
Целостность системы социально-бытовых проблем. Прежде чем агрегировать доли воспринимающих проблемы в субъектах РФ для 17 рассматриваемых социально-бытовых проблем в интегральный показатель, необходимо убедиться, что они образуют целостную (взаимосвязанную в статистическом смысле) систему, а не набор независимых характеристик. Для этого по региональным данным построен граф непосредственных связей (*рис. 5*).

Как видно из рисунка 5, для двух временных срезов (2022 и 2024 гг.) восприятие одной проблемы сопряжено с восприятием других. Это даёт основание считать совокупность проблем целостной системой. В отношении такой целостной системы естественно попытаться найти общий индекс *воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды* (ВПСБС) для регионов России.

Построение индекса ВПСБС. Для этой цели в исследовании был использован компонентный анализ. Как оказалось, первая главная компонента из 17 объясняет более 50% общей дисперсии в оба года, что подчеркивает её высокую информативность. Далее будем интерпретировать первую главную компоненту как *индекс воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды*, отражающий интегральную характеристику всей совокупности проблем, с которыми сталкивается население региона.

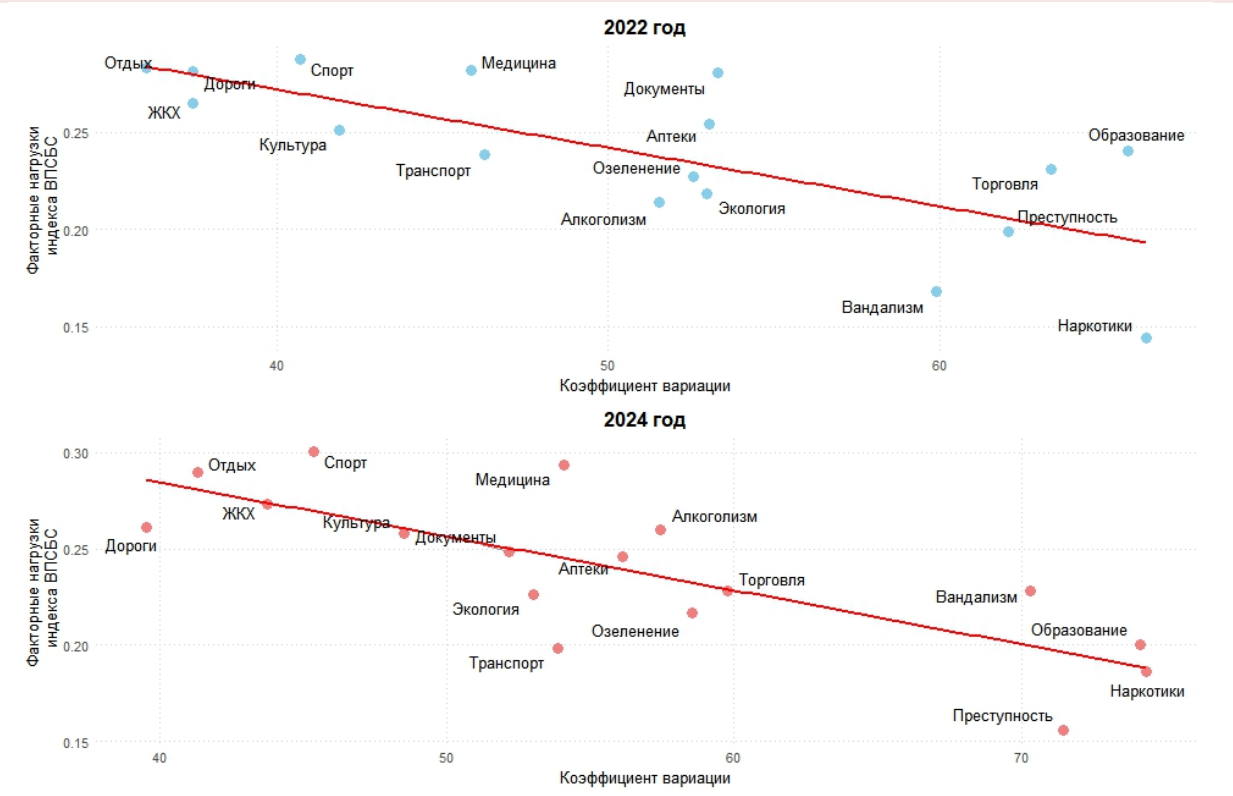
Индекс ВПСБС представляет собой взвешенную сумму всех 17 стандартизованных долей воспринимаемых проблем, причём веса (факторные нагрузки) определяются так, чтобы итоговая линейная комбинация объясняла максимально возможную долю межрегиональной дисперсии. Нулевое значение индекса соответствует среднему российскому региону:

Рис. 5. Граф непосредственных связей для уровней распространённости восприятия социально-бытовых проблем



Источник: составлено авторами.

Рис. 6. Коэффициент вариации долей респондентов, воспринимающих социально-бытовые проблемы, и факторные нагрузки индекса ВПСБС



Источник: составлено авторами.

положительные значения означают, что регион в целом более проблемный, чем средний, отрицательные – более благополучный.

Все факторные нагрузки на первую главную компоненту положительны и лежат в диапазоне 0,14–0,30. Наибольший вклад вносят спорт (0,29–0,30), медицина, отдых, дороги, документы, ЖКХ (0,26–0,29); наименьший – наркомания (0,14–0,19), преступность (0,16–0,20), вандализм (0,17–0,23). На *рисунке 6* показано, что нагрузки убывают с ростом коэффициента вариации. Другими словами, чем большей межрегиональной дифференциацией характеризуется проблема, тем меньше она влияет на общий фактор. Причина в том, что высокая межрегиональная дисперсия редких проблем соответствует по большей части уникальным, специфичным проблемам. Из этого следует, что индекс ВПСБС измеряет прежде всего состояние повседневной среды: инфраструктуры, услуг, ЖКХ. К проблемам социального неблагополучия индекс малочувствителен, и для их мониторинга нужны отдельные инструменты.

Устойчивость структуры индекса ВПСБС. В период 2022–2024 гг. факторные нагрузки изменились незначительно (*табл. 3*). Наиболее заметно выросли нагрузки проблем социального неблагополучия: вандализм (+0,06), алкоголизм (+0,05), наркомания (+0,04) и снизились нагрузки преступности, образования и транспорта (по -0,04).

Косинус угла между векторами нагрузок 2022 и 2024 гг. равен 0,993, что соответствует почти коллинеарности этих векторов. Более формальная статистическая проверка гипотезы о коллинеарности векторов факторных нагрузок на основании теста, описанного в статье ранее, ее не отвергает (тестовая статистика $W = 18,5$, а p-значение для нее 0,3). Значит, различия нагрузок статистически неотличимы от нуля.

Таким образом, второе и третье слагаемые разложения (4) можно считать нулевыми, и изменение индекса региона сводится к изменению самих региональных долей.

Поскольку стандартизация выполнена отдельно для каждого года, ΔI_i характеризует изменение *относительного* положения региона среди остальных, а не абсолютного уровня восприятия проблем.

ВПСБС по регионам РФ. В *таблице 4* приведены десять регионов с наименьшими, а в *таблице 5* – наибольшими значениями индекса воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды за 2022 и 2024 гг.

Семь из десяти регионов с наименьшими значениями индекса ВПСБС в 2022 году остались в десятке и в 2024 году. В этот список входят Москва, Санкт-Петербург, южные регионы

Таблица 3. Факторные нагрузки общего индекса ВПСБС

Проблема	Факторные нагрузки 2022 г.	Факторные нагрузки 2024 г.	Изменение за период 2022–2024 гг.
Преступность	0,20	0,16	-0,04
Медицина	0,28	0,29	0,01
Образование	0,24	0,20	-0,04
Документы	0,28	0,25	-0,03
Торговля	0,23	0,23	0,00
Аптеки	0,25	0,25	-0,01
Культура	0,25	0,26	0,01
Отдых	0,28	0,29	0,01
Спорт	0,29	0,30	0,01
ЖКХ	0,26	0,27	0,01
Транспорт	0,24	0,20	-0,04
Озеленение	0,23	0,22	-0,01
Дороги	0,28	0,26	-0,02
Вандализм	0,17	0,23	0,06
Наркотики	0,14	0,19	0,04
Алкоголизм	0,21	0,26	0,05
Экология	0,22	0,23	0,01
Источник: составлено авторами.			

Таблица 4. Десять регионов с наименьшими значениями индекса ВПСБС

2022 г.	2024 г.
Краснодарский край (-2,72)	Краснодарский край (-3,52)
Калининградская область (-2,85)	Липецкая область (-3,59)
Тюменская область (-3,36)	Республика Хакасия (-3,75)
г. Севастополь (-4,29)	г. Санкт-Петербург (-4,29)
г. Санкт-Петербург (-4,32)	Тюменская область (-4,44)
Белгородская область (-5,25)	г. Севастополь (-4,52)
г. Москва (-5,52)	Белгородская область (-5,31)
Кабардино-Балкарская Республика (-5,72)	г. Москва (-5,64)
Республика Ингушетия (-7,47)	Северная Осетия–Алания (-6,14)
Чеченская Республика (-8,38)	Чеченская Республика (-7,57)
Источник: составлено авторами.	

Таблица 5. Десять регионов с наибольшими значениями индекса ВПСБС

2022 год	2024 год
Амурская область (2,94)	Саратовская область (2,90)
Республика Марий Эл (3,54)	Ивановская область (2,90)
Красноярский край (3,61)	Псковская область (3,32)
Иркутская область (3,71)	Тамбовская область (3,49)
Тверская область (4,04)	Забайкальский край (3,54)
Республика Бурятия (4,41)	Республика Карелия (3,54)
Орловская область (4,44)	Тверская область (3,80)
Астраханская область (5,07)	Еврейский АО (4,97)
Забайкальский край (6,55)	Хабаровский край (6,75)
Республика Тыва (9,12)	Камчатский край (6,77)
Источник: составлено авторами.	

(Краснодарский край, Севастополь, Белгородская область), Тюменская область и республики Северного Кавказа. Перечень регионов с наибольшими значениями индекса ВПСБС, напротив, подвижен. Из десятки с наибольшим индексом ВПСБС за 2022 год в 2024 году удержались лишь Забайкальский край и Тверская область. При этом состав «неблагополучного» полюса не случаен географически. В нём в оба года доминируют регионы Дальнего Востока и Восточной Сибири (Тыва, Забайкалье, Бурятия, Амурская область, Иркутская область в 2022 году; Камчатка, Хабаровский край, Еврейская АО, Забайкалье в 2024 году) и депрессивные области Центральной России, Поволжья и Северо-Запада. Ранговая корреляция Спирмена индексов за два года по всем регионам составляет 0,53.

Связь индекса ВПСБС с объективными региональными характеристиками

Заключительный вопрос – насколько субъективный индекс отражает объективные условия жизни в регионе. Из объективных региональных характеристик с помощью анализа непосредственных связей отобраны четыре, непосредственно связанные с индексом ВПСБС: смертность населения старше трудоспособного возраста на 100 тыс. человек (Mort); удельный вес жилищного фонда, оборудованного всеми видами благоустройства, % (HousEq); доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, % (HLS); ввод жилья в многоквартирных домах на душу населения, м^2/чел. (HousNew). Добавление других показателей ухудшало информационные критерии и повышало дисперсию оценок из-за мультиколлинеарности. Отдельно для каждого года оценивалась модель:

$$I_{\text{i}} = \beta_0 + \beta_1 \cdot Mort_{\text{i}} + \beta_2 \cdot HousEq_{\text{i}} + \\ + \beta_3 \cdot HLS_{\text{i}} + \beta_4 \cdot HousNew_{\text{i}} + \varepsilon_{\text{i}}, \quad (11)$$

где I_{i} – значение индекса ВПСБС для i-го региона.

Так как в регрессии (13) используемые объясняющие переменные измеряются в разных единицах, то для сопоставления относительной силы влияния факторов оцениваются стандартизованные β-коэффициенты (*табл. 6*).

Модель (13) удовлетворяет всем диагностическим требованиям (табл. 7). Знаки коэффициентов одинаковы в оба года и содержательно ожидаемы. В регионах с более высокой смертностью населения старших возрастов люди чаще фиксируют проблемность среды проживания; благоустроенный жилищный фонд, распространённость здорового образа жизни и активное жилищное строительство, напротив, сопряжены с меньшим восприятием проблем. Совпадает и ранжирование факторов по силе: смертность – благоустройство – здоровый образ жизни – ввод жилья. Смертность остаётся самой сильной объясняющей переменной в оба года.

Вместе с тем объясняющая способность модели существенно снизилась: ΔR^2 = -0,19, ΔR^2_{LOO} = -0,22. Стандартные ошибки в 2024 году выросли на четверть-треть, два коэффициента из четырёх потеряли значимость на уровне 5% (оставаясь значимыми на уровне 10%). При неизменной спецификации это указывает на снижение доли межрегиональной дисперсии индекса, объясняемой объективными характеристиками.

Обсуждение

Главный содержательный итог работы состоит в том, что агрегированные субъективные оценки населения в регионах РФ действительно «схватывают» объективные различия между регионами, что согласуется с выводами исследования для штатов США (Oswald, Wu, 2010).

Особенно показательна роль смертности в старших возрастах. Мы трактуем её не как узкомедицинскую характеристику, а как интегральный барометр качества социальной среды, поскольку считаем, что этот показатель отражает совокупное влияние условий жизни. Такая трактовка находит подтверждение в работах российских исследователей (Воронин, 2021; Назарова, 2012; Назарова и др., 2024). Связь субъективного благополучия со здоровьем населения устойчиво воспроизводится и в межстрановых данных (Deaton, 2008).

Таблица 6. Стандартизованные коэффициенты модели (13) для ВПСБС, 2022 и 2024 гг.

Объясняющая переменная	Оценка 2022	Ст. ошибка	p-знач.	Оценка 2024	Ст. ошибка	p-знач.
Mort – смертность населения старше трудоспособного возраста, на 100 тыс. чел.	0,402***	0,077	<0,001	0,325**	0,101	0,002
HousEq – благоустройство жилищного фонда, %	-0,338***	0,082	<0,001	-0,246*	0,104	0,021
HLS – доля людей, ведущих здоровый образ жизни, %	-0,244**	0,079	0,003	-0,224.	0,114	0,053
HousNew – ввод жилья в МКД, м²/чел.	-0,193*	0,077	0,014	-0,196.	0,103	0,062
Значимость: *** p < 0,001; ** p < 0,01; * p < 0,05; . p < 0,10. Источник: расчёты авторов на основе данных КОУЖ 2022, КОУЖ 2024; Росстат (2023). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб.; Росстат (2025). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат. сб.						

Таблица 7. Диагностика регрессионной модели (10) по данным за 2022 и 2024 гг.

Показатель	2022 г.	2024 г.
R^2	0,6262	0,4353
ΔR^2_{LOO}	0,5696	0,354
Бутстрап R^2	[0,504; 0,739]	[0,356; 0,609]
Тест Бройша – Пагана	Гомоскедастичность	Гомоскедастичность
Тест Харке – Бера	Нормальность	Нормальность
Максимальный коэффициент инфляции дисперсии VIF	1,30 отсутствие мультиколлинеарности	1,42 отсутствие мультиколлинеарности
Источник: составлено авторами.		

Три остальных фактора (благоустройство жилья, здоровый образ жизни и жилищное строительство) интересны тем, что два из них характеризуют накопленный «запас» среды (качество жилищного фонда и здоровье населения), а третий – её видимое обновление. Похоже, что для субъективной оценки важно не только состояние, но и динамика: там, где строят, люди склонны оценивать среду лучше при прочих равных.

Также требует интерпретации и падение R^2 с 0,63 до 0,44 при близости регрессионных коэффициентов объясняющих переменных. Поскольку наблюдается снижение среднего уровня недовольства при росте межрегиональной дифференциации, то это может означать, что в данных стало больше «шума», который не объясняется объективными показателями. Относительно межрегиональной дифференциации отметим также устойчивость «благополучного» полюса и неустойчивость «неблагополучного» (см. табл. 4, 5). Благополучие регионов-лидеров, судя по всему, структурно закреплено.

Выводы

В работе предложен индекс воспринимаемой проблемности социально-бытовой среды для субъектов РФ, построенный с использованием микроданных КОУЖ 2022 и 2024 гг. – обследования, уникального по объёму выборки и детальности блока о проблемах места проживания, но до сих пор мало использовавшегося для регионального анализа. Методологический вклад состоит в применении аппарата непосредственных связей для обоснования того, что интенсивность различных рассматриваемых проблем допускает агрегирование, и в процедуре формальной проверки сопоставимости индекса во времени – проверки гипотезы о совпадении первых главных компонент для зависимых выборок. Насколько нам известно, при построении интегральных индикаторов с использованием компонентного анализа такая проверка обычно не проводится, хотя без неё динамика индекса не интерпретируема.

Сформулируем основные выводы исследования:

1) за 2022–2024 гг. доля респондентов, называющих проблему мешающей нормальной жизни, снизилась по всем 17 позициям (от -1,4% для преступности до -8,9% для доступности медицины), при этом иерархия проблем не изменилась, на первом месте остается проблема, связанная с дорогами;

2) восприятие проблем среды монотонно растёт по мере уменьшения размера населённого пункта по 15 из 17 проблем. Однако за 2022–2024 гг. распространённость восприятия проблем снизилась, кроме доступности общественного транспорта в крупных городах; снижение меньше в крупных городах в сравнении другими типами населенных пунктов, что способствует сокращению разрыва;

3) возрастные группы различаются приоритетами (досуг у молодых, медицина и инфраструктура у старших);

4) образовательные группы различаются уровнем восприятия социально-бытовых проблем; разрыв между образовательными группами сокращается за счёт более значительного снижения восприятия социально-бытовых проблем менее образованными респондентами;

5) на региональном уровне снижение среднего уровня восприятия проблем сопровождалось сокращением абсолютной межрегиональной дисперсии по 16 из 17 проблем, но ростом относительной неоднородности (коэффициента вариации) по 14 из них; выравнивание и в относительном выражении зафиксировано лишь по доступу к торговым точкам и получению документов;

6) совокупность 17 проблем образует систему непосредственных связей в 2022 и 2024 гг., что обосновывает построение интегрального индикатора; первая главная компонента объясняет более половины общей дисперсии; наибольшие нагрузки имеют повсеместные проблемы среды (спорт, медицина, отдых, дороги, ЖКХ), наименьшие – редкие проблемы социального неблагополучия (наркомания, преступность, вандализм), которым нужны отдельные инструменты мониторинга;

7) структура индекса ВПСБС статистически неизменна, поэтому изменения индекса ВПСБС за период отражают изменение оценок населения, а не весов, и значения индекса за разные годы можно сравнивать напрямую;

8) нижняя часть распределения индекса ВПСБС (столицы, южные регионы, республики Северного Кавказа) устойчива – семь регионов из десяти сохранили позиции; верхний полюс (Дальний Восток, Восточная Сибирь, депрессивные области Центра и Поволжья) неустойчив – в десятке остались лишь два региона;

9) индекс ВПСБС устойчиво связан с четырьмя объективными региональными характеристиками: положительно – со смертностью населения старше трудоспособного возраста, отрицательно – с благоустройством жилищного фонда, распространённостью здорового образа жизни и вводом жилья в многоквартирных домах. Влияние этих факторов в 2022 и 2024 гг. изменилось незначительно.

Практическое значение результатов сводится к простому тезису: обнадёживающие средние по стране скрывают растущий разброс, и оценивать эффективность региональной политики следует по распределению, а не по среднему. Индекс ВПСБС может служить инструментом мониторинга для сопоставления регионов, отслеживания их относительной динамики и выявления территорий и сфер, где положительные изменения пока людьми не ощущаются.

Литература

Айвазян С.А. (2003). Эмпирический анализ синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. Т. 39. № 3. С. 19–53.

Айвазян С.А. (2012). Анализ качества и образа жизни населения. Москва: Наука. 432 с.

Андреенкова А.В. (2010). Сравнительный анализ удовлетворённости жизнью и определяющих её факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (99). С. 189–215.

Воронин Г.Л. (2021). Смертность как социальная проблема: 2001–2017 гг. // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 189–208.

Гаврилец Ю.Н., Клименко К.В., Кудров А.В. (2016). Статистический анализ факторов социальной напряжённости в России // Экономика и математические методы. Т. 52. № 1. С. 45–66.

Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В. (2022). Статистический анализ и моделирование взаимосвязи региональной экономики и науки // Экономика и математические методы. Т. 58. № 4. С. 56–70.

Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики. 160 с.

Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. (2015). Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. № 12. С. 120–132.

Коломак Е.А. (2010). Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. № 1. С. 26–35.

Назарова И.Б. (2012) Здоровье в представлении жителей России // Общественные науки и современность. № 2. С. 92–102.

Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. (2024). Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 174–189.

Римашевская Н.М. (2002). Социальные последствия экономических трансформаций в России // Народонаселение. № 4. С. 5–22.

Римашевская Н.М. (2010). Человек и реформы. Новый социальный контекст. Москва: Наука. 320 с.

Степанов В.С., Бобков В.Н., Шамаева Е.Ф., Одинцова Е.В. (2022). Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 450–465.

Anderson T.W. (1963). Asymptotic theory for principal component analysis. *Annals of Mathematical Statistics*, 34(1), 122–148.

Andrews F.M., Withey S.B. (1976). *Social Indicators of Well-Being: Americans' Perceptions of Life Quality.* New York: Plenum Press.

Beran R., Srivastava M.S. (1985). Bootstrap tests and confidence regions for functions of a covariance matrix. *Annals of Statistics*, 13(1), 95–115.

Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. (1976). *The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions.* New York: Russell Sage Foundation.

Deaton A. (2008). Income, health, and well-being around the world: Evidence from the Gallup World Poll. *Journal of Economic Perspectives*, 22(2), 53–72.

Diener E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575.

Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125(2), 276–302.

Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: David P.A., Reder M.W. (Eds). *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz.* New York: Academic Press.

Efron B. (1979). Bootstrap methods: Another look at the jackknife. *Annals of Statistics*, 7(1), 1–26.

Efron B., Tibshirani R.J. (1993). *An Introduction to the Bootstrap*. New York: Chapman & Hall.

Frey B.S., Stutzer A. (2002). What can economists learn from happiness research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402–435.

Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E. (2010). *Multivariate Data Analysis. 7th ed.* Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice Hall.

Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. (2009). *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. 2nd ed.* New York: Springer.

Kahneman D., Krueger A.B. (2006). Developments in the measurement of subjective well-being. *Journal of Economic Perspectives*, 20(1), 3–24.

Layard R. (2005). *Happiness: Lessons from a New Science*. London: Allen Lane.

Marmot M. (2005). Social determinants of health inequalities. *The Lancet*, 365(9464), 1099–1104.

Moore D.S. (1977). Generalized inverses, Wald's method, and the construction of chi-squared tests of fit. *Journal of the American Statistical Association*, 72(357), 131–137.

Oswald A.J., Wu S. (2010). Objective confirmation of subjective measures of human well-being: Evidence from the U.S.A. *Science*, 327(5965), 576–579.

Rao C.R., Mitra S.K. (1971). *Generalized Inverse of Matrices and Its Applications.* New York: Wiley.

Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress.* Paris.

Veenhoven R. (2002). Why social policy needs subjective indicators. *Social Indicators Researc*h, 58(1-3), 33–45.

Сведения об авторах

Юрий Николаевич Гаврилец – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: yurkag@mail.ru)

Александр Владимирович Кудров – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: kovlal@inbox.ru)

Ираида Васильевна Тараканова – научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: yurkag@mail.ru)

Gavrilets Yu.N., Kudrov A.V., Tarakanova I.V.

Regional and Socio-Demographic Differences in the Perception of Social and Everyday Problems and Their Relationship with Objective Regional Characteristics

Abstract. Quality of life is usually measured through what the population has at its disposal: income, consumption, and access to services. This study takes the reverse approach: the living environment is assessed through what residents themselves believe prevents them from living normally. The study aims to construct an index of perceived problem severity of the social and living environment for the constituent entities of the Russian Federation, to test the stability of its structure over time, and to identify the objective regional characteristics with which it is associated. The study draws on microdata from Rosstat's Comprehensive Survey of Living Conditions (CSLC) for 2022 and 2024 (about 100,000 respondents in each wave) on 17 social and everyday problems. The perception of these problems is examined across socio-demographic groups and regions. Between 2022 and 2024, the share of respondents reporting the presence of a problem declined for all 17 items; however, gaps between some respondent groups did not narrow. At the regional level, absolute interregional variance decreased for 16 problems, whereas relative heterogeneity (coefficient of variation) increased for most of them, meaning that improvements were distributed unevenly across the territory. An analysis of direct associations shows that the 17 problems form an interconnected system. This justifies aggregating them into a single index based on principal component analysis. A procedure is proposed for testing the hypothesis that the first principal components are equal across the two years for dependent samples (the same regions), based on the paired bootstrap and the Wald statistic; the hypothesis is not rejected, so index values are directly comparable across years. Regression analysis revealed a stable relationship between the index of perceived problem severity of the social and living environment and four objective regional characteristics: mortality among the population above working age, housing stock improvement, prevalence of a healthy lifestyle, and housing commissioned in apartment buildings. The explanatory power of the regression of the index on these factors declined noticeably by 2024, which is interpreted as an increasing role of factors not reflected in official statistics.

Key words: quality of life, social and everyday problems, subjective assessments, regions of Russia, CSLC, direct associations, principal component analysis, integral indicator, regional differentiation.

Information about the Authors

Yuriy N. Gavrilets – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, head of laboratory, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: yurkag@mail.ru)

Aleksandr V. Kudrov – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: kovlal@inbox.ru)

Iraida V. Tarakanova – Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: yurkag@mail.ru)

Статья поступила 04.09.2025.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.15
УДК 316.3:316.334, ББК 60.56
© Шубат О.М., Кобец И.В., Харитонов К.А.

Риски нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости в российских регионах



Оксана Михайловна
ШУБАТ
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: o.m.shubat@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-0929-8144; ResearcherID: M-7443-2013



Ирина Викторовна
КОБЕЦ
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: i.v.kobets@urfu.ru
ORCID: 0009-0002-6284-7015



Кирилл Александрович
ХАРИТОНОВ
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: k.a.kharitonov@urfu.ru
ORCID: 0009-0007-3823-9606

Для цитирования: Шубат О.М., Кобец И.В., Харитонов К.А. (2026). Риски нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости в российских регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 289–304. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.15

For citation: Shubat O.M., Kobets I.V., Kharitonov K.A. (2026). Risks of non-dissemination of corporate practices to support fertility in Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecas*t, 19(5), 289–304. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.15

Аннотация. Негативные демографические тренды, характерные для России, и усугубление ситуации на рынке труда потребовали от государства усиления мер демографической политики, а также разработки новых подходов к её реализации. Одним из таких подходов является активное вовлечение бизнеса в поддержку и стимулирование рождаемости, распространение идей и принципов корпоративной гражданственности в демографической сфере. Цель исследования – определение и классификация рисков нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости. Исследование базировалось на последовательном смешанном дизайне. Качественный этап был направлен на выявление и интерпретацию рисков, количественный этап обеспечивал эмпирическую проверку и оценку распространённости выявленных тенденций. Эмпирическую основу первого этапа составили полуструктурированные интервью с представителями органов власти, работодателями и работниками. Количественный этап исследования базировался на данных социологического опроса работающего населения репродуктивного возраста. Исследования проводились в трёх федеральных округах РФ. В ходе работы были выявлены риски нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости и предложена их классификация – выделены группы рисков, различающиеся по субъектам возникновения (органы государственной власти, работодатели и работники), содержательным характеристикам и механизмам формирования. Классификация выступает основой для реализации последующих этапов управления рисками нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости – их анализа и оценки, разработки стратегий и мер реагирования, внедрения разработанных мероприятий, последующего мониторинга и контроля ситуации. Полученные результаты развивают теоретико-методологические основы анализа и оценки эффективности корпоративной социальной ответственности, задают новый вектор развития теории рисков и риск-менеджмента применительно к демографической сфере, позволяя нивелировать барьеры на пути масштабирования востребованных сегодня направлений активности российского бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика, корпоративная поддержка рождаемости, корпоративная гражданственность, риски нераспространения, глубинные интервью, российские регионы.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, https://rscf.ru/project/24-18-00854/

Введение

В настоящее время Россия сталкивается с серьёзными демографическими вызовами: начиная с 2015 года в стране снижается суммарный коэффициент рождаемости[1], после 2020 года наблюдается убыль населения[2]. Негативные тенденции в демографической сфере страны потребовали от государства усиления мер демографической политики, а также разработки новых подходов к её реализации. Одним из таких подходов является активное вовлечение российского бизнеса в поддержку рождаемости и многодетности. 18 февраля 2026 года на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов Президент В.В. Путин указал на важнейшую роль работодателей в реализации демографической политики, их возможность создавать дополнительные стимулы для работающих родителей строить большую, многодетную семью[3].

[1] Суммарный коэффициент рождаемости: данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 15.05.2026).

[2] Численность населения: данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/popul_1897+.xlsx (дата обращения: 13.05.2026).

[3] Заседание наблюдательного совета АСИ // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79179 (дата обращения: 17.05.2026).

Повестка участия бизнеса в решении стратегических национальных задач в последние годы стремительно институционализируется. Так, начиная с 2023 года по поручению Президента РФ внедряется национальный ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса[4], оценивающий уровень социальной ответственности компаний – первый из национальных рейтингов, в котором сделан особый акцент на вкладе компаний в демографическое развитие страны и социальное инвестирование в регионах присутствия. С 2024 года также по поручению Президента РФ внедряется специализированный КПД-рейтинг (рейтинг корпоративной поддержки демографии), ориентированный на оценку вклада бизнеса в демографическую и семейную политику[5].

Важно, что повестка включения предпринимательства в демографическую проблематику актуализируется и в самой бизнес-среде. Основной драйвер такого включения – усиливающийся дефицит кадров и кадровый голод, проявляющиеся в самых разных секторах экономики (Корнеева и др., 2026; Нефедова и др., 2026; Плешков, Козлова, 2026). Вопросы вовлечения бизнеса в поддержку рождаемости и многодетности сотрудников обсуждаются на важнейших бизнес-площадках. Так, например, на Санкт-Петербургском экономическом форуме такие вопросы обсуждались ещё в 2023 году – в рамках форума проходила сессия «Будут люди – будет бизнес: стратегическая мотивация для частных инвестиций в демографию»[6]. В деловой программе Санкт-Петербургского экономического форума 2026 года было заявлено уже три секции, в рамках которых обсуждались вопросы включения бизнеса в демографическую проблематику[7].

Научный дискурс о вовлечении предпринимательства в решение стратегических национальных задач в последние годы развивается особенно активно. В научных исследованиях реализуемые предприятиями программы поддержки рождаемости и детности работников часто определяются как корпоративная демографическая политика (Ростовская и др., 2021; Тонких и др., 2024; Радишевская, 2025), а морально-этические, ценностные основания такой деятельности рассматриваются на базе концепции корпоративной гражданственности в демографической сфере (Багирова, 2025; Мехова и др., 2025; Шубат, Радишевская, 2025; Вавилова, Низковская, 2026). При этом под корпоративной гражданственностью понимается совокупность ценностных установок представителей бизнес-структур, позволяющих идентифицировать их в качестве корпоративных граждан, проявляющих социальную солидарность, готовность к активному участию в жизни общества, к решению наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается страна, и несущих ответственность не только за экономическое, социальное, экологическое, но и демографическое развитие территории ведения бизнеса (Шубат и др., 2026). В исследованиях раскрываются различные положительные эффекты от реализации компаниями принципов корпоративной гражданственности. Зарубежные авторы показывают её положительное влияние на рыночную стоимость компании (Camoletto et al., 2024), стоимость заёмного капитала и выплату дивидендов (Ampofo Akwasi, Barkhi, 2024), благотворное влияние на приверженность сотрудников (Gulati, Shankar, 2025) и удовлетворённость работой (Lin, Liu, 2019), позитивное воздействие на имидж компании (Gulati, Diwan, 2024) и ряд других преимуществ.

Российские исследователи отмечают, что на сегодняшний день реальная активность предпринимательства в этой сфере остаётся невысокой, а сложившаяся в российских организациях система мер корпоративной демографической политики не является устойчивой и масштабной (Багирова и др., 2024). Наиболее распространёнными корпоративными мерами являются выплаты при рождении детей, дополнительные выходные дни по семейным обстоятельствам, корпоративные мероприятия

[4] ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса. URL: https://экг-рейтинг.рф/ (дата обращения: 16.05.2026).

[5] КПД-рейтинг (корпоративная поддержка демографии). URL: https://кпд-рейтинг.рф/ (дата обращения: 15.05.2026).

[6] О форуме ПМЭФ // Фонд Росконгресс. URL: https://roscongress.ru/events/spief-2023/about/ (дата обращения: 07.06.2026).

[7] Петербургский международный экономический форум – 2026 // Фонд Росконгресс. URL: https://forum-spb.ru/ (дата обращения: 07.06.2026).

и материальная помощь на детей сотрудников (Kobets, Vasojević, 2025). Такое положение дел ставит научную и практическую проблему выявления и преодоления барьеров для масштабирования корпоративных практик поддержки рождаемости и в целом принципов корпоративной гражданственности. В научном дискурсе такая проблематика недостаточно разработана. В этом ключе, вероятно, целесообразно говорить о необходимости определения так называемых рисков нераспространения позитивных идей, практик, опыта. Заметим, что термин «риски нераспространения позитивного опыта» (или – «риски непереноса положительного опыта») не является строго закреплённым в теории риск-менеджмента, однако широко используется в научных и прикладных исследованиях в самых разных сферах – менеджменте, проектном управлении, педагогике, социологии и корпоративном развитии (Godwin, Schroedel, 2000; van der Heiden, Strebel, 2012; Asif et al., 2023; Haupt, 2023).

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и классификации рисков нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости. Формирование комплексного и системного представления о таких рисках имеет теоретическую и практическую значимость: полученные результаты развивают теоретико-методологические основы анализа и оценки эффективности корпоративной социальной ответственности, позволяя нивелировать барьеры на пути масштабирования востребованных сегодня направлений активности российского бизнеса.

Методология исследования

Исследование базировалось на последовательном смешанном дизайне (по классификации Д. Моргана (Morgan, 2014)), предполагающем выстраивание цепочки преемственности между данными – от результатов качественного этапа к результатам количественного этапа. Качественный этап был направлен на выявление и интерпретацию рисков нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости, тогда как количественный этап обеспечивал эмпирическую проверку и оценку распространённости выявленных тенденций.

Эмпирическую основу первого этапа составили полуструктурированные экспертные интервью, проведённые научным коллективом в рамках исследовательского проекта при поддержке Российского научного фонда[8] с представителями органов государственной власти, работодателями и работниками в 2025 году. Исследование охватывало представителей трёх федеральных округов: Сибирского, Северо-Западного и Уральского. Анализ интервью осуществлялся с использованием тематического анализа и элементов осевого кодирования, что позволило выделить и систематизировать ключевые группы рисков нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости на основе содержательной взаимосвязи и повторяемости высказываний респондентов.

В работе использован принцип целевого отбора с обеспечением максимального разнообразия выборки. Для группы представителей органов государственной власти (n = 9) критерием включения послужил руководящий или экспертный статус информантов в профильных органах исполнительной власти, курирующих вопросы демографической политики, поддержки семьи, материнства и детства. В группу работодателей вошли 60 информантов, представляющих организации частного сектора. Критериями отбора выступили масштаб бизнеса и наличие мер корпоративной поддержки. В общей сложности выборка включила 24 представителя малого бизнеса, 23 – среднего и 13 – крупного. Среди информантов преобладали руководители организаций и структурных подразделений, собственники бизнеса, а также специалисты, отвечающие за кадровую и социальную политику организаций. В группу работников были включены 60 респондентов. Критериями для них стали пол, наличие детей, фертильный возраст и размер компании. Гендерная структура выборки сбалансирована: в каждом округе представлено по 10 мужчин и 10 женщин. В целях сопоставимости семейно-демографических характеристик в каждом фе-

[8] Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного российским научным фондом, «Корпоративная гражданственность как институт поддержки российской пронаталистской политики: ресурсы и механизмы формирования, трансформация и масштабирование практик реализации, оценки и прогнозы потенциальных эффектов». URL: https://rscf.ru/project/24-18-00854/

деральном округе в выборку включено по 10 работников, не имеющих детей. Многодетные родители представлены в ограниченном количестве – 4 информанта во всей выборке.

Гайд интервью для представителей органов власти строился на проблемно-ориентированной логике: отправной точкой служила общая оценка региональной демографической ситуации, затем анализировались действующие меры государственной поддержки рождаемости, далее обсуждались роль и потенциал бизнеса в решении демографических проблем, а завершающим этапом становился сбор предложений по совершенствованию региональной политики. Интервью с работником, напротив, выстраивалось по комбинированному сценарию: вначале оценивались условия труда, затем методом перечисления проверялась информированность респондента о корпоративных мерах поддержки семей, после чего фокус смещался на восприятие этих мер и их влияние на репродуктивные установки, а завершалось обсуждение оценкой роли государства и бизнеса в поддержке рождаемости. В интервью с работодателями логика была иной – последовательный переход от сбора общих данных о компании и диагностики применяемых мер поддержки к анализу их восприятия сотрудниками и воздействия на лояльность, после чего следовала оценка внешних государственных стимулов и готовности бизнеса к развитию корпоративной демографической политики.

Количественный этап исследования базировался на данных социологического опроса «Корпоративные демографические политики как инструмент повышения рождаемости: взгляд работающего населения»[9], проведённого в 2024 году в онлайн-формате в рамках того же научного проекта при поддержке Российского научного фонда. Опрос охватывал работающее население Сибирского, Уральского и Северо-Западного федеральных округов. В каждом из трёх федеральных округов, представленных пятью субъектами РФ, была сформирована квотная выборка, при этом квоты задавались по трём параметрам: численность населения репродуктивного возраста в регионе (18–49 лет), пол и наличие у респондента детей. Общий объём выборки составил 2520 респондентов.

Обработка и анализ количественных данных осуществлялись с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 24.

Дополнительно в рамках количественного этапа использовались данные открытых социологических и статистических ресурсов, включая результаты опросов ВЦИОМ, данные Росстата, а также материалы отдельных российских аналитических и исследовательских платформ.

Поскольку эмпирическую базу работы составили данные интервью и анкетного опроса, проведённых в отдельных регионах и федеральных округах России, полученные нами результаты и сделанные на их основе выводы в большей степени относятся к региональному контексту. Таким образом, в настоящей статье мы говорим об угрозах и рисках нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости в российских регионах.

В процессе выявления и систематизации рисков мы исходили из теоретической предпосылки о возможности выделения нескольких региональных субъектов, генерирующих (или – обладающих потенциалом генерировать) эти риски. К таким субъектам мы отнесли органы региональной власти, собственно работодателей, а также самих работников.

Результаты исследования

Проведённый анализ позволил выделить риски нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости (далее – КППР), различающиеся по содержательным характеристикам и механизмам формирования. Выявленные риски были классифицированы в зависимости от субъекта их генерации – выделены группы рисков, генерируемые органами власти, работодателями и работниками. При этом часть рисков носила внутренний характер и была связана с собственными ограничениями акторов, тогда как другая часть формировалась

[9] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024626043 Российская Федерация. База данных социологического исследования «Корпоративные демографические политики как инструмент повышения рождаемости: взгляд работающего населения»: № 2024625824: заявл. 30.11.2024: опубл. 16.12.2024; заявитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76384860 (дата обращения: 13.02.2026).

под влиянием действий или бездействия других участников взаимодействия. Классификация рисков нераспространения КППР дана в *таблице 1*.

Представим описание каждого риска.

Риски, генерируемые органами власти

Прежде всего отметим, что представители органов региональной власти в интервью оценивали распространение КППР как процесс, который сопряжён с комплексом ограничений – как внутренних, так и обусловленных внешним контекстом. Выявленные нами в ходе исследования риски отражают как институциональные особенности функционирования региональной системы управления, так и зависимость результативности демографической политики от вовлечённости других акторов: бизнеса и федерального уровня власти.

Таблица 1. Классификация рисков нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости

Группа рисков	Тип риска в рамках группы	Описание и примеры рисков каждого типа
Риски, генерируемые органами власти	Экономический риск	– Дефицит регионального бюджета; – нестабильность общей экономической ситуации
	Институционально-административный риск	– Настороженное отношение к федеральным инициативам поддержки предпринимателей, реализующих корпоративную демографическую политику; – дефицит компетенций и нехватка специалистов; отсутствие специализированной координационной инфраструктуры и понятных механизмов сопровождения; – ограниченность полномочий региона в формировании единой информационной и идеологической повестки
	Стратегический риск	Краткосрочный характер национальной демографической политики
	Бюрократический риск	Смещение внимания с решения долгосрочных демографических задач на достижение формальных показателей
	Риск региональной дифференциации	Слабая адаптивность реализуемых мер для регионов в силу социально-экономической дифференциации
Риски, генерируемые работодателями	Риск самоустранения	Представления о том, что демографическая политика – сфера ответственности исключительно государства
	Риск патерналистских установок	Запрос на «готовые шаблоны» и чёткие директивные ориентиры
	Информационный риск	– Нежелание делиться позитивным опытом; – сопротивление внедрению формализованных механизмов взаимодействия бизнеса и власти в отношении корпоративной демографической политики
	Риск оценки	Сложность оценки результативности (эффективности) корпоративных демографических мер и непонимание выгод для бизнеса
	Риск дефицита финансовых ресурсов	Недостаточность ресурсов для внедрения дополнительных мер
Риски, генерируемые работниками	Риск негативного восприятия	– Опасения относительно нарушения границ между профессиональной и личной жизнью; – опасения увеличения зависимости от работодателя
	Риск скептического восприятия	– Рождение детей воспринимается как результат личного и семейного выбора, не связанного с корпоративной поддержкой; – корпоративные меры воспринимаются как временные и ситуативные практики
	Риск низкого порога значимости материально-финансовых стимулов	Размеры реализуемых мер финансовой поддержки и материальной помощи незначительны и не способны повлиять на репродуктивные установки работников
	Риск исключения	Представления о том, что поддержка семьи не является функцией работодателя
	Риск нестабильности кадрового состава	Вероятность ухода сотрудника из организации после получения корпоративной поддержки
Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.		

Первый тип рисков нераспространения КППР, генерируемых региональными властями, мы идентифицировали как *экономический* риск. В ходе интервью представители органов власти часто указывали на дефицит регионального бюджета. Эксперты подчёркивали необходимость постоянного соотнесения демографических инициатив с потенциальными бюджетными потерями и расходами региона, отмечая, что внедрение дополнительных мер требует предварительных расчётов их финансовой состоятельности. Одновременно фиксировался риск экономически нестабильной обстановки в стране, рассматриваемый уже как внешнее ограничение, снижающее возможности реализации долгосрочных мер поддержки.

Другой тип выделенных нами рисков связан с *институционально-административными* ограничениями регионального управления. Результаты интервью выявили настороженное отношение экспертов к федеральным инициативам, связанным с поддержкой предпринимателей, реализующих корпоративные демографические меры. Говоря о таких инициативах, информанты имели в виду налоговые льготы и другие преференции для бизнеса. По словам одного из информантов, в регионе исторически сложилось «*очень сложное*» (ИВ-6, стаж 15 лет)[10] отношение к подобным инструментам, вследствие чего даже потенциально эффективные меры стимулирования работодателей встречают институциональное сопротивление со стороны профильных ведомств.

К типу институционально-административных рисков мы отнесли и риски, связанные с дефицитом специализированных демографических компетенций. Опрошенные нами представители региональных властей отмечали отсутствие специалистов, обладающих профессиональными знаниями в области демографии, а также недостаточную подготовленность кадров к разработке и сопровождению демографических инициатив. В интервью подчёркивалось, что специалисты «*понятия не имеют о демографии как науке*» (ИВ-1, стаж 10 лет), а кадров, владеющих соответствующими навыками, «нет вообще».

Ещё один институционально-административный риск – отсутствие специализированной координационной инфраструктуры, способной обеспечить системное сопровождение демографической политики на региональном уровне. Во многих интервью представители органов власти отмечали это ограничение.

Недостаток таких координационных центров и потребность в них подтверждаются и данными опроса работающего населения: более 50% респондентов не слышали о существовании корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями в российских организациях (*табл. 2*). При этом в разных

Таблица 2. Осведомлённость работников о наличии корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями, %

Вариант ответа	Слышали ли Вы о наличии каких-либо корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями…?		
	в российских организациях	в организациях, расположенных в Вашем регионе	в Вашей организации
Да	31,0	29,2	23,4
Нет	55,0	56,7	66,5
Затрудняюсь ответить	14,0	14,2	10,1
Всего	100,0	100,0	100,0
Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.			

[10] Здесь и далее информанты обозначены следующим образом:
– информант от органов власти – «ИВ-№, стаж работы»;
– информант от бизнес-среды (работодатели) – «ИБ-№, должность, размер бизнеса»;
– информант-работник – «ИР-№, должность, размер бизнеса».
По просьбе информантов от органов власти конкретные места работы и занимаемые ими должности не указываются.

регионах их доля варьировалась от 51% (Тюменская область) до 67% (Архангельская область). Интересно, что осведомлённость о корпоративных мерах поддержки в организациях «ближнего круга», т. е. своего региона или предприятия, ещё ниже.

Такой низкий уровень осведомлённости свидетельствует, в том числе, о системном дефиците коммуникации и отсутствии специализированных структур, которые могли бы транслировать информацию о корпоративной поддержке демографии.

Очень близкие оценки наличия такого риска нераспространения КППР появлялись и в интервью работодателей, которые отмечали отсутствие понятных механизмов сопровождения и стимулирования бизнеса, вовлечённого в поддержку рождаемости, а также низкую (недостаточную) осведомлённость предпринимателей о существующих мерах поддержки. Работодатели прямо говорили о том, что не знают, какие меры поддержки государство предоставляет компаниям. Одновременно представители бизнеса обращали внимание на неравномерность государственной поддержки в зависимости от масштаба предприятия. По мнению информантов, меры поддержки преимущественно ориентированы на крупные компании, тогда как малый бизнес оказывается менее включённым.

Ещё одним институционально-административным риском нераспространения КГвДС, который был выявлен в ходе интервью, выступает ограниченность полномочий региона в формировании единой информационной повестки. По мнению представителей органов власти, продвижение ценностей демографической ответственности работодателей требует федерального уровня координации и системной информационной работы, тогда как региональных ресурсов и полномочий недостаточно.

Часть выявленных в ходе исследования рисков была связана со стратегическими ограничениями (*стратегический риск*). Так, информанты критически оценивали краткосрочный характер национальной демографической политики, указывая на недостаточность кратковременных кампаний для формирования у населения востребованных сегодня установок в отношении семьи и детности. Один из информантов отметил: «*Надо было делать не год семьи, а десятилетие и массированно воспитывать людей, в том числе государственные органы и бизнес*» (ИВ-8, стаж 15 лет).

Возможность выделения такого риска подтверждают и результаты опроса ВЦИОМ[11], согласно которым более половины респондентов (52,4%) считают, что за последние 3–5 лет работодатели не изменили степень учёта потребностей работников с детьми. Лишь 17,7% отметили положительную динамику. Высокая доля затруднившихся с ответом (21,1%) также может указывать на отсутствие заметных изменений, что характеризует краткосрочные кампании демографической направленности как недостаточные для институциональных сдвигов.

Ещё один тип выявленных нами рисков связан с возможностью формального подхода к процессу внедрения КППР (определим это как *бюрократический риск*). Эксперты указывали, что использование рейтинговых и количественно ориентированных механизмов оценки активности и результативности компаний в этой сфере (что практикуется сейчас) способно смещать внимание с решения долгосрочных демографических задач на достижение формальных показателей. Один из респондентов отметил, что подобная практика может превратить демографическую политику «*в историю не про демографию, а про достижение показателей и поле для коррупционной составляющей*» (ИВ-4, стаж 17 лет).

В качестве барьера распространения КППР информанты называли неодинаковость региональных условий социально-экономического, демографического развития (в нашей классификации мы определили это как *риск региональной дифференциации*). По мнению экспертов, различия в климатических, социально-экономических условиях отдельных территорий существенно осложняют разработку универсальных механизмов и требуют адаптации к локальной специфике. Информанты подчёркивали невозможность реализации «*одной программы для регионов, которые находятся в разных условиях*» (ИВ-1, стаж 10 лет).

[11] Семейное счастье – в руках работодателя? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinoe-schaste-v-rukakh-rabotodatelja (дата обращения: 20.05.2026).

Риски региональной дифференциации мы отнесли к группе рисков, генерируемых органами региональной власти, с некоторой долей условности. Понимая в определённой степени внешний характер их возникновения, отметим, однако, что регулирование регионального развития, корректировки региональной дифференциации все же относится к сфере ответственности региональных властей.

Риски, генерируемые работодателями

Типы рисков в данной группе были выявлены преимущественно на основе интервью с работодателями. Часть рисков пересекалась с оценками, зафиксированными в интервью с представителями органов власти, что свидетельствует о наличии общих проблемных зон во взаимодействии государства и бизнеса.

Риск самоустранения, связанный с невосприятием демографии в качестве сферы ответственности бизнеса. В ходе интервью работодатели выражали сомнения относительно необходимости участия бизнеса в решении демографических задач, рассматривая демографическую, семейную политику как важную для государства (исключительно для государства) сферу приложения усилий, но второстепенную для бизнеса. Интервью показали, что работодатели преимущественно воспринимают себя в качестве экономического субъекта, который создаёт рабочие места, уплачивает налоги, но не в качестве субъекта демографической политики.

Риск патерналистских установок бизнеса и неготовность действовать самостоятельно. В интервью работодатели неоднократно озвучивали необходимость иметь какие-то «готовые шаблоны» и чёткие директивные ориентиры, которые могли бы упростить внедрение корпоративных демографических практик. Подобные установки в какой-то степени свидетельствуют о наличии в предпринимательской среде элементов патернализма, при котором инициирование корпоративной демографической политики связывается прежде всего с внешним импульсом со стороны государства.

Риск низкой готовности бизнеса к публичному распространению успешных практик (информационный риск). В ходе интервью с представителями органов власти неоднократно звучала мысль о том, что предприятия, несмотря на наличие у них мер поддержки работников с детьми, «*не хотят себя рекламировать в этой части, нет вот мотивации у них поделиться своей практикой*» (ИВ-7, стаж 3 года). Подобная позиция рассматривается представителями органов власти как фактор, ограничивающий формирование устойчивой среды обмена опытом и масштабирование успешных корпоративных практик на региональном уровне. Кроме того, представители региональных властей в интервью отмечали, что бизнес часто сопротивляется внедрению формализованных механизмов взаимодействия, включая нормативные документы и регламентированные процедуры, что дополнительно осложняет институционализацию корпоративной демографической политики.

Наличие такого риска подтверждается результатами интервью с работодателями. Информанты отмечали, что некоторые потенциально результативные практики не используются исключительно вследствие недостатка информации о них: «*Есть какие-то меры, которые являются эффективными, а мы их не используем, потому что мы про них не знаем*» (ИБ-21, предприниматель, средний бизнес).

Риск доминирования экономической рациональности при одновременной сложности оценки экономических эффектов от реализации КППР (*риск оценки*). О существовании этого риска свидетельствовали результаты интервью и работодателей, и работников, и представителей органов власти. Последние, в частности, неоднократно подчёркивали сложность оценки и прогнозирования демографических эффектов от реализации корпоративных мер поддержки. Как отмечали информанты, работодатели «*не понимают, для чего им это нужно*» (ИВ-7, стаж 3 года) и не рассматривают поддержку семей с детьми как направление, имеющее ценность для организации. Такой риск, по мнению представителей органов власти, в большей степени характерен для малого бизнеса.

Сами работодатели в ходе интервью неоднократно подчёркивали недостаточное понимание как потенциальных, так и реальных эффектов от реализуемых мер поддержки. Кроме того, информанты говорили о незнании, какие именно меры эффективны и нужны семейным сотрудникам. В интервью работодатели приводили примеры инициатив в рамках корпоративной демографической политики, реализация которых прекращалась из-за низкой вовлечён-

ности работников. Это, очевидно, говорит о невостребованности таких мер у работников либо об их неэффективности.

Примечательно, что в представлениях самих работников нет доминирующего убеждения, что работодатели должны при разработке мер поддержки сотрудников с детьми учитывать их потребности и запросы. Результаты нашего анкетного опроса работающего населения показали, что лишь 35% опрошенных считают, что такие меры должны учитывать запросы семейных работников, а 50% ответили отрицательно (оставшиеся 15% опрошенных затруднились ответить).

Очевидно, что отсутствие чётких представлений о результативности корпоративной демографической политики и наиболее востребованных её мерах затрудняет формирование устойчивой мотивации бизнеса к внедрению такой политики и снижает готовность работодателей к системному развитию корпоративной поддержки семей с детьми.

Ещё одним риском, сдерживающим распространение корпоративных практик поддержки рождаемости, является *риск дефицита финансовых ресурсов* предприятия. О нехватке ресурсов на реализацию дополнительных программ поддержки семейных сотрудников говорили в интервью представители как крупного, так и малого бизнеса. Отметим, что ресурсную готовность бизнеса к реализации корпоративной демографической политики работодатели связывают с общей устойчивостью экономической среды. По мнению информантов, реализация корпоративных мер поддержки возможна только в условиях стабильности, тогда как кризисные условия вынуждают предприятия концентрироваться прежде всего на собственном выживании.

Риски, генерируемые работниками

В данной группе рисков прежде всего выделим *риск негативного восприятия работниками корпоративных мер поддержки*. В интервью отдельные работники отмечали, что активная вовлеченность работодателя в поддержку рождаемости в семьях сотрудников является нарушением границ между профессиональной и личной жизнью. Информанты неоднократно подчёркивали, что работодатель «*не должен знать о семье*» (ИР-31, диспетчер, малое предприятие). В отдельных интервью информанты ассоциировали подобные практики с попыткой навязать работникам определённые модели поведения. В частности, негативно воспринимались прямые или косвенные призывы к рождению детей.

Данные нашего анкетного опроса работников подтверждают наличие такого риска. Как отмечалось ранее, подавляющее большинство респондентов считают, что работодатель должен поддерживать работников. При этом не считают, что такая поддержка есть вмешательство в личную жизнь, только 44% опрошенных, а 54% выражают ту или иную степень согласия с данным утверждением (*табл. 3*). Средний балл согласия с данным утверждением составил 2,7 (по шкале от 1 до 7; чем выше балл, тем выше степень согласия), хотя отсутствие соответствующего риска соответствовало бы среднему баллу 1.

Данные других опросов населения также подтверждают наличие риска негативного восприятия работниками корпоративных мер поддержки. Согласно опросу ВЦИОМ[12], четверть россиян в возрасте от 18 лет настаивают на полной приватности семейной сферы и невмешательстве в неё работодателя, половина опрошенных считают, что работодатель может

Таблица 3. Степень согласия респондентов с высказыванием «Поддержка работодателем семей сотрудников – это вмешательство в их личную жизнь»

Степень согласия	1 (совершенно не согласен)	2	3	4	5	6	7 (полностью согласен)	Всего
Доля респондентов, указавших степень согласия, %	44,4	11,9	11	13,8	7,3	4,1	7,5	100,0
Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.								

[12] Семейное счастье – в руках работодателя? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinoe-schaste-v-rukakh-rabotodatelja (дата обращения: 20.05.2026).

интересоваться семьёй сотрудника, но только по инициативе самого работника.

Отметим, что работодатели в ходе интервью тоже указывали на возможность существования такого риска: семья всегда воспринимается как «*сугубо личная территория*», а вовлечение работодателя в поддержку семьи потенциально «*может негативно сказываться на эмоциональном настроении подчинённых*» (ИБ-13, предприниматель, средний бизнес).

К этому же типу рисков мы отнесли опасения работников, что усиление корпоративной поддержки будет увеличивать их зависимость от работодателя. Один из информантов выразил такие опасения достаточно жёстко: «*Полагаться на работодателя – это впадать в кабалу*» (ИР-25, архитектор, крупное предприятие).

Близкий к описанному тип риска связан со *скепсисом работников относительно возможности корпоративных мер повлиять на их репродуктивные решения (риск скептического восприятия)*. Интервью показали, что работники преимущественно воспринимают рождение детей как результат личного и семейного выбора, не связывая его напрямую с корпоративной поддержкой: «*Какие бы тут поддержки не были, они не подстёгивают... это личное желание семьи*» (ИР-39, бизнес-аналитик, крупное предприятие), «*никакая поддержка меня не отправит рожать*» (ИР-27, ведущий экономист, среднее предприятие). По словам информантов, подобные меры могут поддержать, но не способны стать причиной принятия решения о рождении ребёнка. Работники подчёркивали вторичность корпоративных стимулов по отношению к личным отношениям, семейным обстоятельствам и базовой экономической стабильности. Кроме того, в отличие от гарантий, закреплённых трудовым законодательством, дополнительные корпоративные меры рассматриваются работниками как «*ненадёжные*», временные и ситуативные практики: «*меры, они сегодня есть, завтра их нет*» (ИР-25, архитектор, крупное предприятие).

Ещё один близкий к описанным риск связан с тем, что размеры реализуемых мер финансовой и материальной поддержки семейных сотрудников очень незначительны и не способны повлиять на репродуктивные установки (определим это как *риск низкого порога значимости корпоративных материально-финансовых стимулов)*. По мнению респондентов, корпоративные выплаты и льготы способны выступать определяющим фактором принятия решения о рождении ребёнка, когда будут «*исчисляться в миллионах*» (ИР-44, проектировщик, среднее предприятие).

Результаты анкетного опроса работников отчасти подтверждают этот риск. Уровень удовлетворённости респондентов существующими в организации мерами поддержки сотрудников невысок – 20% пользующихся этими мерами не удовлетворены ими (*табл. 4*).

Ранее, при описании рисков, генерируемых работодателями, мы указывали на риск самоустранения – ситуации, когда бизнес не принимает на себя ответственность за демографическое будущее страны. Интересно, что такой риск генерируется и самими работниками (*риск исключения демографии из сферы ответственности бизнеса)*. В ходе интервью некоторые работники отмечали, что поддержка семьи не является непосредственной функцией работодателя: «*Это не роль бизнеса. Государство – человек, другого нет*» (ИР-38, инспектор по кадрам, малый бизнес).

Таблица 4. Удовлетворённость мерами поддержки работников с семейными обязанностями, реализуемыми в организации

Уровень удовлетворённости	% от числа работников, кто пользовался мерами
Абсолютно удовлетворён	15,7
Скорее удовлетворён	32,1
Некоторыми удовлетворён, а некоторыми – нет	27,9
Скорее не удовлетворён	13,8
Совершенно не удовлетворён	6,3
Затрудняюсь ответить	4,2
Всего	100,0
Источник: составлено авторами на основе результатов исследования.	

Вместе с тем важно отметить, что массовые опросы не подтверждают типичность такой точки зрения. Так, согласно данным нашего опроса работающего населения, подавляющее большинство работников убеждены, что работодатель должен поддерживать сотрудников с детьми каким-то особым образом. Их доля в разных регионах колеблется в диапазоне от 79 до 90%, в среднем составляя 82%. Согласно данным ВЦИОМ, около 60% опрошенных полагают, что работодатель должен предоставлять дополнительную поддержку сотрудникам с несовершеннолетними детьми, 36% респондентов высказались за равные условия независимо от наличия детей[13]. Примечательно, что семейные россияне с плохим материальным положением чаще подчёркивают важность поддержки работодателя, чем те, кто оценивает своё материальное положение как хорошее[14].

Риск нестабильности кадрового состава. Этот тип риска был выявлен в ходе интервью с работодателями. В ряде случаев они указывали на «непостоянство сотрудников» и вероятность их ухода из организации даже после получения корпоративной поддержки. Работодатели выражали сомнения в эффективности «вложений в сотрудников» и, соответственно, не видели смысла в реализации мер корпоративной демографической политики в условиях высокой кадровой мобильности. Заметим, что данные исследований российского рынка труда подтверждают обоснованность такого рода сомнений предпринимателей. Так, согласно исследованию компании «Технологии Доверия», в 2026 году совокупный показатель текучести кадров по сравнению с 2025 годом увеличился на 8,9 процентных пункта и составил 29,1%, причём в большинстве случаев причиной увольнения стало желание самих работников, а не решение нанимателя[15]. Поскольку источником такого риска выступает прежде всего высокая мобильность сотрудников, он был отнесен к группе рисков, генерируемых работниками.

Обсуждение результатов

Проведённое исследование показало, что реализация корпоративных практик поддержки рождаемости и в целом развитие корпоративной гражданственности в демографической сфере регионов сопровождается значительным числом рисков. Они носят системный характер и распределены между всеми ключевыми её акторами – собственно бизнесом, работниками и сферой регионального управления.

Часть этих рисков представляются нам устойчивыми (хроническими). Их нивелирование – длительный процесс, требующий системных усилий. Однако негативное воздействие некоторых рисков может быть снижено в достаточно краткосрочной перспективе. В ходе исследования не ставилась цель предложить пути нивелирования рисков нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости. Наше исследование – первый и необходимый шаг в данном направлении, связанный с идентификацией и классификацией таких рисков. Вместе с тем мы можем обозначить (пока пунктирно) наиболее востребованные направления работы по нивелированию выявленных рисков.

Как показали результаты, важным ограничением распространения КППР выступает низкая осведомлённость работодателей и работников о существующих мерах поддержки, а также дефицит обратной связи. Соответственно, первое направление работы, требующее совместных усилий государства и бизнеса, связано с формированием устойчивой коммуникационной и координационной инфраструктуры. Необходимо создание региональных центров компетенций по корпоративной демографической политике, которые могли бы выполнять функцию агрегации успешных практик, предоставлять бизнесу готовые аналитические и методические материалы. Важно, чтобы эти структуры не носили формальный характер, а работали в режиме постоянно действующей консульта-

[13] Семейное счастье – в руках работодателя? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinoe-schaste-v-rukakh-rabotodatelja (дата обращения: 20.05.2026).

[14] Не только зарплата, или о социальной поддержке работников и их семей со стороны работодателей // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-zarplata-ili-o-socialnoi-podderzhke-rabotnikov-i-ikh-semei-so-storony-rabotodatelei(дата обращения: 22.05.2026).

[15] Текучесть кадров резко выросла на 8,9%, достигнув уровня 29,1% // РБК Компании. URL: https://companies.rbc.ru/news/n1CnvH9hFg/tekuchest-kadrov-rezko-vyirosla-na-89-dostignuv-urovnya-291/ (дата обращения: 02.06.2026).

ционной площадки. Это позволит снизить информационные риски работодателей, которые сегодня не внедряют эффективные меры просто потому, что не знают о них. Одновременно подобные центры способны обеспечить мониторинг реальных потребностей работников и транслировать агрегированный запрос от бизнеса к органам власти, преодолевая тем самым существующую фрагментарность взаимодействия. Таким образом, создание региональных центров компетенций позволит нивелировать институционально-административные риски со стороны региональных органов власти, риски патерналистских установок и информационные риски, формируемые работодателями.

Второе направление работы связано с пересмотром механизмов стимулирования работодателей и направлено на нивелирование рисков, сгенерированных ими же, – риска самоустранения и риска дефицита финансовых ресурсов. Исследование показало, что большинство представителей бизнеса ориентировано на краткосрочную экономическую рациональность и не воспринимает демографическую поддержку как самостоятельную ценность. Следовательно, необходимо выстраивать не столько запретительные или рейтинговые механизмы, сколько экономически обоснованную систему преференций. При этом важно избегать формализации, которая, по мнению экспертов, может смещать цели с реальной поддержки семей на достижение отчётных показателей. Более перспективным выглядит сочетание налоговых льгот с прямым возмещением части затрат на конкретные меры. Механизм предоставления компенсаций по принципу «реализовал меру – получил компенсацию» позволит снизить бюрократические риски и сделает поддержку предсказуемой.

Третье направление касается работы с ценностными установками сотрудников и рисками негативного и скептического восприятия ими корпоративной демографической политики. Исследование выявило парадоксальную ситуацию: на декларативном уровне большинство респондентов поддерживает участие работодателя в поддержке семей, однако интервью зафиксировали настороженное отношение к такому участию, страх вмешательства в личную жизнь и убеждение, что демографическая политика является исключительно государственной задачей. Для преодоления этого противоречия необходимо чёткое нормативное и коммуникационное разграничение. Поддержка не должна восприниматься как инструмент контроля и должна оказываться только с добровольного согласия работника. Работодателю следует избегать любых форм давления, включая косвенные призывы к рождению детей. При этом важно доносить до сотрудников идею о том, что поддержка не подменяет собой личный семейный выбор, а лишь снижает внешние барьеры.

Отдельного внимания требует проблема восприятия демографической политики (национальной и корпоративной) как краткосрочного явления, отнесённая в данном исследовании к стратегическим рискам. Эксперты отмечают, что разовые кампании и временные меры не способны сформировать устойчивых институциональных изменений, поэтому необходима фиксация корпоративной демографической поддержки как постоянного элемента социальной ответственности на уровне отраслевых соглашений, коллективных договоров. Это снизит риски нестабильности и позволит бизнесу выстраивать долгосрочные инвестиции в человеческий капитал.

Наконец, важным условием предотвращения выявленных рисков выступает переход от формальной отчётности к оценке реальной результативности. Контроль не должен сводиться к подсчёту количества внедрённых программ (как это сейчас реализуется, например, в ЭКГ-рейтинге). Эффективность корпоративной демографической политики может быть измерена через такие показатели, как, например, удовлетворённость работников, снижение текучести кадров среди сотрудников с семейными обязанностями и улучшение их субъективного благополучия. Только при таком подходе можно избежать имитации активности со стороны работодателей и концентрации на достижении формальных показателей в ущерб содержательной работе.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить риски нераспространения корпоративных практик поддержки рождаемости и предложить их классификацию – были выделены группы рисков, различающиеся по субъектам

возникновения, содержательным характеристикам и механизмам формирования. Отметим, что представленная классификация – первая попытка научного осмысления и систематизации таких рисков. Очевидно, что по мере масштабирования идей, принципов и практик корпоративной гражданственности в демографической сфере эмпирическая база о барьерах, с которыми сталкиваются работодатели и представители органов власти, может расширяться и накапливаться. Соответственно, предложенная классификация в дальнейшем может уточняться, модифицироваться, в том числе за счёт дифференциации рисков с учётом размера и сферы деятельности предприятий.

Наше исследование обладает как теоретической, так и практической значимостью. Прежде всего полученные нами результаты развивают теоретические и методологические основы анализа и оценки эффективности корпоративной социальной ответственности за счёт понимания потенциальных эффектов, возникающих в ходе реализации её особого направления, связанного с демографической сферой, а также понимания факторов, препятствующих возникновению положительных эффектов. Кроме того, полученные результаты задают новый вектор развития теории рисков и риск-менеджмента применительно к демографической сфере.

В качестве перспектив дальнейших исследований на основе предложенной нами классификации рисков мы видим их анализ и оценку, разработку и реализацию мер реагирования, а также последующий мониторинг. Важным направлением развития наших изысканий является проведение аналогичных исследований в других федеральных округах и регионах Российской Федерации. Это позволит проверить универсальность выявленной классификации рисков, определить регионально-специфические барьеры распространения корпоративных практик поддержки рождаемости и уточнить предлагаемую классификацию с учётом многообразия российских территориальных контекстов.

Литература

Багирова А.П. (2025). Корпоративная гражданственность в демографической сфере как новая тема исследований в современной России // Народонаселение. Т. 28. № 1. С. 27–39. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-27-39

Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. (2024). Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8

Вавилова А.С., Низковская Ю.В. (2026). Возможности включения высшего образования в процесс формирования корпоративной гражданственности в демографической сфере // Образование и наука. Т. 28. № 1. С. 140–164. DOI: 10.17853/1994-5639-2026-1-140-164

Корнеева Ю.В., Степанова М.А., Болгова К.А. (2026). Проблема дефицита кадров в индустрии гостеприимства // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 3. С. 60–64. DOI: 10.17513/vaael.4490

Мехова А.А., Воробьёва И.Н., Вавилова А.С. (2025). Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 163–179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9

Нефедова А.И., Морозова Е.Б., Дуньдэ Т.О. (2026). Привлечение иностранных высококвалифицированных кадров в бизнес-организации Москвы: практики, барьеры и перспективы // Социологические исследования. № 2. С. 26–34. DOI: 10.7868/S3034601026020033

Плешков В.А., Козлова О.В. (2026). Анализ факторов развития и ограничений молочной отрасли России в 1990–2025 гг. // Молочная промышленность. № 2. С. 14–28. DOI: 10.21603/1019-8946-2026-2-82

Радишевская А.А. (2025). Эффективность корпоративной демографической политики: методика оценки // Human Progress. Т. 11. № 5. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-5a-14

Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9

Тонких Н.В., Чудиновских М.В., Бегичева С.В. (2024). Интеграция гибких инструментов корпоративной демографической политики в систему управления персоналом // Управленец. Т. 15. № 5. С. 87–102. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-5-6

Шубат О.М., Кобец И.В., Харитонов К.А. (2026). Оценка готовности регионов России к реализации корпоративной гражданственности в демографической сфере // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Т. 19. № 6. С. 1170–1181. (в печати)

Шубат О.М., Радишевская А.А. (2025). Корпоративная гражданственность: обзор научных публикаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 268–284. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.15

Ampofo Akwasi A., Barkhi R. (2024). The impact of CEO power and ethical corporate citizenship on firms' outcomes. *Research in International Business and Finance*, 67(PA). DOI: 10.1016/j.ribaf.2023.102076

Asif Z., Chinzara Z., Lahiri R. (2023). The role of risk and institutions in the adoption and diffusion of technologies: Evidence from Sub-Saharan Africa. *Economic Analysis and Policy,* 77, 16–33. DOI: 10.1016/j.eap.2022.10.015

Camoletto S., Montes-Sancho M.J., Santini E. (2024). Multinational corporations and their corporate citizenships: Exploring their effects on corporate performance under different legal traditions. *Journal of Public Affairs*, 24(3), e2942. DOI: 10.1002/pa.2942

Godwin M.L., Schroedel J.R. (2000). Policy diffusion and strategies for promoting policy change: Evidence from California local gun control ordinances. *Policy Studies Journal*, 28(4), 760–776. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2000.tb02061.x

Gulati T., Diwan S.P. (2024). Measuring corporate citizenship and public image: Evidence from scale development and validation. *Social Responsibility Journal*, 20(6), 1072–1088. DOI: 10.1108/SRJ-10-2023-0567

Gulati T., Shankar S. (2025). Corporate citizenship and employee commitment: A micro-level measurement scale development. *International Journal of Organizational Analysis*, 33(11), 4202–4225. DOI: 10.1108/IJOA-07-2024-4692

Haupt W. (2023). Policy diffusion, policy transfer, and policy mobilities revisited: A call for more interdisciplinary approaches in human geography. *Geography Compass*, 17(5), e12688. DOI: 10.1111/gec3.12688.

Kobets I.V., Vasojević N.A. (2025). Programs of Russian businesses aimed at employees' families: A content analysis based on EPS-ratings data. *Sociological Review*, 59(4), 1477–1499. DOI: 10.5937/socpreg59-61566

Lin Y.T., Liu N.C. (2019). Corporate citizenship and employee outcomes: Does a high-commitment work system matter? *Journal of Business Ethics*, 156(4), 1079–1097. DOI: 10.1007/s10551-017-3632-1

Morgan D.L. (2014). *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. DOI: 10.4135/9781544304533

van der Heiden N., Strebel F. (2012). What about non-diffusion? The effect of competitiveness in policy-comparative diffusion research. *Policy Sciences*, 45(4), 345–358. DOI: 10.1007/s11077-012-9149-7

Сведения об авторах

Оксана Михайловна Шубат – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru)

Ирина Викторовна Кобец – лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: i.v.kobets@urfu.ru)

Кирилл Александрович Харитонов – магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: k.a.kharitonov@urfu.ru)

Shubat O.M., Kobets I.V., Kharitonov K.A.

Risks of Non-Dissemination of Corporate Practices to Support Fertility in Russian Regions

Abstract. Russia's negative demographic trends and the worsening labor market situation have pushed the state to strengthen demographic policy and to develop new ways of implementing it. One such approach is to bring business actively into supporting and stimulating fertility, spreading the ideas and principles of corporate citizenship into the demographic sphere. The study aims to identify and classify the risks that prevent corporate fertility support practices from spreading. The research followed a sequential mixed-methods design. The qualitative stage served to identify and interpret the risks, while the quantitative stage provided empirical verification and assessed how widespread the identified trends are. The empirical basis of the first stage consisted of semi-structured interviews with representatives of government bodies, employers, and employees. The quantitative stage drew on a sociological survey of the working population of reproductive age. The fieldwork was carried out in three federal districts of the Russian Federation. The study identified risks of non-dissemination of corporate fertility support practices and proposed a classification of them, grouping the risks by the actors from which they originate (government bodies, employers, and employees), by their substantive characteristics, and by the mechanisms through which they form. This classification provides a basis for the subsequent stages of managing the risks of non-dissemination – analyzing and assessing them, developing response strategies and measures, implementing those measures, and then monitoring and controlling the situation. The findings advance the theoretical and methodological foundations for analyzing and evaluating the effectiveness of corporate social responsibility and set a new direction for risk theory and risk management in the demographic sphere, making it possible to remove barriers to scaling up the forms of business activity that are in demand in Russia today.

Key words: corporate demographic policy, corporate fertility support, corporate citizenship, risks of non-dissemination, in-depth interviews, Russian regions.

Information about the Authors

Oksana M. Shubat – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru)

Irina V. Kobets – Research Assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: i.v.kobets@urfu.ru)

Kirill A. Kharitonov – Master's Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: k.a.kharitonov@urfu.ru)

Статья поступила 16.06.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.16
УДК 314.1, ББК 60.7
© Чжоу Ю., Воробьева О.Д.

Межпровинциальные миграционные потоки в Китае в 1996–2020 гг.: эволюция и прогноз



Юаньци ЧЖОУ
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: Buktop2486555@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9947-6699; ResearcherID: QJW-3649-2026



Ольга Дмитриевна ВОРОБЬЁВА
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: 89166130069@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1304-3715; ResearcherID: H-9920-2016

Аннотация. В статье на основе данных 5-й, 6-й и 7-й переписей населения Китая анализируются межпровинциальные миграционные потоки в Китае в 1996–2020 гг. Выявлена эволюция миграционной модели. В 1996–2000 гг. доминировала провинция Гуандун – однополярная структура, куда направлялись основные потоки из центральных и юго-западных регионов. В 2006–2010 гг. сформировалась многополярная модель: к Гуандуну добавились регионы дельты реки Янцзы (Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян) и Пекин с Тяньцзинем. В 2016–2020 гг. миграционная система стала полицентричной и более сбалансированной. Впервые зафиксированы масштабные обратные потоки из Гуандуна в центральные и западные провинции (Сычуань, Хунань, Хубэй, Цзянси). Для выявления факторов миграции построена гравитационная модель, включающая численность населения провинций, географическое расстояние, ВРП на душу населения, индекс структурных различий Кругмана и количество университетов. Результаты показывают: ВРП на

Для цитирования: Чжоу Ю., Воробьева О.Д. (2026). Межпровинциальные миграционные потоки в Китае в 1996–2020 гг.: эволюция и прогноз // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 305–321. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.16

For citation: Zhou Yu., Vorobieva O.D. (2026). Inter-provincial migration flows in China in 1996–2020: Evolution and forecast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 305–321. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.16

душу населения в регионе назначения влияет положительно, а в регионе выбытия – отрицательно. Индекс Кругмана имеет значимый положительный коэффициент, то есть различия в отраслевой структуре не препятствуют миграции, а способствуют ей (эффект комплементарности промышленных структур). Устойчивость результатов подтверждена моделями с робастными к гетероскедастичности стандартными ошибками, с шестилетним циклом расчёта и с инструментальными переменными. Сделан вывод, что главными движущими силами эволюции миграционных потоков в Китае остаются межрегиональные экономические различия и межрегиональное разделение труда. Мы предполагаем, что провинция Гуандун и регион Шанхай – Цзянсу – Чжэцзян по-прежнему будут основными направлениями миграции населения в 2026–2030 гг., но их привлекательность вряд ли будет такой же сильной, как в начале XXI века. Результаты могут быть использованы при корректировке региональной демографической и миграционной политики, в частности при прогнозировании миграционных тенденций и разработке мер согласованной региональной политики.

Ключевые слова: внутренняя миграция, межпровинциальная миграция, КНР, миграционные потоки, гравитационная модель.

Введение

Внутренняя миграция служит основным механизмом пространственного перераспределения людских ресурсов, выступая в качестве ключевой силы, глубоко изменяющей региональные демографические структуры и стимулирующей эволюцию региональных экономических ландшафтов. Этот процесс касается не только пространственного распределения населения внутри страны, но и имеет далеко идущее значение для смягчения регионального давления старения населения и оптимизации структур рынка труда. Исследования в данных направлениях являются крайне актуальными, так как позволяют принимать научно обоснованные решения в сфере не только демографической политики, но и социально-экономической.

Цель данного исследования – выявить эволюцию межпровинциальных миграционных потоков в Китае в 1996–2020 гг. и выделить ключевые факторы, её определяющие. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) выявить, какие изменения произошли в характеристиках межпровинциальных миграционных потоков в Китае с 1996 по 2020 год;

2) обсудить ключевые факторы, которые влияют на межпровинциальную миграцию в Китае.

Объектом исследования выступает население КНР, участвующее в межпровинциальной миграции в 1996–2020 гг. Предметом исследования являются межпровинциальные миграционные потоки между регионами выбытия и регионами прибытия в КНР в 1996–2020 гг.

Теоретические основы

Внутренняя миграция является одной из основных форм миграции и оказывает значительное влияние на демографическую структуру. Например, в России объём межрегиональной миграции превышает объём международной миграции, играя ключевую роль в перераспределении трудовых ресурсов по всей стране (Смирнов, 2024). В Китае, согласно оценкам, полученным на основе данных 5-й[1], 6-й[2] и 7-й[3] переписей населения Китая в 2000, 2010 и 2020 гг., общий масштаб межпровинциальной миграции за пятилетние периоды составил примерно 32,28 млн, 54,99 млн и 50,83 млн человек соответственно. Кроме масштабной значимости, в отличие от относительно стабильных показателей смертности и рождаемости уровни

[1] Данные 5-й переписи населения // National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/5rp/ (дата обращения: 26.10.2025).

[2] Данные 6-й переписи населения // National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm (дата обращения: 26.10.2025).

[3] Данные 7-й переписи населения // National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexce.htm (дата обращения: 26.10.2025).

миграции населения более чувствительны к изменениям в социально-экономической среде (Рыбаковский, Мартыненко, 2011), быстро откликаясь на региональные различия в развитии и корректировку политики. Следовательно, рассмотрения характеристики внутренней миграции и проведение анализа ее факторов имеют важное значение для формулирования научно обоснованной и эффективной политики в области народонаселения.

Модели внутренней миграции в Китае уже давно привлекают внимание демографов. Еще в 1991 году Е.С. Баженова и А.В. Островский в монографии о населении Китая отмечали, что в течение длительного периода после 1949 года внутренняя миграция в Китае строго контролировалась политикой, а цель миграции обычно заключалась в удовлетворении местных потребностей. Например, для сбалансирования распределения населения миграция вначале, как правило, происходила из районов с высокой плотностью населения в районы с низкой плотностью населения, такие как север и северо-запад страны (Баженова, Островский, 1991). Но с момента начала реформ и открытости, сопровождавшихся быстрой индустриализацией, урбанизацией и рядом изменений в системе регистрации населения и региональной экономической политике, масштабы миграции в Китае значительно возросли (Gao, Wang, 2020). Во многих исследованиях обсуждаются особенности внутренней миграции в Китае, в частности проблема оттока населения из некоторых провинций. Принято считать, что основной тенденцией внутренней миграции в Китае является движение из северо-восточных, западных и некоторых центральных провинций в восточные и юго-восточные провинции (Сунь, 2016; Маслов, 2021).

Однако исследования, проведенные в разные исторические периоды, могут давать разные выводы. Например, с 2010 года в некоторых работах отмечается явная тенденция к миграции на запад (Qi et al., 2021). Отдельные исследователи даже предполагают, что процесс межпровинциальной миграции в Китае может приближаться к «поворотному моменту», что требует соответствующего обновления миграционной политики и аналитических рамок (Shi et al., 2025). В связи с этим необходимо проанализировать эволюцию внутренней миграции в Китае и её причины за последние десятилетия.

Для изучения этого процесса во многих исследованиях особенности миграционных потоков рассматриваются с разных точек зрения. Исходя из международного опыта, внутренние потоки населения обычно следуют схеме миграции из регионов с более молодой возрастной структурой населения на территории, испытывающие более серьёзные проблемы старения, что значительно снижает темпы старения в принимающих регионах (Воробьева и др., 2024). В Китае ситуация немного иная: поскольку в ряде провинций масштабы внутренней миграции давно превышают уровень естественного прироста населения, уже наблюдается необычная тенденция миграции из экономически отсталых провинций с серьезной проблемой старения населения (таких как Сычуань, Гуйчжоу и др.) в провинцию Гуандун, где возрастная структура населения более молодая (Chen et al., 2020).

Чтобы понять особенности миграционных потоков в Китае и причины их эволюции, необходимо рассмотреть факторы, влияющие на миграцию. В фундаментальном исследовании Е.В. Траковой по внутренней миграции в Китае доказано, что в любой провинции работа и бизнес являются основными причинами миграции населения[4]. Аналогичные выводы подтверждаются во многих других работах (Fan, 2005; Wang et al., 2025). Однако мы отмечаем, что в текущих исследованиях анализ экономических факторов в основном ограничивается количественными показателями, такими как ВРП на душу населения, средняя заработная плата и уровень безработицы, при этом недостаточное внимание уделяется особенностям региональной экономики. Отсюда возникает вопрос: при схожем уровне макроэкономического развития двух регионов, например Шанхая и Пекина, какой из них выберут мигранты? Эмпирическое исследование Wang и соавторов показывает, что взаимодополняющие промышленные структуры способствуют более высокому уровню краткосрочной миграции между городами (Wang et al., 2022).

[4] Тракова Е.В. (2018). Внутренняя миграция населения в КНР в ходе экономических реформ (2000–2016 гг.): дис. ... канд. экон. наук. 228 с.

Это может быть связано с тем, что структура промышленности влияет на состав специалистов и рабочих в различных отраслях, что вторично влияет на миграцию через соотношение спроса и предложения на рынке труда. Однако их воздействие на долгосрочную межпровинциальную миграцию на большие расстояния остаётся неясным.

Институциональные факторы, в частности система прописки («хукоу»), относятся к актуальной теме исследований внутренней миграции в Китае, однако в количественных исследованиях обсуждаются редко. С одной стороны, это связано с отсутствием разумного показателя для оценки доступности прописки, а с другой – прописка в основном влияет на безвозвратных мигрантов, меняющих её адрес, что ограничивает её воздействие на общий масштаб миграции. Большинство мигрантов на самом деле являются временными мигрантами, не меняющими прописку (Понкратова, Тракова, 2018), хотя они могут работать и жить в городе прибытия в течение нескольких десятилетий.

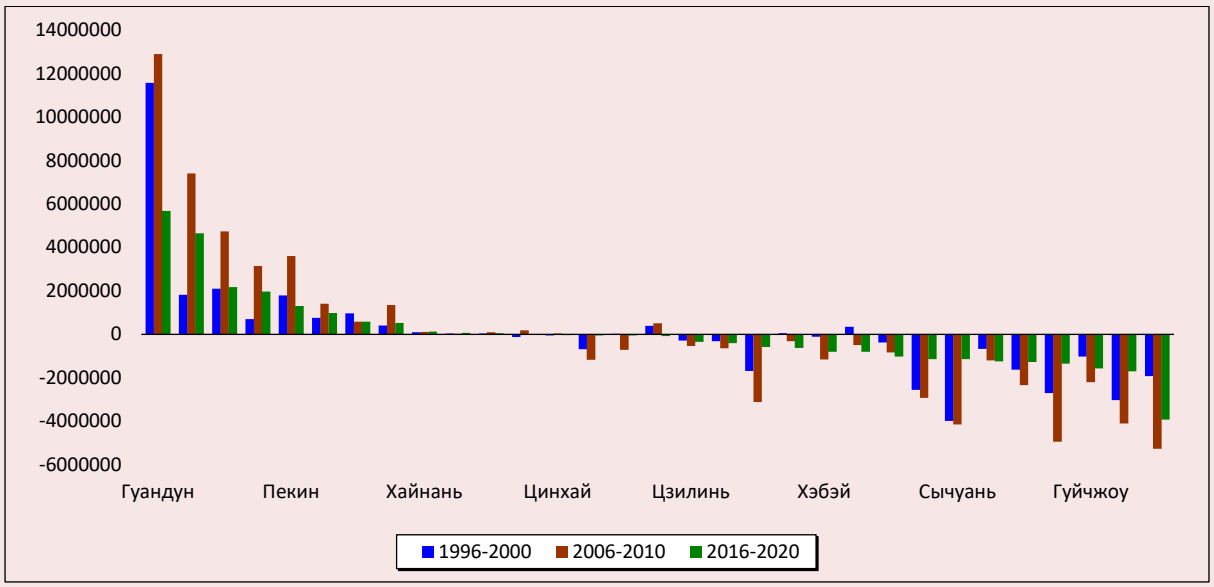
Наконец, с методологической точки зрения, в большинстве широко цитируемых международных статей, касающихся факторов внутренней миграции в Китае, в настоящее время используется обобщённая линейная модель, включающая множественную линейную регрессию (Liu et al., 2015), регрессию Пуассона (Shen, 2012), логистическую регрессию (Liang et al., 2002) и т. д. Помимо этого используются гравитационная модель (Fan, 2005; Liu, Shen, 2014) и другие методы сетевого анализа (Cao et al., 2023). Среди них гравитационная модель является одним из наиболее популярных и эффективных методов. Эта модель происходит от модели гравитации в физике и впервые была введена в демографические исследования Г.К. Ципфом (Zipf, 1946). Одним из основных преимуществ данной модели выступает представление миграционных потоков в виде функции «толчка» от исходного пункта и «тяги» от пункта назначения, а также учёт пространственного эффекта посредством фактора расстояния. Расширенные версии модели позволяют включать дополнительные экономические переменные, что обеспечивает интеграцию демографических, экономических и географических факторов в единой математической форме. Эффективность модели подтверждена множеством эмпирических исследований.

Таким образом, хотя в существующих исследованиях уже проводилось подробное обсуждение на определенных временных отрезках, отсутствует анализ эволюции миграционных потоков в Китае в целом. Кроме того, в обсуждении факторов миграции недостаточно внимания уделяется анализу таких характеристик, как экономическая структура провинций, что может привести к упущению влияния региональных особенностей. В связи с этим в данной статье будет рассмотрена эволюция межпровинциальных миграционных потоков в Китае, а также использована гравитационная модель с учетом экономических характеристик провинций для анализа детерминантов миграции.

Пространственные характеристики межпровинциальной миграции в Китае в разные периоды

Нами оценивается масштаб межпровинциальной миграции в Китае на основе данных переписей населения под названием «Население по месту проживания в настоящее время и месту проживания пять лет назад». Эти данные представлены в виде двумерной матрицы миграции, где векторы строк отражают текущие места проживания респондентов, а векторы столбцов обозначают их места проживания пять лет назад. Однако эти данные не представляют собой полную выборку, а взяты из расширенной анкеты переписи, которая заполнялась только частью респондентов. Мы разделили объём выборки данных из расширенных анкет переписи населения Китая 2000, 2010 и 2020 гг. на общий объём выборки переписи за соответствующие годы и получили, что доля выборки расширенных анкет за три переписи составила 9,50, 9,55 и 9,84% соответственно. Затем, разделив данные о размере выборки мигрантов на долю выборки, мы оценили общий масштаб миграции. Поскольку все три переписи населения проводились в период с октября по декабрь, то есть уже ближе к концу года, мы полагаем, что указанные здесь «5 лет» включают в себя сам год проведения переписи, поэтому достаточно отсчитать 4 года назад. Результаты представлены на *рисунке 1.*

Рис. 1. Чистый приток мигрантов по провинциям, 1996–2020 гг., чел.



Составлено по: данные 5-й, 6-й и 7-й переписей населения КНР.

По показателям чистого миграционного притока провинция Гуандун значительно опередила остальные провинции страны, привлекая более 11,6 млн чел. В резком контрасте с этим центральные и юго-западные регионы испытали значительный отток населения: в провинциях Сычуань, Аньхой, Хунань, Хэнань, Цзянси и Гуанси зафиксирован чистый отток населения, превышающий 2–4 млн человек. Они стали основными источниками миграции в стране.

К 2010 году провинция Гуандун по-прежнему сохраняла самый высокий чистый приток населения в Китае (12,9 млн чел.), хотя её преимущество сократилось. Одновременно значительно усилилась привлекательность провинций дельты реки Янцзы, таких как Чжэцзян (7,4 млн чел.), Шанхай (4,7 млн чел.) и Цзянсу (3,2 млн чел.), что свидетельствует о мощном эффекте концентрации рабочей силы, вызванном экономическим подъёмом региона. Пекин (3,6 млн чел.) и Тяньцзинь (1,4 млн чел.) также продемонстрировали заметный рост чистого притока. Чистый отток из центральных и западных регионов оставался значительным, причём в таких провинциях, как Аньхой, Хунань и Гуйчжоу, он ещё сильнее усилился. В целом в период с 2006 по 2010 год внутренние миграционные процессы в Китае перешли от однополярной к многополярной динамике. В то время как прибрежные города на востоке стали более привлекательными, отток населения из центральных и западных регионов продолжал расти.

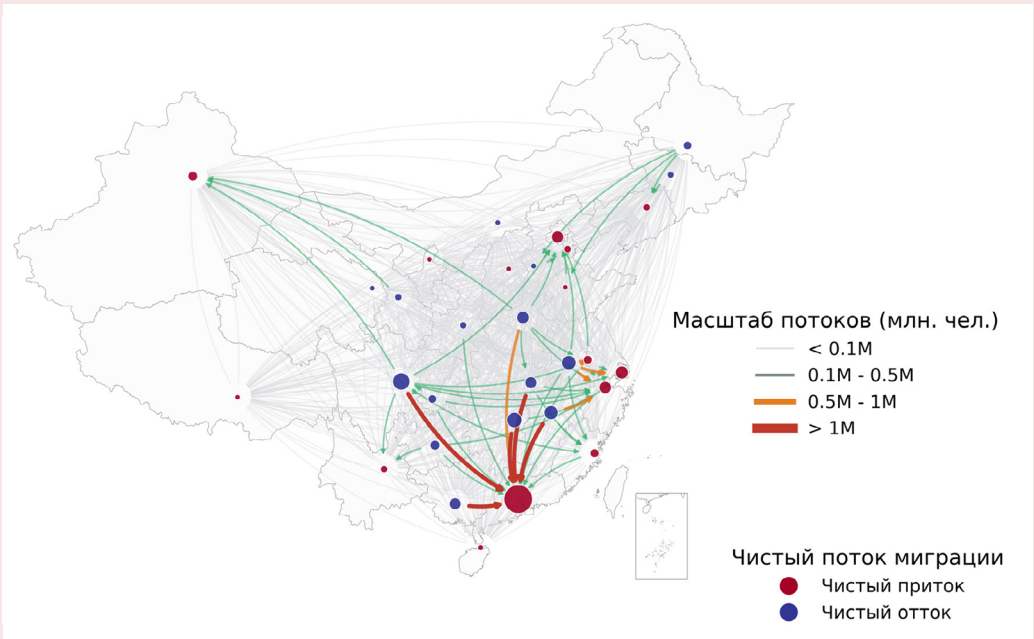
К 2020 году эта многоцентровая модель ещё более укрепилась, продемонстрировав тенденцию к региональному равновесию. Чистый приток населения в провинцию Гуандун значительно сократился – до 5,7 млн чел. Хотя она по-прежнему занимает первое место в стране, масштабы притока населения были заметно ниже, чем в предыдущих двух фазах. Провинции Чжэцзян (4,7 млн чел.), Цзянсу (2,0 млн чел.) и Шанхай (2,2 млн чел.) сохранили высокую привлекательность, хотя темпы их роста замедлились. Одновременно с этим чистый приток населения в Пекин и Тяньцзинь также сократился, что, возможно, связано с принятой в 2014 году политикой «переноса нестоличных функций» (Zou, 2022) – инициативой, направленной на перемещение несущественных предприятий и учреждений из Пекина с целью снижения демографической нагрузки.

Напротив, хотя основные провинции эмиграции в центральном и юго-западном регионах по-прежнему демонстрируют чистый отток населения, масштабы миграции в целом сократились, например, чистый отток населения из провинции Сычуань снизился с 4,0 до 1,1 млн чел. Это изменение свидетельствует о том, что односторонний поток рабочей силы эволюционирует в сторону более сбалансированной модели.

На *рисунке 2* представлена более подробная динамика межпровинциальных миграционных потоков. В период с 1996 по 2000 год основным направлением миграции стало перемещение из юго-западных регионов (в основном Сычуань и Гуанси) и центральных регионов в провинцию Гуандун. Одновременно с этим некоторые миграционные потоки также направлялись в развитые восточные прибрежные районы, такие как Шанхай, Цзянсу и Чжэцзян, хотя их масштабы и интенсивность были заметно слабее по сравнению с потоками в Гуандун. В целом межпровинциальная миграционная сеть в этот период была относительно разреженной и характеризовалась преимущественно однонаправленными потоками из внутренних регионов в прибрежные провинции.

В XXI веке сеть межпровинциальной миграции продемонстрировала тенденцию к сосуществованию нескольких центров. В то время как провинция Гуандун сохранила свою позицию сильнейшего магнита для населения, Шанхай, Цзянсу и Чжэцзян в дельте реки Янцзы сформировали отдельный центр притяжения второго уровня. В период с 2006 по 2010 год их способность принимать население из центральных и южных провинций, таких как Аньхой, Цзянси, Хэнань и Хунань, значительно возросла. Одновременно с этим экономический круг Пекин – Тяньцзинь стал основной зоной сконцентрированности населения в северном Китае, притягивая рабочую силу из северо-восточного, северного и некоторых частей центрального Китая. В целом межпровинциальная миграционная сеть страны стала более плотной, что свидетельствует о повышенной мобильности населения и увеличении общего объёма миграции, хотя она по-прежнему остается преимущественно однонаправленной из внутренних районов в прибрежные регионы (*рис. 3*).

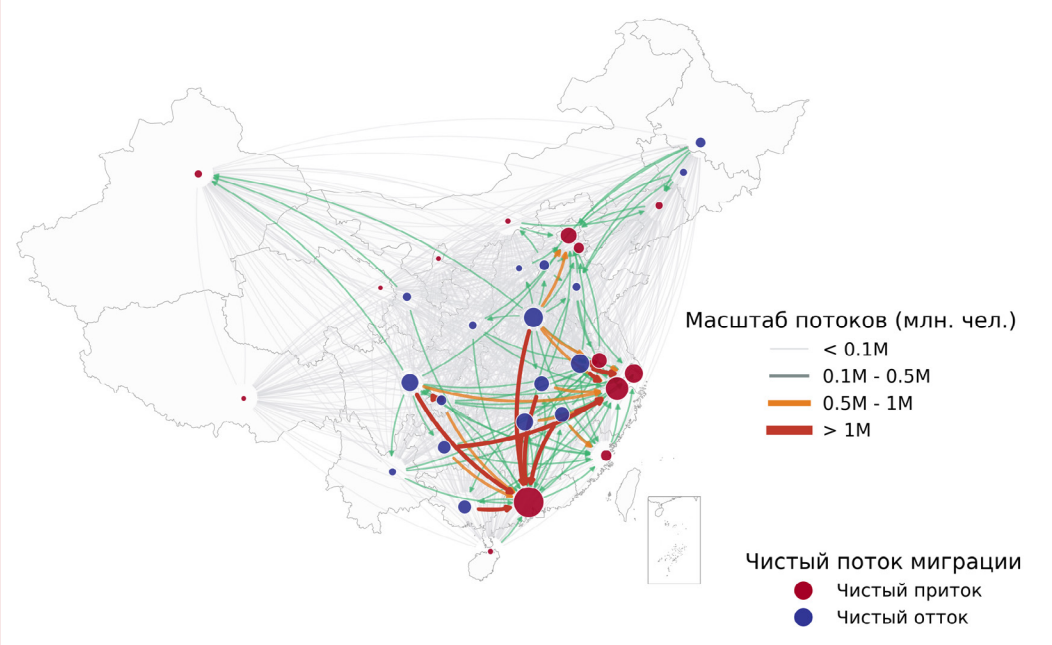
Рис. 2. Межпровинциальные миграционные потоки в Китае, 1996–2000 гг.



Составлено по: данные 5-й переписи населения КНР.

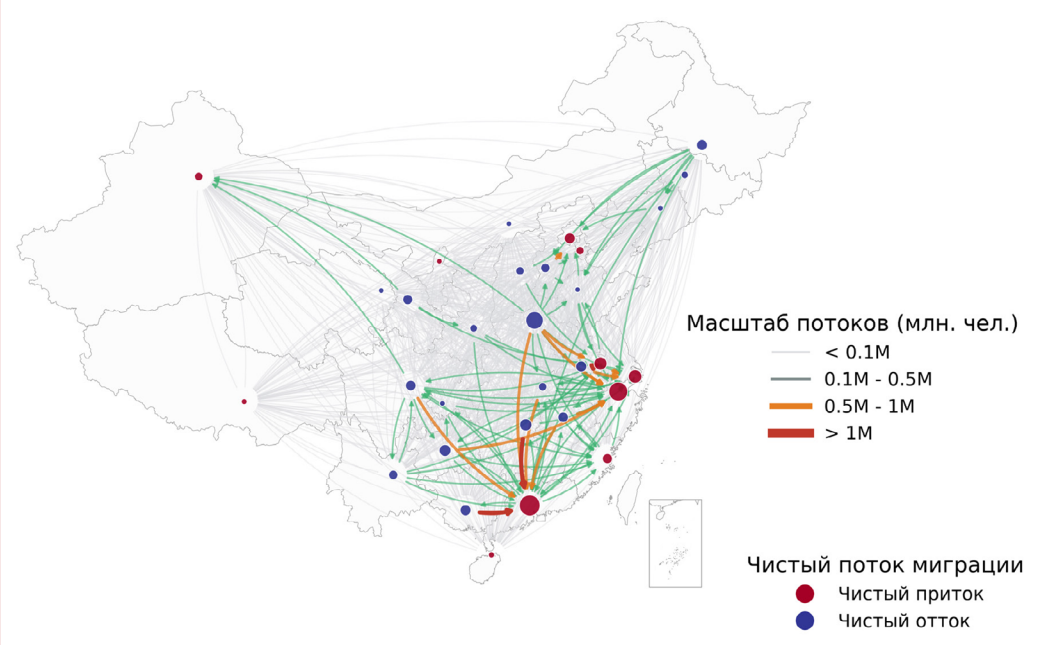
К 2020 году межпровинциальные миграционные модели Китая претерпели дальнейшую трансформацию. Гуандун и регион Шанхай – Цзянсу – Чжэцзян остались основными зонами чистого притока населения, хотя миграционная привлекательность Пекина и Тяньцзиня снизилась (*рис. 4*).

Рис. 3. Межпровинциальные миграционные потоки в Китае, 2006–2010 гг.



Составлено по: данные 6-й переписи населения КНР.

Рис. 4. Межпровинциальные миграционные потоки в Китае, 2016–2020 гг.



Составлено по: данные 7-й переписи населения КНР.

Особого внимания заслуживает появление обратных миграционных потоков из прибрежных районов во внутренние. На примере провинции Гуандун, которая является главным центром прибытия мигрантов, на *рисунке 5* представлены основные потоки миграции в этих трёх исторических периодах, где красная линия обозначает отток населения из этой провинции, а синяя – приток.

Очевидно, миграционные оттоки из провинции Гуандун начали существенно смещаться в сторону внутренних провинций. Это указывает на то, что снижение чистого миграционного прироста в Гуандуне было связано не только с уменьшением притока, но и с увеличением оттока населения.

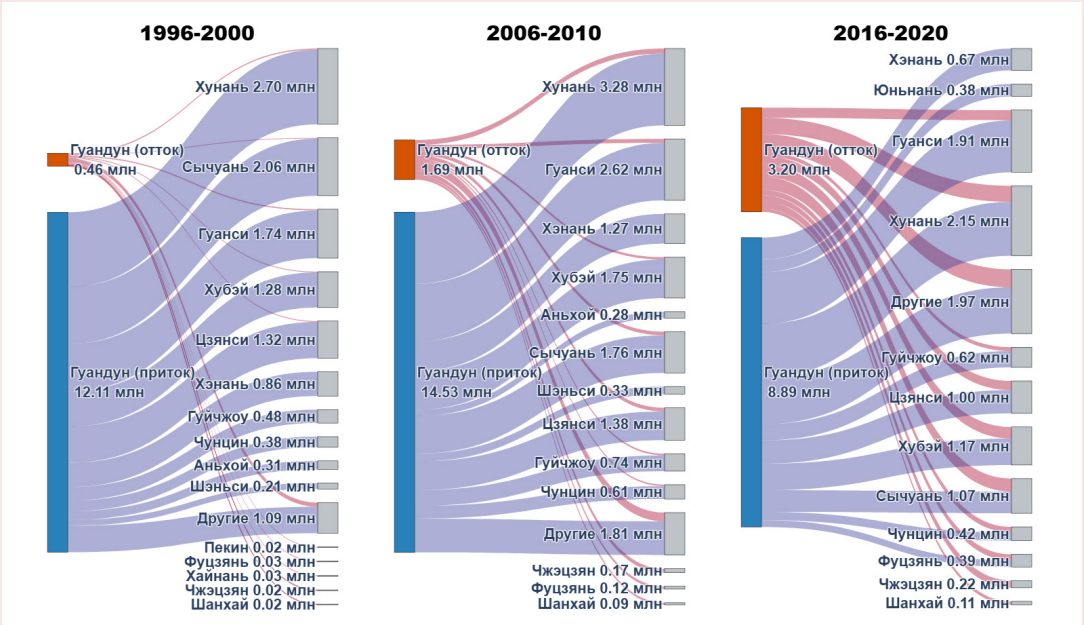
Таким образом, тенденции межпровинциальной миграции в Китае с 1996 по 2020 год можно резюмировать следующим образом. Во-первых, по сравнению с концом XX века общий объём миграции в Китае значительно увеличился в течение первых двух десятилетий XXI века. Гуандун оставался основным пунктом назначения для межпровинциальной миграции, в то время как восточный регион также продемонстрировал заметный рост привлекательности для мигрантов. Во-вторых, в период с 2016 по 2020 год появились крупномасштабные миграционные потоки из Гуандуна в центральные и западные регионы, хотя южные и восточные прибрежные провинции в совокупности оставались основными пунктами назначения для мигрантов.

Детерминанты внутренней миграции в Китае и гравитационная модель

Для дальнейшего анализа мы предлагаем изучить факторы, определяющие межпровинциальную миграцию в Китае. Данные переписи населения 2010 и 2020 гг. включают переменную «Население с регистрацией проживания за пределами своей провинции, сгруппированное по причинам миграции», которая оказывается полезной для этой цели. Поскольку критерии классификации причин миграции различались в разные годы переписи, мы переклассифицировали их по четырём категориям: экономическая деятельность, образование, семейные причины и прочее.

Очевидно, что экономические факторы всегда были главной движущей силой межпровинциальной миграции в Китае. Как показано в *таблице 1*, в период с 2010 по 2020 год такие

Рис. 5. Топ-10 межпровинциальные миграционные потоки в Гуандуне, 1996–2020 гг.



Составлено по: данные 5-й, 6-й и 7-й переписей населения КНР.

Таблица 1. Доля мигрантов между провинциями Китая по причинам, %

Причина миграции	Категория	2010	2020
Трудоустройство или бизнес	Экономическая деятельность	77	68
Переезд по работе			
Образование и профессиональная подготовка	Образование	4	8
Сопровождающие члены семьи	Семейные причины	15	15
Переезд для воссоединения с родственниками или друзьями			
Регистрация по месту жительства			
Брак и супружеские отношения			
Уход за внуками (только в 2020 г.)			
Сопровождение детей для обучения (только в 2020 г.)			
Переезд в связи со сносом жилья	Внешние факторы	1	2
Прочее	Прочее	2	5
Составлено по: данные 6-й и 7-й переписей населения КНР.			

виды экономической деятельности, как «Трудоустройство или бизнес», сохраняли абсолютное доминирование в качестве основной причины межпровинциальной миграции. Хотя их доля сократилась с 77 до 68%, она оставалась значительно выше, чем у других категорий. Это явление подтверждает фундаментальную закономерность следования рабочей силы за капиталом и промышленностью по регионам, что соответствует статусу Китая как «мировой фабрики» и его быстро урбанизирующейся экономике. Обширные исследования в этой области давно установили, что экономически развитые восточные прибрежные регионы Китая больше притягивают мигрантов, в то время как центральные и западные, демонстрирующие менее благоприятные макроэкономические показатели, страдают от миграционных потерь (Понкратова, Маслоцова, 2009).

Традиционно различия в социально-экономическом развитии между регионами, такие как ВРП на душу населения, средняя заработная плата и уровень безработицы, являются ключевыми факторами привлекательности и отталкивания, лежащими в основе решений о миграции. Однако по мере того как разделение труда в социальном производстве становится все более специализированным, вопрос о том, могут ли мигранты эффективно интегрироваться в экономику страны назначения и реализовать ценность своей миграции, требует тщательного анализа потребностей рынка труда. На микроуровне экономические выгоды, которые приносят мигранты, зависят не только от совокупного экономического производства региона или уровня дохода на душу населения, но и от человеческого капитала рабочей силы. Этот человеческий капитал определяет их адаптивность и конкурентоспособность на рынке труда страны назначения (Valei, Mamman, 2024). Если два региона имеют схожую промышленную структуру, то группы мигрантов, возможно, уже занимались связанной с ней работой до переезда, что делает их более адаптируемыми к новой среде. Приведем пример: мигрантам из прибрежных провинций может быть легче найти работу на морских рыболовецких судах в провинции Гуандун, чем мигрантам из внутренних районов. Однако с макроэкономической точки зрения высокая схожесть промышленных структур может также привести к переизбытку квалифицированных рабочих в определенном секторе. По прибытии в новый город мигранты могут столкнуться с жёсткой конкуренцией со стороны местных жителей. И наоборот, различия в промышленных структурах между регионами в данном контексте означают их взаимодополняемость. Следовательно, влияние региональных различий в промышленной структуре на межпровинциальную миграцию не было полностью изучено, что является одним из ключевых направлений исследования.

Кроме того, доля межпровинциальной миграции, связанной с образованием и профессиональной подготовкой, удвоилась с 4 до 8%. Поскольку в Китае политика приёма в началь-

ные и средние школы привязана к прописке (Zhou, Cheung, 2017), образовательная миграция в основном происходит на уровне высшего образования. Однако масштабное расширение системы высшего образования в Китае началось только после 2000 года, поэтому в 1995–2000 гг. доля образовательной миграции, возможно, была ниже 4%. Мы включили количество вузов в качестве контрольной переменной, но его влияние, вероятно, не будет значительным.

Стабильность миграции в связи с семьей подчеркивает усиливающийся механизм миграционных сетей. Доля сопровождающих членов семьи остаётся стабильной на уровне 15%, что указывает на высокую эффективность притяжения, создаваемого мигрантами, которые устанавливают новые социальные сети в принимающих городах. Однако мотивация для миграции с целью воссоединения семьи не вытекает непосредственно из активного выбора места назначения, а скорее сопутствует другим доминирующим факторам. Другими словами, такая миграция возникает из-за пространственной зависимости между членами семьи. Например, мать может мигрировать, чтобы сопровождать ребенка, обучающегося в другом регионе. В этом случае истинной движущей переменной является уровень образования. Следовательно, миграция с целью воссоединения семьи тесно связана с экономическими, образовательными и другими факторами, что затрудняет её идентификацию в качестве независимой переменной. Учитывая это, отдельное включение семейных факторов в анализ модели может вызвать проблемы мультиколлинеарности, ослабляя тем самым объясняющую силу основных экономических и структурных переменных. Поэтому в эмпирическом разделе данного исследования факторы воссоединения семьи напрямую не контролируются.

Внешние факторы, такие как переезд в связи со сносом жилья, оказывают ограниченное влияние на межпровинциальную миграцию. Такие причины обусловливают лишь 1–2% случаев, представляя собой исключительные обстоятельства в обычной миграции и, таким образом, классифицируются как случайные факторы.

В целом сформулированы следующие гипотезы:

1) численность мигрантов положительно коррелирует с экономическим уровнем принимающей провинции и отрицательно коррелирует с экономическим уровнем провинции, из которой они прибывают;

2) чем больше различия в промышленной структуре между провинциями, тем выше численность мигрантов.

Для проверки этих гипотез и с учетом доступности информации мы собрали следующие данные для эмпирического исследования (*табл. 2*).

Таблица 2. Описание и источники данных

Показатель	Описание	Источник
Межпровинциальные миграционные потоки	Население по месту текущего проживания и постоянного проживания пять лет назад	Данные переписи населения Китая
ВРП на душу населения	ВРП на душу населения, 1996–2020 гг., юаней	Онлайн-база данных Национального бюро статистики Китая
Данные о добавленной стоимости промышленности провинций по секторам	Включает семь секторов: финансы, сельское хозяйство/лесоводство/животноводство/рыболовство, транспорт, ритейл, обрабатывающую промышленность, общественное питание и строительство, 1996–2020 гг.	
Общая численность населения	Общая численность населения по провинциям, 1996–2020 гг.	
Количество вузов	Количество вузов в каждой провинции	
Географическое расстояние	Расстояние по прямой, рассчитанное на основе координат столицы провинции	Tianditu – база данных карт КНР

Примечание. Численность населения Чунцина до 1997 года была включена в данные по провинции Сычуань. На основании соотношения численности населения обоих регионов в 1997 году были пересчитаны их данные за 1996 год.
Составлено по: данные 5-й, 6-й и 7-й переписей населения КНР; Годовые данные // National Bureau of Statistics of China. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103 (дата обращения: 28.10.2025); Стандартная векторная карта КНР 2025 г. // Национальная платформа общественных услуг в области географической информации «Тяньдиту». URL: https://www.tianditu.gov.cn/ (дата обращения: 28.10.2025).

Используя данные о росте промышленности по конкретным секторам, мы оценили различия в промышленной структуре между каждой парой провинций на основе индекса специализации Кругмана (KI) (Rastvortseva, Chentsova, 2015). Поскольку в работе нами используются миграционные данные за пятилетний цикл, метод расчёта можно выразить следующим образом:

$$KI_y = \sum_{k=1}^{n} |S_{y,y-4}^{i,k} - S_{y,y-4}^{j,k}|,$$

где KI_y – индекс Кругмана в году y;

$S_{y,y-4}^{i,k}$ – доля общей добавленной стоимости, созданной отраслью k в регионе i в период с года $y-4$ по год y, так как сам год y также включен в расчет;

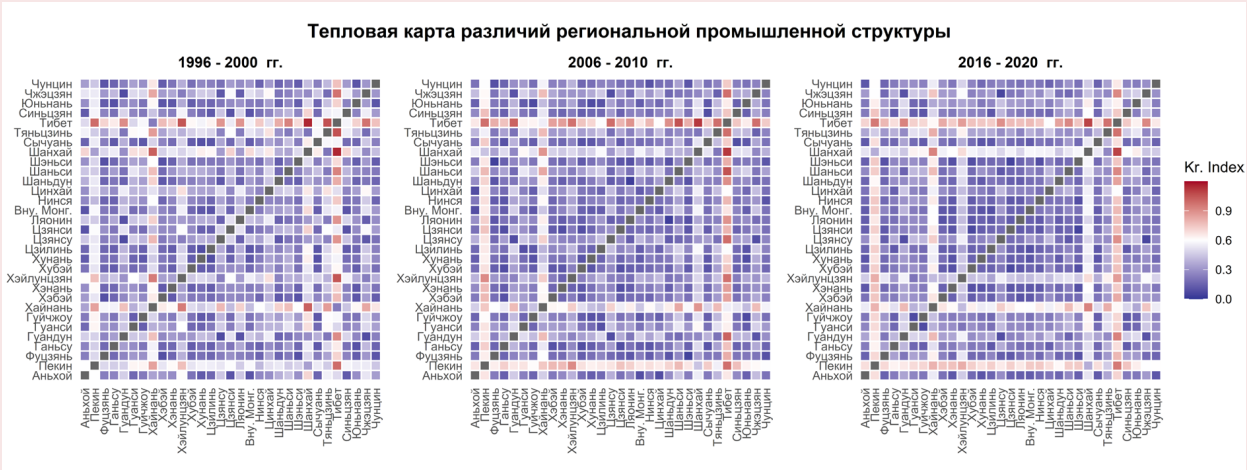
$S_{y,y-4}^{j,k}$ – соответствующий показатель для провинции j.

Разница между этими двумя значениями показывает различие в доле отрасли k в структуре промышленности двух регионов. Этот индекс варьируется от 0 до 2, где 0 означает идентичные промышленные структуры, а 2 – полное расхождение. На *рисунке 6* показана степень расхождения промышленных структур между провинциями Китая за три периода времени.

Как видно из диаграммы, между промышленными структурами провинций Китая действительно существуют различия. Например, индекс расхождения в промышленной структуре между внутренней провинцией Аньхой и Шанхаем в 2000 году составлял 0,712, тогда как с провинцией Гуандун – всего 0,456. С временной точки зрения, по сравнению со второй половиной 1990-х годов индекс расхождения в промышленности между провинциями Китая после 2000 года демонстрировал тенденцию к росту, что отражено на изображении увеличением красных областей. Это было особенно очевидно в Хайнане, Пекине и Тибете, что, возможно, повлияло на изменение миграционных потоков.

Гравитационная модель является одной из наиболее классических эмпирических моделей для изучения факторов, определяющих миграционные потоки. Ее первоначальная формулировка была основана на физическом законе всемирного тяготения, согласно которому масштаб перемещения населения между двумя регионами пропорционален их совокупной численности и обратно пропорционален расстоянию между ними. В последующих уточнениях были учтены дополнительные соображения. С опорой на подход Wang и соавторов к пере-

Рис. 6. Индекс различий межрегиональной структуры промышленности Китая



Рассчитано по: данные о добавленной стоимости промышленности провинций по секторам.

менным промышленной структуры (Wang et al., 2022) и методологию Вакуленко и др. для расчета пар переменных (Вакуленко и др., 2011), а также интегрируя наш дизайн переменных, выражение модели может быть сформулировано следующим образом:

$$lnM_{ij} = \alpha Y_i + \beta Y_j + \gamma \ln(D_{i,j}) + \delta KI_{i,j} + \varepsilon_{i,j},$$

где M_{ij} – количество мигрантов из региона i в регион j, Y_i и Y_j представляют характеристическую матрицу региона i и j соответственно; к ним относятся логарифм ВРП, логарифм численности постоянно проживающих и логарифм количества вузов;

$D_{i,j}$ – расстояние по прямой между столицами провинций;

$KI_{i,j}$ – индекс расхождения промышленной структуры между регионами i и j;

$\alpha, \beta, \gamma, \delta$ – соответствующие коэффициенты влияния. Следует отметить, что, поскольку данные по миграции собираются с циклом в 5 лет, все независимые переменные принимают средние значения за соответствующий период.

Результаты моделирования

Модели 1–3 демонстрируют многомерные детерминанты межпровинциальных миграционных потоков в Китае. В качестве зависимой переменной используется логарифм межпровинциального миграционного потока (ln M(ij)) между регионом выбытия и регионом прибытия; наблюдениями являются 2790 пар «регион выбытия – регион прибытия» за три периода (31 провинция × 30 пар направлений × 3 периода), нулевые потоки в выборке отсутствуют. В модель включены фиксированные эффекты года (year_factor) для контроля общих временных шоков (*табл. 3*).

Основные элементы классической гравитационной модели подтверждаются в модели 1: численность населения региона происхождения и региона назначения оказывают значимое положительное влияние на миграционные потоки. Географическое расстояние оказывает значимое отрицательное влияние, что отражает сдерживающее воздействие миграционных издержек на миграционные потоки. Модель 1 включает только фиксированные эффекты по годам. Фиксированные эффекты по парам провинций здесь не применимы, поскольку ключевая переменная – расстояние между провинциями – является уникальной и фиксированной величиной, и они будут полностью коллинеарными с фиксированными эффектами по парам провинций. Тем не менее мы попытались добавить фиксированные эффекты по провинции отдельно, но коэффициент численности населения в пункте назначения стал отрицательным. Из-за огромной численности населения относительные изменения численности населения в провинциях Китая происходят медленно и могут

Таблица 3. Результаты регрессии

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
ln(Population_from)	0,834*** (0,023)	1,386*** (0,194)	0,786*** (0,054)
ln(Population_to)	0,626*** (0,023)	-0,431* (0,194)	0,918*** (0,054)
ln(Distance)	-1,020*** (0,034)	-1,241*** (0,027)	-0,986*** (0,028)
ln(GDP_per_capita_from)			-0,343*** (0,049)
ln(GDP_per_capita_to)			1,442*** (0,049)
Krugman Index			0,500*** (0,096)
ln(University_from)			0,135* (0,067)
ln(University_to)			-0,357*** (0,067)
Fixed-Effects:			
year_factor	Yes	Yes	Yes
S.E. type	IID	IID	IID
Observations	2,790	2,790	2,790
R2	0,607	0,832	0,748
Within R2	0,578	0,441	0,730
Signif. codes: 0 '***' 0,001 '**' 0,01 '*' 0,05 '.' 0,1 ' ' 1.			
Источник: составлено авторами.			

рассматриваться как неизменная характеристика, а добавление фиксированных эффектов для провинций в значительной степени компенсирует эту характеристику, что приводит к ослаблению объясняющей способности переменной численности населения и значительному снижению показателя R^2 внутри группы. С учетом теоретических предпосылок модель гравитации мы в итоге выбрали модель, содержащую только фиксированные эффекты по годам.

Далее, после включения других переменных, показатель R^2 вырос с 0,607 до 0,748, что свидетельствует о значительном улучшении способности модели объяснять структуру межпровинциальной миграции. Оценки влияния ВРП на душу населения соответствуют ожиданиям: ВРП на душу населения в пунктах назначения миграции оказывает значимое положительное влияние, а в пунктах происхождения – значимое отрицательное, что подтверждает гипотезу 1.

Индекс Кругмана демонстрирует значительный положительный эффект, что подтверждает гипотезу 2 о взаимодополняемости региональных экономик: различия в отраслевой структуре между провинциями способствуют межпровинциальной миграции на основе соответствия квалификаций. Таким образом, обе основные гипотезы были подтверждены.

Что касается робастности модели, мы провели проверку в различных условиях (*табл. 4*). Во-первых, после построения модели 4 с использованием робастных стандартных ошибок, учитывающих гетероскедастичность, знаки коэффициентов и уровни значимости ключевых объясняющих переменных совпали с результатами модели 3, что свидетельствует об отсутствии влияния гетероскедастичности на результаты. Во-вторых, учитывая, что перепись населения проводится в ноябре, а не в январе каждого десятилетия, данные не полностью разбиты по календарным годам. На примере 2020 года «провинция постоянного проживания 5 лет назад» фактически включает в себя два месяца 2015 года, поэтому для дальнейшей проверки мы перестроили модель 5 с шестилетним циклом. Результаты показывают, что знак коэффициентов и их значимость для основных переменных практически не изменились.

Наконец, что касается проблемы эндогенности, то, несмотря на использование средних значений за пятилетний период, мы не можем полностью исключить влияние иммиграции на структуру местного населения и экономические показатели. Например, миграция 1997 года фактически повлияет на данные о численности населения и ВРП за тот год и последующие, поэтому мы использовали данные за год, предшествующий началу каждого цикла, в качестве инструментальных переменных в модели 6 (например, для периода 1996–2020 гг. учитывались данные за 1995 год). Преимущество использования исторических данных заключается в том, что текущая миграция не может на них повлиять.

Таблица 4. Тест на устойчивость регрессии

	Модель 4	Модель 5	Модель 6
ln(Population_from)	0,786*** (0,0505)	0,790*** (0,053)	0,806*** (0,053)
ln(Population_to)	0,918*** (0,059)	0,913*** (0,053)	0,846*** (0,053)
ln(Distance)	-0,986*** (0,028)	-0,988*** (0,028)	-0,998*** (0,028)
ln(GDP_per_capita_from)	-0,343*** (0,049)	-0,340*** (0,049)	-0,305*** (0,048)
ln(GDP_per_capita_to)	1,442*** (0,050)	1,440*** (0,049)	1,369*** (0,048)
Krugman Index	0,500*** (0,097)	0,511*** (0,097)	0,529*** (0,097)
ln(University_from)	0,135* (0,061)	0,123 (0,067)	0,100 (0,067)
ln(University_to)	-0,357*** (0,070)	-0,352*** (0,067)	-0,271*** (0,067)
Fixed-Effects:			
year_factor	Yes	Yes	Yes
S.E. type	Hetero.-rob.	IID	IID
Observations	2,790	2,790	2,790
R2	0,748	0,749	0,747
Signif. codes: 0 '***' 0,001 '**' 0,01 '*' 0,05 '.' 0,1 ' ' 1.			
Источник: составлено авторами.			

Результаты показали, что знаки и значимость ключевых переменных остались неизменными, что свидетельствует о надежности результатов. Среди контрольных переменных значимость количества вузов в провинции происхождения снизилась, что указывает на ограниченное влияние этого индикатора на миграцию в целом. Однако следует подчеркнуть: нельзя утверждать, что модель 6 обязательно лучше базовой модели. Поскольку экономические данные носят временной характер, мигранты 2000 года вряд ли принимали решения на основе ситуации 1995 года. А базовая модель использует данные текущего периода, что может обеспечить более высокую объясняющую способность. При анализе необходимо сравнивать выводы различных моделей.

Выводы

С конца XX века макромодель межпровинциальной миграции в Китае претерпела изменения как в отношении масштабов, так и направлений. В период с 1996 по 2000 год миграционные потоки были в основном сосредоточены на юге страны, провинция Гуандун стала крупнейшим чистым получателем притока населения. Однако в период с 2006 по 2010 год приток мигрантов в регионы Шанхай – Цзянсу – Чжэцзян и Пекин – Тяньцзинь неуклонно увеличивался, сокращая разрыв с Гуандуном и формируя многополярную модель. К 2016–2020 гг. миграционные сети стали более сложными, продемонстрировав тенденции к региональному уравновешиванию. Способность прибрежных регионов принимать мигрантов достигла пика, в то время как в основных провинциях – экспортерах населения в центральной и западной частях Китая отток населения в целом сократился. Кроме того, впервые отмечен массовый поток мигрантов из провинции Гуандун в центральные и западные регионы.

В основе этих изменений лежат экономические факторы, которые остаются главной движущей силой межпровинциальной миграции в Китае. В статье сначала проверяются гипотезы классической гравитационной модели и доказывается, что численность населения, расстояние и показатель ВРП на душу населения являются основными определяющими факторами миграционных потоков. В то же время мы впервые подчеркиваем влияние различий в структуре промышленности на межпровинциальную миграцию.

Исходя из приведённого анализа, предполагаем, что в период 2026–2030 гг. масштабы межпровинциальной миграции населения в Китае скорее всего останутся на уровне, приближенном к 2016–2020 гг., и не повторят динамику быстрого роста, которая наблюдалась в начале XXI века, т. к. с ростом жизненных издержек и затрат на рабочую силу в восточных регионах перемещение промышленности становится неизбежной тенденцией. В то же время продолжается развитие инфраструктуры в провинциях центральной и западной частей Китая, а доля экономического сотрудничества с Россией, государствами Восточной Европы и внутренними странами Центральной Азии во внешней торговле Китая постоянно растёт. Всё это приведёт в недалёком будущем к сокращению разрыва в показателях ВРП на душу населения и структуре промышленности между провинциями, ослабив мотивацию к миграции. Старение первого поколения мигрантов и их стремление вернуться в родные места также могут способствовать этому процессу. По нашим прогнозам, центры межпровинциальной миграции в Китае не претерпят значительных изменений, т. к. трансформации в отраслевой структуре обычно происходят медленно, а преимущество экономически развитых регионов, обусловленное их опережением в развитии, нельзя игнорировать. Новые индустрии также, как правило, возникают именно в экономически развитых регионах. Например, самая известная в Китае компания в сфере искусственного интеллекта DeepSeek расположена в провинции Чжэцзян. Даже если такие новые индустрии не являются трудоемкими, развитие связанных с ними отраслей и сферы услуг, которое они стимулируют, способно привлечь значительное количество трудоспособного населения. Поэтому мы прогнозируем, что провинция Гуандун и регион Шанхай – Цзясу – Чжэцзян останутся основными направлениями миграции населения, хотя их привлекательность вряд ли будет такой же сильной, как в начале века.

Литература

Баженова Е.С., Островский А.В. (1991). Население Китая. Москва: Издательство «Мысль». С. 51–52.

Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. (2011). Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации // Прикладная эконометрика. Т. 21. № 1. С. 35–55.

Воробьева О.Д., Топилин А.В., Ниорадзе Г.В., Хроленко Т.С. (2024). Взаимосвязь миграции и демографического старения населения регионов России: анализ на уровне возрастных групп // Народонаселение. № 2. С. 149–164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-149-164

Маслов А.А. (2021). Динамика внутренней миграции и проблема развития северо-восточных регионов Китая в 2010–2020 годах // Народонаселение. Т. 24. № 3. С. 135–150. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.11

Понкратова Л.А., Маслоцова Е.В. (2009). Межрегиональная миграция в КНР: особенности и тенденции // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки. № 47. С. 77–80.

Понкратова Л.А., Тракова Е.В. (2018). Анализ внутренней миграции в КНР // Экономический анализ: теория и практика. Т. 17. № 4 (475). С. 722–735. DOI: 10.24891/ea.17.4.722

Рыбаковский О.Л., Мартыненко С.В. (2011). Региональные аспекты анализа миграции населения // Народонаселение. Т. 54. № 4. С. 47–54.

Смирнов А.В. (2024). Межрегиональные миграционные потоки в России: сетевой подход // AlterEconomics. № 2. С. 286–301. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.7

Сунь Ю. (2016). Влияние иммиграционного потока на региональную экономику: к вопросу о повышении экономической конкурентоспособности провинции Цзянси // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (43). С. 187–194. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.12

Cao Yu et al. (2023). Understanding population movement and the evolution of urban spatial patterns: An empirical study on social network fusion data. *Land Use Policy,* 125, 106454. DOI: 10.1016/j.landusepol.2022.106454

Chen M., Lloyd C.J., Yip P.S.F. (2020). Growing rich without growing old: The impact of internal migration in China. *Asian Population Studies*, 16(2), 183–200. DOI: 10.1080/17441730.2020.1750187

Fan C.C. (2005). Modeling interprovincial migration in China, 1985–2000. *Eurasian Geography and Economics*, 46(3), 165–184. DOI: 10.2747/1538-7216.46.3.165

Gao X., Wang X. (2020). The trends of migration in China, 1949–2019. *China Population and Development Studies*, 3, 154–159. DOI: 10.1007/s42379-019-00035-4

Liang Z., Chen Y.P., Gu Y. (2002). Rural industrialisation and internal migration in China. *Urban Studies*, 39(12), 2175–2187. DOI: 10.1080/0042098022000033926

Liu T., Qi Y., Cao G., Liu H. (2015). Spatial patterns, driving forces, and urbanization effects of China's internal migration: County-level analysis based on the 2000 and 2010 censuses. *Journal of Geographical Sciences*, 25(2), 236–256. DOI: 10.1007/s11442-015-1165-z

Liu Y., Shen J. (2014). Spatial patterns and determinants of skilled internal migration in China, 2000–2005. *Papers in Regional Science*, 93(4), 749–771. DOI: 10.1111/pirs.12014

Qi W., Abel G.J., Liu S. (2021). Geographic transformation of China's internal population migration from 1995 to 2015: Insights from the migration centerline. *Applied Geography*, 135, 102564. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102564

Rastvortseva S.N., Chentsova A.S. (2015). Regional specialization and geographical concentration of industry in Russia. *Regional Science Inquiry*, 7(2), 97–106.

Shen J. (2012). Changing patterns and determinants of interprovincial migration in China 1985–2000. *Population, Space and Place*, 18(3), 384–402. DOI: 10.1002/psp.668

Shi Q., Liu T. Feng C. (2025). The changing geography of interprovincial migration in China: History and new trends. *Eurasian Geography and Economics*, 66(4-5), 507–529. DOI: 10.1080/15387216.2024.2379847

Valei A., Mamman S.O. (2024). The impact of socioeconomic factors on BRICS migrants in the Russian Federation. *Economic Sociology*, 25(2), 160–176. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-2-160-176

Wang Y., Li X., Yao X., Li S., Liu Y. (2022). Intercity population migration conditioned by city industry structures. *Annals of the American Association of Geographers*, 112(5), 1441–1460. DOI: 10.1080/24694452.2021.1977110

Wang Y., Lin S., Carruthers J.I. (2025). Tracking the peacocks: A gravity analysis of the Chinese migration system, 1990–2020. *Ann Reg Sci,* 74, 3. DOI: 10.1007/s00168-024-01339-1

Zhou S., Cheung M. (2017). Hukou system effects on migrant children's education in China: Learning from past disparities. *International Social Work*, 60(6), 1327–1342. DOI: 10.1177/0020872817725134

Zipf G.K. (1946). The P_1P_2/D hypothesis: On the intercity movement of persons. *American Sociological Review*, 11(6), 677–686. DOI: 10.2307/2087063

Zou Y. (2022). Restructuring Beijing: Upscaling a megacity toward the capital city-region. *Urban Geography*, 43(8), 1276–1286. DOI: 10.1080/02723638.2022.2089456

Сведения об авторах

Юаньци Чжоу – аспирант, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; e-mail: Buktop2486555@gmail.com)

Ольга Дмитриевна Воробьёва – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1); профессор, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; e-mail: 89166130069@mail.ru)

Zhou Yu., Vorobieva O.D.

Inter-Provincial Migration Flows in China, 1996–2020: Evolution and Forecast

Abstract. Based on data from the 5th, 6th, and 7th Chinese population censuses, this study analyzes interprovincial migration flows in China from 1996 to 2020. The evolution of the migration pattern is identified. In 1996–2000, Guangdong Province dominated – a unipolar structure, with main flows directed from central and southwestern regions. In 2006–2010, a multipolar model emerged: the Yangtze River Delta region (Shanghai, Jiangsu, Zhejiang) and Beijing with Tianjin were added to Guangdong. In 2016–2020, the migration system became polycentric and more balanced. Large-scale return flows from Guangdong to central and western provinces (Sichuan, Hunan, Hubei, Jiangxi) were recorded for the first time. To identify migration drivers, a gravity model is constructed, including provincial population size, geographical distance, GRP per capita, the Krugman index of structural differences, and the number of universities. The results show that GRP per capita in the destination region has a positive effect, while in the origin region it has a negative effect. The Krugman index has a significant positive coefficient, meaning that differences in industrial structure do not hinder migration but rather promote it (complementarity effect of industrial structures). The robustness of the results is confirmed by models with heteroskedasticity-robust standard errors, with a six-year accounting interval and with instrumental variables. Thus, the main driving forces behind the evolution of migration flows in China remain regional economic disparities and interregional division of labor. We expect Guangdong Province and the Shanghai – Jiangsu – Zhejiang region to remain the main destinations for population migration in 2026–2030, but their attractiveness is unlikely to be as strong as it was at the beginning of the 21st century. The obtained results can be used in adjusting regional demographic and economic policies, such as forecasting migration trends and developing migration policy.

Key words: internal migration, inter-provincial migration, China, migration flows, gravity model.

Information about the Authors

Yuanqi Zhou – Postgraduate Student, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, building 13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: Buktop2486555@gmail.com)

Olga D. Vorobieva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Social Demography FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); professor, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, building 13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: 89166130069@mail.ru)

Статья поступила 10.06.2026.

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.17

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области[1].

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2026 г.), а также за период с октября 2025 по октябрь 2026 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина), 2018 (первый год IV президентского срока В.В. Путина), 2023 (последний полный год IV президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2007–2025 гг.[2]

За период с августа по октябрь 2026 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ незначительно увеличился (с 61 до 64%). Удельный вес отрицательных суждений остался в пределах 23–24%[3].

За последние 12 месяцев (с октября 2025 по октябрь 2026 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства несущественно сократилась – с 66 до 64%[4].

---

[1] Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных округах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте http://www.vscc.ac.ru/.

[2] В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

[3] Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом

[4] Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в октябре 2025 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в октябре 2024 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?* (в % от числа опрошенных)

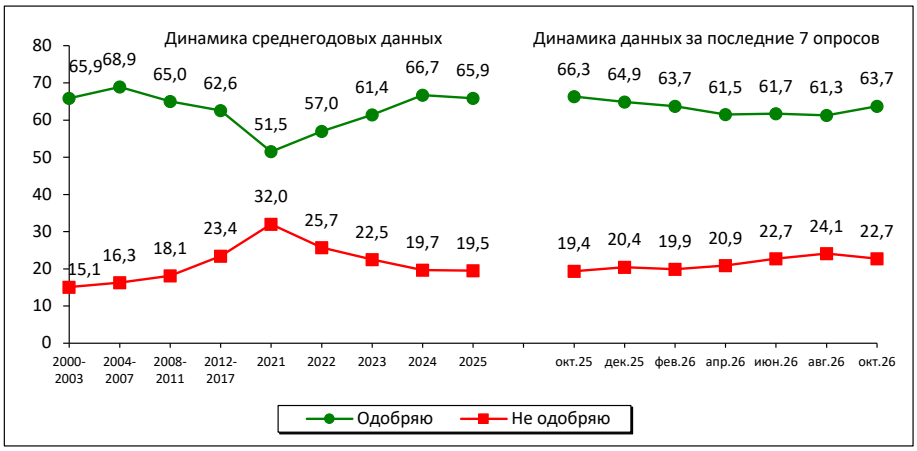
Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	2000	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Авг. 2026	Окт. 2026	окт. 2025	авг. 2026
Президент РФ																		
Одобряю	66,0	75,3	51,7	66,4	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9	66,3	64,9	63,7	61,5	61,7	61,3	63,7	-3	+2
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,0	25,7	22,5	19,7	19,5	19,4	20,4	19,9	20,9	22,7	24,1	22,5	+3	-2
Председатель Правительства РФ																		
Одобряю	–	–	49,6	48,0	39,9	45,4	50,1	54,1	54,4	55,7	54,0	51,1	48,9	49,1	48,6	51,7	-4	+3
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	37,6	32,0	27,6	24,8	22,5	23,1	22,2	21,3	22,8	25,1	26,8	24,8	+2	-2
Губернатор области**																		
Одобряю	56,1	55,8	41,9	38,4	36,7	40,9	48,1	51,7	42,5	41,8	42,8	40,2	38,2	37,3	36,3	37,5	-4	+1
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	40,5	35,8	30,9	28,4	37,2	41,3	39,3	39,0	41,2	42,3	44,1	45,3	+4	+1

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Далее респондентам предлагался список органов власти различных уровней для оценки их работы с вариантами ответов: «полностью одобряю», «в основном одобряю», «в основном не одобряю», «полностью не одобряю», «с деятельностью не знаком», «затрудняюсь ответить».

*Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

** 31 октября 2023 г. Указом Президента РФ временно исполняющим обязанности губернатора Вологодской области был назначен Георгий Юрьевич Филимонов. По итогам региональных выборов, состоявшихся 6–8 сентября 2024 г., Г.Ю. Филимонов набрал 62,3% голосов и стал избранным Губернатором Вологодской области.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*



Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Одобряю	-3	+2
Не одобряю	+3	-2

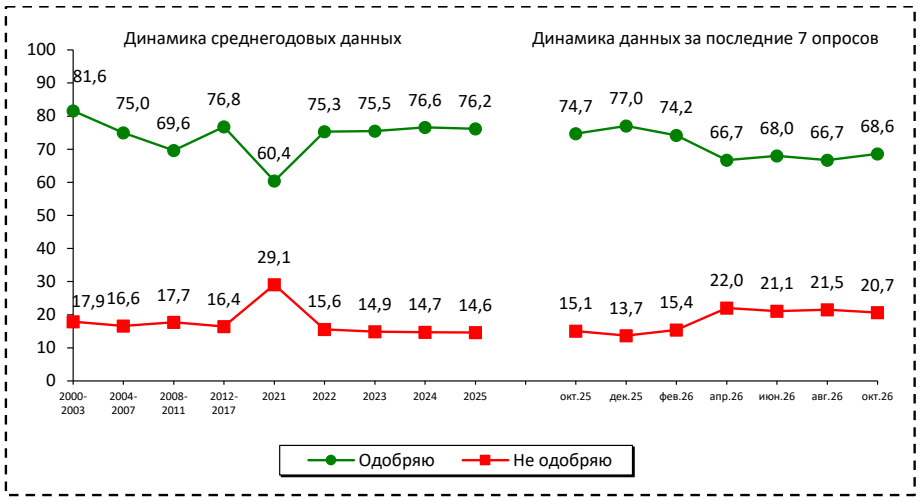
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, оценка деятельности Президента РФ с августа по первую половину октября 2026 г. не изменилась: доля положительных суждений составляет 67–69%, отрицательных – 21–22%.

С октября 2025 по октябрь 2026 г. уровень одобрения работы Президента РФ снизился на 6 п. п. (с 75 до 69%). Фиксируется увеличение доли отрицательных оценок.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)



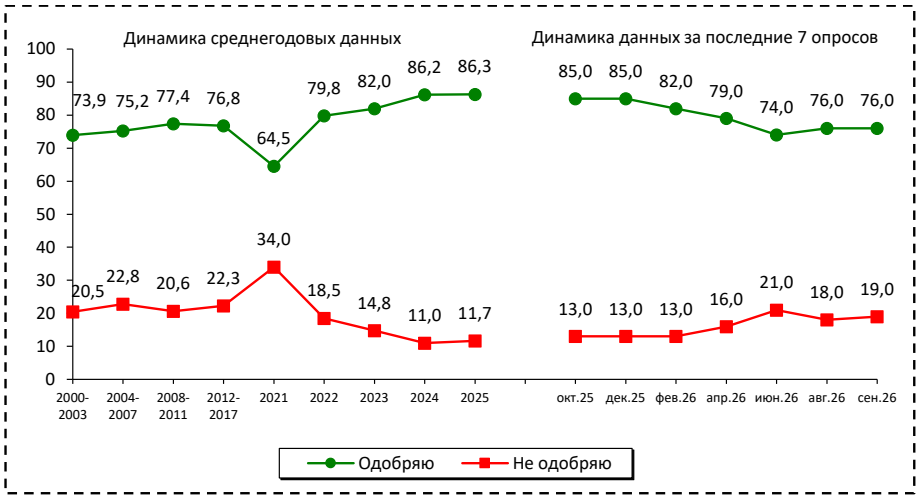
Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Одобряю	-6	+2
Не одобряю	+6	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Данные за октябрь – за один опрос от 04.10.2026.
Источник: данные ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/

По данным Левада-Центра, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в августе – сентябре 2026 г. составил 76%; доля отрицательных характеристик – 18–19%.*

За год наблюдений зафиксированы негативные изменения: доля положительных оценок снизилась на 9 п. п. (с 85 до 76%), отрицательных – выросла на 6 п. п. (с 13 до 19%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)



Вариант ответа	Изменение (+/-), сен. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Одобряю	-9	0
Не одобряю	+6	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?».
Источник: данные Левада-Центра*. URL: https://www.levada.ru/

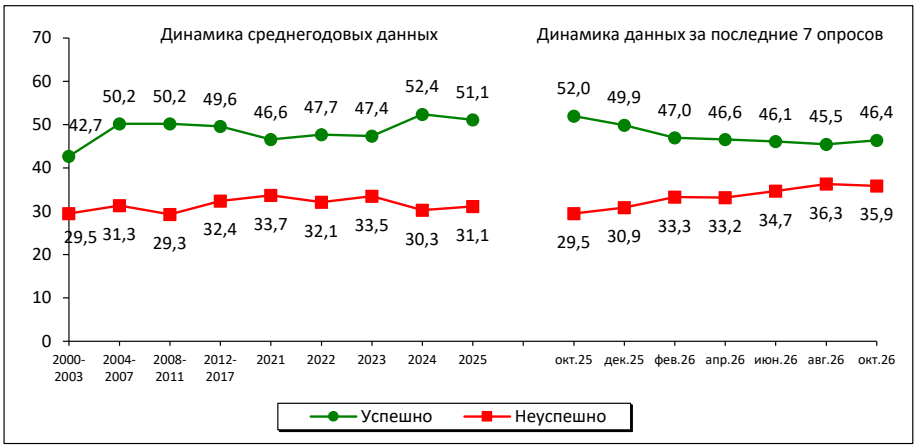
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, остается стабильным и составляет 46%. Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, меньше и составляет 36%.

С октября 2025 по октябрь 2026 г. доля положительных оценок работы Президента РФ по укреплению международных позиций России снизилась на 6 п. п (с 52 до 46%).

Укрепление международных позиций России

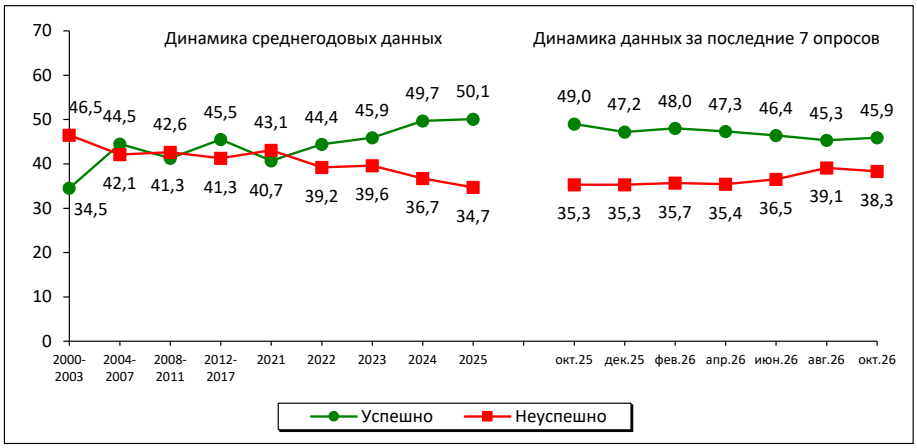


Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Успешно	-6	+1
Неуспешно	+6	0

В августе – октябре 2026 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, не изменилась и составила 45–46%.

За последние 12 месяцев (с октября 2025 по октябрь 2026 г.) оценки населения значительных изменений также не претерпели: доля положительных суждений составляет 49–46%, отрицательных – 35–38%.

Наведение порядка в стране

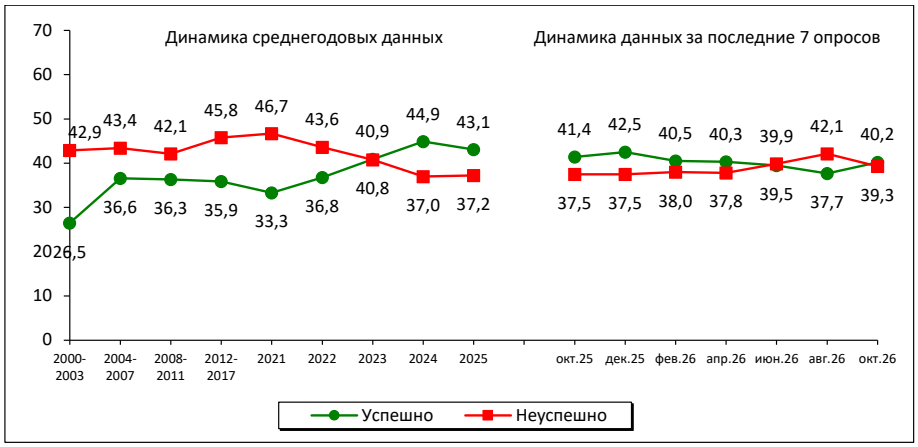


Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Успешно	-3	+1
Неуспешно	+3	-1

В октябре по сравнению с августом 2026 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, незначительно возросла – на 3 п. п.

За 12 месяцев оценки населения не претерпели существенных изменений. Удельный вес одобряющих работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан составил 40–41%; доля отрицательных суждений ниже – 38–39%.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

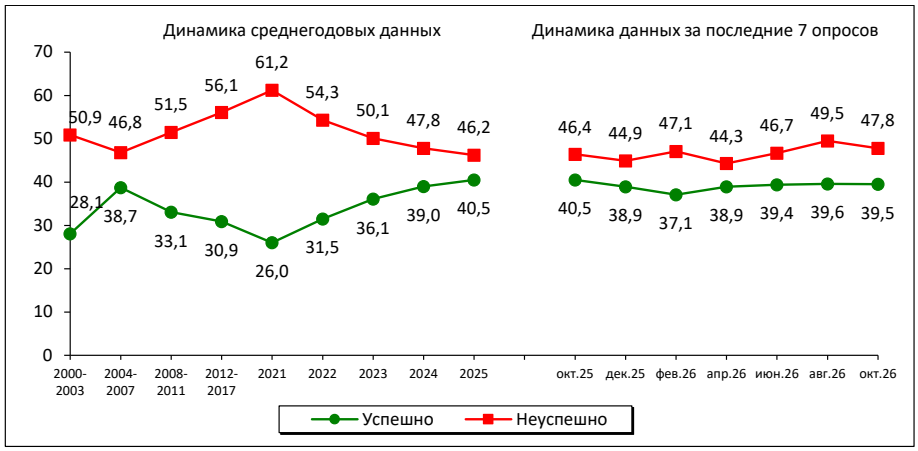


Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Успешно	-1	+3
Неуспешно	+2	-3

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за октябрь – август 2026 г. не изменилась и составила 48–49%.

Оценки работы главы государства по решению экономических вопросов в октябре 2026 г. остались на уровне октября 2025 г.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан



Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Успешно	-1	0
Неуспешно	+1	-2

Структура партийно-политических предпочтений жителей области в августе – октябре 2026 г. оставалась стабильной. Доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 36–37%, КПРФ –11–12%, ЛДПР – 9%, «Справедливая Россия» – 4–5%, «Новые люди» – 3–4%.

В период с октября 2025 по октябрь 2026 г. уровень поддержки партии «Единая Россия» снизился на 4 п. п. (с 41 до 37%). Поддержка остальных политических партий, представленных в парламенте, за этот период не изменилась.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	2011	2012	2016	2018	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Авг. 2026	Окт. 2026	окт. 2025	авг. 2026
Единая Россия	31,1	29,1	35,4	37,9	31,5	31,7	35,2	39,5	42,9	40,3	40,5	38,1	36,1	35,7	36,8	36,1	36,6	-4	+1
КПРФ	10,3	10,6	8,3	9,2	8,4	9,3	10,1	9,6	8,9	9,6	10,5	9,7	9,2	8,1	8,9	10,5	11,9	+1	+1
ЛДПР	7,8	7,8	10,4	9,6	9,5	9,9	7,3	7,0	7,1	8,2	7,8	8,6	8,9	7,9	7,6	8,6	9,2	+1	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	5,6	6,6	4,2	2,9	4,7	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	3,4	4,1	3,1	4,3	3,7	4,5	3,7	0	-1
Новые люди*	–	–	–	–	–	2,3	1,5	1,9	2,0	2,5	2,2	2,5	2,4	2,3	2,6	2,5	3,6	+1	+1
Другая	1,9	2,1	0,3	0,7	0,5	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5	0,3	0	0
Никакая	29,4	31,3	29,4	28,5	34,2	33,9	30,6	26,5	25,2	25,8	24,3	26,1	29,1	31,5	30,5	27,9	25,2	+1	-3
Затрудняюсь ответить	13,2	11,7	12,0	11,2	11,1	10,0	10,1	11,1	10,3	10,0	11,3	10,7	11,0	9,8	9,7	9,3	9,5	-2	0

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

По данным ЦИК РФ, в период с 2021 по 2026 г. уровень поддержки «Единой России» на выборах в Государственную Думу РФ в целом по СЗФО вырос на 8,98 п. п. (с 34,94 до 43,92%). Поддержка КПРФ снизилась на 3,97 п. п. (с 21,14 до 17,17%), «Справедливой России» – на 3,99 п. п. (с 10,33 до 6,34%). Одновременно выросла поддержка ЛДПР – на 2,44 п. п. (с 10,12 до 12,56%) и «Новых людей» – на 2,76 п. п. (с 7,55 до 10,31%).

Рост поддержки «Единой России» зафиксирован в 10 из 11 регионов СЗФО. Наибольший прирост наблюдается в г. Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Псковской области. Снижение отмечено только в Вологодской области и Республике Карелии.

Результаты выборов в Государственную Думу РФ VIII и IX созывов (по данным ЦИК РФ)

Регион СЗФО	Единая Россия			КПРФ			ЛДПР			Справедливая Россия			Новые люди		
	2021	2026	Изменение (+/-), 2026 к 2021	2021	2026	Изменение (+/-), 2026 к 2021	2021	2026	Изменение (+/-), 2026 к 2021	2021	2026	Изменение (+/-), 2026 к 2021	2021	2026	Изменение (+/-), 2026 к 2021
СЗФО	**34,94**	**43,92**	**+8,98**	**21,14**	**17,17**	**-3,97**	**10,12**	**12,56**	**+2,44**	**10,33**	**6,34**	**-3,99**	**7,55**	**10,31**	**+2,76**
Ленинградская область	43,05	58,23	+15,18	18,38	9,42	-8,96	8,39	11,99	+3,60	9,85	4,98	-4,87	6,59	7,76	+1,17
Псковская область	40,07	54,48	+14,41	21,52	14,59	-6,93	8,64	9,25	+0,61	9,05	6,03	-3,02	6,23	7,98	+1,75
Санкт-Петербург	35,01	54,38	+19,37	17,89	10,33	-7,56	6,22	11,09	+4,87	10,70	3,55	-7,15	7,54	11,73	+4,19
Калининградская область	41,10	52,32	+11,22	20,18	13,81	-6,37	9,59	9,95	+0,36	8,97	4,76	-4,21	6,17	10,99	+4,82
Республика Коми	29,44	43,52	+14,08	26,88	21,22	-5,66	11,96	12,14	+0,18	8,33	4,75	-3,58	9,57	8,73	-0,84
Ненецкий автономный округ	29,06	42,07	+13,01	31,98	23,14	-8,84	11,19	14,93	+3,74	7,97	4,60	-3,37	6,48	7,62	+1,14
Новгородская область	32,51	40,10	+7,59	21,33	17,79	-3,54	9,24	11,58	+2,34	14,37	7,64	-6,73	7,63	11,69	+4,06
Мурманская область	35,81	40,07	+4,26	17,81	15,58	-2,23	11,06	13,96	+2,90	11,21	7,36	-3,85	8,56	12,36	+3,80
Архангельская область	32,17	35,36	+3,19	18,69	19,10	+0,41	12,96	15,21	+2,25	11,13	7,65	-3,48	9,68	11,48	+1,80
Республика Карелия	31,69	31,44	-0,25	16,01	16,46	+0,45	9,77	13,74	+3,97	11,73	12,55	+0,82	7,00	12,27	+5,27
Вологодская область	34,40	31,10	-3,3	21,82	27,42	+5,6	12,35	14,30	+1,95	10,31	5,82	-4,49	7,55	10,82	+3,27

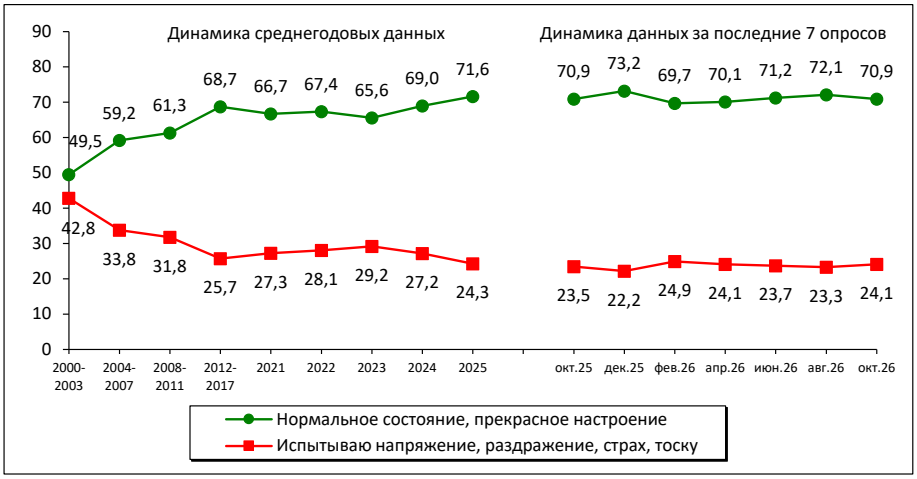
Источник: данные ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения составил 71–72%; доля негативных характеристик – 23–24%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», не изменилась и составила 71%. Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску» – 24%.

Социальное настроение

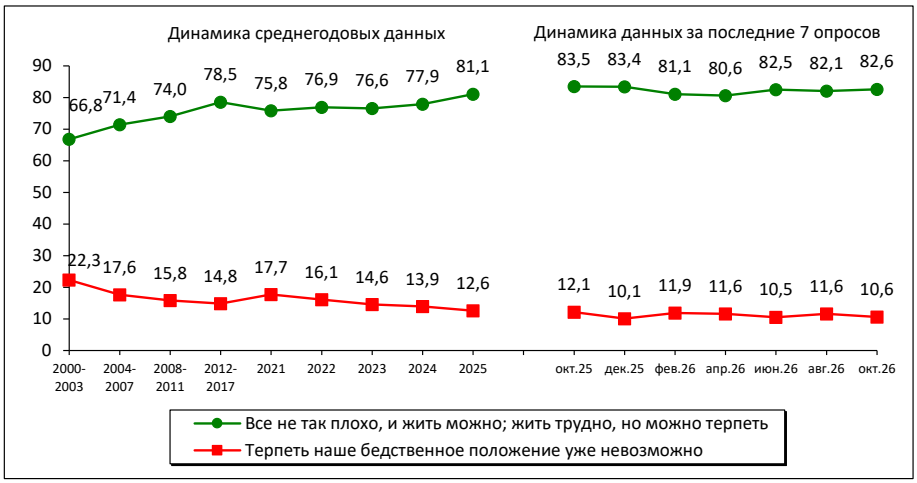


Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Нормальное состояние, прекрасное настроение	0	-1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+1	+1

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 83% жителей области в августе – октябре 2026 г. отметили, что «всё не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 11–12%.

В октябре 2025 г. по сравнению с октябрем 2026 г. значимых изменений не наблюдается.

Запас терпения

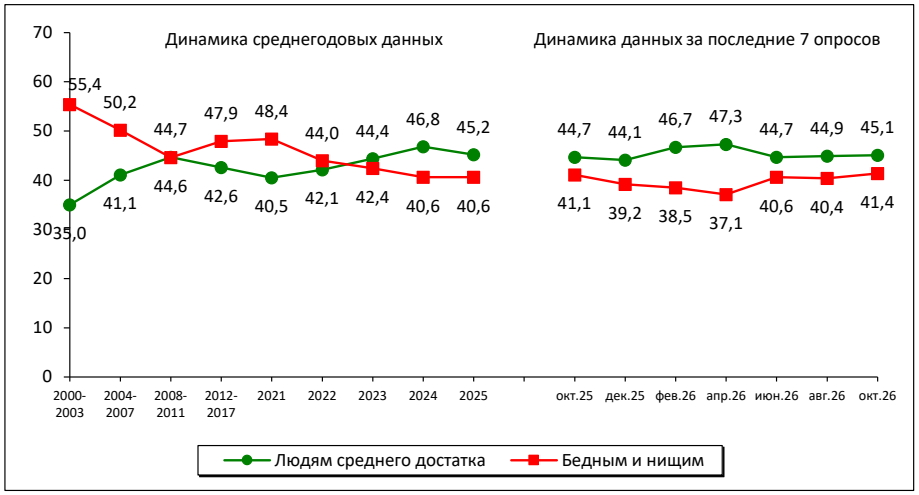


Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-1	+1
Терпеть наше бедственное положение невозможно	-2	-1

Как и в августе, в октябре 2026 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 45%. Удельный вес самоидентифицирующих себя как «бедные и нищие» также не изменился (40–41%).

В октябре 2026 г. относительно октября 2025 г. показатели не изменились.

Социальная самоидентификация



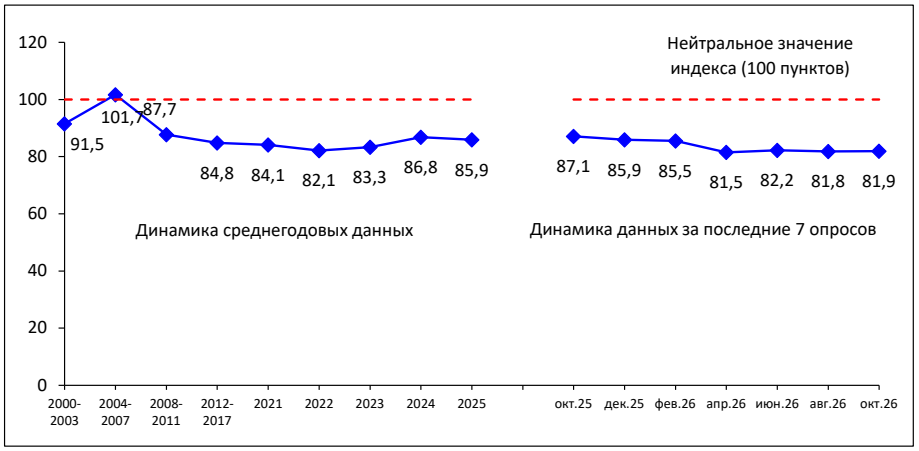
Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Доля считающих себя людьми среднего достатка	0	0
Доля считающих себя бедными и нищими	0	+1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) в августе – октябре 2026 г. составил 82 пункта.

За год измерений зафиксированы значимые изменения в ИПН: снижение на 5 пунктов (с 87 до 82 пунктов).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)



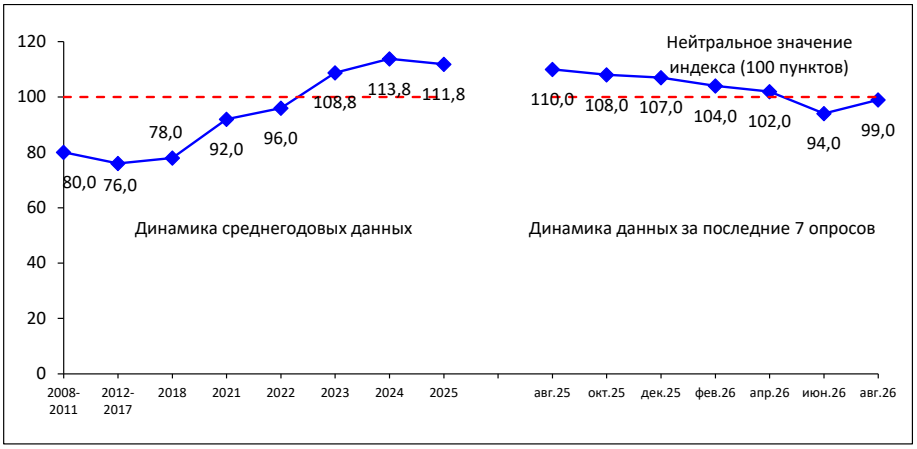
Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	окт. 2025	авг. 2026
Значение индекса, в пунктах	-5	0

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с июня по август 2026 г.), индекс потребительских настроений увеличился на 5 пунктов (с 94 до 99 пунктов).

С августа 2025 по август 2026 г. ИПН снизился на 11 пунктов.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России[5])



Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Значение индекса, в пунктах	-11	+5

Индекс рассчитывается с 2008 г.
Последние данные – за август 2026 г.
Источник: данные Левада-Центра*. URL: https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/

За период с августа по октябрь 2026 г. в большинстве социально-демографических групп существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается. Исключение составляют две группы: 20% наиболее обеспеченных – снижение на 5 п. п. (с 87 до 82%), а также лица со средним и неоконченным средним образованием – снижение на 4 п. п. (с 67 до 63%).

За год (с октября 2025 по октябрь 2026 г.) доля позитивных оценок социального настроения в большинстве основных социально-демографических групп (в 11 из 14) осталась стабильной.

Увеличение доли положительных суждений наблюдается среди 20% наименее обеспеченных (на 5 п. п.). Снижение значений социального настроения фиксируется среди молодежи до 30 лет (на 8 п. п.), в г. Вологде (на 4 п. п.) и среди лиц со средним и неоконченным средним образованием (на 5 п. п.).

[5] **С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН.** ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН – среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 – преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года, и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyj-indeks-potrebitelskihnastroenij-pokazateli-fevralya-2025-goda/

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2026 к	
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Авг. 2026	Окт. 2026	окт. 2025	авг. 2026
Пол																	
Мужской	65,9	69,1	72,8	65,7	66,8	65,5	66,5	70,7	68,2	73,3	69,1	71,9	70,7	72,1	70,3	+2	-2
Женский	61,7	65,8	69,8	67,4	67,9	65,7	70,9	72,3	73,1	73,1	70,1	68,7	71,6	72,1	71,5	-2	-1
Возраст																	
До 30 лет	71,3	72,3	79,9	73,5	77,6	75,0	76,6	76,8	75,2	74,3	69,5	67,6	66,2	68,6	67,1	-8	-2
30–55 лет	64,8	67,9	72,6	69,5	69,4	68,8	71,3	74,3	73,9	78,4	73,6	73,1	73,5	75,2	74,7	+1	-1
Старше 55 лет	54,8	62,1	65,2	60,5	61,1	58,2	63,3	66,5	65,9	66,6	64,9	67,5	70,2	69,5	67,9	2	-2
Образование																	
Среднее и н/среднее	58,4	57,2	64,8	62,1	64,6	62,0	64,6	67,2	68,4	66,1	60,6	60,4	65,0	67,0	63,0	-5	-4
Среднее специальное	64,6	66,7	72,1	66,7	68,3	66,1	70,3	73,6	71,4	75,6	71,6	74,7	73,4	72,2	72,8	+1	+1
Высшее и н/высшее	68,6	77,0	76,7	71,5	69,5	68,8	72,3	73,9	73,1	77,6	74,7	74,0	75,5	77,4	76,1	+3	-1
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	51,6	51,5	57,2	54,6	57,0	50,1	53,5	55,2	53,3	50,7	48,2	51,3	55,6	59,4	58,5	+5	-1
60% средне обеспеченных	62,9	68,7	72,1	67,3	68,1	67,4	70,7	73,2	73,1	75,2	72,2	72,7	72,0	74,4	72,1	-1	-2
20% наиболее обеспеченных	74,9	81,1	82,4	79,9	78,3	73,9	77,6	83,6	84,8	89,4	87,7	83,4	84,7	86,7	81,5	-3	-5
Территории																	
Вологда	63,1	73,6	71,0	60,3	59,8	59,6	66,0	70,2	71,4	71,9	68,1	68,8	68,1	69,5	69,0	-2	-1
Череповец	68,1	76,2	75,7	71,0	71,2	68,1	69,8	73,1	73,2	76,3	73,0	73,5	75,3	76,0	74,7	+2	-1
Районы	61,6	59,8	68,6	67,8	69,5	67,7	70,2	71,6	69,3	72,2	68,7	69,0	70,8	71,3	69,9	+1	-1
Область	63,6	67,3	71,2	66,6	67,4	65,6	69,0	71,6	70,9	73,2	69,7	70,1	71,2	72,1	70,9	0	-1
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																**14: 1 / 11 / 2**	**14: 0 / 12 / 2**

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в сентябре – октябре 2026 года.

Замеры проводились на фоне избирательной кампании в Государственную Думу РФ, прошедшей 18–20 сентября 2026 г. По её итогам явка в целом по стране, по сравнению с предыдущими выборами 2021 г., увеличилась с 52 до 60% от общего числа избирателей (или с 57 до 67 млн чел.), а поддержка партии «Единая Россия» возросла с 50 до 58% от числа проголосовавших россиян (с 28 до 39 млн чел.). Как отметил Президент РФ В.В. Путин, *«высокая явка обеспечила бесспорную, безусловную легитимность выборов… «Единая Россия» упрочила своё лидерство, а это значит, что ответственность за ход, за динамику законодательного процесса, за общий результат станет ещё выше»*[6].

[6] Выступление В. Путина на встрече с руководителями партий 28 сентября 2026 г. // Официальный сайт Президента РФ. 28.09.2026. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/80874

В Вологодской области явка на выборы возросла с 46 до 49% (с 422 до 433 тыс. избирателей). Партия «Единая Россия» здесь также одержала уверенную победу, хотя уровень ее поддержки по сравнению с 2021 г. незначительно снизился: с 34 до 31% от числа проголосовавших избирателей (или со 145 до 135 тыс. чел.).

Ключевой особенностью последней «волны» мониторинга стало замедление негативных тенденций, фиксировавшихся в течение года. Данные за два месяца (август – октябрь 2026 г.) свидетельствуют о затухании негативной динамики в оценках работы всех уровней власти. Уровень одобрения деятельности Президента РФ незначительно увеличился (с 61 до 64%). Доля положительных оценок деятельности Председателя Правительства РФ выросла на 3 п. п. В одобрении работы главы региона также приостановлено снижение. Так, после годового снижения показателей по всем уровням власти в последние два месяца наметилась стабилизация, а по ряду позиций – положительная динамика.

В разрезе ключевых направлений работы главы государства фиксируется стабилизация: оценки успешности наведения порядка в стране остаются на уровне 45–46%, защиты демократии и укрепления свобод – с незначительным ростом на 3 п. п. к августу. Оценки по подъему экономики и росту благосостояния граждан не изменились и составили 48–49%. При этом в годовом выражении сохраняется негативный фон по отдельным направлениям работы главы государства: в частности, с октября 2025 по октябрь 2026 г. доля положительных оценок работы Президента РФ по укреплению международных позиций России снизилась на 6 п. п. (с 52 до 46%),

Тревожным сигналом по-прежнему выступает динамика индекса потребительских настроений (ИПН): за год измерений он снизился на 5 пунктов (с 87 до 82 пунктов), что свидетельствует о постепенном ухудшении экономических ожиданий населения. При этом за последние два месяца значение индекса осталось неизменным (82 пункта в августе – октябре), что также подтверждает затухание негативного тренда. Тем не менее важно подчеркнуть, что при всех изменениях ИПН за год доля граждан, относящих себя к категории «бедные и нищие», остается стабильной – 40–41% (против 45% относящих себя к людям среднего достатка); за год значимых изменений по этому показателю не зафиксировано.

В региональном сообществе сохраняются важные стабилизирующие факторы. Запас терпения остается стабильно высоким: 83% жителей области считают, что «всё не так плохо и можно жить». Социальное настроение не претерпело значимых изменений как за год, так и за два последних месяца измерений.

Таким образом, данные мониторинга общественного мнения за октябрь 2026 г. зафиксировали затухание негативной тенденции, обозначенной в начале года: после годового снижения оценок деятельности органов власти всех уровней в последние два месяца наметилась стабилизация, а по ряду показателей неявная, но положительная динамика. В сочетании с результатами голосования на выборах в Государственную Думу РФ можно говорить о сохранении в целом стабильного уровня поддержки органов власти (и общего курса национального развития, реализуемого Президентом РФ), но при конструктивной требовательности к государству в решении насущных проблем, связанных с уровнем и качеством жизни населения.

О направлении динамики общественного мнения по ключевым аспектам деятельности власти в дальнейшем будут свидетельствовать результаты следующих «волн» мониторинга ВолНЦ РАН.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте **http://esc.vscc.ac.ru/info/rules**)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес **esc@volnc.ru**

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля**. Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегль) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
2) на сайте http://www.akc.ru;
3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка И.А. Кукушкина
Оригинал-макет Т.В. Попова
Корректор О.В. Лебедева

Подписано в печать 29.10.2026.
Дата выхода в свет 30.10.2026.
Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 39,2. Тираж 500 экз. Заказ № 57.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru